

ИНЕССА ДАВЫДОВА

Подари мне
свет

Часть первая

Я твое Небо

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился, как пятно.
Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.
Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.
Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю.
Что весь я твой и честь твою делю!

Уильям Шекспир

36 сонет

Глава первая «Солнце может жить только на Небе»

«Я не расставался с тобой ни на день. Ты всегда жила в моем сердце, таяла в моих объятиях, стонала под натиском моих губ. Прежде чем заснуть я слышал твои признания в любви, ощущал жар твоего тела и ласкал до умопомрачения. Миа! Никто и никогда не разлучит нас! Мы принадлежим друг другу. Наша любовь не умерла, она просто нас ненадолго отпустила».

Наши дни

Истошный непрерывный вой сирены давил на перепонки и отзывался в сердце невыносимой болью. Карета «Скорой помощи» пыталась объехать образовавшийся из-за аварии затор. Водитель чертыхался и заметно нервничал. По бледному сосредоточенному лицу врача-реаниматолога Юля понимала, что счет шел на минуты. Из-за шелкового платья, пропитанного кровью, ее стройное тело еле удерживалось на скользком сиденье.

За весь мучительный, показавшийся ей вечностью путь она ни разу не убрала свою руку с его еще теплой щиколотки. Ей казалось, разомкни она эту связь, и они больше не увидятся... Никогда! Она больше не услышит его голоса, не посмотрит в его искрящиеся страстью сапфировые глаза. Не почувствует его окутывающей всепоглощающей энергии. О-о-о, какое же это страшное слово *никогда*...

Блеск бриллианта на безымянном пальце навязчиво напоминал, что сегодня был самый непредсказуемый день в ее жизни. Запланирован он был как обычный день рождения в узком кругу близких друзей, затем перерос в спонтанную помолвку, а закончился кровавой бойней. Предложение руки и сердца могло бы логически завершить бурный роман с мужчиной, которого она наконец-то впустила в свою жизнь... если бы не *он* – ее небо...

Телефон не умолкал, а Юля не реагировала. Сейчас она не в состоянии ни с кем говорить. Ни со следователями, атаковавшими ее с первой минуты прибытия на место происшествия. Ни с родственниками, которым, конечно же, уже сообщили самые грязные и смачные подробности. Ни с близкой подругой, что осталась давать показания в том злосчастном залитым кровью месте, которое она еще пару часов назад называла своим домом.

О том, что случилось, она подумает позже, а сейчас ей нужно вырвать его из лап смерти любым способом. Потому как борется она не только за его, но и за свою жизнь. Уйдет он, большая часть ее погибнет. Останется тень, ползущая по земле. Бездушная автоматика. Пустой сосуд. Она помнила, какой была до него... и без него... отлично помнила. Он ее самая большая, пусть и запретная любовь. Смысл ее жизни. Лучик света, что ведет ее в темноте. Пока он жив – жива и она... Пусть он будет с другой. Пусть они больше не увидятся. Ей нужно, чтобы он просто жил, ибо их сердца связаны навечно, как одно целое. Их любовь никогда не поддавалась контролю. Наоборот, это она ими управляла, диктовала свои правила, наказывала, награждала, забирала... Они не могли ей сопротивляться, не могли ни в чем отказать.

Над бездыханным искромсанным, словно после нападения дикого зверя телом склонились мужские фигуры в медицинской униформе. Струйки крови стекали с носилок на пол и перекатывались при резком торможении.

– Уберите руки! – настойчиво требует врач.

Юля не реагирует, и он бесцеремонно оттаскивает ее от возлюбленного. На нее мгновенно навалилось одиночество и такое знакомое чувство потери. Накатила паника. Глаза непрерывно следили за действиями врачей.

Трубки... аппарат искусственного дыхания... фибрилляция желудочков... разряд дефибриллятора... еще разряд... еще... сплошная зеленая линия монитора... никаких признаков жизни.

Нет! Этого не может быть! Он не оставит ее! Не посмеет!

Двери распахнулись, Юлю окутал летний знойный воздух. Подняв глаза, она увидела на фоне ночного звездного неба серое девятиэтажное неприглядное здание. Кто-то из больничного персонала указал ей в сторону зоны ожидания, но Юля упрямо бежала следом за каталкой и задавала врачам вопросы, которые они почему-то игнорировали. Позже она поняла, что не говорила, а хрипела, потому как еще час назад сорвала голос, пытаясь остановить бесчеловечное избиение.

– Вы кто ему будете? – прокричала какая-то женщина в белом халате с безумными как у нее самой глазами.

Юля показала жестом, что не может говорить и та задала самый неприятный для нее вопрос:

– Вы жена?

Вместо ответа Юля замотала головой и протянула ей медицинскую доверенность, свой и его паспорт. Пробежавшись глазами по строчкам безжизненного официального текста, женщина одобрительно кивнула и изучающе уставилась на ее платье. Взгляд скользнул по разорванной бретельке, затем по синякам на руках и остановился на окровавленном платье.

– Это ваша кровь?

Юля снова помотала головой и жестом показала в сторону грузового лифта, за дверями которого только что скрылся тот, с кем ее варварски разлучили. Врачи все еще боролись за его жизнь, а значит, была надежда.

– Попросите кого-нибудь принести вам сменную одежду. Дальше по коридору есть душ. Как будут новости, к вам выйдет заведующий реанимационным отделением.

Юля кивнула и посмотрела на сильно дрожащие руки. Зубы клацали так громко, что перекрывали бешено стучащее сердце. В крови все еще гулял адреналин, как отпущенный на свободу дикий зверь. Только сейчас, когда их связь разорвали, когда от нее уже мало что зависит, она позволила случившемуся ворваться в ее сознание.

Перед глазами промелькнули кадры сегодняшней вечеринки. Вот она открывает ему дверь и на нее обрушивается его аромат и обворожительная улыбка. Как всегда безупречен и красив до одури. Он пришел один, что было странным. Промурлыкал поздравления с днем рождения и пока никто не видел, погладил ее по бедру. Тогда ей показалось, что это случайность, ведь он так давно вычеркнул ее из жизни. Он присоединяется к гостям, знакомится с теми, кого еще не знает. Вежлив, учтив, галантен с дамами. Юля знала, что с первых секунд он покорит сердце каждой из них. Знала, что они будут млеть и таять под его проникновенными взглядами. Все они почувствуют себя особенными, принадлежащими только ему. Его энергия окутает как густой туман, отделяющий их тела от окружающего мира. Даст им иллюзию, что в этом тумане только они вдвоем и остальной мир перестанет для них существовать. Их взгляды будут прикованы к его губам. Ох, она знала, что могут сотворить эти мягкие горячие медовые губы. От него невозможно уйти, невозможно спрятаться, он навечно останется в сознании каждой, к кому хоть раз прикоснется.

Юля вспомнила, что произошло в маленькой гостевой спальне. У него был нервный срыв. Истерика. Он не кричал, а вопил! Махал руками перед ее лицом, будто еле сдерживался, чтобы не ударить. Хватал ее за руки. Тряс как бездушную куклу, что в какой-то момент ей казалось, голова отвалится и покатится по полу. Его слова ранили, били в самое сердце. Он применял все запрещенные приемы, на которые только способен отчаявшийся человек. Он стал гневом, яростью, безумством... А когда это не сработало, бросил ее на кровать и накрыл своим телом. После первых же слов, что прошептали его губы, он целовал ее с такой одержимостью, что Юлю унес поток страсти и вероломных воспоминаний.

Юля обернулась и посмотрела на кровавую дорожку, оставленную после проезда тележки-каталки. Какая-то женщина в больничной униформе с безразличным видом елозила шваброй по полу. Больничный шум стал отдаляться.

Ноги подкосились, Юля хотела дойти до черных кожаных кресел, но картинка перед глазами вдруг резко перевернулась на девяносто градусов и все происходящее в коридоре она видела на уровне пола. Черные мужские туфли... белые шлепки... сандалии... мокасины... Видела... но не ничего не слышала. Только свист... протяжный... высокочастотный непрерывный свист... Тело будто налилось свинцом и вот-вот провалится сквозь этажи под землю. И откуда-то из недр прошлого вынырнули воспоминания о том самом дне, когда он вошел в ее жизнь...

Семнадцать лет назад

Алла смахнула пыль с фотографии покойного мужа и на несколько минут застыла, вглядываясь в мягкие мудрые карие глаза, нависшие густые брови, резко очерченные скулы и носогубные складки. Портрет простоял на серванте со дня похорон, почти четырнадцать месяцев. Настало время его убрать. Она раскрыла дверцу нижней секции и засунула портрет в стопку меж старых фотографий, что не вошли в семейные альбомы из-за нестандартных размеров. Именно этот жест матери подсказал Юле, что прежней жизни больше не будет – грядут перемены.

– Юльча, глянь в окно, может, подъехали?

От лихорадочного несвойственного ей волнения у Аллы тряслись руки. Это состояние передавалось тринадцатилетней девочке, которая никак не могла понять, почему у нее с сегодняшнего дня будет другой папа. Почему нельзя жить им с матерью вдвоем как весь последний год?

– Никого нет, – еле слышным голосом поведала Юля и на какое-то время застыла перед окном, наблюдая за игрой двух соседских кошек.

– Иди, переоденься, распусти и причеши волосы, – уже который раз напомнила дочери мать, – а то на ведьму похожа...

Со дня смерти отца Юля передвигалась по квартире как тень. «Ни жива, ни мертва», так говорили о ней родственники и соседи. Если мать приходила с работы злая, а в последнее время это было нередко, Юля пряталась в шкаф. Девочка называла его убежищем и начинала визжать, если мать заглядывала

внутри. От чего Алла бесилась и кричала: «Дылда малолетняя! Рост как у жирафа, а ума кот наплакал».

Когда Юля наконец-то выполнила просьбу матери – надела новое платье, распустила и расчесала волнистые волосы – в коридоре птичьей трелью залился дверной звонок. Алла бросилась к двери, на ходу поправляя прическу. Юля выглянула в коридор и увидела входящего в квартиру мужчину внушительной комплекции с огромными, как лопата, ручищами. За ним следовал белокурый подросток с мрачным выражением на лице, будто хотел выказать хозяевам квартиры соболезнования о потере кормильца с опозданием на год. Он пробухтел небрежное: «Здрасти» и засунул руки в карманы джинсов, всем своим видом показывая, что он здесь не по своей воле.

Можно было с уверенностью сказать, что в ее школе (да что там в школе, во всем городе!) он был бы самым красивым. От него невозможно было отвести глаз, а Юля даже не пыталась. Она разглядывала его, как музейный экспонат, как что-то необычное, фантастическое и инопланетное. У парня были яркие васильковые глаза. Волнистые с длинной челкой волосы. Их цвет невозможно было описать. Верхние пряди были выгоревшие, почти кипенно белого оттенка, будто кто-то их специально обесцветил, а под ними более темные – от соломенных до русых. Алые сочные губы. Гладкий немного выдающийся вперед подбородок. Ростом он был выше ее на целую голову, а Юля к своим тринадцати годам вымахала уже до метра шестьдесят шесть.

– Это моя дочка Юля, – не без гордости произнесла Алла и, повернувшись к Юле, добавила: – Это твой новый папа Сергей, а это твой брат Роман.

Роман бросил на Юлю мимолетный взгляд и тут же отвел глаза в сторону. От того что их интерес не был взаимным Юля чуть не заплакала. Ей хотелось ему понравиться, подружиться и проводить с ним время.

– Брат? – с непониманием переспросила Юля и снова уставилась на белокурого парня.

– Сводный, – уточнила ее мать, но как-то уж слишком нервозно.

В этот момент походящий на Кинг-Конга «новый папа» схватил на руки ее мать и потащил в спальню. Это зрелище застало Юлю врасплох, а особенно игривый визг матери. Девочка вздрогнула, уставилась на захлопнувшуюся с

треском дверь и стала прислушиваться. Такое поведение взрослых было для нее в диковину. Ее отец кроме как поцелуя в щечку по отношению к жене при дочери не позволял. Еще большее смущение и замешательство вызвали стоны и вскрики, от чего глаза Юли расширились и налились слезами.

– Он что, ее бьет? – подбородок Юли затрясся.

Она хотела открыть дверь спальни, где еще год назад спал отец, но на плечо легла тяжелая рука Романа. Его горячая ладонь буквально прожигала ее кожу через тонкую ткань платья.

– Э-э-э, скорее целует и хватает за грудь, – с видом знатока отозвался сводный брат. – Если не хочешь схлопотать от отца, сейчас их лучше не беспокоить. Привыкай, это будет частенько. Твои родки никогда так не развлеклись?

В отрицании Юля слишком рьяно замотала головой и от новой волны громких стонов закрыла уши. Через минуту она оглянулась, Романа уже в прихожей не было. Странно, а ей показалось, что он все еще сжимал ее плечо – оно пылало, словно пеклось в жаровне. Ей вдруг стало страшно оставаться одной, она побежала его искать и нашла в своей спальне.

– А сколько тебе лет?

– Я на два года тебя старше, – Роман брезгливо изучал ее комнату. – С завтрашнего дня буду учиться в твоей школе.

В его тоне она подметила разочарование. Юля оглядела его спортивную фигуру. Он выглядел старше своих сверстников.

– Это плохо?

– Это отстой! – развел руками Роман. – Отец встречался с одной цыпой из Москвы, меня уже там в школу определили, но у них не срослось, и вот мы здесь.

Последние три слова он произнес так, будто случайно забрел на помойку.

– О! В Москве красиво. Я там была однажды.

– Когда-нибудь я там буду жить, – уверенно выпалил Роман.

Стоны за стенкой перешли в хриплые грудные крики. Детское воображение в красках нарисовало сцены бойни. Реакция Юли была молниеносной, она заскочила в шкаф и закрыла за собой дверь. Забилась в угол и

поджала под себя ноги. Послышался ее сдавленный плач. Роман заглянул внутрь и ошарашено спросил:

– Ты чего?

– Что он с ней делает? – дрожащим голосом спросила Юля.

– Ну ты тетеха! Никогда не слышала, как сексом занимаются? – усмехнулся он. Похоже, для него происходящее было привычным делом, и Юля перестала плакать.

Сексом? Она думала это что-то приятное, а судя по вскрикам маме явно плохо.

– Не переживай, с твоей мамой все в порядке, – он тоже забрался в шкаф и сел рядом. Реакция симпатичной девчонки его позабавила и отвлекла от мрачных мыслей. – И часто ты тут прячешься?

Роман все еще сопротивлялся необычному чувству, что захватило его с порога невзрачной квартиры. Он оглядел вешалки с одеждой. Вроде, вкус у девчонки есть. На провинциалку совсем не похожа. А вот эти шортики он бы очень хотел на ней увидеть. От одной этой мысли он почувствовал прилив тепла, который закончился ударом в пах и побледнел. Прикрыл поспешно створки шкафа, оставляя узкую щель, что позволяла ему следить за дверью в спальню, и поерзал, пытаясь ослабить давление на ширинку.

Он заполнил все пространство своим неповторимым ароматом. От него пахло озоном, как пахнет воздух после грозы, и чем-то фруктовым или ягодным. Но что больше всего поразило Юлю так это исходящая от сводного брата энергия. Она сковывала, замораживала и притягивала с невероятной силой.

– В последнее время часто, – призналась Юля.

– Почему?

– Я скучаю по папе.

– А здесь ты видишь папу? – усмехнулся он над ее чудаковатостями.

– Нет, – смутилась Юля, не хватало еще, чтобы он принял ее за сумасшедшую. – Но мне тут легче.

– Любишь темноту? Значит, тебе понравится со мной гулять по ночам.

– Ты гуляешь по ночам? – ее глаза распахнулись.

Какой странный парень!

– Да. Ночью все особенное. Все настоящее. Ночью я живу полной жизнью.

– Если я просыпаюсь ночью, то уснуть потом долго не могу. Мне так страшно, что ноги судорогой сводит.

Он придвинулся и занял более удобное положение. Их лица были совсем близко. Ее дыхание участилось. Как же волнительно быть рядом с ним, с этим смелым странным парнем.

– С сегодняшнего дня я буду хранителем твоих снов.

Никто и никогда с ней так не разговаривал. Юля наградила его благодарной мечтательной улыбкой и облизнула губы. Роман застыл. От вида пухлых аппетитных губ по позвоночнику пробежал озноб. Лицо вспыхнуло. Он тяжело задышал. Ему хотелось поцеловать ее по-настоящему, но он из последних сил сдержался. Если она проболтается отец ему всыпит.

Целоваться его научила девчонка из школы, где он учился в прошлом году. Она была красивой и взрослой – старше его на два года. Он любил девчонок постарше, они более опытные и раскрепощенные. И кто бы знал до чего их отношения дошли, если бы отец резко не сорвался с места и не потащил его в Москву.

– Ты мне нравишься, – он перебрал пальцами ее кудрявые длинные волосы медного отлива, погладил ее лодыжки и... отвесил по лбу щелбан.

– Ой! – вскрикнула Юля и сморщилась.

Роман тут же накрыл ее лоб своими губами и обнял. Юля попыталась высвободиться, но он удержал ее за плечи.

– Что ты делаешь? – прописклявила она.

– Сиди тихо.

Почему-то она подчинилась, хотя сделай с ней такое ее одноклассник или сосед, тут же получил бы кулаком в глаз. Юля с виду была обманчиво нежной, но за себя постоять могла.

– Я бы поцеловал тебя в губы, но ты еще совсем зеленая... – в его голосе она различила насмешку.

Говорить о поцелуях было неловко, она замолчала, искоса поглядывая на его руку, свисающую с ее плеча. Стыдно было признаться, но ей нравилась его

близость и что он такой... раскованный. Совершенно не стесняется и говорит, о чем хочет.

– Я тебе нравлюсь?

Хорошо, что он не видит, как она покраснела... и как расплылась в улыбке.

Он знал ответ, но все же хотел услышать это от нее.

– Да, – смущенно ответила она, боясь поднять на него глаза.

Никому другому она бы в этом не призналась. Почему же ему признается?

– Ты очень красивая. Тебе кто-нибудь это говорил?

– Да. Артем, – опять признание.

– Кто это? – с вызовом спросил Роман, рука на ее плече напряглась.

– Мой одноклассник.

– Я ему завтра морду набью, – он больно дернул ее за волосы.

– Ах! – сморщилась от боли Юля. – Ты чего?

– Отныне только я могу на тебя смотреть и говорить какая ты красивая, – он прижался к ней еще сильнее и ткнулся лбом ей в висок.

– Но мы с ним сидим за одной партой с первого класса. Я не хочу, чтобы ты бил моих друзей.

– Тогда пусть они мне не дают повода.

У Юли от удивления округлились глаза. Этот парень очень странный! Знает ее не больше часа, а уже раскомандовался. Но тут его взгляд смягчился, и он улыбнулся. От его улыбки девичий мыслительный поток остановился.

– Если тебе будет страшно, не обязательно лезть в шкаф. Просто скажи мне об этом, и больше страшно не будет.

Что конкретно он имел в виду, она не поняла, но сразу поверила. С ним ей никогда не будет страшно.

– Хочешь меня поцеловать?

Она смущенно замотала головой.

– Вот еще!

Роман залился заразительным смехом.

– Ой, посмотрите кто у нас тут? Скромница? – горячо зашептал он ей на ухо, от чего ее передернуло, а тело покрылась мурашками. – Со мной можешь не скромничать. Говори то, что думаешь и чувствуешь. Юля. Юленька. Юлия, –

смаковал он ее имя на разный манер. – У тебя волосы цвета ржавчины. Я тебя сфотографировал, как только в квартиру вошел, – он сложил пальцы, показывая воображаемый фотоаппарат, и щелкнул языком.

Что значит «сфотографировал», она спросить не успела, Роман начал ее щекотать и дразниться. Хихикая, Юля выворачивалась и извивалась. Не удержалась на затекших ногах и вывалилась из шкафа. Он выпрыгнул следом, и оба закатились раскатистым смехом. Так весело ей еще никогда не было. Она смотрела в его глаза, и казалось, что все ее существо проваливается в бесконечную синеву.

– Ты похож на небо, – она взъерошила его жесткие пряди, – это перьевые облака, а это... – Юля приложила пальцы к уголкам его глаз, – небо!

– А ты на солнце! Так что мы неотъемлемая часть друг друга. Солнце может жить только на небе.

Он перекатился к ней ближе и погладил ее щеку.

– Все рыжики с веснушками, а ты нет... но ты ведь и не рыжик... ты ржавчина...

От смущения Юля закрыла лицо руками. Роман тут же включился в игру.

– Ой, посмотрите на эту скромницу! Еще и закрывается от меня...

Он пытался отлепить ее руки от лица, но она упиралась. Даже когда ему ненадолго удавалось это сделать, она, хихикая, снова закрывалась.

– Скажи, что я твое небо, – взволнованно прошептал он ей на ухо.

– Нет! – ответила игриво Юля, смотря на него через растопыренные пальцы... но как же ей хотелось это сказать.

– Скажи! – настаивал Роман.

– Что это вы делаете?!

Крик Аллы заставил детей вскочить на ноги.

– Мы дурачимся, – улыбаясь, проворковал Роман и убрал непослушные волосы со лба.

Разрумянившееся лицо и виноватый вид дочери красноречиво говорил о том, что Роман Юле понравился не как брат. Задержав на подростке оценивающий взгляд, Алла нахмурилась и сложила руки на груди.

– Я хочу, чтобы вы уяснили кое-что, молодой человек, – начала она назидательным тоном, а Роман закатил глаза. Видимо для него это был привычный разговор. – Держите свои руки от моей дочери подальше. Отныне между вами будут только родственные отношения. Вы будете помогать друг другу, защищать и поддерживать в трудную минуту, но никаких рук, тем более чего-то бóльшего.

– Вы забыли заключительную часть – самую важную, – с саркастической улыбочкой проговорил Роман, – которая эффективно простимулирует мое подростковое неокрепшее сознание.

Алла свела брови домиком. Ничего себе пацан! А она его недооценила!

– А то что?.. – подсказал Роман, не дождавшись окончания ее тирады.

Глянь, какой умник! Алла вспыхнула как бенгальский огонь. На этот раз он ее сильно разозлил.

– А то я тебе собственноручно яйца оторву и засуну в задницу! – со злостью выпалила Алла.

Юля резко отшатнулась и ударилась затылком об стену. Такого от матери она никогда не слышала. Сегодня был день насыщенный странными событиями, но самым странным было поведение матери.

– Хо-хо-хо! – засмеялся Роман и прикрыл кулаком свои алые губы. Затем склонился перед ней с нарочитой вежливостью и помахал воображаемой шляпой. – Прекрасная речь сеньора, а главное полна художественного смысла. Надеюсь, вы хорошо провели время, чувствуете себя полностью удовлетворенной, и наконец-то покормите усталых путников с дороги.

Прежде чем Алла смогла хоть как-то отреагировать, парнишка пулей выскочил из комнаты и через минуту его смех уже послышался из кухни, где отец шарил в холодильнике в поиске еды.

– Какой паршивец! – воскликнула Алла и двинулась в коридор, на ходу зовя Сергея.

Юля выскочила следом, ей хотелось посмотреть, как мать накажет Романа за дерзость и чем он ответит.

– Что случилось, Пирожочек? – ласково спросил Сергей и обнял Аллу за талию.

Он прожевывал кусок отварного мяса из остывшего супа и смотрел на нее такими щенячьими глазами, что Алла разомлела и заговорила совсем другим тоном.

– Ты не сказал, что твой сын такой острослов.

– А ты ненасытная особа, Пирожочек, еще не остыла наша постель, а ты уже засматриваешься на моего сына?

Алла захихикала и игриво ударила его по плечу, но заметив в коридоре дочь, переменялась в лице.

– Заткнись, тут же ребенок.

Казалось, Сергей впервые обратил внимание на молчаливую девочку, оторопело наблюдающую за происходящим. Несмотря на свой совсем недетский рост, она выглядела испуганной, словно побитый морозами воробушек.

– Иди ко мне, зеленоглазая, – Сергей распахнул объятия, будто они самые близкие люди и давно не виделись.

Вопросительно взглянув на мать и получив ее одобрение, Юля сделала робкий шаг и оказалась в тисках клокочущей энергии. Она обжигала и обволакивала, пугала и заставляла впасть в оцепенение. Сергей рассмотрел ее лицо и погладил волнистые волосы.

– А ты у нас красавица.

– Эй! – Роман выдернул из рук отца Юлю, схватил ее за плечи и повел на кухню. – Сеньор, негоже обнимать чужих девушек.

Алла ахнула и подбоченилась.

– Глянь на него! Ведет себя, будто ее хахаль!

Но вместо того чтобы поддержать Аллу, Сергей во весь голос расхохотался.

– Как же я проголодался! – с довольным видом выпалил он. – Пирожочек! Ты будешь меня сегодня кормить или нет? Если не снабжать меня топливом, двигатель забарахлит...

Он с размахом шлепнул ее по заду и подтолкнул в сторону кухни. От звука шлепка Юля вздрогнула, но уже в следующий миг потонула в синеве неотрывно следящих за ней глаз.

Готовясь ко сну, Юля переделалась в летнюю пижаму, состоящую из укороченных штанишек и футболки без рукавов, и отправилась в ванную чистить зубы. Проходя мимо спальни матери, она услышала отчетливый разговор.

– Из-за всех моих перипетий Ромке пришлось хлебнуть по полной. Ты же меня знаешь, я еще та зажигалка. А куда его девать? Он везде со мной. А окружение разное. Может, я давно бы якорь кинул, не скрою, но он всегда был несчастен. И я, глядя на его тоску, снова срывался с места и волок его дальше в надежде, что где-то он обретет настоящий дом.

Юля припала к щели в двери. Сергей надевал рубашку и застегивал пуговицы. Ее мать сидела за туалетным столиком и красилась.

– Я все понимаю, Сереж, но он смотрит на нее так странно... жадно, что ли... не знаю... не как на сестру...

– Он хороший парень, Пирожочек. Для твоего спокойствия я поговорю с ним еще раз, но ты не волнуйся, – он положил ей руки на плечи, их глаза встретились в зеркальном отражении. – Я не видел его таким счастливым со дня последнего отпуска с его матерью. А чтобы он еще и острил... это говорит о том, что ему здесь хорошо. Конечно, он не считает ее сестрой, ну так это нормально, они же только познакомились. Откуда взяться братским чувствам?

В этот момент рука Романа зажала Юли рот, другой рукой он обхватил ее за талию, приподнял, протащил до кухни и ногой закрыл за ними дверь.

– Тебе не стыдно? – нарочито грозно упрекнул ее Роман, ставя на ноги. – Стоишь, в наглуую подслушиваешь!

Щеки Юли зарделись, она отвела виноватый взгляд. Несколько секунд он держался, потом прыснул от смеха.

– Ты бы видела себя сейчас! – он отвесил ей щелбан и прислонился к стене. – О чем они говорили?

– О тебе... – промямлила Юля, потирая лоб и все еще смущаясь.

Он жестом дал понять, что ждет подробности.

– Твой папа сказал, что тебе здесь нравится и он доволен.

– И все? – недоверчиво уставился на нее Роман.

– Они это долго обсуждали, – оправдалась Юля, робко поднимая на него глаза. – Ты не скажешь им, что я подслушивала?

– М-м-м, дай подумать, – он потер подбородок, делая вид, что раздумывает. Выражение лица у него было как у самодовольного падишаха, в чьих руках судьба беглой рабыни. – Ты совершила очень плохой поступок, скажи я отцу, тебя бы непременно наказали...

Юля обреченно вздохнула и уронила голову на грудь. Как же стыдно! Больше всего она боялась осуждающего взгляда матери.

– С другой стороны... – она подняла на него полные надежд глаза. От нахлынувших чувств он едва не захлебнулся, – мы могли бы договориться...

– Договориться?

– Да, договориться, – взволнованно отозвался он, по ходу придумывая, что бы такое выторговать.

– О чем?

– Ты будешь перед сном желать мне спокойной ночи вот так, – он поцеловал ее в щеку, чувственно, медленно, слегка посасывая кожу.

Этот поцелуй отличался от тех, что были у нее с другими мальчишками. Юля мгновенно покраснела и отшатнулась, она уже открыла рот, чтобы сказать ему все, что думает по этому поводу, как распахнулась дверь и на кухню заглянула ее мать.

– У вас тут все хорошо?

Она застегивала наручные золотые часики на запястье и переводила пыливый взгляд с дочери на Романа.

– Юля раздумывает, пойти лечь спать или покаяться.

Глаза Юли распахнулись от страха. Сейчас он точно ее сдаст со всеми потрохами. Она метнула в него предупреждающий взгляд.

– Покаяться? – уточнила Алла и пригладила волосы. – В чем?

– Ни в чем, мам. Это у него такие приколы, – сбивчиво пояснила Юля и, переведя взгляд на Романа, добавила: – На самом деле я хотела сказать *всем* спокойной ночи и лечь спать.

Ее намек он понял. На лице Романа отразилась довольная ухмылка.

– Вот и молодец, – Алла чмокнула дочь в лоб, оставляя след от красной помады. – Мы идем в кино, будем через два часа. – Она снова перевела взгляд на Романа. – Я постелила тебе на диване. Это временный вариант. На выходных мы устроим себе гнездышко в гостиной, а из моей спальни сделаем твою комнату. Как тебе такая идея?

– Своя комната? Кто откажется от своей комнаты? – ровным голосом отозвался Роман, но Юля поняла, что эта идея ему очень понравилась.

Не дожидаясь ухода матери, Юля выскочила из кухни с пылающим лицом. Закрыв дверь ванной, она включила воду и склонилась над раковиной, пытаясь отдышаться. Когда паника утихла, она подняла глаза и увидела свое отражение в зеркале. Боже! Кто это? Какая-то девочка с безумными глазами. Щеки красные, как томатный сок, в глазах плещется огонь, крылья носа раздуваются, как меха у гармони. По телу волнами разливается тепло. В ней словно что-то расцвело... неведомое... сладкое... щемящее... Оно щекотало нервы, будоражило кровь и навевало фантазии о необычном парне по имени Роман.

Когда она шла в свою комнату, то заметила, что Роман уже лег: дверь в гостиную была закрыта, свет выключен. Не спеша она собрала рюкзачек, приготовила одежду к школе и легла спать. Накрывшись легким одеялом, Юля повернулась на бок и закрыла глаза. День был такой насыщенный, что на осознание всего происходящего не хватит и недели. Заходить в гостиную она не собиралась. Еще не хватало целовать парня, которого не знает даже и дня.

Уже засыпая, Юля услышала, как гитара выдала первые аккорды, будто пробуя ночную тишину на вкус. Она прислушалась. Никто из соседей не играл на гитаре. А потом Юля поняла, что звук исходит из их квартиры. Себя она осознала, когда уже стояла на пороге гостиной перед распахнутой дверью. Будто на считанные секунды она не просто не контролировала свое тело, а полностью отсутствовала.

С голым торсом, в одних джинсах Роман сидел на краю разложенного дивана и играл на гитаре вступление к песне. Гитара была обклеена наклейками с названиями разных стран и городов, будто чемодан, принадлежащий вечному

страннику. То, что Роман будет петь, Юля поняла, когда он прочистил горло. После длинного вступления он тихо затянул песню на итальянском языке. Еще неокрепший после ломки голос звучал робко, словно делал первые шаги. Но Роман вкладывал в его звучания столько души и чувств, что Юля ощутила, как отзывается на его голос каждой клеточкой своего тела.

Мелодия была грустная, но очень запоминающаяся. Юля засмотрелась на его длинные пальцы, так красиво перебирающие струны. Роман изредка поднимал на нее почти черные в полутьме глаза. Они обволакивали ее, проникали в самые потаенные глубины, заставляя трепетать рвущееся наружу сердечко. Его взгляд скользил по ее нежному, почти детскому лицу, затем резко срывался вниз и останавливался на стройных ногах, от длины которых у него кружилась голова. Ей казалось, что в этот момент на земле существуют только они и эта комната. А он еле справлялся со своим волнением, фальшивя, ошибаясь в аккордах – еще никогда он так не реагировал на близкое присутствие девушки. Да собственно она еще не девушка, а совсем ребенок.

– О чем эта песня? – спросила она, когда он отложил гитару в сторону.

– Отвечу, если пожелаешь мне спокойной ночи, – лукаво улыбнулся он и показал на щеку.

Юля нахмурилась.

– Думаешь, я глупая?

– А я так сказал? – он насторожено прищурился и поднялся с дивана.

– Расставил ловушки, а я такая дура попалась в них? Я все понимаю... что ты делаешь и зачем...

– Да? – Роман медленно двинулся в ее сторону. – Тогда это все упрощает, – и более серьезным тоном добавил: – Если ты *действительно* понимаешь.

Он навис над ней всем своим внушительным ростом.

– В прошлом году я была в летнем лагере и познакомилась с Максимом. Он был из другой школы. Вы с ним чем-то похожи. Не внешностью. Тебе тоже нравится играть с девчачьими сердцами. Он ухаживал за мной неделю, и чем больше я его отвергала, тем сильнее добивался нашего свидания. В конце концов, я сдалась. Он поцеловал меня, а на следующий день стал ухлестывать за моей

подругой. Интересно, сколько девочек плакало в подушку, – она ткнула указательным пальцем ему в грудь, – после того как *ты* их бросил?

Роман засунул руки в карманы джинсов и смотрел, как Юля скрылась за дверью своей комнаты. Он не любил, когда его с кем-то сравнивали, да еще с каким-то несмышленишем, неспособным распознать истинную красоту. И не в его правилах оставлять последнее слово за девчонкой. Он встряхнул головой. Она только что его отвергла? Или ему показалось?

Он влетел в ее комнату и сдвинул испуганную Юлю к стене. Лег рядом, обнял и тут же попал в плен ее тонкого аромата. Юля пахла лесным диким ландышем и кедром.

– Твой Максим дурак. Как можно добиться твоего поцелуя, а потом уйти к другой? Я бы никогда так не поступил.

Она подняла глаза и с ухмылкой ответила:

– Видимо, мой поцелуй ему не понравился.

– Я научу тебя целоваться.

Юля вся сжалась. По ее затрепетавшим длинным ресницам он понял, что сильно ее смутил, что она еще не готова к тому, что он так от нее жаждет и тут же перевел тему их ночного разговора.

– Еще я думаю, ты целовала не того парня.

– Как узнать, твой это парень или нет?

– Нужно задать себе простой вопрос: «Можешь ли ты жить без его поцелуя?». Если сможешь, он не для тебя. Если будешь мучиться, не спать, будешь думать только о нем... о его губах... тогда это он... твой парень.

– А ты задаешь себе этот вопрос, прежде чем целуешь девочек?

– У парней все происходит по-другому, – он отбросил нависшие на глаза волосы. – Мы многое делаем из простого любопытства и из-за своих потребностей, которые от девчачьих *очень сильно* отличаются. До сегодняшнего дня меня это не интересовало. Я даже не задумывался на эту тему.

Молчание повисло в воздухе. Роман видел, как она хочет услышать продолжение. Он намеревался немного помучить упрямицу, но изнывающая от нетерпения Юля смотрела на него с такой мольбой, что надолго его не хватило.

– Я сегодня задал себе этот вопрос, пока ты чистила свои перышки в ванне, – он немного помолчал. – И вот что я подумал...

Когда он закатил глаза, и она поняла, что пауза снова затянется, Юля двинула его кулаком в бок, и Роман чуть не свалился с кровати.

– Хо-хо-хо! Ударчик что надо! – явно удивленный, он потер место удара.

– Хватит надо мною издеваться!

– Это я-то издеваюсь? – полушутливо возмутился Роман и, схватив ее за подбородок, повернул к себе хрупкое личико и разразился речью с театральным апломбом: – Это вы, мадмуазель, продефилировали мимо моей комнаты, как гусыня, несущая золотые яйца, и разбили мне сердце, – он нахмурился, – хм... яйца и сердце в одном предложении... звучит не очень... – он прижал руку в груди, изобразил на лице страдание. – Я ждал... надеялся, что вот-вот откроется дверь... и впорхнете вы... и скажете, что жаждете моей любви... но, увы... принцесса-зеленоглазка со скоростью света сиганула в свои покои.

Оба прыснули от смеха. Напряжение ушло так же быстро, как выходит из легких воздух на выдохе. Их взгляды сначала были улыбочивыми, потом стали более проникновенными.

– Я подумал, если она меня сейчас не поцелует, я не доживу до утра, – тон еще был шутливым, но глаза уже не улыбались. Мысленно он уже терзал ее губы и представлял, какими они будут припухлыми и налитыми кровью, когда он от нее наконец-то отлепится.

– Притворщик и сердцеед! Я вижу тебя насквозь!

Услышав ее слова, Роман изменился в лице, и Юля поняла, что обидела его, а как исправить ситуацию не знала.

– Никогда так больше не говори, – со злостью выпалил Роман, одним рывком спрыгнул с кровати и выскочил из комнаты.

Ему нужно было остыть, и подвернулся удачный повод. На самом деле он не сердился, но от ее близкого присутствия его плоть так отвердела, что он начал задыхаться от накрывающей его волны страсти. Такого он никогда ни к кому не испытывал, даже та девчонка, что научила его целоваться, не вызывала в нем такого желания, как Юля.

Он заскочил в ванну, отдышался и умыл лицо холодной водой, но напряжение не отпускало. Тогда он скинул с себя одежду и встал под холодный душ. Голова мгновенно просветлела, напряжение спало, и он с облегчением вздохнул. Интересно, что будет завтра утром? По утрам ему и так тяжело, а еще Юля будет мелькать перед глазами.

Зажав кулачками одеяло, Юля заплакала от бессилия и беспомощности. Ей не хотелось, чтобы Роман уснул с обидой на нее. Это его первый день в новом доме. Но что сделать, чтобы разрядить между ними напряженность? Из ванны послышался шум воды. Вот сейчас он примет душ и уйдет спать на диван. Минуты казались вечностью, лицо пылало, ее всю потрясывало.

К счастью он сам вернулся и, увидев слезы на ее лице, снова лег рядом.

– Прости, я не хотела тебя обидеть... – голос ее дрожал.

Роман повернул голову и посмотрел ей в глаза.

– Не знал, что ты такая плакса, – он отвесил ей щелбан. – Ты знаешь, что нужно сделать, чтобы я тебя простил.

Юля зажмурилась и снова напряглась. Ну почему он не оставит эту тему?

– Ты же слышал, что мама сказала. Теперь мы брат и сестра.

– Плевать я хотел, кто что скажет, – огрызнулся Роман, – тем более твоя мама. Уж прости.

– Но она права, – Юля приподнялась на согнутом локте.

– Юль? Ответь мне честно на один вопрос, – они сверлили друг друга взглядом. – Если я приведу домой девчонку со школы, и буду целовать и зажимать ее на диване, между нами все будет, как и прежде?

На мгновение Юле показалось, что она попала в открытый космос. Ни рук, ни ног она не чувствовала. Охватившая ее невесомость лишила способности не только двигаться, но и говорить. Юля упала на спину и со стоном выдохнула. Она не знала, что будет с ней. Она даже не думала, что такая ситуация возможна.

– Вот видишь? Значит я для тебя не просто сводный брат?

Как меньше чем за сутки она могла попасть в такую ситуацию? Юля не могла поверить в происходящее. Это было словно во сне. Одним своим появлением он перевернул весь ее мир, и она уже всерьез обдумывает, как бы нарушить запрет матери, а такого вольнодумия она себе никогда не позволяла.

– Ты не представляешь, что будет, если мама узнает... если кто-то об этом узнает... Могут пойти пересуды. На нас будут косо смотреть.

Он тяжело вздохнул, взял ее руку в свою, и раскрыл ладонь. Поднес к губам и стал нежно целовать каждый бугорок. Затаив дыхание Юля следила за его движениями.

– Та песня о любви, – сказал он, перевернулся на бок и положил ее ладонь себе на щеку. Их лица были в сантиметре друг от друга. Его горячее дыхание согревало ее лицо. – Называется она: «Grazie amore mio». Спасибо любовь моя.

– Почему она такая грустная?

– Потому что он не может сказать своей любви «прощай», даже когда она приносит ему столько боли и страданий, что сжигает его сердце в пепел. Даже тогда он говорит ей спасибо за то, что она не закончится никогда. Мир вокруг него рушиться, но его любовь не умрет, – он обвил руками ее голову, вдохнул запах шелковистых волос и зашептал на ухо. – Amore mio. Ты моя. Миа. Так я буду тебя называть. Я всегда буду тебя любить и буду ждать. Приходи когда будешь готова, и я обрушу на тебя всю свою любовь. Моя Миа...

– Когда ты так говоришь, мне страшно, – призналась она.

Он взглянул на наручные часы.

– Киносеанс уже закончился, посему мой визит подходит к концу. Благодаря вам, синьорина, этот день я запомню на всю жизнь, – он погладил ее щеки, волосы и поцеловал в шею. Улыбка сошла с губ. Его голос стал волнующим и просящим: – Миа, пожелай мне спокойной ночи.

Немного помедлив, Юля все же решилась. Прохладными дрожащими ладонями она обняла его лицо и потянулась губами к впадинке под скулой. Роман закрыл глаза. Как прилежная ученица Юля в точности повторила его поцелуй, только сделала это медленно и чувственно.

– Спокойно ночи, Роша.

Его веки затрепетали, ему очень не хотелось возвращаться в реальность, а провести хоть еще минуту там, в том моменте, где ее теплые губы только что прильнули к его коже.

– Роша?

– Да, – она улыбнулась. – Сокращенно от ромашка.

– Миа. Спокойной ночи, любовь моя... – он приложил палец к ее пухлым губам, – запретная, но такая сладкая... отныне все твои поцелуи – мои. Слышишь?

Она кивнула, а он вскочил и словно вихрь быстро покинул ее комнату.

Юля лежала на спине и с совершенно обалдевшим видом таращилась в потолок. Ее волнистые волосы цвета ржавчины веером рассыпались по подушке. На лице расплзалась блаженная улыбка. Сегодня в ее жизнь вошел смелый, страстный и веселый парень по имени Роман. Он раскрасил ее серый мир радужными красками, вызвал шквал совершенно новых приводящих в смятение эмоций и навсегда поселился в ее сердце.

Наши дни

– Юлия! Вы слышите? Юлия! Откройте глаза!

Чей-то настойчивый мужской голос вырвал ее из забытья. Она резко выбрала в легкие воздух, будто не дышала несколько минут.

– Где я? – прохрипела Юля, прежде чем осознала, что лежит на полу в приемном покое.

Над ней склонился врач «Скорой помощи», тот самый, что пытался вернуть ее брата к жизни. Юля сразу его узнала и схватила за запястье.

– Как он, доктор?

– Т-с-с-с... вам лучше поберечь связки. Он жив... по крайней мере, был, когда я выходил из его бокса, – Юля громко и тяжело вздохнула. Доктор понимал, что от этой новости ей не полегчало. Слишком был велик риск, больной и сейчас на волосок от смерти, может до утра недотянуть, но ему хотелось дать ей надежду. – Он в хороших руках. Знаю, обстановка не очень, – он показал на потрескавшуюся штукатурку на стенах, – но поверьте, здесь лучшие в районе врачи-реаниматологи.

Опираясь на его руку, Юля присела и схватилась за голову.

– Я упала в обморок... – прошептала она.

– Бывало такое раньше?

Доктор наклонил ухо к ее рту, чтобы в какофонии больничных звуков и голосов расслышать ее ответ.

– Да, это из-за беременности...

– Вы беременны? – доктор бросил на кого-то многозначительный взгляд.

Юля повернулась и увидела женщину лет сорока в белом халате. – Сейчас вас отвезут в терапию. Осмотрят, возьмут анализы, сделают тесты.

– А вы? – Юля все еще держалась за его руку, как утопающий за спасателя.

– А у меня следующий вызов.

Юля кивнула, она не может его задерживать, каким бы надежным и необходимым он не казался.

– Спасибо... – она наградила его благодарной улыбкой. Только за то, что он боролся за жизнь самого близкого ей человека, она была готова целовать ему руки. – Я вам очень благодарна. Это вы спасли ему жизнь.

– Это моя работа, – теперь его тон был деловым, холодным.

Он помог ей подняться и передал на попечение врачам больницы. Когда она ложилась на каталку, он обернулся и сказал:

– Юлия! – она подняла на него глаза. – Отнеситесь к своему здоровью с повышенным вниманием. Если он выкарабкается, вы будете ему нужны здоровой и сильной.

Благодарным взглядом она проводила врача до двери. Юля нуждалась хоть в чьей-то поддержке, пусть даже совсем чужого человека. От близких она ее не дождется. Как только разлетится весть о случившемся, она окажется по одну сторону, а все остальные по другую, и Юля это прекрасно понимала. Много лет назад она избежала этой участи, но сейчас все вернулось как бумеранг, как непрожитый урок, несданный экзамен, но гораздо в худшем варианте. Тогда, десять лет назад, им нечего было терять, и никто, кроме родителей, не мог пострадать от их связи. Теперь же есть... и многое... Перед глазами Юли промелькнули лица близких людей, как же больно будет с ними завтра говорить.

Жизнь будто проверяет ее на прочность. Дает новые испытания и наблюдает, выдержит ли их Юля или сломается. Если выдержит, то за следующим форс-мажором дело не постоит. Не пройдет и полгода, как ждите в гости новый коллапс. Может, поэтому она научилась выживать в тяжелейших условиях и в жесточайшей конкуренции.

После обследования к Юле в палату пришел дежурный врач и настоял на снотворном. Юле нужно отдохнуть, набраться сил. Сначала она устроила допрос врачу о состоянии брата и только потом заверила, что уснет сама. Перенесенный стресс свалит ее с ног сразу, как только она уронит голову на подушку. Но врач продолжал настаивать и Юля уступила.

Прежде чем ее сморил сон, она смотрела через окно на ночную Москву и думала, что ей принесет завтрашний день. Роман в реанимации между жизнью и смертью. Ярик наверняка уже арестован, и ему грозит тюремный срок. Она беременна, и судя по всему, будет растить ребенка одна.

Что она сделала не так? Что? Почему сейчас все это свалилось на ее голову? Слезы застилали глаза. Комок подкатил к горлу. Сердце сжималось от боли. Прежде чем ее сморил насильственный мучительный сон, перед глазами возник образ возлюбленного, а его горячий шепот пронзил все тело:

«Я не расставался с тобой ни на день. Ты всегда жила в моем сердце, таяла в моих объятиях, стонала под натиском моих губ. Прежде чем заснуть я слышал твои признания в любви, ощущал жар твоего тела и ласкал до умопомрачения. Миа! Никто и никогда не разлучит нас! Мы принадлежим друг другу. Наша любовь не умерла, она просто нас ненадолго отпустила».

Семнадцать лет назад

– Юльча, вставай! Завтрак на плите! Я убегаю на работу! – Алла растолкала дочь и помчалась в прихожую. Подправив прическу перед зеркалом, она с довольным видом схватила сумочку и выскочила из квартиры.

Пережитые накануне впечатления казались сном, который ушел из жизни Юли вместе с последней потухшей звездой в предрассветном небе. Это и понятно, такое не может быть реальностью. Если бы Юле приходилось испытывать подобное каждый день, ее сердце бы не выдержало и разорвалось от восторга и переизбытка чувств. Девочка тешилась этим неуклюжим объяснением, когда наконец-то уговорила себя встать с кровати. Взглянув на часы, она помчалась в ванную. Распахнула дверь и... увидела улыбающегося Романа. Он стоял перед раковиной обнаженный, обмотав бедра полотенцем.

– Ой, посмотрите кто у нас тут? Растрепала, – промурлыкал Роман, втянул ее в ванную и еще больше взлохматил ей волосы. – Как спала?

Забыв как дышать, Юля застыла на месте. Это не сон! Это реальность!

– Э-э-э... я спала... – только и смогла вымолвить Юля, но страх быть пойманной за чем-то неприличным заставил ее насторожиться. – А если твой папа увидит, что мы в ванне вдвоем?

– Он дрыхнет. В такую рань его пушкой не разбудишь, – он поцеловал ее в щеку, медленно и чувственно, как она накануне. Провел указательным пальцем по ключице. – Я соскучился. Всю ночь думал о тебе. А ты? Ты обо мне думала?

Лицо Юли зарделось, как же приятно слышать такие слова, но она была неопытна в любовных вопросах и не знала что отвечать, поэтому сказала правду.

– Когда? Я же спала.

Роман убрал руку и отстранился. Лицо стало жестким, неприветливым. Юля поняла, что снова разочаровала его. Она закусил губу, как же сложно с парнями.

– Я опять сказала что-то не то... – Юля потупила взгляд, подбородок затрясся. – Прости...

Он с шумом выдохнул, обхватил ее за талию и осторожно притянул к себе.

– Это ты меня прости. Я веду себя с тобой неподобающе. Ты еще совсем маленькая, хотя выглядишь как девушка. Мне нужно притормозить, а то я тебя до обморока доведу, – он заглянул ей в глаза. – А может, мне перестать говорить с тобой о чувствах? Может, тебе рано еще такое слышать?

Юля аж вздрогнула, в глазах отразился испуг. Она сама не ожидала от себя такой реакции, но, похоже, выдала себя.

– Ладно, я просто спросил. Миа, я очень-очень-очень хочу пожелать тебе доброго утра. Можно?

Она кивнула, а что тут такого... пусть пожелает.

Его губы потянулись к ее губам и застыли в сантиметре. Она видела, как искрятся его глаза. Лицо светится от счастья. Он расслаблен и нежен. От волнения руки подрагивают на ее талии.

– Моя медовая девочка.

Еле касаясь губами, он заскользил сначала по нижней губе, потом по верхней. Из ее груди вырвался стон. Ощущения были такими трепетными, что Юля закрыла глаза.

– Не могу поверить, что нашел тебя. Иные люди ищут свою любовь всю жизнь, а я нашел тебя в пятнадцать. Скажи, что я твое небо.

Юля открыла глаза и хотела уже произнести эти слова, как в коридоре послышался мужской кашель, открылась и закрылась дверь туалета. Оба вздрогнули. Юля хотела отпрянуть, но Роман сжал ее еще крепче.

– Т-с-с-с, – он приложил палец к губам и зашептал ей на ухо: – Скажи... и я отпущу тебя.

– Ты мое небо, – дрожащим голосом прошептала Юля, испуганно поглядывая на дверь.

– А ты мое солнце, – отозвался Роман, после чего сразу выскочил из ванной комнаты.

Только закрыв дверь на щеколду, Юля смогла выдохнуть. Она прислонилась к кафельной стене и громко задышала. Если так будет начинаться каждое утро, она не сможет даже до школы дойти, а о концентрации внимания на уроках речь уже не шла.

Завтракали втроем. Вопреки прогнозам Романа его отец встал рано и собирался идти искать работу. Роман подметил, как лихо Юля управляет на кухне. Она накрыла на стол, порезала хлеб и сделала салат. Движения проворные, быстрые. У него уже был опыт проживания со сводными сестрами, и ни одна из них так себя не вела. Девчонки сидели за столом, как в гостях, и ждали, когда матери принесут им все на тарелочке. Юля же обслуживала не только себя, но и их с отцом. От нее исходил приятный аромат. Иногда она еле касалась его руки, он понимал, что это случайность, но каждый раз закрывал глаза от удовольствия. Нет, он определенно никогда ничего подобного не испытывал. Она просто сводила его с ума.

Оценив содержимое сковородки, Юля распределила на две тарелки жареную картошку и сосиски и поставила перед новыми жильцами квартиры. Мужчины тут же приступили к завтраку, а ей пришлось нырнуть в холодильник.

Юля как раз доедала творог со сметаной, когда почувствовала, как к ее ноге прижалась нога Романа. Она замерла и кинула на него осторожный взгляд.

– Как ты это ешь? – сморщился Роман и показал на творог.

В дипломатии Юля была не сильна, что думала, то и говорила.

– А что делать? На троих там точно бы не хватило.

За столом воцарилось молчание. Сергей так и застыл с раскрытым ртом и с нанизанной сосиской на вилке.

– Черт! Вот я олух! – Роман вскочил и кинулся к плите.

– Что ты делаешь? – Юля сжалась, не понимая, что на этот раз не так.

– Пожарю для тебя картошку, что еще... – проворчал Роман, – и пока ты не поешь, в школу не пойдем.

– Не надо! – Юля вскочила и бросилась к Роману. Схватила его за руку и потащила к столу. – Я серьезно, Ром. Не надо. Я люблю творог, и я уже наелась.

– Точно? – Роман вглядывался в ее лицо, пытаясь прочесть, насколько она с ним правдива.

– Точно, – она одарила его добродушной улыбкой и собрала со стола грязную посуду.

Отпивая горячий чай из кружки, Роман перекидывался красноречивыми взглядами с отцом. Оба понимали, что на этот раз все по-другому. Никогда Сергей не начинал поиск работы на второй день после соединения с новой женщиной. Проходило время, всегда разное, пока он понимал, что задержится на какой-то период, и их с Романом сбережений может не хватить. В свою очередь Роман никогда не проявлял такое внимание и заботу к детям женщин, с которыми Сергей пытался завести постоянные отношения.

В первые дни, оставаясь с Юлей наедине, Роман выглядел задумчивым, а она даже не знала о чем можно с ним поговорить и разбавить безгласную атмосферу. Ее тревожило, как отнесутся к его появлению в школе и в их многоквартирном доме. Наверняка за ним начнут ухлестывать девчонки, а ей так хотелось, чтобы он уделял внимание только ей. Когда Роман спросил, нужно ли говорить с ней о его чувствах, Юля испугалась. От одной мысли, что она может

больше не услышать его волнительных речей, ей стало так тоскливо и одиноко, что захотелось плакать. Юля подметила, что при Романи у нее глаза на мокром месте. И это было для нее необычной реакцией. Ей и дела не было до чувств других парней, а Роман в считанные дни стал для нее самым важным человеком. Малейшие колебания в его настроении вызывали в ней бурю эмоций. Ей хотелось, чтобы он был счастлив, всегда улыбался и шутил. И, конечно же, говорил с ней... как никто и никогда...

Прошла первая неделя жизни в Боровске. Роман чувствовал такой подъем сил и энергии, что казалось, мог свернуть горы. Еще никогда так легко и быстро он не привыкал к новому дому, новой школе и новым друзьям. Все благодаря солнцу по имени Юля – девочке с волосами цвета ржавчины и зелеными глазами, в которую он влюбился с первого взгляда. Влюбился! Он целую неделю привыкал к этой мысли. Осознавал и примерялся к тому, как в дальнейшем от этого чувства изменится его жизнь.

Никогда он не забудет тот миг, когда увидел ее в прихожей невзрачной квартиры с темными обоями. Она, как всполохи пламени, затмевала убогость и серость, царившие вокруг. Бурая река волнистых локонов обрамляла миловидное нежное лицо и струилась вниз к только-только начавшей формироваться груди. Короткое платьице нежного серо-розового оттенка оголяло ее стройные длинные ноги. Она была явлением. Идеалом красоты. Его Абсолютом. Рядом с ней он преображался, не ходил, а парил на крыльях. Все с чем он сталкивался, преодолевалось с завидной легкостью и оптимизмом. Он испытывал к Юле восторженную и упоительную нежность, граничащую с всеобъемлющим обожанием. Мог часами говорить о своих чувствах, и казалось, она должна была уже пресытиться его излияниями и прогнать от себя, но она ни разу не выказала скуки. Наоборот, смотрела на него так, будто слышала эти признания впервые, что конечно, распалило его еще больше.

К собственному удивлению Роман со всей присущей ему страстью погрузился в учебу. Мало того что сам наверстывал пропущенный из-за частых переездов материал, так помогал еще Юле. Последний год девочка так глубоко переживала смерть отца, что потеряла всякий интерес к жизни, вследствие чего запустила учебу. Роман часами проводил с ней в ее комнате за рабочим столом.

Зачастую их ноги переплетались, как тугие узлы на канате. Так им было проще осваивать новый материал. В такие моменты он любил повторять:

– Образование – ключ к нашему успеху, Миа. Нельзя надеется на помощь родителей. Мы сами должны поступить в институт и пробиться в жизни.

В школе все случилось в точности, как Юля и предполагала: восторженные вздохи, завистливые взгляды, едкие комментарии, когда ее сводный брат слишком рьяно проявлял к ней свои чувства. Благодаря Роману Юля стала самой популярной девочкой в старших классах. Девчонки хотели с ней дружить, чтобы заполучить ее загадочного и пылкого брата. А ребята из-за того, что Юля стала светиться, словно лампочка на двести ватт, чем привлекала к себе внимание противоположного пола. Роман безумно ее ревновал, не давал никому к ней приблизиться. По отношению к ней он вел себя авторитарно, и Юле, как ни странно это нравилось. Она быстро поняла, что чувства Романа к ней не выдумки, не мираж, ни придуманная им байка для какой-то своей эгоистичной цели. Кроме нее он никого вокруг не замечал. И конечно по школе очень быстро поползли слухи. Кто-то даже нарисовал на них карикатуру в школьной газетенке и приписал похабные стишки. Юля знала, кто это сделал – Арина из старших классов – девочка каждый раз таяла при появлении Романа как лед под солнцем.

– Это ад! – признался он как-то, открывая перед ней массивную школьную дверь. – Видеть тебя и не иметь возможности дотронуться. Дома я могу под любым предлогом зайти к тебе в комнату и заполучить хоть один поцелуй, а тут все начинают тарашиться на нас, будто мы какие-то инопланетяне.

– Это из-за твоих взглядов, Роша, – ответила Юля и прошла мимо в такой близости, что у него перехватило дыхание. Его обдало ароматом ее волос. – Ты даже меня ими пугаешь...

В первую же неделю они установили правила. Перекус после третьего урока на скамейке перед спортзалом. Еду, конечно, приносила Юля, а если не успевала приготовить дома, покупала в буфете. Правда, их единение частенько нарушал Артем – одноклассник Юли, но так как он сидел на соседней скамейке не один, а с очередной девчонкой, в преследовании его сложно было уличить. В такие дни темы для разговоров выбирались нейтральные, какие могут быть между братом и сестрой. После школы домой не торопились, гуляли вдоль речки или

убегали к озеру, подальше от любопытных глаз. Если кто-то из них задерживался на тренировке или дополнительных занятиях, второй терпеливо ждал в вестибюле.

Роман оказался начитанным, любознательным парнем, в его рюкзаке всегда была интересная книга о приключениях и странствиях. Он заставил ее по-новому взглянуть на неведомый и фантазийный мир «Одиссеи», «Путешествий Гулливера», «Копий царя Соломона» и многих других книг. Он приправлял чтение своими эмоциями: волнением, предвкушением и страстью рассказчика. Если не хотелось читать, он рассказывал ей истории, которые слышал от бывших сослуживцев отца – членов команды сухогруза.

Время, проведенное наедине, было самым спокойным и счастливым. Уже с первых дней им казалось, что они знакомы много лет и понимали друг друга с полуслова. Юля больше не робела, говорила о том, что зарождалось в ней, тлело и щемило грудь. Роман в этот момент всегда улыбался и от переполняющих чувств был готов носить ее на руках. Но иногда на Романа накатывал страх, это случалось после даже незначительной ссоры их родителей. Ему казалось, что отец вот-вот постучится в дверь его комнаты и скажет: «Собирай вещи, завтра уезжаем». В такие дни он был особенно нежен и откровенен с Юлей.

– Юлька, Юлечка, любовь моя, – он обнимал ее и прижимался щекой к ее виску. – Если мы с отцом уедем, знай, что я всегда буду любить и думать о тебе. Когда тебе исполнится восемнадцать я приеду и увезу тебя. Слышишь?

Она кивала, на глаза тут же накатывали слезы. Конечно, он говорил это искренне, но ведь за пять лет случиться может всякое. Ей казалось, что если он уедет, то они уже никогда не увидятся.

– Роша, мы не должны допустить, чтобы они разругались, – от этих слов ее сердце сжималось. – Не представляю жизни без тебя, даже месяца не представляю.

И тогда он начинал неистово ее целовать: лицо, шею, плечи. Становился одержимым, не мог ее выпустить из объятий ни на минуту. Она видела, как увлажнялись его глаза, дрожали руки, и пылало лицо.

Через три месяца, когда между родителями произошла первая крупная ссора, Роман, по дороге из школы домой, совсем расклеился. Им пришлось

свернуть к речке, чтобы он успокоился. Юля впервые видела его плачущим, и ей было до жути неловко. В ее глазах Роман был воплощением мужественности и смелости. Но когда дело касалось нависшего над ними, как тогда казалось уже неизбежного отъезда, он превращался в раздражительного нытика и мог даже ей нагрубить, будто это она была виновата в том, что родители не могут ужиться.

Юля прислонилась спиной к мощному стволу дуба и терпеливо ждала, когда стихнут его всхлипы. На минуту она погрузилась в свои мысли, а услышав шелест жухлых листьев, повернула голову и увидела Романа. Его взгляд полыхал огнем. Дыхание тяжелое. Он рванул к ней с такой скоростью, что она от неожиданности вздрогнула и забыла, как дышать. Роман прильнул к ней всем телом, обхватил ладонями лицо, а потом поцеловал в губы. Это был совсем другой поцелуй, не похожий на те, что были раньше – нежные и трепетные. Этот был неистовым, страстным. Его язык ворвался в ее нежную прохладу и кончиком ласкал десна и зубы, щекотал нёбо. Юля застонала и обмякла в его руках. Роман ненадолго давал им передышку, отрывался и вдыхал воздух полной грудью, а потом снова набрасывался на ее губы, будто распробовал самый вкусный десерт и так быстро им не может насытиться.

– Юля, Юленька, моя медовая девочка... – шептал он, ненадолго давая передышку ее припухлым от его жарких и хмельных поцелуев губам. – Я буду любить тебя до последнего вздоха...

Наши дни

Гул мужских и женских голосов медленно пробирался в ее сознание. Все тело ныло, будто ее нокаутировали на бойцовском ринге. Во рту пересохло. Губы потрескались. Горло раздирало от боли, как от трения колючей проволоки. Юля никак не могла размежить веки. После нескольких попыток удалось их немного приподнять, но слипшиеся ресницы так и не позволили ей разглядеть присутствующих.

– Что у нее с лицом? Ее женишок к ней приложился? – мужской голос слышался в отдалении.

– О насилии она не заявляла. Я знаю, что Юлия попала к нам в отделение, когда упала в приемном покое в обморок. Сотрясения нет. Всего лишь синяк.

– А ребенок? – слышался совсем рядом женский голос.

– С плодом тоже все в порядке. Понимаю, выглядит все ужасно, но уверяю, она к утру оклемается и сможет покинуть больницу.

– А Роман? – со страхом в голосе спросил все тот же мужской голос.

– Прогноз пока неутешительный, но делаем все что можем. Извините, но вам здесь больше нельзя находиться. Часы посещения я вам уже озвучил.

Юля почувствовала, как чья-то горячая рука сжимает ее руку, а потом она услышала тот же женский голос:

– Доченька, поспи, мы будем дежурить в реанимации. Утром зайдем к тебе, – громкий всхлип. – Господи, как же могло до такого дойти?

Мама? Почему ее голос так изменился?

– Пойдем Алла... дай ей поспать...

Опять провал... гул... пустота...

Когда в следующий раз Юлия ощутила рядом чье-то присутствие, даже не пыталась открыть глаза. Свистящее размеренное дыхание. Кто здесь?

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Юлия услышала, как открылась дверь, и кто-то заговорил приглушенными мужскими голосами:

– Врачи говорят, что все решит эта ночь, но судя по травмам, он навряд ли выживет. Полиция выставила часовых. Прямо у его койки сидит отец. Надо уходить, пока нас никто не увидел.

– Нарой мне всю подноготную про эту сладкую парочку. Я хочу знать, когда все это у них началось и почему они не общались. Ляля говорила о какой-то истории, которая произошла еще в детстве. Узнай, что она скрывает. Они оба из Обнинска. Пошли туда людей.

Шаги. Кто-то приблизился к ней. Клокочущий кашель, будто у посетителя от напряжения сейчас разорвутся легкие. Она почувствовала на своем лице тяжелое дыхание.

– Как же ты меня разочаровала, Ляля. Как же ты меня разочаровала... Всегда говорил, что доверие – это самая непростительная роскошь в моей жизни.

Дверь снова хлопнула. Затем все стихло.

Кто это? Назвал ее Лялей, а так ее называют только в семье Дорофеевых. В Ярика семье. Но это не он... и не старший Дорофеев – ее босс. Он в Америке на лечении, хотя есть что-то общее в командирском тоне.

Шестнадцать лет назад

В прошлом у отца Романа было много женщин. С кем-то он ходил на свидания, с кем-то сожительствовал, но всегда не больше полугода. Потом терял всякий интерес и начинал поглядывать по сторонам. За последние семь лет Роман так часто переезжал, что даже при желании не смог бы вспомнить все города и квартиры где ему приходилось ночевать. Поэтому он сильно удивился, когда отец и Алла начали подыскивать для покупки дом.

– Пап, ты точно уверен, что на этот раз это та самая женщина? – Роман еле скрывал переполнявшую его радость.

Их разговор состоялся в машине, когда отец, забрав его из школы, повез в Обнинск показать дом, который больше всего понравился Алле. Со дня их приезда прошло семь месяцев. Планировалось, что Юля тоже поедет с ними, но сегодня утром она сослалась на плохое самочувствие и не пошла в школу.

– Тебе здесь хорошо? – вдруг спросил отец.

– Меня все устраивает, но мы же не обо мне...

– Именно о тебе, Ромка, – отец вцепился в рулевое колесо, Роман понял, что он сильно нервничает. – Женщин много, а ты у меня один. Ты хорошо ладишь с Аллой. С Юлькой вы не разлей вода.

– Так и есть, поэтому я и спросил, чтобы понимать, когда ждать отъезда.

Ответ просто сразил Романа наповал.

– На этот раз вымачиваем якорь. Завтра я собираюсь сделать Алле предложение.

Роман дернулся и взгляделся в напряженное лицо отца.

– Ну что ж, похоже, мы тут задержимся, – и тут же с сарказмом добавил: – По крайней мере, до моего поступления в институт.

Отец стукнул ладонью по рулю и расхохотался во весь голос.

– Вот язва!

Дом и приусадебный участок Роману понравились. Садясь в машину, он уже мысленно рисовал себе картинки, как обустроит свою комнату, как переделает мансардный этаж под тренажерный зал. Поэтому когда внезапный вопрос отца вырвал его из грез, Роман был совершенно не готов к откровенному разговору.

– Так что у тебя с Юлькой? Не пойму я ваших отношений.

– Маленькая она еще для отношений, – брякнул, не подумав, Роман, и тут же осекся, надо было ответить не так, но, увы, уже поздно.

– Так у тебя все-таки есть на нее виды? – тут же почувял неладное отец.

– Ты против? – Роман метнул в отца настороженный взгляд.

– Категорически, – выпалил Сергей и сжал челюсть.

Воздух в салоне тут же сгустился. Оба почувствовали напряжение.

– Почему?

– И ты еще спрашиваешь?

– Но мы же не кровные?

– Этого мало. Мы семья. Вы брат и сестра, – как можно мягче начал объяснять отец, но по реакции сына он понял, насколько все серьезно, а значит, Алла была права, а он, дурак, спорил с ней с пеной у рта. – У меня ни братьев, ни сестер. Одному тяжело. А что если у вас ничего не получится? Это неудача отразится не только на вас, но и на нас с Аллой. Никаких семейных ужинов и совместных праздников. Ваши мужья и жены, ваши дети не будут знать друг друга.

– Я не ты, пап. Я однолюб. Я не буду бегать от одной к другой.

– Так ты ее что... любишь? – отец побледнел, стараясь изо всех сил не вспылить.

Даже в свои шестнадцать лет Роман понимал, что признаваться сейчас в чувствах было рискованно. Запрет в общении с Юлей тогда точно неминуем. Пока он финансово зависим от отца, жить вольной жизнью ему никто не позволит.

– Я не это хотел сказать, – успокоил его Роман. – А то, что если выберу женщину, то буду уже с ней всю жизнь. Понимаешь?

Отец кивнул.

– А Юля? Она что думает о ваших отношениях?

– Об этом лучше поговорить с ней, – нарочито спокойно ответил Роман.

– Странно, что вы все время вместе. За тобой стая девчонок бегают, весь подъезд исписали своими признаниями, а ты только с сестрой везде ходишь.

– Пап, это перегиб, ей богу, – в том же духе продолжил Роман. – Ты же знаешь, первые месяцы я подтягивал с ней учебу. Теперь у нее отличные оценки. Раньше она всего боялась, чуть что, пряталась в шкаф, особенно когда вы слишком бурно проявляли свои чувства. Я за ней присматриваю, не более. Про свою личную жизнь я не распространяюсь лишь потому, что пока ничего серьезного или стоящего твоего внимания не было. Так... поцелуйчики, походы в кино. Не скрою, мне Юля нравится. С ней интересно. Мы понимаем друг друга с полуслова. В первое время было сложно, но сейчас мы научились отсекаать свои симпатии. Не все сразу, пап... Дай нам время...

Всю оставшуюся дорогу Сергей пребывал в задумчивости. Никогда сын не прикладывал столько усилий, чтобы в чем-то его убедить. Если отец чему-то не верил, Роман отмахивался и шел дальше. А тут разложил все по полочкам, будто научный доклад. Если он по приезду домой скажет об этом Алле, она непременно будет настаивать на Суворовском училище. А тогда уж лучше взять сына в охапку и свалить из Боровска. Завтра он хотел сделать Алле предложение, и что теперь делать?

Немного поразмыслив, Сергей пришел к выводу, что Роман сегодня получил от него некое предостережение в отношении Юли. Может это даст ему пищу для размышлений и сын одумается? А может, ему только кажется что это любовь? Он помнил себя в этом возрасте, зелень зеленью, глупость на глупости. Поступит Ромка в институт, будет жить в Москве и забудет Юлю, а она его. Все это подростковые фантазии возбужденного гормонами мозга. Так он себя успокаивал. Поэтому приехав домой, Сергей со спокойной душой поставил машину в гараж и пошел в магазин за сигаретами. Сегодня суббота. Алла обещала приготовить что-то новенькое на ужин. А после они поедут к ее родственникам занимать недостающую часть денег на дом. Раз сыну дом понравился, можно считать вопрос закрытым.

Переступив порог квартиры, Роман сразу почувствовал, что с Юлей что-то не так. Обычно при простуде она не вставала с постели, а тут расхаживает по квартире медвежьей походкой, неуклюже, держась то за поясницу, то за низ живота. Увидев Романа, она покраснела и пулей умчалась в свою комнату, а Алла строго настроено запретила ему к ней приближаться. Он ушел к себе, но тут же стукнул ей в стенку, ожидая знака, что с ней все в порядке, но ответного стука не последовало. Ужинать Юля отказалась, после чего Роман совсем потерял покой. Что с ней, и почему она так странно себя ведет?

Ответ он узнал ближе к полуночи, когда шастал вокруг дома в надежде на то, что у Юли открыто окно, и он сможет к ней забраться и поговорить. Но окно было плотно закрыто, а шторы задернуты. Роман побоялся стучать, так как в этот момент к Юле могла заглянуть Алла. Огибая дом, он как раз проходил мимо окон гостиной, в которой теперь спали родители, и услышал их разговор.

– Неужели у Юльчи будут такие же болезненные месячные, как у меня? Это каторга, настрадается бедняжка, – жаловалась Алла.

Роман застыл как вкопанный. Так вот значит, что с Юлей! А он голову себе сломал...

– Да, детство кончилось, теперь она у нас девушка... – отозвался Сергей.

«У нас?» – скривился Роман. – «Папаша совсем с катушек слетел? Это он так к бабе своей ластиться? Видать, она его крепко зацепила, раз он собрался ей предложение делать. Может, еще Юлю предложит удочерить? Вот тогда у меня будет реальная проблема».

Это произошло за три дня до переезда в новый дом. Роман только что вышел из спальни Юли и в осоловелом состоянии плюхнулся на кровать. Его губы пылали от поцелуев, кожа на груди горела от прикосновений ее нежных рук. Он уже засыпал в этой сладкой истоме, когда входная дверь квартиры открылась и с порога послышалась ругань. Романа будто окатило ледяной водой, он замер и почувствовал, как страх сковал все тело. Случилось то, чего он боялся больше всего. Это была не просто ссора, пахивало разрывом отношений. И если до встречи с Юлей он бы только порадовался этому событию и уже собирал бы

вещи, то сейчас им овладел ужас. Как ему жить, если Юли больше не будет рядом?

– Чертов кобель! О чем я только думала?! – кричала Алла, заскакивая в квартиру. – Дура пустоголовая! Я ведь знала, какой ты, ипустила тебя в свою жизнь!

– Чего ты завелась на пустом месте? – со злостью выпалил Сергей. – Ничего же не было!

Сергей никогда не отличался терпением и выдержкой, к тому же знал, что сын наверняка уже услышал ее вопль и сгорал от стыда, ведь совсем недавно он говорил ему в машине, что Алла «та самая женщина».

– На пустом месте?! – завопила Алла.

Звук звонкой пощечины заставил Романа распахнуть дверь. Юля уже стояла в коридоре, и он инстинктивно притянул ее к себе. Она метнула в него наполненный мольбой взгляд.

«Сделай что-нибудь!», – кричали ее глаза.

Алла скинула туфли, швырнула на комод сумку и с ошалелым видом промчалась мимо детей в гостиную. Из комнаты в коридор полетели вещи Сергея: брюки, рубашки, нижнее белье...

Только не это! Побледневшая Юля сжала ладонями лицо и начала плакать.

– Прекрати дурить! Здесь дети! Ты их пугаешь! – прокричал Сергей и начал закидывать вещи назад в гостиную.

– Они уже не дети! – Алла выскочила из гостиной и швырнула в Сергея гитару. – Не дети! Пусть видят, что бывает, когда мужик не может свой член в штанах удержать!

Роман метнул в отца осуждающий взгляд. Юля затряслась от нарастающих рыданий. Сжав ее еще крепче, Роман уже раздумывал, как им провести оставшиеся часы до отъезда вместе. Точно не в квартире. Они убегут к речке, как только родители угомонятся, хотя ждать придется довольно долго.

Сергей взревел и выскочил из квартиры.

– Беги-беги! Она уже, небось, ждет тебя у подъезда! – кричала вслед Алла.

Она закрыла входную дверь на замок, медленно повернулась, ее взгляд зафиксировался на испуганных детях, которые в стрессовой ситуации даже не подумали о том, чтобы хоть как-то прикрыть свой интерес друг к другу.

– Не лапай мою дочь! Засранец хренов! – завопила Алла и буквально вырвала Юлю из рук Романа.

Юля заверещала и начала отбиваться. Из всех сил она цеплялась за шею Романа и кричала, что никто и никогда их не разлучит. Это разозлило Аллу еще больше. Роман пытался оттолкнуть мать от дочери, но Алла как тигрица не уступала ему ни в силе, ни в проворности.

– Если не хочешь, чтобы я выставила тебя вслед за отцом – отцепись от моей дочери!

Слова возымели действие. Роман отпустил Юлю и застыл. Испытывая невероятные мучения, он смотрел, как Юля безуспешно пытается вырваться из материнских рук. Впихнув дочь в комнату, Алла закрыла дверь и приказала ей лечь в кровать и не выходить пока она не разрешит. Несколько минут Роман слушал, как Юля плакала, затем заскрипела створка шкафа и все стихло. Черт! Юля снова спряталась в шкафу, а он-то думал, что ее состояние улучшилось.

Когда гнев Аллы немного поутих, она вынесла чемодан и побросала в него вещи Сергея. Затем пнула чемодан ногой в комнату Романа и сказала:

– Сегодня поспишь с отцом... если конечно он вернется. Утром пусть валит отсюда на все четыре стороны.

Про самого Романа она не сказала ни слова, но и так было понятно, что здесь он ей не нужен.

Приняв душ, Алла удалилась в гостиную и громко хлопнула дверью. Полупустая комната. Коробки с книгами и посудой сложены вдоль стен. Вот уже неделю они готовились к переезду в новый дом. Приступ ярости схлынул под напором осознания того, что она по-прежнему будет пребывать в одиночестве в этой ненавистной ей квартире. Ее постель будет холодной, жизнь серой, еда пресной. Это сломило ее. Алла никогда не была так счастлива как в последние семь месяцев. Повалившись на диван, она разрыдалась, да так громко, что даже Юля, сидя в шкафу, слышала эти жуткие доселе неизвестные звуки. Это был не плач, а вопль от отчаяния и безнадёги...

Роман чувствовал, что произошло что-то серьезное, раз отец даже не оправдывался. Обычно он так себя не вел. Сгорая от любопытства, Роман даже прошелся вокруг дома, пытаясь найти отца, но, увы, все тщетно. И тогда Роман заглянул в гараж – машины тоже не было. Этого он боялся больше всего! Роман молил только об одном, лишь бы отец не попал в аварию, ведь он был явно пьян. Вернувшись домой, он прошел на кухню и увидел Аллу склонившуюся над пузырьком валерьянки.

– Что он натворил? – спросил Роман и чтобы остудить накатившую на него во время скандала панику, залпом выпил стакан холодной воды.

Алла тяжело выдохнула и упала на стул, вид у нее был потерянный. Она словно смертельно раненый боец сидела на поле битвы, пытаясь осознать, почему все еще жива. Именно это состояние и блеснувшая в сознании метафора, помогла Роману понять, как можно попытаться, хотя без особой надежды, примирить противоборствующие стороны.

– Зная отца, ты бы мог догадаться, – буркнула Алла и закинула в рот сразу три таблетки валерьянки.

– И все же...

Алла метнула на парнишку оценивающий взгляд. Бледное лицо, покрасневшие глаза, дрожащие руки. Похоже, Роман искренне переживает за их с Сергеем отношения. Бедный мальчик. Сколько еще ему мотаться в поисках своего дома?

– Мы были на дне рождения моей начальницы, Людки. Все было нормально, пока она не пригласила на танец твоего отца.

Роман сморщился. Если отец был навеселе, да еще и в женском обществе – жди беды. Одной победой он бы не ограничился.

– Я сразу почувствовала подвох, Людка всегда пожирала его взглядом, но возразить было как-то неудобно. Что подумают о нас люди? Что я не доверяю своему мужчине? – Алла с горечью хмыкнула. – Представляю, что будут говорить обо мне завтра на работе...

Часы показывали полночь. До отъезда примерно шесть часов. Роман хотел провести их с Юлей, и ему не хотелось упускать из этого времени ни минуты.

– Танец... что потом? – поторопил он ее.

– Потом еще и еще... танцы были уже похожи на откровенное лапанье. Сначала как бы в шутку, потом уже никому за столом смешно не было. Я сидела красная, как рак. Еле справляясь с ревностью и желанием от стыда выскочить из дома. Лучше бы так и сделала... тогда не увидела бы продолжения...

– Чем закончились танцы? – Роман нервно сглотнул, он уже и сам догадывался.

– Людка затащила Серегу в гараж... типа у «Волги» мотор барахлит... ага, как же! Я пошла за ними... не сразу, чуть позже... а когда нашла их... – Алла закрыла лицо руками и заскулила, как брошенная на дороге в лютый мороз раненная собака. – Она лежала на капоте той самой «Волги»... распластанная... а он возился с молнией на брюках.

Роман зажмурился и застонал.

– Алла... – прохрипел Роман, – я его оправдывать не буду, но позвольте дать вам один совет...

– Ты? Мне? Совет? – Алла нервно хохотнула.

Роман поднял на нее полные боли и отчаяния глаза. От этой женщины зависело его будущее. Создавшуюся ситуацию он уже воспринимал как вызов лично ему.

– Потом вы можете посмеяться надо мной, но я все же хочу вам это сказать.

– Да валяй, чего уж там, – нервно хохотнула Алла, и не было в ее голосе ни капельки веселости – сплошная боль.

– Как вам поступить с моим отцом – решать вам, я не имею права вмешиваться. Но когда в вашу жизнь войдет другой мужчина, постарайтесь не вести себя, как одноклеточный организм.

– Что?! – Алла выпучила глаза, ее захлестнула волна ярости.

Она почти не моргала. Что он сказал? Да как он смеет с ней так разговаривать? Первой реакцией было вышвырнуть пацана взашей, но потом она себя одернула и решила дослушать, может так она поймет, о чем думал его

ловелас-отец, когда решил, что измена будет неотъемлемой частью их семейной жизни.

– ...тем более, если этот мужчина будет хоть отдаленно напоминать моего отца. Видите себя как хозяйка положения. Как женщина-хищница. Как будто только от вас зависит, будет ли он завтра дышать. Сделайте его зависимым... от себя... как от наркотика... И любите до умопомрачения. Чтобы в момент слияния вы оба ощущали, что никто, кроме вас не властен над вашими судьбами.

Потеряв дар речи, Алла часто заморгала. Ему точно шестнадцать лет? Как, черт возьми, пацану приходят в голову такие мысли?

– Почему? – он вскочил на ноги и встал перед ней. – Почему вы позволили какой-то Людке вершить вашу судьбу?

Алла хватала ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова.

– Вы любите моего отца? – спросил он стальным голосом.

– Что?

– Вы любите моего отца?! – прокричал он ей в лицо.

– Не твое дело! – Алла вскочила на ноги. – И не ори на меня! Щенок!

– Опять забыли кульминацию? – он скривился в ухмылке. – А то что? Выгоните меня? Да мне уже совершенно все равно. Какая разница? Сейчас или через пять часов и сорок пять минут...

Алла подбоченилась и тяжело вздохнула.

– Дайте мне вашу руку! – Роман протянул ей свою ладонь.

– На кой черт тебе моя рука? – злобно выпалила Алла, мысленно награждая подростка нелестными эпитетами, но под его пристальным твердым взглядом все же вложила в его ладонь руку.

Он потянул ее в коридор. Поставил в центре, лицом к входной двери и встал сзади, положив руки на ее хрупкие плечи.

– Алла, почему, когда речь идет о вашей личной жизни... о вашем мужчине, вы опускаете руки? – он показал на дверь. – Там, за порогом этой квартиры, проходит линия фронта. Мой отец – ваш военный трофей. То, за что вы боролись с кровью и потом. Здесь в квартире, – Роман обвел рукой вокруг коридора, – вы, он, я и Юля. Больше никого. Только так вы сохраните мир в семье. Эту условную границу не раз будут пытаться пересечь нарушительницы:

ваши подруги, сослуживицы, соседки и просто знакомые. Каждой из них вы публично дадите отпор и при случае поставите на место. Он только ваш. На людях вы ему и слова не скажете, но когда останетесь наедине, – Роман улыбнулся и хихикнул, от чего Алла поежилась. – Вы скажете ему то, что сказали мне в первый день в этой квартире.

Алла улыбнулась, вспоминая их словесную перепалку в комнате дочери.

– Своего отца я знаю как самого себя. И могу сказать, что он сейчас под прессом обстоятельств. От него зависит моя дальнейшая жизнь. А вы даете мне то, что не дает родная мать. Отсюда его поспешное предложение руки и сердца. С одной стороны, он не оставляет себе выбора, отрезает путь отхода. С другой, своим поведением сам же опровергает свое решение... потому что оно было несвоевременное, не выстраданное...

Роман развернул Аллу к себе. Их взгляды скрестились как у двух бойцов.

– В таком состоянии ему нельзя пить. Категорически запрещено. А вы тащите его на день рождения.

– Выходит, я еще и виновата, – огрызнулась Алла.

– Отчасти... Вы смотрели, как он ее лапал и не остановили его. Даже шуткой не дали понять, что вам больно. Вели себя так, будто прав на него не имеете. А как он должен при этом себя чувствовать? – брови Аллы взметнулись вверх, и Роман поспешил добавить: – Отца я не оправдываю, просто объясняю ход его мыслей. Потому как сам он ничего вам не скажет. Уж такой он. Чем меньше он оправдывается, тем сильнее чувствует свою вину. А раз ушел, значит, земля у него под ногами горит. Алла, – Роман легонько встряхнул ее за плечи, – никогда не выясняйте отношений с отцом при посторонних. А Людке набейте морду, – Роман хохотнул, – при всех, чтобы другим неповадно было.

Роман потер руками лицо и выдохнул. Монолог отобрал у него много сил и ему требовался хоть краткосрочный отдых. Он направился в свою комнату, но перед дверью остановился и через плечо сказал:

– Если вы не будете за него драться, то потеряете. Мы из-за этого много лет кочуем, потому что за него никто не борется, а при первой же ситуации выгоняют, считают его пустышкой, повесой. Но это не так. Он просто не каждую пустит в сердце. Мать пустил и вот что вышло. Ранила и сбежала. Мотается по

кораблям с его же бывшими друзьями. Любовь – война! Так почему вы за него не боретесь? Не любите?

Когда в квартире стихло, Роман прокрался в комнату Юли и увидел ее в кровати спящую. Щеки еще не высохли от слез. Ему так хотелось ее разбудить и увезти подальше от глаз бдительной матери, но ее измученный вид удержал его от этой затеи. А что собственно он хочет ей сказать нового? Ведь все уже сказано. Так чего повторяться и терзать девичье сердце? Роман поцеловал девушку в лоб и пригладил волосы. От предстоящей разлуки душу рвало на куски. Бросая на нее долгий прощальный взгляд, он вспомнил их самые счастливые моменты. Первая встреча. Первый настоящий поцелуй. Это было в тот день, когда у него был нервный срыв из-за очередного скандала родителей. Он не выдержал накала и впервые при ней плакал как ребенок. Впился в ее губы с такой силой и страстью, что оба еле удержались на ногах. Вот Юля с блаженным видом раскачивается на качелях, которые он соорудил для нее у речки, на «их месте». Вот ждет его после тренировки в вестибюле. Он засмотрелся на нее. Какая же она красивая! Она любит его! И как же он счастлив! Из последних сил Роман заставил себя оторваться от возлюбленной. Поспешно выскользнул из комнаты и осторожно прикрыл за собой дверь.

Вернувшись в свою комнату, Роман плюхнулся на кровать и размышлял о будущем. Как сложится его дальнейшая жизнь? Увидятся ли они еще с Юлей? Удастся ли ему воплотить обещанное и забрать ее из этого города? Плакать больше не хотелось. Ему будто перекрыли слезные каналы. Сейчас его душа походила на пустую комнату, которую он сдал за ненадобностью в аренду. Все происходящее было будто не с ним. Какой-то другой парень переживал по поводу предстоящего отъезда. Какой-то другой парень расставался со своей любимой девушкой... возможно навсегда. Какой-то другой парень, не он, в очередной раз пойдет в новую школу, заведет новых друзей, войдет в новую семью. Опять же ненадолго... пока отец не скажет ему свою коронную, жестокую до боли фразу: «Собери вещи, завтра утром отчаливаем».

Отца Роман очень любил, он был его единственной семьей. Но сейчас любовь трансформировалась в ненависть. Не из-за того, что спутался с какой-то Людкой. Ему ли его судить? А за то, что тогда в машине во время поездки в

Обнинск он дал ему ложную надежду, и Роман расслабился. Расслабился настолько, что позволил себе мечтать о будущем с Юлей. Распланировал их первые годы совместной жизни. Их путешествия и рождение детей. Их непременно будет трое. Двое мало, а четверо перегиб. Они даже немного поспорили с Юлей по поводу имен их будущих детей. В шутку конечно. Он всегда все переводил в шутку, чтобы не давить на нее слишком сильно. Его любви было так много, что время от времени ей нужна была разрядка. И тогда он непременно должен был дать ей свежий воздух и ослабить хватку. А теперь этого воздуха у нее будет предостаточно. Его будет слишком много!

Юля... Юленька... его любовь... его Миа... Неужели им придется расстаться? Он представил, как через несколько часов сядет в машину с отцом и бросит прощальный мучительный взгляд на заплаканное лицо возлюбленной. Они поедут по пыльной дороге, гонимые неведомым проклятьем, о котором ему не единожды говорила бабушка, и будет смотреть на Юлю пока она не превратиться в точку, а потом исчезнет навсегда. И как только это произойдет, его сердце разобьется на тысячу мелких кусочков, а жизнь больше не будет иметь смысла.

Глава вторая «На грани фола»

«От волнения Роман весь издергался. Он тысячу раз представлял себе этот день, их долгожданную встречу и последующий разговор. И так распался, что не мог сейчас унять дрожь в коленях. Он скучал по ее голосу, улыбке, зеленым глазам и так привык к ее присутствию, что уже жизни без нее не мыслил».

Наши дни

Юля не помнила, сколько времени она стояла перед реанимационным боксом Романа, ей казалось целую вечность. Палату наполняли механические звуки аппарата искусственной вентиляции легких. Юля попеременно смотрела то на брата, то на врача, который сыпал медицинскими терминами, пытаясь объяснить состояние пациента. Сгорбленная, словно несла на своих хрупких плечах все тяготы мира, Юля поправила ворот больничного халата и взглянула на

уродливые тапочки. Голова ватная после снотворного, неспособная воспринимать и анализировать информацию. Из всех сил она пыталась отсечь навалившиеся воспоминания и наконец-то внять пространным объяснениям заведующего отделением.

– А теперь, доктор, ужмите информацию до ста килобит и ограничьтесь одной простой доходчивой фразой, – произнесла она стальным тоном.

Теперь она снова будет той прежней Юлей, что жила без Романа много-много лет. Отвердевшая, высохшая изнутри словно пустыня. Заглушившая в себе все чувства. С Яриком она воспряла всего на три месяца и снова ушла в свой безопасный кокон, туда, где никто не достигнет до ее сердца, никто не сделает ей больно.

– Отек мозга. Глубокая кома, – резюмировал заведующий реанимацией.

Вот сразу бы так! А то убил полчаса на разъяснения того, в чем похоже сам сомневался и строил гипотезы.

– Прогноз? – Юля повернулась к доктору и выгнула бровь.

– В данном случае возможен любой сценарий. Очаг поражения довольно большой, – доктор показал на снимки полушарий мозга. – Одно могу сразу сказать, даже если он выйдет из комы, паралича ему не избежать.

– Паралич? – переспросила Юля и почувствовала, как к горлу подступает комок. – Вот этого брат всегда боялся.

– Вы так же должны быть готовы к тому, что из комы он может не выйти.

– Как это? – дернулась Юля, будто от удара.

– Есть и такая вероятность, – доктор выудил из кармана телефон, на который только что пришло уведомление о поступившем сообщении.

Голова закружилась, Юля еле удержалась на ногах. Холодок пробежал по телу, Юля закрыла глаза и постаралась взять себя в руки. Она не будет плакать. Она не должна расслабляться. Она должна стать бездушной машиной, чтобы хладнокровно оценить риски и принимать правильные решения.

– Я поняла вас, доктор.

Юля шагнула в коридор и вышла из реанимации. Ей хотелось на воздух. Время для разговора с заведующим отделением реанимации она выбрала, терпеливо дождавшись, когда родители ушли в кафе на завтрак. Ей не хотелось их

видеть. Судя по тону сообщения, что прислала утром ее мать, родители уже знали о прогнозе и всерьез опасались, что кома может затянуться. На этот счет Роман не раз давал четкие указания всем родным, будто чувствовал, что они им пригодятся.

За ночь на ее мобильный телефон поступили сотни сообщений. Юля даже не пыталась их прочесть. Только просмотрела список адресатов и поняла, что Ярик так и не вышел на связь.

Пока она шла к лифту, перед глазами стояло опухшее и перекореженное лицо Романа. Сейчас в нем невозможно было узнать того красавчика, от которого она сходила с ума много лет. На безжизненном теле не было ни единого места естественного цвета кожи: синяки, кровоподтеки, рваные раны. Может и к лучшему, что Роман сейчас в коме и не чувствует этой безграничной боли.

Спустившись на первый этаж, Юля вышла в небольшой сквер и села на скамейку. Утреннее солнце припекало лицо. Сделав глубокий вдох, Юля вытянула ноги и закрыла глаза. Несколько минут она сидела в прострации, отрешившись от городского шума и суеты.

– Я тебя везде ищу, а ты загораешь, – услышала Юля голос подруги и улыбнулась.

– Кристи, – прошептала она и открыла глаза.

Подруга стояла перед ней в белом брючном костюме. Мисс Совершенство. Точеная без единого изъяна фигура, идеально облегающие брюки и пиджак, прическа волосок к волоску. Они познакомились девять лет назад. Кристина была для Юли во многом примером для подражания. Никогда не давала слабину. Жесткая, целеустремленная, неутомимая.

– Как ты, Юль? – Кристина оглядела подругу с ног до головы. – Выглядишь паршиво. Откуда синяк на лице? Ярик?

От одной мысли, что ей скоро предстоит встреча с младшим Дорофеевым, Юля передернула плечами.

– Упала в обморок в приемном покое.

– Какой ужас, с ребенком все в порядке?

– Вроде да, – Юля махнула в сторону больничного здания и добавила: – Тут принято говорить пространными фразами, ничего конкретного. Сиди и мучайся в догадках.

– А что с Романом? – подруга села на скамейку и сжала Юле руку.

В группе психологической поддержки Кристина была куратором Юли, и ей неоднократно приходилось взбадривать свою подопечную после очередного приступа депрессии.

– В коме. Если придет в себя, то будет парализован всю оставшуюся жизнь.

– Какой ужас!

– А что ты ожидала, Кристи? Мы все видели, в каком он был состоянии.

– Честно говоря, от него весь вечер исходил дух фатальности, будто он прощался с этим миром. Когда приехали врачи, я старалась на него не смотреть, – призналась Кристина, – была уверена, что до больницы его живым не довезут.

– Я тоже так думала, хотя и боялась этого до жути, – кивнула Юля.

– Знаешь, лучше бы он умер, – выпалила Кристина и вскочила на ноги. – Теперь вы оба в опасности. И к твоим проблемам добавится еще его паралич.

Юля метнула на подругу обиженный взгляд и тяжело вздохнула. Роман был сейчас в гораздо большей опасности, чем она. Потому как если Дорофеевы за что-то брались, непременно доводили до конца.

– Не говори так, Кристи. Парализованный, но все же живой. Мне хватит и того что он сможет хоть одним пальцем пошевелить, давая понять, что слышит меня.

– А ему? Ему этого хватит? Ты о нем подумала? – Кристина нервно расхаживала взад-вперед. – Вчера я была так счастлива за тебя. Наконец-то померилась с братом. А потом приехал Ярик. Встал перед тобой на чертовы больные колени и так красиво сделал предложение. Я тебе завидовала! Думала, вот Юлька молодец! После стольких лет драмы выкарабкалась и дала себе право на счастье. И что потом? Юля? Что там произошло на втором этаже?

– Роман просил меня вернуть Ярику кольцо... – тихо поведала Юля и прикрыла веки. – С этого начался наш разговор...

– Почему?

– Он хотел, чтобы мы..., – Юля пыталась справиться с подступившими слезами, – чтобы мы..., снова были вместе...

Кристина опустила на скамейку и осторожно заглянула в глаза подруге.

– Но это невозможно... а ты что?

– Сказала, что он поздно очухался. Я была так зла на него, что не стеснялась в выражениях.

– Еще бы... – хмыкнула Кристина и сжала ее руку.

– Сказала, что беременна, – продолжила Юля всхлипывая. – Тогда у него случилась истерика. Знаешь, был человек, и нет, будто исчез... испарился... А вместо него клубок злости и отчаяния.

– Откуда синяки на руках? – мягко спросила Кристина и пригладила Юле растрепавшиеся волосы.

– Роман..., я хотела уйти..., он хватал меня..., пытался удержать...

По щекам Юли потекли слезы, подруга обняла ее и начала поглаживать по спине. Она просила ее не сдерживать эмоции и выплакаться. Плакать Юле очень хотелось, но только не говорить. Даже Кристине Юля не хотела рассказывать всего того, что делал и шептал ей Роман еще сутки назад. Она все еще чувствовала трепетные прикосновение его рук на своей коже, его мягкие губы на своих губах. Он целовал ее неистово, страстно, будто хотел за несколько минут наверстать все те годы, что они провели порознь. Юля сопротивлялась не больше минуты, а потом сдалась. Это ведь он, любовь всей ее жизни. Ее свет. Ее небо.

– Юль, мне нужно тебе кое-что рассказать, – осторожно произнесла Кристина, когда Юля немного успокоилась. – Ярика не арестовали.

– Что?!

– Опергруппу сменили. Все показания уничтожили. Свидетелей разогнали. Я так поняла, дело заводить не будут. Не успела я сесть в машину, как ко мне подчалил хитровато-премудрый мужичок со шнобелем на все лицо и представился адвокатом Ярика...

– Иосиф Наумович... – тяжело вздыхая, прошептала Юля.

– Ага. Так вот, он мне доходчиво описал, что будет, если я вмешаюсь в ситуацию.

Юля живо представила подвижное лицо адвоката и как вкрадчиво и тихо он может говорить страшные слова.

– На чем они тебя поймали?

– На том самом... запретном... показали фотографии... я и отчим, – Кристина с горечью усмехнулась. – Я только на минуту представила, что могу потерять маму, сестру и племянника...

Голос подруги дрогнул. Юля повернулась и кинула на нее оценивающий взгляд. Настал ее черед утешать, но сил на это совершенно не было.

– Кристи, тебе нужно уйти. Встретимся, когда все уляжется. Связь будем держать через Рудика, – стальным голосом произнесла Юля.

– Юлька! – взбеленилась подруга и выпрямилась как натянутая струна.

– Послушай меня внимательно, Кристи. Ты будешь держаться от этой истории так же далеко, как и от меня, – Юля подтвердила свои слова твердым взглядом. – В первую очередь ради своего сына... ради себя, в конце концов. Я справлюсь. Я – сильная.

– Ни черта ты не сильная, – заплакала Кристина. – Ты была рядом, когда у меня были проблемы. Я должна тебя поддержать. Я не буду больше прятаться. Я должна все сказать сыну. Открыться близким. Так больше продолжаться не может.

Кристина любила своего научного руководителя уже пятнадцать лет. Вместе они добились прорыва в регенеративной медицине и сейчас как никогда были близки к открытию целой серии исследований, которые должны подтвердить их многолетний труд. Кристина не раз говорила, что их работа тянет на Нобелевскую премию. А проблема была в том, что этого человека любила не только она, но и ее мать. Официально отчимом он ее не был, мать так и не захотела зарегистрировать брак, но жили они вместе, а Кристина довольствовалась ролью любовницы уже двенадцать лет. Однажды, когда Кристина поставила ультиматум, он собрал вещи и ушел к ней, тогда мать попыталась покончить с собой. Ее откачали. После этого Кристина сама собрала ему вещи, и ни разу не заговорила с любимым о воссоединении.

– Нет! – выпалила Юля. – И чего ты этим добьешься? Потеряешь работу и все над чем ты трудилась последние годы. Ты все равно не сможешь быть с тем, кого любишь, особенно сейчас, когда твоя мать заболела. Так кому ты принесешь пользу?

Кристина плакала навзрыд. Боль и отчаяние, копившиеся многие годы, прорвались и понеслись вскачь.

– Ты должна реально оценить риски. Семья Ярика очень влиятельна. Если ты встанешь у них на пути, беды не избежать. Я люблю тебя, Кристи, и каждый день буду чувствовать твою безмолвную поддержку.

– А что будет с тобой? Что он сделает с тобой? – с ужасом в глазах спросила Кристина и потянулась к сумке за носовым платком.

– Пока я ношу его ребенка, я в безопасности... У меня есть семь месяцев, чтобы придумать, как спасти себя и брата. А там глядишь, босс вернется после лечения и все расставит по своим местам.

Сказав эти слова, Юля содрогнулась. Она сама не знала, что ее ждет. Ей казалось, Ярик тоже не знает, что ему делать дальше. Ситуация была такой сложной и в то же время скандальной, что он не захочет ее выплескивать на публику. Ведь благодаря Юле он смог вернуться на родину после трехлетнего изгнания. Юлю могло ждать что угодно, но только не публичная отставка. По крайней мере, до рождения ребенка. Он будет ее мучить, возможно, даже не пойдет на контакт, но с соперником будет драться за нее до последней капли крови с фанатичностью смертника. Сейчас в его глазах она изменщица, падшая женщина.

Заметив знакомую фигуру, Юля похлопала по руке подруги и сказала:

– Рудик приехал. Меня ждет очередная порция головной боли. Езжай. Со мной все будет хорошо.

– Пожалуйста, держите меня в курсе дела, – поцеловав подругу, Кристина вскочила и засемила к центральным воротам.

Юля смотрела, как приближается ее личный ассистент и пыталась по выражению его лица понять, с каких новостей начнется этот нелегкий рабочий день.

Шестнадцать лет назад

Роман встретил Аллу у дверей районного отделения милиции.

– Ну что там? – кинулся он к женщине.

– Вождение в пьяном виде – пятнадцать суток.

– Уф, – Роман с облегчением выдохнул и взглянул на Аллу. Лукавые искорки в ее глазах подсказали ему, что примирение все же состоялось, и с ухмылкой спросил: – Оставьте его здесь на пятнадцать суток?

– Нет, – она двинулась к дороге, пряча улыбку, – заберу завтра утром. Уже договорилась и кому надо дала на лапу. Только Ромка, – она метнула в него просящий взгляд, – ему ни слова.

– Да я к нему ни ногой. Пусть посидит, помучается. Ему полезно, – Роман все еще злился на отца и не мог поверить, что опасность миновала.

Алла улыбнулась и взяла парнишку под руку. С этого момента между мачехой и пасынком ненадолго возникла тесная связь. Она опекала его, как родного, а он особо не возражал. Их разговоры были все откровеннее и доверительнее. По негласному соглашению была лишь одна тема, которой они не касались – Юля. Оба чувствовали, что эта зыбкая почва и на нее ступать не стоит. Роман еще не раз помогал мачехе своими «странными» советами. Но Алла признавала, что именно благодаря стараниям пасынка их семья переехала в новый дом.

Первые дни Сергей спал на мансарде и был практически изолирован от остальной семьи, которая объявила ему молчаливый бойкот. Говорил с ним только сын, да и то по существу. Всю свою страсть и энергию Сергей вкладывал в обустройство дома, гаража и приусадебного участка. А через неделю случилось то, что вернуло его в постель любимой женщины и удивительным образом сплотило семью.

Это был последний учебный день в Боровской школе. Погода стояла по-весеннему солнечная. Роман и Юля должны были приехать к концу рабочего дня к Алле в поликлинику, где она работала медсестрой. Туда должен был подъехать Сергей с последней партией вещей и отвезти семью в Обнинск. Уже на подходе к поликлинике дети почували неладное. На улице собралась толпа в основном из медперсонала, но были и простые уличные зеваки. Роман прибавил шаг, испуганная Юля еле поспевала за ним.

Как выяснилось позже, Сергей подъехал к поликлинике и ждал у входа, когда к нему подошла все та же Людка и предприняла новую попытку

приударить. Кто-то донес об этом Алле, и она выскочила из поликлиники покрасневшая как закипающий чайник. Началась перебранка, потом звонкие пощечины, продолжилось тем, что Алла оттаскала за волосы свою начальницу на глазах у всего медперсонала и больных.

Сергей поначалу предпринимал попытки оттащить Аллу от надоедливой ухажерки, но потом плюнул и встал у машины, зорко следя за тем, чтобы Алла серьезно не пострадала. Когда после удара в нос противницы, Алла затрясла рукой и сморщилась от боли, именно он закончил это представление, встав между женщинами, как скала.

Всю дорогу до дома ехали молча. Рука Аллы опухала на глазах. Больше всех переживала Юля, она и вообразить не могла, что ее мать только что воплотила в жизнь один из советов Романа. Поэтому тряслась как осиновый лист на ветру и кидала яростные взгляды на родителей. Роман сжал ей коленку и как можно мягче улыбнулся. Только тогда она обмякла, понимая, что он знает то, о чем она пока не догадалась.

Приехав домой, дети поднялись на второй этаж и прикинули к дверному проему, который выходил на лестницу. Влюбленные зорко следили за происходящим внизу на кухне. Сергей бережно обрабатывал Алле разодранные в кровь костяшки пальцев. Между ними шел безмолвный разговор. В конце процедуры Сергей притянул ее к себе и крепко обнял. А потом начал целовать с такой страстью и обожанием, что Алла чуть не задохнулась от его напора.

Роман потянул Юлю в свою комнату и плотно закрыл дверь. Они плюхнулись на кровать и легли лицом друг к другу. Периодически до них доносились вскрики, стоны и звуки разбитой посуды. И то, что Юлю раньше до безумия раздражало и пугало, сейчас радовало слух. Любовь Неба и Солнца снова была в безопасности. По крайней мере, она так считала. Пока через неделю за ужином Сергей не распечатал письмо от родителей бывшей жены и протянул сыну.

– Бабушка и дедушка просят тебя приехать на каникулы.

– Отлично, – обрадовался Роман, – мы поедем с Юлей, – и уже обращаясь к Юле, добавил: – Тебе там понравится. Речка прямо перед домом. Пирс. Будем купаться. Рыбачить. Загорать. Ходить в лес за грибами.

– Юля с тобой не поедет, – категорично заявила Алла и бросила на Романа жесткий взгляд. – Если бы это были родители отца, другое дело, но матери... нет... Поедешь один.

Роман бросил умоляющий взгляд на отца, но тот только пожал плечами, мол, это ее дочь, что я могу сделать. Сергей пообещал сыну перед сном, что переговорит с Аллой ночью, но вспомнив об их разговоре в машине, когда Роман слишком рьяно отрицал свои чувства к Юле, решил даже не зарекаться.

Утром Роман снова завел разговор о предстоящей поездке, и отец решил раз и навсегда расставить все по местам.

– Угомонись, а то Алка догадается о твоих чувствах. Если я это просек, то она и подавно это сделает. Ты и так у нее на крючке.

То, что он на крючке, Роман понял уже в этот же день. Учебный год закончился, походы в школу прекратились. После переезда Роману и Юле все реже удавалось побыть наедине. Для того чтобы привести дом с порядком Алла взяла отпуск. Юля постоянно ей помогала по хозяйству.

– Езжай сынок и не забывай, что ты мне обещал...

Роман поднял голову и метнул в отца вопросительный взгляд. Сергей нахмурился и напомнил:

– Ты просил дать вам время. Я дал. Но после летних каникул разговор будет другим. Либо вы будете братом и сестрой, либо я отправляю тебя в Суворовское училище, и о геофизике можешь забыть.

Всю ночь Роман не спал. Вертелся в кровати как угорь на сковородке. После того, как он предпринял титанические усилия в воссоединении отца и Аллы, они отплатили ему ударом в спину. Ну почему их с Юлей не оставят в покое? Он ведь не просит от судьбы чего-то запретного. Он просто полюбил и хочет быть с любимой. Все! Почему же судьба, будто в насмешку, подкидывает ему испытание за испытанием?

Среди ночи послышался шорох, Роман открыл глаза и увидел Юлю. Она склонилась над его кроватью.

– Роша, ты спишь?

– Какой там! У меня сейчас голова взорвется от мыслей!

Он протянул к ней руки и хотел уже втащить к себе в кровать, как дверь распахнулась, зажегся свет.

– Что ты здесь делаешь?! – набросилась Алла на дочь.

– Я... я... слышала... – Юля никак не могла подобрать слова, – что Рома стонал во сне...

Роман зажмурился. Их комнаты разделяла лестница и кладовка. Ничего глупее Юля не могла придумать.

– Вот как? Значит, стонал? И что ты намеревалась делать? – голос Аллы сочился желчью и яростью. – Постонать вместе с ним?

– Разбудить его... – тут же парировала Юля, уже осмелевшим голосом.

– Ага, разбудить, значит... – Алла быстро окинула цепким взглядом детей и отступила в коридор. – Разбудила?

Юля кивнула.

– Так иди в свою комнату. И как только он застонет в следующий раз, стучи в нашу дверь. Мы позаботимся о нем.

Последнюю фразу она сказала, таким тоном, что сомнений не было, Алла объявила на них охоту.

Всю оставшуюся ночь Роман пялился в потолок и думал над тем, что их с Юлей ждет. Он знал, что если Алла что-то втемяшила себе в голову, то переубедить ее будет сложно. Придется ему уехать на летние каникулы. Другого выхода он не видел.

Прощались урывками. Уединялись на краткий миг, срывая с губ томные сладостные поцелуи. Придумывали занятия для двоих, чтобы под любым предлогом «случайно» соприкоснуться. Однажды даже удалось отпроситься в кино на дневной сеанс. Купили билеты на последний ряд и целовались как сумасшедшие. А когда вышли на улицу, поняли, что домой в таком виде идти нельзя и еще час гуляли по скверу, пытаясь отдышаться.

Юля все чаще плакала. Роману то и дело приходилось ее успокаивать и направлять энергию в созидательное русло.

– Пока меня не будет, прочти книги, которые вам задали на лето. Напиши сочинение. Заранее, – он ухмыльнулся и щелкнул ее по носу. – Ты же знаешь, какая тема будет первой.

Он намекал на тему «Как я провел лето», но Юля его даже не слушала.

В Обнинске их никто не знал и на улице они чувствовали себя свободнее. Роман мог спокойно ее обнять и поцеловать. Вот только выходить за пределы дома с каждым днем Юле было все сложнее. Если Романа отец не контролировал, то Юле приходилось отчитываться перед матерью за каждый шаг.

– Это всего лишь на три месяца. А потом жизнь наладиться, и будет все по-прежнему, – успокаивал Роман возлюбленную.

Но Юля чувствовала, что с переездом в новый дом, над ними будто что-то нависло – злой рок, который непременно их разлучит.

– Как я проживу без тебя три месяца? Роша? Как? – Юля заплакала и уткнулась ему в грудь.

Он и сам чуть не плакал. Для них это было катастрофой. И конечно своим видом они еще больше вгоняли родителей в уверенность, что их пора разлучать.

Юля подарила Роману кулон на цепочке, который она сделала из двух скрепленных между собой медиаторов. С внешних сторон были надписи «Rock» и «Music», а во внутренней части личное послание, которое не предназначалось для чужих глаз: «Amore mio».

В день отъезда, перед тем как сесть в машину, Роман поднял голову и долго смотрел на Юлю. Она припала к окну своей спальни и плакала. Жестом показывала на небо, а он ей на солнце, а потом прикладывал руку к груди в область сердца и поглаживал. Они обменивались тайными знаками, понятными только им, пока Сергей не завел машину, намекая, что им пора ехать. Алла дочь не видела, но зато Романа разглядела из окна кухни предельно ясно. В глазах столько боли, что казалось, еще минута, и он расплечется. А чтобы довести парня до слез нужно было еще постараться.

Через неделю Алла решила откровенно поговорить с дочерью. Разговор состоялся на террасе, где они на большом деревянном столе раскатали рулон ткани, чтобы сшить портьеры для столовой и гостиной.

– Доченька, то, как ты переживаешь из-за отъезда Романа, наводит меня на мысль, что ты его любишь не как брата.

Юля в этот момент настраивала швейную машинку и, услышав слова матери, вздрогнула и проколола палец иглой. Врать она не умела, а матери тем более. Пока Роман был рядом, она еще как-то держалась, а как уехал, превратилась в тень. Глаза потухшие, постоянно красные от слез. По дому она ходила как зомби, сшибая плечами углы и дверные косяки.

– Юльча! Ты что слепая? – кричала на нее мать, на что девочка даже не реагировала.

С каждым днем ситуация ухудшалась. Утром Юля не хотела подниматься с кровати. Все чаще отказывалась от еды. А с вечера закрывалась в комнате и под видом чтения книг погружалась в свой собственный фантазийный мир, в котором существовали только они с Романом.

Юля не ответила, и Алла продолжила уже более вызывающим тоном:

– Если я права, то мы с Сергеем будем вынуждены пойти на крайние меры и разлучить вас.

– Вы не посмеете! – выпалила со злостью Юля.

– Еще как посмеем, Юльча, – сдержано парировала ей мать и решила, что угроза, пусть даже необоснованная в данный момент будет очень уместна. – И давай-ка я тебе объясню всю серьезность ситуации. Если ваша любовь выйдет из-под контроля и перейдет из поцелуйчиков в обнимайчики, а там и до секса рукой подать, то Романа могут посадить в тюрьму. Ему уже шестнадцать, он получил паспорт, и будет нести наказание по всей строгости закона.

– Какое наказание?! – вскочила Юля на ноги. – За то, что любит? За это полстраны можно пересажать.

– Да, но не тогда когда девушке четырнадцать лет и твои действия попадают под статью «Раствление малолетней».

– Он меня не растлевет! Он меня любит! И я его люблю! – Юля разрыдалась, заскочила в дом и побежала в свою комнату.

Почти час Алла сидела на террасе словно парализованная. Случилось то, чего она боялась больше всего. От безысходности ей хотелось выть, кричать, рвать на себе волосы. Нутром она понимала, что действовать нужно осторожно,

но что конкретно делать в такой ситуации, не представляла. Никто не мог ей ничего посоветовать, да ей и стыдно было кому-то о таком рассказывать. Реакция дочери не только обескуражила, но и разозлила ее. В Алле вдруг проснулась ревность, да такая напористая и безграничная, что разрывала ее сердце на части.

Как женщина чувства дочери Алла прекрасно понимала. Роман был красивым, высоким, статным. Занятия спортом сделали его тело совершенным, особенно за последний год. Он и раньше выглядел старше своих лет, а сейчас на него уже заглядывались соседки студенческого возраста. Их интерес не ослабевал даже тогда, когда они узнавали, что парень еще учиться в школе. Алле он и самой нравился. Чего уж там греха таить, не раз заглядывалась на его стройное тело и по ангельски привлекательное как у его матери лицо. Алла же не каменная, живая, состоящая из тех же чувств, что и другие. Но было в Романи и то, что по-матерински ее настораживало. Однажды он сказал, что она должна сделать его отца зависимым от нее, как от наркотика. Тогда, мол, он останется с ней навсегда. Эта мысль Алле не давала покоя много дней. В итоге Роман оказался прав. Сергею нравился спонтанный секс. Алла не сразу к этому привыкла, иногда ситуации возникали почти экстремальные, но как только она поняла, что ему нужно, их отношения вошли в новую фазу, и они уже не конфликтовали.

А не проделал ли тот же фокус Роман с Юлей? Дал ей то, что сделало девочку от него зависимой. Тогда надо понять каким инструментом он воспользовался, чтобы увлечь ее дочь? Сексом? Алла помотала головой. Юля еще была невинной, это было понятно, как дважды два. Тогда чем? Чем он ее прельстил? Красноречивыми льстивыми речами? Да! От мелькнувшей догадки Алла даже вскочила и начала расхаживать по террасе. Как она раньше не догадалась? Ведь он постоянно что-то девочке нашептывал, от чего та краснела, бледнела, закатывала глаза, а в последнее время в лице дочери появилось что-то новое... еле уловимое... Желание? О, боже! Если Алла не вмешается, то случится непоправимое. Ведь она не сомневалась, Роман просто играет с Юлей, а как наиграется – бросит. Забудет и перекинется на другую. И что тогда будет с их семьей?

Вечером Алла рассказала Сергею о разговоре с дочерью и по его реакции поняла, что он тоже уже догадался, что между их детьми вспыхнули сильные

чувства. Алла плакала и говорила ему о том, что их откровенные проявления страстности могли повлиять на детское неокрепшее сознание и невольно подтолкнуть к возникновению отношений. На счет Юли Сергей не знал, но для сына это было далеко от правды. У его бывших женщин тоже имелись дочери, некоторых из них можно было с уверенностью назвать привлекательными, но Роман на них никак не реагировал. Одна даже из мести оклеветала его. Развивать тему он не стал. Между ним и Аллой только-только восстановился хрупкий мир, и рисковать Сергеем не хотелось. Он надеялся, что ситуацию с детьми еще можно поправить, что три месяца долгий период, и дети непременно увлекутся другими, отстынут, забудут и они заживут как прежде.

Еще несколько попыток Аллы поговорить с дочерью потерпели фиаско, после чего Юля замкнулась и больше не выходила из комнаты. Девочка начала терять в весе, не реагировала ни на какие уговоры и когда мать заходила в ее комнату чтобы в очередной раз попытаться вывести ее хотя бы на кухню, Юля визжала и пряталась в шкафу. Еду ей приносили как собачке, на порог комнаты. Юля ела только ночью, когда дом погружался в тишину и ее окутывали фантазии о возлюбленном. Ночь – особенная для них с Романом часть суток. Ночью она чувствовала с ним особую связь. Щеки розовели, желудок оживал и требовал подкрепления, и вот тогда-то Юля выбиралась из шкафа и осторожно выглядывала в коридор в поиске еды.

Роман вышел из вагона и глазами поискал отца. Поезд из Ростова прибыл на Казанский вокзал с опозданием на два часа, отец мог ждать его в зале ожидания или в машине на стоянке. Роман немного потоптался на перроне, всматриваясь в мелькающие лица. Народу вокруг было много – легко затеряться. Он заранее телеграммой оповестил отца о своем приезде и уже грешил на то, что мог по рассеянности, в которой пребывал последние три месяца неправильно указать номер вагона или поезда.

Выйдя из здания вокзала, Роман еще раз огляделся по сторонам и решил поехать домой на такси. Благо у него были с собой деньги. Три месяца Роман не просто гостил у родственников, он работал и сделал закладку фундамента в их с

Юлей «Стартовый капитал» – так он называл первые заработанные им за летние каникулы деньги. Раньше он бы накопил себе шмотья или книг или новую гитару, но сейчас у него впереди четкая цель: обеспечить их с Юлей финансовую независимость от родителей.

После недельных раздумий вдалеке от Юли, у Романа созрел план, как сделать так, чтобы родители отстали от них и дали ему спокойно доучиться в школе последний год. План был немного рискованным и имел массу изъянов, но другого выхода он не видел. Ему хотелось скорее поделиться с Юлей своими мыслями. От волнения Роман весь издергался. Он тысячу раз представлял себе этот день, их долгожданную встречу и последующий разговор. И так распалился, что не мог сейчас унять дрожь в коленях. Он скучал по ее голосу, улыбке, зеленым глазам и так привык к ее присутствию, что уже жизни без нее не мыслил.

Ворота оказались закрытыми. Роман перелез через забор и нашел в тайнике запасной ключ от дома. Странно, в субботний день обычно вся семья занималась домашними делами, а в день его приезда, ни отца, ни Аллы, ни Юли дома не было.

Что с Юлей что-то случилось, он понял, когда вошел в ее комнату. Пол от кровати до шкафа был залит кровью, вокруг валялись пустые ампулы, использованные шприцы и ошметки от перевязочного материала. Роман похолодел и отпрянул к стене. Затем скатился на пол и обхватил голову руками. Сидел он так несколько минут, раскачиваясь как тростник на ветру, пока его взгляд не привлекла открытая дверца шкафа для одежды, и он подполз, чтобы разглядеть какие-то отметины. Шкаф был совершенно новым, его купили после переезда. Они с Юлей сами его распаковывали и собирали. Количество процарапанных полосок соответствовало дням его отсутствия, а это говорило о том, что еще сегодня утром Юля сидела внутри шкафа и чем-то острым делала зарубку. Чем именно Роман увидел уже спустя мгновение и замер от ужаса. Это был его швейцарский нож, который подарил ему отец на пятидесятителетие... окровавленный нож...

«Что тут, черт возьми, произошло?», – подумал он, окидывая оценивающим взглядом комнату.

Роман подметил свою футболку на ее кровати. Потом шорты... рубашку... Почему его вещи лежат в комнате Юли? Кто их сюда принес? А главное, зачем? И почему до сих пор вещи не постираны?

От запаха крови ему стало дурно, он вышел из дома на воздух и сел на ступеньки. Роман не чувствовал своего тела, будто был где-то далеко отсюда. В голове проносились самые страшные мысли. Юля умерла? Ее больше нет? От этих мыслей на глаза навернулись слезы и он зарыдал. Громко, во весь голос. Почему он послушал отца и уехал? Почему оставил ее одну? Ведь у него были дурные предчувствия...

Гаражные ворота распахнулись, когда уже начало темнеть. Роман бросился к машине и закричал:

– Пап! Что случилось?! Почему в доме кровь?

Не обращая на него никакого внимания, отец подошел к пассажирской двери и помог Алле выбраться из машины. Она сделала несколько шагов, но увидев Романа, заверещала как истеричка и рванула к пасынку, но Сергей в последний момент успел схватить ее за плечи и оттащить от сына.

Дальнейшие события протекали как во сне. От испытанного ужаса его словно парализовало. С Юлей точно случилось что-то страшное и непоправимое. Он приходил в себя урывками, мгновениями. Вот он сидит на кухне за столом и отец ему рассказывает, что происходило в доме за последние три месяца. У Романа холодеют конечности, и сам он держится из последних сил. Вот его ведут по длинному тусклому коридору и заводят в какую-то комнату, где он видит бледное исхудалое восковое тело Юли и цепенеет от ледяного холода.

– Она мертва? – спросил Роман, глядя на когда-то цветущее создание.

Наверное, он задал глупый вопрос, потому что отец молчит и как-то странно на него смотрит. Почему он молчит? Роман растеряно озирался вокруг. Где он? Вроде это не морг...

С ним говорит какой-то доктор. Вкрадчиво, проникновенно, как с взрослым. От него хотят поддержки. Присутствия в жизни Юли. Что за глупости? Она и есть его жизнь. Так это не морг?..

Его выводят из врачебного кабинета, и сажают в коридоре на стул. Как из водной глубины он слышит разговор отца и того же доктора.

– Почему он перестал реагировать?

– Он в шоке. Дайте ему сутки прийти в себя.

– Алла не хочет его видеть. Мне придется увести его к родственникам.

– Ни в коем случае. Я сам поговорю с ней завтра. Их нельзя сейчас разлучать. Юля держалась только благодаря мысли, что Роман вернется. Если она его завтра не увидит, то в ее состоянии наступит ухудшение и тогда длительной госпитализации не избежать.

– Вы говорите о психушке?

– Да. О психоневрологическом отделении. Если бы вы слушали мои рекомендации, то ничего бы этого не было.

– Алла была уверена, что справиться сама, – попытался оправдаться Сергей.

– И что же ей давало такую уверенность? – с горечью спросил доктор.

Сергей не ответил, потерянный взгляд блуждал от сына до двери палаты Юли.

– Состояние Юли мы стабилизировали. Она будет спать до утра. Так что идите домой. А завтра жду вас всех в своем кабинете.

– Пап, это морг? – снова спросил Роман, когда к нему подошел отец.

У Сергея по телу пробежал холодок. Сын даже не слышит его ответов.

– Нет, сынок, это не морг, – в который раз ответил Сергей и повел сына по длинному коридору к выходу.

Роман очнулся только в собственной кровати. Что он тут делает? Юля в больнице, а он почему-то лежит в своей комнате. Он встал, подергал ручку двери, но та не поддавалась. Роман встряхнул головой, чтобы окончательно проснуться. Бр-р-р! Дверь заперта. На ключ. Что за черт?! Роман открыл окно и недолго думая, спрыгнул со второго этажа. При приземлении задел челюстью колени и прикусил губу, да так сильно, что кровь закапала на футболку и джинсы. До больницы пошел пешком... босиком. Пока шел, голова немного прояснилась, и в сознании уложилось то, что ему поведали врач и отец.

Он дождался, когда постовая медсестра уйдет в процедурный кабинет и прокрался в палату к Юле. Лег с ней рядом, сплел их пальцы и начал тихо ей нашептывать.

– Юля, Юлечка, Юлек... солнышко мое... я приехал... теперь все будет хорошо... я люблю тебя... я соскучился...

Он обнял ее и заснул. Сквозь сон он слышал чей-то шепот, мужской и женский, но сил открыть глаза у него не было. Никто его не будил, никто не выгонял из палаты. Только еле слышно прошептал почти над его ухом:

– А это наши обнинские Ромео и Джульетта...

Роман мысленно усмехнулся, он ничего не имел против такого сравнения, главное чтобы они с Юлей не закончили как знаменитая веронская парочка.

Проснулся Роман от легкого щекотания и машинально тряхнул рукой. Кто-то тихо произнес его имя, а потом, еле касаясь, нежно погладил по щеке. Открыв глаза, он увидел Юлю. Она смотрела на него немного испугано и осторожно, будто боялась, что после пробуждения он вскочит и убежит.

– Доброе утро, мое Солнце, – Роман чмокнул ее в губы и пригладил распушившиеся волосы. – Amore mio.

Она улыбнулась и хриловатым от сна голосом произнесла:

– Это самое лучшее утро за все лето.

Ее пальцы теребили его медальон.

– Никогда так больше не делай, Миа, – он прижал ее голову к своей груди, голос задрожал. – Я мог потерять тебя навсегда.

– Знаю, что сглупила, но тогда я думала, что у меня нет выбора...

Он нахмурился и Юля пояснила:

– Утром я впервые за последние три месяца намеревалась выйти из дома. Решила поехать с твоим отцом на вокзал. Хотела увидеть тебя выходящим из вагона. Но они... не разрешили...

В слово «они» Юля вложила столько ненависти и злобы, что Роман ужаснулся. Таких сильных негативных эмоций она никогда не испытывала. Юля вообще не способна была на ненависть, а сейчас прямо сочилась ею. От его реакции Юля заскулила, по щекам потекли слезы.

– Сказали, что мы в ближайшие годы не увидимся. С ужасом я смотрела, как они собирали твои вещи. И тогда я подумала, если отвлеку их на себя, то про тебя они забудут.

Он прижался к ней еще сильнее и заплакал.

– Юлька... ты ведь могла умереть... могла лишиться руки... ты об этом подумала? Тетеха! На кого бы ты меня оставила? А? – он обхватил ее лицо ладонями и уставился в ее глаза. – Небо не может существовать без Солнца, оно померкнет.

– Роша, почему ты мне не писал? – она снова начала всхлипывать.

– В первую же неделю я написал тебе три письма, знал, что будешь с ума сходить. А когда не получил ответа, понял, что письма перехватывают.

Они проговорили еще несколько часов, рассказывая друг другу, как длились их долгие мучительные дни в разлуке. Теперь глаза Юли светились от счастья, как два изумруда. Лицо озаряла нежная благодарная улыбка. Ее руки были в постоянном контакте с Романом, словно она все еще не верила в его реальность и хотела убедиться, что все это не сон.

По распоряжению лечащего врача, с которым Роман говорил накануне, медперсонал его не трогал, ему лишь обработали раны на ногах от ночного броска босиком и выдали потертые тапочки. Роман беспрепятственно передвигался по отделению. Следил за тем, чтобы Юля вовремя принимала лекарства, приносил ей еду и сладости, дважды вывел Юлю на балкон, где она немного подышала воздухом. Юля быстро уставала и часто проваливалась в непродолжительный, но глубокий сон. О случившемся они не говорили, пока медсестра не пришла поменять Юле повязку, и тут Роман увидел на ее руке уродливый шов. Свой путь он начинал с внутренней стороны запястья и сплошной извилистой линией поднимался до локтя.

От ужаса Роман не мог произнести ни слова. Его забил озноб. Пока медсестра не вышла, Роман то и дело потирал лицо ладонями, пытаясь собраться с мыслями. Вообще-то он не хотел говорить с Юлей в больнице о своих планах, но ужасающий на вид порез выбил его из колеи и подтолкнул к излияниям.

– Юля, нам надо поговорить.

Она вздрогнула и здоровой рукой натянула до шеи одеяло, его тон ей не понравился. Закрыв дверь, Роман сел на стул рядом с изголовьем койки, взял Юлю за руку и тихо с ней заговорил.

– Я долго думал, как нам выбраться из этой ситуации.

Юля закрыла глаза и всхлипнула. Сейчас он скажет, что они не могут быть вместе потому, что их семейное положение вскоре изменится окончательно, ведь их родители уже подали заявление в ЗАГС.

Он приложил ее ладонь к своей щеке.

– Миа, чтобы родители от нас отстали, мы будем делать вид, что встречаемся с другими.

Слова Романа поразили Юлю и заинтересовали. Она повернулась к нему, вытерла слезы и с этого момента внимательно слушала.

– Мы вместе проработаем детали плана, найдем претендентов и посвятим их в нашу тайну. Эти люди должны быть очень надежны. Конечно, без ответной услуги нам не решить этот вопрос, поэтому может пройти не один месяц, пока мы найдем подходящие кандидатуры.

– Ты говоришь о взаимной услуге? Они нам – мы им?

– Да. При родителях мы будем вести себя как брат и сестра. Не надо их раздражать. Пусть думают, что мы пересмотрели свои отношения, – остальную часть плана Роман начал излагать уже деловым тоном. – Мы будем ходить парочками, пересекаться в заранее оговоренных местах, потом они будут уходить, а мы оставаться. Родители будут думать, что у каждого из нас своя личная жизнь. А для того чтобы нам было легче, мы пойдем в разные школы, займемся серьезно спортом, а я еще и подготовкой к институту. Когда я окончу школу и уеду, тебе будет не так тяжело. У тебя будут спорт, подруги, школа и какое-нибудь хобби. Займи себя так, чтобы и минуты свободной не оставалось. Понимаешь?

Она кивнула.

– К тому же нам придется работать.

– Работать?

– Да. Нам нужны будут деньги. Жизнь в Москве дорогая. Придется снимать квартиру. У нас уже кое-что есть, – Роман достал из кармана новенькое

портмоне и протянул Юле. – Три месяца я помогал деду в мастерской. Красил лодки, перебирал моторы. Короче, брался за любую работу.

Юля открыла бумажник и ахнула. В одном отделении были денежные купюры разного достоинства. В другом – ее фото. Он не забыл о ней, как она себе надумала, не променял на другую девчонку. Он работал и думал об их будущем. Юле стало стыдно, она прикрыла здоровой рукой глаза и снова заплакала. Роман будто понял ход ее мыслей и сказал:

– Юлька, я не смогу жить, думая, что при первых же трудностях ты отдашь свой мозг на растерзание сомнениям. Я хочу, чтобы ты вбила себе в голову... – Роман ткнул указательным пальцем ей в лоб. – Я люблю тебя и хочу прожить с тобой жизнь. Мы будем всегда вместе – ты и я.

Она перехватила его руку и прижала к губам.

– Самым трудным периодом будут два года, когда я уеду в Москву, а ты еще будешь учиться в школе. И до этого момента остался ровно год. Я буду впахивать, как папа Карло. Работать и учиться. Приезжать смогу только на каникулах. Я хочу быть уверен, что с тобой здесь все будет хорошо. Что ты ждешь меня. Что ты веришь в меня. Без этого у нас ничего не получится. Юлька, будь сильной, ради нас... ради меня...

Глаза Романа увлажнились, и Юля поспешила его заверить:

– Я буду сильной, Роша! Буду! Даже не сомневайся. А это, – она показала на перевязанную руку, – я сделала от отчаяния. Думала, ты меня бросил. Забыл. Мама тоже мне не помогала, говорила всякие гадости о тебе. Но я все равно держалась. Ждала тебя. А когда они стали собирать твои вещи, во мне что-то надломилось. Поняла, что сделала глупость, когда меня везли в больницу. Мне представилось, как тыходишь в дом и видишь кровь, бинты и как ты бледнеешь, и на ум приходят ужасные мысли и от этого я была готова на стенку лезть.

– Миа. Ночью я стоял здесь перед твоей койкой, как чертов Ромео перед мертвым телом Джульетты. Твое лицо было похоже на посмертную маску. Это было так жутко, что кровь в жилах стыла, – его подбородок задрожал. – Клянусь, в этот момент что-то во мне умерло. Что-то, что я мог дать тебе, а теперь оно исчезло.

– Я никогда тебя не подведу, Роша...

– Обещаешь? – Роман поцеловал ее и скривился, разбитая губа все еще пульсировала от боли.

– Обещаю... Но я ненавижу наших родителей Роша.

– Не говори так... – он сам уже их ненавидел, но не в его характере поддаваться этому испепеляющему чувству.

– Не представляю, как вернусь домой и все продолжится. Ненавижу их игрища! Ненавижу их смех и грязные словечки. И то, как он называет ее «Пирожочек» тоже ненавижу. Ты бы видел, что он с ней делал все лето.

– А ты где видела? – напрягся Роман, хотя уже знал ответ.

Только здесь и сейчас он осознал, как губительно для Юли видеть то, что ее подростковый мозг не в состоянии обработать.

– Они занимались этим повсюду! На кухне, в столовой, в гостиной, даже на террасе... Будто меня нет... я не существую... я призрак...

– Господи, – прошептал Роман и закрыл лицо руками.

– Они мерзкие, – продолжила Юля после паузы. Ее злоба распалась. – Это они должны разорвать всякие отношения и дать нам возможность быть счастливыми. Мы же их дети! Почему они о нас не думают?

Роман поднялся с койки и, засунув руки в карманы джинсов, прошелся по палате. Он понимал злость Юли, но если ее поощрять, ему никогда не вернуть ее в прежнее русло.

– Потому что любят друг друга и хотят построить семью.

– Ты их оправдываешь? – возмутилась Юля.

– Нет... просто говорю, как есть.

Но у Юли был решительный настрой.

– Они уже пожилы, а мы только начинаем. Они должны уступить.

– Юля не надо развивать в себе злость и ненависть к матери. Это съест тебя изнутри. Поверь мне, я был на твоём месте. Я ненавидел свою мать. А что толку? До сих пор она беззаботно порхает, как бабочка, а я потерял два года своей жизни, растрчивая их на выражение ненависти.

–Твоя мать занималась сексом с другим мужчиной на твоих глазах?

– Нет.

– Тогда к чему эти сравнения? Ты не был на моем месте.

Роман бросился к ней. Взял ее лицо в ладони.

– Миа, я не хочу, чтобы в тебе копилась ненависть... не хочу. Это убьет нашу любовь.

Юля потупила взгляд и тяжело вздохнула. Роман прав.

– Миа, я так скучал... с ума сходил... скажи, что я твое небо... что ты все еще любишь меня...

Ответить Юля не успела, в коридоре послышались голоса их родителей и лечащего врача. Они остановились перед дверью и обсуждали психологическое состояние Юли. Дверная ручка то и дело опускалась и снова поднималась. Дети замерли и стали прислушиваться к разговору. Доктор убеждал Аллу, что сейчас брата и сестру лучше не разлучать. Узнав, что Роман в палате, Алла заверещала на весь коридор. Юля вздрогнула, а Роман сжал кулаки и вскочил со стула, внутренне настраиваясь на оборону. От страха глаза Юли расширились, на щеках заблестели дорожки от слез.

Наконец дверь распахнулась, и первым в палату вошел Сергей, он быстро оценил обстановку и дал знак сыну отойти от койки подальше. В руках он держал пакет с провизией и, оглядевшись, поставил его на тумбочку. Роман не стал накалять атмосферу и пристроился у окна. Следом вошла Алла, нос и глаза красные, лицо опухшее от слез. С ее появлением воздух сгустился и пропитался ядом. Она не смотрела на Романа, но посылая в его сторону такой поток уничтожающей энергии, что Сергей невольно загородил от нее сына.

Алла села на стул у изголовья койки и бесцветным взглядом уставилась на руку дочери. Нависла гнетущая тишина. Юля не сводила умоляющего взгляда с Романа и продолжала беззвучно плакать.

– Выйдем, нужно поговорить, – тихо сказал Сергей сыну и кивком указал на дверь.

Как только они вышли, Алла с облегчением вздохнула и спросила:

– Ты ела?

Юля смотрела на мать, как на шизофреничку и упорно хранила молчание. В этот момент она физически ощущала, как рвутся невидимые нити, что связывали их как самых близких людей – мать и дочь. Куда-то в бездну безвозвратно ушли любовь, благоговение и уважение. А главное Юля поняла, что

призирает мать. Это зрело в ней с первого дня появления Сергея в их старой квартире. Она ненавидела то, как мать проявляла к постороннему мужчине свои чувства. Ненавидела ее интимные стоны и крики, как менялись материнское лицо и интонации в голосе, когда Сергей ее откровенно лапал... иногда при дочери.

Это лето и так для Юли оказалось самым тяжелым испытанием, а мать, будто в насмешку над ее чувствами, упивалась горячими страстными ночами, даже не задумываясь о том, что через тонкую перегородку Юле слышно каждое ее слово, каждое движение и стон. Мало того, свой день она начинала не с завтрака, а с посещения комнаты дочери, где с отметинами после бурной ночи вокруг шеи, поливала грязью Юлиного избранника, его мотивы и намерения. Она называла его лгуном, манипулятором, коварным хитрецом и извращенцем. Юля плакала, закрывалась в шкаф, затыкала уши, но слова матери все равно долетали до ее слуха, просачивались в сознание и отравляли душу.

– Чего тарачишься? – грубо упрекнула Алла дочь. – Не хочешь поговорить с матерью? Объяснить свое поведение? Что это за выходки, Юльча?

– Уходи, – решительно произнесла Юля. – Я не хочу тебя видеть.

– Не смей так говорить с матерью! – Алла с размаху отвесила пощечину дочери.

Юля схватилась за пылающую щеку и злобно сверкнула глазами.

– Что? Осмелела после того как твой любовничек прискакал среди ночи? Ни запертая дверь спальни, ни охрана в вестибюле больницы его не остановили. Так я тебе гарантирую, что он тут ненадолго. Я еще разберусь с этим докторишкой, узнаю, кто ему диплом выдал. А если надо, я сама тебя упеку в психушку! Лучше туда, чем смотреть, как этот змей опутывает тебя своими сетями. Что смотришь? Он уже напел тебе про любовь и залез под юбку? Вы хоть предохраняетесь? Еще не хватало, чтобы ты мне в подоле принесла!

Юля выпучила на мать глаза и с силой стиснула челюсть. Слушая язвительные выпады матери, которые больно жалили ее сердце, она думала о том, что перед ней сидит совершенно чужая ей женщина. Она не знает Юлю, а Юля не знает ее. Откуда она здесь взялась и кто ее к ней подпустил? Девочкой овладела безудержная паника. Недолго думая, Юля заткнула уши и заверещала так громко, что на ее крик в палату прибежали весь медперсонал отделения и Роман с отцом.

– Шлюха малолетняя! Вымахала выше матери, а ум окончательно усох!

Юля схватилась за голову и продолжала кричать во весь голос, не обращая внимания на набившуюся людьми палату.

– Ори-ори, дура! Может через рот крупница чужой мозговой клетки залетит!

Алла встала, степенно, с гордостью, будто выполнила то, над чем старательно трудилась последние месяцы.

– Я хочу, чтобы завтра же мою дочь осмотрел гинеколог, – выпалила она лечащему врачу. – А вот этому извращенцу, – Алла показала на потерявшего дар речи Романа, – я запрещаю находиться в палате моей малолетней дочери.

Глава третья «План в действии»

«Это ведь только мое и я обещаю, что буду обращаться с этим бережно. Ты для меня бесценна. Ничего и никого нет красивее тебя. Ты – идеальное создание, которое сотворено специально для меня. Для моего тела и души. А я – твой. Твой навечно. Раб твоей красоты».

Наши дни

Обычно улыбчивый и дерзкий Рудик сегодня выглядел озабоченным и печальным. Докурил в стороне сигарету и манерно выпустил дым, проигнорировав знаки внимания двух симпатичных девушек идущих ему навстречу. Юля хмыкнула, девчонки зря старались. Чуть шеи не вывернули. Увы, Рудик был игроком за другую команду, но по просьбе опекунши, то есть Юли, не выпячивал напоказ свою ориентацию.

Вглядываясь в его худощавое лицо с отпущенной по последней моде недельной щетиной, Юля подумала, что ее подопечный хорошеет с каждым днем. Внешностью он походил на цыгана: густая зачесанная назад шевелюра, черные как ночь глаза, широкие брови, пухлые изогнутые губы и прямой немного расширенный книзу нос. Задиристый взгляд, смуглая кожа и черные тоннели в ушах только дополняли его бунтарский вызывающий образ. Даже в смокинге Рудик умудрялся выглядеть смутьяном, и как ни старалась Юля ввести его в высшее общество, под конец любой вечеринки его можно было найти не среди

гостей, а скорее среди обслуживающего персонала. И ни потому, что ему претили хорошие манеры и светские разговоры, а потому, что Рудик сызмальства познал высшее общество и был им сыт по горло. Его мать была женой высокопоставленного чиновника, но Юля знала, что отец Рудика почти с самого рождения сына жил отдельно и редко видел сына.

С Рудиком Юля познакомилась в группе психологической поддержки, когда ему было всего пятнадцать, и к тому моменту он уже год зарабатывал себе на жизнь проституцией. Группа специализировалась на жертвах запретной любви, и Рудик попал в нее после того как его мать обвинили в растлении сына и посадили в тюрьму. По словам подростка, мать так отомстила его отцу, но в чем конкретно заключалась месть и ее обида, он не говорил даже Юле. Рудика определили в приемную семью, откуда он сбежал уже через месяц и, приехав в столицу, слонялся в местах обитания геев.

Опекунство Юля оформила не сразу, а только через полгода, хотя он жил у нее с первого дня ее шефства над ним. Им было хорошо вместе. Вот уж к кому Юля реально испытывала братские чувства. Ему, конечно, она не скажет как подруге: «Беги». Это бесполезно. Рудик ее никогда и ни при каких обстоятельствах не бросит.

– Ну как ты? – спросил Рудик, целуя Юлю в щеку. – Боже! – он коснулся синяка. Брови сдвинулись в одну сплошную линию. – Такое даже Даша поправить не сможет, а через два часа у тебя встреча с Айратовым.

– Я не буду ничего замазывать. Шамиль в прошлом боксер, как и Ярик. Сошлюсь на травму на тренировке. Кстати, где Ярик?

– В банке... – услышав вздох облегчения начальницы, Рудик закатил глаза и добавил: – Пьяный. Разгромил твой кабинет... и твою квартиру...

От удивления Юля выпучила глаза. По телу пробежал холодок.

– Мою квартиру? Мой кабинет?

– Савва заперся со своими шестерками в кабинете начальника охраны. Ярик бегает по банку как шизик и орет на всех... – Рудик сделал жест рукой, означающий, что самое интересное он приберет напоследок, – в трусах...

– В трусах?

– Точнее в боксерах... черных, – уточнил Рудик и рассмеялся, но глаза оставались грустными.

– Готика – это плохо, – с усмешкой резюмировала Юля.

Она понимала, о чем сейчас думает Рудик и что хочет сказать. За восемь лет, которые они провели вместе, она могла распознать по его лицу весь мыслительный процесс. Например, сейчас он был настолько напуган, что вместо того чтобы доложить обстановку и выработать план дальнейших действий он начал отшучиваться, а значит, его нервная система была на пределе, и если Юля ничего не предпримет, в ближайшие минуты Рудик начнет пошлить и жеманиться, а потом и вовсе впадет в истерику.

– То есть, то, что он разгуливает по банку в трусах, тебя не смущает? Смущает черный цвет?

– Именно, – улыбка сошла с лица, когда Юля увидела, кто вышел из центральной проходной.

Рудик проследил за ее взглядом и напрягся.

– Переговоры закончены. План выработан. Быстро они... – резюмировал Рудик и заставил себя собраться с силами. – Кстати, я не услышал от тебя вчера «да», – Рудик одарил ее озабоченным взглядом. – Может ты Ярику на ушко что-то прошептала? Вид у него был счастливый, – Рудик поднялся со скамьи и отряхнул брюки. – Пойду, закажу нам билеты в Париж. Прошвырнемся по клубам, нажремся до блевотины и пошлем всех на... – Рудик выматерился и гневно уставился на степенно приближающегося к ним мужчину.

За Юлю он будет драться даже с Дорофеевыми и путь это будет последний день его жизни.

– С Парижем не спеши, Рудик, – Юля оценила задумчивый вид Саввы и добавила: – Скорее к нам идет спаситель, а не палач.

– Да, ладно, Юль. Утром он точно не был спасителем.

– Я нужна им в банке, а не в гробу, Рудик. И не забывай, что я беременна.

– Мне кажется, ты переоцениваешь важность этого факта... особенно для Саввы. Лишний рот ему ни к чему... своих полон дом.

– Я про нажраться до блевотины, – усмехнулась Юля. – Тут ты без меня.

– Кстати! – встрепенулся Рудик, слова Юли напомнили ему новость, которую он еще не успел озвучить. – Таблоиды пишут, что модель Дакота, бывшая девушка Ярика на седьмом месяце. Поговаривают, что ребенок его.

– Что? – Юля вспыхнула от гнева, но быстро ретировалась. – С этого и надо было начинать разговор, Всезнайка!

Она швырнула в него больничный тапок. Рудик увернулся, и чтобы подразнить ее высунул язык.

– Как такое возможно? Вы друг о друге ничего не знаете?.. – его палец как маятник от настенных часов качался то влево, то вправо. Он отшвырнул тапок к ее ногам и ухмыльнулся. – Он в курсе, что ты была моим опекуном до совершеннолетия? – Юля отвела взгляд и Рудик нервно хихикнул. – Зашибись страна родная! Ох, чую, веселенькая жизнь у нас начинается! Он вообще о тебе хоть что-нибудь знает?

С виноватым видом Юля опустила голову. Нет, ничего Юля о себе Ярику не рассказывала, а сам он не спрашивал. Тогда ей казалось, что ему и так о ней все известно и незачем лишний раз повторять то, что есть в ее досье. Но после совместного проживания на семейной вилле Дорофеевых она поняла, что многие факты из своей жизни ей все же удалось скрыть от посторонних глаз. В сущности все, что было до ее поступления на работу в банк оставалось за семью печатями.

– Понятно, вы только спаривались как суслики. Говорить было некогда. А в перерывах что делали? Камасутру листали и на полях пометки делали?

Не дождавшись ответ, Рудик схватил пакеты с одеждой, сказал, что будет ждать ее в палате, легким кивком поприветствовал подошедшего Савву и шмыгнул в больничной вестибюль.

– Как оно? – пробасил Савва, опуская на скамейку рядом с Юлей свою внушительную фигуру и придирчиво осматривая ее лицо. – Юлия Викторовна? До тебя добралась жена брата?

– Нет, упала в обморок в приемном покое.

Он обнял ее за плечи и притянул к себе.

– Рыжик, поговори со мной. Что вчера был за бардак?

Сейчас больше всего Юлю волновала судьба двух человек, одного из которого еще и человеком-то нельзя было назвать. Ради них она будет актрисой, бойцом, рабыней, кем угодно, лишь бы уберечь этих двух существ от беды.

– Это не бардак, Савва, это катастрофа.

Дорофеев взглянул на часы.

– У нас мало времени, я отвезу тебя в банк и буду с тобой на встрече с Айратовым. Или ты сегодня в банк ни ногой? – Савва показал в сторону, куда только что скрылся ее ассистент и спросил: – Небось напилекал уже, что Ярику крышу снесло?

– Савва, это его работа...

– Знаю, Рыжик. Надеюсь, он сделал свою работу и нашел что-то на Айратова, потому что у меня ничего нет.

Савва изучающе смотрел в ее глаза, потом провел большим пальцем по синяку и сказал:

– Иди, переоденься, поедем, позавтракаем. Ты ведь еще не ела?

Юля знала, какой она ему нравится: слабой, нуждающейся в защите и в его наставлениях. Перед тем как предпринять рискованные шаги, она всегда с ним «советовалась». Раскидывала информацию, как гадальные карты и разъясняла значение каждой из них. Манипулировала, подталкивала и, в конце концов, добивалась своего. Он одобрял самые рискованные сделки, и именно эти сделки вывели их банк на докризисный уровень прибыли.

Юля покачала головой.

– Нет аппетита.

– У тебя еще нет таксикоза?

Юля снова помотала головой. Волосы растрепались, глаза наполнялись слезами. Синяк на правой стороне лица уже начал зеленеть по краям. Вид несчастный, как у побитой собаки, от чего у Саввы сжалось сердце.

– Ничего-ничего, – он похлопал ее по руке, – разберемся.

Пятнадцать лет назад

После недельного пребывания дома Роману наконец-то удалось внедрить свой план. Юля еще лежала в больнице, когда он познакомился с симпатичной девушкой из соседней палаты и выяснил, что она, как и Юля, пыталась покончить с собой из-за парня. Проблема была в том, что Насте не было еще шестнадцати, в школу она пошла с шести лет, а ее парень, Кирилл, старше на девять лет. Парень окончил техникум, отслужил в армии и уже несколько лет работал в магазине автозапчастей. По словам девушки, родители застали их с Кириллом во время секса и пригрозили ему тюремным сроком, если не отстанет от их дочери. Естественно тот перестал появляться, а Настя от отчаяния порезала себе вены. К счастью, девушку спасли, но ситуация не изменилась, запрет был все еще в силе. Если Юля порезала руку демонстративно, при родителях, то Настя хотела умереть наверняка, потеряла много крови и проходила длительную реабилитацию.

Роман начал издали, осторожно, чтобы не спугнуть своим энтузиазмом. Сначала поработал курьером между влюбленными и даже пару раз дал им ценные советы. В процессе общения сдружился с Кириллом, оценил его надежность и серьезность чувств – Роману не хотелось тратить время на того, кто охладет к своей девушке уже через месяц. К счастью Кирилл заверил его, что любит Настю и готов на все перипетии их жизни, лишь бы быть с ней. Только после этого Роман поделился своим планом и получил одобрение. Таким образом, Настя стала «девушкой» Романа и как только выписалась из больницы пришла в гости и познакомилась со всей семьей.

Как и предполагал Роман, сразу после того, как Настя начала появляться в доме Алла ослабила хватку. Но оставалась проблема с Юлей, ей все еще трудно было выйти из дома без основательного повода. После тщательного поиска, Роман убедился, что найти подходящего кандидата в окружении Юли он не сможет. Одноклассники и ребята годом старше, были мелковаты как ростом, так и сознанием. Вступать с ними в такой серьезный сговор было рискованно, и Роман решил поискать среди сверстников из своей школы.

Кандидат нашелся уже через десять дней, им оказался Лев, его одноклассник. Парень был очень странным, неразговорчивым и замкнутым, как говорили в школе, «с тараканами в голове». Но Роман понял одно, девушки его не интересовали, а значит, Юля была с ним в безопасности. Лева увлекался

восточными единоборствами и был помешан на медитации. Он придерживался строгого распорядка. Таким его воспитал отец – тренер секции каратэ.

– Помимо того что он самый безопасный вариант, я выбрал его еще из-за внешнего с тобой сходства, – поведал Юле Роман, когда они наконец-то встретились на первом совместном с Настей и Кириллом свидании в кино.

На дневном сеансе зал был полупустым. В самом углу последнего ряда Настя и Кирилл, не теряя времени, целовались и обнимались с присущей им пылкой страстностью. Юля постоянно оглядывалась на них и теряла нить разговора.

– Да? – растеряно произнесла она и вспыхнула от очередного стона Насти.

Юлю охватила ревность, она знала, что по договоренности Роман должен был поцеловать Настю для убеждения родителей. И так как родители это обсуждали, значит, поцелуи уже были.

– Как она целуется?

Роман ждал ее одобрения на счет своего одноклассника, но услышав ее вопрос, нахмурился.

– Ты меня слушаешь? Почему ты смотришь на них?

– Ты уже ее целовал?

Тон Юли был жестким, с вызовом, и Роман решил выяснить, почему она так раздражена.

– Да.

– И? Как она тебе?

От искреннего удивления брови Романа поползли вверх.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе понравилось с ней целоваться?

– Что значит понравилось? Мне нравится с тобой...

– Я говорю о технике. Я ведь неопытна, а она вон что творит, – Юля не сводила взгляда с жаркой парочки, от которой еще чуть-чуть и в разные стороны посыпятся искры.

– Если ты о технике... да, она целуется лучше, но твои губы я люблю, а ее нет, так что...

– Лучше? Значит, лучше? Я так и знала!

Юля резко отстранилась.

– Ты спросила о технике, я ответил... Миа... почему ты злишься?

– Да потому что ты специально это сделал. Выбрал себе симпатичную девчонку и при первой же возможности целуешь ее в засос.

Роман сел прямо, вытянул ноги и сложил руки на груди. На него накатило раздражение. Ему приходится целыми днями гонять по школе в поисках подходящей партии для Юли, к тому же ходить в секцию восточных единоборств, еще он брал уроки игры на гитаре, чтобы сделать Юле сюрприз и все это на фоне начала занятий в выпускном классе и подготовке к поступлению в институт. Роман постоянно думал о Юле, скучал, томился от разлуки, а она, вместо того чтобы поговорить и отдаться его ласкам, устроила допрос, да еще и приревновала к Насте. Целуется Настя конечно отлично, чего тут скрывать, но если бы не нужда Роман бы никогда не выбрал Настю в качестве своей девушки. И дело было не во внешности, хотя нужно признать, что красивее Юли он девчонки не встречал. Никто не смог бы дать столько душевной теплоты, сколько давала ему Юля, не говоря уже о сногшибательном запахе ее тела, сладких губах и шелковистой коже.

– Я выбирал ее не по внешности, а по схожести ситуации. Вкусы у всех разные, ты считаешь ее симпатичной. Возможно. Но я об этом не думал. Зачем мне Настя, если у меня есть ты? Ты не просто симпатичная, ты красавица. Ты лучше всех. И не важно, как ты целуешься. Даже если ты просто возьмешь меня за руку, я испытаю от этого больше удовольствия, чем от самого пылкого ее поцелуя.

Юля метнула в него пронзительный взгляд.

– Мне не нравится, что ты так реагируешь. Если ты будешь ревновать, то мне придется сказать ребятам, что мы больше не сможем их выручать. А это значит, что мы не сможем встречаться вне дома.

Нога Романа начала нервно отбивать ритм.

– Мне нужно подумать. Для меня это оказалось все слишком сложно, – парировала недовольно Юля. – Давай сегодня просто посмотрим фильм.

Роману будто отвесили пощечину, причем незаслуженно. Чтобы спланировать этот совместный поход в кино, он неделю согласовывал графики

двух пар, а теперь вынужден сидеть и просто пялиться на экран, на котором мелькали кадры из фильма «Титаник». В этот момент главные герои как раз бежали по верхней палубе к носу корабля. Несколько минут Роман удерживал себя в кресле нечеловеческими усилиями, но в итоге вскочил и бросил всем на ходу:

– Я буду вас ждать на выходе...

Юля вскочила следом, но глядя на его решительный вид, упала в кресло как подкошенная. Он обиделся, а это происходило редко, потому-то Юля реагировала на его обиды очень болезненно, особенно после их летней разлуки.

Кирилл разомкнул объятия и спросил запыхавшимся от страсти голосом:

– У вас все в порядке?

Бросив на них гневный взгляд, Юля испытала чувство досады. Похоже, Кирилл не реагировал на «прикрытие» Насти так болезненно, как Юля. Парочка выглядела возбужденной, им не хотелось прерывать начатое и по всем признакам они уже зашли так далеко, что если бы не Юля, приступили к более активным действиям прямо сейчас.

– Не отвлекайтесь, мы будем снаружи.

Юля побежала к выходу, выскочила на улицу и наткнулась на Романа. Он стоял, прислонившись к стене здания, закрыв ладонями лицо. Гнев сменился паникой и сожалением. И от этого у Юли защемило сердце.

– Роша, – она осторожно дотронулась до его плеча.

Роман вздрогнул, но увидев Юлю, резко вспыхнул, прижал ее к стене и заговорил с такой страстью, что у Юли перехватило дыхание.

– Как горько осознавать, что ты не любишь меня, как я тебя! Я ждал этого момента две недели. Мечтал и надеялся почувствовать твою любовь, твою нежность. Я с ума схожу от тоски, а ты болтаешь о какой-то чуши. Причем тут Настя, когда мне нужна только ты? – он встряхнул ее за плечи. Глаза сверкали от обиды и отчаяния. – Я безумно скучаю, с ума схожу от мысли, что ты через комнату, но я не могу тебя обнять и поцеловать. Не могу лечь с тобой рядом и вдохнуть твой запах. А ты теряешь наше драгоценное время на ерунду. Твои вопросы оскорбляют и унижают! Миа! От всего этого мне невыносимо больно!

На глаза наворачивались слезы, и чтобы не заплакать при ней, Роман рванул к парку, что был через дорогу. Визг тормозов и ругань водителя помогли ему осознать, что бежит он на красный свет.

– Роша! Стой! – услышал он крик Юли за спиной.

Но находиться рядом с ней он был не в силах. Ему нужно выпустить пар, выплакаться, а потом успокоиться. Маневрируя между сигналившими ему машинами, Роман чудом перебежал через шоссе и двинулся вглубь парка. Ноги его не слушались. Он словно не владел собственным телом. Ничего его так не выводило из себя, как разногласия с Юлей. Малейшие трения отнимали столько сил, что ему частенько казалось, случись что-то очень серьезное, например, расставание, он просто упадет замертво.

Изнемогая от нетерпения, Юля металась вдоль дороги, но все же дождалась, когда красный сигнал светофора сменится на зеленый, и побежала искать Романа. Ориентиром была его синяя спортивная куртка. Она нашла его сидящим на жухлой траве у раскидистого дуба.

Подбежав к нему ближе, она услышала громкие рыдания и оцепенела. Несколько секунд она не знала, что ей делать и переминалась с ноги на ногу. Он заметил ее, уткнулся головой в согнутые колени и безуспешно пытался успокоиться. Юля опустилась перед ним на колени и начала молить:

– Прости меня, Роша. Обними меня, пожалуйста. Прошу тебя. Ты мое небо! Ну же! – она положила его обессиленные руки себе на талию и тоже заплакала. – Прости меня. Ты прав. Я несла полную чушь. Расстроила тебя, перепугала Настю с Кириллом.

Роман отворачивался от нее, не желая показывать заплаканное лицо, но она села между его ног и прижалась к груди.

– Поцелуй меня, пожалуйста. Я тоже соскучилась и тоже схожу с ума.

Юля осмелела и сама начала покрывать поцелуями его щеки. Постепенно Роман успокоился и стал отвечать на ее ласки. Сегодня, глядя на их новых друзей, она почерпнула много нового и тут же решила это продемонстрировать. Задрав его футболку, она прильнула губами к разгоряченной коже и заскользила по животу. Ошарашенный ее страстью Роман запротестовал:

– Миа, нет-нет, не надо так...

– Почему? – Юля с обидой отпрянула.

Он не знал, как ей объяснить, плоть мгновенно восстала, и скрывать его реакцию было невозможно.

– Мы ведь не Настя и Кирилл. Они уже занимаются сексом...

Юля не поняла и надула губы.

– И что?

Роман смутился, мысленно подбирая слова для объяснения, но все в голове спуталось и смешалось. Она уже хотела отползти, как он схватил ее руку и приложил к ширинке.

– Вот что... и мне после твоих поцелуев все труднее с собой справляться. Дома я встаю под холодный душ, а что здесь прикажешь делать?

Юля оторопело смотрела на их руки. Ее всю затрясло, и она никак не могла понять своей реакции. Страх, любопытство и что-то еще примешивалось к ее состоянию.

– Почему он такой твердый?

Роман улыбнулся и притянул ближе ее лицо.

– Потому что я хочу тебя. Сильно хочу.

– Что значит, хочешь? – глаза Юли распахнулись от ужаса. – Хочешь заниматься со мной сексом?

– Хочу – да, но заниматься не буду. Ты еще для этого маленькая.

– А с кем будешь? – Юля снова надулась от обиды.

– Тетеха, – Роман притянул ее к себе, – ни с кем не буду. Буду тебя ждать.

Их разговор длился еще час. Как мог, он подбирал слова и объяснял свою реакцию. Рассказывал, каким способом обычно мальчишки снимают сами себе напряжение. Юля слушала с распахнутым ртом и, хлопая ресницами, впервые узнавала о том, что было скрыто от нее за семью печатями. В этот день она решила, что непременно подружиться с Настей и выпросит у нее все подробности их с Кириллом романа, а особенно интимной его части.

Познакомить Юлю с одноклассником Роман решил на тренировке, куда повел сводную сестру под предлогом показать ее тренеру и записать в женскую

группу. Только сейчас Юля поняла, про какое внешнее сходство говорил Роман. Перед ней предстал зеленоглазый русоволосый парень с пухлыми, как у нее, губами. Узкий удлинённый гладкий нос был немного скривлен ниже переносицы. Если бы у Левы были такого же цвета волосы, то смело можно было предположить что они родные брат и сестра. Ростом он был на пару сантиметров выше нее. Фигура не такая стройная как у Романа, он был шире в плечах, талия отсутствовала. Когда он в задумчивости потер подбородок, Юля обратила внимание на его широкие ладони. Его можно было назвать крепким и хватким.

Роман подвел друга к Юле перед началом тренировки. Девушка покраснела, ей было неловко. Парень же напротив, был холоден, выглядел очень уверенно. Рассматривал ее с таким вниманием и претензией, будто его прямо сейчас заставляли на ней жениться. Его реакция ее разозлила, и они скрестились взглядами, как противники на ринге.

Чтобы разрядить атмосферу, Роман еще раз изложил ситуацию. Одноклассник изогнул одну бровь и спросил:

– Я что... и целовать ее должен? – глаза Левы ошупали ее губы, от чего Юля испытала необычные щемящие покалывания, будто он не спрашивал, а уже целовал.

– Я бы не хотел, чтобы ты ее целовал, – деловито бросил Роман. – Только если этого потребует обстановка. Не забывай, что ей всего четырнадцать.

От недовольства Юля закатила глаза и сложила руки на груди. Вся эта ситуация ее до жути смущала и нервировала. Она чувствовала себя товаром на рынке, вроде как один ее продавал, а другой покупал, и они как раз в этот момент договаривались о сходной цене.

– Так ты хочешь записать ее в женскую группу? – Лев придирчивым взглядом ошупал ее фигуру.

– После школы я поступлю в институт, буду жить в Москве и мне бы хотелось, чтобы она при случае смогла за себя постоять.

– Тогда с отцом ее лучше познакомить мне. Заодно представлю ее как свою девушку.

Роман нехотя согласился. Когда его стараниями план начал воплощаться, до него дошло насколько он шаткий и неконтролируемый. В любой момент

между его одноклассником и Юлей могли вспыхнуть чувства, тогда Роман окажется третьим лишним и от этого просто с ума сойдет. Их внимательные изучающие друг друга взгляды только нагнетали в нем страх и недоверие. Теперь он понял, что чувствовала Юля, когда он вынуждено общался с Настей.

Лева потянулся к руке Юли. Осторожно дотронулся до кончиков пальцев, словно впервые трогал что-то неведомое и чуждое для его философии и принципов. Юля руку не одернула, понимала, что им нужно приноровиться и присмотреться. Ведь им придется изображать влюбленную парочку.

– Расслабься, держись уверенно. Мой отец не любит слабаков, – напутствовал ее Лева.

Наконец он решился и взял ее за руку. Юля тут же подметила, что руки у него были горячими, как кипятик. Этот простой жест придал ему уверенности, и он повел ее к коренастому почти лысому мужчине в кимоно.

– Отец, познакомься, это Юля – моя девушка. Хочу, чтобы она ходила в женскую группу.

В интонации Левы Юля расслышала нотки гордости и бахвальства.

Тренер оглядел девушку жестким оценивающим взглядом и нахмурился. Юле пришлось собрать все свое мужество, чтобы не выбежать от стыда из зала.

– Ты бы и сам мог ее тренировать, – парировал ему отец.

– Я буду ее щадить, а ты нет, – усмехнулся Лева.

Похоже, он уже входил в роль, и эта роль ему нравилась.

В тот день Юля следила за тренировкой, сидя на деревянной скамье, куда была свалена куча мальчишеской одежды. С первых минут стало понятно, что Лева самый опытный и способный из учеников. Как узнала она позже, отец его тренировал с раннего детства. От других мальчишек его отличали высокая концентрация, быстрая реакция и невероятное хладнокровие. Юле даже показалось, что он может запросто убить одним ударом, если захочет.

На медитацию он тратил больше времени, чем остальные. И если другие ученики во время погружения в себя чесались, теряли равновесие, приоткрывали глаза и подглядывали за происходящим вокруг, то Лева погружившись в медитативное состояние, словно исчезал. Он сидел в позе лотоса в первом ряду и Юля его хорошо рассмотрела. Расслабленное тело, дыхание ровное, а лицо словно

светилось от безграничного счастья. Это состояние завораживало Юлю. В тот момент, когда она остановила на нем свой пристальный изучающий взгляд, глаза Левы внезапно раскрылись и прожгли ее насквозь, будто пламя огня. Но к своему удивлению взгляд она не отвела, наоборот, почувствовав сильное притяжение, безотрывно смотрела в зеленую бесконечность. Было в этом что-то спокойное и безмятежное.

Уловив их взаимный интерес, Роман застыл как изваяние. Мороз пробрал до костей. Неужели он сделал огромную ошибку? Но потом подумал, что это хороший для них с Юлей экзамен. Он готовился к их совместной жизни, но чем дальше, тем сильнее сомневался в ее чувствах. И хоть Юля порезала из-за него руку, сейчас, глядя на то, как она смотрит в глаза его одноклассника, Роман решил, что ни за что не будет вмешиваться в их отношения. Если Юля полюбит Леву, значит, она принимала симпатию за любовь, а по-настоящему никогда его и не любила.

По дороге домой, Роман вел себя отстраненно и холодно.

– Роша? Что-то не так?

– Почему ты спрашиваешь? – Роман расправил ручки от спортивной сумки на плече и бросил на Юлю вопросительный взгляд.

– Ты со мной почти не говоришь. Какой-то хмурый и задумчивый.

– Мало ли какие мысли могут меня посещать... что, все озвучивать?

В его тоне она различила горечь, сожаление и все поняла. Но говорить ему: «Теперь ты уяснил, почему я ревновала» она не стала и решила зайти с другой стороны.

– Роша, ты уверен в своем друге?

– Я в себе не всегда уверен, как я могу быть уверен в другом человеке?

– Он жуткий, Роша. Он меня пугает, – начала объяснять свою реакцию Юля. – Я за ним наблюдала во время тренировки. Такое ощущение, что он видит закрытыми глазами.

– Ну... – Роман почесал затылок, – в другом случае я бы посмеялся, но его отец иногда демонстрирует такие навыки, что волосы дыбом становятся. Лева тренируется с малолетства... так что вполне может быть...

– Какие навыки?

– Однажды он ребром сторублевой купюрой разломил деревянную расческу.

– Бреешь, – отмахнулась Юля.

– Ей богу... попроси Леву уговорить отца, сама все увидишь, только принеси расческу и купюру.

– Ладно, – Юля потянулась к руке Романа, и тот сжал ее ладонь. На душе девушки сразу отлегло. – Так ты точно в Леве уверен?

– Я уверен в том, что он не сделает того, чего ты не захочешь.

Роман сказал это таким тоном, что Юля уже не сомневалась, он ревнует ее, а ведь Лева ее еще ни разу даже не поцеловал.

– Роша, ты точно готов к тому, что мы с твоим другом будем изображать парочку? Мне сегодня показалось...

– Нет, не готов... с ума схожу от этой мысли... – прервал ее Роман, остановился и прожег взглядом, – но другого выхода не вижу...

Когда участники сговора были все отобраны и проинструктированы, план Романа заработал на полную катушку. К тому времени бабушка Кирилла переехала к овдовевшей сестре, а внуку оставила квартиру, и он тут же затеял в ней ремонт. Во время встреч Кирилл и Настя занимали спальню. Роман с Юлей размещались в гостиной на диване, а Лева оккупировал кухню, где часами медитировал или готовился к поступлению в институт.

Страхи и неуверенность рассеялись после первых же совместных встреч. Лева вел себя настолько холодно и отстраненно, что ни у Юли, ни у Романа сомнений в правильном выборе уже не возникало. В сущности, он ни разу с Юлей не заговорил о чем-то отстраненном, все только по делу. Действовал как запрограммированный робот. Приезжал за Юлей к дому, никогда внутрь не заходил. Ждал на веранде и в дождь, и в лютый мороз, хотя Алла не раз пыталась затащить его в дом под любым предлогом. Лев был точен в своих действиях. Привел-подождал-увел. Каждую минуту своего времени он использовал с пользой, но для окружающих оно было более чем эфемерно.

Однажды Роман, зайдя на кухню, где одноклассник сидел без движения, спросил:

– Чем занимаешься?

– Я рассуждал о том, до чего цивилизация доведет человечество, – тут же отозвался Лева и снова впал в медитацию.

Больше Роман таких вопросов другу не задавал.

В Юле зрело любопытство. Мотивы Насти и Кирилла были очевидными, но ради чего им помогает Лева? Она все не решалась спросить, но как-то не выдержала и когда они с Романом уже собирались домой после очередного свидания, спросила:

– А в чем интерес Левы?

– В каком смысле? – не понял Роман, он был все еще поглощен их ласками и летал в облаках.

– Ты говорил, что наша схема «мы им – они нам». Так в чем интерес Левы?

– Вот ты о чем... – Роман застегнул пуговицы рубашки и заправил ее в джинсы. – Лева нужно периодически свободное от отца пространство. Он слишком на него давит. И еще ему нужно чтобы все думали, что у него есть девушка. Сейчас все в школе знают, что он встречается с моей сестрой.

– Роша, а почему он не встречается с девушкой по-настоящему? Что с ним не так?

Роман тяжело вздохнул и пригладил растрепавшиеся волосы.

– Он заиклен на идее, что отношения с девушкой отнимают много энергии. Что сейчас происходит закладка нашего будущего и сердечные переживания мешают правильно оценить свои возможности и спланировать жизненный путь.

Юля удивленно уставилась на Романа. Потом ее лицо дрогнуло и она, еле сдерживая смех, прикрыла рот ладонью. Роман тоже прыснул от смеха и уже оба хохотали как сумасшедшие.

– Ей богу, он странный! – воскликнула Юля.

– Тс-с-с, он же на кухне, – Роман приложил палец к ее губам.

После инцидента в кино и разговора в парке отношения Юли и Романа снова наладились, а чувства преумножились. Вынужденная разлука и ожидание

свиданий привнесли в их жизнь недостающие томление и страсти. Еще с порога они бросались в объятия друг друга и долго не могли насытиться. Никого вокруг не замечали, научились концентрироваться только на их глазах, поцелуях и прикосновениях. Конечно, в этом была заслуга Романа, так как Юля по своей природе была любопытна и постоянно отвлекалась на окружающие события.

Юля и Настя подружились и стали чаще проводить время вдвоем, особенно когда Роман и Лева были заняты тренировками или подготовкой к вступительным экзаменам. Настя поступать никуда не собиралась, она намеревалась забеременеть и выйти замуж за Кирилла. За последние месяцы они уже все обсудили, закончили ремонт в квартире и вплотную приступили к реализации своих планов.

Настя стала Юле не только подругой, но и наставницей в вопросах секса и отношений. Щедро делилась интимными подробностями и советами. В свои неполные пятнадцать лет Юля не представляла, насколько сильно Настя повлияла на формирование ее будущего. Настя считала Романа излишне романтическим, впечатлительным, ранимым и предостерегала Юлю от непродуманных слов и действий. Она говорила, что отказ в чем бы то ни было, он будет воспринимать как доказательства «нелюбви». Убеждала, что во время свиданий Юля должна уделять внимание только Роману и не говорить с ним на отвлеченные темы. Настя рассказала Юле о многочисленных поклонницах Романа и его реакции на них. Он злился, когда девчонки его называли красивым и сексуальным. Грубил им, если считал, что они нарушают его личное пространство. Его преследовали толпы поклонниц, особенно в школе и Роман не раз просил ее прийти на школьные мероприятия, которые он не мог игнорировать.

– Почему он мне ничего не рассказывает? – Юля погрузилась.

– Потому что оберегает тебя. Юля, он не просто любит тебя, он тебя боготворит. Я с таким сталкиваюсь впервые. Мне даже немного завидно, честное слово, не подумай ничего плохого, но я бы тоже хотела, чтобы Кирилл меня так любил.

Юля расправила плечи. Улыбнулась. С этого момента она ощущала себя особенной. Избранной. Роман никого из претенденток на его внимание к себе не

подпускал, а ее боготворил и, конечно, это внушало гордость девичьему сознанию.

Настя рассказала о звонках и письмах с угрозами и требованиями оставить Романа в покое. Юля была шокирована, она и не подозревала, на что идет Настя, чтобы быть со своим любимым. Именно Настя показала ей модель поведения парень-девушка, в которой главенствующую роль занимал он, а не оба в равной степени. Его потребности и желания ставились превыше всего: образования, подруг, родителей, саморазвития. Эту модель можно было бы назвать самоотречение, если бы не один нюанс – награда, которая с лихвой оправдывала все жертвы – любовь! Верная, всепоглощающая, непоколебимая, восторженная и ненасытная любовь.

С каждым днем Юля становилась все смелее и раскованней. Из советов Насти она поняла, что может помочь возлюбленному, не вступая с ним в сексуальные отношения, а смотреть на его страдания уже не было сил. Теперь Роману не нужно было бежать в душ. Своими ласками она доводила его до иступления, а когда он уже не мог терпеть, она искусно применяла новые навыки. Это были трения и поглаживания его запретной зоны, которыми Юля старательно доводила его до кульминации.

Когда это случилось в первый раз, он чуть не задохнулся от захлестнувшего его наслаждения. Юля еще долго продолжала щедро осыпать его покрасневшее лицо поцелуями. Это было совсем не то, что происходило в душе примерно раз в неделю. Там он был в одиночестве, закрывал глаза и представлял, как Юля отзывается на его ласки громкими стонами. Роману пришлось закинуть джинсы и трусы в стиральную машину и облачиться в одежду Кирилла. Тот сочувственно покачал головой. По словам Кирилла, через это проходят все парни, у которых девушки были еще не готовы заниматься сексом. После этого разговора Роман расслабился, терзающие его сомнения отступили, а в его спортивной сумке всегда имелась запасная одежда.

Следом за этим последовало изучение тела возлюбленной. Роман запомнил реакцию на разные прикосновения и останавливался на самых чувствительных местах. Оказалось, что у Юли очень восприимчивые шея, груди и дорожка от пупка к рыжему треугольнику. Ниже он пока не опускался, да Юля и

не позволяла, поэтому он останавливался на границе шелковистых волосиков и снова двигался вверх. От чего Юля каждый раз с облегчением вздыхала, а Роман посмеивался. Получить удовольствие она хотела, но в то же время боялась, и это забавляло и расстраивало Романа одновременно. Ему хотелось довести Юлю до пика наслаждения, узнать, как будет реагировать на его ласки возлюбленная и посмотреть в ее лицо. Хотелось уловить каждую эмоцию и смену мимики.

Это произошло, когда Роман предложил ей попробовать красное вино. Всего пару глотков сделали свое дело, и Юля расслабилась. Вот тогда он сделал то, что обдумывал и не решался из-за протестов Юли уже несколько недель. Его рука скользнула в ее трусики и накрыла бугорок. Юля ахнула и от смешанных эмоций закрыла глаза и застонала.

– Роша... что ты делаешь? – взволновано зашептала она.

Ее грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Лицо зарделось. Руки потянулись к его волосам, а это говорило, что ей нравились его прикосновения. Он осмелел и усилил нажим, меняя положение пальцев и ища самую чувствительную точку.

– Миа... любовь моя... я хочу, чтобы ты кончила... – говорил он с жаром, осыпая ее шею поцелуями. – Больше я не могу игнорировать твои желания. Твое тело просит наслаждений. Мне совестно от того, что ты снимаешь мое напряжение, а сама не получаешь удовольствия.

Роман не сводил с нее глаз. Ласки продлились недолго, Юля ощутила внизу живота сильный прилив горячительной волны и выгнула спину. Понимая, что наружу рвется громкий вскрик, она прикусила зубами ребро ладони и застонала от удовольствия. Стон перерос в рычание. Во рту пересохло. Дыхание стало хриплым, громким и эхом отражалось от пустых стен. Первый оргазм закончился быстро. Примесь стыда и чего-то нового, запретного, не давали ей полностью расслабиться.

– Теперь я не отпущу тебя от себя, пока не кончишь, Миа. Ты так прекрасна. Я залюбовался тобой. Нет ничего красивее твоего лица в этот момент.

Вопреки устоявшейся традиции на этот раз Лева мерил шагами кухню с гневным видом.

– Зачем ты напоил ее вином? Что ты с ней сделал? – набросился друг на Романа, когда парочка вышла в коридор.

– Какое тебе до этого дело?! – оттолкнул его Роман и загородил спиной Юлю. – Это между мной и моей девушкой. Не лезь!

– Юля! Ты в порядке? – в голосе Левы слышалась паника.

– Да, – робко ответила Юля и выглянула из-за спины Романа.

Она не понимала природу такой перемены настроения. Лева внимательно изучал лицо девушки, и ему не нравилось то, что он видел.

– Какая потеря энергии... невероятно... – причитал он.

Юля и Роман испугано переглянулись. В этот день Роман сам отвел Юлю домой. Он немного подождал у ворот, наблюдая за вторым этажом дома. Убедился, что Юля зашла в свою комнату, и рванул к однокласснику домой. Но тот еще не вернулся, и Роман побежал в спортзал. Догадка оказалась верной. В полутемном зале Лева в одиночестве разминался перед внеплановой тренировкой.

– Что на тебя нашло?! – закричал Роман, подходя к однокласснику.

– Ты не можешь с ней это делать! – с таким же напором отозвался Лева и пошел на Романа со сжатыми кулаками.

Роман опешил. Обычно отстраненный, безразличный к проблемам других людей и замкнутый Лева разгорячился и высказывал мнение о том, что его совсем не должно было интересовать. Роман знал, в рукопашную ему Леву не одолеть и постарался успокоить друга.

– Мы с Юлей любим друг друга. Наши отношения развиваются. Это естественно для любой пары. Я не знаю, из-за чего ты завелся, но мы еще не занимались сексом и до ее совершеннолетия не собираемся.

– Сегодня что-то было... – с недоверием выпалил Лева. – Произошел колоссальный выброс энергии, и она ослабла. Я почувствовал это через стену.

– Чушь! Через какую стену? Ты за нами подглядываешь? – Роман толкнул Леву, тот отшатнулся, но удержался на ногах. – Ты чертов извращенец! Кайфуешь, когда подглядываешь?

– Что это было? Ромыч? Оргазм? Мне нужно знать!

– Ничего тебе знать не нужно! Это только между мной и Юлей. Но уверяю тебя, ей со мной хорошо и ничего, что может ей навредить, я не сделаю.

– Ты уже сделал! Это навредило ей. В ближайшие дни будут головные боли, рассеянность и слабость. А значит, она не сможет достичь максимально эффективных результатов и будет подвержена травмам.

– О чем ты? Ты странный, ей богу! Ты пугаешь Юлю. Если ты еще хоть раз повторишь подобное, то мы расторгнем наши договоренности.

Слова возымели действие. Роман подумал, что это из-за угрозы. Но Лева просто убила новость, что он пугает Юлю. Он отошел на несколько шагов, упер руки в бока и тяжело задышал.

– Свали, Ромыч, мне нужно медитировать. Делайте что хотите. Мое дело предупредить.

Роман уже подходил к двери, когда Лева его окрикнул.

– Давно хотел тебе сказать, да все не решался. Тебе нужно уйти из единоборств. Это не твое, Ромыч. Медитации ты не осиливаешь, не можешь сконцентрироваться. Это из-за чувств к Юле. Сейчас твою Ци может уравновесить только вода. Займись плаванием. Это тебя остудит и даст возможность освоить новый материал. Не сделаешь этого – не поступишь в институт.

Несколько секунд Роман пытался переварить информацию. Интуитивно он понимал, что каратэ не для него, но ему хотелось при случае защитить свою девушку. Похоже, его друг прав, ему нужно записаться в бассейн.

Как и сказал Лева, на следующий день Юля выглядела рассеянной. Постоянно что-то роняла и не могла сосредоточиться. После ужина Юля поднималась по лестнице и запнулась, ударилась пальцами правой ноги о ступеньку и чуть не упала. Она чертыхнулась и, прихрамывая, пошла к себе в комнату. Роман уличил момент, когда родители вышли на вечернюю прогулку, и заскочил к Юле в комнату.

– Как ты?

Юля сидела на кровати и потирала ушибленные пальцы на ноге.

– Все в порядке. Просто спотыкнулась.

Он сел перед ней на колени, обнял за талию и ткнулся головой ей в живот.

– Миа, ты ничего не сказала про вчерашнее. Тебе понравилось?

Она нежно перебирала его пряди волос.

– Очень необычное ощущение, Роша, будто я освобождаюсь от какого-то груза и полностью погружаюсь в кокон, где только мы с тобой. Сначала все тело сковало напряжение, а во время... ну... – Юля запнулась, смущаясь и подбирая слова, – оргазма... оно спало, как покрывало и меня накрыло такое чувство легкости, словно я парю в облаках. Остаток дня у меня сильно кружилась голова, а в животе будто тлели угли.

– Это тебя пугает?

– Немного... – Юля подбирала подходящие слова, но так и не смогла объяснить всей гаммы пережитых чувств, – но если бы ты спросил, хочу ли я этого еще, я бы сказала: «Да. Очень».

Он обнял ее крепче. Теперь они стали друг другу еще ближе, и его распирало от счастья.

– Солнце мое, я так тебя люблю, – Роман взял ее руки, перевернул ладонками вверх и начал медленно целовать каждый бугорок. – Не представляю жизни без тебя, amore mio. Скажи, что мы всегда будем вместе.

Он поднял на нее глаза.

– Мы обязательно будем вместе, Роша. Ты мой, а я – твоя. Навсегда.

Его лицо осветила умиротворенная улыбка. Роман погладил шрам на ее руке и нежно поцеловал в губы.

– Спокойно ночи, любовь моя, – он щелкнул ее по носу и усмехнулся. – Смотри под ноги и больше не падай.

Впервые Лева с Юлей заговорил после новогодних праздников. Шел четвертый месяц их знакомства. Роман с Настей запаздывали. Кирилл метался от окна к окну, не обращая ни на кого внимания. Юля заглянула на кухню и увидела, как Лева что-то мастерит из кожи.

– Что ты делаешь? – спросила она, заглядывая Леве через плечо.

– Плету браслеты, – ответил он и показал парочку уже готовых изделий.

Юле браслеты понравились, и она провела по ним пальцами. Лева замер и поднял на нее холодные глаза.

– Сам придумал?

– Нет. Подсмотрел у индийского мистика, – Лева вынул из портмоне и показал ей фотографию белобородого пожилого мужчины в черной шапочке.

– У него глаза безумца, – выдала Юля и тут же смутилась.

Ей не хотелось обижать Леву, он ведь столько сделал для них.

– Ты совершенно права, – уголки рта Левы немного вздернулись вверх, что означало улыбку. – Истина в безумстве. Ты никогда не найдешь ее среди законов, среди установленных правил в обществе.

– А что такое истина? – Юля села напротив и не отрывала взгляда от его рук.

Лева аккуратно нарезал тонкие полоски кожи. Наблюдая за ним, Юля поразилась насколько у него точные и выверенные движения. Ни одной ошибки, ни одной кривой полоски. Он закончил нарезку. Отложил в сторону нож и полоски кожи. Только потом поднял на Юлю глаза и ответил:

– Истина – это переживание. Как только ты пытаешься передать истину словами, она умирает. Смысл истины не в словах, а в пути и у каждого он свой.

Развивать тему ей не хотелось – слишком сложно, но занять себя чем-то необходимо и Юля спросила:

– Можно я тебе помогу?

– Мне твоя помощь не нужна. Но если ты скучаешь, то валяй.

Юля подняла на него глаза и удивилась. Всем своим видом Лева показывал, что ни в ком не нуждается. Ему хорошо с самим собой. Говорил он без обиняков, просто констатация факта.

– Мне нужно отвлечься, а то я сойду с ума.

– Ты слишком напряжена и не получаешь удовольствия от жизни.

– Конечно, я напряжена, – попыталась оправдаться Юля. – Эту неделю я почти не видела Романа. Я соскучилась и не могу дождаться, когда он придет.

Он чуть наклонил голову в сторону. С минуту изучал ее лицо, а потом прищурился и спросил:

– Ты его любишь?

– Да, очень, – без промедления ответила Юля.

Лева тяжело вздохнул.

– Ты отдаешь половину своей энергии, поэтому любовь делает тебя уязвимой и слабой. Я никогда не полюблю. И никогда не буду слабым.

Такой ответ ошарашил Юлю. Ей вдруг стало его жалко. Вот дурачок! Намеренно отгораживается от любви. Это как жить, но лишать себя дыхания.

– Лева, ты уж прости, но ничего глупее я не слышала. И как вообще можно контролировать свои чувства? Если ты влюбляешься, тебя уносит водоворот эмоций и страстей.

– Вот это мне и не нравится, – парировал Лева. По его реакции она поняла, что он совсем не обиделся. Просто два человека высказывают свое мнение. – Когда ты рядом Роман выглядит как полоумный. Без тебя он спокойный и уравновешенный, хотя часто где-то витает. В каратэ он бы достиг большего, если бы сконцентрировался, но он не может. Мне кажется, он всегда думает о тебе.

Для Юли это было приятным откровением.

– Что в этом плохого? Я тоже думаю о нем. Любовь – самое прекрасное чувство, какое может испытывать человек.

– Любовь делает вас слепцами.

– Если так, то мы испытываем от этой слепоты огромное удовлетворение.

Разговор их прервался. Лева показал, чем она может ему помочь, и Юля послушно плела косички из тонких полосок кожи. За работой они сидели в полном молчании, пока Кирилл не выскочил из спальни и не помчался к входной двери.

– Идут! Что-то не так! У Насти заплаканное лицо!

О том, что случилось, Роман поведал Юле, когда они закрыли дверь гостиной и сели на диван. После первых жадных объятий и поцелуев Роман ненадолго оторвался от возлюбленной и зашептал.

– Миа, у нас так точно не должно быть...

Она подняла на него глаза, в которых читался вопрос.

– Целый час мы с Настей пытались найти общие знаменатели с ее родителями, но ничего не вышло. Ее отец получил новое назначение, и они уезжают в Питер. Там она будет поступать в институт. Никакие мои заверения на них не действовали. Мне кажется, им глубоко наплевать, будет ли она счастлива или нет. Ее никто ни о чем не спрашивает.

– Ох, как мне это знакомо... – с досадой ответила Юля.

Алла забеременела, и теперь все внимание сместилось на будущего малыша. Связь с матерью была окончательно потеряна еще в больнице, а общение свелось к решению бытовых вопросов.

– В принципе, Настя и Кирилл нам уже не нужны. Нам нужен только Лева. Меня никто не будет спрашивать, куда я иду. Проблема в тебе.

– Но если Настя уедет, мы лишимся этой квартиры, – напомнила Юля. – Нам снова придется ходить по кафешкам и киношкам, а это большие траты и Лева это не нравится. Здесь он занят делом и его все устраивает.

– Настя уедет только после окончания школы, а тогда уеду и я. На нас эта ситуация до июня никак не отразится. А на каникулах Лева тоже будет в Обнинске. Как приеду после первой сессии, согласую с Кириллом вопрос с квартирой. Может он будет нам помогать за деньги?

В начале мая среди ночи Юля услышала вскрики матери и затяжные стоны. Никак в интимной эскапде, а гораздо истеричнее. Потирая глаза от сна, Юля выглянула в коридор и увидела Романа рядом со спальней родителей.

– У нее схватки, – пояснил Роман со знанием дела.

– Наконец-то, – выпалила Юля.

Алла перехаживала уже больше недели и своими капризами, стенаниями и жалобами вымотала всем домочадцам нервы. Сергей стал задерживаться якобы на работе. Алла ревновала и поминутно контролировала его передвижения. В последнее время все чаще слышались их скандалы и препирательства.

– Отец сам отвезет ее в роддом.

Юля улыбнулась, кивнула и чтобы не попасться на глаза матери скрылась за дверь своей комнаты. Новость о том, что родители скоро уедут и дом до утра будет в их распоряжении, будоражила кровь.

Через полчаса Сергей помог Алле разместиться на переднем пассажирском сиденье и осторожно закрыл дверь автомобиля. Из окна Юля наблюдала, как открылись, а потом закрылись ворота. Она выскочила в коридор и увидела, что Роман закрыл входную дверь и бежит к ней. Он был в одних трусах.

– У тебя или у меня?

– У тебя! Из твоей комнаты мы услышим, как открываются ворота, – отозвался Роман, еле переводя от предвкушения дух.

Смеясь от счастья, оба влетели в ее комнату и бросились на кровать. Не теряя времени, Роман сразу приступил к делу: начал покрывать ее шею и лицо страстными поцелуями, постанывал, нашептывал слова любви и прижимался к ней всем телом. Юля ощутила его эрекцию и внизу живота разлилась горячая волна желания.

– Миа, я хочу тебя раздеть... полностью... ты мне позволишь?

Юля вздрогнула и ошарашено заморгала.

– Раздеть? Зачем?

– Хочу увидеть тебя обнаженную, – он поцеловал ее страстно и неистово. – Хочу запомнить каждый изгиб твоего тела, а потом вспоминать одинокими ночами. Хочу тебя «сфотографировать». Прошу тебя, Миа!

Глаза Романа горели как два тлеющих уголька. Он сложил пальцы как в день их знакомства, показывая воображаемый фотоаппарат, и щелкнул языком.

– Доверься мне, я не сделаю тебе больно. Просто покажу кое-что новенькое.

Улыбка Романа была интригующей и многообещающей. Не дожидаясь ее ответа, он продолжил ласкать ее тело и Юля сдалась.

– Ладно. Я доверяю тебе.

Роман отблагодарил ее жарким поцелуем и тут же потянулся к ее пижамной рубашке. Медленно расстегнул пуговицы и когда распахнул полы и оголил грудь, от потрясения шумно вобрал в легкие воздух.

– Миа! Черт возьми! Твоя грудь еще выросла!

Юля смущалась, хотела закрыться руками, но Роман не позволил. Он страстно заговорил полупрошепотом.

– Любимая, ничего не бойся, – он сел на ее бедра и сжал их ногами. – Это ведь только мое, и я обещаю, что буду обращаться с твоим телом очень бережно. Ты для меня бесценна. Ничего и никого нет красивее тебя. Ты – идеальное создание, которое сотворено... специально для меня... для моего тела и души, – он помог ей высвободить руки из фланелевой рубашки. – А я – твой. Твой навечно.

Раб твоей красоты. Я хочу сделать тебе приятно. Чтобы тебя переполняло удовольствие. Чтобы ты нежилась и томилась от воспоминаний об этой ночи, – он приподнялся, взялся за резинку пижамных брюк и начал тянуть ее вниз вместе с трусиками. Его слова обожгли ей внутренности. – Приподними бедра, любовь моя.

Юля послушалась, и Роман снял с нее остатки одежды. Он вскочил с кровати и распахнул занавески. Лунный свет залил комнату яркой синевой. Встав у изножья кровати, он уставился на возлюбленную. Сначала его взгляд уткнулся в рыжий треугольник, затем с жадностью заметался по всему телу.

– Миа! Ты совершенна!

Лицо Юли залилось краской. Еще никогда ей не было так стыдно. Даже когда в больнице ее осматривал гинеколог, она так не стыдилась, как сейчас. Юля лежала на кровати под его пристальным взглядом совершенно обнаженная, беззащитная. Она ощущала себя бабочкой под микроскопом, за которой изо дня в день наблюдает ученый, ставит над ней эксперименты, что-то записывает в свой блокнот и делает выводы.

Матрас прогнулся под его весом. Опираясь на локти, Роман навис над ней и начал покрывать грудь и руки поцелуями.

– Солнышко, я люблю тебя всем сердцем, всей душой.

– Мне холодно, – пожаловалась Юля.

Роман накрыл ее своим телом, а сверху накинул на них одеяло. Они оказались в полной темноте, и от этого Юле стало немного легче. Здесь его цепкий взгляд не пожирают ее. Но передышка была недолгой. От волнения и возбуждения Роман дышал так, словно у него сейчас сердце выпрыгнет из груди, и на нее накатила паника. Она ему доверяла, но иногда ей казалось, еще чуть-чуть, Роман потеряет над собой контроль и сделает что-то непоправимое.

– Роша, что ты задумал?

Он всегда ей объяснял свои намерения и, затаив дыхание, ждал ответа. Что-то Юля отвергала, что-то принимала. Но сейчас ему хотелось доставить ей истинное наслаждение, по крайней мере, так выразился Кирилл. Роман не один день выпрашивал о том, как и что он должен делать и по объяснениям друга понял, что это непременно должно понравиться Юле.

– Миа, сегодня я спущусь ниже и поцелую тебя туда... – он дотронулся до ее лобка, – тебе понравится...

– Нет, Роша, не надо, – запротестовала Юля. От одной мысли, что он это серьезно намерен сделать, она впала в шок. – Я к этому пока не готова.

– Глупости, – отрезал строгим тоном Роман, но тут же смягчился. – К этому не надо быть готовой. Просто делай то, что я говорю, и получай удовольствие. На этот раз ты кончишь громко, я тебя уверяю... Юля?

В темноте она не видела выражения его лица, но тон и то, что он назвал ее не Миа, а Юля говорило о том, что его раздражают ее сомнения. Юля облизала пересохшие от волнения губы и тихо произнесла:

– Хорошо.

– Ничего не бойся.

Укрывшись с головой, он прильнул губами к ее животу и медленно двинулся вниз. Его руки то нежно, то с нажимом скользили по внутренней части бедер. Он добрался до заветного места и попытался развести в стороны ей ноги, но она сжимала их так сильно, что он снова вынырнул из-под одеяла и прохрипел.

– Миа, раздвинь ноги, не противься мне.

– Мне страшно, Роша, – прописклявила Юля.

– Я когда-нибудь тебя обманывал?

– Нет.

– Вот и сейчас не обманываю... поверь мне, тебе будет так хорошо, что ты захочешь, чтобы я это делал снова и снова, – Роман прочистил горло. – Согни ноги в коленях и разведи так широко как сможешь. Миа, солнышко, верь мне.

Все еще пребывая в напряжении, Юля нехотя повиновалась.

Еле дотрагиваясь губами, Роман исследовал всю промежность, от чего Юля воскликнула: «О, боже!», вобрала воздух в легкие и затаилась. Ее взгляд, будто что-то выискивая, метался по потолку. Ощущения были приятными, без сомнения, но стыд не отступал, а страх все еще кричал об опасности. А опасность таилась не в Романи, а в ней самой.

– Миа, здесь ты пахнешь, как розовая вода, – с восторгом произнес Роман и продолжил ласки, чередуя сильные и слабые нажимы.

Через несколько минут волна наслаждения сломала все барьеры, Юля выгнула спину, схватила Романа за волосы и громко застонала. Он приподнял голову и метнул в нее довольный взгляд.

– Я же сказал, солнышко, тебе будет очень хорошо. Ну а теперь ты можешь наконец-то расслабиться?

– Да, – еле слышно пролепетала Юля и тяжело задышала.

– Я буду нежен и терпелив, помни главное: не торопись, наслаждайся, сколько захочешь.

Теперь она понимала, о чем говорил Роман. Нежное соприкосновение его горячих губ с ее плотью и танец языка могли довести до обморока. У Юли закружилась голова и если бы она сейчас стояла, то точно потеряла бы равновесие и рухнула как подкошенная. Реакция тела была бурной, но Юля все еще стеснялась, и ей не хотелось напугать Романа. Но позже она поняла, чем больше она проявляла эмоций, тем сильнее он сжимал ее бедра и громко постанывал. После такого «одобрения» она уже не сдерживалась.

Комната наполнилась Юлиными аханьями и стонами, от чего Роман испытал невероятно сладостные ощущения. Его переполняли гордость и сильное возбуждение. Он доставляет своей девушке удовольствие, от которого она теряет над собой контроль: стонет, хрипит, рычит, дергает его за волосы, сжимает его голову ногами, подается бедрами навстречу, когда хочет, чтобы примыкание его языка и губ были сильнее. За кульминацией Роман следил как завороченный. Все тело Юли напряглось, замерло на несколько секунд, а потом задрожало. За ним последовала серия вскриков, стонов вперемежку с тяжелым сиплым дыханием. Это были первые сильные и страстные проявления в их интимных отношениях. После ее оргазма, он слегка ослабил нажим, и дождался, пока Юля окончательно перестала реагировать на его ласки. Только после этого он лег на бок и прижал ее к себе за талию.

– У меня нет слов... – прошептала Юля и от переизбытка чувств заплакала.

– Миа, почему ты плачешь? Тебе не понравилось? – перепугался Роман и начал целовать ее увлажненные глаза.

– Роша... как такое может не понравиться? Это неземное удовольствие, – она повернулась к нему и потянулась к восставшей плоти. – Кажется теперь твоя очередь.

– Еще парочку твоих стонов и я бы присоединился к тебе.

– Я думала, мое сердце разорвется на миллион мелких кусочков.

– Миа... я люблю тебя... – постанывая, произнес Роман, когда ее рука заскользила вверх-вниз поверх тонкой ткани трусов. – Да-да! О-о-ох! Ты меня так завела, что я кончу быстро... – со стоном он впился в ее губы и взорвался от оргазма. – Миа! А-а-а-а! Миа!..

Приняв душ, Роман переделал трусы и вернулся к Юле в постель. Она уже облачилась в пижаму, они сплелись в объятиях и уснули. Под утро заскрежетали ворота. Оба проснулись и взглянули друг на друга с сожалением. Им не хотелось расставаться.

Приезд Сергея означал, что Алла уже родила, и они могли бы оба спуститься вниз и узнать, как прошли роды. Но им обоим не хотелось этого делать. Будто разговор с другим человеком, пусть даже и с отцом Романа, мог перечеркнуть удовольствие, которое они познали этой ночью.

Роман поцеловал Юлю в губы и прошептал:

– Я тебя сфотографировал. Теперь мне не страшно уезжать.

– Роша... – она погладила его по щеке, – молчи... не говори про отъезд.

– Я люблю тебя, мое Солнце.

– Я люблю тебя, мое Небо...

Роман выскользнул из постели и быстро скрылся за дверью. А на Юлю внезапно навалилось чувство одиночества, и уткнувшись в подушку, она тихо заплакала.

Наше время

Круглый зал ресторана, примыкающий через коридор к банку, как всегда в эти часы был закрыт на спецобслуживание. Обычно по пятницам за вторым завтраком собирались все главы отделов. В раскрепощенной обстановке и за рюмочкой горячительного обсуждались деловые вопросы. Но сегодня кроме

Саввы и Юли никого не было. Видимо это было заранее спланировано, так как стол был сервирован только на двоих. События вчерашнего вечера уже вторглись в ее рабочую устоявшуюся жизнь. И самое страшное заключалось в том, что Юля понятия не имела, чем закончится сегодняшний день.

– Рассказывай, что там вчера у вас произошло, – потребовал Савва, как только от их столика отошел официант.

– Да ты сам все знаешь... – отмахнулась Юля и мелкими глотками выпила половину стакана любимой артезианской воды «Lauquen», которую ресторан закупал специально для нее.

– Я знаю факты. Но не могу понять, из-за чего Ярик так взбеленился?

– Савва, – осуждающе взглянула на него Юля, – ты все знаешь... не делай вид, что Ярик тебе ничего не рассказал.

– Передаю дословно: «Ляля меня предала, а ее братца-урода я все равно убью!». Все! Вот какое объяснение я успел получить, приехав в твою квартиру. Сразу после этого он надрался вдребадан. Ты только что уехала на «Скорой». Кстати, он из-за этого и сошел с рельсов. По его реакции я понял, что он ждал, что ты останешься... ждал от тебя объяснений.

– Каких объяснений? Савва? Он все видел собственными глазами, – при упоминании о произошедших событиях, у нее мороз пробежал по коже. Даже вспоминать было страшно до жути. – Для объяснения у нас мало времени.

– А как на счет твоего таланта краткости?

– Поверь мне, это не тот случай.

– Ладно, давай отложим на вечер. Поужинаешь со мной?

– Конечно, – с легкостью согласилась Юля.

Савва кивнул.

– Отец уже вылетел из Штатов. Не хочу, чтобы он думал, что я не держу руку на пульсе.

– Дмитрий Юрьевич летит в Москву? – глаза Юли сделали круговой оборот – типичная реакция на потрясение, – В его-то состоянии? Черт! Кажется у меня серьезные проблемы.

– Рыжик, они у нас у всех. Ни меня, ни тем более Яра он по головке не погладит. А ты... – Савва с теплотой посмотрел на коллегу, – ты всегда была для него особенной. Ты многое сделала для нашей семьи. Он любит тебя.

– Разлюбит, когда я расскажу ему свою историю...

– Ты знаешь? А меня прямо таки вчера отпустило, – усмехнулся Савва.

– О чем ты?

– И у идеальной железной леди есть изъян, – Савва щелкнул пальцем по ее носу, от чего ее захватили воспоминания. – Оказывается, и ты несовершенна. Из-за тебя я комплексовал. Папаша не раз говорил за семейными обедами: «Как жаль, что Ляля не моя дочь». Кстати, почему он тебя называет Лялей? Терпеть не могу это имя.

– М-м-м, – Юля нахмурилась, судорожно копаясь в памяти. Новость о приезде босса вышибла ее из колеи. – Он говорил что-то про богиню Весны Лялю, которая побеждает Зиму и приносит царство тепла и любви. Честно говоря, я больше похожа на осень, чем на весну... но ему нравилось так меня называть, а я не возражала.

– А папаша-то романтик! – усмехнулся Савва.

– Со мной он часами мог говорить о том, о чем вам с Яриком было неинтересно слушать.

– А я думаю, что некая Ляля все же была в его жизни, а ты ее ему напоминаешь.

– Все может быть, – многозначительно произнесла Юля.

– Серия операций на сердце и курс послеоперационного лечения прошел успешно, – Савва хлопнул ее по руке. – Расслабься Рыжик, папаша летит не из-за тебя. Сегодня день смерти матери Ярика. Будет панихида. А вечером он озвучит свое завещание. Ты тоже приглашена. На этом отец сделал особый акцент. Предлагаю часов так в семь поужинать в моем кабинете, поговорить и поехать к шапочному разбору. Пусть отец и Ярик поварятся в собственном соку, выплеснут яд друг в друга, а мы пока разгребем дела.

Официант принес их заказ и быстро ретировался. Юля заметила, как у входа девушка-хостес шушукается с официантками, и вся группка поглядывает в

их сторону. Еще бы, у Юли синяк на половину лица и она его даже не попыталась замаскировать.

– Твой кабинет в ближайшие дни восстановят. Я вызвал того самого архитектора, который делал проект банка. Пока поработаешь в моем, а я где-нибудь приткнусь с боку. Ты не против?

– Все так плохо?

– Ты знаешь... я подумал... хорошо, что он все крушит. Это же выход злобы. Было бы хуже, если бы он все это дерьмо внутри таскал, – Савва дипломатично отклонился от ответа. – Ты его изменила. Не ожидал.

– То есть в любовь между нами ты не веришь? – хохотнула Юля и оценивающим взглядом обвела тарелку с омлетом.

– Нет, – категорично выпалил Савва.

– А в страсть?

Савва скривился, будто Юля предложила ему посмотреть ее любимый японский мультфильм.

– На неделю... а потом он остывает...

– Но мы три месяца были вместе.

– Только потому, что Яр хотел насолить отцу. Поверь мне, Рыжик. Яр не из тех, кто будет волочиться за бабой из любви. Видать старик так закрутил ему гайки, что выбора не было.

Юля распахнула глаза от удивления. Она не разделяла его убеждения. Ей хотелось показать ему видео, где младший Дорофеев носился за ней по террасе голым, а она визжала, и каждый раз обманным маневром уклонялась от его цепких и сильных рук. Но договорить им не дали. В дверях коридора, соединяющий банк и ресторан появился Рудик и махнул ей рукой.

– Извини, «Смольный» вызывает.

Юля отбросила салфетку на соседний стул, быстро пересекла зал и вышла в коридор.

– У нас проблемы, – начал докладывать Рудик деловым тоном. – Айратов отменил встречу.

– Что?! – Юля отшатнулась и нахмурилась. – Как он это объяснил?

– Официально встречу перенесли на день-два...

– А неофициально?

– Блондинистая птичка нашептала мне, – Рудик намекал на помощницу Айратова, которую он обхаживал уже две недели, – что босс отменил встречу сразу после телефонного разговора со Штатами. В его календаре на ближайшие дни ничего не поменялось. Поэтому я и сказал, что это лишь отмазка.

Юля с вызовом тряхнула головой и злобно уставилась на подопечного.

– Со Штатами? Мне нужно знать больше. С кем он говорил? О чем?

Рудик пожал плечами.

– Тогда узнай, где и когда я смогу перехватить Айратова сегодня до семи часов вне офиса.

Ассистент пулей влетел в вестибюль банка и скрылся в лифте.

Вернувшись к столику, Юля схватила сумочку и сказала Савве:

– Айратов слился.

– Черт! – Савва со злостью отодвинул тарелку, и бросил на стол столовые приборы. – Я так и знал, что ваша веселая ночка нам сегодня аукнется.

– Не думаю, что это из-за нас с Яриком. Айратов три недели намеренно затягивал подписание контракта. Можно было все решить за пару дней, но нет... Он выжидал. Чего? Вот вопрос... – рассуждала вслух Юля. – Ему нужно было затянуть процесс. Кто от этого мог выиграть? Думай, Юля... думай. Разговор с Америкой... А если Айратов пешка? Зеро... пустышка... отвлекающий маневр...

– Что за бред ты несешь? – нахмурился Савва.

– Вдруг сделка видимость? – глаза Юли искрились и метались от предмета к предмету. – Ты прикинь, пока я была в отпуске, мы получаем предложение от Айратова, слишком хорошее, чтобы отказаться, и принимаем его. Идет согласование цены вопроса. Он как бы бодается за каждый цент, это тоже у нас не вызывает подозрений, все знают: Айратов скряга и торгуется даже в момент, когда его инкрустированная и украшенная гравюрой ручка висит над графой «Подпись». А на самом деле это мог быть просчитанный ход, – Юля закусила губу и хмыкнула. – Какие контракты мы приостановили или заморозили из-за предложения Айратова? А может, наоборот?! – от догадки глаза Юли распахнулись. – Какую сделку мы форсировали, из-за нехватки активов для сделки с Айратовым? Вот оно! Савва! Что мы выставили на торги?

Не дожидаясь его ответа, Юля рванула к выходу. Савва вскочил и широкими шагами двинулся за ней следом, на ходу давая распоряжение официанту, чтобы завтрак принесли им в его кабинет.

– Рыжик, Айратов мог узнать о вчерашнем. Для него этого достаточно, – парировал он, когда они преодолели длинный коридор. – Ты же знаешь, он не терпит скандалов и профессиональных профанаций. А этот выхухоль, мой младший братец, сегодня столько натворил, что Айратов пошел на попятную.

– Он так и скажет, Савва, вот посмотришь. Видео с Яриком уже на YouTube.

– Так с чего ты взяла, что это была липовая сделка?

– Нюх... – коротко бросила Юля и вынырнула из коридора в вестибюль банка.

Это емкое слово Саввой давно уже воспринималось как пароль, который произносился редко, но чаще в момент, когда кто-то хочет обойти Дорофеевых в своих интересах. Савва задумался. А если Юля права? Тогда кто хотел нанести очередной удар по их клану? Или это все тот же человек, что стоял за попытками утопить и пустить ко дну всю империю Дорофеевых последние три года?

Глава четвертая «Внутренний рост»

«...Сначала мои губы, а потом спускайся вниз... медленно... не торопись. Ты знаешь мое тело. Знаешь, как сделать мне приятно. А еще... я хочу, чтобы твоя грудь всегда касалась моего тела. Не знаю, как ты это сделаешь, Миа, но не отлипай от меня».

Пятнадцать лет назад

Встречи влюбленных стали редки. Роман усиленно готовился к выпускным экзаменам, а Юле приходилось возиться с Ильей, младшим братишкой. Алла быстро оклемалась после родов, но забот было так много, что не хватило бы и десяти рук. Теперь Юля поняла, что такое новорожденный ребенок и сколько хлопот доставляет маленькое создание. Малыша она любила и охотно проявляла к нему чувства, но только не при матери. К старым проблемам примешалось еще и

чувство ревности. Алла буквально затопила любовью сына. Даже Сергей, который сам в сынишке души не чаял, не раз уже делал ей замечания, чтобы дала новорожденному больше свободы. Но Алла только смотрела на него с недоумением и пожимала плечами, мол, как ты можешь требовать такое от матери.

Так как Роману вскоре предстояло уехать, родители попросили его пожить последние месяцы в кабинете на первом этаже, а Юля перебралась в его бывшую комнату с темно-синими стенами. Ее же спальня, сейчас ремонтировалась. Сергей перекрасил комнату в теплый оттенок нежно-голубого цвета и отциклевал паркет. Пока Илья спал в родительской спальне, но уже на следующей неделе его планировали переселить в детскую. Поэтому Алла спешила закончить оформление, рыскала по магазинам в поисках детской мебели и аксессуаров и таскала за собой Юлю.

Юля сопровождала Романа на всех выпускных экзаменах. Сидела в коридоре на подоконнике и терпеливо ждала. Для окружающих считалось, что она приходила «поболеть» не только за брата, но и за своего парня. На одном из таких экзаменов она познакомилась с мамой Левы. Она оказалась вполне общительной, доброй и любящей женщиной. Юля ей очень понравилась, и она пригласила ее в гости. Смущаясь и краснея, Юля объяснила, что полностью поглощена уходом за новорожденным братишкой. На самом деле ей хотелось свести к минимуму игру в влюбленную парочку, ведь она по-прежнему ничего толком не знала о Леве.

После очередного экзамена Лева выходил всегда спокойный и бодрый. Роман же выбегал, словно из парилки: мокрый, возбужденный, с красным лицом. Лева, как ни в чем не бывало, тут же направлялся на тренировку или к репетитору, а Роману, да как впрочем, и всем остальным одноклассникам, требовался еще минимум час, чтобы пережить эмоциональное потрясение.

По совету Левы Роман все же записался в секцию по плаванию и ходил на занятия три раза в неделю. Плавание ему нравилось больше. Вода всегда была его стихией, может, поэтому даже при наименьших физических затратах он получал максимальные результаты и стал лучшим в группе уже к концу июня.

На выпускной вечер Романа Юля пришла с семьей. Уже через пять минут к ним подошли познакомиться родители Левы, и ей пришлось переместиться ближе к своему «парню». От Левы исходил слабый запах алкоголя, а он раньше никогда не пил. Странно, что его отец, ярый противник спиртных напитков, никак на это не отреагировал. Видимо выпускной вечер был исключением из правил. Алкоголь развязал ему язык, Лева держался раскованнее, чем обычно и даже улыбался. Юля заметила, что улыбка меняла лицо Левы практически до неузнаваемости. Он будто озарялся светом. Сегодня, как никогда, Лева охотно играл роль влюбленного парня. Он обнимал Юлю за плечи и с нежностью притягивал к себе. На них с интересом поглядывали одноклассники, одобряя выбор Левы.

– Юля, мы сейчас спалимся, и все из-за тебя, – прошептал ей на ухо Лева. – Каждый раз, когда я тебя обнимаю, ты украдкой бросаешь взгляд на Ромыча.

Юля даже не осознавала этого.

– Ничего не могу с собой поделать... – призналась она, когда засекала собственную реакцию.

Роман выглядел не лучше. Нужно было что-то предпринять. Лева окликнул друга и когда тот повернулся с раскрасневшимся от ревности лицом, спокойно спросил:

– Ты когда пойдешь за Настей?

Роман бросил на Юлю мучительный взгляд, и она поняла, что ему тоже этот вечер дается совсем непросто. Объяснив отцу, что ему нужно идти за девушкой в другую школу, Роман неохотно поплелся к выходу.

Зазвучала медленная музыка, Лева пригласил Юлю танцевать, но она стояла в растерянности и поглядывала на дверь, за которой несколько минут назад скрылся Роман.

– Юльча! Чего ты встала как неживая! – грубо одернула ее мать. – Иди, разомни кости!

Не дожидаясь ответа, Лева осторожно взял Юлю за руку и повел на танцпол.

– Юль, расслабься. Это все лишь я. Не маньяк и не вампир-кровопийца.

Юля вымучила улыбку и бросила недовольный взгляд на родителей. Они охотно общались между собой, поглядывая на своих детей. Заметив, на кого направлен взгляд Юли, Лева пояснил:

– Сто процентов нас ждет в ближайшее время взаимный визит в гости.

– Может нам как бы поругаться? – предложила Юля. – Не представляю, как смогу пережить этот цирк.

– Ладно, если radoки заведут разговор, скажу, что мы поругались, – безразлично парировал Лева и тут же спросил: – Когда вы намерены открыться родителям?

Вопрос Левы застал Юлю врасплох. В общих чертах она понимала, что это будет не раньше ее поступления в институт, но детали они с Романом не обсуждали.

– Года через два, не раньше...

Лева присвистнул и склонился к ее уху.

– Значит, мои услуги вам еще пригодятся?

– Возможно, но ты этот вопрос обсуди с Ромой.

– Ты ничего не решаешь? – усмехнулся Лева. – Почему так?

Юля пожала плечами.

– Рома старше, изобретательнее и он парень.

– А я думаю, что в паре должны решать оба. Если тебя что-то не устраивает, ты не должна молчать.

– Меня все устраивает...

Лева хмыкнул и закатил глаза, и Юля тут же пояснила:

– Лева, если бы я была твоей девушкой, ты бы вел себя точно так же.

– Если бы ты была моей девушкой, – тут же с издевкой парировал Лева, и Юля поняла, что эта мысль давно бродила в его голове, – то сконцентрировалась бы на том, чтобы укрепить свое здоровье и получить как можно больше знаний и навыков. А не бегать на свидания, с которых возвращаешься пустой как пятидесятиметровый колодец, – Юля метнула в него обиженный взгляд. – Я имею в виду энергию. Никогда бы не сделал то, что делает с тобой Ромыч.

Юлю это разозлило.

– Поэтому я встречаюсь не с тобой, а с ним.

– Не надо обижаться, Юль, – он погладил ее по спине, и Юля напряглась всем телом. – Прости, не знал, что мои прикосновения тебе так неприятны. – Он скривился в ухмылке. – Бедняжка, как же ты меня терпишь?

Лева был настроен на обсуждение щекотливых тем, и Юля постаралась увести разговор в сторону.

– Ты выпил?

– Да. С отцом дома по рюмке коньяка и тут с ребятами... – он запнулся, – не помню сколько... но тоже коньяка... – он показал на двоих друзей, которые еле держались на ногах.

– В отличие от них, ты не выглядишь пьяным...

Она хотела добавить, лишь болтаешь больше обычного, но сдержалась.

– Я не пьянею. Просто навеселе.

Кто-то из одноклассниц окликнул Леву и буквально потребовал танец. Юля хотела уйти к родителям, но Лева не позволил.

– Сегодня все танцы принадлежат моей девушке! – ответил Лева задиристой девчонке и притянул к себе Юлю за талию.

– Ты же говорил о моем праве голоса, – упрекнула его Юля и хитро сощурилась.

– Я передумал и решил признать твою правоту, – шутливо парировал Лева и расхохотался, чем удивил всех на танцполе и стоящих неподалеку родителей.

К счастью музыка закончилась и Юля, воспользовавшись моментом, вернулась к родителям.

– Мы, наверное, пойдем, – сказала мама Левы, – не будем докучать сыну своим назойливым вниманием. Ему сегодня весело, а это бывает очень редко...

– А мы подождем выступление Ромы, – ответил Сергей.

– Выступление? – удивилась Юля.

– Да, Рома подготовил его для *своей* девушки, – уколола ее мать.

Юля так и не поняла, зачем она сделала акцент на «своей». Видимо опять намекала на то, что Роман слишком быстро нашел ей замену. Что чувства к Юле были ненастоящими. Что это просто желание заполучить то, что у Юли под юбкой, а когда не получилось, он быстро перекинулся на более сговорчивую девушку. Мать не раз давала дочери понять, что Настя и Роман занимаются

сексом с первых дней знакомства. Алла поднимала эту тему раз в неделю, а Юля каждый раз от этих слов закрывала уши.

– Тогда и мы подождем, – радостно отозвался отец Левы.

Между родителями завязался разговор о предстоящем поступлении в институт. Обсуждались выбранные сыновьями профессии. Роман интересовался геофизикой и собирался поступать в Университет Нефти и Газа. А Лева после долгих колебаний решил подать документы в медицинский институт. Казалось, ему совершенно все равно где учиться, по нему было видно, что высшее образование он получает ради родителей. Глядя на Леву, Юля предположила, что какую бы профессию он не выбрал, свою жизнь он посвятит саморазвитию и единоборству.

Юля уже заметно заскучала, когда услышала гитарный проигрыш той самой песни, что Роман пел ей в первый день знакомства. Сердце бухнуло и так громко заколотилось, что она не в силах была устоять на месте. Реакция Левы была молниеносной. Он будто почувствовал ее порыв и среагировал быстрее, чем она убежала в поисках Романа.

– Пойдем ближе к сцене, – сказал Лева, взял ее за руку и стал пробираться сквозь толпу. По пути он через плечо бросил на нее оценивающий взгляд и спросил: – Ты не спалишься? Вон как вся светишься!

– Постараюсь.

Юля еле держалась на ногах. Родители пробирались следом за ними.

– Grazie amore mio... – пропел Роман первую строчку и сделал паузу, как бы давая понять важность этих слов.

Теперь его голос звучал уверенней, сильнее и мелодичнее. Как и в первое ее исполнение, Роман вкладывал столько души, тепла и чувства, что у Юли побежали мурашки по коже. Она выслушала целый куплет и припев и только потом поняла: он вложил в свой голос тоску, томление и трепет что испытывает перед их свиданиями. Мучения от невозможности обнять и поцеловать ее на людях. И, конечно же, свою любовь...

Роман только бросил быстрый взгляд на Юлю, убедившись, что она здесь, слушает его и продолжил петь. Его длинные красивые пальцы перебирали струны. Он мог сыграть их с Юлей любимую песню с закрытыми глазами. Но

боясь проявить к возлюбленной на публике повышенный интерес, Роман не поднимая глаз от гитары, делал вид, что не хочет сбиться.

Настя стояла перед сценой, тщательно изображая приятное удивление, а вокруг нее кружком выстроились родители, одаривая ее любопытными взглядами. Одна Алла смотрела не на новую подругу Романа, а на свою дочь. И вновь как несколько месяцев назад в ее сердце прокрались сомнения. А не дурачит ли ее Юля, делая вид, что встречается с другим парнем? Уж больно бурно она реагирует на песню Романа. И хоть Лева и сжимал ее дочь в объятиях, Алла знала, как Юля реагировала на прикосновения Романа, она подавалась к нему всем телом, льнула и обнимала в ответ. На Леву же она реагировала иначе: выглядела напряженной, даже вздрагивала, когда рука парня касалась ее плеч или талии.

Кое-как Юля продержалась до второго куплета, а потом словно поплыла. Слезы прорвались наружу, плечи затряслись, поэтому Лева обнял ее и снова потянул на танцпол.

– Не смотри на него, – Юля подняла на Леву удивленные глаза и он пояснил: – Ты сейчас зарыдаешь, и все наши старания пойдут прахом. Твоя мать глаз с тебя не сводит. Что-то чувствует. Смотри мне в глаза. Я остужу тебя.

Щелчок над ее ухом. А дальше началось что-то невероятное. Их глаза сцепились в минорно-печальном вальсе и Юля куда-то провалилась. Мир вокруг них словно исчез, остались только гитарный перебор, голос Романа и глаза Левы. Она не могла отделить одно от другого, все слилось и перемешалось как в калейдоскопе.

– Мы сейчас с тобой гуляем в парке. Ночь. Небо усеяно звездами. Светит луна и фонари. Поют цикады. Дует легкий ветерок. Шелестит молодая листва на деревьях. Тебе очень легко и радостно.

Улыбка отразилась на лице Юли, Лева провел тыльной стороной ладони по ее щеке.

– Посмотри на звезды, – Юля подняла голову и увидела, как под потолком вращается зеркальный шар. – А теперь снова смотри мне в глаза. Вдыхай глубоко и медленно, – Юля вдохнула, – так... хорошо... теперь так же медленно выдыхай, – Юля сделала, как он говорит. – Еще раз... Вдох-выдох. Здесь, в парке, только ты

и я. Мы гуляем, молча. Нам хорошо и спокойно. Мы друзья. Ты доверяешь мне, а я тебе. Чувствуешь, как ветерок касается твоих волос?

– Да, – Юля закрыла глаза.

– Открой глаза, смотри на меня, – мягко, но требовательно произнес Лева. – Все твоё тело теплеет. Ты наполняешься силой и энергией. Ничто не выведет тебя из равновесия. Ты слышишь красивую песню. Её поёт парень своей девушке. Она тебе нравится. Ты полностью владеешь собой. Ты расслаблена и получаешь удовольствие.

Юля чувствовала, как её тело медленно покачивалось в танце. Лева поглаживал её спину, теперь его прикосновения не казались ей чужими и неуместными. Он нежно поцеловал её в лоб. Глаза на мгновение потеплели. Он что-то ей говорит, но вместо его голоса она слышит только песню. Какие красивые и грустные слова. Плач сердца.

Почему она не может оторваться от серых глаз? Они будто её поглотили, увлекли и в то же время что-то привнесли. Что-то новое... спокойствие, которого она ещё никогда не испытывала. Всеобщее спокойствие: тела, души и сознания.

– Юля!

Какой-то голос настойчиво прорывался сквозь пелену. Юля повернула голову, но никого не увидела. Впереди была слабоосвещённая аллея парка. Роман стоял прямо перед ней и ошарашено пылился в её отстранённые глаза, будто она его даже не замечала. Он буквально оторвал Юлю от Левы и потащил в коридор.

– Что с тобой? – потребовал он объяснений, когда они скрылись в темном углу. – Твоя мать подошла к тебе попрощаться, но ты не реагировала. Они теперь все шушукуются, что ты втюрилась по уши. Что вы делали? Я пел для тебя! А ты даже не слушала! Юля!

Юля ничего не соображала, ей казалось, что она всё ещё в парке. Кто этот человек? Почему он на неё кричит? И где серые глаза, от которых было так спокойно и легко?

Чей-то щелчок вывел её из забытья, она часто заморгала. Пелена рассеялась и она увидела перед собой Романа.

– Ты ввел её в гипноз?! Ты спятил?!

Роман налетел на Леву с кулаками, но тут же получил мощный ответный удар по корпусу. Отлетел к стене и скатился на пол. Придя в себя, он встряхнул головой, схватил Юлю за руку и хотел ее увести, но в этот момент Лева быстро заговорил:

– Ромыч! Ты всегда говоришь о любви, но разве может быть любовь так эгоистична? Разве можно из-за любви доставить столько страданий? О чем ты думал? Что она будет себя контролировать? Она была под пристальным вниманием моих и ваших предков. Когда услышала твой голос, чуть не сдала себя с потрохами. Я увел ее, потому что она была на грани истерики. Рыдала. Тряслась. Ее мать сразу что-то заподозрила. Мне пришлось перенести ее в другое место.

– Что?! Что ты несешь? Перенести?

– В парк, – тут же подала голос Юля и улыбнулась.

– Дай ей полчаса. Пусть посидит на скамейке на свежем воздухе.

– Мы уходим, – категорично произнес Роман и, схватив Юлю за руку, повел ее к выходу.

Лева смотрел им вслед. Юля несколько раз оборачивалась и улыбалась ему, а он ей. Впервые через пласты воли и самоконтроля пробилась тонкая струйка незнакомой энергии и закружила в области его сердца.

Кто-то похлопал его по плечу. Лева обернулся и увидел испуганную и озадаченную Настю.

– Лева, где здесь телефон? Мне нужно позвонить Кириллу.

– Я сам отведу тебя к нему.

– А разве ты не останешься с одноклассниками? Пока ты танцевал с Юльчей, несколько девчонок тебя прямо пожирала глазами.

– Это из-за Юли, – спокойно ответил Лева. – Ее энергия окрашивает. Когда я войду в зал один, снова стану невидимым.

– Ты? Невидимым? – засмеялась Настя. – Тебя трудно не заметить.

– Я провожу тебя, – он взял из рук девушки легкую летнюю курточку и накинул на ее острые плечи. – Та, из-за которой я здесь, только что ушла, оставаться нет смысла.

– Ох, Лева, уж часом, не влюбился ли ты?

– Я никогда никого не люблю... – категорично парировал Лева.

Настя метнула в него настороженный взгляд и не поверила ни одному его слову. Она даже подумала, как хорошо, что Роман, а не Лева ее подставной парень и тут же посочувствовала Юле.

Роман поступил в институт Нефти и Газа и вселился в общежитие за день до начала занятий. Новые предметы давались ему без особого усилия, поэтому он сразу начал подрабатывать. Это были случайные заработки, то в ларьках продавцом, то на вещевом рынке. Поначалу отложить денег в «Стартовый капитал» не получалось, все уходило на питание и одежду. Роману хотелось не отставать от общей массы студентов, и он приоделся.

С соседями по комнате ему первые три месяца не везло: то к нему подселили гуляку-весельчака с бесконечными тусовками от зари до зари, то жуткого аллергика, который постоянно глотал пилюли и никак не мог найти баланс температуры, всю ночь то открывал форточку, то закрывал. Пока к нему не вселился предприимчивый паренек по имени Влад. Вместе со старшим братом он вел стабильный бизнес распространенного в то время видео и аудиопиратства. Им катастрофически не хватало рук, и уже через неделю Влад предложил Роману вступить в бизнес в равной доле. Роман сразу согласился и занял деньги у отца.

Комната в общежитии превратилась в звукозаписывающую студию. Аппаратуру без присмотра оставлять было нельзя и Влад с Романом учились посменно. Когда пребывала новая посылка из Штатов, откуда они периодически получали новинки кино– и музыкальной–индустрии, брат Влада оставался в общежитии. А Роман с Владом спешили в аэропорт, где встречали нужный рейс. За соответствующее вознаграждение пилот передавал им посылку с новыми кассетами. Ребята оставляли кассету переводчикам и ждали в машине иногда по пять-шесть часов. После занимались картонной упаковкой и вместе с дизайнером разрабатывали оформление нового фильма или музыкального альбома. Затем возвращались в общежитие, копировали фильмы и втроем клеили этикетки на новенькие кассеты.

Сами не светились, не торговали. Встречались с перекупщиками на «Горбушке» – рынке аудио и видеопродукции в парке возле Дворца Культуры имени Горбунова. Бизнес раскручивался очень быстро. Но их деятельность не осталась незамеченной для рыночных рэкетиров, и Роман предложил сменить точку передачи товара и обратиться за помощью к Леве, чтобы тот за вознаграждение сопровождал их во время передачи груза и получения денег. Таким образом, школьные друзья снова оказались вместе.

Лева оставался верен своим принципам. Девушки у него так и не было. Он преуспевал в учебе, вел несколько секций для подростков по каратэ как тренер и медитировал в любом месте, когда выдавалась свободная минутка.

Роман безумно скучал по Юле. Конечно, работа и учеба отнимали много времени, но как только он ложился в кровать и закрывал глаза, сердце сжималось от тоски и боли. Он понимал, что долго без нее не выдержит и постоянно искал способы ее переезда в Москву.

Когда Роман уехал для Юли наступил самый сложный период в их отношениях. Он предупреждал ее, пытался смягчить падение, но она все равно оказалась не готова к расставанию. И снова в ее жизнь вошли отчаяние и безнадега. Юле предстояло пережить два года разлуки, пусть и с перерывами на каникулы. Но как ни старалась она занять себя тренировками, чтением книг, общением с подругами и новыми хобби, все равно скучала и продолжала делать новые зарубки уже на второй дверце шкафа.

С Юлей Роман поддерживал телефонную связь раз в неделю через магазин Кирилла. Она приходила в оговоренное время, и они на протяжении часа взахлеб рассказывали друг другу новости, объяснялись в любви и строили планы на будущее. Юля понимала, что Роман занят, что у него нет возможности говорить с ней каждый день, но все равно канючила и капризничала, что обычно ей было несвойственно.

Впервые талант к аудиту Юля проявила как раз в один из таких дней. После очередного разговора с любимым она нашла Кирилла и Настю на складе. Друзья склонились перед ворохом документов с мрачными лицами.

– Что случилось? – спросила Юля, входя в просторное помещение, заставленное металлическими стеллажами. – У вас такие лица, будто кто-то умер.

– У Кирилла недостача, – пояснила Настя и ткнула в папку с документами.
– Если не найдем к утру, то придется залезть в заначку и тогда нам не видать свадьбы еще год.

Осознав серьезность положения, Юля глянула на документы и спросила:

– Можете объяснить, что тут к чему?

– Да, Настюха... устроил я тебе подлянку... – проворчал на ходу Кирилл и, закурив, вышел на улицу.

– Не падай духом, – подбодрила его Настя, но Юля видела, что подруга сама на грани истерики.

– Мама говорит, если кто и может что найти, так это я. Давай, Настя, объясни принцип. Что это за бумажки?

Не скрывая своего сомнения, Настя закусил губу, но потом все же кивнула.

– Ладно, свежий взгляд не помешает, – она указала на акт снятия складских остатков. – Это реальные цифры товарного остатка. Мы с Кирюшей три раза все проверили. Это... – Настя показала на папку, – приходные документы за последний месяц. Во второй папке – расходные документы. Остаток на начала месяца плюс приход и минус расход, должен дать ту же цифру что в акте снятия остатков на вчерашний день, то есть на конец месяца. Сечешь?

– Ага. И на какую сумму разница?

Настя озвучила цифру и Юля присвистнула. На эти деньги можно новую машину купить. Далее девушки исследовали документы. Сначала Юля смотрела на них как на инопланетные послания, перебирая из стороны в сторону. Позже она немного разобралась в системе отпуска товара и стала задавать вопросы. Вернулся Кирилл и смерил девчонок оценивающим взглядом.

– Да все уже проверили не по одному разу, чего вы?

Его вопрос остался без ответа, ни Настя, ни Юля не подняли от бумаг головы. Через полчаса Юля нахмурилась и начала покусывать губы. Сначала она перепроверила свою догадку и только потом взглянула на друзей.

– Странно, – сказала Юля и ткнула указательным пальцем в журнал регистрации отпуска товара.

– Что? – вскочил Кирилл от нервного перенапряжения.

– Смотри, двадцать первого числа на проходной при выезде отмечается Пазик из Воронежа, но за это число у тебя нет расходной накладной.

– Ах, это... – разочаровано произнес Кирилл и отмахнулся, – такое возможно... водитель мог заехать по пути и отдать документы для бухгалтерии или оставить заявку.

Влюбленные сплели пальцы и тяжело вздохнули. Только что появившаяся надежда погасла и унесла за собой последние всполохи свадебной церемонии. Но Юля не отступала, она чувствовала необычайно сильное притяжение. Ее взор был все еще прикован к журналу регистрации и метался от графы к графе. Что-то не отпускало ее внимание. Какое-то несоответствие. И когда она поняла, какое именно, вскочила со стула, прижала журнал к животу и начала выплясывать ламбаду.

– Юльча! Что?! Говори! – кричали наперебой Настя и Кирилл.

– Если так, почему при въезде весы показывали вес Пазика на полтонны меньше, чем при выезде?

Кирилл вырвал у нее из рук журнал регистрации.

– Подпись младшего брата... – он взглянул на настенный календарь, где были указаны его рабочие дни, – двадцать первого меня не было на работе... Вот паршивец, он отпустил товар и посеял расходную накладную!

Всеобщему веселью не было предела. Девчонки от переизбытка чувств скакали и визжали. Потом принялись танцевать под музыку, зазвучавшую по радио. Кирилл еще несколько минут оторопело пялился в документы, потом с облегчением выдохнул, вынул из ящика стола чекушку и залпом ее приговорил.

Уже заметно охмелевший он подошел к Юле, нежно притянул к себе и сказал:

– Юльча! Ты не представляешь, что ты для нас сделала! Я уже думал, придется менять двушку на однушку. А о свадьбе уже речь не шла. Мы с Настюхой твои должники!

– Да ладно, Кирилл, чего уж там. Мы же друзья, – Юля отмахнулась, но услышав громкий всхлип подруги, насторожилась. – Настя, ты чего?

– Я беременна, Юль...

От удивления и радости Юля распахнула глаза и кинулась поздравлять друзей. По щекам катились слезы, она и сама не понимала, почему расплакалась. Сейчас ей казалось, если у Насти и Кирилла все получилось, то у них с Романом тоже есть шанс. Нужно лишь только подождать и делать, как он говорит.

– А я-то думала, почему от вас родители отстали! – догадалась Юля. – А вы, оказывается, ждете ребенка. И какой срок?

– Девять недель... – от счастья Настя расплылась в улыбке.

С этого момента Юля и Настя были неразлучны. Они вместе планировали свадьбу, записались на кулинарные курсы и каждые выходные устраивали Кириллу, как они сами в шутку называли «Праздник живота».

Все было хорошо, пока два месяца спустя Алла не узнала о предстоящей свадьбе и не устроила дочери допрос. По настоянию Насти Юля сказала матери, что подруга выходит замуж из-за внеплановой беременности и Алла обложила бывшую «подружку» Романа нелестными эпитетами, заявила, что всегда считала ее шлюхой и запретила им дружить. Вот так Юля потеряла возможность безболезненно отпрашиваться из дома и ситуация с каждым днем становилась все невыносимее. О Романе, по понятным причинам, с подругами из школы она говорить не могла. Ей приходилось делать вид, что все хорошо и от этого маскарада ее уже тошнило.

Чтобы не сойти с ума, Юля начала проводить все больше времени на тренировках. Для учеников и тренера она все еще была девушкой Левы и из уважения к нему ей оказывали всевозможную помощь: провожали домой, если час был поздний, щедро делились знаниями и навыками. В итоге Юля обрела новых друзей и все чаще оставалась для индивидуальных занятий. Тренер всячески способствовал ее интересу, и когда Юля окрепла, дал согласие на перевод в мальчишескую группу, где тренировки были более сложными и жесткими, заранее предупредив девушку, чтобы не ждала поблажек.

Во время тренировок Юля сбрасывала весь накопившийся негатив и училась самообладанию. Теперь ее все чаще можно было увидеть в пустом зале за растяжкой и отработкой ударов. Многочасовые ежедневные тренировки позволили ей развить быструю реакцию, точность ударов, ловкость, выдержку и научиться концентрировать внимание. Когда Лева узнал о ее успехах, позвонил и

предложил ей подготовиться к предстоящим соревнованиям, где она могла выступить в сборной женской группе по Подмосковию. Юля, не задумываясь, дала согласие. Именно разлука с возлюбленным привела ее в большой спорт, а полученные в эти годы навыки пригодились ей в последующей жизни.

После очередного телефонного разговора с Юлей Роман провел бессонную ночь. Вертелся с боку на бок, думал над ее словами. Юля настаивала, чтобы он не хранил деньги в банке, а снял всю сумму и перевел их в доллары. Такому решению он противился всеми силами, в основном из-за того, что не было безопасного места для хранения сбережений, но Юля так ни на чем раньше не настаивала и Роман сдался.

Позвонив другу, Роман объяснил, зачем ему нужна помощь и уже через час встретился слевой у метро. После рукопожатия друзья направились в Инкомбанк.

– Я тоже взял свою рублевую заначку, поменяю на баксы, – Лева похлопал по свисающей с бедер барсетке. – Так к чему вся эта срочность?

– А хрен его знает, – отмахнулся со злостью Роман, – Юлька как с цепи сорвалась только о долларах и триндитах. Я ей о том, как соскучился, а она мне о «зеленых».

– Она лишена контакта с твоей энергией и уделяет много времени тренировкам. Не жди от нее сейчас нежности и сюсюканий. Это ее способ выживания. Наберись терпения. Пусть подготовиться к соревнованиям, а после я поеду в Обнинск и уговорю ваших родоков отпустить ее на несколько дней в Москву. Типа показать местному тренеру. Мой отец, конечно, будет не в восторге, но если у меня все получится, то мы сможем под этим предлогом перевезти Юлю в столицу.

Роман наградил друга испытывающим взглядом и с пониманием кивнул. Ему казалось, что Лева не одобрял их с Юлей связь, но выходит, что Лева тоже думал о ее переезде.

Этот разговор состоялся в мае 1998 года, а через три месяца в стране случился дефолт. О дефолте узнали по телевизору. Роман и Юля как раз

завтракали после бессонной ночи. Полночи они предавались любовным излияниям, а полночи поочередно дежурили у кровати младшего брата. Их родители уехали к родственникам и планировали вернуться через неделю.

Переглянувшись между собой, они поняли сразу две вещи: родители вернуться раньше и хорошо, что их «Стартовый капитал» заранее переведен в доллары и спрятан в комнате Юли.

– Миа, ты понимаешь, что спасла наше будущее? – спросил Роман, притягивая возлюбленную к себе за бедра.

Она улыбнулась и взлохматила ему волосы. Его прикосновения напомнили ей о горячей ночи. А эта ночь запомнится Юле навсегда. Роман впервые предстал перед ней обнаженным. Он сделал бы это и раньше, но Юля никак не могла перебороть страх и каждый раз его останавливала. А сегодня сама сняла с него всю одежду и тщательно исследовала доселе запретную зону.

– Роша! – потрясенно воскликнула она, увидев эрегированный член. – Как же он может во мне поместиться?

Роман разразился залившимся смехом и сжал ее руки на своей плоти.

– Ты такая тетеха, Юлька!

Он показал ей особо чувствительные зоны, какие движения ему приятны, и уже через минуту комната наполнилась его стонами. Новые ощущения быстро привели его к оргазму. После чего он повалился с Юлей на кровать и долго восстанавливал дыхание. Но расслабляться было рано, Юля все еще не получила удовольствие. Обхватив ее за спину, он перевернулся с ней на бок. Его пальцы заскользили между ее почти сформировавшихся грудей.

– Представляю, какими они будут красивыми в нашу первую ночь. От переизбытка чувств, наверное, я сойду с ума.

Роман надолго припал сначала к одной груди, затем к другой. Он покрывал атласную кожу поцелуями, втягивал в рот сосок и нежно покусывал. Юлю все это приводило в такой восторг, что она не в состоянии была произнести ни слова. Ее громкие стоны красноречиво говорили об испытываемом удовольствии. Тогда он обхватил головку члена и направил на клитор. Мягкими движениями он стимулировал ее самую чувствительную точку, и Юля вспыхнула от новых ощущений.

– Роша... Это так нежно... – она потянулась к его губам.

Влюбленные слились в жарком поцелуе. Из-за трения самых нежных интимных зон Роман был готов к очередному раунду. Фантазии захлестнули его сознание, и от этого он возбуждился еще сильнее. Когда по всему телу Юли прошла волна наслаждения, он уже знал, что еще новенького они сегодня попробуют.

– Сожми ножки, любимая. Обхвати его своей мягкостью. Это даст мне иллюзию, что я внутри тебя. Пусть он скользит. Вот так. Да! Миа!

Роман покрывал ее лицо поцелуями. Юля сжала его ягодицы и улыбнулась от его вырвавшихся наружу стонов.

– Ты не представляешь как мне хорошо. Ты все, что мне нужно. Я самый счастливый человек на земле. Моя сладкая, Миа! О! – его голос сорвался и перешел на хрип. – Я кончу, – Роман задвигался быстрее, а потом еще быстрее. – Сейчас кончу! Миа! – громкий стон разнесся по всей комнате.

Он повалился на нее. Лицом уткнулся в волосы и втянул их аромат. От переизбытка чувств наружу рвались слезы, но он быстро взял себя в руки и выровнял дыхание.

– Боже... как же здорово... Я люблю тебя мое Солнце! Ты даришь мне свет...

Все лето Роман и Юля были вместе и щедро отдавались взаимным ласкам. Родители то и дело разъезжали по срочным делам. Сергей, вдохновившись успехами сына, открыл несколько торговых точек в Обнинске и привлек к бизнесу жену. С первых дней Юля помогала бухгалтеру вести учет документов и сама сдавала в налоговую инспекцию отчеты. Совместный бизнес и младший братишка снова сблизили Юлю с родителями.

Заскрежетали ворота, во двор въехал новенький «Мерседес».

– Приехали, – с горечью буркнул Роман и вынужденно отстранился от любимой, – а я так надеялся, что мы успеем еще разочек.

– Не переживай, – успокоила его Юля, притянула к себе и страстно поцеловала. – Через три дня они уедут в Рязань на пару дней. А твое ожидание с лихвой оправдается.

Роман заметил лукавый блеск в ее глазах и усмехнулся.

– Что ты задумала, Миа?

– О-о-о! Следующую ночь ты не забудешь никогда, – мечтательно произнесла она, – как я не забыла ту самую ночь, когда родился Илья.

Роман сразу понял ее намек и уставился на возлюбленную. Ответить он не успел, Алла влетела на кухню и истерически прокричала:

– Вы слышали? Дефолт! Мы банкроты!

Сергей был бледен. Не говоря ни слова, он снял куртку, вымыл руки и потянулся к холодильнику, где в боковом отсеке покоилась бутылка водки.

– Расслабьтесь! – засмеялась Юля и деловито добавила: – Весь налик я сдала в банк и еще позавчера перевела оптовым поставщикам за товары. Так что отгрузка пройдет по старым ценам, а продать вы их сможете уже по новым. Сейчас цены взлетят как в космосе.

С минуту родители ошарашено смотрели на нее. Юля никогда сама не принимала таких важных решений и работала в семейном бизнесе под неусыпным контролем родителей.

– Юльча! Почему ты не согласовала оплату? Откуда ты могла знать, что в стране случится дефолт? – возмутилась Алла, но тут же оттаяла и добавила: – Но я рада, что ты это сделала!

Мать бросилась к дочери и начала ее со страстью обнимать и целовать. Только сейчас Роман вспомнил все их телефонные разговоры, Юля не раз говорила, что растущий как на дрожжах внешний долг страны до добра не доведет, а он все время злился, что она талдычит обо всем, но только не об их любви.

– Мама, только не ругайся, – Юля отстранилась и, краснея, тихо произнесла, – Из тех же денег я купила китайские юани. Они для Левы. Он собирается в Китай на обучение и я подумала, что лучше прикупить валюту сейчас...

Алла не дала ей договорить:

– Конечно, доченька! Не волнуйся! Он же твой парень и мы должны ему помогать.

Роман нахмурился. Он не знал, что Лева собрался в Китай. Они на днях виделись, но Лева и словом об этом не обмолвился. Да и когда он едет? Ведь со дня на день начинаются занятия.

– Лева едет в Китай? – удивленно спросил Роман у Юли.

– Да. Он решил взять академический отпуск и уехать на обучение единоборствам в Шаолинь.

– Вот как? – изогнул бровь Роман и немного успокоился. Чем дальше его друг от Юли, тем лучше. – Надолго?

– Он всем говорит, что на год, но я думаю, что возвращаться в ближайшие пять лет, он не собирается.

Как и говорила Юля через три дня Алла и Сергей уехали в Рязань. В отсутствие родителей влюбленные чувствовали себя максимально раскованно. Закрытые ворота и двери надежно ограждали их от постороннего вмешательства, и Роман позволял себе щеголять по дому в одних трусах, возбуждая своей идеальной фигурой возлюбленную. Ему хотелось ей нравиться, видеть в ее глазах желание и доставлять Юле удовольствие. Ничто не приносило ему такого наслаждения, как проведенное наедине с ней время. Он учился ради их будущего. Занимался бизнесом ради их будущего. Терпел все лишения и любовную агонию. Все ради их будущего!

Юля помнила советы Насти и никогда не отказывала Роману в любовных ласках. Вот и сегодня, она получила подробные наставления подружки и волновалась как никогда.

– Я была на год младше тебя, когда впервые сделала это Кириллу, – смеялась Настя, стоя у плиты и колдуя над мясным рагу.

Ее животик заметно округлился, и Юля с умилением наблюдала за подружкой. На свадьбу мать Юлю не отпустила, поэтому добрых полчаса Настя показывала фотографии и рассказывала о торжестве, давая по ходу советы.

Рассматривая пьяные лица родственников и друзей, Юля поняла, что никакой свадьбы у них с Романом не будет. Глупое празднество. Они уедут куда-нибудь на острова и будут придаваться любви – вот их сценарий. Тем более, когда об их отношениях узнают родители то, скорее всего, будут злиться и на какое-то время вычеркнут их из жизни. Но все непременно изменится, когда она забеременеет. Юля в этом не сомневалась. Узнав всю правду, родители поймут их и смирятся. Они с Романом любят друг друга и проживут вместе счастливую жизнь.

Юля вернулась домой ближе к вечеру.

– Прости, что так долго, – с порога выпалила Юля и бросилась к Роману. – Пришлось выслушать все подробности свадьбы и смотреть фотографии. Я даже помечтала о том, как это будет у нас.

Осыпая Романа страстными поцелуями, она поделилась своим видением их торжества, и он мгновенно забыл долгие часы ожидания. Она здесь, она его любит и мечтает об их свадьбе. А ее логичные доводы на счет бессмысленной траты денег он сразу же оценил и дал согласие, что после регистрации брака, они тут же сядут в самолет и улетят к океану.

Ожидание ночи доконало обоих. Илья как назло капризничал и долго не мог уснуть. Роман мечтал о предстоящих ласках целый год, но давить на Юлю не решался. Ему хотелось, чтобы она сама сделала ему шаг навстречу.

Когда наконец-то они оказались в спальне, Юля стянула с его бедер еще влажное после совместного душа полотенце и отступила на шаг.

Роман заметил ее волнение и спросил:

– Ты уверена, что готова? Это не просто... дело даже не в умении. Не подумай, что я отказываюсь, не хочу на тебя давить.

– Настя сказала, если спросить у Кирилла минет или секс, он скажет: «Минет». Значит, это доставляет мужчине большое удовольствие. Кирилл его получает регулярно, а чем мой парень хуже?

– Весомый аргумент, – засмеялся Роман и притянул Юлю к себе. – Миа, чтобы там тебе не наговорила Настя, у нас все будет начинаться с губ. Сначала мои губы, а потом спускайся вниз... медленно... не торопись. Ты знаешь мое тело. Знаешь, как сделать мне приятно. Это поможет мне настроиться. А еще... – он

снял с нее футболку, – я хочу, чтобы твоя грудь всегда касалась моего тела. Не знаю, как ты это сделаешь, Миа, но не отлипай от меня.

Он действительно запомнил эту ночь на всю жизнь. Позднее Юля доставляла ему, куда большее наслаждение уже более умелыми движениями, но тот первый раз ему запомнился из-за их сильного волнения и истомившего обоих предвкушения. Всеми силами он пытался сдержаться и растянуть удовольствие, но оргазм прорвался как пушечный выстрел, а вырвавшаяся наружу сперма залила Юли грудь и вызвала у обоих шквал новых эмоций.

«Черный август» и последующие месяцы были похожи на апокалипсис. Денег ни у кого не было. Банки лопались один за другим. Пустые прилавки продуктовых магазинов. Многокилометровые очереди. Нужда постучалась почти в каждый дом. Люди были растеряны, брошены, озлоблены. Перекрывали автомобильные и железные дороги с требованием выдать зарплату.

В сентябре у Юли начались занятия с репетиторами. Над выбором профессии она думала не долго. Рассматривала только «Бухгалтерский учет и аудит». Юля хотела стать аудитором в банковской сфере и старательно собирала материал для будущей профессии. После отъезда Романа в Москву она вернулась к усиленным тренировкам и начала готовиться к соревнованиям по каратэ, которые должны были пройти в канун Нового Года. Жаль, что Лева уже к тому времени уедет и не сможет прийти ее поддержать. Именно его аутотренинг помогал ей сосредоточиться на отработке ударов и вызвать в себе соответствующий настрой.

Теперь разлука с Юлей воспринималась Романом особенно болезненно. Он возобновил тренировки в бассейне, это помогало немного снимать напряжение, но проблему в корне не решало. Сердце рвалось на части только при одном воспоминании о Юле, а уж когда ночами он перебирал в памяти их любовные излияния, все тело бунтовало от тоски и длительного воздержания.

Его одногруппник Влад уехал с братом на ПМЖ в Штаты. Бизнес они свернули, а одному Роману заниматься пиратством не хотелось. Тем более что Лева действительно собирался в Китай, а без его поддержки продолжать

рисковый бизнес не имело смысла. Стипендии хватало только на неделю, поэтому Роман начал подрабатывать продавцом в видеосалоне и крупье в одном из известных казино. На крупье пришлось учиться, за обучение с него высчитывали из заработка. Но чаевые были неприкосновенны, именно они и шли в пополнение «Семейного капитала» – так теперь они с Юлей называли свои сбережения.

У Романа появился новый сосед – Роберт. Парень был выше ростом и шире в плечах. Посещал качалку и матерился как сапожник. Отношения между ними сразу не заладились. Серьезных потасовок не возникало, но общение было на грани фола. Новый сосед играл в рок-группе на бас гитаре и из-за почти ежедневных репетиций и выступлений приходил всегда за полночь. Зачастую не один. Поэтому Роману частенько приходилось торчать на лестнице пока его сосед «накувыркается» с очередной девчонкой, имя которой на утро он даже не мог вспомнить.

Именно Роберт первым стал намекать на нетрадиционную ориентацию Романа. Мол, сосед внешне красавчик, а подруг нет. Фото рыженькой милашки показывает для отвода глаз. В такие моменты Роман надевал наушники, включал музыку и отворачивался к стене. Ему неприятен был этот разговор, а затевать драку не в его привычках. Сосед начал отпускать недвусмысленные шуточки о странной дружбе Романа и Левы. Роман понимал почему, Лева пугал Роберта своей сверхчеловеческой выдержкой и невозмутимостью.

Перед отъездом Лева пообещал собрать со всех должников Романа долги. Поэтому частенько приезжал вечерами и отсчитывал приличные суммы. Роберт игнорировал финансовые разговоры и концентрировался на передаче денег.

– За что ты ему платишь? – кривился в ехидной улыбочке Роберт при виде очередной пачке наличных.

Леве Роберт тоже не нравился и зачастую он просто не реагировал на его вопросы. Ну мелет там что-то качек и пусть мелет. Такая реакция только распалила фантазию Роба. Шутки становились жестче, выходки демонстративнее. Теперь Роберт стал вводить в курс дела своих девочек на одну ночь.

– Детка, можешь раздеваться при нем, этот болван реагирует только на мужской член.

В одну из таких ночей, когда Роман читал очередной детектив, сидя на последней ступеньке их многоэтажного общежития к нему подошла его сокурсница Лена и спросила:

– Что, Роб опять девчонку привел?

– Ага, – безразлично выпалил Роман и снова погрузился в чтение.

– Не хочешь со мной выпить чаю? – Лена показала на бумажный пакет, от которого шел соблазнительный аромат. – Ко мне родаки приезжали, привезли домашнюю выпечку.

Конечно, Роману хотелось выпечки, кто ж от такого откажется, особенно когда прилавки в продовольственных магазинах пустуют уже не первый месяц. Но оставаться с сокурсницей в одной комнате было опасно. Он дал клятву Юле, что не притронется ни к одной девчонке. Роман взглянул на короткий шелковый халатик однокурсницы. Сейчас это сделать будет трудно, тем более что Лена не раз проявляла к нему повышенный интерес.

– Нет, но спасибо, что предложила, – пробухтел Роман и покраснел.

– Брось, Ромыч, я не кусаюсь, это же всего лишь чай, – она схватила его за руку и потащила к себе в комнату. – Тем более ты замерз, у тебя руки как ледышки.

Все действительно началось с чая и домашних эклеров. В последующие годы, при виде этих пирожных, к горлу Романа будет подкатывать тошнотворный комок. И все из-за этой ночи. Роман уже собирался уйти, когда Лена скинула с себя халатик, под которым не оказалось даже нижнего белья, и прижалась к нему всем телом. Она быстро завладела его губами и мужским достоинством, умело привела в боевую готовность. Лицо запыхало, от возбуждения Роман начал задыхаться. Чувства были смешанные. Все не так как с Юлей. От Лены исходил слишком резкий запах духов, к нему примешивался терпкий запах тела, который у парня вызывал отвращение.

Не дав опомниться, она толкнула Романа на кровать, а потом умудрилась за считанные секунды стянуть с него спортивные штаны с трусами. Он не слишком рьяно запротестовал, ведь она то и дело сжимала его член рукой. Девушка оказалась очень настойчивой, а у Романа больше не было ни сил, ни желания сопротивляться. Сейчас все его внимание было сосредоточено на

безволосом лобке и открывающемуся за ним виду. Заметив его удивленный взгляд, она провела его рукой по лобку и улыбнулась.

– Что? Никогда не видел бритый лобок?

– Нет, – замотал головой Роман и нервно сглотнул.

Привычным движением она разорвала упаковку и натянула презерватив на вставший колом член. У Романа еще никогда не было такой эрекции. Его дыхание было тяжелым в унисон с партнершей. Лена задрала ногу, дала ему минуту на созерцание промежности, а после оседлала его. Это было очень резко и больно. Роман скорчился и вцепился в ее плечи. Внутренний голос кричал «Не делай этого! Уходи!», но тело его не слушалось – отяжелело, одеревенело, будто его пришили к матрасу и к этой мерзко пахнущей девчонке.

– Прости, малыш, я сделала тебе больно? Я сейчас все исправлю...

Лена начала двигаться, медленно, постепенно наращивая темп. От переизбытка чувств его накрыл поток страсти, руки вцепились в ее бедра. Теперь его уже ничего не раздражало. Им двигало неукротимое желание.

– Ты очень красивый. Особенно глаза. Когда ты смотришь вот так прямо, не отводя глаз, я чувствую себя особенной.

Он осмелел. Схватил ее грудь и больно ущипнул за сосок. Он сам не знал, зачем это сделал, просто почувствовал, что ей это нужно. Лена закричала: «Да!» и он сделал это еще раз... и еще... Они кончили вместе, она билась в конвульсиях, это были волны оргазма, в момент которого ее влагалище сжимало его так сильно, что от наслаждения он закричал, поддался бедрами вперед и прогнул спину.

Свою беспомощность он возненавидел уже сразу после того как бедра девушки замерли. Именно в этот момент Роману представилось лицо возлюбленной, когда она узнает правду об этой ночи. На глаза накатили слезы, но он не хотел показывать Лене свою реакцию. Еще подумает, что его пробрало от переизбытка чувств. Быстро вскочив с кровати, Роман схватил свои вещи и голым выскочил в коридор. Он бежал в мужскую душевую, а оказавшись под прохладной водой, дал выход рвавшимся наружу эмоциям. Уткнулся лбом в стену и зарыдал.

Ему было стыдно и досадно. Он мечтал это сделать с Юлей через несколько месяцев, после ее выпускного бала. Как теперь он посмотрит ей в

глаза? Он клялся ей в любви и верности и сам все разрушил. Сам! Он предатель! Он любил Юлю до умопомрачения, считал, что его любовь победит все, но когда какая-то противная девчонка схватила его за член, сразу сдался и прыгнул с ней в койку. Он такой же, как его отец! Алла права! И как бы он себя не убеждал в обратном, он только что предал любовь той, за которую жизнь готов отдать. Только что он разрушил все, что создавалось ими три года. Он похотливый ублюдок и не достоин любви Юли.

Еще несколько дней его преследовал едкий запах однокурсницы. От угрызений совести Роман перестал есть. Его мутило. Он шарахался от каждой обращающейся к нему девушки. Он их всех уже ненавидел. Но в первую очередь ненавидел самого себя.

Заметив изменения в поведении друга, Лева спросил:

– Что случилось Ромыч? Роб тебя достал?

– Я облажался, Лева! – застонал Роман.

Это было накануне отъезда Левы в Китай. Они шли к метро через парк, и Роман от бессилия плюхнулся на ближайшую скамейку. Лева нахмурился и сел рядом.

– Я трахнул однокурсницу... вернее она меня трахнула, – Роман схватился за голову и застонал как раненый зверь, – а я ничего не мог сделать. Пошел у нее на поводу как телок на привязи. Я недостоин Юли. Я все испортил. Я такой же, как отец. Мотушка и потаскун. Это точно у нас семейное проклятье.

Лева поморщился. Если Ромыч не выдержал с его-то одержимой любовью к Юле то, что уж говорить о других его приятелях. Им шел девятнадцатый год, все его друзья и однокурсники уже занимались сексом, вот даже Ромыч пал жертвой этой «страшной» зависимости. От этой мысли Лева еще больше испытал к сексу отвращение. Нет, уж он-то точно не будет этим заниматься.

Друзья говорили, пока на город не опустилась ночь. Лева многое спрашивал, уточнял. Это была запретная зона, которой он раньше намеренно не касался. Но проблема друга заставила его развернуться на сто восемьдесят градусов и вникнуть в суть.

– Знаешь, что Ромыч? – наконец-то отозвался Лева и потер подбородок. – А ты попробуй еще раз...

– Что? Я толкую тебе, что сделал ошибку, а ты советуешь мне сделать это еще раз? Ты меня просто бесишь, Лева!

– Когда в следующий раз к тебе подкатит девчонка, не шарахайся от нее как от чумы. Либо ты на нее опять среагируешь, как на ту Ленку, либо ты себя уже так остудил, что кроме злости ничего не будешь испытывать. Понимаешь?

В ногах была такая дрожь, что Роману казалось еще мгновение, и он начнет отбивать чечетку. Он наградил друга непонимающим взглядом, мол, и что мне это даст.

– Если ты останешься глух к ее приставаниям, то ты уже сам себя настроил на нужный лад и ничего больше не бойся. А если снова заведешься, то просто начни читать аффирмацию.

– Афи... чего? – Роман смотрел на Леву как на дурачка.

Как же он достал его, ей богу. Он даже не знает о чем идет речь. Лева, небось, еще девственник.

– Аффирмация – это позитивное утверждение, сформулированное как неподдающийся сомнению факт. Например, я Юля и готовлюсь к соревнованиям по каратэ и произношу каждый день, глядя на себя в зеркало: «Я сильная. Я победитель. У меня лучшая реакция...» ну и все в таком роде. Аффирмация должна настроить на позитивный исход. В твоем случае, это не поддаться искушению. В этой аффирмации я дока, поверь мне. Отточил мастерство за годы общения с вами.

– Что ты имеешь в виду?

– Ромыч, не у тебя одного есть глаза, – укорил его Лева. – Юля очень необычная и красивая девушка. Чем старше она становится, тем привлекательнее выглядит. Думаешь, у меня не было искушений ее поцеловать или по-настоящему обнять? Особенно когда она была уязвима. Я медитировал каждый день, а когда не помогало, читал аффирмации.

Роман был удивлен и поражен. Никогда со стороны он не подумал бы, что Лева был увлечен Юлей или по-мужски оценивал ее красоту. Был неприятный инцидент на их выпускном балу, но когда Роман разобрался в ситуации, то понял, насколько быстро и правильно среагировал Лева. Даже поблагодарил его.

– Ладно, давай свою афи... чего-то там... я попробую.

Случай для проверки собственной надежности представился совсем скоро. У Роберта был день рождения, и он напоил почти все общежитие. Вечеринка начиналась прямо с лестничной площадки. К тому времени, когда Роман приехал с тренировки, музыка и пьяные возгласы гремели по всему этажу. Кто-то дрался из-за девушки, кто-то танцевал в коридоре. Его кровать была уже кем-то занята, и рассвирепевший Роман бесцеремонно выгнал полуголую парочку за дверь. Он уже не раз предупреждал Роберта, что его вещи и кровать должны быть для его друзей неприкосновенны, иначе он примет меры, но видимо нужно было продемонстрировать это в реальности, чтобы все раз и навсегда запомнили.

Первой в комнату влетела изрядно подвыпившая Лена, она бесцеремонно начала его лапать и стаскивать с них обоих одежду. Как и в первый раз, реакция Романа была молниеносной. От этого он испытал жуткое разочарование. Он такой же бабник как его отец и гореть ему за это в аду. Взять себя в руки никак не удавалось и Роман, глядя на свой набухший до синевы член, уже чуть не взвыл от досады. Неужели им всегда будет управлять его нижняя «голова»? Но потом Лена прильнула к нему всем телом и начала осыпать поцелуями шею и грудь. Ее специфический запах ударил в нос и Роман сморщился. В памяти мгновенно всплыл заученный наизусть текст аффирмации и Роман начал мысленно повторять ее как заведенный.

Никакой реакции. Ноль.

Его стремительно уносило в новое соитие. Лена поманила его к столу. Смела конспекты и учебники на пол и, повиливая попкой, прогнула спину. От такого приглашения он взвыл, а девушка улыбнулась и кокетливо поманила к себе пальчиком. Все! Он пропал!

Но тут само проведение подсказало ему выход. В стопке сваленных в кучу книг оказались вещи из его спортивной сумки, что он выложил на стол буквально за минуту до прихода однокурсницы. Его взгляд упал на раскрывшееся портмоне, из которого на него смотрели зеленые глаза его возлюбленной. Романа будто засунули в рефрижератор. Голова мгновенно прояснилась и он быстро оделся. Член дергался и реагировал на каждый кокетливый призыв Лены.

– Ты чего, Ромка? Давай! Я вся горю, – девушка еще раз соблазнительно покрутила попкой.

– Тебе лучше уйти, – грубо отозвался Роман и указал на дверь. – Сейчас же! И больше никогда меня не лапай. Ты мне противна.

Реакция девушки была болезненной. Она прищурилась, затем покраснела от гнева и отвесила ему пощечину. Но повторять Роману не пришлось, Лена быстро оделась и выскочила из комнаты в слезах.

Второй раз он подвергся настойчивым ухаживаниям, когда пошел в туалет. Какая-то симпатичная девчонка, он видел ее впервые, явно не из их общежития, потащила его танцевать. От нее он отделался за три секунды, но на обратном пути на него пошла «тяжелая артиллерия» – Ася, староста его группы, обладательница сногшибательной фигуры и пахла она очень приятно.

– Воронцов, выручай, я перебрала со спиртным и мне нужно на воздух, а одна я выходить боюсь, – с притворным страхом взмолилась Ася. – Пройдешься кружок со мной вокруг общаги?

Роман знал, что он ей небезразличен, девушка не раз приглашала его на свидание, правда тщательно закамуфлированное.

– Нет настроения, поищи другого, – буркнул недовольно Роман и скрылся в своей комнате.

Но Ася не сдавалась. Она вошла за ним следом и начала непринужденно болтать об учебе, курсовых, предстоящих занятиях. Роман уже подумал, что зря напрягался, когда она шагнула к нему и дрожащим голосом спросила:

– Воронцов, ты долго будешь игнорировать мои знаки внимания?

– Пока ты не поймешь, что они мне неинтересны, – парировал Роман.

– Воронцов, тебя же никто в ЗАГС не тащит, тебе предлагают просто секс.

– Я не буду заниматься с тобой сексом, – категорично произнес Роман, его уже реально начало бесить положение дел.

– Да что с тобой не так? Ты что импотент? Или Роб прав и ты любишь мальчиков? – она хохотнула, глаза игриво заблестели. – Помню, ты с каким-то странным парнем тусовался в прошлом году. Он из твоей комнаты не вылезал. Это твой типа парень? А кто из вас активный? Ты или он? Должно быть он!

– Пошла вон! – Роман указал на дверь. – Выметайся!

Ася хмыкнула, вздернула подбородок и гордо прошествовала к двери. Прежде чем нырнуть в коридор, она кинула через плечо такой уничтожающий взгляд, что у Романа мороз пробежал по коже. В бессилии он упал на кровать и обхватил голову руками.

На следующий день по институту поползли слухи, что он гомосексуалист. Час от часу нелегче! Раньше ему приходилось отбиваться от женского назойливого внимания, теперь некуда не деться от насмешливых, а местами и презрительных реплик. Друзья от него отвернулись, а к концу месяца уже на всех парах он сидел в гордом одиночестве.

Вот почему когда в Москву приехала на соревнования Юля и пришла к нему в институт, он даже не подумал рассказать ей о случившемся с Леной. Весь день он таскал ее по самым людным местам и демонстративно целовался. За что дважды получил выговор от преподавателей, но даже не подумал отреагировать. Юля краснела и бледнела, а он снова и снова тянулся к ее губам и так пылко впивался, будто захватывал их в плен.

Ей разрешили присутствовать на двух парах. Роман сказал, что его девушка выбирает институт и хочет послушать лекции. Говорил громко, чтобы все студенты в аудитории слышали. В столовой он устроил спектакль под названием «Сам я есть не умею, меня кормит девушка». После чего несколько его друзей все же решились подойти и поздороваться, заодно узнать имя красотки, что покорила сердце недотроги-Романа. Юля представилась как Миа, держалась уверенно, отвечала игриво, шутила, иногда даже кокетничала, но все в рамках приличия. Охмелевший от любви взгляд Романа всем красноречиво доказывал, по какой причине его не интересовали другие девушки.

Больше Романа в институте никто не подкалывал. Уже на второй день его перестали игнорировать друзья. А так как барьер неловкости после измены Роман преодолел, то и решил пока ничего не рассказывать Юле, тем более что впереди зимние каникулы и лишнее напряжение им ни к чему.

Наши дни

С горящими глазами Юля влетела в банк. За ней еле поспевал Савва. На ходу он отдавал распоряжения секьюрити. Краем глаза Юля заметила, что операционный зал полон клиентов, но сотрудники все равно вытянули головы, чтобы посмотреть на синяк управляющей. Ярика нигде не было видно.

Юля и Савва поднялись на лифте на административный этаж, и двинулись по коридору в его кабинет.

– Ярик все еще в банке, – сухо уведомил ее Савва.

И все... больше никакой информации. Юля кивнула.

Заметив босса, из бухгалтерии в коридор выскочила ее секретарь Галина и застрочила речитативом.

– Юлия Викторовна! С самого утра не могу до вас дозвониться. Тут творится черте что! Айратов отменил встречу. Нам нужно скорректировать ваш график. Так как ланч для полного состава был отменен, начальники отделов просятся к вам по рабочим вопросам.

– Не сегодня! – резко выпалил Савва. – Все в понедельник!

Юля метнула в него укоризненный взгляд.

– Обзвоните начальников отделов и скажите, что я смогу их принять после обеда, – распорядилась она и поймала на себе ответный осуждающий взгляд Саввы. – Что? Будем решать все в авральном режиме.

– И еще, Юлия Викторовна! Вас ждут ваши родители в комнате для переговоров.

Юля застонала. Как не вовремя! Она сбежала с больницы до их возвращения из кафе. Видимо хотят узнать, что же вчера произошло и обсудить состояние Романа.

– Это не может подождать? – недовольно буркнул Савва.

– Скажите, что я освобожусь через полчаса, – бросила на ходу Юля своему секретарю и поспешила за Саввой.

Они быстро шли по коридору. Савва часто оглядывался по сторонам, выискивая брата. Юля поймала себя на мысли, что Ярик может выпрыгнуть из любого кабинета как чертик из табакерки и пришлепнуть ее одним ударом.

– Захвати последние отчеты для отца, – Савва жестом дал понять, что будет у себя.

Юля кивнула и вошла в приемную. Собравшись с духом, она заглянула в свой кабинет. Внешне она не подала виду, но сердце екнуло. Да, младший Дорофеев выплеснул на ее личное пространство максимум ярости. Была разгромлена даже комната отдыха, где обычно по утрам ее приводила в благопристойный вид личный стилист Дарья. Туалетный столик был опрокинут, на зеркале красной краской из баллончика выведено «Шваль!».

Юля открыла сейф и вынула флешку с отчетами. Послышались поспешные шаги, в комнату заглянул Рудик.

– Если Савва пригласил архитектора, ты тоже подключись к работе и все здесь переделай. Хочу что-то новенькое, освежающее и более жизненное. Я все-таки скоро стану мамой.

Рудик закатил глаза.

– Это эпохальное событие произойдет не раньше чем через полгода. А пока пусть все будет, как было. Клянусь, как только тебя умчит в роддом белая карета с красным крестом, я сразу сниму трубку и скажу, что управляющей банка требуется не комната отдыха, а детская комната со звукоизоляцией!

– Какая глупость, – укорила Рудика Юля. – Я не собираюсь каждый день таскать с собой ребенка на работу.

– А как ты собираешься его кормить?

– Для этих нужд давно придумали молокоотсос!

– Отсос?! О да, детка, отсос давно придумали!

Рудик был на грани истерики, и Юля сделала вывод, что ко всему прочему он не может найти брешь в расписании Айратова, поэтому простила ему приступ панибратства.

– Айратова отодвигаем пока в сторону. У нас поменялись приоритеты. В первую очередь мне нужны контракты за последние три недели по продажам наших активов.

– Чего!? Что еще стряслось!? – завизжал Рудик.

Она подошла к нему, обхватила его окаменевшее лицо и большими пальцами погладила щеки.

– У нас все хорошо. Мы держим ситуацию под контролем. Чтобы на нас сегодня не свалилось, мы справимся. Отобьем все удары. Мы слаженная команда, – лицо Рудика немного разгладилось. – Принеси контракты...

Юля собрала личные вещи, которые могли ей понадобиться в ближайшие дни, и направилась в кабинет Саввы. Она нашла его в апартаментах, примыкающих к кабинету. Савва сидел в небольшой столовой и доедал завтрак.

– Война войной, а обед по расписанию, – оправдался он и жестом пригласил к столу.

– Нет, прости, меня все еще мутит, – Юля села в кресло и уставилась на городскую панораму через французское окно в пол.

Пока Савва заканчивал трапезу, она задумалась о том, как быстро пролетело время. Вроде еще совсем недавно он уговорил ее написать ему диплом, а ведь с того дня уже прошло шесть лет. Юля и Савва числились в одной группе в институте. Но в отличие от других студентов Савва на занятия не ходил. Отчасти из-за возраста – был старше одногруппников на пять лет, отчасти из-за занятости в банке. Уже тогда Савва работал в семейном бизнесе.

– Последние отчеты? – спросил Савва, показывая на флешку в ее руках.

– Да, – Юля передала ему флешку и помассировала виски.

Ее одолевала головная боль. Рудика она успокоила, а кто успокоит ее?

– Думаешь, как все объяснить родителям?

– Поверь мне, в том, что произошло, только они и виноваты, – злобно выпалила Юля.

– Как это? – Савва закончил завтрак и отодвинул от себя пустую тарелку.

– Поговорим вечером, ладно? – Юля с обреченным видом пошла к двери.

– Рыжик, – Савва поманил ее к себе.

Когда она вернулась к столу, он взял ее руку и нежно сжал.

– Яр сейчас не в форме, но я скажу это от всей семьи. Я рад, что именно ты носишь под сердцем будущего Дорофеева. Сегодня у тебя будет плохой день, но я хочу, чтобы ты знала, я рядом, только стукни в дверь и я обо всем позабочусь. Теперь ты член семьи.

– Спасибо, Савва, – с облегчением выдохнула Юля.

– Береги себя, думай о ребенке.

Юля кивнула.

– Что сказать отцу? Он уже через час приземлится.

– Пока ничего, Савва. Сначала мы должны все проверить. Я просмотрю сделки и начну дергать за веревочки, а ты следи, откуда начнется слив. Да и... – Юля остановилась в дверях, – надеюсь, ты позаботишься о том, чтобы видео Ярика убрали с YouTube?

Савва скривился, мол, могла бы не говорить, и Юля вышла из апартаментов.

Расположившись в кабинете Саввы, Юля пролистала сделки и отложила те, что привлекли ее внимание. Через секретаря она вызвала к себе начальников юридического отдела, отдела планирования и ценных бумаг.

Уже через десять минут все трое сидели перед ней и тарасились на ее синяк.

– Что? Страшный? – улыбнулась Юля.

– До жути, – первой ответила Жанна – начальник отдела ценных бумаг.

– Кто это тебя так приложил? – хмыкнул Алексей, ее бывший однокурсник, начальник планирования и развития банка. – Не уж-то Ярик? Судя по его виду...

– Упала в обморок на плиточный пол, – пояснила Юля и загадочно улыбнулась. – Зато врачи выяснили, что я беременна.

– Батюшки! – плеснула руками Жанна. – Поздравляю!

Все это время молчавший Аркадий Петрович, начальник юридического отдела, изогнул бровь и язвительно выдал:

– И отец, конечно, Ярик, вот почему он сегодня похож на предводителя горилл.

Жанна ахнула и снова всплеснула руками.

– Божечки! Как же все на самом деле романтично! А мы уж не знали, что и думать. Отменили рабочий ланч. Ты с фингалом.

– Вообще-то я хотела поддержать это как можно дольше в секрете, но вас атакуют клиенты, так что разрешаю рассказать все «по секрету».

Жанна заговорчески подмигнула.

– Итак, меня интересуют вот эти сделки... – Юля передала папки сотрудникам и когда они ознакомились, продолжила: – Расскажите мне о них. Кто и когда приобретал эти активы? Почему мы выставили их на аукцион, кто был инициатором, какую прибыль мы должны были из этого извлечь?..

Совещание шло не больше получаса. Как только начальники отделов покинули кабинет, Юля окликнула Савву.

– Ты все слышал? Или уходил?

– Все... – голос звучал близко, видимо Савва лежал на своем любимом диване, который стоял прямо у двери.

Юля заглянула в апартаменты.

– Насколько я тебя знаю, ты сразу нашла ту самую сделку, а две другие добавила для отвода глаз.

– Хм... да...

Опустившись в кресло, Юля закинула ногу на ногу. Да, Савва знал ее слишком хорошо. Его глаза искрились от предстоящей игры в кошки-мышки, а значит, он уже мысленно разогрелся.

– Дай угадаю, это акции завода? Занижена реальная стоимость?

– Пф!

– Тогда что?

– Земля.

– Черт, – Савва потянулся к телефону. – А что с ней не так? Это ж пустырь, я был там пару лет назад.

– Все так. Покупатель более чем реален. Цена за землю рыночная и вполне адекватная... для пустыря...

Савва тут же ухватил намек, брови взлетели вверх.

– Но если учесть, что земля в двухстах километрах от карьера «Воронцовское» – самым большим месторождением золота, то этот, как ты сказал пустырь, сразу имеет другое значение.

– Мы брали пробы не один раз, земля пустая.

– Даже если и так, для чего-то она кому-то нужна! Подумай Савва... просто подумай. Как это все гладко встраивается в схему. Айратов нас отвлекает сделкой века. Он знает, как твой отец хочет купить его банк. Он же нам как кость в горле.

Пять лет отказа, а тут сам предлагает. Нам не хватает активов, а когда земля выставляется на торги, он сливается.

– Земля пустая, – прорычал Савва и покраснел от негодования, он уже понял, если все подтвердится, отец шкуру с него спустит, – Я там себе яйца зимой чуть не отморозил, таскался с этими пробами как debil.

Юля встала и кинула на Савву оценивающий взгляд.

– Я пошла к родственничкам. Могу я тебя одного оставить на часик? Ты не перестреляешь полгорода в поисках правды? Это ведь пока рабочая гипотеза.

Савва небрежно отмахнулся, давая понять, что с дивана не встанет, пока она не вернется.

– На кого ставишь? – поинтересовался он.

– На Жанну.

– Что? Ты продумешь, Рыжик!

– Неа, – загадочно отозвалась Юля и подбоченилась.

Савва побледнел. Он понял, что у Юли есть реальная зацепка.

– Ой, только не говори что ты и она... Савва!..

– Иди на хрен. Ты что мне мать? – огрызнулся Савва, но без злобы. Вскочил с дивана и подбоченился.

– Ох уж эти мужчины, – пренебрежительно бросила на ходу Юля и скрылась за дверью кабинета.

Глава пятая «Ночь грязных признаний»

«...Сегодня Миа и Роша умрут. Мне их очень жаль. Я помню, как нас называли в больнице «Обнинскими Ромео и Джульеттой». Я тогда еще подумал: «Хоть бы не закончили как они». Но видимо это удел любой запретной любви всегда быть отвергнутой, непонятой и непринятой. Посмотри правде в глаза, мы проиграли уже тогда, когда пошли наперекор судьбе».

Двенадцать лет назад

Свой школьный выпускной бал Юля запомнила на всю жизнь. Она была бы и рада его забыть, но события той ночи намертво впечатались в ее сознание.

Нервничать она начала уже днем. От Романа до сих пор не было вестей. На вопрос приедет ли он на ее выпускной бал Сергей пожал плечами и пространно ответил:

– Я не спрашивал, а сам он ничего не говорил.

По их ранней договоренности он должен был приехать за сутки до этого и спланировать их отъезд в Москву. После соревнований по каратэ, в которых Юля заняла первое место, к ней проявили интерес сразу несколько спортивных клубов и Роман вел с ними переговоры от ее имени. Именно под предлогом ознакомления с клубами и тренерами Роман планировал отвезти Юлю в Москву на неделю. Но он не позвонил и не приехал. Сергей был совершенно спокоен, а значит, с Романом ничего не случилось. Тогда почему его нет? Собираясь на выпускной бал, Юля то и дело выглядывала в окно, но Роман так и не появился.

Алла запретила Юле наносить тени, мотивируя тем, что Юля и так яркая. Она разрешила ей использовать блеск для губ и сама подкрасила ресницы черной тушью. Позже, придирчиво оглядев в школе своих одноклассниц, Юля была благодарна матери за такое решение. Она одна из всех девочек выглядела как выпускница, а не как «девушка с панели». Девчонки все как одна были густо накрашены, с цветными тенями во все глаза, как боевые попугаи. Яркие кричащие наряды выглядели как бунтарский протест против порядком надоевших школьных правил.

Платье для выпускного бала Юля купила с матерью накануне. До последнего дня она никак не могла определиться с фасоном, какая-то деталь ее непременно раздражала, казалась лишней или вычурной. И вот за два дня до бала, когда уже напряжение достигло пика, а истерики матери вышли на новый запредельный уровень, Юля увидела в витрине одного из магазинов платье из креп-сатина кремового цвета с широким поясом вышитым серебром. Платье было длинным в пол, точно по ее росту, даже подгонять не пришлось и выигрышно подчеркивающим девичью фигуру. Когда родители увидели ее в нем спускающуюся по лестнице вниз, оба замерли и не могли произнести ни слова.

– Юльча! Ты такая красотка... – Алла обрела дар речи только тогда когда Юля подошла к двери и потянулась к косметичке. Она растрогалась и всхлипнула.

Ее пальцы поправили длинные волнистые локоны дочери. – Ты как с обложки модного европейского журнала.

Торжественная часть выпускного вечера длилась так долго, что Юлю чуть не стошнило от пафосных громких речей в духе «В добрый путь!». Пока ее подруги и их родители плакали, как на похоронах она вертела головой, ища в толпе родное лицо. Сейчас ее интересовало только одно: почему Роман не приехал на выпускной бал, хотя по его словам он только об этом дне и думал? Может он ждет, когда родители уйдут? Но Юля считала, что его присутствие как раз все только упростило бы. Лева еще не вернулся из Китая и Роман вполне мог не вызывая негативной реакции родителей позаботиться о том, чтобы к сестре и девушке его близкого друга никто не приставал. А вместо этого на выпускном балу она одна.

Когда выпускникам вручили аттестаты, началась дискотека. На первый медленный танец ее пригласил одноклассник Артем. Он так крепко сжал ее в объятиях, что Юля перестала крутить головой в поисках Романа и в недоумении уставилась на партнера по танцу.

– Решил, что надо ковать железо пока горячо, – Артем уже был навеселе, тон немного насмешливый и надменный. Юля все еще не понимала, и он добавил: – Сегодня ты без своих грозных охранников.

После ухода Юли из Боровской школы, Артем почти сразу следом за ней перевелся в Обнинск и сидел за одной партой до последнего дня. Последние два месяца он встречался с Машей из параллельного класса.

– Только не говори, Рыжая Юла, что не знала о моих чувствах, – он закатил глаза, губы изогнулись в насмешливой улыбке. – Я за тобой волочился с начальной школы, – он вдохнул аромат ее волос и тихо застонал. – Не могу поверить, что больше не увижу тебя.

Юля похолодела, но страх овладел ею только на несколько секунд. Осознав его слова и тот факт, что она сегодня осталась без поддержки возлюбленного Юля взяла себя в руки и приготовилась дать отпор. Она немного отстранилась от Артема, давая понять, что такая близость ее смущает и когда он снова попытался ее прижать к себе всем телом, сдержанным, но ледяным голосом предупредила:

– Я и без охранников могу за себя постоять, а если еще раз так прижмешься, продемонстрирую свои навыки при твоих друзьях и Маши.

– Маша меня больше не интересует. Меня интересуешь ты, – усмехнулся Артем, и Юля заметила, как провокационно заблестели его глаза. – Давай, Рыжая Юла, покажи, как ты укладываешь противников на лопатки, – он наклонился к ее уху и зашептал: – Хочу оказаться под тобой.

Он дразнил ее, напрашивался на неприятности. Юля поняла, что он на что-то обижен и пытается, таким образом, все ей высказать.

– Выкладывай, – оттолкнула его от себя Юля. – Какие у тебя проблемы?

– Это все на что ты способна? – хмыкнул Артем, резко притянул ее к себе, ущипнул за попу и со злостью прошипел ей на ухо: – Я знаю, кого ты ищешь в толпе и это не тот, кого ты так настойчиво всем представляла как своего парня. Я как-то в Боровске пошел за тобой из школы, думал, подкачу, но то, что я увидел, меня убило... ты и твой братец? Рыжая Юла! Ты серьезно? Три «ха-ха»! Других парней, что ли нет? Что в нем такого, чего нет во мне?

Победа над девушкой была недолгой, Юля вывернулась и ударила его коленом в пах, а когда он, стиснув зубы, согнулся от жуткой боли, она обрушила на него новый удар по спине. Распластавшись на полу, Артем взвыл и попытался восстановить дыхание. Юля склонилась над ним и прокричала:

– Держись от меня подальше, Тёма! Сегодня я тебя просто предупредила, но в следующий раз тебе так не повезет.

Когда она обернулась, на нее смотрели потрясенные глаза выпускников. Со стороны это выглядело как внезапная и необоснованная вспышка агрессии. А Юле было наплевать. Она чувствовала себя здесь чужой. Все эти люди были ей не интересны и до ужаса раздражали. Ее тошнило от лиц преподавателей, выпускников и их родителей. Этот день мог украсить только один единственный человек и по какой-то причине он не приехал. Ей хотелось, чтобы именно он увидел и восхитился ее красивым платьем, хотелось утонуть в его влюбленных, бездонных, как небо глазах. Его отсутствие разрывало ей сердце, догадки пугали, а несбывшиеся надежды на их первую ночь любви заставляли чувствовать себя одинокой и брошенной. Нутром Юля понимала, что Роман бы никогда ее не предал, а если не приехал, на то есть веская причина. Но когда она выходила из

здания школы от неприятного предчувствия пробила дрожь. Юля никогда не думала об этом, но что если Роман увлекся другой девушкой? Тогда бы это все объяснило...

Юлю окутала летняя теплая ночь. Небо было усеяно звездами. Воздух пропах свежескошенной травой и раскаленным за день асфальтом. Но даже если бы сейчас ее легкие наполнились цветочными ароматами, раздражение бы не отступило. В данный момент Юлю ничего не радовало. Горечь разочарования сдавливало грудь, а слезы обиды рвались наружу.

За спиной она уже слышала голос Артема, он искал ее, а кто-то из одноклассников пытался его вразумить. Видимо Юле придется сегодня продемонстрировать все свои навыки, и девушка окинула критическим взглядом свои босоножки на высоком каблуке. Сейчас она откроет новый вид спорта «Боевые шпильки» и первой жертвой сама судьба определила парня, который ухаживал за ней много лет, но так и не дождался от нее взаимности.

Голоса стихли, видимо Артем ушел назад в актовЫй зал, откуда доносилась песня «Ту-Лу-Ла» Чечериной. Несколько девчонок с хохотом вывалились из вестибюля на улицу, громко обсуждая, какой сокрушительный удар Юля нанесла по самомнению Артема. По их словам так ему и надо, потому, как он уже не одной девчонке разбил сердце.

Отдышавшись после стычки с одноклассником, Юля обошла школу, мысленно прощаясь со школьной жизнью, и уже собиралась позвонить домой, чтобы попросить отчима забрать ее с выпускного бала, как услышала звонкий голос подруги.

– Юлька! Боже мой! Это ты?

Настя бежала вверх по ступеням, а Кирилл стоял возле машины, укачивая их новорожденного сынишку. Увидев друзей, Юля с облегчением выдохнула. Если бы не они, то смело можно сказать, что сегодня был самый неудачный день в ее жизни. Подруги обнялись. Настя отстранилась, оглядела Юлю оценивающим взглядом и с восторгом призналась:

– Из-за тебя я скоро впаду в депрессию!

– Это почему еще? – нахмурилась Юля.

– Юльча! Ты хорошеешь день ото дня! Где ты такое платье отхватила?

– Нравится? – Юля покружилась, но тут же вспомнила про Романа и погрустнела. – Роша не приехал.

– Поэтому мы здесь, – Настя чмокнула подругу в щеку и потащила ее к машине. – Ромыч позвонил нам вчера и попросил отмазать тебя у родителей и привезти в Москву. Так что мы заскочили к тебе домой и собрали с тетей Аллой тебе одежду.

– Мама отпустила меня с тобой?

– Прикинь? – усмехнулась Настя. – Я сказала, что мы остались с Ромычем друзьями. Что он хочет показать тебя какому-то крутому тренеру, а мы как раз едем в Москву и можем захватить тебя с собой. Но если честно, она толком меня не слушала. Увидела малыша и так разомлела, что еще чуть-чуть и пришлось бы соскребать ее с пола.

Кирилл поздоровался, а Юля только кивнула и сразу потянулась к малышу.

– Нет-нет, он только что поел и может на тебя срыгнуть, – запротестовала Настя и забрала у мужа сына, а Юле показала на заднее пассажирское сиденье. – Мы же не хотим, чтобы малыш испортил твоё потрясающее платье.

Юля запрыгнула в машину и тщательно разгладила складки платья. Настроение заметно улучшилось, на лице расплылась глупая улыбка. А она дуручка уже собралась плакать. Роша не забыл, он просто немного изменил план. Но ее настроение быстро сменилось настороженностью, когда она заметила многозначительные взгляды молодых родителей.

– С Рошей все в порядке? – задала она наводящий вопрос.

– Да-да, все в порядке, – отозвалась Настя и переложила ребенка на другое плечо, чтобы легче было оглядываться на подругу.

Юля уже подумала, что ей показалось, но в этот момент перехватила в зеркале заднего вида полный сожаления взгляд Кирилла.

«Что происходит? Эта парочка явно знает больше, чем говорит».

– А ну выкладывайте! – приказным тоном заявила Юля. – Я что, по-вашему, слепая? Не вижу ваших переглядок?

В машине воцарилась тишина. Настя сделала вид, что укачивает сына, а Кирилл вцепился в руль и не сводил глаз с дороги.

– Ну же? – Юля стукнула Кирилла по плечу. – Своим молчанием вы меня еще больше пугаете!

Кирилл бросил на жену умоляющий взгляд.

– Юльча... Роман все скажет сам, – сбивчиво начала объясняться Настя. – Мы толком ничего не знаем... только его пространные намеки... он просил не говорить тебе... наша задача привезти тебя и переночевать с вами в одном отеле. Он даже оплатил нам номер в гостинице.

– Номер? – ахнула Юля. – Зачем?

– Я не знаю, Юльча. Он странно себя вел... очень нервничал.

Юля сложила все события воедино и улыбнулась.

– Что? О чем ты подумала? – любопытствовал Кирилл.

– Роша хочет сделать мне предложение.

Озвучив догадку, Юля покраснела и так разгорячилась, что начала обмахивать себя клатчем.

– Почему ты так решила? – нахмурился Кирилл.

Юлю удивило, что такое объяснение почему-то не вписывалось в его понимание ситуации. Все же очевидно!

– Сегодня должна быть наша первая ночь. Видимо он хочет, чтобы мы провели ее уже как жених и невеста. Родителям мы не собирались пока открываться. Значит, вы единственные кто будет присутствовать. Скорее всего, он это сделает в каком-нибудь ресторане за ужином.

Кирилл посмотрел на часы и хмыкнул. Неужели Юля не понимает, что пока они приедут в Москву рестораны уже будут все закрыты. Юля уловила его скепсис.

– Роша работает крупье в казино, там ресторан открыт до утра. И что-то мне подсказывает, что именно там он и сделает предложение и где-то поблизости будет отель.

– Хорошо, если так...

Голос Насти был мрачен, но Юля ни на что не обращала внимание. Воображение унесло ее в собственные фантазии, где Роша встает перед ней на

одно колено и произносит трепетные заставляющие ее плакать от счастья слова и Юля отвечает: «Да!», после чего он надевает на ее палец колечко и их отношения входят в новую фазу.

Сегодня она станет его невестой! От этих мыслей у Юли закружилась голова. Больше она не произнесла ни слова. Перед глазами мелькали картинки их будущей ночи и любовных излияний. Они так долго этого ждали! Ради их любви, они познали горечь разлуки, контролировали свои эмоции и каждое сказанное при родителях слово, лгали, претерпевали адские муки, изображая из себя всего лишь сводными братом и сестрой. Но сегодня им за все воздастся. Сегодня они будут любить друг друга по-настоящему.

Вопреки ожиданиям Юли Кирилл остановил машину перед гостиницей «Космос». Не успели они дойти до отеля, как им навстречу из просторного вестибюля выбежал Роман. Его взволнованный вид еще больше утвердил Юлю в его намерениях. Роман был одет в серые классические брюки и белую рубашку. Его торжественный вид отлично сочетался с ее платьем. Он так нервничал, что искусал себе губы до крови. Он исхудал. Лицо было бледным.

Юля бросилась к нему в объятия, но Роман лишь приобнял ее и, поспешно отведя от девушки взгляд, начал извиняться перед друзьями, что сорвал их из дома с младенцем на руках. Молодые родители реагировали осторожно, можно даже сказать напряженно. Вот тогда-то Юля и утвердилась в мысли, что все знают то, чего не знает она. И это что-то ей не понравится. Волна страха и горечи мгновенно затопила ее сердце. Она поочередно переводила настороженный взгляд с возлюбленного на друзей, пытаясь по их лицам прочесть причину такого странного поведения.

Роман снял два смежных номера и отдал Кириллу его ключ. Две пары поднялись на лифте на двенадцатый этаж и направились к номерам.

– Что бы ни случилось, не оставляй его одного, – прошептала Настя подруге на ухо и от этой фразы у Юли подкосились ноги.

Что происходит? Ее точно ждет не предложение руки и сердца, все четверо знали, что с согласием Юли проблем у Романа не возникло бы. Тогда чего так боится Настя? Почему она не должна оставлять Рошу одного?

Когда они вошли в номер, Роман повернулся к Юле, с обреченным видом упал перед ней на колени и обнял за талию.

– Миа, любовь моя – он так сильно прижимался к ее животу, что Юля скривилась от боли. – Боже! Какая же ты красивая!

– Ты даже на меня не смотрел! – упрекнула его Юля.

– Я тебя «сфотографировал», как только ты вышла из машины, и так разволновался, что потерял дар речи.

– Так вот чем объясняется твоя холодность? – шутливо выпалила Юля и запустила пальцы в белокурую копну его волос. – Роша, ты сегодня какой-то не такой... отстраненный что ли...

Роман поднялся на ноги и заглянул своей любимой в глаза.

– Потому что я нервничаю, – он подвел ее к креслу и жестом попросил сесть. – Сегодня у нас будет ночь грязных признаний.

– Что? – опешила Юля и проигнорировала его приглашение присесть.

– Сегодня мы признаемся во всех пошлых фантазиях, неумных желаниях и проступках, – глаза Романа блестели от слез.

Юля плюхнулась в кресло и впилила в него ошарашенный взгляд. Ночь грязных признаний? Он шутит?

– Мы же планировали, что сегодня будет наша первая ночь, – напомнила ему с упреком Юля и хотела взять его за руку, но Роман нежно отстранился и сел перед ней на пол.

– Возможно, она будет завтра, а сегодня мы немного выпьем и поговорим. Потом обнимемся и заснем. Нужно смыть с души всю грязь, Миа. Мы теперь уже не те мальчик и девочка, что полюбили друг друга. Мы делали ошибки, засматривались на других, грязно фантазировали.

– Но зачем об этом говорить? Наоборот нужно подвести черту и забыть.

– Если бы все было так просто... – с горечью усмехнулся Роман и Юля оторопела.

В его голосе было столько сожаления и чувства вины, что Юлю прожгла догадка: Роман хочет ей в чем-то признаться.

В номере было довольно прохладно, но Роман от предстоящего разговора пылал, как в аду и расстегнул рубашку. Заметив пожирающие его обнаженный торс глаза Юли, он с горечью подумал, что возможно видит желание в глазах возлюбленной в последний раз и его снова задушили накатившиеся слезы.

Как же это больно и стыдно! И с чего начать?

Роман откупорил бутылку, разлил по бокалам вино и протянул один бокал Юле. Она пригубила и отставила его на журнальный столик. Плохой знак, Юля уже чувствовала надвигающийся на них цунами и хотела оставаться при этом полностью сосредоточенной.

– Не хочешь начать первой? – спросил Роман. – Думаю, твой рассказ будет очень краток.

– Роша, мне не в чем тебе исповедаться. Да, я фантазировала, иногда даже грязно, но всегда в этих фантазиях был только ты. Не представляю кого-то, кто мог бы меня обнять или поцеловать. Я этого просто не допущу.

– А Лева? – Роман поднял на нее глаза.

– Лева – друг и всегда им был. Чертовски хороший друг.

– И ты никогда не испытывала к нему влечения?

– Нет. Его прикосновения мне неприятны, – пожала плечами Юля. – Было пару моментов, когда он меня интересовал больше чем друг...

Больше чем друг? Роман напрягся, он не ожидал что даже с рыльцем в пушку, он будет так безумно ревновать Юлю к тому, что она никогда не делала, а просто подумала или вообразила.

– ...но это скорее можно отнести к наставничеству, – закончила свою мысль Юля. – Все его эти штучки с медитациями, любовь к философии. Мне он интересен как... ну не знаю... – Юля снова пожала плечами, – как что-то новое, неизведанное... на грани фантастики или циркового трюка. Не более того.

Юля погладила Романа по щеке, а тот снова опустил глаза.

– Я вся твоя, Роша. Была и буду. Тебе не о чем беспокоиться.

Роман сгорбился, вид понурый. Ее настороженный взгляд скользнул по его напряженному лицу.

– Роша, мы мечтали об этом дне много лет. В подробностях смаковали, как будем отдаваться друг другу и я не понимаю, почему ты сейчас устраиваешь этот допрос. Лично я хочу думать о том, что в твоих фантазиях была только я. Хотя бы после того как мы впервые поцеловались по-настоящему. Я знаю, многие девчонки были в тебя влюблены и проходу не давали и, наверное, ты даже думал о них, об их чувствах, но я об этом знать не хочу.

– Поверь мне, если бы я мог избежать этого разговора, то так и сделал бы. Но мои ошибки могут вылезти в самый неподходящий момент в наших отношениях и я должен тебе рассказать все. Понимаешь? – он подполз к ней, положил голову на ее дрожащие колени. – Все... Миа... я должен рассказать тебе все... а потом...

– Что потом? – Юля испуганно уставилась на Романа.

– Потом ты сама решишь, хочешь ли ты отдать мне самое сокровенное – свою невинность – или дождешься настоящего парня, который достоин тебя.

Девушкой овладел липкий пронизывающий до костей страх. Что такого сделал Роша, что она может его отвергнуть?

Дрожащая рука потянулась к бутылке вина. Роман налил себе полный бокал и осушил залпом. Затем сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и начал свой заученный наизусть монолог. Он готовил его несколько месяцев. Подбирал слова, чтобы хоть как-то смягчить свой поступок. Но когда с губ, слетела первая фраза, расплакался как ребенок. Так он плакал лишь тогда, когда был уверен, что их с Юлей вскоре разлучат родители. Он ненавидел себя за слабость. Именно слабость толкнула его к измене, а теперь щедро окропляет его лицо слезами. Что же он за мужик? Почему не может управлять собой как Лева? И тут же сам себе ответил, когда речь заходит о разлуке с Юлей он теряет над собой контроль.

Он рассказал Юле о своих грехах, оставив напоследок самый страшный. Во время его излишней Юля хмурилась, разговор ей был неприятен. Она уже дала ему понять, что не хочет никаких откровений. Он сам настоял, а теперь пожинал урожай. Ее тело напряглось, а лицо окаменело, когда она узнала, что в институте его дразнили за якобы нетрадиционную ориентацию и все из-за того, что на первом курсе кроме Левы и Влада он ни с кем не тусовался. И что все изменилось

после ее приезда в институт. Теперь она поняла, что его «неутомимая любовь» была демонстрацией всем и каждому его реально существующей девушки. Ее рука уже потянулась к его лицу, но он отстранился и, опустив глаза в пол, наконец-то признался в измене. Рассказал о Лене, о том, как она им овладела, а он даже не мог сопротивляться. О том, что чувствовал от ее близости, о том, как после этого справлялся с собой с помощью фотографии Юли, которую носил в портмоне.

Юля вскочила с кресла. Сначала на ее лице отразилась боль и неверие, потом ненависть и брезгливость.

– Роша! Как ты мог?! – она начала мерить шагами комнату. – И ты скрывал это от меня семь месяцев? Планировал нашу первую ночь, зная, что был с другой? Я не могу в это поверить!

Роман сел в нагретое ею кресло и с горечью подумал, что это единственное тепло, что он может сейчас получить от возлюбленной, а возможно и последнее. Да, он планировал их сегодняшнюю встречу. Но уже тогда он знал, что заниматься сексом они не будут, пока она его не простит и не примет таким, каков он есть. А такому не бывать... это он тоже понимал... Юля его не простит. Даже в своих собственных глазах он сейчас мало имел достоинств.

– Ты душу мне в ключья порвал! – к горлу подступил комок, Юля начала задыхаться. – Я будто сорвалась с обрыва вниз... и лечу...

– Не накручивай себя, не надо драмы, – прохрипел Роман. – Я недостойн тебя, Миа... и не собирался с тобой спать... я здесь только за тем, чтобы сказать тебе о своей неверности. Поэтому я и не приехал за тобой. А друзья здесь для того чтобы тебя поддержать.

– Что?! – Юля замерла и изучающе уставилась на него.

Роман не оставил ей выбора, он сделал его сам. Он бросал ее! Юля не могла в это поверить. Перед глазами промелькнули виноватые глаза Кирилла и Насти. Они знали! Они все знали! И как же глупо выглядела Юля, когда вслух озвучила свои предположения о скором браке.

– Они знают? – Юля показала на стену, за которой разместились их друзья.

– Да, – сдавленно ответил Роман, – я провел у них три дня.

– Что?!

«И никто мне ничего не сказал! – в отчаянии подумала Юля. – Мой парень томился и делал выбор, который повлияет на всю нашу дальнейшую судьбу, а близкие друзья даже словом не обмолвились. Так чьи они друзья? Его или ее? Судя по всему – его...».

– Они пытались меня отговорить от признания. Настя дала мне понять, что как только ты узнаешь об измене, наши отношения закончатся. Сказала, что ты мне простишь что угодно, но только не измену.

Да, Настя хорошо изучила Юлю и смело могла делать такой прогноз. Юле хотелось убежать, скрыться от Романа и друзей, побыть в одиночестве и подумать о будущем. Впервые ей стало душно и неуютно рядом с ее любимым Рошей. Как он мог? По его же словам он даже не в силах был сопротивляться. И это на фоне того, что она ему никогда не отказывала в ласках. Юля могла бы простить Роману влюбленность и отпустила бы его на все четыре стороны, все ради его счастья, но похоть...

Как ни странно после признания Роману стало немного легче. Самое страшное позади. Он все сказал и никакие искусно подобранные слова не смягчат того что сейчас между ними произойдет. Его любимая смотрит на него как на мусор, как на падшее существо. Она должна идти по жизни без него. Она будет сильной. Она справится. Встретит отличного парня и все у нее наладится.

– Ребята не спят, ждут тебя. Если не хочешь с ними говорить, внизу тебя ждет такси, – он назвал номер и марку машины. – Все оплачено. Ты не сможешь мне больше доверять. Не сможешь меня больше любить. Если останешься со мной из-за собственной слабости или жалости ко мне, будешь всю оставшуюся жизнь с ума сходить от ревности и догадок. Будешь смотреть на женщин из нашего окружения, и спрашивать себя, а был ли он с той или с этой. Это не жизнь, Юля, это тюрьма, а я хочу, чтобы ты была счастлива...

Щеки Юли пылали от гнева. Да как он смеет ей такое говорить!

– Счастлива? – она с горечью усмехнулась. – Если бы ты хотел, чтобы я была счастлива, то не изменял бы мне!

Роман громко застонал, на лице отпечаталась мучительная гримаса.

– Я не хочу тебя больше видеть, – резко выпалила Юля, и Роман поднял на нее полный раскаяния взгляд. – Ни дома, ни у друзей. Когда соберешься в

Обнинск, скажи родителям заранее, я не хочу там с тобой случайно встретиться. Мы оба знаем какой эффект оказываем друг на друга, и обязательно сделаем ошибку, поэтому нам не стоит больше видеться. Не хочу больше ошибаться!

Юля выскочила из номера и громко хлопнула дверью. Тут же открылась дверь соседнего номера, и она увидела заплаканное лицо Насти. За ней стоял ее муж и крепко сжимал хрупкие вздрагивающие плечи. Юля была на них сильно зла, но когда увидела, как сильно они переживают за них с Романом, мгновенно остыла и позволила Насте втащить себя в их номер.

Разговор продлился примерно час. Ребята убеждали ее, что каждый совершает ошибки, что Роман ее любит, и она должна простить его.

– Вы не понимаете, – она перевела взгляд с подруги на ее мужа. – Он не просил прощения, не просил второго шанса. Он сказал, что недостойн меня и сказал, что внизу меня ждет такси.

Брови Насти поползли вверх. Супруги переглянулись.

– Нам он говорил совсем другое. Что будет на коленях вымаливать прощение.

– Вначале разговора он сказал, что мы поговорим, потом обнимемся и просто заснем, но в конце... – Юля не выдержала и расплакалась. – Как же это больно! Просто невыносимо больно!

Она не могла усидеть на месте, бегала по номеру взад-вперед как загнанный в клетку зверь. От ее метаний проснулся самый непосвященный в происходящее маленький человечек, и Юля заставила себя успокоиться. Настя укачала сына, повернулась к подруге и сказала:

– Он был в разлуке с любимой... в общежитии... уязвимым после третирования его соседа по комнате. Ты не знаешь что такое общага и приставучие девки. Он ведь красивый, любая попытается затащить его в постель. Прости его, Юля. Так как он тебя любит, никто не будет любить. Поверь мне. На такое самопожертвование способен только он.

Юля метнула в подругу гневный взгляд.

– Знаю-знаю, тебе тоже досталось. Но сейчас речь о нем. Он работал на двух работах ради вашего будущего. Отказывал себе во всем. Бредил тобой как умалишенный. Он никого не видел вокруг. Ты это знаешь...

– Скажи честно, ты бы простила такое?

Кирилл схватил пачку сигарет и зажигалку, вышел в коридор и осторожно закрыл за собой дверь.

– Я и простила... – глаза Насти наполнились слезами. – Когда мы с тобой лежали в больнице, Кирилл начал встречаться с другой.

– Что?! – Юля не могла поверить в то, что слышит.

– Только Роман наладил наши отношения. Навел мосты. Убедил обоих, что это любовь и что нужно за нее бороться.

– И как Кирилл объяснил свой поступок?

– Ему было невыносимо больно от того что я по его вине попала в больницу. Он считал, что своей безответственностью довел меня до такого состояния. Считал, что ногтя моего не стоит. Напился с друзьями после футбольной игры и переспал с первой же попавшейся ему девчонкой. Таким образом, он отрезал для себя ко мне путь. Так что Юльча, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Я чуть не погибла из-за Кирилла, а он днем позже находил утешение в объятиях другой.

– Не понимаю... я тебя не понимаю... – выпалила Юля подруге в глаза.

– Если на минуту не думать о себе, о своей ущемленной гордости, а подумать о нем, то все поймешь. Им так же тяжело, как и нам. Роман семь месяцев съедает себя изнутри. Посмотри, как он похудел, осунулся. Он сказал, что жил у нас три дня? – Юля кивнула. – Он плакал навзрыд, когда признавался нам. Он знал всю нашу ситуацию, знал про измену Кирилла и просил совета. Уверенна, что нет ни одного парня на свете, кто бы признался своей девушке, с которой еще не спит по-настоящему перед их первой ночью в измене. Он честен с тобой. Да это приносит боль, но ты знаешь, как он корит себя за это и должна ему помочь.

– Как?! – закричала Юля и снова разбудила сына Насти.

Мальш заплакал, и Юля в отчаянии выскочила из номера. Настя что-то кричала ей вслед, но Юля уже не слушала. Ее захлестнула новая волна негодования. Ей так хотелось быть счастливой с Рошей и его предательство никак не вписывалось в то, что они чувствовали друг к другу.

Добежав до конца коридора, Юля заскочила в лифт, двери закрылись и в этот момент что-то в ней перевернулось. На нее нахлынули сомнения. Она будто воспарила на волне памяти, и перед глазами промелькнул первый день их знакомства и ночной разговор в ее комнате.

– А как узнать твой это парень или нет?

– Нужно задать себе простой вопрос: «Можешь ли ты жить без его поцелуя?». Если сможешь, он не для тебя. Если будешь мучиться, не спать, будешь думать только о нем... о его губах... тогда это он... твой парень.

А сможет ли она без его поцелуев? Сможет ли жить без его ласк. Без созерцания его глаз. Он ее Небо, а она его Солнце.

Если солнце уйдет, небо померкнет.

Двери лифта открылись, но Юля оцепенела и не могла пошевелиться.

«Роша! Что ты задумал?!», – мысленно прокричала она.

Через мгновение ее пальчики нервно отбивали ритм по кнопке двенадцатого этажа. Он прогнал ее не потому, что не хотел больше видеть... он прогнал ее потому что... О, господи!

Юля выскочила из лифта и понеслась к номеру. Как же она не догадалась сразу?! Вот дураха! Дверь приоткрыта. Юля зашла в номер и огляделась. Романа нет. На полу валялась пустая бутылка вина. Она хотела сесть в кресло, в котором ей пришлось выслушать страшный приговор их любви и дожидаться его возвращения, но тут ее взгляд упал на письменный стол. Две записки. На одной из них написано «Миа». Юля развернула записку и прочитала.

Миа! Прости, что разочаровал тебя. Прости за трусость. Прости, что не оправдал надежды, что на поверку оказался слабаком и не выдержал первых испытаний.

Когда за тобой захлопнулась дверь, во мне что-то оборвалось. Наверное, я шел к этому все семь месяцев. Подсознательно понимая, что не смогу без тебя жить. В последнее время я сплю только благодаря снотворному. Так что способ ухода из жизни я долго не выбирал. Положил пузырек с пилюлями в карман брюк

намеренно, еще утром, когда выходил из дома. Я запрещал себе думать о том, почему потащил его с собой, ведь чтобы уснуть рядом с тобой мне снотворное не нужно. Только теперь понял: я давно знал, что это сделаю именно сегодня. Знал, что ты меня не простишь, а жизнь без тебя не имеет смысла.

Я тебе частенько говорил «Небо померкнет без Солнца». Так и вышло. Все внутри меня умерло. Темнота. Боль, усталость и чувство вины... особенно усталость... Я устал от всего. От того что нужно скрываться, притворяться тем, кем я не являюсь: чужим парнем, твоим братом. От того что нужно контролировать каждый свой взгляд и жест. От ожидания, что на нас будут косо смотреть, когда узнают о наших чувствах. От того что вечно сомневаюсь в тебе и твоей любви. Мне всегда чего-то не хватает, чего-то, что должно было прийти от тебя, но так и не пришло.

Знаешь, я думаю, судьба нас свела слевой не просто так. Он именно тот, кто тебе нужен. Ты ему нравишься. Он сам мне признался. Я думал, что он тебе тоже нравится, но ты это отрицаешь. Подумай, Миа, он человек слова. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не изменит тебе. Я уверен ты сможешь растопить его сердце, мне кажется, что его кто-то предал, так же как я тебя, и он закрылся, нашел способ спасения.

Я тебя недостойн. Ты сегодня это сама поняла. Твой осуждающий и разочарованный взгляд был для меня самым страшным наказанием. Но ты обязательно найдешь свое счастье. Не слевой так с другим.

Миа, забери это письмо и подложи второе. Там я указал мнимую причину, которую все проглотят. Я тебе уже сказал, что меня так дразнили до твоего приезда. Так что если выяснится, что ты моя сестра, то все скажут, что я тебя подговорил подыграть мне, чтобы вернуть уважение друзей и сокурсников. Ты так всем и говори, что, мол, с самого начала знала, что я любитель мальчиков. Пусть обливают грязью, я все равно грязный. Так я себя чувствую.

Сегодня Миа и Роша умрут. Мне их очень жаль. Я помню, как нас назвали в больнице «Обнинскими Ромео и Джульеттой». Я тогда еще подумал: «Хоть бы не закончили как они». Но видимо это удел любой запретной любви всегда быть отвергнутой, непонятой и непринятой. Посмотри правде в глаза, мы проиграли уже тогда, когда пошли наперекор судьбе. Ты спросишь, какое отношение это

имеет к моей измене? Никакого! Я это к тому, что наша любовь обречена при любом раскладе.

Еще раз прости за все...

Люблю тебя... Моя Миа... grazie amore mio...

Спасибо за то, что любила... за то, что была со мной в самые трудные моменты... за то, что боролась за нас ценною собственной жизни... за то, что была нежной и ласковой... за то, что никогда не отвергала...

Прощай, любовь моя, не суди меня строго...

Твой Роша

Значит, это правда! Ее подозрения подтвердились – Роман решил уйти из жизни. Но где он? Где он собирается это сделать?

Ей вдруг захотелось стать невидимой или оказаться не здесь, а как в кино по ту сторону экрана. Будто она не участник этих трагических событий, а простой зритель, от которого ничего не зависит. Она внесла плату и заняла лучшее место в кинозале. Нравится ей это или нет, но кино нужно досмотреть до конца и непременно узнать, чем закончится сюжет, каким бы трагичным он ни был.

Юля положила записку на место и не чувствуя собственного тела, встала к стене между шкафом и занавеской. Угол был достаточно темным, если она будет тихой как мышка, то Роман ее не увидит.

Через минуту открылась дверь туалета, Роман вышел в комнату. Он стоял к ней спиной, поэтому она не видела его лица, но по всхлипам догадалась, что он плачет. В руках стакан воды. Он сел за стол и вынул из кармана брюк портмоне. Раскрыл его и извлек фотографию Юли. Положил фото перед собой и несколько минут что-то нашептывал. Юле не удалось разобрать ни одного слова. Она стояла как тень, прижавшись к стене, и впитывала всеми фибрами души эту гнетущую полную безнадеги атмосферу.

А что если дожидаться, когда он это сделает и последовать за ним?

Роман поцеловал ее фото и потянулся за таблетками. Юля следила за происходящим и размышляла, вмешается ли она, если Роман откроет аптечный пузырек? И не смогла себе ответить на этот вопрос. Ее тело будто вросло в стену и в пол. Ей самой не шелохнуться, а стоять здесь вечно.

Роман высыпал таблетки на ладонь, взял стакан воды, встал и направился к креслу. Встретившись с Юлей взглядом, он замер, руки затряслись. Послышался звук разбитого стекла, таблетки рассыпались по полу. Юля смотрела сквозь Романа бесцветным безжизненным взглядом, как когда-то говорили о ней родственники: ни жива, ни мертва.

– Я не слышал, как ты вернулась, – прошептал он.

Юля не реагировала, и Роман изучающе всматривался в ее лицо.

– Давно здесь стоишь?

Снова никакой реакции. Она ведь зритель и не может общаться с актером на экране. Роман обернулся, посмотрел на стол. Она определенно прочла записку, иначе сейчас бы его ждало что угодно, но не ступор. А от этого состояния было лишь одно лекарство.

Он взял ее за руку и повел к шкафу-купе. Откатил дверцу, шагнул внутрь, сел по-турецки и потянул ее на себя. Юля устроилась у него на коленях и положила голову ему на грудь. Роман закатил дверцу, оставляя небольшую щель для вентиляции. Сердце в его груди билось как пойманная птица в клетке. Руки и ноги дрожали. Ей показалось, что он испытал огромное облегчение от того что она вернулась.

Несколько минут они молчали. Потом Роман начал легонько ее покачивать. За последние месяцы он был так поглощен своей трагедией, что забыл о тонкой и ранимой психике своей возлюбленной. Забыл, что она не в состоянии пережить сильного стресса и нуждалась в его поддержке и помощи. У Юли, как и у него, тоже были свои слабые места: она скучала по отцу и чем взрослее становилась, тем сильнее страдала от его отсутствия. Она блокировалась от истерик и оскорблений матери. И она, так же как и он, с ума сходила от их разлуки. Он настолько эгоистичен в своих мелких переживаниях, что не способен думать глобально, а что будет с Юлей после его смерти? Ответа долго искать не пришлось. Он зазвучал в его голове как набат. Она бы пошла следом за ним... может не сразу... но пошла бы... и способ выбрала бы точно такой же, чтобы чувствовать то же, что чувствовал он. От этой мысли внутри все содрогнулось. Какой же он идиот!

Тихо, почти шепотом, Роман затянул песню их любви. Его дыхание теплым потоком щекотало ее щеку, а слова песни постепенно отогревали ее окаменевшее сердце. Понемногу ее сознание возвращалось к реальности. Ее сжимает в объятиях Роша. Они в шкафу. Юля прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Боль что сдавливала грудь, немного отступила.

...Ma dirti addio

Non e possibile,

Pensare a te

E non sorridere,

Non esser li

Negli occhi tuoi...

Его голос проникал в каждую клеточку ее тела и бережил чувства. Она любила Рошу. Любила всем сердцем. Но сейчас оно разбито на тысячу осколков. Ей хотелось выть, кричать и плакать, но тело будто предало ее и жило своей жизнью. Все нутро наполнилось мольбой, просило близости, единения и слияния с тем, кто сейчас сжимает ее в своих объятиях и поет о своей любви. В ней словно жили сразу две личности, и одна из них даже слышать ничего не хотела о расставании. Ей было все равно, что чувствовала Юля, что надумал себе Роша. Она твердо сказала громкое НЕТ, и Юля приняла это.

Из глубины сознания всплыл неотступный и приставучий вопрос, который она тут же задала ему, как только он пропел последнюю строчку песни.

– А есть хоть что-то, что сможет встать между нами?

Этим вопросом он был озадачен и сбит с толку. Так она что, простила его? Этого не может быть. Он не достоин ее любви. Он должен ее отпустить. Нужно встать, отвести ее к такси и отправить домой. Нельзя быть таким эгоистом.

– Миа... – начал он, – ты ведь прочитала записку?

Она кивнула.

– Это то, что я считаю правильным.

Все внутри Юли взбунтовалось. Она замотала головой, будто отгоняет назойливого комара, что уже попробовал ее крови и получил отпор, а теперь в повторной яростной атаке жаждет продолжения.

– Нет... не считаешь... Тебя гложет чувство вины. Оно у нас не такое как у других, а преумноженное во сто крат. Для кого-то твой поступок будет обыденным, а для тебя кощунственным предательством, которое не даст тебе двигаться вперед, – голос Юли звучал хрипло и сдавленно. – От нас вообще ничего не зависит, Роша. Нами руководит бурный беспощадный поток. Я не знаю, как его назвать. Если сбиться с курса, то он непременно отомстит. Ты сбился и пробыл в аду семь месяцев, без поддержки друзей и любимой. Мы будем совершать массу ошибок, но научимся прощать и будем счастливы. Это все что мы можем. А если уйдет один, уйдет и другой. Потому как место есть только для двоих. Поодиночке мы никому не нужны. Наши миры тесно переплетены. Души слиты воедино. Осталось соединить тела. Вот откуда дисбаланс.

Слова что говорила Юля, не были ей свойственны. Роман удивился, будто говорит сейчас слевой или его отцом, но не как ни с семнадцатилетней девчонкой. Он и сам давно чувствовал: что-то мистическое было в их союзе. Будто их вела невидимая могущественная рука поднебесного поводыря.

– Соединить тела? Как ты можешь говорить о слиянии тел... – упрекнул он Юлю, и убрал огненные волосы с ее мокрого лба. В шкафу было душно, и Роман немного откатил дверь, – только не со мной... сохрани себя для мужа...

– Роша! Все! Хватит! – вскипела Юля. – Прекрати нести эту чушь! И давай договоримся, как напортачишь в следующий раз, неважно по какому поводу, сразу звони и признавайся, – Юля легонько его ткнула в плечо. – Не надо носить в себе долгие месяцы этот груз и превращаться в Пьеро с суицидальными мыслями. Тут ты даже меня перещеголял.

О суициде и прощальной записке говорить больше не хотелось, и Роман тут же ухватился за персонажей итальянских комедий.

– Пьеро? Ты шутишь? Я скорее Труффальдино – слуга двух господ. Вон как я лихо все обтыпал с нашим прикрытием и с этой парочкой, – Роман кивком показал в сторону соседнего номера.

– А теперь обтяпай так же лихо с нами, – Юля не отступала от выбранного курса. Одарила красноречивым взглядом и прижала его руку к своей щеке. – Я тебя возненавидела Роша... за то, что ты сделал... но когда увидела записку... поняла, что мне без тебя не жить. Я так и так умру. Если не уйду добровольно, всю оставшуюся жизнь буду ходить по земле как тень, без чувств, без сердца. И никакой Лева мне не поможет. Я сейчас надломлена, мне больно от зияющей раны в сердце. Мне нужно время, чтобы снова поверить тебе и впустить в свою жизнь, поэтому наберись терпения.

– Юлька, беги от меня, – упорствовал Роман. – Беги...

– Если бы я могла, то убежала... а я не могу... Я в твоём плену, Роша. Ты сам меня выбрал, сам пленил. Так что прости, придется тебе меня терпеть всю оставшуюся жизнь, – она заглянула ему в глаза и усмехнулась. – Но не думай, что я тебя не накажу за твой скверный поступок.

– Накажешь? – усмехнулся Роман.

– Вообще-то, судя по тому, что рассказала мне Настя, ты себя уже сам наказал, но если хочешь чтобы мы были вместе, то придется принять мои условия.

Юля отодвинула дверцу шкафа и выбралась наружу, доползла до кресла и еле взобралась на него. Вид у нее был такой уставший и обессиленный, что Роман побоялся, не уснет ли она в кресле прямо сейчас.

– И какие это условия?

Роман тоже выбрался наружу, снял рубашку, повесил ее в шкаф. Затем лег на кровать и с наслаждением вытянул затекшие ноги.

– Каждый год в этот день ты будешь читать оригинал этой записки, – Юля показала на записку с подписью «Миа».

– Изощренное наказание, – съехидничал Роман, но потом тут же добавил: – Хорошо. Мне нравится. Я принимаю его. Могло быть и хуже. Например, хождение через очистительный огонь или изгнание беса блуда через экзорцизм.

– Вот насчет экзорцизма я как-то не подумала, – Юля притворно закусила губу, – а зря...

– Ладно, если с этим все, иди ко мне, – он похлопал по покрывалу рядом с собой. – Обними меня крепко, Миа.

– Нет Роша. Мы не останемся здесь, и не будем обниматься. После того что ты тут мне наговорил этот номер да и сама гостиница будет у меня ассоциироваться только с твоим предательством. Бери вторую бутылку вина и пошли в то самое такси.

Откуда-то взялись силы. Юля встала и отряхнула платье.

– Ты с ума сошла? – Роман показал на настенные часы. – Уже три часа ночи. Ты на ногах еле стоишь.

– Пойдем, сегодня у меня выпускной бал, а ты его нагло проигнорировал, и мне пришлось выслушивать такое, от чего уши вяли и если ты не последуешь за мной, я воспроизведу все что было на торжественной части, – Юля изобразила манеру речи директора своей школы: – Дорогие выпускники! Вот и снова в унисон стучат наши сердца...

– Юлька! – взмолился Роман и снова похлопал по кровати. – У тебя каблук как ходули. Сломаешь ноги... и не говори, что я тебя не предупреждал.

– ... как на последней школьной линейке. Сегодня последний выпускной вечер, – продолжила Юля и начала поправлять волосы и макияж перед зеркалом. – Казалось, только вчера был последний звонок, пора выпускных экзаменов, на которых многие из вас повысили свои знания. Показали умение мыслить, – Юля добавила в свой тон долю иронии, – доказывать, обобщать, придерживаться своей точки зрения, даже если она не совпадает с общепринятой...

– Бедняжка! – воскликнул Роман и хохотнул. Мрачные мысли больше не преследовали его. – Что тебе пришлось пережить! Мне кажется, даже бутылка вина не сотрет этого из твоей памяти...

– ...мне сегодня очень хочется сделать экскурс назад. На первый в вашей жизни экзамен на зрелость. Вспомните экзамен по литературе и русскому языку... – Юля повернулась к Роману и добавила: – Если ты сейчас же не встанешь с кровати, то тебя ждет перечень всех отличившихся на экзамене учеников с подробными описаниями их умозаключений. Поверь мне, после этого мы оба примем яд, и уже ничто нас не переубедит остаться в этом мире.

Юля взяла со стола предназначенную ей записку и сунула в клатч. Вторую записку изорвала на мелкие кусочки и подбросила к потолку. Роман сощурился от падающего на него бумажного дождя.

– Нет, не могу поверить, что такое говорили в твоей школе на выпускном балу! А я думал, что у нас слевой было отстойно! – Роман вскочил с кровати, надел рубашку, правда пуговицы не стал застегивать и вынул из бара еще одну бутылку вина. – И куда мы отправимся? На Красную Площадь? – он взял ее за руку и потащил к двери.

– Нет, на набережную Москвы-реки.

Как только они вышли в коридор, дверь соседнего номера открылась, из темноты вышел Кирилл. Друзья обменялись многозначительными взглядами, и Кирилл с облегчением громко выдохнул.

Наши дни

В комнате для переговоров стояла такая тишина, что Юля задержалась на пороге и оглядела родителей. Они явно были в соре, и Юля пожалела, что не придумала еще какое-нибудь срочное совещание, может тогда бы сами ушли.

– Чем обязана? – буркнула Юля, подбоченилась и встала перед столом.

– Мы были у Романа дома, – начала объяснять мать, без предисловий. На приветствие дочери она не рассчитывала. – Снежана нам показала его завещание. Там черным по белому написано, что если Роман впадет по какой-то причине в кому, он настаивает, чтобы его отключили через три дня от системы жизнеобеспечения. И вот что странно, он составил и заверил его у нотариуса за день до твоего дня рождения.

Юля похолодела. Час от часу нелегче.

– И еще Снежана слышала, как он звонил Ярику и спрашивал, будет ли он на твоём дне рождения. Ярик видимо подтвердил. Потому как Роман сказал жене, что ему нужно приехать к тебе раньше, чтобы поговорить о чём-то важном.

– Юля, что случилось вчера? – голос Сергея звучал как из-под загробной плиты.

Если бы об этом спросила мать, Юля не ответила, но Сергей имел право знать по какой причине его сын лежит в коме.

– Вчера он приехал ко мне домой, якобы поздравить с днём рождения, – Сергей нахмурился и Юля пояснила: – Я его не приглашала.

– Но до этого вы тоже виделись... – напомнила Алла.

– Да, – отрезала Юля и снова перевела взгляд на Сергея, – и опять-таки не по моей инициативе. Эта тупая курица Снежана вступила в сговор с Яриком и устроила нам встречу-сюрприз! Ярик, конечно, ни сном, ни духом, я не идиотка о таком рассказывать, но эта тварь точно все знала. И пусть не прикидывается невинной овечкой, – Юля постучала указательным пальцем по столу. – Я познакомила Романа с друзьями, усадила за стол. Все шло замечательно. Он танцевал с моими подругами, даже флиртовал, я думала он в порядке, развлекается. Было конечно больно на все это смотреть, но я держалась. Для себя я уже решила, что попытка к примирению была плохой идеей и намеревалась все рассказать Ярику, чтобы прекратить этот цирк. И тут приезжает Ярик. Делает мне предложение, надевает на палец кольцо, и Роман начинает вести себя странно. Сначала он приглашает меня танцевать, прижимается, – Сергей тяжело вздохнул, – потом хватает бутылку вина, тащит на второй этаж в гостевую спальню, а там слетает с катушек.

Сергей нахмурился.

– Что он от тебя хотел?

– Хотел, чтобы я вернула кольцо Ярику и отослала его. Чтобы мы снова были вместе.

– Как же дошло до комы? – спросила Алла и всхлипнула.

– Все просто... Ярик услышал наш скандал, начал ломиться в дверь, а когда высадил ее, увидел нас с Рошей на кровати... и не подумайте, что я в тот момент сопротивлялась... нет, – Юля злобно сверкнула глазами, – мне надоело пытаться быть счастливой.

– Он застал вас в постели одетыми? – уточнил Сергей.

– Ярику на это наплевать... одетыми... раздетыми... не важно. Важно что я сжимала в объятиях того кого люблю уже много лет. Важно, что Ярик наконец-то понял, что Роша, по которому я до сих пор сохну, но по какой-то причине не могу быть с ним вместе и есть Роман.

– Какой ужас... я не знала, что ты до сих пор его любишь, – Алла снова всхлипнула.

Юля злобно сверкнула глазами и хотела выпалить какую-нибудь гадость, но ее сдержал следующий вопрос Сергея:

– Почему Ромка не защищался?

Это был хороший вопрос. Юля и сама об этом думала. Почему?

– Не знаю... та часть событий до сих пор не уложилась у меня в голове.

– А это что такое? – Сергей протянул Юле ламинированный листок бумаги. – Мы нашли это в его вещах.

Юля только взглянула на первые строчки и сразу поняла, что это та самая записка, которую Роман написал в гостинице «Космос» в день ее выпуска из школы. Только она открыла рот, чтобы объяснить, как в комнату для переговоров влетел Рудик. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он встретил либо приведение, либо летающего дракона. А через мгновение, Юля сама увидела этого дракона.

На пороге стоял старший Дорофеев в безупречном синем костюме и белой рубашке. Под глазами набухшие мешки, лицо серое, одутловатое. С выправкой военного он зашел в комнату и поздоровался со всеми еле заметным кивком.

– Дмитрий Юрьевич! – Юля вскочила и подошла к боссу.

В данной ситуации его приезд мог означать что угодно. От «Я заехал поздороваться» до его любимой фразы: «Ты больше не контролируешь ситуацию».

– Ляля, – выдохнул Дорофеев, притянул ее к себе и приобнял. – Извини, что ворвался вот так без предупреждения, но ты мне нужна и очень срочно.

– Конечно, – Юля перевела взгляд на мать, давая ей понять, что их встреча закончена. – Вы помните моих родителей?

Алла и Сергей встали и поздоровались. Дорофеев снова кивнул. Заметив нервозность дочери, Алла ткнула мужа в плечо и кивком показала ему на дверь. Сергей явно не хотел уходить, сверлил Дорофеева жестким взглядом, ведь его сын чуть не убил Романа, но объективно оценивая ситуацию, понял, что ждать ответов сейчас бесполезно.

– Пожалуйста, позвони мне, как только освободишься, – попросил он Юлю и вышел вслед за женой.

Дорофеев направился в кабинет сына, Юля последовала за ним.

– Как долетели?

Босс не удосужился ответить и Юля забеспокоилась.

Встречая его в коридоре административного этажа, все сотрудники расступались и почтительно склоняли головы. Дорофеев остановился перед апартаментами старшего сына и оглядел синяк на лице Юли.

– Другая бы его непременно заштукатурила, но только не ты...

Трудно было понять комплемент это или нет. Если это было бы сказано в обычной ситуации, то, скорее всего, да, но сейчас Юля не была так уверена.

Распахнув дверь, Дмитрий Юрьевич вошел в просторный кабинет и направился к письменному столу. Вслед за ними забежал запыхавшийся Савва, видимо ему только что сообщили, что отец приехал в банк.

– Я думал, ты доберешься до офиса не раньше чем через час.

Старший Дорофеев хотел ответить, но резко вобрав в легкие воздух, разразился приступом кашля. Он вынул платок из кармана пиджака и протер им сухие обветренные губы. Юлю поразило как молнией. Именно такой кашель, она слышала ночью в больнице во время посещения таинственного гостя. Ее догадку подтвердил сам босс.

– Я прилетел еще вчера. Тебе не сказал, потому что хотел сам вникнуть в ситуацию, – его голос был сухим, как тростник.

Он оглядел кабинет, сына, затем Юлю, будто видел всех впервые и не понимал, что он тут делает.

– Спасибо, что навестили в больнице, – тут же вставила Юля.

Она хотела дать ему понять, что слышала его слова о том, что разочаровала его и что он ей больше не доверяет. Дорофеев только кивнул. Она уловила беспокойство в его глазах, но всего на мгновение.

– Где Ярослав? – спокойно, но требовательно спросил он у старшего сына.

– В хранилище, – Савва кинул на Юлю быстрый взгляд.

Отец понял намек, но проигнорировал.

– Пойдем Ляля, проведем маленькое собрание в хранилище. Если Магомед не идет к горе, то...

Договорить ему не удалось, в кабинет ввалился растрепанный младший Дорофеев все в тех же черных трусах и размахивая початой бутылкой кубинского

рома. Он был совершенно пьян. За ним неслись два охранника, но увидев все семейство в сборе, тут же отступили и закрыли дверь.

– Любимая! – с театральным восторгом воскликнул Ярик, бросаясь на Юлю. – А я тебя повсюду ищу! Где, говорю, моя невеста?! Мне отвечают где-то тут... а что это у тебя? – Ярик пытался сосредоточиться на лице Юли. Разглядев синяк, он повернулся к отцу и закричал: – Я ее и пальцем не тронул! Кто это сделал?

– Яр! – рывкнул на него брат. – Никто ее не трогал. Она упала в обморок.

– В обморок? Когда? При мне она не падала! – он повернулся к Юле и сморщился. – Детка! Ты в порядке? Выглядишь ужасно...

Он икнул и пошатнулся. Ее взгляд скользнул по его мускулистому загорелому телу и уставился в пол. Юля не произнесла ни слова. Когда Ярик пьян или в гневе лучше молчать.

– Дмитрий Юрьевич?! А вы откуда тут взялись?

Пьяным Ярик всегда называл отца по имени и отчеству. Напивался он только в сильнейшем стрессе, а таковой обычно исходил от отца.

– Ярослав, ты в курсе, что Айратов отменил встречу? – осведомился отец и, не дожидаясь ответа, задал следующий вопрос: – А то, что сегодня дата смерти твоей матери ты помнишь?

Ярик нервно сглотнул и прищурился. В голове явно шел мыслительный процесс, но в какую конкретно сторону понять никто не мог. Вроде всем своим видом он присутствовал, но стеклянный взгляд подвисал и рассеивался.

– Савва, как только Ярик оклемается, мы поедem на кладбище, – он перевел взгляд на Юлю. – Затем я переговорю с каждым из вас о холдинге и вашем будущем. Постарайтесь к встрече сформировать четкий список того, что вы для себя хотите. Не факт что я его одобрю, но обязательно учту.

Ярик хмыкнул, а затем неожиданно для всех разразился истерическим басистым хохотом. Юля вздрогнула и со страхом обвела взглядом каждого Дорофеева.

– Сегодня жду всех у себя ровно в семь часов, – сказал присутствующим Дмитрий Юрьевич, когда его младший сын наконец-то угомонился.

Юле хотелось после работы навестить Романа. Она даже планировала с Рудиком провести ночь в больничной палате, рассказывая о том, как зарождалась их с Романом любовь. И сейчас после объявления босса Юля на минуту сникла, но потом воодушевила себя тем, что находясь рядом со старшим Дорофеевым, она быстрее добьется гарантии неприкосновенности для Романа.

– Поводов для встреч много, – продолжил Дорофеев стальным тоном. – Одно из них благотворительное мероприятие. Будет много прессы. Приедете каждый своей семьей. Савелий с женой и детьми. Ярослав с Лялей. Все при параде, с широкими улыбками. Одна большая счастливая семья. После мероприятия я прочитаю в своем кабинете завещание. Дам вам последние напутствия, а завтра утром уеду в Доминикану, – он перевел взгляд на Ярика. – Надеюсь, ты не разгромил мою виллу?

Ярик фыркнул и плюхнулся на диван. Старший Дорофеев опустил в рабочее кресло.

– Докладывайте. Что за движуху вы тут с утра развели?

Так как босс смотрел на Юлю, она и начала доклад. Савва облегченно вздохнул и сел рядом с братом. Тот сунул ему под нос бутылку рома, и Савва сделал пару глотков. Все понимали, что отец пройдет по каждому из них частым гребнем и в выражениях стесняться не будет.

Совещание шло уже час, когда дверь открылась, и Рудик заглянул в кабинет. Юля жестом дала ему понять, чтобы скрылся из вида, но тот упрямо встал в проеме и сложил руки на груди.

– Что? – выпалила Юля. – Говори!

Рудик понял, что подходить Юля к нему не собирается и громогласно выпалил новость как из пушки:

– Только что на Айратова старшего было совершенно покушение!

Все кроме Дмитрия Юрьевича вскочили на ноги. Савва кинулся звонить в службу безопасности отдавать распоряжения о срочном совещании. Ярик мгновенно протрезвел и уставился на свои трусы. Юля побледнела и кинула тревожный взгляд на папку со сделкой, которая утром привлекла ее внимание.

– Ты как всегда оказалась права, Ляля. Это точно земля! Расконсервируйте нашего человечка в банке Айратова и узнайте все про пробы. Где брали, какая

лаборатория давала заключение, что конкретно нашли. Потом выводите его из игры. Землю с торгов снять. Узнайте, кто стоит за этим чертовым фондом – покупателем земли. Видимо Айратов по ходу стал менять условия сделки со своими поделниками и его предупредили, чтобы не дергался. Сейчас же вводите повышенные меры безопасности. Всем троим ни шагу без охраны!

Глава шестая «Подари мне свой свет»

«... Я никогда не утолю свой голод, любимая. Мне кажется, что с каждым днем я люблю тебя еще сильнее. Хочу слиться с тобой и не выходить из тебя. Проникнуть в каждую клеточку твоего тела. Ты моя, Миа. Моя половинка. Моя любовь. Меня раздражают даже друзья и учеба... все, что может отвлечь от тебя».

Двенадцать лет назад

С букетом цветов Роман бежал к метро, куда должна была приехать Юля с вещами. Послезавтра у нее первый день занятий. Алла наконец-то сняла с нее ярлык «Осторожно! Не кантовать!» и официально объявила дочь взрослой. Роман готовился к ее приезду два месяца. Снял квартиру и сделал косметический ремонт. Родителям Юля сказала, что будет жить в общежитии. Алла бы сама ее сопровождала в институт и лично проверила, как устроилась дочь, но три дня назад выяснилось, что она беременна и не все протекает так гладко как хотелось бы.

Юля стояла у выхода из метро рядом с мраморной колонной. Пока Роман бежал к ней, успел заметить, как на нее засматриваются проходящие мимо мужчины. Еще бы! Юля так повзрослела и похорошела! Роман почувствовал, как от ревности к лицу прилила кровь.

Погода стояла не по-осеннему прохладная, а Юля явно одета не по сезону. На ней было зеленое под цвет ее глаз летнее платье, плавно облегающее стройную фигурку.

– Миа! – Роман бросился к ней с такой страстью, что чуть не сбил девушку с ног. – Любовь моя! Ты не представляешь, как я соскучился!

Он осыпал ее горячими поцелуями. На них тут же стали оглядываться любопытные прохожие, но молодая пара на это никак не реагировала.

– Роша! Мне не верится, что это с нами происходит! – Юля светилась от счастья. – Пойдем, мне не терпится увидеть нашу квартиру.

Роман схватил чемоданы и тут же пожурил ее за то, что взяла с собой так много вещей.

– Как ты эту тяжесть дотащила?

– Там не только мои вещи, но кое-что для квартиры.

– Ты с ума сошла? Зачем? Она же съемная!

– Роша, это наша первая съемная квартира. Мне хочется сделать ее красивой и уютной.

– Для меня, где ты там красиво, тепло и уютно. Остальное не важно, – Роман снял с себя пиджак и накинул ей на плечи. – Юлька, ты растрепала! Напихала хлам в чемоданы. Одедась совсем не по погоде. О чем ты думала?

Он метнул в нее гневный взгляд, но по виду ее пылающих щек стало понятно, о чем девушка думала. Роман сжал ее руку еще сильнее и ускорил шаг. Они буквально бежали до дома, то и дело, одаривая друг друга нетерпеливыми пылкими взглядами. Именно сегодня должна была состояться их первая ночь, и Юля морально готовилась к ней за неделю.

Квартира Юле сразу понравилась. Светлая и чистая. Кухня, правда, совсем крохотная, зато вид из окна спальни открывался на храм с золотыми куполами.

– Соседям я сказал, что приедет моя невеста – Миа. Я подумал, что раз мы решили пока все держать втайне от родаков, то лучше им не знать твоего имени.

– Все правильно, – подтвердила Юля.

Почему-то в этом вопросе между ними было невероятное единение. Интуитивно им хотелось как можно дольше продержать их отношения в секрете, особенно от родителей.

За окном уже смеркалось, когда разгоряченная после ванны Юля вошла в спальню и ахнула. На круглом журнальном столике охлаждалась бутылка шампанского. Рядом лежала плитка ее любимого шоколада. Вся комната была заставлена цветами, а кровать, казалось, парила в воздухе.

– Я прикрепил люминесцентную лампу к плинтусу под кроватью, – пояснил Роман, заметив удивленный взгляд Юли.

– Это так необычно... и интимно, – смущенно пробормотала она. Девушку растрогала романтическая обстановка спальни, особенно розовые лепестки раскиданные на простыне. – Свет рассеивается по полу, а на кровать не попадает.

Она села на краешек кровати и начала осматривать комнату. Ее поразило постельное белье. Одежд не было, вместо них две хрустящие кипенно-белые льняные простыни. Юля подтянула одну на себя и вдохнула аромат.

– Розовая вода, – пояснил Роман, – я хотел, чтобы они пахли тобой.

На подносе рядом с шампанским Юля заметила медное блюдо с нарезанными фруктами, взяла вилку и потянулась к персикам. Роман зажег свечи, взобрался на кровать, прижался к изголовью и поманил ее к себе. Юля села к нему спиной, его ноги обхватили ее бедра. Он развязал пояс шелкового халата и снял с нее единственную деталь одежды. Сначала руки заскользили по ее хрупким округлым плечам, собрали в пучок и отбросили волосы на одну сторону. Потом ласковыми поцелуями он осыпал ее шею и плечи. Юля разволновалась и задрожала.

– Ничего не бойся. Я буду терпелив и сделаю все нежно.

– Я доверяю тебе...

Его поцелуи стали более требовательными и влажными.

– *Amore mio*, нет ничего прекраснее тебя, – его руки заскользили по уже сформировавшейся груди. – О боже, они стали еще больше и тяжелее.

Он потянул ее на себя, и Юля накрыла его своим белокожим телом. По сравнению с ней он выглядел смуглым. А его светлые волосы совсем белыми, как простыни, на которых они лежали. Юля ощупала его стальные бицепсы и спросила:

– Ты подкачался?

– Занимался по часу каждое утро.

– И загорел...

– Да, на крыше.

– На крыше?

– Да, я там оборудовал для нас уединенное местечко.

Юля осмотрела ровный загар, останавливая взгляд на бедрах.

– Без трусов?

– Я подумал, что белая задница будет выглядеть не эротично, – хохотнул он и прильнул к ее губам.

Больше он не хотел терять ни минуты, и когда она снова собиралась что-то спросить, накрыл ее рот своей ладонью и зашептал:

– Тс-с-с, Миа, больше ни слова... Теперь только любовь...

Она кивнула. После жаркого поцелуя его пальцы заскользили по лбу от линии волос к межбровью и обратно, этот жест потом станет для них неким сигналом к действию. Прильнув к ее груди, Роман поочередно захватывал губами соски. Юля постанывала и выгибалась. Он спустился вниз и погладил рыжий пушок на лобке.

– Сначала кончишь ты, Миа, потом – я.

Его губы нежно примкнули к девичьей промежности. Из ее груди вырвался громкий стон. Язык добрался до самой чувствительной точки и привычными движениями Роман довел возлюбленную до оргазма. А после, не дав Юле опомниться, лег сверху и развел в стороны ее ноги. Сжав рукой восставшую плоть, он провел несколько раз по промежности и, помогая себе пальцами, вошел в нее несколькими толчками. Юля вскрикнула. Все тело сжалось от жгучей и разрывающей изнутри боли. Роман замер и зашептал:

– Все-все-все любимая, больше больно не будет, я обещаю... расслабься. Все самое болезненное позади, – он осыпал ее лицо поцелуями.

Постепенно Юля расслабилась, Роман медленно задвигался. Комната наполнилась их стонами.

– Как ты? Миа? Еще больно?

На ее щеках заблестели слезы.

– Немного... Голова кружиться. Комната плывет. Роша... но это очень приятно... очень-очень...

– Миа! Я люблю тебя! Господи, как же хорошо в тебе!

Его движения становились все быстрее и глубже. Он прижимал ее ноги к своим бедрам.

– А так? Миа? Больно?

– Продолжай, – она закусила губу и сморщилась от смешанных чувств. Боль, конечно, никуда не делась, но прибавилось и наслаждение.

Из груди Романа вырывались громкие стоны, он то и дело признавался ей в любви и нашептывал слова страсти. Тот единственный секс с Леной, который стал причиной раздора влюбленных ни шел ни в какое сравнение с тем, что он испытал с Юлей. Он будто воспарил в рай, оставив все проблемы и свое бренное тело на земле. После бурного оргазма он долго целовал возлюбленную, благодарил за доставленное удовольствие. Такое стоило ждать. Ради такого стоило притворяться, лгать и держать под контролем эмоции.

Измотанная новыми ощущениями Юля была скованна и немного испугана. Но в последующие разы, они добивались до пика наслаждения вместе. Их тела, словно созданные друг для друга, сливались в единый организм и тонко чувствовали, что им нужно обоим и в какой именно момент.

Уже светало, когда приняв в очередной раз вместе душ, влюбленные вернулись в спальню.

– Тебе хорошо?

– Конечно, разве по мне не видно? – отозвалась разомлевшая Юля и добавила: – Просто внутри меня такое ощущение, будто наждачкой прошлись.

– Ты поэтому такая молчаливая. Сильно больно?

– Терпимо.

– Хочу, чтобы тебе со мной было хорошо.

– Мне хорошо, я на седьмом небе, – она томно улыбнулась.

Роман смахнул с простыни лепестки роз и повалился на кровать. Пока Юля устраивалась рядом с ним, его рука нырнула в выдвижной ящик тумбочки, нащупала и приоткрыла маленькую коробочку.

– Миа!

Она приподняла голову и заглянула ему в глаза.

– Выдвини верхний ящик своей тумбочки.

Юля перекатилась на край кровати и выдвинула ящик. Там оказалась круглая коробочка конфет.

– Открой ее, – голос Романа охрип от волнения, и он прочистил горло.

Откинув красочную крышку, Юля ахнула. В коробке оказались конфеты разных форм, на которых тонким шрифтом было написано «Выходи за меня!». Юля вскочила и от волнения прикрыла рот рукой. Ей хотелось завизжать так громко, чтобы аж стекла на окнах задрожали.

– О Господи! О Господи! Роша! – Юля выпучила глаза.

Роман уже стоял перед ней на коленях и держал в руке кольцо. Это было нежное колечко в виде четырехлистника из изумрудов.

– Я хотел непременно зеленый камень под цвет твоих глаз.

От переизбытка чувств Юля была все еще в шоке и не верила в происходящее. Где-то в глубине души она знала, что затягивать с предложением Роман не станет, но все равно оказалась к этому не готова. Прежняя жизнь закончена. Если она сейчас скажет «да», дороги назад не будет.

– Amore mio, ответь мне... иначе я сейчас умру...

Очнувшись, Юля замахала на него руками и заплакала.

– Конечно, да!

Роман прижался к ее животу и обхватил руками тонкую талию.

– Уф! Я думал, от волнения не доживу до утра.

Позже Юля не раз укоряла его, что не нужно было делать предложение в первую же ночь, но каждый раз Роман категорично заявлял, что все сделал правильно, потому как подобного напряжения вытерпеть еще сутки он бы не смог.

Заявление в ЗАГС подали на следующий день после восемнадцатилетия Юли. Ставя свою подпись на бланке, Юля подняла глаза на возлюбленного и тихо спросила:

– Ты точно этого хочешь, Роша? Может, немного подождем? Хотя бы до окончания института...

– Нет, – решительно замотал головой Роман. – Ты моя, Миа, и теперь я хочу, чтобы это было официально. После этого нас никто не разлучит.

Задать ответный вопрос ему и в голову не пришло. Хочет ли Юля быть его женой? Она дала уже согласие! Зачем еще раз спрашивать? И как их брак может

повлиять на учебу и дальнейший поиск работы? Может только укрепить их в сознании того что нужно серьезнее относиться к своему образованию, потому как теперь они будут семейной парой и осознают насколько важно иметь хорошо оплачиваемую работу.

Как и планировалось – свадьбы не было. На скромную церемонию бракосочетания приехали Кирилл с Настей и парочка институтских друзей Романа. Юля настояла на венчании в тот же день и вся процессия сразу после регистрации двинулась в храм. К вечеру друзья проводили их в аэропорт, откуда молодожены улетели на Канарские острова, где провели незабываемые две недели.

По мнению Романа после медового месяца Юля расцвела, словно бутон розы. Глаза горели как всполохи пламени ни на минуту не оставляя его равнодушным. Теперь она больше времени уделяла своей внешности и часами могла выискивать недорогие средства по уходу и одежду из новых коллекций. Тратила с умом, без расточительства, где могла, подрабатывала: частенько оставалась с ребенком соседки, пекла торты и пирожные на заказ для ближайшего кафе. Квартире она тоже уделяла максимум внимания. Особенно спальне. Купила полупрозрачный полог для кровати и заставила Романа прикрепить для него крюк к потолку. Сменила шторы и сшила красивое стеганое покрывало. Ей нравилась их новая жизнь. Нравилось, как выстраиваются супружеские отношения. Тревога и недоверие, что когда-то породила его измена, рассеялись как туман.

Поначалу Юля исправно ходила на лекции и в зал единоборств. Роман отвел ее к тренеру, у которого тренировался Лева перед отъездом в Китай. Первую сессию сдала блестяще, вторую уже тяжелее, с натяжкой. Но по мере сближения с мужем, а это был незаметный плавный процесс, который они осознали только когда стали задыхаться друг без друга, Юля поняла, что не может больше сосредоточиться ни на учебе, ни на тренировках. Взяла в своем институте академический отпуск и устроилась на работу в деканат на факультет Романа. Она сама приняла это решение. Ей хотелось быть ближе к мужу. Уже тогда она решила, что поможет сделать ему карьеру, чтобы в семье был стабильный заработок и только потом займется своим образованием.

Роман улучал для любовных соитий каждую свободную минутку. Посылал жене на мобильный телефон сообщение и как полоумный бежал к месту встречи.

– Миа! Любимая! Поцелуй меня, – накидывался он на жену и с жадностью впивался в ее губы. – Еле досидел до конца пары.

Юля томно мурлыкала и тянулась к ремню на его джинсах. Посматривая на часы, Роман озвучивал, сколько у них есть времени до следующей пары и говорил о том, каким способом хочет овладеть ею. А после очередного акта любви он взлохмаченный и все еще возбужденный летел в аудиторию, где долго не мог восстановить дыхание и усмирить наэлектризованное сознание от воспоминаний. Теперь над ним никто не посмеивался, никто не дразнил. Теперь ему завидовали. Всем было понятно, как обожала его жена, как жертвовала буквально всем ради его благополучия, как смахивала невидимые пылинки и подкармливала домашним и вкусненьким.

Со стороны их семейная жизнь могла показаться скучной и однообразной. В отличии от Кирилла и Насти, которые постоянно крутились в гуще событий, Роман и Юля на людях были в абсолютном покое. Но стоило им пересечь порог квартиры или выбранного ими места для единения, как с них слетала одежда, эмоции зашкаливали и они вытворяли такое, что другим даже на ум бы не пришло. Сначала их соития носили исследовательский характер. Им хотелось испробовать все. Что-то незамедлительно ими отвергалось, а что-то с точностью ювелира оттачивалось до филигранности. Главным затейником почти всегда был Роман, он постоянно нашептывал Юле свои фантазии. Вдвоем им никогда не было скучно, всегда находилось занятие. И даже если они пребывали в полной тишине, она была наполнена смыслом и их внутренним диалогом. Иногда они просто часами лежали обнявшись и смотрели друг другу в глаза.

– Dolce mio, узнаю этот взгляд, – говорила томным голосом Юля и улыбалась от предвкушения. – Ты опять что-то придумал.

В перерывах между актами любви они могли забраться вдвоем в ванну, наполненную цветочным эликсиром и хохотать без удержу над какой-то забавной ситуацией. На душе было так легко, что любая шутка или комичная выходка вызывали необузданные приступы смеха.

– Я хочу кричать, Роша!

– Кричать? Здесь? – Роман показывал на вентиляционную решетку в стене.
– Хочешь, чтобы к нам присоединились все соседи?

– Мне плевать, пусть хоть милицию вызывают, – смеялась Юля и всем своим видом показывала, что сейчас закричит.

В первый раз он ей не поверил. Сидел напротив, скривившись в ухмылке. Она зажмурилась, набрала полные легкие воздуха и громко закричала. Облицованные кафелем стены добавили резонанса, и даже закрыв уши, он чуть не оглох. Уже через пять минут кто-то упорно названивал и барабанил в их дверь, но они, затаившись, сидели тихо-тихо, как нашкодившие подростки.

– Ты сумасшедшая... – Роман щелкнул ее по носу. – Моя сумасшедшая и любимая жена.

В следующие разы, как только она зажмуривалась и набирала в легкие воздух, он зажимал ее рот ладонью, а она издавала звуки похожие на рык.

– Моя тигрица снова вышла на охоту, – смеялся Роман.

После Юля начинала игриво рычать и скалить зубы, кусать его за плечи. Он притворно вскрикивал и потирал укушенные места, но втайне гордился каждым оставленным ею следом и мог подолгу их разглядывать в зеркале.

Частенько Юля дразнила его, возбуждала, а потом выскальзывала из его цепких объятий и бегала вокруг мебели. Это еще больше распяляло Романа.

– Ох, что я с тобой сейчас сделаю, негодница!

– Сначала догони, – хохотала Юля и ловко уворачивалась от очередного рывка мужа.

А когда от обиды и нетерпения Роман делал вид, что теряет интерес к игре, Юля скидывала очередную деталь одежды и устраивала ему эротическое шоу. Глаза Романа темнели от страсти, он смотрел на нее тем особым взглядом, от которого у нее мороз пробегал по коже, и она уже сама льнула к нему и больше не убегала.

– Dolce mio, я хочу тебя! – говорила она со страстью.

Он брал ее на руки, так легко, словно она пушинка и нес в спальню. Бросал на кровать и с жаром впивался в ее тело.

– Солнце мое, подари мне свой свет. Я никогда не утолю свой голод, любимая. Мне кажется, что с каждым днем я люблю тебя еще сильнее. Хочу

слиться с тобой и не выходить из тебя. Проникнуть в каждую клеточку твоего тела, в твои мысли, в твои желания. Ты моя, Миа. Моя половинка. Моя любовь. Меня раздражают даже друзья и учеба... все, что может отвлечь от тебя. Хочу только тебя! Хочу снова в наш медовый месяц, где никто нам не мешал предаваться страсти, выражать наши чувства.

После таких излияний Юля укладывала мужа на спину. Его слова еще больше распалили ее страсть. Она седлала его и вращала бедрами. Комната наполнялась их стонами, движения становились все резче и быстрее. А потом оба взрывались от пика наслаждения. Выходить из нее он не торопился. Вдыхал аромат волос. Поглаживал нежную атласную кожу. А когда дыхание восстанавливалось, продолжал свою исповедь:

– Хочу целоваться с тобой везде: в метро, на улице, в институте! Хочу дурачиться и гоняться за тобой, пока от усталости не свалюсь с ног. Хочу предаваться мечтаниям. Воплощать днем и ночью фантазии. Вызывать завистливые взгляды. Пусть все знают, что ты моя. Моя Миа.

– Все и так знают, Роша, – усмехалась она.

– Не все, – с горечью подмечал он, и она переставала улыбаться. – Не все! Твоя мать будет нас осуждать. Расскажет всем нашим знакомым кто мы друг другу. В итоге все ополчатся против нас и отвернуться. Поэтому-то так важно, чтобы родители не знали. Миа, теперь и я их ненавижу, особенно твою мать. Она всегда тебя ко мне ревновала. Я разорвал связь между вами, и она мне этого никогда не простит.

Больше Роман не говорил Юле, что чего-то недополучает. Теперь у него было все! С каждым днем их любовь становилась сильнее, ярче, безудержней. Она растягивалась в размерах, казалась безграничной. Затягивала и поглощала их как космическая черная дыра. Иногда она походила на эгоистичную даму. Кричала о своей значимости, ставила себя даже выше их жизней. Требовала к себе особого внимания и тряслась от навязчивого страха разлуки, если вдруг впереди возникал хоть намек на короткую передышку.

Первой, как впрочем и всегда, забила тревогу Алла. Роман уехал на практику, а Юля приехала на летние каникулы к родителям в Обнинск. Уже через неделю на дочь невозможно было смотреть. Она ходила по дому словно приведение. Не могла сконцентрироваться на том, что делает. Однажды чуть не уронила сестренку, потому что не услышала просьбу матери подержать ее на руках. Алла сразу устроила старшей дочери допрос:

– Не уж-то это из-за Левы?

– При чем тут Лева? – недоумевала Юля.

– Ну как же? Он написал родителям, что приезжает через две недели. Вы разве не поддерживаете связь?

Юля замотала головой и Алла нахмурилась. Весь день она изучала дочь, а вечером спросила:

– Юльча, ты ведь влюбилась, правда? Кто он? Кто-то из твоего института?

– Нет.

Юля отмалчивалась или переводила разговор на другую тему, чем еще больше распалила любопытство матери. Алла не понимала почему, когда Юля влюбляется то, словно теряет себя. Ее будто нет. Дочь так сильно растворяется в отношениях, что свою жизнь ни во что не ставит. Алла даже обратилась за консультацией к психологу, но та понесла такую чушь, что недослушав «горе-специалиста», она выскочила из кабинета и помчалась домой.

Еще Алла заметила, что никто Юле не звонит. Дочь не рассказывает о подругах, о своей жизни в общежитии, словно этой части жизни у нее вовсе нет. Но по случайным брошенным фразам Алла узнала, что Юля научилась отлично готовить, печь и сшила стеганое одеяло... судя по описываемым размерам для двуспальной кровати. Вот эта последняя деталь поразила Аллу как молния. Она ничего не сказала дочери, но для себя решила, что непременно докопается до истины.

– Юльча живет с мужчиной, – сделала вывод Алла, когда леглась ночью в кровать с мужем.

– С чего ты это взяла, Пирожочек? – удивился Сергей.

Алла начала перечислять установленные факты и Сергей задумался. Его жена как опытный следователь всегда умела отсеять ненужное и

сконцентрироваться на важных мелочах, которые приводили ее к конечному результату, причем всегда удачному.

– Меня это беспокоит.

– Почему? Встретила девчонка своего парня. Влюбилась. Это же хорошо. Я счастлив за старших детей. Оба поступили в институт. Оба влюбились. Ромка в последнем разговоре признался, что живет с девушкой.

Аллу Роман не интересовал. Парень взрослый, самостоятельный, сам зарабатывает себе на жизнь. Вызывала беспокойство только Юля. Ее поведение настораживало, и кто, если не мать позаботится о ребенке?

– А почему она о нем ничего не говорит? Почему не признается, что живет с ним? Ходит как тень, будто снова попала в зависимость. После того что она нам тогда учудила, я должна за ней приглядывать. Понимаешь? – Сергей утвердительно кивнул и Алла добавила: – Тут что-то не то... Видимо этого мужчину я не одобряю, она это знает и не говорит кто он...

И тут сердце Аллы сжалось от догадки. Она полосонула сердце матери как острый тонкий нож. Зажмурившись, Алла тяжело задышала и заговорила с мужем только тогда, когда немного успокоилась.

– А как зовут девушку Ромы?

– Миа, – отозвался сонным голосом Сергей.

– Странное какое-то имя...

– Я тоже так сказал.

– Не русская что ли?

– Я не спрашивал. Точно не москвичка, потому что сын сказал, что она уехала на каникулы к родителям.

«Отцы! – с горечью подумала Алла, а затем глаза ее вспыхнули. – К родителям! Конечно же!».

– Ты должен больше внимания проявлять к сыну. Узнать о его девушке, может даже познакомиться с ней. Из какой она семьи? Порядочная ли?

– Зачем? Он же не жениться на ней собрался, – вспоминая последний разговор с сыном, Сергей поскреб обросший щетиной подбородок, – хотя... по голосу я сделал вывод, что он счастлив.

«Еще бы! – подумала Алла и лицо женщины перекопилось от злобы. – Он все-таки добрался до моей девочки. Гнида подлая. Негодяй! Я ему покажу счастье. Он у меня захлебнется этим счастьем».

В голове мгновенно прояснилось. На этот раз все слишком серьезно и возраст у дочери не тот чтобы вести себя агрессивно как раньше. Юльча сделает все наперекор. Алле нужен был план мести, проработанный до деталей. Больше она не выставит себя в глазах дочери и мужа истеричкой. В прошлый раз дочь ее возненавидела, и Алле понадобилось долгих два года, чтобы вернуть их отношения в прежнее русло. Хотя справедливости ради нужно было сказать, что прежними они не стали, но все же они общались.

Алла погладила мужа по груди. Он будет ее сообщником в предстоящей борьбе, поэтому она должна заручиться его поддержкой и Алла начала готовить мужа издалека.

– Мы должны пригласить Рому с его девушкой домой. Познакомиться с ней. Нужно показать ей, что он из приличной семьи. Что мы рады ей. Раз он уже живет с ней, значит все серьезно.

– Не обязательно. Просто это ведь удобно – ежедневный секс без головняка, домашняя жрачка, – Сергей сам не понимал, как разогревает гнев жены и продолжил свои разглагольствования: – Он не из тех, кто будет бегать по девкам. Найдет одну и будет с ней жить. Но брак это очень для него серьезный вопрос. Он как-то говорил, что не женится, пока не получит диплом, – он повернулся и взглянул на жену. – Так ты хочешь пригласить эту Мию?

– Да. Но сначала надо посоветоваться с Юльчей. Он наверняка их познакомил, и она знает, насколько серьезны их отношения. Ты спроси ее за завтраком.

– Я? – встревожился Сергей. – А почему ты не хочешь?

– Роман – запретная для нас тема. Она закроется и надует губы. А ты его отец. Если спросишь ты, это не вызовет у нее подозрений.

– Ладно...

– Я так рада, что Роман одумался и стал встречаться с другими девушками. Никогда бы ему не простила, если бы он задурил Юльче голову и склонил бы ее к сожительству.

От этой мысли Сергей даже передернул плечами.

– Он хороший парень, Пирожочек, понял все с первого раза.

«Хотя не с первого», – подумал Сергей, но озвучивать вслух не стал.

– Так он живет со своей девушкой на квартире? Или в его общежитии? Она из его института? Ты вообще хоть что-то о ней знаешь?

– Нет, – честно признался Сергей. – Зачем мне это знать?

– Парень лишен материнской ласки и заботы. Обычно это мать все узнает первой и старается уберечь ребенка от неправильного выбора.

– Я знаю, что она младше его, то ли на год, то ли на два и что они живут на квартире.

– В однокомнатной?

– Вроде в двушке.

– Какое расточительство, – с укоризной подметила Алла, оправдывая свой повышенный интерес материальным вопросом. – А в каком районе?

– В спальном, где-то на Юго-западе Москвы.

«Двушка. Значит, есть спальня и двуспальная кровать. Стеганое покрывало», – мысленно делала выводы Алла.

На этом разговор закончился, и Алла приступила к более активному способу привлечения мужа на свою сторону.

Утром, во время воскресного завтрака в столовой, Алла ткнула мужа ногой под столом, напоминая ему о ночном разговоре. Она не хотела привлекать к себе внимание дочери, поэтому сделала вид, что занята кормлением младших детей.

Сергей еле заметно кивнул и осведомился у Юли:

– Когда Ромка вернется с практики?

– Через неделю, – тут же ответила Юля.

Алла смазала блин вареньем и протянула Илье. Тот начал с жадностью поедать любимое лакомство, а мать нежно вытирала его перепачканные щеки.

– Мы хотим пригласить его девушку в гости, – продолжил разговор Сергей.

Юля в этот момент пила чай и от неожиданности поперхнулась.

– Доча, ты как Илюшка, ей богу, такая же нескладная, – Алла вытерла тем же полотенцем щеки дочери и смачно поцеловала в лоб. – Кушай доченька, ты так похудела... уж не заболела ли?

– Я здорова, мама, – с раздражением отмахнулась Юля.

– Тогда кушай, если мало блинов, я еще напеку.

– Ты знакома с Миа? – спросил Сергей. – Или правильно сказать с Мией?

– С кем? – прикинулась плохо слышащей Юля.

– С девушкой Романа, – уточнила Алла.

Придумывать на ходу Юле не хотелось, поэтому она помотала головой и сказала:

– Нет, впервые слышу.

– Я же сказал, что это у него несерьезно, – почему-то обрадовался Сергей.

– Ромка даже с сестрой ее не познакомил.

На самом деле Сергея смущало имя девушки. Не предвещало оно ничего хорошего. Что за имя такое? Из какого она города? Кто ее родители? Какой она национальности? А вдруг мусульманка, а родня не знает, с кем их девочка в Москве связалась? И не обрушат ли эти родственники весь свой гнев на его сына? После ночного разговора с женой, Сергей долго не мог уснуть и все думал о девушке со странным именем.

Реакция дочери красноречивее слов говорила о правильности предположений матери. Теперь Алла уже не сомневалась, что Юля попала в лапы к очень хитрому и расчетливому человеку. Никаких теплых чувств к парню она не испытывала. Он монстр. Манипулятор.

Спокойно, без эмоций Алла разработала план. Это была война за дочь и в ней она должна непременно победить, а Роман должен быть изгнан из семьи раз и навсегда. Раньше она бы подумать о таком не могла, но парень обманул ее доверие дважды – пусть не ждет пощады.

Алла окружила дочь заботой и лаской. Не ворчала, давала ей спать, сколько захочет, подкармливала ее любимыми блюдами. Старалась организовать совместное времяпрепровождение. Таскала дочь по магазинам и заваливала подарками. Она не давила на нее, говорила только о том, на что откликалась Юля и охотно поддерживала разговор.

Через неделю Юля засобиравалась в Москву.

– Юльча! Я думала ты приехала до сентября! – Алла чуть не заплакала.

– Мам мне нужно тренироваться, – соврала Юля, – к тому же я записалась на бухгалтерские курсы.

Алла опешила.

– Зачем тебе курсы, когда ты учишься в институте на бухгалтера?

– После окончания курсов я могу вести бухгалтерию малых предприятий, сдавать отчеты, получать зарплату. А без корочки меня никто не возьмет на работу.

– Зачем тебе работать? Разве тебе не хватает денег, что я перевожу на банковскую карту?

– Хватает, мам. За это не переживай. Просто теория – это скучно, а мне хочется еще и практики, так я быстрее изучу материал.

Алла была готова взорваться прямо сейчас и выпалить все дочери в глаза, но она предприняла титанические усилия, чтобы успокоиться и улыбнуться.

– Ты такая молодец, Юльча. Здорово придумала. Я горжусь тобой.

Юля покраснела и отвела взгляд.

«Цирк, да и только, – подумала Алла. – Когда она научилась так врать?».

Как ни было трудно, Алла отпустила дочь в Москву и начала воплощать свой план в действие.

В первую очередь Алла вспомнила все, что было после попытки самоубийства дочери, и обнаружила деталь, которая никак не вписывалась в ее теорию. Роман встречался с Настей, а Юля слевой. Тогда Алла как бы случайно встретила с мамой Левы и в разговоре узнала, что Лева дал понять родителям, что Юля не ждет его возвращения. Их отношения закончились с его отъездом. Мама Левы выражала сожаление по этому поводу – Юля им очень нравилась. Алла не стала сжигать мосты, Лева ей тоже нравился, и успокоила женщину тем, что дочь ни с кем не встречается, поглощена только учебой, что это, скорее всего, обида на его длительный отъезд. Мол, приедет, встретятся, поговорят и все образуется.

Вторым шагом была встреча с Настей. Но к ней она тщательно готовилась. Познакомилась с ее соседкой и та ей многое поведала. В принципе после этого

разговора можно было уже не встречаться с Настей, но у Аллы были далеко идущие планы, и близкая подруга дочери могла ей в них подсобить. Чем больше у нее будет сообщников, тем вероятнее, что дочь не ополчится на мать с той злостью, с которой реагировала после попытки самоубийства.

В один из сентябрьских дней Алла поехала к дочери в институт. Ей необходимо было найти как можно больше аргументов в пользу своего решения, и мать собиралась проштудировать успеваемость дочери по всем предметам. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что Юля еще год назад взяла академический отпуск, а в общежитии не жила ни одного дня. Все оказалось еще хуже, чем она ожидала. Так вот зачем нужны бухгалтерские курсы! Юля хотела идти работать. Этого Алла никак не могла допустить.

Приехав домой, Алла скорректировала свой план. Ей нужно было найти адрес квартиры, в которой проживала ее дочь с Манипулятором и нанести им внезапный визит. Сергей оказался совершенно бесполезен, Роман не захотел знакомить его с подругой и назвать адрес квартиры. Нашел весомые аргументы и вновь усыпил бдительность отца. Тогда Алла решила, что пора задействовать Настю.

С подругой дочери Алла встретилась тоже как бы случайно и в разговоре поведала, что очень беспокоиться за дочь. Она умоляла Настю вмешаться и выяснить что происходит. Сыграла роль горюющей безутешной матери и наговорила молодой женщине такого, что у Насти во время всего разговора брови пребывали в приподнятом положении.

– Юльча ведет себя так же как перед попыткой самоубийства, – плакала Алла. – Бросила учебу. Собралась идти на какие-то курсы. Врет мне на каждом шагу. Непонятно где она вообще живет. Наверное, у какого-то мужчины. И этот мужчина, точно неисправимый эгоист, если ставит свои интересы выше интересов моей дочери.

Настя была шокирована известием об академическом отпуске и пообещала, что завтра же поедет к Юле и все узнает.

Алла наняла проворного парнишку, который задолжал ее мужу солидную сумму, показала ему на выходящую из подъезда Настю с сынишкой и сказала:

– Следи за ней. Она встретится в Москве с подругой. Мне нужен адрес квартиры ее подруги, – Алла показала ему фото дочери. – Узнаешь адрес – спишу всю сумму долга.

На следующий день Алла получила адрес и хотела уже выйти из машины, как услышала то, к чему совершенно не была готова:

– Я поспрашивал о той парочке, что встречалась с блондинкой – рыженькой девушке и светловолосом парне. Уж больно шумные они, соседи на них жалуются. Дело молодое, знаете ли, семейное, – пространно объяснил парнишка и расплылся в похотливой улыбочке.

– Семей... семейное? – Алла аж заикаться начала.

– Да! Они ведь женаты! Уж скоро два года как. Детей делают так громко, что весь подъезд слышит. Представляю, какими красивыми они у них будут. Не часто встретишь такую пару.

Алла не помнила, как выбралась из машины, как добралась до дома. Она очнулась уже в детской, стоя перед кроваткой младшей дочери. Та приветственно улюлюкала и улыбалась как ангелочек. Алле вспомнилось, какой красивой и ласковой была Юля в детстве. Какой была для нее отдушиной. Она проявляла заботу о матери, будучи еще малышкой. И конфетой поделится и погладит, если Алла грустила. По мнению Аллы, отчуждение в их с дочерью отношениях началось с приездом Романа, а окончательно разрушились после той страшной попытки самоубийства.

Что делать? Как вернуть дочь? Теперь все усложнялось. Он ей муж! Муж! Подумать только! Как вырвать ее из лап этого монстра? Он ведь непременно искалечит ей жизнь. Уже калечит...

Решение пришло само собой. Она его даже толком не обдумала. Руководствовалась тем, что только по этой одной единственной причине Юля и Роман не будут вместе. И для этого ей нужен был Сергей. Пора приоткрыть завесу многолетней тайны.

– Не может этого быть, – выпалил Сергей, как только услышал приговор Аллы и без сил упал на стул. – Ромка не мог. Не мог!

В голове Сергея стояла мешанина. Его сын женился на Юле? Что за бред? Алка с ума сошла!

– Ты поймешь, что я чувствую, если наших детей мысленно поменять местами. Что бы ты делал, если бы твой сын на твоих глазах пытался покончить жизнь самоубийством? Взял нож, разрезал бы себе руку, выкрикивая, что безумно любит Юлю и никогда не даст нам их разлучить.

– Этого не может быть... он бы мне сказал, – в памяти Сергея всплывали последние встречи и телефонные разговоры с сыном.

– Они делали вид, что встречаются с другими. Не неделю... не месяц... два года! Сережа! Два года они собирались на той квартире и творили там черте что. Лева был там с ними. Даже думать не хочу, что там происходило на самом деле! А потом втихаря, они как преступники женятся.

– Я не верю в это...

– Завтра рано утром мы поедем в Москву. Встретимся с детьми в их квартире. Если ты убедишься, что все так и есть, то поддержишь меня, и мы их разведем. Роману в нашем доме не место, сам понимаешь, не потому что я его не люблю, а потому что он предал наше доверие. Коварно предал! Врал! Изворачивался! Если ты меня не поддержишь, то мы разведемся.

– Что?! – Сергей испугано уставился на жену. – Ты чего несешь?

– А как иначе? Сережа? Она моя дочь. Я не могу рисковать.

– Если ты их разлучишь, тогда она точно вскрыет себе вены.

– Нет, если мы сделаем все правильно.

Сергей качал головой как «китайский болванчик», услышанное не укладывалось в голове. Сын женился... тайно... Алла права. Сын смотрел ему в глаза и врал. Врал не один раз, а множество.

– Вспомни странное поведение Юльчи на выпускном вечере Романа. Он пел песню, а она рыдала. Не Настя! А Юля рыдала!

– Да... – закивал головой Сергей. – Теперь все видится в другом свете...

Аргументы Аллы сыпались как из рога изобилия. Сергей все еще не верил, что сын мог так с ним поступить. Хорошо, пускай он безумно влюбился. Пускай он боялся потерять ее и тайно женился. С учетом характера Аллы и то, как она болезненно все это воспринимала, Сергею поведение сына было понятно. Но почему Ромка не сказал ему потом, когда уже все было позади? Ведь, по словам Аллы, дети в браке уже прожили два года! Сергей бы поддержал сына и Юлю.

Алка бы перебесилась, и все встало бы на свои места. Ради такого он бы даже переехал в Москву, чтобы предотвратить пересуды. Но Роман допустил академический отпуск Юли. Держал втайне от отца брак два года. Такое поведение не говорит об адекватности. Алла как всегда права.

Когда Алла уложила детей спать и вышла из детской, он сказал:

– Хорошо, я помогу тебе. Мы расскажем, как познакомились. Они ведь не знают всей правды. Но мы скажем, что я ничего не знал о Юле, иначе Ромка не поверит.

– Согласна, так будет правдоподобнее. Я скажу, что открылась тебе только после того как выплыла правда об их браке.

– И сделай акцент на том, что ты сказала бы об этом раньше, если бы они не скрывали свои отношения.

Еще несколько часов они обсуждали детали предстоящей поездки и вспоминали мелочи, которым раньше не предавали значения. У обоих был шок. Сергей даже пустил скупую слезу, пока курил на балкончике. Сначала его предала первая жена, теперь их сын. Он оказался таким же изворотливым лгуном, как и его мать. Та лживая сучка отрицала измену даже тогда, когда он поймал ее в постели с любовником. Если завтра все подтвердится, то он вычеркнет Ромку из жизни, как вычеркнул его мать. Такого предательства он не потерпит.

Всю ночь супруги предавались любви. Это было похоже на сумасшествие. Ни Роман, ни Юля никак не могли насытиться. Будто не занимались этим целый год. После встречи с Настей, Юля так разволновалась, что даже бурный и горячий как никогда секс не смог привести ее в чувства. Она уснула только под утро от усталости и слез, но даже во сне вела свой напряженный диалог, то и дело шептала «нет», мотала головой и постанывала. Романа тоже охватило беспокойство. Перед женой он его старался не демонстрировать, но они так хорошо «читали» друг друга, что скрывай не скрывай, все ясно как божий день. Настя привезла плохие новости, это не могло не расстраивать.

За последние три месяца их жизнь круто изменилась. Юля окончила курсы, и через знакомых взялась за бухгалтерию двух малых предприятий. Работала

дома. Курьеры привозили ей документы с торговых точек, Юля вводила в компьютер первичную документацию и сдавала отчеты. В свободное от работы время она занималась домашним хозяйством. А на днях начала уговаривать мужа зачать первенца. Она составила прогноз семейного бюджета и наглядно на цифрах доказала мужу, что сможет обеспечить их двоих и малыша даже находясь в декрете. Роман сначала отнекивался, мол, они молоды и должны пожить для себя. Под натиском жены, которая проявила в этом вопросе невероятное рвение, все же смягчился, уступил, лишь попросил немного подождать получения диплома, до которого оставался месяц. Месяц ничего глобально не менял. Юля не понимала, зачем ему это надо, с неохотой все же согласилась.

Еще час Роман проворочался в постели, глядя на мечущуюся во сне жену, а потом поднялся и пошел на кухню. Сварил себе кофе и начал обдумывать их дальнейшую жизнь. Пришла пора все рассказать родителям. Раз Алла уже знала о том, что Юля взяла академический отпуск, значит уже встала на тропу войны и в ближайшие дни начнет на них охоту. Во всей этой ситуации Роману не нравилась роль его отца. Он непременно встанет на сторону Аллы. Ведь у них семья, уже двое совместных детей, да и скрытность старшего сына добавит аргументов.

Звонок в дверь прервал его рассуждения, и Роман поплелся к двери. Кого это принесла нелегкая в такую рань? Может Лева приехал? Он звонил ему на днях и сообщил, что возвращается к учебе в институте.

В проеме гостиной он увидел прикрытую простыней Юлю. Вид несчастный. Лицо опухшее от слез. На немой вопрос жены он ответил:

– Наверное, Лева, ложись в кровать, тебе нужно выспаться.

– Тебе тоже, – Юля не двинулась с места.

Роман посмотрел в глазок и хмыкнул. Кто-то закрыл его пальцем. Точно Лева! Он всегда так делал, чтобы напустить туману. Сердце екнуло, как же вовремя приехал друг. Лева всегда появлялся в моменты, когда в нем особенно нуждались. Сейчас Роману как никогда нужен его совет.

Открыв дверь, Роман окаменел. На лестничной площадке стояли родители. Видимо его реакцию заметила Юля. Она быстро преодолела коридор, Роман услышал за своей спиной ее сдавленное и испуганное «Ах!».

– Доброе утро! – голос Аллы был нарочито спокоен, но Роман заметил, как ее шея покрылась красными пятнами. Внешнее спокойствие было обманчивым. – Мы можем войти?

Роман отступил в коридор, приглашая родителей в квартиру, и внутренне приготовился к обороне. Юля шмыгнула в спальню, и Роман услышал, как скрипнула дверца шкафа. Он заставил себя собраться духом, при необходимости ему нужно дать отпор.

С тяжелым вздохом Сергей опустился на диван. Алла же с важным видом выхаживала по квартире, подмечая каждую мелочь. Через минуту дверь спальни открылась. Облачившись в спортивный костюм, Юля вышла в гостиную. Она еле передвигала ногами. Роман притянул ее к себе и оба встали напротив дивана.

Разговор начала Алла:

– Не хотите нам рассказать, что тут происходит?

Юля тряслась как осенний лист на ветру. Роман сжал ее еще сильнее, но она начала заваливаться назад и тогда он усадил ее в кресло.

– Думаю, вы знаете, иначе вас бы тут не было.

Взгляд Аллы блуждал по квартире, а потом скользнул по обручальным кольцам супругов.

– Когда вы поженились?

Роман назвал дату. Ответ вызвал вырвавшийся наружу стон отца, и Роман перевел на него обеспокоенный взгляд.

– Мы знали, что вы будете против, – стальным голосом объяснил Роман. – Но теперь мы муж и жена, хотите вы этого или нет. Если вы все еще против, мы понимаем и примем ваше нежелание общаться. В таком случае вы знаете, где выход – провожать не будем.

Алле хотелось расцарапать смазливое лицо пасынка, особенно она ненавидела его огромные сине-голубые глазища, в которые ненароком погружаешься как на дно Марианской впадины. Но ради своей миссии она быстро взяла себя в руки. Юля была на грани обморока, а Алле не хотелось сходу потерять расположение дочери.

– Все не так просто, Ромка, – подал голос отец и потер лицо руками.

Роман нахмурился, ему не понравился предостерегающий тон отца.

– У меня были веские причины удерживать тебя на расстоянии от моей дочери, – Алла села рядом с мужем. – Говорить о них я не могла по многим обстоятельствам, но я тебе не раз запрещала ее любить, а ты кивал и делал вид, что все понял. Несмотря на все обещания, ты продолжал морочить голову сестре. Ты знал, что она тяжело переживала смерть отца. Знал, что ее психика на пределе. Видел, как она реагировала на стресс, и все равно сделал так, чтобы она в тебя влюбилась до беспамятства. Потом было то кошмарное лето, когда мы отправили тебя к бабушке и дедушке. Ты писал ей непристойные письма, где рассказывал о своих гнусных фантазиях. Потом ее попытка самоубийства...

– У нас у всех хорошая память, к чему этот разговор? – огрызнулся Роман.

– Я это говорю своей дочери, чтобы она поняла истинную причину, почему вы не можете быть вместе.

Юля схватила Романа за руку, и он тут же поцеловал ее. Получив поддержку мужа, Юля выпрямилась и устремила тяжелый взгляд на мать.

– Мы никогда не рассказывали вам о том, как познакомились, – Алла перевела взгляд на Сергея. Тот опустил глаза и начал нервно покусывать губы. – Я никак не могла забеременеть. Кто-то их родственников посоветовал нам поехать на курорт, и мы с Виктором отправились в Пицунду. Там отдыхали и вы всей семьей, – Алла мельком взглянула на Романа, – тебе был год с небольшим. Мы познакомились, подружились. Вместе ходили на пляж, ездили на экскурсии. В один из дней мы наняли местного водителя и поехали в заповедник. Водитель-лихач не справился с управлением, машина не вписалась в поворот и перевернулась. Виктор и Ольга попали в больницу, а мы с Сергеем остались с Романом на руках. Ольга с травмой ноги и ключицы, а Виктору пробило легкое, предстояла серьезная операция, – Алла снова перевела взгляд на пасынка. – Сергей не знал, как за тобой ухаживать, как кормить и всю заботу я взяла на себя. Мы по-очереди дежурили в больнице. Горе и совместная опека нас сблизили... и мы...

– Избавьте нас от подробностей, – резко бросил Роман.

– Ни я, ни Сергей не собирались говорить о нашей интрижке супругам. Ольгу выписали первой, мы обменялись адресами, и все ваше семейство укатило назад в Находку. А я еще долго ухаживала за Виктором. Операцию муж перенес

плохо, именно с этого момента у него начались проблемы со здоровьем. О беременности я узнала через три месяца, когда мы вернулись в Москву. До того момента я не обращала внимания на задержку и тошноту, потому как было много стрессов и раздражителей. Муж и все наши родственники были на седьмом небе от счастья. Сергей обо мне не вспоминал, поэтому я оставила все как есть. Юле было пять лет, когда мы снова встретились.

– Ты знал? – спросил Роман отца.

– Нет, – буркнул Сергей. – До вчерашнего дня.

Сергей поднялся, вышел на кухню и открыл окно. Через минуту потянуло сигаретным дымом.

Новость о том, что Юля и Роман могут быть родными по отцу братом и сестрой, была такой ошеломляющей, что оба были потрясены до глубины души. Оба впали в ступор и ни на что не реагировали. Алла долго рассказывала о том, как они с Сергеем еще несколько раз странным образом пересекались, и каждый раз между ними с новой силой вспыхивала страсть. Дети ее не слушали. Каждый был погружен в свои мысли. Юля не понимала, почему мать не сказала ей этого раньше. Ведь можно было бы все это предотвратить и избавить дочь от страданий. А Роман заиклился на мысли, что женился на родной сестре. Он спал с ней и тысячу раз доводил до оргазма. От этой мысли его чуть не стошнило. Его рука выпала из рук Юли и уже в этот момент она почувствовала себя брошенной и отвергнутой.

– Почему ты не сказала? – гневно возмутилась Юля. – Ты ведь могла положить этому конец еще в тот день, когда Роман возвращался от бабушки с бабушкой. Не было бы никакого шрама на руке, больницы и тайной женитьбы.

– Ты очень любила отца. Я не хотела, чтобы эта память чем-то омрачалась.

– Глупости, – осекла ее дочь, – наоборот этим признанием ты бы вырвала меня из его тени.

– Твой отец был небогатый человек, – продолжала упорствовать Алла. – После смерти он оставил нас без гроша. А вот его сестра напротив, унаследовала родительскую квартиру в Москве, а через год после смерти Виктора умер ее муж, и она стала единственной наследницей пятикомнатной квартиры его родителей.

Она обещала там тебя прописать. Я не хотела, чтобы моя дочь была бесприданницей и об отцовстве Сергея молчала.

– Все тот же пресловутый квартирный вопрос. Да? – съехидничал Роман. – А на судьбы людские вам наплевать?

– Если бы вы оба не ввали, то этого бы не было. Вы успокоили нашу бдительность дважды. Делали вид, что расстались, а на самом деле продолжали встречаться, – поймав удивленные взгляды детей, Алла кивнула и подтвердила: – Я знаю о вас все. Вы сами себе вырыли яму. Сами в нее шагнули. Сами сделали себя несчастными.

Алла встала с дивана и подошла к Роману.

– Но клянусь богом, даже если бы Сергей не был вам обоим отцом, я все равно бы вас развела. Посмотри, что ты с ней делаешь? – Алла начала чеканить каждое слово: – Она растворилась в тебе. Ее нет. Я так понимаю, она не только бросила институт, но еще и работает дома, – Алла показала в сторону компьютера и разложенных документов, а потом начала тыкать в книжные обложки на полках. – Она думает о том, как тебя ублажить, как заработать деньги на твое пропитание, как создать уютную атмосферу в доме. А о себе она не думает. Бросила учебу. Вместо высшего образования получила волчью корочку каких-то вшивых курсов. Вся высохла, черные круги под глазами. Не спит ночами. Говорят, весь подъезд слышит, сколько раз у вас бывает за ночь. Днями просиживает за компьютером. Когда она в последний раз выходила из дома? И дай угадаю: тебя это более чем устраивает. Ты хорошо устроился.

– Собирайтесь, – скомандовал Сергей, выходя из кухни. Этот разговор ему уже не нравился. – Поедем в медицинский центр.

– Зачем? – встрепенулась Юля.

Ей показалось, что он прочитал ее мысли. А подумала Юля о ребенке. Вдруг она сейчас беременна! Ведь по медицинским причинам она сняла спираль, и им с Романом пришлось предохраняться другим, менее безопасным способом, который их не раз уже подводил. А вдруг у них родится больной ребенок? Юля схватилась за живот.

– Нужно сделать генетическую экспертизу, – пояснил Сергей и первым вышел из квартиры.

Роман шел в спальню как зомби. Он был так опустошен, что сейчас походил на сожженное обугленное дерево. Никаких эмоций. Никаких чувств. Когда он переоделся и открыл дверь спальни, в гостиной уже никого не было. Его взгляд скользнул по свадебному портрету на стене, на котором они с Юлей были такими счастливыми и его окатил ледяной холод. Он упал на колени и начал выть как белуга во весь голос. Сейчас он ненавидел весь мир.

Это конец! Что-то подсказывало ему, что анализ подтвердит слова Аллы. Это бы вполне логично объяснило его тягу к Юле. Он мог уже в первую встречу почувствовать к ней родственную связь, но так как не было никаких связующих их нитей, его чувства приняли привычную для него форму – любовь и страсть.

Успокоившись, Роман умылся, вышел из дома и увидел родственников в машине. До медицинского центра ехали в полном молчании. Юля несколько раз пыталась возобновить их привычный телесный контакт, но он отстранялся, а в итоге отвернулся и уставился в окно, всем своим видом показывая, что он не намерен вести себя как раньше.

Юля и так была шокирована происходящим, а тут еще его реакция. Для себя же она решила, что ничего в их отношениях не изменится. Ну, брат... и что? Уже поздно что-то менять. Да, у них не будет детей. Возможно, им придется поменять место жительства, уехать туда, где их никто не знает. Но почему Роман так не считает, вот в чем вопрос. Значит, он не любит ее так же как она его?

Их привезли в генетическую лабораторию, где на них смотрели с таким потрясением и сожалением, что супруги поняли, Алла уже и здесь успела растрепать об их ситуации. Они сидели рядом, когда две медсестры брали у них кровь на тест. Когда Юле воткнули иглу в вену, она вдруг физически почувствовала, как какая-то ее часть начала умирать. Стало страшно, закололо сердце. А потом она убежала в женский туалет, и полчаса плакала сидя на унитазе в закрытой кабинке. Никто не пришел ее утешить. Ни мать, ни Роман.

Родители сказали, что результаты теста будут готов через две недели. Что эти дни она проживет дома, а Роман вернется в съемную квартиру. Вот тут Юля

подняла глаза на мать и заговорила с такой злобой в голосе, что испугала всех, кто был в вестибюле медицинского центра.

– Отныне ты для меня не существуешь. Больше ты мне не мать, а я тебе не дочь. Не обращай ко мне. Не звони и не приезжай. Если ты меня не послушаешь, я буду вынуждена все бросить и уехать в другой город. Ты променяла мое счастье на прописку в квартире. Я тебя ненавижу. Ты самая отвратительная мать в мире. Ты самое мерзкое существо, которое попадалось мне в жизни. Похотливое, блудливое, грязное и меркантильное существо. Отец тебе доверял, а ты ему изменяла. Так вот знай, – Юля указала пальцем в сторону Сергея, – что никогда твой кобель, даже если он мне окажется биологическим отцом не будет меня называть дочерью. Никогда я не буду называть или считать его отцом. Мой отец умер, и я знаю, где его могила.

С этими словами она развернулась и быстро зашагала к выходу, но когда поняла, что Роман ее не догоняет, повернулась и посмотрела на него в упор.

– Ты со мной?

Он что-то сказал отцу и, спотыкаясь на ровном месте, двинулся за Юлей. Голова кружилась. Его мутило. Как только они вышли из здания, он бросился за угол и его вырвало. В этот момент Юля осознала, что Роман всегда был и будет слабее ее духом. Это открытие подкосило ее напрочь. Неужели самые страшные и сложные дни в своей жизни она вынуждена будет всегда переживать самостоятельно в одиночку?

Две недели прошли как в тумане. Было столько всего сказано и в сердцах выговорено, что от всех этих разговоров у обоих гудела голова. Последняя неделя стала настоящим адом. Роман не выдержал психологического напряжения и без всяких объяснений исчез. Позже она узнает, что он жил все это время у Левы, но в те дни она с ума сходила от неведения, и не знала в какое еще государственное учреждение ей позвонить. Она обзвонила все больницы, милицию и даже морги, но все тщетно.

Первые дни после приезда родителей он спал на диване. Потом вообще перестал спать. Держался на кофе и жаловался на частое сердцебиение. Он, то

впадал в истерику, бегая по квартире с криками о несправедливости судьбы, то падал перед ней на колени и начинал плакать. Юля его утешала, говорила о том, как она видит эту ситуацию, но Роман качал головой, отвергая такое развитие событий. Для него все было однозначно: если выяснится, что Юля его сестра по отцу, он подаст заявление на развод и съедет на другую квартиру. Слышать это было больно, но Юля все еще надеялась, что сможет его переубедить.

Сначала он перестал ее целовать, потом обнимать, а к концу недели и дотрагиваться. О том, что он не сомневается в их родстве, говорило и то, что через неделю диван был забит газетами с обведенными кружками объявлений о сдаче в аренду квартир. А сам Роман висел на телефоне, согласовывая сумму аренды и условия проживания. Юля не понимала, как он находит в себе силы и желание планировать свое будущее без нее. Она, например, даже пошевелиться не могла. Вставала только в туалет и иногда добредала до холодильника в поиске чего-то съестного.

Когда он исчез, она совсем перестала подниматься с кровати. И даже пропустила тот самый день, когда должны были прийти результаты анализов. Этот день она тоже запомнила на всю жизнь. Точнее именно этот день, а не тот, когда их посетили родители, она считала самым черным днем своей жизни.

Ближе к обеду входная дверь открылась, и Юля подняла голову.

– Роша? – слабым голосом спросила она.

В ответ тишина. Юля привстала на локтях и прислушалась. Чьи-то крадущиеся шаги. От страха у нее заколотилось сердце, она не сводила взгляда от дверного проема. В комнату заглянула Настя.

– Тьфу на тебя! – обозлено выпалила Юля и упала на подушку.

Прикрыв рот рукой, подруга стремительно пересекла спальню и открыла настежь окно.

– Ты когда в последний раз была в душе? – осведомилась Настя и оглядела страдалицу оценивающим взглядом.

– Не помню, – буркнула Юля. – Как ты вошла?

– Роман дал ключи. Иди в душ. Приводи себя в порядок, и пойдем в кафе. Вам нужно поговорить.

– Роман в кафе? Почему он не пришел сюда?

– Потому что знал, в каком ты тут состоянии, – Настя ткнула в нее пальцем, – и ему больно на это смотреть.

Юля кивнула и медленно поднялась с постели. Сегодня она уже ничего не чувствовала, ни боли, ни горечи, ни злости. Принимая душ, она обдумывала каждое слово для разговора с мужем. Они должны быть вместе и точка. Юля не примет отказа. Она будет с ним жесткой и настойчивой. Она не даст ему развода. Как бы она хотела быть сейчас беременной, тогда бы уж их точно не развела судьба. Но, увы, неделю назад пошли месячные. Юля вздрогнула и замерла от пронзившей ее догадки. Так вот почему Роман ушел неделю назад. Он дождался ее месячных.

Юля высушила волосы. Подкрасилась. Надела свое самое красивое платье и вышла в гостиную.

– А у вас тут милое гнездышко, – сказала Настя и, повернувшись к подруге, улыбнулась. – Ну вот, совсем другое дело.

Подходя к кафе, Юля так разволновалась, что у нее подкашивались ноги, и зуб на зуб не попадал.

– Где он? – задала она в лоб вопрос подруге, пока та посылала кому-то по телефону сообщение.

– Давай закажем чего-нибудь съедобного, а то с утра во рту не было ни крошки, – Настя открыла меню, потом подняла глаза на подругу и добавила: – Они придут... я уже написала, что мы в кафе.

Юля кивнула, она все еще не чувствовала подвоха. Когда они поели и принялись за чай, Настя возобновила разговор.

– Почему ты не сказала, что бросила институт?

– Потому что я не бросила.

– Ты намекала Роману, что хочешь детей, вот я и подумала, что ты не собираешься возвращаться в институт.

Юля опешила. Когда это Роман успел ей рассказать об их интимных разговорах? Она так разозлилась, что не смогла сдержаться, желчь засочилась в ее ответах.

– Наши с мужем разговоры никого не касаются. Прости Настя, даже тебя. Как ты вообще встретила с ним и где?

– Юля, ты должна жить дальше. Отпусти его. Он этого хочет. Сегодня он подал на развод. Ему больно, он все еще тебя любит, но ситуация такова...

– Что ты несешь? – Юлю распирало от гнева.

Настя нахмурилась и Юлю осенило.

– Пришли результаты теста.

– Да, еще вчера. Ты не знала?

Юля покачала головой. Вчера на ее мобильный телефон звонила только мать, но Юля ее игнорировала. Слезы покатались по щекам.

– Юлька, мне так жаль, – Настя тоже заплакала. – Это так несправедливо.

Юля извинилась и пошла в туалет. Там она выплакала солидную порцию слез, а ведь думала, что накануне покончила с этим делом. Она тяжело вздохнула и умылась холодной водой. Затем вышла из туалета и от увиденного через окно застыла как парализованная. На обочине соседней улицы была припаркована машина Кирилла, и они с Романом грузили в нее вещи. Значит все это время, пока Настя ее отвлекала, Роман занимался переездом. Теперь ей вспомнилось, что Настя вдруг сама предложила закрыть дверь. Юле даже показалось, что ключ не сделал ни одного оборота.

«Каков стратег! – с сожалением и печальным восторгом подумала Юля. – Все продумал и организовал. Дал Насте ключи. Та в очередной раз сыграла как по нотам и вывела меня из квартиры. Оставила дверь открытой».

В этот момент в Юле что-то оборвалось. Она была еще неопытной, не знала, как правильно реагировать на предательство. Как держать себя, не показывая боли и сожаления. Действовала так, как подсказывала ей интуиция. Что будет, если она сейчас выскочит и закатит ему истерику? Будет кричать и пытаться вернуть его. Роман уже сотни раз сказал ей, как поступит, если окажется что у них один отец, зачем сейчас все усложнять? Ведь они видятся в последний раз. Именно такой он ее запомнит.

– Где он? – спросила Юля, вернувшись к столику.

Судя по всему, сегодня она потеряет не только мужа, но и близкую подругу. Третьего предательства от Насти Юля не потерпит.

Настя получила сообщение, потянулась к телефону и, нахмурившись, уткнулась в экран. Затем тяжело вздохнула и подняла глаза на Юлю.

– Кирилл написал, что Роман не в силах прийти.

Юля вопросительно подняла брови.

– Он хотел, честное слово, но так растрогался, что сидит в машине и плачет. Прости его Юля, ты же знаешь, что касается тебя, он слишком эмоционален.

– Знаю, – холодно ответила Юля и съехидничала: – Видимо его растрогал семейный портрет в гостиной.

Настя кинула на нее настороженный взгляд, но Юля не стала говорить, что видела Романа.

– Да, Настя, я догадалась, что в тот момент, пока ты хитростью выманила меня из квартиры, он как последний трус, забрал свои вещи.

– Юлька, ты же знаешь, он не такой, зачем же ты...

– Заткнись и слушай меня внимательно, – не дала ей договорить Юля. – Я простила тебя за гостиницу «Космос», но за то, что ты сделала сегодня, я тебя никогда не прощу. Я и в прошлый раз задалась вопросом, а чьи вы, ребята, друзья? Сегодня вы оба мне явно показали чьи. А раз мы с Романом расстаемся, то вы как часть его «имущества» переходите к нему.

Настя хотела что-то сказать, но Юля выставила руку вперед и продолжила:

– Не думай, что это злость или стресс и тем более плохое настроение. Я долго обдумываю, но говорю один раз. Ты мне больше не подруга, – Юля протянула руку ладонью вверх и потребовала: – Ключи!

– Но это ключи Романа, – попыталась возразить ей Настя.

– Теперь он там не живет.

– Юля он наберется храбрости и придет. Дай ему время.

– Зачем? Он ведь, даже не посоветовавшись со мной, подал на развод. Ему время не нужно. Он все решил. Я ему не нужна даже в качестве сестры. Он это сегодня четко дал мне понять. Сегодня он предал меня. Во второй раз предал. Третьего шанса я ему не дам, ни сейчас, ни через год... никогда...

Юля встала и уже хотела уйти, но повернулась и с горечью призналась:

– Знаешь, Настя, моя мать оказалась права. Она сказала, что я полностью растворилась в нем. Что я как личность исчезла. Так и есть. Я поставила его интересы выше своих. Мечтала об его успехах. Думала, как нас прокормить. Даже

готова была работать во время беременности и декрета. Теперь же я знаю, какой я должна быть, чтобы со мной считались. Чтобы меня воспринимали не только как объект для сексуальных утех, но и уважали как человека.

С этими словами Юля вышла из кафе, но пошла не коротким путем, как от нее ожидали, а через соседнюю улицу, на которой был припаркован автомобиль Кирилла. Она вышагивала по пустынному тротуару твердой походкой с гордо поднятой головой. Ее невозможно было не заметить. Яркая, стройная, с шикарными длинными волнистыми волосами цвета ржавчины.

С Романом она не собиралась разговаривать, лишь подарила себе и ему один единственный прощальный взгляд. Это был короткий миг, но за это ничтожно малое время на его лице отразились сначала удивление, потом страх, а когда он понял, что она собирается пройти мимо, ужас.

– Юлька! – кричала Настя ей вслед. – Да постой же! С кем ты останешься? Ты отвергла мать, теперь меня!

Юле вдруг стало весело, конечно же, это было нервной реакцией.

– У меня есть я! – выпалила она через плечо. – Я себя никогда не предам!

– Сильные люди всегда остаются в одиночестве...

– Зато об них никто ноги не вытирает!

– Юльча! Ты сейчас сама на себя не похожа! Завтра ты пожалеешь об этом, но будет поздно! Юля!

Но Юля не ответила, лишь жестом руки дала понять, что разговор закончен. Мысленно она уже порвала с прошлым. Эти люди больше ее не предадут. Она не предоставит им такой возможности. Теперь она будет сильная и, если надо, жестокая. Больше она никогда и никого так близко к себе не подпустит. Не поставит чужие интересы выше своих и никогда не забудет, что ее жизнь так же важна, как и того кого она полюбит. За время перепалки с Настей Роман так и не вышел из машины, и это Юлю подкосило сильнее, чем многолетнее вранье матери. Ей так хотелось услышать от него хоть слово... даже если это будет «Прощай»!

Конец первой части

Часть вторая

Я твое безумие

Глава первая «Жить по-новому»

«Наша любовь не умирает. Нет. Она будет жить в нас еще долго. И мы благодарны ей за все, что она нам дала: крепкие объятия, бессонные ночи, прогулки по темным улочкам, жаркие поцелуи, предвкушение встречи и томление от разлуки. Все это у нас было. И за все это мы ее благодарим».

Наши дни

Юля шагнула в просторный холл, расстегнула ремешки на босоножках и отбросила обувь в сторону. В квартире прислуга уже навела порядок. Нет ни битых стекол, ни пятен крови. Разбитую мебель вынесли, после чего квартира стала просторнее и светлее. Но вот до люстры видимо так и не добрались. Заметив брызги крови на плафонах, Юля сжала челюсть и двинулась к лестнице.

Голосовой командой она включила сборник любимых песен итальянской певицы Мины, по которой сходила с ума последние три месяца. Первой в альбоме была «E Poi», песня под которую вчера она танцевала с Рошей. Грустная мелодия и чарующий голос певицы поющей о бессмысленности возвращения былой любви наполнили всю квартиру. Отступившая было тоска, снова затопила сердце. Грудь распирало от боли. Поднимаясь на второй этаж, она на ходу скидывала с себя, словно тиски сдавливающую одежду.

Юля вошла в ванную комнату, дверь не стала закрывать, ей хотелось видеть дорожку из вещей, которую она оставила от первых ступеней лестницы до мозаичного пола душевой кабины. Сейчас брошенная одежда казалось ей нитью Ариадны, которая указывала путь Тесею из лабиринта. Она мысленно представила, как вслед за ней по лестнице поднимается Роша. Юля встала под «тропический душ», закрыла глаза и застонала от наслаждения. Прохладная вода в жаркий летний вечер, как эликсир от хандры. Сейчас ее Тесей блуждает в лабиринте сознания и никак не может выбраться из сырого и темного подземелья. Пока его нет, ей остаются только фантазии. А в ее фантазиях любимый уже награждал ее долгожданными ласками, а когда она форсировала события, то настойчиво давал понять, что это всего лишь прелюдия к бессонной ночи и нельзя быть такой нетерпеливой.

Ее руки скользили по телу, медленно намыливая кожу гелем для душа. Но надолго удержать фантазию не удалось, в памяти замелькали сцены из гостевой спальни. На лице отразились все эмоции: недоумение, боль, страх и горечь.

– Хм... кажется... я вовремя...

Юля вздрогнула и распахнула глаза. Вместо Тесея по оставленным следам к ней пришел Минотавр. Ярик стоял перед душевой и снимал футболку. Спущенные на бедрах джинсы обнажали широкую полосу от боксеров. Загорелая кожа лоснилась от пота. Юля прикусила нижнюю губу и застонала от его сексуального вида. Уголки его губ дернулись, он прекрасно помнил их последний разговор на террасе о ее повышенном либидо из-за беременности.

– Двигайся, Паприка, – Ярик уже сбрасывал с себя оставшуюся одежду, – пора нам поговорить.

Глаза его пылали гневом, вид был устрашающим, но восставшая плоть и урчание, что он начал издавать, глядя на ее обнаженное тело, говорили о том, что он не собирался причинять ей боль, скорее наоборот...

– Паприка? Я еще не привыкла к Тигруле. Но Паприка мне нравится больше, – Юля подвинулась и пропустила его в просторную душевую, облицованную мраморной мозаикой бежевого оттенка. – Это же приправа из перца. А я та еще Перчинка.

Ярик нахмурился и прижал ее к себе. Вода мягким потоком обдавала их тела. Она тут же обвила руки вокруг его мускулистой шеи. От Ярика исходил все еще сильный запах алкоголя.

– Перчинка? Хм... нет... ты – Паприка, сладкая с привкусом горечи.

Их глаза были почти на одном уровне. Юля рассматривала его травмы, полученные во время боксерской карьеры: шрамы на скулах от бесконечных рассечений и поломанные уши, подвергающиеся, по его словам, во время боев постоянной бомбежке.

– Ты вся горишь, – Ярик прижался щекой к ее щеке и понизил голос на октаву, – поговори со мной, Паприка. Не убегай в свое убежище. А то я завтра же выкину все шкафы из твоей квартиры и офиса.

Его сильные руки властно и немного грубо ощупывали ее тело. Он закинул ногу Юли себе на бедро и сжал ее упругие ягодицы. Влажный горячий язык

ворвался в ее рот и по-хозяйски начал исследовать небо и зубы. Юля обмякла и тяжело задышала.

– Что ты хочешь услышать? Как мне жаль? – спросила она, когда он оторвался от нее и заглянул в глаза.

– Если тебе действительно жаль... но тебе ведь не жаль... – он больно укусил мочку ее уха и прохрипел: – Детка, не молчи...

– Я бы предпочла, – выдавила из себя Юля и закашлялась, ее душил подкативший к горлу ком, – чтобы вчерашнего дня не было. И того, что был неделю назад тоже...

Юля намекала на первую встречу-сюрприз с братом, которую им устроили Ярик и Снежана.

– Прости, не знал, что лезу в ящик со скорпионами. Ты мне намекала, но я ведь туго соображаю, мозги все на ринге выбили.

Юля его тут же укорила.

– Не наговаривай на себя.

Серо-голубые глаза внимательно изучали ее лицо. Он потер подбородок. Бинтовые повязки на его руках намокли, сквозь них проступили розовые пятна сукровицы, напоминая о вчерашнем побоище, и Юля невольно отшатнулась. Больные колени после вчерашней схватки тоже давали о себе знать. Ярик сел на деревянную скамью в углу душевой и жестом показал ей сесть перед ним на пол.

– Это я отменил ваш с Авой ужин. Не хотел, чтобы он узнал то, что по праву первым должен узнать я. Нам не нужны посредники, Паприка. Перестань шушукаться с моим братом. Отныне только дела.

Юля кивнула. Ярик впервые проявил ревность к брату, а Юле не хотелось усугублять и без того тяжелую ситуацию.

– Расскажи мне все про этого Рошу, – Ярик скривился, будто произнес название паразита. – Как ты с ним снюхалась? Вы же брат и сестра. Этот красавец-ловелас тебя соблазнил? Сколько тебе было тогда лет?

Юля замотала головой, решительно отрицая его домыслы.

– Ничего такого Яся. Наши родители сошлись, когда мне было тринадцать, а ему пятнадцать. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Считалось, что мы сводные брат и сестра. Никакого родства. Мать была изначально против нашей

любви. Всегда вклинивалась между нами. Мы не понимали почему. Скрывались, прятались, лгали. Лишь бы быть вместе. Когда я поступила в институт, мы сняли квартиру и в первую же нашу ночь он сделал мне предложение. Мы поженились, – Ярик отпрянул и от изумления подергал вверх-вниз бровями. – Да-да... мы были мужем и женой. Любили друг друга до сумасшествия. Мы прожили почти два года, когда узнали родители, и мать призналась, что у нас с Рошей один отец. Мы сделали генетическую экспертизу. Тест подтвердил родство. На нас и раньше косо смотрели, хотя мы были всего лишь сводными. А уж когда всплыла суровая правда... короче, Роша подал на развод и съехал с квартиры. Для него кровные отношения – табу. Мне же было на все наплевать. Я хотела только его. По негласному соглашению мы не виделись. Понимали, что наша встреча до добра не доведет.

Ярик задвигал челюстью, рассказ Юли его заметно охладил.

– Значит, мамаша вас подставила, – сделал вывод Ярик и потер подбородок. – Ладно, с этим разобрались. Переходим ко вчерашнему, – в его глазах снова заплескался гнев. – Скажи мне, что я увидел, а то я собственным глазам до сих пор отказываюсь верить.

Юля шумно сглотнула. По щекам потекли слезы.

– Никаких слез, – приказал Ярик. – Говори коротко и четко, без всяких сантиментов. Факты!

Тяжело вздохнув, Юля подняла на него вымученный взгляд.

– Я помогу, – смягчился Ярик. – Начни со спальни. Как вы там оказались? Мы танцевали. Мне позвонили. Я ушел на террасу. Вернулся – вас нет.

– Роша потащил меня наверх. Сказал нам нужно поговорить.

– Подожди, – тут же осек ее Ярик. – Не могу понять. Если ты знала, какое он оказывает на тебя влияние, зачем пошла с ним наверх?

– Никакого подвоха я не почувствовала. Тон был ровный, даже немного безразличный.

– Ладно. Зашли в спальню, что дальше? – Ярик сомкнул челюсть и заерзал.

– А дальше он заговорил о том, что не было и дня, чтобы он не корил себя за совершенную ошибку. Сказал, что все еще любит меня. Попросил отдать тебе

кольцо и отказать в помолвке. Я сказала, что беременна и ему сорвало башню. Просто на глазах. Бах! И стал другим... Повалил меня на кровать.

Ярик побагровел. Сжал кулаки.

– Начал нашептывать то, что обычно говорил мне, когда мы занимались любовью. Я вдруг исчезла. Растворилась. Будто мне снова двадцать и мы живем в той самой съемной квартире. Я так часто вспоминала о наших ночах... а тут он во плоти... передо мной. Я приняла его ласки и немедленно отозвалась на них. Не помню, что конкретно было, но мы ничего не успели...

– Успели бы... если б я не выбил дверь.

Юля виновато опустила глаза.

– Ты его все еще любишь? – прохрипел Ярик и уставился на невесту.

Она кивнула.

– Люблю.

Ярик громко втянул воздух в легкие, голова дернулась назад, будто он пропустил апперкот. Закрыв глаза и на минуту замер. Юля слышала, как скрепят его зубы и вся напряглась. В гневе Ярик был способен на все.

– Люблю. Только что это меняет? – как можно спокойнее пояснила Юля.

– Как это что? – не понял он и впялил в нее изучающий взгляд. – Он любит тебя, ты – его. Судя по тому, что я вчера видел, страсть у вас бешенная.

– Мы все еще брат и сестра.

– Да кого это теперь волнует? Когда такие страсти, тут уж извините – все подвиньтесь!

– Волнует... его сына... жену... наших родителей. Нам уже не по двадцать. Это тогда я могла сказать: «Уедем в другой город, где нас никто не знает, и начнем жизнь сначала». Нам нечего было терять. Сейчас я управляющая банком, а он совладелец многомиллионного бизнеса. Его жена довольно алчная особа. Она не даст ему развод.

– Если он тебя любит, бросит все на хрен. Отдаст львиную долю бабла жене и свалит с тобой в другую страну. Точка! С твоими мозгами, связями и возможностями бедствовать вам недолго.

Ярик встал и одним рывком посадил Юлю на скамейку, а сам принялся намыливать мочалку. Растер тело до красна и встал под душ. Когда он выбрался из душевой и стал вытирать себя полотенцем, Юля тихо произнесла:

– Яся я никогда его не прощу.

– Что? – переспросил Ярик. – Не слышу. Чего ты там бормочешь?

– Он предал меня, – уже громче произнесла Юля. – Бросил одну, без объяснений. Подал на развод.

– Ляля! – сорвался на крик Ярик. – Дело не в этом! Закрой глаза на его смазливую рожу, – он с издевкой хохотнул, – после того как я над ним поработал, мордаха уже не будет такой соблазнительной. Оцени его объективно как мужика. Он чуть что, сразу нюни распускает. Я видел его всего два раза и оба раза он плакал.

– Это из-за меня. Он всегда плачет, если я рядом и отношения близки к разрыву. А тут такой стресс.

– И тебя это устраивает? Ей богу никогда баб не понимал. Да ты мужественнее его в десятки раз. Я видел запись, как ты на соревнованиях ногу сломала! Ты слезинки не проронила!

Ярик тут же вспомнил фразу, которая вырвалась у него, когда он досмотрел видео: «Моя девочка!». Он гордился ею. Какая выносливость и самообладание, именно такая женщина ему и нужна.

Юля не стала отвечать. Период, о котором говорил Ярик, был непростым. Тогда из нее текли ручьем горечь и отчаяние. Новость о женитьбе Романа застала ее на соревнованиях в Токио. Она выместила всю злость на противницах. Тренер кричал на нее, пытался привести в чувства, Юля кивала, но как только вставала на татами взрывалась от ярости и шла в атаку с фатальностью смертника. Когда она сломала ногу о челюсть противницы из Бразилии, то просто жестом подозвала тренера и попросила позвать врача. Позже это видео облетит весь мир и ее назовут «Русской Амазонкой». Она помнила глаза Левы. Он безумно ею гордился, ведь в тот день она с блеском применила все техники, которым он ее обучил.

Юля встала под душ и намылила голову. Пока Ярик брился, она сушила волосы феном. Со стороны обычный разговор семейной пары, но Юля чувствовала, что он все это затеял неспроста.

– Не знаю, что будет у вас с ним, по мне так пусть он сдохнет не приходя в сознание.

Юля кинула на него настороженный взгляд. Ее опасения только что подтвердились. Нужно вытаскивать Рошу из больницы и срочно перевозить в более безопасное место.

– А что ты от меня хотела услышать? Что мне искренне его жаль? Нет, Паприка. Мне не жаль. Он покусился на мою собственность. Я такого не прощаю.

Ярик забрал из рук Юли фен отбросил его на полотенце. Затем повернулся к ней и помог надеть халат, будто она инвалид и нуждается в его помощи.

– Вчера я жалел только об одном, что не прикончил его.

Юля тяжело выдохнула и подняла на него глаза. Сейчас он скажет то, ради чего приехал на два часа раньше оговоренного времени.

– Давай поговорим о нас, Паприка. Ты не можешь быть со мной, пока любишь другого.

– Что? – удивленно уставилась на него Юля. – С каких это пор ты веришь в любовь? Ты сам запретил мне говорить о любви... Как ты выразился? – Юля понизила голос и изобразила его манеру речи: «Тигруля, никакой блабуды про романтику».

– Я имел в виду, чтобы ты не ждала от меня серенад.

– А от меня значит, ты их ждешь?

– Тебе не надо было ничего говорить, мне было достаточно видеть это в твоих глазах.

– Тогда что изменилось?

– Все! – закричал Ярик ей в лицо. Юля вздрогнула и попятилась, но Ярик сжал ее плечи и сверлил пристальным взглядом. – Теперь я знаю, *как* ты можешь любить! То что ты чувствуешь ко мне, это жалкая тень того что ты чувствуешь к нему! Я не буду пожизненно вторым! Если мы останемся вместе, я каждый день буду думать, не встретила ли ты своего братца и не бросилась ли снова в его объятия. Ты этого хочешь?

– Какое лицемерие! – воскликнула Юля и скривилась в ухмылке. – Ярик, пока мы говорим с тобой здесь, в моей квартире... – Юля тяжело выдохнула и постаралась успокоиться, – ...у тебя дома живет очередная вышколенная секс-

рабыня. И ты смеешь мне говорить о любви и верности? Скажи, если бы не Роша, как бы сложилась наша с тобой семейная жизнь?

Юля подбоченилась и с вызовом уставилась на младшего Дорофеева. Ярик молчал. Лицо покраснелось. Ноздри раздувались как меха в кузнице.

– Наши отношения длятся три месяца, сколько из девяноста дней ты был мне верен? Три недели на Кубе?

– Я не давал тебе никаких обещаний. Мало того, я предупредил тебя заранее, что будут другие и объяснил почему. Это не прихоть, а необходимость. Ты знала, на что шла. Я был с тобой предельно честен. Это ты скрыла от меня, кто на самом деле был тот загадочный Роша, которого ты любила до беспамятства.

– Давай-ка проясним все, Ярик. Потому как мы оба понимаем происходящее совершенно по-разному. Я согласилась на сексуальные отношения на время моего отпуска. На измену в браке я никогда не дам согласия. Как впрочем, – Юля понимала, что играла с огнем, но она не смогла сдержать обиду за его публичный проступок с кольцом, – и на сам брак.

Челюсть Ярика заходила ходуном.

– Вчера ты спросил, выйду ли я за тебя. Тут вошла моя подруга, увидела тебя передо мной на коленях и заверещала как резанная. Ты, не дождавшись моего ответа, с силой ввинтил кольцо в мой палец и пошел принимать поздравления.

– Предлагаю эту часть разговора перенести на завтра.

– Не вижу смысла, – Юля сняла кольцо с помолвки и положила на мраморную столешницу.

– Что ты делаешь? – Ярик насупился и подбоченился.

– Отдаю тебе кольцо. Ты только что сказал, что мы не можем быть вместе, потому что я люблю другого.

– Я сказал, что мы не можем быть вместе по-настоящему. Как предполагалось мною до твоего фокуса-покуса с братцем. Поэтому у нас будет что-то другое... на что мы оба согласимся ради ребенка.

– Неа, – Юля замотала головой, – такого не будет. Я уже наигралась в эти игры до посинения. С меня хватит. Либо все, либо ничего, Ярик. И не лги самому себе. Ты не сможешь прожить и месяца без своих утех.

Юля придвинула к нему кольцо. Ярик преградил ей путь, встал в дверном проеме и сложил руки на груди.

– Ты носишь моего ребенка, Ляля. Теперь мы связаны, хочешь ты этого или нет. И я намерен добиться того, чтобы мы оба воспитывали нашего ребенка в браке. Но спать мы будем в разных спальнях, и я там точно буду не один.

Вот это да! Юля опешила.

– А когда я пойму, что в твоей жизни нет этого долбанутого Роши, а ты все еще будешь питать ко мне интерес, возможно, мы пересмотрим наши отношения.

– Дакота тоже получила от тебя такое предложение? Она на каком уже месяце? На седьмом? – каждый вопрос Юли хлестал как пощечина и Ярик снова рассвирепел. – Ты уверен, что она никого кроме тебя не любит? Я слышала о парочке ее бурных романах. Ты поселишь нас в один дом или в соседних коттеджах для удобства? Зашел к одной, затем к другой, а потом к секс-рабыни.

– Я никогда не женюсь на певичке и танцовщице, – выдавил из себя Ярик. – Переговоры об отцовстве я буду с ней вести только в присутствии адвоката и при наличии результата генетической экспертизы.

Юле не нравилось, куда завел их разговор. Говорить о его любовных похождениях и ребенке, который вот-вот родится, ей не хотелось. Она устало вздохнула и метнула на него разочарованный взгляд.

– Яся, ты не мечта моей жизни, не потому что я влюблена в Рошу, а потому что ты не вписываешься в систему моих семейных ценностей. Я могу прожить без Роши. Десять лет жила. Меня не страшит брак сам по себе, не страшат обязательства. Я слишком серьезно отношусь к брачным клятвам и если произнесу их, то это будет раз и навсегда. Меня страшит то, во что ты можешь превратить мою и жизнь нашего ребенка. Твои болезни будут прогрессировать. Когда тебя беспокоят старые травмы, ты впадаешь в бешенство. Лечиться ты не хочешь. Признавать свои сексуальные утехы извращениями и обратиться за помощью ты тоже не хочешь. Поэтому ни я, ни ребенок не будем с тобой в безопасности. То, что пока никто из твоих «кукол» не пострадал – чудо. Но ты ходишь по лезвию ножа. Хочешь стать отцом? Отлично. Давай сядем и поговорим. Как взрослые люди.

Юля нырнула под его рукой, спустилась по лестнице на первый этаж и прошла к холодильнику. Выпила питьевой йогурт и заварила травяной чай. Услышав его шаги, она спросила:

– Яся, ты будешь со мной чай или тебе сварить кофе?

Не успела Юля оглянуться, как он схватил ее за волосы, намотал на кулак и с силой дернул. Юля скривилась от боли.

– Любимая, – он дернул еще сильнее, затем еще. Зубы стиснуты. Взгляд холодный как лед, – ты оставила кольцо в ванной, так ведь, и потерять можно, – он протянул ей кольцо. – Еще раз заговоришь со мной таким тоном и огребешь по полной. Поняла?

Долго не раздумывая, Юля вывернула ему руку, сделала бросок через бедро и нанесла сверху удар ногой по корпусу. Ярик только успел издать нечленораздельный звук и лежа на полу матюгнулся.

– Как ты?

Сам факт, что его как тренировочный манекен киданула баба вызвал у Ярика приступ гомерического хохота.

– Все паучком. Что это было? – все еще хохотал Ярик.

– Каратэ, любимый, – нарочито любезно заявила Юля и подбоченилась.

Ярик успокоился и застонал.

– Помоги встать.

– И не подумаю, Яся. Ты этим воспользуешься, – Юля на всякий случай отошла от него на другую сторону кухонного острова и налила чай в большую кружку. – Не хотелось начинать серьезный разговор с угроз и насилия, но, кажется, ты определенно не понимаешь, с кем имеешь дело.

Юля была далека от истины. Ярик прекрасно понимал, кто перед ним, именно поэтому сдерживался. Если хоть на миг он потеряет над собой контроль, то их перепалка дойдет до рукопашной и тут, конечно, ей перед ним не устоять и каратэ ей не поможет.

– Проясни ситуацию, Лялечка, – прокряхтел Ярик и поднялся на ноги.

Чем злее он был, тем ласковее выдавал обращения. Юлькой она была в момент наивысшего сексуального возбуждения, а Лялей становилась, когда вызывала в нем раздражение и ассоциировалась с отцом. Ярик был убежден, что

отец хочет их брака, и беременность теперь только подтолкнет всех к этому решению. Юля слишком ценный актив, старший Дорофеев ни за что его не лишится. А брак окончательно привяжет ее к семье. Но именно этого Ярик и не хотел. С другой стороны, сам он тоже не собирался ее отпускать. Так что ситуация ему казалась тупиковой.

– Брак с тобой Яся мне не нужен. Набивай себе цену с такими как Дакота. У меня есть положение в обществе. Есть деньги. В нашей ли спальне или в офисе я могу за себя постоять. Угрозами ты со мной ничего не решишь, только потеряешь мое доверие. А как видишь на примере Роши, люди, предавшие мое доверие, второй шанс не получают. Мне было с тобой хорошо, но на этом все. Теперь каждый вернется в прежнюю жизнь. Когда родится ребенок, мы сделаем все, как ты любишь: сядем с адвокатами, генетическими экспертизами... а хочешь папу приводи, – уколола она его. – Каждый выскажет, как он это видит. Постараемся найти все точки соприкосновения. Если ты хочешь чтобы ребенок родился... если ты действительно этого хочешь, – Юля взглянула на него молящим взглядом, – то прекрати себя вести как идиот и мотать мне нервы.

Ярик размял шею и плечи. Подошел к ней и заглянул в глаза.

– Давай начистоту. Ты говоришь, что можешь за себя постоять и все такое, но твоя реакция говорит об обратном. Будто раньше ты не переживала, а сейчас не исключаяешь что я могу тебе навредить. И боишься не за себя, – Ярик опустил взгляд на ее живот, – а за ребенка. Так ты боишься меня, Паприка?

– До чертиков, – призналась Юля. – Только не начинай угрожать по второму кругу.

– Я не к тому веду.. все эти твои разговоры про ухудшение моего состояния, потом этот бросок. Ты никогда такого себе не позволяла. Считаешь, что твое вчерашнее поведение повлияло на мою психику? С чего вдруг распоясалась?

– А ты с чего? Вместо того чтобы разобраться вчера тихо и мирно, устроил бой без правил. Покалечил моего брата. Теперь если он и выйдет из комы, ему грозит паралич. Я пролежала целую ночь в больнице, а ты даже не приехал. Я тебя не интересовала, как впрочем, и ребенок. Тебя больше заботила твоя

свобода. Вы тут в моей квартире всю ночь хвостики подчищали. А когда я давала показания в следственных органах, никого моя свобода не заботила.

– Я так и знал, что ты меня этим попрекнешь! – взревел Ярик.

– Я не попрекаю! Не попрекаю! – закричала Юля. – Я объясняю, что такое для меня брак. Яся! – Ярик поднял на нее глаза. – Это когда двое друг за друга жизнь готовы отдать. Это самопожертвование. Это тотальное доверие. Это прощение, когда оно необходимо. Ты способен на это?

– Нет, – стальным голосом отчеканил Ярик. – Никогда тебя не прощу.

– Если ты не примешь меня такой какая я есть, не будет никакого брака. Я всегда буду прятаться в шкафах. И я всегда буду любить Рошу. Это не изменится. Как не изменишься ты сам. А теперь забирай свое кольцо и проваливай отсюда. А отцу скажи, что я осталась дома, мол, плохо себя чувствую.

Ярик и Юля смотрели друг на друга как противники перед битвой. Оба понимали, что с наскока бой не выиграть. Юля хотела остаться в одиночестве, все взвесить и подготовиться к разговору с боссом. А то, что он нагрянет к ней лично, если она не приедет на оглашение завещания, она не сомневалась.

До рождения ребенка оставалось семь месяцев, и Юля понимала, какому натиску со стороны клана Дорофеевых она подвергнется. В их понимании вопрос с браком уже решен и даже обсуждать нечего. А устроенный допрос Ярика не что иное, как попытка примирения, вот только он никак не ожидал, что чувства Юли к Роше не просто тлели как умирающий огонек, а оказались спящим вулканом, который проснулся при первом же контакте.

Ярик пребывал в недоумении. Сейчас он сам не мог разобраться чего он хочет. Беременность Юли смешала все его планы. Вот уже пятнадцать лет он вел войну с собственным отцом за право жить, так как считает нужным. Путешествия по миру дикарем без копейки в кармане, потом жизнь в индейской резервации и наконец-то бокс, в котором он добился всемирной известности. Никогда он не станет тем, кем видит его упертый властный родоначальник. Пусть вьет веревки из старшего братца, Ярик ему не по зубам.

Младший сын всегда и во всем шел наперекор главе семейства и когда тот оповестил, что на виллу на три месяца приедет его Самородок, посчитал это событие очередным сражением. А что будет чувствовать отец, когда узнает, что его любимица с дурацким прозвищем «Ляля» закрутила роман с сыном-разгильдеем? И он разработал план по «захвату в плен» этой вертихвостки. Но на поверку Юля оказалась совсем не той, за кого он ее принимал. А в ходе игры он так увлекся не покоряющейся ему тигрице, что сам не понял, как она завладела его сердцем. Это открытие его неприятно поразило. Ярик ненавидел отца и все что с ним связано. А Юля была из стана противника и воспринималась им соответствующе.

Оголив перед Яриком душу, Юля открыла ему глаза на другой мир. Мир, который ему понравился. Она такой же боец, как и он. Сильная, терпеливая, стойкая. Никакой праздности и это при ее возможностях. Ежедневные многочасовые тренировки. Самообразование. Самодисциплина. Штудирование мирового рынка в поисках подходящих сделок, новых партнеров и контрактов. Она приняла все его странности, и первое время он думал, что это какая-то продуманная сложная игра, подстроенная его предком. Но потом он застал ее плачущей в шкафу и понял, что она, так же как и он сломана.

– Если это отдых, хочу посмотреть на то, как ты работаешь, – сказал ей Ярик, когда прощался с ней в самолете.

Так он хотел оставить за собой право увидеть ее еще раз. В ответ она лишь сдержанно улыбнулась, и он заметил в ее глазах тоску. Она тоже не хотела с ним расставаться, и когда он это понял, сердце сжалось так сильно, что он чуть не наплевал на запрет и не прыгнул с ней в самолет. А потом она сделала то, что взорвало ему мозг. Оказалось, что все время пока они общались, она вместе с группой аудиторов из двух стран расследовала дело, из-за которого он был в России под следствием. Она нашла неопровержимые улики и, дав показания следственной комиссии, сняла все обвинения с Ярика и открыла ему въезд в Россию, чем он сразу воспользовался.

О беременности они узнали на боксерском поединке, куда Ярик привел Юлю поболеть за своего ученика. В середине второго раунда Юля что-то промямлила и отключилась в его объятиях. Сначала он подумал, что сжимая ее

своими ручищами пережал ей сонную артерию, но подоспевший спортивный врач сказал, что она в обмороке и ей нужен свежий воздух. Когда Юля пришла в сознание, врач посоветовал как можно быстрее воспользоваться тестом на беременность и посетить гинеколога. Юля рассмеялась и отмахнулась, но Ярик послал Рудика в аптеку и заставил использовать тест по назначению. То, что тест подтвердил предположения врача, Ярик понял, когда Юля не вернулась в боксерский зал даже через час. Он ворвался в женский туалет, испугав двух девиц. Юля стояла возле раковины и с непониманием таращилась на две параллельные полоски.

– Этого не может быть... – тихо пролепетала она, увидев его в отражении зеркала, – я ведь на таблетках.

В ее глазах было столько страха и растерянности, что Ярик уже не сомневался, для Юли это было потрясением, такое не сыграешь.

– Детка, – усмехнулся Ярик и притянул ее к себе, – когда речь идет обо мне, такое очень даже возможно.

А теперь, стоя на своей новомодной кухне, она говорит ему о том, чтобы он убрался из ее жизни. Что ребенок не повод для их брака и что она не поедет с ним к отцу. Первой реакцией было, встряхнуть ее как следует, и добиться своего силой, именно так всегда он поступал с женщинами. Вникать в сложные перипетии женского извращенного мозга у него нет ни времени, ни желания. Но с Юлей Ярик сдержался. Она ведь беременна. Последние сутки выдались для них обоих тяжелыми, а в его крови все еще гуляли остатки алкоголя.

Вид у Юли был усталый и измученный. Ярик потер раздвоенный глубокой ямочкой подбородок и посмотрел на часы.

– Хорошо, я поеду к фазеру один. Выслушаю все его завихрения, а завтра мы продолжим этот разговор. Постарайся выспаться, – он убрал с ее лица надоедливую прядь волос и нахмурился, когда она вся напряглась.

Ярик провел тыльной стороной ладони по ее щеке и поцеловал в лоб.

– До завтра.

Четыре года назад

Покатываясь со смеху, Юля и Рудик заскочили в бар в исторической части Барселоны. Юля сразу шмыгнула в туалет, а Рудик занял для них столик у окна и сложил пакеты из бутиков вдоль каменной стены. Симпатичная официантка принесла ему меню, и парень потонул в загадочных названиях испанских блюд.

Когда Юля вернулась к столику, на лице уже не было ни намека на улыбку, и Рудик закатил глаза. Опять она что-то увидела, что напомнило ей о Роше и если он сейчас же не исправит положение, его ждет вечер слезливых воспоминаний или гробового молчания. В последние дни на лицо были все признаки надвигающегося шторма в виде очередного нервного срыва и все из-за того, что Роман должен был на днях стать отцом. Его жена Снежана, будь она неладна – Рудик уже ненавидел эту женщину, хотя бедняжка была в этом не виновата – вот-вот должна родить сына.

Поездка в Испанию не принесла заметного улучшения в состоянии Юли. Рудик надеялся, что отвлечет ее от мрачных мыслей, но Юлю ничего не радовало. На какой-то момент под нажимом Рудика она могла поднять глаза от айфона на очередной архитектурный шедевр испанской столицы, но потом опять ныряла в свой мир цифр, ценных бумаг и акций.

– Что на этот раз?! – обрушил на нее свое негодование Рудик. – Дай угадаю! Раз мы в караоке кто-то пел как Роша?

– Почти, – буркнула Юля и разозлилась сама на себя. Ну сколько можно? Ей богу! Уже шесть лет прошло после развода, а она все не может забыть бывшего мужа. – Там парень какой-то распевался, лица не видела... но песня...

– Что?

– Эта наша с Рошей песня... – Юля заплакала, но тут же дала себе установку не раскисать и зарычала от негодования. Нужно взять себя в руки!

Рудик следил за ее мимикой и уже хотел рявкнуть что-то отрезвляющее, но заметив, как она борется сама с собой, смягчился и протянул ей платок.

– Grazie amore mio? – переспросил он, хотя знал ее ответ заранее.

Эту песню она всегда заказывала в ресторанах, где была живая музыка, а если исполнители ее не знали, Юля сидела злая как фурия и метала на всех раздраженные взгляды.

– М-м-м, – Юля уткнулась в телефон, и Рудик не стал ее отрывать.

Пусть отвлечется, лишь бы не рыдала. А пока она изучала биржевые индексы, Рудик решил, что пора закрутить очередной роман. Ему разрешалось быть тем, кем он себя считал только за пределами Москвы, а лучше и страны. Поэтому выезжая с Юлей на отдых или в командировки Рудик времени не терял. Вот и сейчас он оглядел переполненный зал бара-караоке и сразу наткнулся на парочку интересных экземпляров.

– Напомни, почему мы здесь? – буркнула Юля, не отрываясь от айфона.

– Этот бар мне посоветовали в отеле. Сказали, что здесь собираются местные знаменитые певцы и начинающие исполнители, которых можно послушать совершенно бесплатно.

Кто-то проверил микрофон, зазвучали первые гитарные аккорды. В памяти навязчиво замелькали пальцы Роши перебирающие гитарные струны. Если бы Юля знала, какой пытке сегодня подвергнется, то осталась бы в отеле. Она бросила на Рудика изучающий взгляд и поймала его за переглядками с каким-то брюнетом через три столика. Значит, он сегодня будет развлекаться, а она сопли наматывать? Ну нет!

– Я хочу есть! – выпалила как их пушки Юля. – Ты шесть часов водил меня кругами по Барселоне, как Моисей евреев по пустыне. Мне кажется, что бутик «Zaga» мы проходили минимум три раза.

– Никакой еды. Вон сорви листики маш-салата, он у них тут в цветочных горшках растет, – разворчался Рудик. – Ты стала толстухой. Без слез не взглянешь.

– Это я-то толстуха? – возмутилась Юля. – Между прочим, мой вес не менялся последние восемь лет.

– Ага, а кто сегодня еле-еле джинсы застегнул? – Рудик манерно закатил глаза и всплеснул руками. – Рудик, это все ты виноват! – изобразил он манеру речи Юли, но с утрированными истерическими нотками. – Не давай мне жрать по ночам, иначе я скоро буду перекатываться по дороге как шар.

Мужской тенор-баритон наполнил бар и Юля кинула мимолетный взгляд на исполнителя. Это был тучный невысокого роста испанец, которому аккомпанировали два гитариста. Несмотря на свой вес, мужчина был очень подвижный, с живой мимикой, но на взгляд Юли выглядел немного комично.

– Хватит издеваться надо мной, закажи нам еду, а то я сейчас тебя при всех поцелую и тебе обломится еще одна ночь.

– Вот стерва! – со злостью выпалил Рудик. – Да, заказал я тебе еды, – он взглянул на часы, – через десять минут принесут.

Юля показала ему язык и состроила смешную рожицу.

– Детский сад! С кем приходится иметь дело! – съехидничал Рудик. – И это начальник отдела развития крупнейшего столичного банка. Как тебе вообще доверили многомиллионные активы?

На лице Юли промелькнула череда смешных рожиц. Рудик кинул в нее салфетку и проворчал:

– Стыдно признаться, что с этой клоунессой я делю одну квартиру, кухню и даже шкаф. – Услышав последнее слово, Юля помрачнела и Рудик извинительным тоном добавил: – Я не то самое имел в виду, а шмотки.

– Я поняла, – мрачно отозвалась Юля, настроение снова испортилось.

От выпитого вина лицо Юли порозовело. Удачный репертуар исполнителей и благодарные отзывчивые зрители наконец-то отвлекли Юлю от банковского мира. Теперь ее взгляд скользил по посетителям бара и Рудик решил попридержать свой пыл ради той, что совершенно бескорыстно решала его проблемы последние три года. Технически она еще два месяца будет его опекуном и Рудик боялся даже подумать, что будет после истечения этого срока. Он что снова останется один? Юля ни разу не подняла эту тему, а сам Рудик до жути боялся этого разговора.

На сцену вышел новый исполнитель – парень в мешковатой одежде с гитарой. Юля задержала на нем взгляд, и Рудик, чтобы подбодрить, тут же оценил ее выбор.

– Какой красавчик!

– Слишком женственное лицо, – тихо и как-то испуганно произнесла Юля.

– А он не из вашей команды?

– Нет, – категорично ответил Рудик и с горечью добавил: – К сожалению, это натур продукт.

Зазвучало вступление к песне, Юля откинулась на спинку кресла и не сводила взгляда со сцены. Рудик был на седьмом небе от счастья, ну хоть что-то ее заинтересовало, а то он уже от отчаяния чуть головой не бился об стену.

Певец запел, Юля встрепенулась и с горящими глазами прошептала ему на ухо:

– Это он распевался... там... рядом с туалетом...

– А чего ты шепчешь? – тоже зашептал Рудик и засмеялся. – Он же не услышит отсюда, тем более он по-русски не понимает.

Рудик перевел взгляд на сцену и начал внимательно изучать певца. Он пытался понять, что привлекло Юлю к этому парню. Она тоже не сводила с испанца глаз. Ей понравились его волнистые длинные до плеч волосы. Чувственные губы. Красивая немного смущенная улыбка. А родинка над верхней губой так и напрашивалась на поцелуй. Весь его облик был пропитан нежностью. Юля заворожено следила за его мимикой и немного неуклюжими жестами. Ей показалось, что он сильно скован и стеснителен. Это еще больше расположило ее, и она уже таинственно и маняще улыбалась, когда их взгляды на мгновение скрещивались.

– Его зовут Джанлука, – прочитал в программке Рудик, – это авторская песня. Называется «Моя история».

– А о чем она? – спросила Юля, не сводя взгляда со сцены.

Рудик немного понимал испанский и пробежался по тексту.

– О том, что девушка, которую он очень любил, изменила ему с близким другом и он потерял их обоих.

– Какой ужас! – воскликнула Юля. – Она что слепая, это его девушка?

– Почему слепая? – не понял ее посыл Рудик. – В песне об этом...

– Как можно ему изменить? – не дав ему договорить, пояснила Юля.

Песня закончилась, певец уступил сцену девушке, которую подбадривал ее возлюбленный. Юля проследила за Джанлукой взглядом. Он пошел к бару и присоединился к друзьям. Видимо он что-то сказал им о Юле, и уже через минуту вся компания кидала на нее вожделенные взгляды.

– Он стесняется своей красоты, – подметила Юля.

Рудик перевел взгляд на компанию и усмехнулся.

– Не знаю, чего там стесняется Джанлука, но его друзья точно ничего не стесняются, – он наклонился к ней ближе, глаза его заблестели от азарта, – кажется, ты на них произвела неизгладимое впечатление.

В этот момент к их столику подошли трое друзей только что сошедшего со сцены певца и заговорили с Рудиком на испанском языке, наивно принимая его за местного. Рудик не растерялся, начал живо что-то объяснять на смеси английских и испанских слов. Юля сама не поняла, как оказалась зажата между двумя улыбчивыми брюнетами с масляными взглядами. Парни тоже собирались выступить, каждый бахвалился своей песней. Они так разгорячились от теплоты лучей рядом сидящего «огненного солнца», что не умолкали даже во время выступлений других исполнителей и им то и дело делали замечания.

Джанлука так и не подошел, Юля выглядела расстроенной. Она подняла на Рудика молящий взгляд, и он ей тут же посоветовал:

– Иди как бы в туалет, – затем помог ей пройти сквозь строй мужских тел и буквально толкнул ее в сторону бара. – Заговори с ним, он видимо из робких. Ребята сказали, что он сейчас не в настроении для общения. Давай, бери быка за рога.

Юля напрочь забыла, что такое флирт и как оказывать знаки внимания. У нее не было секса уже шесть лет. А редкие свидания не всегда доходили до поцелуев. Ее лицо покраснелось от волнения. Оставалось сделать три шага и она бы смогла дотянуться до руки понравившегося парня, но страх сковал все тело, Юля прошла мимо бара и нырнула в туалет. Там она простояла перед зеркалом минут пять, набираясь храбрости и поправляя макияж.

Когда она все же решилась и вышла в коридор, то встретила с испанцем взглядом. Он делал вид, что ждет кого-то у входа в бар, но Юля поняла, что он тоже пытается сделать первый шаг, и пошла прямо на него. Пока она шла, их взгляды неотступно исследовали друг друга: метались по лицу, срывались вниз, изучая тела.

– Hola¹, – Юля выдала самую обворожительную улыбку.

---

¹ Hola (исп.) – Привет

– Buenas noches², – смущенно отозвался парень и убрал непослушные волосы со лба.

Юля спросила, говорит ли он по-английски. Джанлука ответил, что совсем немного. После стандартных фраз «Как тебя зовут» и «Откуда ты» они сами не поняли, как оказались на улице. Оба уже пожирали друг друга глазами. Он периодически переходил на испанский язык, и что-то нервно и быстро объяснял. Юля даже не старалась отвечать, просто стояла и смотрела на него таким томным взглядом, что и дураку было понятно, что она сейчас чувствует.

– Вот ты где! – воскликнул Рудик, обнимая Юлю за плечи.

Юля вздохнула с облегчением.

– Я совершенно не понимаю, что он говорит.

Рудик тут же взял инициативу в свои руки. Применяя скудный словарный запас испанского вперемежку с жестами, он пояснил озадаченному парню, что очень понравился его подруге и предложил прогуляться с ней. Дал адрес отеля, где она живет и даже сказал, что может ее пару дней не приводить. Но заметив недоумение на лице парнишки, манерно закатил глаза и пояснил, что шутит. Предупредил, что она тоже стеснительная и если он не будет смелее, то так и не познает загадочную русскую душу. При этом он подмигнул и взглядом показал на роскошную грудь, затянутую в белую хлопковую майку с принтом. Все это Юля узнает позже, но тогда она стояла совершенно смущенная, потупив взгляд.

Напомнив Юле о существовании онлайн переводчика, Рудик подмигнул и вернулся к шумной компании. А Юля осталась наедине с робким испанцем, лицо которого от возбуждения и смущения было таким же пунцово красным, как и у нее.

Любовь творит чудеса даже с теми, кто говорит на разных языках. Джанлука и Юля гуляли по Барселоне до поздней ночи. С переводчиком в ее айфоне общение немного продвинулось, но скованность из-за языкового барьера была преодолена только силой чувств. Юля сама не поняла, как ее рука оказалась в его руке. А потом его рука уже обнимала ее за плечи.

---

² Buenas noches (исп.) – Добрый вечер

Джанлука привел ее к себе домой. Это была скромная однокомнатная квартира в четырехэтажном доме с внутренним двором. На просторной кухне стоял диван, Юля сразу поняла, что он служит ему кроватью. В гостиной была оборудована студия. На стенах звукоизолирующие панели. В центре стояла ударная установка. Вокруг разбросаны вещи, вдоль стен выставлены гитары, на маленьком столике в беспорядке разбросаны нотные листы.

Джанлука пел ей до утра, «показывал», как он выразился, еще «сырой» материал. Ей нравилось буквально все. И после очередной песни она не выдержала и поцеловала в ту самую родинку, что не давала ей покоя от самого бара. После чего они перебрались на диван и долго целовались. Джанлука боялся делать следующий шаг, Юля тоже не решалась.

В какой-то момент он включил камеру и направил на Юлю, жестом давая понять, что она может оставить ему послание. Он снова взял гитару и начал играть ту песню, что исполнял в баре. Юля начала двигаться в танцевальных движениях и сама не заметила, как увлеклась. Джанлука смотрел на нее словно замороженный, а потом схватил блокнот и начал что-то вдохновенно записывать. Он попросил ее сказать что-нибудь на русском языке. Юля начала читать ему стихи Есенина. С чувством, проникновенно, в какой-то момент даже пустила слезу, потому как некоторые слова сейчас вдруг ее растрогали. Он смотрел на движение ее волнистых губ, на блеск в ярких зеленых глазах, на пылающие щеки. А волосы! Какие же восхитительные у этой русской девушки волосы, таких в Испании не встретишь.

Его собственные волосы раздражали и мешали ему, падали на глаза и он периодически зачесывал их рукой назад, а когда устал, собрал резинкой в хвост, и Юля подметила, как преобразилось его лицо. Оно стало таким одухотворенным и юным, что она грешным делом подумала:

«Боже, вот я идиотка, даже не спросила, сколько ему лет! А что если ему нет даже восемнадцати?».

Он привел ее в отель под утро. Лица обоих пылали как пожарные машины, а глаза искрились как фейерверки. Стоя перед дверью ее номера, они долго целовались, его пальцы нежно гладили ее лицо и шею. Юля чувствовала себя дорогостоящим предметом искусства, которым любитесь начинающий

коллекционер. Пока он не может определить ее место в коллекции, а подробно изучает, осматривает и восторгается.

Потом она долго махала ему из окна. Он периодически поворачивался и посылал ей воздушные поцелуи. Юля начала расстегивать блузку и Джанлука замер на тротуаре. Ему нужно было сделать лишь шаг, и тогда бы он скрылся за углом, но он стоял не шевелясь. Юля поняла, что нужно действовать и отбросила блузку в сторону. Он сделал несколько неуверенных шагов ей навстречу. Тогда Юля медленно сняла джинсы и тоже откинула их, оставшись только в нижнем белье. Подарила ему прощальный страстный взгляд, а потом... зашторила комнату.

Усмехнувшись, Юля начала расстилать постель. Она была уверена, что Джанлука уйдет домой. Уж больно стеснительным был парень. Но через минуту услышала тихий стук в дверь и мгновенно запылала. Она открыла дверь и увидела его в коридоре робко переминающегося с ноги на ногу. Схватила его за руку и буквально втащила в номер. Он засмеялся и начал на ходу снимать с себя балахонистую рубашку, и таких же необъятных размеров футболку. Свободная одежда скрывала худощавое тело, которое выдавало его юный возраст.

Юля распустила волосы и легла на кровать. Джанлука опустился рядом с ней и долго перебирал волнистые пряди цвета ржавчины. Она помогла ему освободиться от джинс и потянула на себя. Уже с первых минут было понятно, почему ему изменила девушка. Джанлука был несмелым и очень ласковым, страстную и нетерпеливую особу это могло оттолкнуть. Юле было проще, она сама была не готова к активным и напористым действиям. Так что молодой человек оказался именно тем, кто ей был сейчас нужен. Целый час они потратили на предварительные ласки, медленно освобождаясь от стеснения. Только тогда Юля взяла на себя инициативу и начала мягко направлять его действия. Сначала он смущался, немного нервничал, но она так страстно застонала и зашептала ему те самые слова, которые они говорили друг другу с Рошей, что это растопило лед робости, и Джанлука осмелел.

К финишу он пришел быстро, а Юле пришлось подождать второго акта. Потом они долго обменивались сообщениями через онлайн переводчик. Выяснилось, что ему только вчера исполнилось девятнадцать лет. Когда он узнал

ее возраст, изумленно уставился на нее и изогнул брови. Оказывается, он подумал, что они ровесники.

Юля действовала с ним осторожно. Спрашивала, хочет ли он еще секса и сможет ли остаться. На все Джанлука кивал и загадочно улыбался. Когда Юля спросила, о чем он думает, он поцеловал ее и сказал, что она его Муза. Почему он так решил, Юля узнала уже вечером, когда по просьбе Джанлуки вернулась с Рудиком в тот же бар. Джанлука посвятил ей песню. Она называлась «Та самая девушка». В ней он рассказал о своей любви с первого взгляда, о гуляниях до утра, о наполненном смыслом молчании. Рудик перевел Юле почти весь текст, и она расплакалась от переизбытка чувств. В конце исполнения Джанлука подошел к их столику и подарил ей алую розу. Это был всего лишь цветок, но у Юли было такое ощущение, что ей подарили целый мир.

Все последующие дни отпуска она не выпускала его из объятий. Он не жаловался. Понимал, что его Муза скоро уедет и тоже хотел насладиться каждой проведенной вместе минутой. Их любовь становилась все сильнее и смелее. Теперь он не тратил столько времени на ласки, а врываясь в ее номер, сразу вел ее к кровати. В перерывах между сексом они выбирались в ресторанчики или бродили по улочкам старой Барселоны. Джанлука показывал ей не туристические места, а узенькие петляющие улочки, в которых можно было потеряться. Они неистово целовались, шептали слова любви, смысл которых постигали по интонации и тембру голоса.

За две недели они так прикипели друг к другу, что когда остался день до отъезда оба сникли и чуть не плакали от предстоящей разлуки. Рудик посмеивался над Юлей, но был рад, что у нее наконец-то появилась личная жизнь. Наконец-то хоть кто-то достучался до ее израненного сердца.

Последняя ночь была самой страстной и началась с подарка. Это были стихи, написанные на испанском языке. Джанлука пообещал, что когда-нибудь обязательно придумает к ним музыку, но пока она скрыта от него и как он не стучался в закрома своего воображения, не может ее найти.

Прощание вышло бурным и страстным, к утру оба плакали и прижимались друг к другу так сильно, что казалось еще чуть-чуть и их тела соединятся в единое целое. Его ранимость и открытое проявление любых чувств, даже

слабости напомнило их отношения с Рошей. Это еще сильнее привязало Юлю к нежному испанскому парню, который в последнюю ночь целовал каждый дюйм ее тела.

– *Mi amor*³, – шептал он ей, и эти слова уже не нужно было переводить в онлайн переводчике.

Она отвечала ему тем же и нежно целовала его родинку над верхней губой.

Джанлука лег ей на спину и долго наблюдал за их сплетенными пальцами. Потом еле касаясь, медленно гладил изгибы ее тела. А в какой-то момент глаза резко вспыхнули, пальцы начали выстукивать ритм, и Юля поняла, к нему только что пришло вдохновение и он уже уносится куда-то в глубину своего подсознания. Она замерла, старалась не мешать творческому процессу. Ей нравилось быть его Музой, нравилось вдохновлять, а затем слушать первые намеки на мелодию, которую он начинал мурлыкать.

Утром она спросила, не поедет ли он ее провожать, но он отказался. Юля обиделась, и тогда он честно признался, что зарабатывает пока не так много и потратил на их походы по ресторанам все деньги. Юля покраснела, как же она сама до этого не догадалась. И тогда она сказала, что заплатит за его такси до дома, ей нужно, чтобы он ее проводил, потому как два часа проведенные с ним для нее много значат. Он смущенно кивнул и на этой ноте они снова перешли к ласкам.

По дороге в аэропорт Юля украдкой сунула ему купюру в карман джинс достоинством в пятьсот евро, наивно полагая, что хоть как-то оплатит ему тем, что парень многим жертвовал ради нее. Он отказывался от репетиций с группой, пропускал ночные смены в больнице, где подрабатывал санитаром. Она заняла все его время, и было несправедливо уехать, не отблагодарив его. Но поступок Юли возымел обратный эффект. По приезду в Москву она наняла профессионального переводчика и написала нежному испанцу подробное письмо. В нем она описала все свои чувства, эмоции которые переживала с ним в тот или иной день. Ответа все не было и тогда Юля упростила Рудика узнать в чем дело.

Оказалось, что гордый испанец был не на шутку разозлен и оскорблен «оплатой за секс услуги». С обидой в голосе он осведомился у Рудика, а с чего

---

³ *Mi amor* (исп.) – Моя любовь

Юля взяла, что он стоит пятьсот евро? Как ему показалось, он продешевил. В его тоне сквозило раздражение, в итоге он, не закончив выслушивать объяснения, прервал разговор и на звонки больше не отвечал.

Юля впала в депрессию. Пару раз Рудик обеспокоенный ее опозданием на совещание заставлял начальницу в ее убежище. После чего не выдержал и выслал Джанлуке ее фото, сидящей в шкафу с заплаканными и испуганными глазами, а потом позвонил. На этот раз испанец соизволил его выслушать, и Рудик объяснил, что Юля некоим образом не хотела его обидеть, но и говорить о цене за такси ей было неловко, других купюр у нее не было, и она отдала то, что было. Объяснение было неуклюжим, но испанец его проглотил. Рудик понял, что Джанлука встревожен состоянием Юли и попросил его хотя бы ответить ей на письмо, но предупредил, что любит Юлю как друга и не позволит морочить ей голову. Пусть в письме будет только правда, она примет ее с честью, понравится она ей или нет.

Джанлука ответил. От увиденного письма в папке «Входящая почта» Юля даже расплакалась. Она не надеялась на новую встречу. Слишком разные у них миры, да еще и разница в возрасте. Ей просто хотелось, чтобы он вспоминал ее с любовью и нежностью, которые они дарили друг другу. Но письмо превзошло все ее ожидания. Переводчик даже позволил себе высказаться по этому вопросу, мол, таких лиричных любовных откровений ему еще не приходилось переводить.

Уже в следующий уикенд Юля сидела в том же баре, где они познакомились, и слушала новую песню своего возлюбленного. Вид у него был грустный и задумчивый. В зал он не смотрел, концентрировался только на гитаре и самой песне. Песня ей очень понравилась, да не только ей, но и всем слушателям. Когда он закончил свое выступление многие повскакивали с мест и зааплодировали. Смущаясь, Джанлука сошел со сцены и пошел к бару. Она уже хотела выпорхнуть из-за стола и помчаться к нему, но тут увидела рядом с ним милостивую девушку и чуть не вскрикнула от пронзившей ее боли. Юля откинулась на спинку стула и уставилась стеклянным взглядом в пустоту. А чего она хотела? Они ведь не давали друг другу никаких обещаний. Она стала собираться и подозвала официантку, чтобы попросить счет. В этот момент она увидела, как с улицы через окно ошалелыми глазами на нее смотрит Джанлука.

Она смутилась и перевела взгляд на девушку, что держала его за руку. Он улыбнулся и вернулся в бар.

После неловкого приветствия, Юля сказала, что ей понравилась его новая песня, что она желает ему удачи в его карьере и что ей приятно было его еще раз увидеть. Потом она расплатилась по счету и, попрощавшись, выбежала на улицу, а Джанлука помчался за ней. Он догнал ее, прижал к каменной кладке дома и впился в ее губы с такой страстью, что Юля еле удержалась на ногах. Он шептал ей признания в любви, а она затаив дыхание, запоминала каждое слово. Даже если это в последний раз, это только ее, никто не нарушит этой минуты. После страстных поцелуев, он подвел ее к девушке, что ждала у входа, и представил. Это оказалась его младшая сестренка Ибби. Юле было стыдно за свою реакцию, но Джанлука признался, что счастлив от того что она его ревнует. Значит, она его любит, а о таком он даже мечтать не мог.

Оказалось, что Джанлука это псевдоним. На самом деле парня звали Тэкито, что в переводе с испанского означало «Тихий». С таким именем карьеру певца не сделать и по совету друзей и педагога он взял псевдоним. Друзья зовут его Лúка, и она тоже может его так называть. Юля сказала, что будет называть его, как и раньше – Джанлука.

С этого момента начался их пылкий и лиричный роман. Юля начала всерьез изучать испанский язык. Ей хотелось как можно быстрее преодолеть языковой барьер. Между собой они сразу договорились, что в их отношениях никогда не будет лжи и если им кто-то приглянется на стороне, то значит, пришло время им расстаться. В разлуке влюбленные писали друг другу письма, они служили фундаментом их любви. Страстные, откровенные, полные нежности и вожделения. Часто ее слова проскальзывали в его песнях, от чего Юля чувствовала небывалую гордость. Как-то он признался, что каждый день пересматривает ту самую запись, что была сделана в его квартире в первый день их знакомства и Юля стала посылать ему совсем другое видео. Она называла его «эротическими зарисовками» и снимала примерно одно в неделю. После просмотра Джанлука забрасывал ее телефон восторженными сообщениями. Юля смеялась и от счастья закатывала глаза.

После двух крупных сделок карьера Юли пошла вверх и по банку поползли слухи, что старший Дорофеев прочит «Титана финансовой мысли», так называли Юлю в банке, на должность управляющей. Пока это были только слухи, но Юля понимала, что они небеспочвенны, так как босс действительно стал с ней чаще общаться и приглашать на самые важные совещания, спрашивать ее мнение по поводу каждой сделки. Она понимала, что таким образом он ее проверяет, готовит к чему-то большему и направляет. Не всем такие изменения нравились. Заместитель управляющего банка, Людмила Владимировна, тоже метила на эту должность. Она была более опытной и солидной по возрасту, но все же почувствовала опасность и начала прикладывать исполинские усилия, чтобы насолить Юле и показать шефу неопытность и незрелость выбранной им кандидатуры.

В Барселону Юля летала почти каждый уикенд, вдохновляя возлюбленного на новые песни. Когда их набралось на целый альбом, он начал искать спонсора, чтобы записать его в профессиональной студии. Юля смекнула, что может на этом заработать и хоть Рудик был категорически против, она все же вложила деньги в первый альбом и занялась его продвижением в интернете и СМИ. Джанлука она сказала, что нашла спонсора в Москве, что он человек солидный, помогает молодым исполнителям, но огласки не любит и встречаться с ним точно не будет. Всех это устроило. Джанлука подписал контракт с фирмой, которую Юля поспешно зарегистрировала в Испании, и к существующим отношениям добавилось ежедневное профессиональное общение.

Первые полгода Юля только вкладывала деньги. Рудик обзывал ее идиоткой и призывал одуматься. Риск был, Юля это понимала, поэтому старалась использовать любую возможность, чтобы о новом исполнителе узнала вся Европа. Ей пришлось осваивать новые навыки: быть стилистом, менеджером, продюсером, личным тренером и графическим дизайнером – и это внесло некое разнообразие в ее жизнь. Джанлука постепенно стал превращаться из неуклюжего парнишки в красивого крепкого мужчину.

На самую удачную песню Юля решила снять клип, и Джанлука попросил ее быть «девушкой в кадре». Она долго сопротивлялась, а после того как начались

съемки и Юля увидела потухшие глаза любимого, поняла, что он был прав, чтобы добиться нужного эффекта, она должна быть рядом с ним.

Клип был размещен на YouTube и в одно мгновение все изменилось. Уснул Джанлука неизвестным чудаком с гитарой, что-то вечно мурлыкающим себе под нос, а проснулся популярным певцом. Все хотели заполучить подающего надежды молодого исполнителя: радио, шоу-программы, музыкальные шоу, концертные площадки.

Юля быстро смекнула, что пришло время для продажи актива, сама она уже не справится, необходима полномасштабная работа, а у нее нет на это времени. Нужно было подготовить Джанлуку. Сначала он и слушать ничего не хотел, но давление со стороны было таким сильным, а аргументы Юли логичными, что в итоге он согласился. Юля переуступила права на многообещающего певца самому крупному в Испании продюсерскому центру. Когда Рудик увидел сумму контракта, то не сдержался и смачно матюгнулся.

– Это же в разы больше наших затрат!

Юля загадочно улыбнулась и щелкнула его по носу.

Первые полгода карьера Джанлуки стремительно шла вверх. Материала для песен было собрано так много, что хватило еще на два альбома. К тому времени встречи влюбленных практически прекратились. Гастроли, съемки программ на телевидении и участие в концертах сделали Джанлуку для Юли недостижимым. Она понимала, что жизнь их вот-вот разведет, это было ожидаемо. Бесконечная вереница поклонниц прорывалась через охрану и пыталась урвать хоть частичку от своего кумира. Джанлуке такое внимание нравилось и ежедневно в прессу просачивались его фотографии в окружении красоток. На одних фотографиях он целовался, на других нежно прижимал к себе девушек за талию.

Юля уже свыклась с тем, что их роман подошел к концу. Разговора им не избежать, скорее всего он произойдет после того как Джанлука вернется с гастрольного тура и Юля приедет погостить на его новую виллу с панорамным видом на море в Малаге, куда он ее уже не раз приглашал.

Внезапно о Джанлуке заговорил ее босс. Старший Дорофеев дал ей понять, что у испанского любовника иссяк запас вдохновения и скоро он обязательно

появиться на ее горизонте. Так сказать за следующей порцией любви. Потому как испанца интересует Юля только как Муза. А если она перестанет его вдохновлять, он продолжит поиск на стороне. Но не все будет так просто в его жизни. Вдохновение капризная штука. Когда пытаешься приручить Музу, она взбрыкивает и исчезает навсегда.

– С каких это пор Дмитрий Юрьевич вы интересуетесь музыкой? – хмыкнула Юля и задержалась на выходе из его кабинета.

Разговор произошел после совещания и все сотрудники уже покинули кабинет босса. Из-за трагической гибели Людмилы Владимировны вот уже месяц как Юля занимала должность заместителя председателя банка, и босс не раз давал понять, что готов повесить ее, если дела будут идти так же хорошо, как за последние три года.

– С тех пор как ты с ним встречаешься, Ляля, – босс выпустил струю сигарного дыма и изучающе уставился на свою протее. – Я должен за тобой присматривать – ты мой капитал. И в первую очередь я должен убедиться, что тебе никто не морочит голову. Я понимаю, ты женщина и тебе нужна вся эта романтическая чушь: признания в любви, цветочки и подарочки. Советую тебе найти мужчину понимающего тебя как личность и в первую очередь уважающего тебя. Многие мужчины способны тебя полюбить, но не многие поймут истинную ценность.

Юля покраснела. Так босс еще с ней никогда не говорил.

– Свою ошибку они осознают, когда уже потеряют тебя.

– Выходит, у меня нет шанса быть счастливой? – с горечью спросила Юля.

– Есть. Тебе нужно найти *твоего* мужчину.

Юле хотелось прокричать, что она знает кто ее мужчина, но из последних сил сдержалась.

– И как же его найти?

От дежавю сердце Юли сжалось. Много лет назад Роша уже давал ей совет как найти *своего* парня.

– В своем кругу, Ляля. Только в своем кругу. Испанец-певец это весело, интересно, романтично, но между вами всегда будет стоять пресловутый

менталитет. Перестань игнорировать приглашения на приемы и непременно найдешь *своего* мужчину.

– Там скучно, Дмитрий Юрьевич, я и до середины обеда не могу высидеть.

– А ты внеси в мероприятие разнообразие. Заставь всех расшевелиться. Поверь мне, именно там твой мужчина. И как горько, что он до сих пор обнимает другую... не тебя...

С этими словами старший Дорофеев шагнул к панорамному окну и уставился на вечернюю Москву, давая сотруднице понять, что разговор окончен.

Утро началось с совещания глав отделов. Босс устроил настоящую чистку и пожурил Юлю за то, что недостаточно жестко ведет дела. Он обвинил ее в сюзюканье с персоналом и прилюдно «выпорол». Юля стерпела все обвинения молча. Она знала, что это было представлением под названием «Бей своих, чтоб чужие боялись» – самые важные замечания выговаривались боссом за закрытыми дверями.

В сопровождении двух охранников Юля пересекала вестибюль банка. На ходу она отдавала распоряжения Рудикю и своему секретарю. Один из охранников уже открыл перед ней дверь, как ее кто-то окликнул. Вся процессия остановилась и оглянулась. У стойки рецепции стоял Джанлука. Сердце Юли сделало сальто и чуть не выпрыгнуло из груди. Они не виделись три месяца и Юля безумно по нему скучала.

Вид у Джанлуки был совершенно потрясенный. Он знал, что Юля работает в банке, но не знал кем. И теперь, когда ему сообщили кто она, да еще он воочию увидел ее в окружении свиты, богато одетую, с огромными бриллиантами в ушах, Джанлука еле сдерживал свой гнев. На фоне мрамора и хрусталя, в рокерской кожаной куртке, белой футболке и потертых джинсах Джанлука смотрелся как парень с улицы. Никто бы не сказал, что этот скромняга бешено популярен в Европе, да собственно уже и в России.

Рудик тихо выругался, натянул дежурную улыбочку «Боже, как я рад нашей встрече» и шагнул к испанцу. Юля поприветствовала Джанлуку кивком, будто это знакомый, но не настолько важный, чтобы подойти и поздороваться за

руку, а затем проследовала в сопровождении охраны к служебному «Бентли». Рудик не нужно было говорить, что делать, он и так все понимал. Поэтому когда Юля вернулась вечером с работы, Джанлука сидел в гостиной особняка, который она арендовала, пока в ее новой двухуровневой квартире делался ремонт.

Разговор был на повышенных тонах. Джанлука к тому же выпил, чего раньше никогда не делал. Рудик уже успел что-то про Юлю рассказать, в основном о ее способностях, но личные вопросы оставил влюбленным, пусть сами разбираются.

– Сильно не скандавьте, босс прислал три билета в оперу. Я твоему хахалю смокинг купил, – Рудик закатил глаза, давая понять, что не в восторге от происходящего и направился в гардеробную Юли, чтобы выбрать для нее платье и аксессуары.

Джанлука с ходу начал высказывать свои претензии. При встрече она его не поцеловала и холодна сейчас. Он спросил у нее напрямую, есть ли у нее другой мужчина. Юля действительно держалась на расстоянии, ей так было легче смириться с их неизбежным расставанием. Она сняла пиджак и бросила его на подлокотник дивана. Прошла к бару и налила себе бокал красного вина. Джанлука следил за мимикой возлюбленной и пытался поймать ее взгляд.

– Я не могла тебя поцеловать в банке, – ответила она на испанском языке. – Тем более я не знаю, какой статус наших отношений. Своими бурными романами ты дал мне понять, что *нас* больше нет.

Сначала Джанлука опешил, потом начал кричать и расхаживать взад-вперед по гостиной. По его нервным отрывистым репликам Юля поняла, что продюсерская компания заставляет появляться его на публике с очередной знаменитостью, чтобы раздуть в прессе из несуществующего романа сенсацию. Ему все это не нравится, но нужно признать, что это работает и альбомы продаются.

Он заверил ее в верности и что после их последней ночи, ни одна женщина не поделила с ним постель. Потом обхватил руками ее лицо и спросил еще раз:

– А ты верна мне?

– Да, – кивнула Юля и одарила его нежным взглядом.

Он с облегчением выдохнул, притянул ее к себе и поцеловал в губы.

Когда Юля появилась в Большом театре в сопровождении Рудика и Джанлуки, все вокруг буквально загудели. Они попали на премьеру, и в вестибюле Юля увидела многих знаменитостей и представителей власти. Несколько молодых особ, узнав Джанлуку, вереща от радости, как истерички, подбежали за автографом. Джанлука мило улыбался, а Рудик взял на себя роль переводчика.

Пригласительные билеты были в ложу Дорощеевых. Сегодня на спектакле присутствовали Савва с женой и Дмитрий Юрьевич с молодой спутницей, которую даже не удосужился всем представить. Юля познакомила присутствующих со своим любовником. В зале погас свет, а в ложе воцарилась тишина.

Весь спектакль восторженный взгляд Джанлуки метался от сцены к Юле. Испанца переполняли чувства, и Юля заметила его отбивающие в такт музыки пальцы. В этот момент она осознала, что их отношения зашли в тупик. Оба понимали, что дальше логичен только переезд кого-то из них на территорию другого. Но кого? Кто бы из них не взял на себя такую миссию, похоронит свою карьеру.

На обратном пути Юля изложила свою точку зрения на его последние песни и снятые на них клипы.

– Ковбой? Джанлука, ну какой из тебя ковбой? Ты романтик, лирический герой, ищущий любви нежный любовник. Вот это будет работать безотказно. А эти фото с твоих свиданий... не знаю... мне кажется это перегиб. Не подумай, что я ревную. Просто из-за частой смены партнерш тебя могут принять за плейбоя, ловеласа, повесу. Тогда пострадает твое творчество.

Джанлука слушал ее внимательно, но то, что он слышал, ему не нравилось. Он ерзал, резко вскидывал голову, отворачивался, кряхтел.

– Зачем тебе спортивное питание? Не качай мышцы с таким усердием. Это опять же выбивается из твоего творчества. А последние песни? В них нет прежней мягкости. Они какие-то нервные, будто ты что-то от кого-то требуешь.

– Я понял: тебе больше не нравятся мои песни, тебе больше не нравлюсь я!
– выпалил в горячке испанец, сопровождая свою речь красноречивыми жестами.

Юля тяжело вздохнула и сказала, что раз он обижается на дружескую критику она больше и слова не скажет. Оставшуюся дорогу проехали в полном молчании. Уже в спальне разомлевший после ванны Джанлука лег на кровать и оглядел обстановку комнаты.

– Это место тебе не подходит.

Юля сидела за туалетным столиком и расчесывала длинные пряди волос.

– Дом арендован, – объяснила она и потянулась к средству для снятия макияжа. – Рудик выбрал его из-за близости к работе.

– Я хочу, чтобы мы были вместе! Везде! Всегда! – внезапно выпалил Джанлука.

Услышав его слова, Юля повернулась и спросила:

– Что ты имеешь в виду?

– Брось все, поезжай со мной.

– Нет, – тут же ответила категорично она и снова отвернулась.

– Нет? – Джанлука вскочил и бросился к ней. – Ты больше меня не любишь?

«Боже мой, как у него в голове все просто!», – подумала Юля, а вслух сказала:

– Люблю.

– Тогда почему? Я не понимаю!

Следующие три часа они занимались любовью, а в перерывах вели жаркие дискуссии о дальнейших планах, похожие на сражения. К сожалению страсти было больше в разговорах, чем в постели. Юля постаралась донести до любовника, что скоро ее повысят, она станет управляющей банка. Возможно самой молодой женщиной-управляющей в России. Она шла к этой цели несколько лет. Много училась и упорно работала. Она не сможет быть просто женой и сопровождать его везде как тень.

– Ты бы стал моей тенью, если бы я попросила?

Он не ответил и Юля продолжила.

– Я люблю свою работу. Она помогает мне осознать, чего я хочу добиться. Я могу тебе подарить уикенды, но не более того.

– Мне нужно больше... я хочу, чтобы ты была со мной, – упрямо твердил Джанлука.

– Ты обязательно встретишь свою единственную и будешь счастлив. Мы ведь всегда знали, что наша любовь когда-нибудь закончится.

– Нет, я не готов тебя отпустить! Я слишком тебя люблю!

– Я тоже. Поэтому и отпускаю.

Джанлука непонимающе затряс головой.

– Наша любовь не умирает. Нет. Она будет жить в нас еще долго. И мы благодарны ей за все, что она нам дала: крепкие объятия, бессонные ночи, прогулки по ночным улочкам, жаркие поцелуи, предвкушение встречи и томление от разлуки. Все это у нас было. И за все это мы ее благодарим.

Джанлука смотрел на нее горящими глазами. Она уже видела, как отбивают ритм его пальцы. Ее слова и пылкость, с которой она их произносила, снова открыли завесу вдохновения. Через минуту он уже расхаживал по комнате, напевая мотивчик. Юля улыбалась и смотрела на него с восторгом. Возможно, она видит этот созидательный процесс в последний раз.

Странно, но Юля не делала из их предстоящего разрыва драмы. Не было и той боли, как после развода с Рошей... та боль все еще ранит ее сердце. В этот момент она поняла, что именно такой ночи ей не хватало с Рошей, ей не дали сказать все, что в ней копилось. Не дали еще раз слиться с ним, почувствовать его внутри. Не дали попрощаться и отпустить.

Джанлуку она отпускала с легкостью и все еще любя. К тому времени их роман продлился почти два года. В ту последнюю ночь он еще не раз возвращался к ней в постель. Она дарила ему нежность, восхищение, волнение и грусть. В отличие от нее он пока не осознавал, что они прощаются, все это предстояло ему пережить позже. Но и тогда Юля будет с ним терпеливой и слова грубого не скажет, даже когда он будет кричать на нее в порыве злости, что она убивает их любовь.

– Не знал, что ты так жестока! – кричал Джанлука в трубку сквозь слезы. – Я буду просить бога, чтобы он обрек тебя на вечные страдания, как сейчас страдаю я! Ты непременно будешь за это наказана!

– Ты не сделаешь этого, – спокойно возражала она, хотя сердце разрывалось от боли. – Пройдет неделя, потом другая, ты осознаешь, что я права. Наша любовь зашла в тупик. Ее нужно отпустить пока она не превратилась в яд, и не отравила наши души.

– Это ты отравляешь нашу любовь!

Джанлука стонал и с ругательствами прерывал их спор. Юле казалось, что именно этот разговор – последний и она больше никогда не услышит его мелодичного голоса, что раньше согревал ее сердце. Но уже на следующий день он снова звонил и начинал исповедь с того, что провел в агонии очередную бессонную ночь. Что любит ее и ради их любви готов пойти на любые жертвы.

– Без тебя я теряю себя. Что я сделал не так? Скажи! Я все исправлю! Буду таким, каким ты хочешь!

– Я хочу, чтобы ты был самим собой.

Разговор снова заходил в тупик.

Однажды он даже сказал, что решил все бросить и приехать к ней в Москву. Творчеством он может заниматься в любой точке мира. На что Юля ответила, что популярность его не продержится без гастрольных туров испаноговорящей аудитории. Доходы начнут падать, и он снова станет тем, кем был. Она просила его быть благоразумным и отставить в сторону эмоции. Говорила, что на кону его будущее. Нельзя все бросить и пустить на самотек то, ради чего он старался и работал последние два года. После каждого такого разговора, Юля бросалась к шкафу. Только в темноте замкнутого пространства она находила так нужное ей сейчас успокоение.

Как она и предрекала, через неделю звонки стали реже, тон возлюбленного смягчился. Юля поняла, что он принял все ее доводы и постепенно начинал их осознавать. Последний раз он позвонил через месяц и сказал, что провел потрясающую ночь с очень красивой девушкой, с которой познакомился в продюсерской компании. Она его поклонница и влюблена в его творчество. Таким образом, Джанлука хотел добиться от Юли хоть капли ревности. Но как бы Юле не было больно, она лишь пожелала ему счастья и сказала, что никогда его не забудет и благодарна ему за каждую проведенную с ним ночь, за каждый телефонный звонок и за каждое письмо.

Об истинных масштабах его переживаний она узнала гораздо позже, когда прослушала его новый альбом. Музыка и слова песен были пропитаны горечью разлуки. А песня, которая называлась «Ангел Огня» содержала такие строчки: «Как бы я хотел сейчас полюбить и почувствовать ответную любовь, но Ангел Огня сжег мое сердце дотла и вверг меня в пучину терзаний. Я молю бога, чтобы он исцелил мое сердце. Чтобы вернул мне тебя хоть на одну ночь. Наверное, я самый большой грешник, потому что бог меня не слышит».

Этот альбом станет самым популярным в его творчестве, а кассовые сборы превысят все предыдущие доходы. Последующая Муза увела его в другое музыкальное направление и через пару лет о Джанлука уже никто не вспоминал.

Наши дни

Как только дверь за Яриком закрылась, Юля отпустила своего водителя и охранника, сообщив, что до утра не собирается выходить из дома. Затем выключила везде свет и просидела в спальне в ожидании звонка Рудика почти полтора часа.

В последние три года, пока Юля шла к заветной должности, на голову старшего Дорофеева одна за другой сыпались неприятности. Сейчас, когда он уже не руководил банком напрямую, а лишь давал согласие на крупные сделки, ситуация немного поутихла, но с его возвращением все опять активизировалось и Юля не могла это игнорировать. Кто преследует Дорофеева на протяжении многих лет? Все указывало на личную вендетту. Кого-то Дорофеев обидел, а может, обделил. Деньгами? Вниманием? Нанес ущерб?

Наконец-то позвонил Рудик и сообщил, что Ярик приехал на прием, но не один, а с малолетней моделью, которую Рудик видел впервые.

– Все как всегда. Ничего нового, – раздраженно изрек он. – Ты делаешь ему больно, он делает больно тебе в ответ. У вас взаимовыручка. Вы отличная команда.

– Мне нравятся предсказуемые люди. Точно знаешь, чего от них ожидать.

– Юля-Тигруля ты не должна сейчас быть одна, – предупредил Рудик, и Юля уловила в его голосе беспокойство.

- Справлюсь.
- А я вот сомневаюсь. Где ты? В шкафу?
- Пока нет, – усмехнулась Юля.
- Только не ходи в гостевую спальню, – предупредил Рудик. – Я все равно ее закрыл на ключ, так что даже не пытайся.
- Не пойду. Я придумала кое-что получше.
- Не-е-ет! – выкрикнул Рудик, догадываясь, на что она намекает. – Ты к нему не поедешь! Ты все этим испортишь, Юля. Тогда Ярика тебе точно не видать.
- А с чего ты взял, что он мне нужен?
- Я тебя не понимаю, Юля, – в трубке послышались шаги. – Я еду к тебе.
- Нет, Рудик, когда ты приедешь, меня уже не будет. Сегодня, когда мы с Яриком говорили, я кое-что поняла... Мы с ним как два разных полюса – Южный и Северный – никогда не пересечемся в одной точке.
- Что ты несешь? Вы три месяца не могли отлепиться друг от друга!
- Это был просто отдых на островах, пляж, солнце, секс! Все! Рудик, я не хочу выходить за него замуж. Я его не люблю и я ему не доверяю.
- Я так и знал! Понял это, когда ты не ответила на его предложение. Но зачем ты сняла с него все обвинения?
- Это было как пятьсот евро с Джанлука. Помнишь?
- Конечно, помню, господи, Юля. Ты не исправима!
- Мы оба бойцы. Наши отношения похожи на бокс. Сегодня мы уже сделали пробные удары и только разогреваемся.
- Что произошло? Вы что подрались? – заверещал Рудик.
- Скорее я дала отпор, он этого мне не простит. Воспитание не позволит ему ударить беременную женщину, но он будет меня изматывать. Бегать по рингу и наносить удары-обманки, чтобы я быстро выдохлась, а потом нанесет один сокрушающий удар и выиграет бой.
- Не пугай меня! Я и так сейчас от страха в штаны наложу! – Рудик куда-то бежал, Юля слышала, как он переходит из одной комнаты в другую. – Ты понимаешь, что слетишь с должности, если не дашь согласие на брак?
- Да, понимаю.

– Ты готова на эти жертвы? Мы оба знаем, сколько ты работала, чтобы стать управляющей!

– Не переживай, со мной все будет хорошо. Мне сейчас нужен только Роша. Только он даст мне силы и поможет разобраться, что мне делать дальше.

– Как? Он все еще в коме! И вы все еще брат и сестра!

Юля разъединила связь и зашла в гардеробную. Переодевшись в слитный черно-белый мотокомбинизон и мотоботы, она взяла шлем и спустилась на подземную парковку, где в отдельной секции стоял чоппер «Harley-Davidson». Юля надела шлем и оседала мотоцикл.

Через полчаса она уже стояла перед заведующим реанимационным отделением и парировала на каждый его выпад.

– Вы не понимаете что делаете! У него отек мозга! Его нельзя перевозить!

– В обед по телефону вы мне сказали, что отек спал.

– Спал, но не окончательно! Я категорически против транспортировки!

– Что здесь происходит? – услышала Юля за спиной знакомый голос.

Она обернулась и увидела того самого врача со «Скорой помощи». Из-за экипировки он не узнал ее. Но подойдя ближе, разглядел знакомое лицо и уставился на синяк. Только сейчас стоя между заведующим отделением реанимации и врачом «Скорой помощи» Юля заметила их внешнее сходство. Наверняка они родственники.

– О! Мирон! Ты как раз во время, – мужчины пожали друг другу руки. – Вот, госпожа Дубровина хочет забрать своего брата в частную клинику, – съехидничал заведующий, сотрясая разрешением, подписанным главным врачом.

– И в чем проблема? – удивился Мирон.

Вместо ответа заведующий отвел его в сторону и начал что-то горячо нашептывать. Юле это уже порядком надоело. Она оглядела бригаду врачей, которая в ожидании притихла у грузового лифта, и жестом дала понять, что сейчас все уладит.

Мирон похлопал заведующего по плечу и что-то быстро ответил. Затем подошел к Юле и сказал:

– Вы, конечно, можете забрать брата. Юридически ваша доверенность все еще действует, но...

– Еще? – зацепилась за резанувшее слух слово Юля и сжала шлем в руках.

– Я так понял, жена вашего брата подала иск в суд, чтобы опротестовать медицинскую доверенность.

– Вот как? – подбородок Юли взлетел вверх.

– А вы не знали?

– Нет, я с его женой не в ладах.

– Уверен, что на это есть причины. Но хочу вас предостеречь, если с пациентом что-то случится, то ситуация сложится не в вашу пользу. Вас могут привлечь к уголовной ответственности.

– Поверьте, доктор, – Юля произнесла это как можно убедительнее, – если я сейчас его не заберу, что-то точно случится.

Ее слова прозвучали двусмысленно и Мирон понимал, откуда дует ветер. Ночью он нос к носу столкнулся со знаменитым банкиром Дорофеевым. А так как младший Дорофеев во время реанимации в квартире неоднократно пытался добить его вчерашнего пациента, то Мирон сделал вывод, что именно он угрожает Воронцову.

– Хорошо, я вас понял, – он жестом подозвал ожидающую бригаду и зашел со всей процессией в отделение.

Позже, когда Романа грузили в частный фургон для перевозки реанимационных больных, Мирон кратко проинструктировал врачей и повернулся к Юле.

– Запишите номер моего мобильного телефона, вдруг вам понадобится консультация, – он продиктовал ей номер, и она тут же его набрала. Когда на дисплее телефона высветился ее номер, он улыбнулся и сказал: – А зовут вас Юлия, насколько я помню.

– Правильно помните, – ответила она без тени улыбки и пошла к своему мотоциклу.

Взглянув на то, как хрупкая женщина еле управляется с хромированной машиной, Мирон съязвил:

– Чоппер? Только не говорите что чоппер – состояние вашей души.

Юле хотелось ответить, что это состояние души ее мужа, но она сдержалась. Для непосвященного в ее жизнь человека слишком много неизвестных знаменателей в одном уравнении.

– Каждой избушке свои игрушки, – огрызнулась она, натянула на голову балаклаву, затем шлем, давая понять, что разговор закончен.

Улицу заполнило гулкое тарыхтение мотора. Мирон поднял руки, мол, понял с полуслова, не надо нервничать и проводил новую знакомую восхищенным взглядом.

Одноэтажный особняк частной медицинской клиники был расположен в лесополосе северо-западной части Подмосковья. В такой поздний час в отсутствие пробок Юля могла бы доехать сюда за двадцать минут, но «Скорая» ехала очень медленно и дорога заняла почти полтора часа.

Угловая просторная комната, в которой разместили Романа, была залита ярким светом люминесцентных ламп. Широко расставив ноги, Юля стояла у окна и в стеклянном отражении наблюдала за работой врачей. По их словам транспортировку Роман перенес удовлетворительно. Глядя на обездвиженное, покрытое синяками и кровоподтеками тело, Юля сжала челюсть и чуть слышно застонала. До начала ее личного апокалипсиса оставались считанные часы. Как только босс узнает, что она вернула кольцо Ярику, в нее полетят отравленные стрелы. И все это будет происходить, пока ее Роша балансирует между жизнью и смертью.

Когда аппаратура была подключена, в комнату вошел Аслан, нанятый ею телохранитель, и жестом попросил Юлю выйти.

– Обзвонил всех его родственников и друзей. Уф! – выдохнул Аслан, когда они вышли в коридор. – Ну, у него и жена! Шайтан в женском облиции.

Юля подняла глаза.

– Проблемы?

– Она требует доступа для себя и ребенка в любое время. Отговорка «В целях безопасности» вызвала у нее истерический смех.

– Я сказала один раз и повторять не буду. Время посещения родственниками с девяти до двенадцати утра. Вторая половина дня будет вся посвящена только медицинским процедурам. А после семи часов здесь вообще ни одной души не должно быть. Только дежурный врач, медсестра и охрана, – Юля огляделась. – Моя комната готова?

Аслан кивнул и почесал затылок.

– Чего ты мне не договариваешь?

– В смысле? – Юля сжала шлем.

– С кем мы воюем? Откуда ждать удара? Кто для Романа опасен?

– В первую очередь Дорофеевы. Никто из троих не должен контактировать с Романом. Ярик будет сюда прорываться любыми путями. Не исключено, что попробует подослать своего человека. Пока Роман не вышел из комы под прессом буду я, а потом – он.

– Вы что с братаном утянули у них деньги?

– Господи! Нет! Как тебе такое в голову могло прийти?

– А чего ты вдруг с ними начала воевать?

– Это личное. Только личное, никакого бизнеса.

– Всегда замешан бизнес. Иначе такой заварушки не было бы.

– Чем меньше ты знаешь, тем лучше.

– Ты всегда так говоришь. Лучше для кого? Я мог бы тебе помочь, посоветовать, если бы знал, в чем конкретно дело.

Юля закатила глаза.

– Прекрати так делать!

– Как?

– Глаза к небу закатывать, небо тебе не поможет.

Юля вздрогнула. Если бы он знал, как близок к истине!

– Юля, мы много лет дружим. Выручали друг друга сотни раз. Ты близкая подруга моей сестры. Кто-то может навредить тебе и твоему брату, а ты предлагаешь мне просто стоять и смотреть на это?

Юля тяжело выдохнула.

– Аслан, тут в двух словах не объяснишь, понимаешь? Это долгий разговор, а времени у меня сейчас нет. – Юля повернулась на шум шагов и увидела врача-реаниматолога. – Договорим позже...

– Мы подключили пациента к аппаратам, – начал докладывать подошедший врач, – Состояние стабильное. Завтра утром скорректируем курс лечения и пригласим травматолога.

Юля тут же потребовала оставить ее с братом наедине.

– Это можно устроить?

– Давайте для начала не больше получаса, а завтра посмотрим на его показатели.

Верхний свет уже выключили, комната освещалась только двумя бра по обе стороны кровати. Юля вынула из кармана медальон, который подобрала в роковую ночь с пола и надела Роману на шею. Затем сняла мотоботы и легла рядом с ним на кровать. От прежней горячности Романа не осталось и намека. Тело было прохладным, а руки ледяными. Она уткнулась в его грудь и вдохнула запах. Он был каким-то незнакомым, чужим, пропахшим чем-то химическим. Тогда она положила его припухшую от ушибов ладонь на свою щеку.

– Роша, – прошептала Юля. – *Amore mio*, вернись, пожалуйста.

Ее переполняли чувства. Роша здесь, с ней рядом. Он ее Небо! Ее смысл жизни. Позади десять мучительно долгих лет разлуки. Юля сама не знала, что будет между ними, когда он очнется. Если он очнется! Сейчас она не сомневалась, что его страстный порыв, что привел к катастрофе, был просто срывом, криком души. Позже он бы одумался, ведь у него жена и сын.

Монотонный писк аппаратов поначалу немного раздражал, но вскоре Юля перестала на него обращать внимание. Она гладила пряди его белокурых волос. Накануне они были так красиво уложены. Роман сделал новую стрижку после их первой встречи, и вчера Юля не раз кидала на него восторженный взгляд.

– Это я, твоя Тетеха. Наделали мы с тобой делов... не знаю, что теперь и будет. Так что ты возвращайся поскорее, а то мне одной уже не вмоготу.

Юля говорила и говорила, вспоминала знаковые события из их жизни. Ей не хотелось затрагивать последние дни, поэтому она сконцентрировалась на тех, что были в съемной квартире, окна которой выходили на храм.

Воспоминания и близкое присутствие возлюбленного так распалили Юлю, что через несколько минут внутри нее уже бушевал огонь. Так страстно она реагировала только на него. С ним она действительно жила, а не влачила жалкое существование. Только он заставлял трепетать каждую клеточку ее тела.

Настойчивый звонок мобильного телефона прервал ее воспоминания. Как же ей не хотелось отрываться от Роши! Юля встала с койки, извлекла телефон из куртки и взглянула на дисплей. Из груди вырвался тяжелый стон. Вот и закончилась ее спокойная жизнь.

– Да, Дмитрий Юрьевич, – отозвалась она полусонным голосом.

– Ляля! – прокричал босс. – Немедленно ко мне! И повторять я не буду!

– А до завтра это подождать не может? – с надеждой пробормотала Юля.

В ответ босс прокричал еще громче:

– Нет! Не может! Иначе бы не звонил! И надеюсь что ты с охраной, иначе шкуру спущу!

Юля закатила глаза и начала обуваться. Застегнув мотоботы, она поцеловала Романа в губы и попрощалась с любимым:

– Пожелай мне удачи, dolce mio.

Глава вторая «Выжидательный ход⁴»

«...Юля думала о том, какой чистой и невероятно наполненной была их любовь с Рошей. Что не нужны им были искусственное усиление ощущений. Им нужны были только они. Солнце и Небо! Когда он был рядом, все ее тело плескалось от обилия переполняющих чувств. Достаточно было одного его прикосновения, поцелуя или страстного взгляда и ее уносило в то самое измененное состояние сознания, где были только они вдвоем, только их любовь, только их единение...».

Наши дни

---

⁴ Выжидательный ход — шахматный термин, обозначающий ход, с помощью которого одна сторона передает очередь хода другой.

На въезде в особняк старшего Дорофеева охрана, нанятая на время проведения благотворительного мероприятия, сначала скалилась, отпускала двусмысленные шуточки, затем заставила снять шлем. Нарочито долго сверялась со списком приглашенных, а потом отказала ей во въезде. После чего Юля позвонила боссу и в течении минуты перед ней в обе стороны распахнулись кованые ворота. Она показала тому, кто больше всего с ней пререкался поднятый средний палец, шумно газанула и услышала за спиной свисты и одобрительные возгласы.

Дом старшего Дорофеева был настолько приторно помпезен, что вызывал тошноту. Юля всегда удивлялась, зачем Дмитрий Юрьевич его купил. Прежний дом был дальше от Москвы, но намного комфортнее и хоть отдаленно отражал характер хозяина. Этот же «Гигант барочной мысли» мог подойти только тому, кто из грязи в князи выпрыгнул накануне вечеринки, а не четверть века назад, как Дорофеев старший.

Ее приезд вызвал переполох и негодование гостей. Чтобы хоть как-то снять раздражение съедавшее ее изнутри Юля разогнала с подъездной дорожки праздного разгуливающего столичный бомонд и затормозила перед лестницей. Какая-то дама, испуганная урчанием мотоцикла, продолжала визжать и возмущаться даже тогда когда Юля заглушила мотор. Рудик встречал Юлю стоя на первой ступени лестницы, которая своей протяженностью напоминала Потемкинскую. К ней тут же подлетели двое охранников, но Рудик сказал, кто она и те мгновенно ретировались. Юля сняла шлем и потрянула головой.

– Я догадывался, что меня ждет беспокойная ночка, но никак не ожидал увидеть тебя в образе байкерши. Соскучилась по мужу?

– Кстати о муже... – Юля опустила подножку и слезла с мотоцикла, – надеюсь, ты не телеграфировал ему о помолвке?

– Я что, по-твоему, смертник? – Рудик чмокнул ее в щеку и подметил пылающие глаза. – И что тебя так возбудило? Мотик или Роша.

– Оба, – буркнула Юля и побежала вверх по бесконечно длинной лестнице.

Уже на подходе к открытой террасе Юля увидела взбешенного Ярика. Не стесняясь в выражениях, он обложил ее матом и заорал как резанный.

– Какого хрена ты творишь?!

Юля даже не взглянула в его сторону, от чего он еще больше завелся и рванул к ней со скоростью торпеды. Он бы точно ее ударил, но между ними вклинился Савва и заслонил Юлю своей внушительной фигурой.

– Яр! Остынь!

– Она носит *моего* ребенка! – заорал Ярик. – Я что должен смотреть, как она убьет его на ближайшем перекрестке?!

Юля намеревалась сегодня на нем отыгаться. Вместо того чтобы скрепить их союз, Ярик дразнил ее – пришел на официальный прием с моделью. В глубине души она понимала, что его демонстрация была, скорее всего, для отца, чем для нее, но окружающим это не объяснишь.

– Не помню, чтобы мы делали генетическую экспертизу, – нахмурилась она и перевела гневный взгляд на Ярика. – С чего ты взял, что это твой ребенок?

Ярик сжал кулаки, желваки заходили ходуном. Казалось, еще мгновение и он разорвет ее на части. Савва попытался перевести разговор на другую тему, но сделал только хуже.

– Рыжик, отлично выглядишь в этом прикиде!

– Осторожно, Савва, – предостерегла Юля и ткнула его в грудь указательным пальцем, – твой братец сегодня запретил мне общаться с тобой не по деловым вопросам.

– Что?! – Савва уставился на младшего брата. – Ты с головой вообще дружишь? Она моя подруга и крестная мать моей дочери.

Вокруг громко ахали, шушукались и щелкали новомодными и дорогими мобильными телефонами. Юля не сомневалась, что завтра эта сцена станет лидером просмотра в социальных сетях.

– Вы пока поделите между собой игрушки девочки, а я поговорю с боссом.

Она хотела уйти, но Ярик сделал рывок, схватил ее за шею и притянул к себе. Заглянув ей в глаза, он зашипел со злостью:

– Ты что, под кайфом? Глаза горят как после коки!

Его пальцы начали смыкаться на ее шее, и пока он не преодолел болевой порог, Юля выдала:

– Нет, дорогой, это из-за того что я сжимала между ног зверя почти в триста килограмм. Кстати, если хочешь со мной подраться, учти что ноги сейчас самая уязвленная часть моего тела.

Ярик фыркнул и отпрянул от нее как от чумы. В глазах промелькнула страсть, и Юля не устояла, добавила немного топлива в разгорающийся пожар.

– Я так и думала, бить на людях ты меня не будешь. Найдешь более изощренный способ мести.

Юля развернулась и быстро преодолела просторный вестибюль. Старший Дорофеев уже летел ей навстречу. Волосы стояли торчком, будто он не раз в ужасе хватался за голову. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Юля подбоченилась и выпалила:

– Вы когда-то мне советовали внести в скучное мероприятие разнообразие!

Ей в спину дышали оба брата.

– Господи! Ляля! Ты сейчас хуже Ярика. Мало мне было одного бунтаря в семье, теперь еще и ты! – потряс кулаками перед ее лицом старший Дорофеев и оглядел ее восторженно-укоризненным взглядом. – Без охраны! На мотоцикле! Беременная!

– Я тоже вас люблю, Дмитрий Юрьевич.

– Да ты сегодня лед и пламя! Кто это так тебя распалил?

– Ваш младшенький, – Юля хохотнула и покосилась на Ярика. При отце он точно ее не тронет, но вот потом... – Только он может зайти к сгорающей от страсти обнаженной женщине в душ просто помыться и уйти.

Савва беззвучно посмеялся, но поймав гневный взгляд брата, уткнулся в телефон и сделал вид, что читает сообщение.

– Я искренне рад, что вы нашли друг друга. Все гадал, какая же женщина сможет укротить моего сына. Даже не подозревал, что в тебе спит такая страсть, Ляля. Чувствую, в нашей семье теперь будет нескучно, – босс хмыкнул и жестом приказал всем идти за ним. – Пора утрясти все пункты завещания, дети мои.

На лестнице к ним присоединился Иосиф Наумович – бойкий и юркий адвокат семейства. Когда дверь кабинета закрылась, старший Дорофеев опустил в свое объемное рабочее кресло и тяжело вздохнул. Оба сына заняли два кресла напротив стола, а Юля, со скучающим видом нарочито подчеркивая

непринадлежность к семейству, расположилась на диване и положила шлем на колени.

– Савва, хочу отблагодарить тебя за все, что ты делал, делаешь и будешь делать для семейного бизнеса. Я горжусь тобой, хотя признаюсь, я с самого начала знал, что институтский диплом написал не ты, а Ляля.

Савва и Юля обменялись красноречивыми взглядами и усмехнулись. Оба с теплотой вспомнили веселые студенческие деньки.

– Ты прекрасный отец и я горжусь успехами своих троих внуков. Считаю, тебя талантливым руководителем и вы с Лялей отличная команда. Единственное чем я недоволен, это твоими вечеринками с братьями-банкирами.

Юля закатила глаза. Босс говорил о видео, которое просочилось в прессу два месяца назад, когда Юля была в отпуске.

– В тот момент, когда рубль положили на лопатки и наш банк увольняет людей без выходных пособий, ты с друзьями закатываешь вечеринку, на которой модели дерутся в бассейне с черной икрой.

– Да ладно! Братан! – захохотал Ярик. – Я хочу на это посмотреть!

Отец зыркнул на младшего сына и тот поостыл, но хитрая улыбочка расплылась еще шире, когда отец продолжил распекать Савву.

– Скандал с малолетней любовницей это сверхнеосторожность и неуважение не только к жене, матери твоих троих детей, но и к остальной семье.

– Меня это никак не оскорбляет! – задиристо воскликнул Ярик.

– А эта история со стрельбой в покерной игре... – продолжил Дмитрий Юрьевич, игнорируя выпады младшего сына. – Ты сидел в метре от того парня.

Юля вспомнила, что полгода назад в одном из ночных клубов был застрелен друг Саввы, но то, что там играли в покер, она слышала впервые.

– И как такое возможно, что после убийства твоего друга, вы не только не вызвали полицию, а вынесли бедолагу в другую комнату и продолжили игру!

Ярик перестал ухмыляться, с шумом втянул воздух в легкие и уставился на брата, всем своим видом давая понять, что ждет объяснений, но Савва тяжело вздохнул и отвернулся. Юля окаменела. Вот это да!

– Сколько ты в тот день проиграл? Пол-лимона? Лимон?

– Примерно лимон... – подтвердил Савва обыденным тоном, будто говорил о пене для бритья.

Старший Дорофеев встал и, засунув руки в карманы брюк, прошелся по кабинету.

– Ляля, в тот момент, когда ты торгуешься за каждую копейку, твой друг Савва, которого ты так рьяно все время защищаешь, проигрывает миллион долларов! Рядом с трупом друга...

– Нас не выпускали! – попытался оправдаться Савва. – На кону был палтос лимонов! Думаешь, кого-то интересует какой-то труп? Это для меня он друг, а для тех с кем я играл – мешок с пеплом.

– Я даже комментировать не буду твои слова! – рявкнул старший Дорофеев. – И лучше помолчи, иначе я за себя не отвечаю!

Сыновья тут же подобрались и заметно занервничали. В прошлом их отец был военным чиновником, командирский голос выработал еще до рождения Саввы.

– Переходим к тебе Ярослав.

Босс вернулся в свое кресло и положил руки на стол ладонями вниз. Юлия заметила, как скрестились взглядами отец и сын – сейчас начнется битва!

– Я всегда говорил тебе сынок, что хочу, чтобы ты был счастливым и занимался любимым делом...

– Это когда такое было? – съехидничал Ярик.

Дмитрий Юрьевич зачесал пятерней назад заметно поредевшие волосы и продолжил свою мысль:

– ...а ты всегда меня разочаровывал. Растрачивал жизнь впустую.

– Это ты научил толкать речи Фиделя Кастро? – Ярик выудил из коробки из красного дерева сигару и покрутил в руках. – Уж больно схож лексикографический запас. Раз так, отвечу словами твоего друга: «Можете осуждать меня. Это не имеет значения – история меня оправдает».

Ярик раскурил сигару и выпустил струю дыма в отца.

– Только по медицинским счетам, которые приходили с завидной регулярностью, я мог понять, что ты жив и в какой стране вяпался в очередную

передрыгу. А когда я приступил к составлению завещания, не скрывая своих намерений лишить тебя наследства, Ляля и Савва заступились за тебя.

Со словами: «Благодарю вас команданте» Ярик манерно склонился перед братом, но Юлю оставил без внимания.

– В тот момент Ляля собиралась на отдых, и я предложил ей нашу виллу в Доминикане. Ехать туда она не хотела, но мы с Саввой настояли. Через неделю во время служебного разговора я осведомился как ты там, и она сказала, что возможно я несправедлив к тебе, и я попросил ее, так сказать, присмотреться, – босс перевел взгляд на Юлю. – Мне и в голову не пришло, что она так увлечется моим отпрыском и закрутит с ним роман. Он ведь полная противоположность тому испанцу.

Савва потер нос и вытянул ноги. По его задумчивому виду, Юля поняла, что он, как и отец, не в восторге от ее отношений с Яриком.

– Честно говоря, Ляля, я хотел кое с кем тебя познакомить. И в свете перспектив в Штатах уже начал пробивать открытие зарубежного филиала. Ты могла бы возглавить банк с тем мэном, которого я тебе прочил. Он бы тебе непременно понравился. Умный, красивый, хорошо образованный, амбициозный, сын русской эмигрантки и отпрыска старинного американского рода банкиров, – босс перевел дыхание, продолжая сверлить свою протееже взглядом. – Я всеми фибрами ощущал, что Москва душила тебя. Откуда ж мне было знать из-за кого... я думал, что моя девочка выросла из своих штанишек, и хочет большого полета.

Юля подняла глаза на босса и покраснела. А Ярик впервые осознал, что не просто перебежал дорогу отцу, а порушил его далеко идущие планы. От чего испытал такое удовольствие, что не удержался от улыбки. Так значит, Юле уже был подобран жених? В Штатах!

– А Ляля закрутила роман с Яриком и смешала мне все карты. Мы бы конечно все сейчас же уладили и вместе улетели в Нью-Йорк. Но вчера я узнаю, что Ляля беременна. Я спрашиваю сына, что он намерен делать, а он говорит: «Ничего! Не хочу быть вторым номером». Ляля, мол, любит брата и эта страсть не на месяц и год, она уже длится семнадцать лет. Я понимаю сына, он-то знаком с Лялей всего три месяца. Тогда я вызываю Лялю к себе и спрашиваю, что она намеренна делать, а Ляля говорит, что собирается восстановить здоровье брата и

вернуть его в семью. Что он ее уже дважды предал, и третий шанс она ему не даст. Тогда я говорю, что она могла бы выйти замуж за Ярика, а она мне заявляет, что нет, мол, у Ярика полно проблем со здоровьем и психикой, а заниматься он ими не хочет. Мало того оказывается у моего сына есть *особые* сексуальные предпочтения и она их удовлетворить не может. На договорной брак она тоже не согласна. И мы в тупике... – старший Дорофеев откинулся на спинку кресла и закусил губу. – Что делать ума не приложу...

Юля с Яриком впервые за время разговора взглянули друг на друга и тут же оба запылали от гнева.

– Вот смотрю на вас и вижу гнев и страсть. Черт его знает, что между вами.

– Да любовь у них, пап. Просто Яр ни с кем не посоветовавшись полез не туда куда надо.

Юля хмыкнула. Еще утром Савва говорил, что не верит в их с Яриком любовь, а теперь заявляет обратное. Юля скрестила руки на груди и, разглядывая Савву, чуть наклонила голову.

– В смысле? – непонимающе уставился отец на старшего сына.

– Он решил, что на свадьбе должны присутствовать все родственники Ляли и начал наводить мосты с ее родаками и старшим братом. Привез Лялю на хату к брату и вот тебе сюрприз! Яр не знал, что они были мужем и женой два года.

Босс вскочил на ноги и быстро подошел к дивану.

– Ляля? – в его голосе чувствовалось сочувствие, и глаза Юли мгновенно наполнились слезами. – Это правда?

Юля кивнула.

– Как такое возможно?

– Они считались сводными, – продолжил Савва. – Правду им открыли только после двух лет брака. Оказалось что у них один отец. Роман тут же собрал вещички и будь готов. Подал на развод. А Ляля ему это не простила. Конец истории.

Видимо братья уже обсудили откровения Юли, потому как Савва был уже посвящен в детали. Но с отцом почему-то информацией не поделились.

– Не понимаю, почему тогда он сейчас в реанимации?

– Потому что он решил, что может забрать у меня мою женщину и моего ребенка! – заорал Ярик и вскочил на ноги. – Видите ли, у них чувства проснулись.

Он начал мерить шагами комнату. Юля вся напряглась.

– Да, это конечно, все меняет, – босс сел на диван рядом с Юлей, словно хотел защитить ее от сына. – Но нашу ситуацию не решает. Так что будем делать?

– Старший Дорощеев обвел всех присутствующих взглядом.

– Не знаю! – выпалил Ярик и вышел на балкон.

Юля прочистила горло и еле слышно произнесла:

– Вы ведь уже приняли решение. Так не томите.

Босс кивнул и деловито проследовал к столу, но на этот раз садиться не стал. Сложил руки на груди и впялил взгляд на младшего сына. Заговорил он только тогда, когда Ярик докурил сигару и вернулся в свое кресло.

– Мы поступим следующим образом: пятьдесят процентов акций получает Савва, пятьдесят процентов делят между собой Ярик и Ляля. Пока я еще не решил, в какой пропорции. Если они идут на компромисс и создают семью, то получают за каждый год семейной жизни и за каждого рожденного ребенка бонус из специального фонда. Ваши доли нельзя продать, нельзя переуступить, нельзя подарить. Можно только получать проценты с прибыли. Если вы выходите из правления банка, то ваша доля отходит благотворительному фонду. Это в первую очередь касается тебя Ярик. Либо ты пашешь, как раб на галерах, либо едешь назад с пустым карманом в Доминикану.

Лицо Ярика пылало от гнева. С опаской Юля переводила взгляд с сына на отца, ожидая, что Ярик в любой момент может взбрыкнуть и начать выделываться. Но младший Дорощеев лишь ухмылялся, не сводя сверлящего взгляда с главы семейства.

– Ляля, – обратился к ней босс. – Когда ты родишь моего внука, то на его имя будет открыт трастовый фонд и по достижению двадцати одного года он получит к нему доступ. Если ты уйдешь к своему брату, но лишаешься всей доли в бизнесе и должности.

– Пап, а ты не круто? – подал голос Савва.

– Нет, сынок. Это семейный бизнес. Если она не в семье, то лишается всех привилегий.

Савва кинул на нее предупреждающий взгляд, он знал, сейчас Юля пошлет всех подальше, вскочит на своего железного коня и поминай, как звали.

– Ляля, – Юля подняла глаза на босса, – если ты потеряешь ребенка, не дай бог, конечно, но согласишься на мои условия со Штатами, то считай, что ты прощена и снова в семье.

Босс намекал на брак по расчету и от этой мысли у Юли мороз пробежал по коже. Мол если мой сын так тебе противен выйдешь за того на кого покажу.

– У нас сегодня игра в одни ворота или можно высказаться? – спросила Юля, подняв руку как школьница.

Старший Дорофеев сел в кресло и жестом дал понять, что слушает ее.

– Мне от вас ничего не надо. Шесть лет я работаю на вашу семью и получаю солидную зарплату и бонусы. На большее я никогда не рассчитывала.

Ярик фыркнул, а Савва кинул на него вопросительный взгляд.

– Да, я закрутила роман. Теперь я понимаю, что это было моей самой большой ошибкой. Но я не дам согласие на предложение Ярика вступить в брак. Да, мы с Романом его спровоцировали, но у нас была предыстория, а у него не было никакого права вести себя подобным образом, потому как технически он мне даже не жених. Он мужчина, с которым я провела свой отпуск. Можно было пару раз встряхнуть брата, чтобы все очнулись, потребовать объяснений, но он ничего не спрашивал. Молотил Романа как грушу, пока тот не потерял сознание. У моего брата был бизнес, жена и сын. У него была налаженная жизнь. Пока в его доме не появился Ярик. Теперь Роман в коме. По оценке врачей, даже если он придет в себя, то ему грозит паралич. Вы знаете, что мы нужны всем здоровые и богатые, ни жена, ни его друзья не выдержат многолетнего ухода за лежачим больным. А это значит, что брат окажется на моем попечении.

– Рыжик, подытоживай, – посоветовал Савва и тяжело вздохнул. – Чего ты хочешь?

– Я требую для себя и моего брата иммунитета. Никто не должен нам угрожать и плясать на наших костях. Оплату всех его медицинских счетов, а они будут солидные, даже не сомневайтесь. Я не отказываюсь от работы, не бросаю вас, хотя могла бы в данной ситуации. Но мои условия должны быть приняты здесь и сейчас.

– Кто тебе угрожает? – спросил Савва. – Яр?

– Да.

Ярик фыркнул и выдал протяжное «La trola⁵». Юля прекрасно его поняла, но все же продолжила излагать свою мысль:

– Сегодня он оттаскал меня за волосы. Завтра что? У него откуда-то доступ к моей квартире. Он заходит и уходит когда хочет и охрана меня о его приходе не оповещает, будто я его собственность. По-вашему, я не должна бояться его расправы? И как я могу выносить ребенка в таком страхе?

– Доступ я ему перекрою, – тут же встревожился босс.

– По поводу ребенка, – Юля сглотнула. – Конечно это ребенок Ярика. Последний секс у меня был полтора года назад.

– Испанец, – вставил отец.

Юля кивнула.

– Что? Ты серьезно? – округлил глаза Савва.

Юля развела руками, мол, чего ты удивляешься. Интересно, чтобы сказал Савва, узнай, что до испанца у нее шесть лет никого не было. Ярик смотрел на нее изучающим взглядом, он знал, о ком шла речь.

– Есть еще один нюанс в моей личной жизни, который может повлиять на законность рождения ребенка.

Юля дождалась, когда все присутствующие перевели на нее взгляд, в первую очередь адвокат и выпалила:

– Мой муж!

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Братья Дорофеевы переглянулись между собой, потом оба вопросительно посмотрели на отца. Тот покачал головой, мол, впервые слышу.

– Кто-кто? – переспросил адвокат.

– Я замужем уже восемь лет за лучшим другом детства. Нашим с Романом другом. Он не раз прикрывал нас перед родителями.

– Позвольте полюбопытствовать, кто он? – спросил адвокат.

Дорофеевы пока не обрели дар речи.

– Его зовут Лев Абрамов.

---

⁵ La trola (исп.) – брехня.

– Ты замужем за евреем? – засмеялся Савва. Адвокат кашлянул, и Савва тут же пояснил: – Я ничего не имею против евреев, просто не ожидал такого поворота. Что дальше, Рыжик? Твоя мать агент Моссад?

– Нет, но Лева работал пару лет на ФСБ специальным консультантом, так что полегче с ним. Да он вам и не по зубам. И от евреев там только одна фамилия.

– Ваш муж знает о беременности? – адвокат напомнил всем присутствующим линию разговора.

– Пока нет. Как собственно и о бурном романе на отдыхе.

Босс встряхнул головой, будто смахивает из памяти страшный сон и вскочил на ноги.

– Ляля, что ты несешь? Какой муж? Где он был все это время?

– В Китае, Непале, Японии... он объездил всю Юго-восточную Азию. Да вы его все знаете.

Мужчины в недоумении переглядывались и Юля разъярилась:

– Господи, да вся страна знает его под псевдонимом Иша.

Савва и Ярик одновременно чертыхнулись.

– Так вот почему мы дважды смотрели с ним интервью! – догадался Ярик.
– Он же чудик!

– Лева всю жизнь занимается восточными единоборствами. Он шесть лет прожил в китайских монастырях. То, что он умеет в России не умеет никто. Сейчас он готовит нашу сборную к соревнованиям в Японии.

– Так Иша же проповедует целибат! – вспомнил Ярик.

– Да. У него никогда не было сексуальных отношений. Он считает это потерей энергии.

– Подожди, – вскочил Ярик и подошел к Юле. – Ты хочешь сказать, что вы никогда... – неприличным жестом он показал, что имел в виду, и Юля закатила глаза. – Так какой же это брак?

– Договорной, Ярик. Вот именно поэтому я и отвергла твоё предложение. Я сыта этим по горло. Хочу настоящую семью.

– Что он захочет за расторжение брака? – снова включился в разговор адвокат.

– Ничего, – ответила Юля и тут же подняла указательный палец, – но... попусту может его не дать. Из принципа.

– По какой причине? – спросил адвокат и поправил квадратные очки на переносице.

– Например, если узнает, что мой жених избил его лучшего друга и довел его до инвалидности, – выпалила Юля.

Ярик застонал и снова вышел на балкон.

– Чертовка! – то ли восторженно, то ли с осуждением произнес Савва. – Какая же ты чертовка! Рыжик! И молчала все это время! Как ты вообще дала согласие на брак... с этим... пф-ф... Ишей.

– Отдельная история, – отмахнулась Юля, ей не хотелось поднимать сейчас еще и эту тему.

– Ладно, – философски изрек старший Дорофеев и взглянул на часы. – Нужно подводить итоги, а для этого мне нужно задать Ляле еще пару вопросов. – Он взял папку со стола и сел рядом с Юлей на диван. – Скажи мне кто стоит за этой сделкой, – он протянул документы, и Юля узнала контракт, который они обсуждали с Саввой.

– Я думаю, что Айратов, – ответила Юля и пояснила детали.

Когда она закончила, отец взглянул на старшего сына.

– На этот раз они подобрались через Жанну.

– Вот так, значит... – изрек босс и, уловив колебания Юли тут же отреагировал: – Что?

Юля опустила глаза, и Савва понял намек.

– Жанна – моя любовница, вот что хочет сказать Ляля.

– Понятно, Савушка, – закивал отец и Савва побледнел. – Видимо нам с тобой завтра придется поговорить отдельно. Про пробы, которые ты делал. Про эту Жанну и этот контракт. А пока, – он перевел взгляд на Юлю, – следующий вопрос: Шамиль Айратов делал тебе предложение о работе в Лондоне?

– Не Шамиль, – поправила его Юля, – его сын, Марат. И якобы без ведома отца.

– Так, и что?

– Что? – нахмурилась Юля.

– Что ты ему ответила? – наседал босс.

– Ничего... – Юля развела руки в стороны, давая понять, что не видит в этом проблему. – Сказала, что подумаю.

– Вот как? А что тут думать? Почему бы сразу не отказать им?

Ярик вернулся в кабинет и стал вслушиваться в разговор.

– Меня очень насторожило, что он буквально сыпал моими собственными фразами. Понимаете?

– Ты решила, что тебя прослушивают...

– Да.

– И что ты предприняла?

– Я попросила Савву проверить мою квартиру. Она ведь новая. Только-только после ремонта, и там много всякого народа шныряло. Кто его знает...

– Так... проверил Савва? – Дорофеев взглянула на сына, тот кивнул и жестом показал, что все чисто. – И?

– Тогда я проверила все свои средства связи. Опять ничего. Я заподозрила подругу, факты, которыми сыпал Марат, были озвучены ей в частной беседе. Начала ей подкидывать информацию, но та каждый раз переводила разговор и давала понять, что ей это не интересно. Информация нигде не просочилась, оставалось только то, что нас могли слушать в ресторане.

– Обочина рядом. Они сидели на летней веранде. Включил аппаратуру и записывай, – пояснил Савва.

Дмитрий Юрьевич почесал подбородок и тяжело вздохнул.

– Так ответь им завтра, Лялечка. Позвони этому Марату и скажи, что принимаешь его предложение.

– Что? – Ярик вскочил с места и запротестовал: – Ты посылаешь беременную в стан врага?

Старший Дорофеев фыркнул.

– Никуда я ее не посылаю. Я прошу позвонить, – он повернулся к Юле и пояснил: – Возможно после покушения на отца, сын вообще откажется с тобой говорить и тем более встречаться. Но если пойдет на контакт, назначь ему встречу и скажи, что в свете вчерашних событий – не говори конкретно каких, а просто намекни на личные обстоятельства – хочешь от нас уйти. Если они в курсе твоего

брата, то разговор продолжиться. Если нет, то ему придется вернуться в офис, и навести справки. А тут уже я подключусь. Поняла?

Юля кивнула.

– А теперь самое главное, Ляля. Подумай, и назови мне условия, на которых ты готова выйти замуж за моего сына. Я не могу его назвать достойной для тебя партией, но обстоятельства таковы. Проблемы со здоровьем мы решим, за это не волнуйся. И пальцем он тебя больше не тронет. Сексуальные предпочтения? Дети мои, вы же как-то прожили на острове три месяца и насколько я знаю, были довольны оба, – босс поднялся с дивана и встал между младшим сыном и Юлей. – И ты сынок подумай. Разве есть женщина, к которой ты испытывал подобные чувства? Разве был ты так счастлив, как в последние три месяца? Это ведь ты не находил себе места после ее отъезда. Ты названивал брату и спрашивал о прошлом Ляле, о ее семье. Она зацепила тебя. И тогда ты ничего о беременности не знал.

Юля и Ярик обменялись короткими жалающими взглядами.

– Сейчас вы ненавидите друг друга, но клянусь богом, я никогда вас обоих такими не видел. А значит, за вашими эмоциями кроется сильное разочарование. Вы оба на что-то надеялись и не получили этого. Давайте выясним, чего вы хотите друг от друга на самом деле? Я не давлю на вас. Больше всего на свете я хочу, чтобы вы оба были счастливы и если есть хоть один шанс, что вы можете стать семьей, я его использую. Но... – Дорофеев тяжело вздохнул, – это должно быть взвешенное, всех устраивающее решение. Без резких разворотов на полпути.

Дорофеев прошелся по кабинету взад-вперед.

– Твоему брату, и уж тем более тебе Ляля, я даю гарантию, что никто находящийся в этой комнате не сделает вам ничего плохого. Поднимай его на ноги, отправляй в семью, как ты запланировала. Это очень мудрое решение, если конечно он согласится. Из рассказа сыновей я понял, что Роман намерен тебя вернуть.

– Мы – брат и сестра. Будущего у нас не было и нет, – Юля говорила это так убедительно, что сама уже начала в это верить.

– В правоте твоих слов сомнений нет, Лялечка, но любовь штука коварная... Ради любви ты уже в прошлом на многое шла. Ты скрывала от нас

правду. От родителей. Ты можешь скрывать правду и от самой себя. Это ведь легко сделать, пока он в коме. А когда очнется? Разве ты не будешь чувствовать угрызения совести из-за того что он станет инвалидом? Разве ты откажешь ему в любви и верности, если он попросит тебя об этом?

Голос босса лился как ручеек. В интонации появились слащавые нотки, а это происходило тогда, когда Дмитрий Юрьевич кого-то обрабатывал, склонял на свою сторону. Сейчас она уязвимое звено и старший Дорофеев хочет укрепить свои позиции.

– А чего вы боитесь? – спросила Юля напрямик. – Я работник по контакту. Допустим, я ушла к брату, и что? Я не понимаю, в чем ваш личный риск?

– Утечка. Понятно, что мозгов, ресурса, но не только... Главное, конечно, информации.

– Я подписала кучу всяких контрактов о неразглашении. Вы меня можете засудить так, что я не расплачусь до конца жизни.

– А если ты вступишь в сговор с властями? В обмен на сделку для себя и брата. В твоих руках вся моя семья... мои дети и внуки, – Дорофеев потряс головой и категорично добавил: – Я не могу рисковать.

– Тогда пусть Иосиф Наумович, – Юля показала в сторону адвоката, – светлая наша голова придумает, какие гарантии я могу предоставить. И я их предоставлю. Вы будете спокойны. Я буду спокойна, и все вернется на круги своя.

– Мы уже тебе сказали – брак с Ярославом. Вот это реальная гарантия, что ты никуда от нас не денешься, – босс злобно сверкнул глазами. – Ведь ты не захочешь, чтобы твой брат или его сын пострадали? Ты ведь такой груз не выдержишь?

Юля похолодела. Босс угрожал ей уже в открытую. Чисто гипотетически она ожидала такой реакции, но когда это произошло в реальности, опешила и потеряла дар речи. Ей вдруг вспомнилось как Роша в первый день их знакомства, стоя в ее спальне, спросил ее мать: «А то что?». И она горько усмехнулась. Да, будь Роша сейчас здесь, он бы точно нашел выход из положения.

– Хорошо, Дмитрий Юрьевич, я обдумую ваши слова. Но даже если я приму на каких-то условиях брак с Ясей, то сначала я хочу знать, что и как из

этого выйдет... – Юля перевела взгляд на Ярика, – из его уст... пусть скажет, что чувствует ко мне и что может предложить.

– Ясей? – переспросил босс и улыбнулся. Такой искренней улыбки она уже давно у него не видела. – Ляля, ты любишь моего сына и не морочь мне голову. Господи, – он встал и потел лицо руками, – какие же сложные эти создания – женщины! Без них никуда и с ними просто невыносимо!

Савва нервно захохотал и с шумным вздохом поднялся с кресла. Он тоже испытал облегчение после напряженного разговора и был рад, что все наконец-то прояснилось.

Юля обвела всех присутствующих мужчин пытливым взглядом и поняла, что никто из них не видел или не хотел замечать, что она осталась при своем мнении, а ее согласие подумать над предложением руки и сердца не что иное, как короткая отсрочка, чтобы перевести дух и понять, как действовать дальше.

– Я же говорил, пап, у них любовь. Видно же с первого взгляда, – он повернулся к брату и сказал: – Яр, прости ее. Они пять лет встречались, два года жили в браке. Расстались не потому что разлюбили. Это ведь не шутки, конечно, им крышу снесло. Но она десять лет не искала с ним встречи, это ведь ты привел ее к нему, – он положил руку на плечо Ярика и сжал его с силой.

Ярик похлопал брата по руке, давая понять, что подумает об этом.

Юля еле сдержалась, чтобы не крикнуть им: «Да не нужно мне ваше прощение!».

А в чем собственно она виновата? В том, что сбылась ее мечта, и к ней вернулся ее Роша? В том, что много лет одинокими ночами грезил о нем? Вспоминала его поцелуи, прикосновения и слова любви? За что должны прощать ее эти люди? Тем более Ярик...

Четыре месяца назад

Юля оглядела салон частного самолета на предмет забытых вещей и ступила на трап. Щедро нагретый поток влажного воздуха ласково потрепал ее волосы, словно приветствуя на доминиканской земле. Крепкий бородатый

мужчина в солнцезащитных очках в белой футболке и рваных на коленях джинсах поддержал ее за руку и помог спуститься по трапу.

Юля поблагодарила его по-английски и протянула кожаную сумку.

– Рудик, – гневно бросила она ассистенту, – хватит строить глазки стюарду! Тащи свою задницу в тачку!

– Злюка! – огрызнулся на нее Рудик и обменялся телефонами с брюнетом – обладателем идеальной белоснежной улыбки. – Ты завидуешь, что у меня сегодня будет секс. Нечего срывать на мне зло. Сама виновата. Зачем трепалась об отпуске при шефе и его сыночке?

Юля села в машину и перед лицом Рудика с силой захлопнула и заблокировала дверь. Он вспыхнул от гнева, обошел машину и сел рядом. Бородач завел мотор и выехал из небольшого частного аэропорта.

– А вот за это ты лишаешься права носить мои новые крутые очки!

– Больно надо, – буркнула Юля и уткнулась в телефон.

– Неа! Этому не бывать! – Рудик вырвал из ее рук телефон и спрятал в своей сумке. – Ты думаешь, я шутил? Никакого телефона на отдыхе!

Юля показала ему язык и как фокусник извлекла из кармана шорт другой телефон. После «жесточкой» схватки, ее хихиканья и его угроз Рудик завладел вторым телефоном и отправил его к собрату.

– Ты самый бессердечный, злобный и неблагодарный человек в мире! – воскликнула Юля и вымазала белые шорты Рудика помадой. – Вот тебе! Вот!

Рудик закатил глаза.

– Что ты наделала! Это мои любимые дорожные шорты! Вот чумичка! За это я буду тебя целую неделю называть Цитрусом!

Юля фыркнула и отвернулась. Он шуточно ткнул ее пару раз в плечо, она не реагировала и тогда чтобы разрядить атмосферу, Рудик начал деловито докладывать:

– Вилла три месяца в нашем распоряжении. Персонал говорит на английском языке. Правда, повар – итальянец. Две недели я даю тебе на пляжный отдых. Загар, спа-процедуры, массаж и занятия йогой. Буду таскать тебя по ночным клубам. Затем мы идем на яхте к Багамским островам. По ходу рыбалка, дайвинг и прочая хрень, что можно получить за деньги.

Юля тяжело вздохнула и Рудик тут же запротестовал:

– Ты так вздыхаешь, будто я веду тебя на гильотину!

– Яхта сразу отменяется, у меня морская болезнь.

– Но мы же не на море, а в океане...

Юля скривилась от неудачной шутки, и Рудик сдался:

– Ладно. Обломщица. Будем гнить на вилле, как два протухших банана.

Ох, чувствую, тоска будет зеленая.

– А кто еще живет на вилле?

– В главном здании заточен в неволе младший Дорофеев со своими рабынями Изаурами. Он не женат, зато семья свое раскидал по всему миру. Я насчитал с десяток его детей. Говорят у него особые сексуальные запросы. Одно очень закрытое элитное агентство поставляет ему девочек. Не знаю, что он с ними делает, но выглядит все плохо. Так что держись от него подальше, он настоящий маньяк.

Водитель хмыкнул, но во время спохватился и прочистил горло.

– Я видела его фото на столе у босса. Не похож он на маньяка. Внешне вполне приятный мужчина. Подбородок как у Майкла Болтона, с ямочкой. Серо-голубые глаза. Взгляд жесткий, но мудрый.

– Ты видела одно фото, небось папашка поставил на стол самое удачное, а я навел справки и перевернул весь интернет. Поверь мне, он сексуальный маньяк, дикарь и псих. У него боксерская школа недалеко от виллы, говорят, что он проводит там основную часть времени и надеюсь, мы с ним даже не пересечемся.

– Что-то я уже не хочу на эту виллу ехать. Может, мы снимем небольшой коттедж или бунгало?

– Ага, тогда босс пришлет надзирать за тобой своего старшенького. Теперь доверия тебе нет. Из прошлого отпуска ты вернулась Музой Джанлуки. На этот раз можешь вообще не вернуться.

Юля застонала, и Рудик мысленно ругнул себя за то, что наступил на большую мозоль.

– С отцом Ярик на ножах, сама знаешь, поэтому мы у него будем не в фаворе. Но не дрейф. У нас отдельный домик с двумя спальнями и кухней. Возможно, мы поздороваемся с ним по приезду и, уезжая, скажем до свидания.

Ну? – Юля подняла на него глаза и пожала плечами, мол, не понимаю о чем ты и Рудик пояснил: – Я твердо намерен оттянуться. Ты со мной? Или будешь изматывать себя работой?

– А шкаф в моей спальне есть? – спросила Юля, намекая на свою затянувшуюся депрессию.

– Никаких шкафов. Ты будешь здесь развлекаться, и восстанавливать силы.

Несколько минут они ехали молча, затем Рудик не выдержал, придвинулся к ней ближе и обнял за плечи.

– Юля-Тигруля, признавайся в чем дело. Ты сама не своя. Что случилось на этот раз? У Роши родился второй ребенок?

– Нет, – Юля закрыла глаза и смахнула накатившуюся слезу.

– Эй, я так и знал, – Рудик притянул ее к себе и поцеловал в висок, – малышка, скажи мне, что тебя так расстроило?

– Я тебе не малышка, – буркнула Юля и попыталась высвободиться, но Рудик удержал ее стальной хваткой. – Черт! Какой ты стал сильный!

– На отдыхе я на тебя не работаю, мамочка. На отдыхе ты моя малышка, если конечно ты тут с кем-нибудь не замутишь, и тогда мне придется отойти в сторону. Но это из области фантастики, так что ты моя малышка на ближайшие три месяца.

– Я столько не выдержу без работы, – суксилась Юля и прижалась к его груди. – Ты хочешь моей смерти?

– Выдержишь. Тебе нужен отдых и не спорь. Иначе твои титановые мозги взорвутся, – Рудик убрал волосы с ее лица и вытер слезы. – Ух, сколько натекло тут жидкости, да у тебя к вечеру будет обезвоживание!

– Джанлука объявил о своей помолвке, – тихо поведала Юля о причине своего расстройства и прижалась к Рудику еще сильнее.

– Так вот в чем дело, – Рудик подтащил ее и усадил на колени. – Юлька, у тебя есть я. У меня есть ты. Зачем нам какой-то там еще Джанлука? А?

Юля улыбку и громко шмыгнула, а Рудик уже серьезным тоном продолжил:

– Вы давно уже не вместе. Ты сознательно выбрала карьеру и вот теперь расплачиваешься за это. Если бы ты уехала к нему, то все сложилось бы по-другому.

– Если бы я уехала, то давно бы вынесла ему мозг от безделья.

– Верится с трудом. Пока мозг выносят тебе.

Рудик утешал ее всю дорогу до виллы. Водитель украдкой кидал на них изучающие взгляды, а когда затормозил перед белоснежной двухэтажной виллой, открыл дверь, помог Юле выбраться из машины и на русском языке представился:

– Ярик – маньяк, дикарь и псих. А вы, я так понимаю, Ляля – предмет обожания моего отца, «Титан финансовой мысли» и Рыжик, что написала диплом моему тупому братцу?

Рудик пискнул и не выходил из машины, пока младший Дорофеев не скрылся в главном здании. Юля оценила внушительную фигуру соседа на ближайšie три месяца и залюбовалась видом: широкие плечи, крепкие ноги, упругие ягодицы. Навстречу Дорофееву выскочило белокурое юное создание и бросилось ему на шею. Он прижал девушку к себе так сильно, что она взвизгнула, а потом расхохоталась. Ее длинные ноги опоясали его мощные бедра, а руки сплелись на мускулистой шее. Он что-то сказал ей, она посмотрела в сторону припаркованного у входа «Ягуара» и закатилась заливистым смехом.

Целую неделю Юля вынужденно наблюдала за младшим Дорофеевым и его девушкой по имени Ингрид. Они встречались у бассейна, в тренажерном зале и на игровой площадке, где Юля с Рудиком частенько играли в большой теннис. Как только московские гости просыпались после бурной ночи и выползали погреться на солнышке, Ярик был тут как тут. Его громкоголосый задиристый низкий баритон разливался по округе, отзываясь в каждой клеточке истосковавшегося по ласкам тела Юли. С момента расставания с Джанлукой ей так и не удалось завязать с кем-нибудь серьезных отношений. С годами список претензий к кандидатам рос в геометрической прогрессии, подходящих претендентов становилось все меньше и меньше, а ее редкие свидания становились все больше похожими на собеседование соискателя ответственной

должности ее банка. Поэтому немудрено, что Юля слишком остро реагировала на откровенные проявления чувств хозяина виллы к скандинавке. Надо было признать, что при более тесном общении Дорофеев младший ей понравился, особенно после того как тот по ее совету сбрил бороду.

– Все, Рудик, больше не могу на это смотреть, – взорвалась Юля, когда в очередной раз Дорофеев, лежа на шезлонге у бассейна подтянул к себе Ингрид и усадил на колени. – Арендуй нам коттедж, хочу завтра же отсюда свалить.

С противоположной стороны бассейна слышались стоны и томное бормотание. Юля хотела встать и уйти, но Рудик протянул ей крем от загара и попросил натереть спину.

– Ты будешь смеяться, – заговорил он вполголоса, – кажется, младший Дорофеев пытается вызвать у тебя ревность.

– Что за чушь ты несешь? Он меня ненавидит!

Юля поморщилась от воспоминания выражения лица Дорофеева при каждой их встрече.

– А вот и нет, – Рудик жестом показал на свою спину и Юля начала втирать в кожу крем. – Я заметил, как только ты появляешься, он тут как тут и тащит за собой эту финку. А если я один или не дай бог с парнем, то он даже носу из дома не кажет. Вчера, когда ты трепалась с боссом по скайпу, а потом просматривала контракты, он наяривал круги вокруг гостевого домика. Места себе не находил. И о чудо, как только ты вышла, он тут же скинул с себя одежду и принялся плавать в бассейне.

– Это просто совпадение, – отмахнулась Юля.

– Спорю на твой байк, что Ярик положил на тебя глаз. Ты в деле? Твои условия?

Юля задумалась, байк подарил ей Лева, и он не будет против, если на нем будет рассекать Рудик. Вдобавок, если Рудик прав, а он всегда оказывался прав в таких вопросах, то интерес Ярика очень интриговал Юлю. Может, когда она сблизится с Дорофеевым младшим, узнает, почему они с отцом враждуют? А может она даже их помирит? Это стоит байка? Да!

– В деле, но если ты проиграешь, то сделаешь татуировку с моим именем вот здесь, – Юля показала на его запястье.

Рудик терпеть не мог татуировки, и оценивающе посмотрел на Ярика, мол, стоит ли овчинка выделки, но все же решился и друзья ударили по рукам.

– Как будешь доказывать свою правоту?

– Ответной ревностью.

– Не сработает, – тут же отозвалась Юля.

– Сработает. Никогда не придумывай ничего нового. Играй на его поле и говори на понятном ему языке. Он вызвал нас на бой, и мы его примем.

Рудик настоял, чтобы Юля расслабилась, вела себя раскованно, начала улыбаться, а лучше заразительно и раскатисто смеяться, как она умеет. Второй установкой было вернуться в прежний режим плюс усиленные тренировки. Рудик даже нанял ей личного тренера. Третьим шагом был разговор с Яриком. Рудик подошел к хозяину виллы, когда тот готовил барбекю у бассейна и спросил, не будет ли он против, если в их домике поселится еще один постоялец. Он намеренно не упомянул Юлю, просто сказал, что приедет друг. На что Ярик сказал, что они гости с привилегиями и им можно приводить кого угодно и когда угодно.

Теперь Юля все чаще оставалась одна: на пробежке, в тренажерном зале, в рабочем кабинете и в домашнем кинотеатре. Ярик нарезал вокруг нее круги, иногда даже перекидывался парочкой фраз, но дальше дело не шло. Юля уже стала подыскивать шрифты для тату, намекая на проигрыш Рудика, как все резко изменилось.

На виллу приехал Давид, двадцатипятилетний парень из их группы психологической поддержки. Мужественный и физически выносливый он сразу составил ей компанию в тренировках и досуге. Они вместе ныряли с яхты, отрывались в ночных клубах и вместе объездили весь остров.

Юля уже грешным делом подумала, а не увлечется ли ей этим Давидом по-настоящему, уж больно привлекательным был персонаж, но Рудик ей напомнил о его проблеме, и Юля тут же устыдилась своих мыслей. У Давида была детская травма, после которой он не мог ни с кем вступать в интимные отношения. О сути травмы он не распространялся, но Рудик знал, что это что-то связанное с домашним насилием.

По мере продвижения «романа» Юли с Давидом, Ярик сначала мрачнел, потом пыхтел, а в конце второй недели, когда Давид перешел ко «второй базе» уже предпринимал все попытки вырвать Юлю из лап новоиспеченного кавалера. Чтобы при этом Ингрид ему не мешала, он запретил ей выходить из комнаты и девушка подчинилась.

Сначала Ярик сделал так, что Юля переехала в главный дом – якобы отремонтировали гостевую спальню. Завтраки стали совместными и почему-то всегда Ярик восседал за столом с оголенным торсом. «Жарко же», – говорил он, заметив ее недоуменный взгляд. Потом Ярик перешел к активным действиям: стал отпускать двусмысленные намеки и комплементы, как бы невзначай к ней прикасаться. Организовывал вечеринки, на которых овладевал ее вниманием и не отпускал ни на шаг. Конечно же, только как гостеприимный хозяин. При этом его губы были всегда рядом с ее губами, готовые в любой момент к страстному поцелую. Глаза блестели и буквально впивались в ее тело, нагло и демонстративно разглядывая выдающиеся части. А закончилась прелюдия тем, что он предложил Юле сопровождать его в поездке на Кубу.

– На Кубу? Зачем? – удивилась Юля.

– Там я отбираю бойцов для клуба. Но в самолете только одно свободное место, так что твоим друзьям придется поскучать на вилле без тебя.

В принципе на этом можно было бы закончить. С байком Юля уже мысленно попрощалась. В споре Рудик вышел победителем – интерес Дорофеева был очевиден. Рудик не советовал Юле лететь с Дорофеевым на Кубу. Говорил, что Ингрид никуда не денется, как и особые сексуальные потребности. Но Юля была уже очарована притягательным запахом тела, серо-голубыми глазами, властными и горячими прикосновениями. Рудик предупредил, что ему вскоре придется снова склеивать ее разбитое сердечко, но... Юля уже никого не слушала. Впорхнула вслед за Дорофеевым в самолет и тут же рассмеялась, увидев его практически пустым.

– Только одно место?

– А ты хотела, чтобы нас сопровождали эти две рыбы прилипалы? – он показал на провожающих их Давида и Рудика, что стояли поодаль от самолета.

Ярик притянул ее к себе, усадил на колени и обхватил лицо своими широкими мозолистыми ладонями. Заговорил с такой страстью, что Юлю пробрало до костей.

– У тебя есть еще возможность уйти, Тигруля, но если ты сейчас ею не воспользуешься, станешь моей, а свое я никому не отдаю. Слышишь? Хорошенько подумай, прежде чем ответить на мой вопрос, – она подняла на него глаза. – Ты хочешь быть моей?

Юле бы спросить, какой смысл он вкладывает в эти слова, но в тот момент мыслительный процесс напрочь отключился, ею завладели жар его дыхания, горячие губы и искрящиеся глаза.

«Я пропала», – подумала Юля, а вслух сказала:

– Да...

Ярик самодовольно улыбнулся и тут же дал знак пилоту взлетать.

Остров Куба поразил Юлю своей природной красотой и неповторимой атмосферой. Такой глубокой радости она не испытывала ни от одного путешествия. Первым же открытием для нее было то, что в присутствии Ярика у нее нет морской болезни. Поэтому с младшим Дорофеевым Юля осмотрела на яхте почти все маленькие островки Карибского моря.

Больше всего Юле запомнилось то, что все побережье благоухало какими-то удивительными цветочными ароматами. Что самая живописная автомобильная дорога на Кубе проходит посреди океана. И что сама Гавана, окруженная колониальной архитектурой, оказалась пропитана сигарным дымком, свежесваренным кофе и легким ромовым перегаром. Никаких негативных эмоций за три недели она не испытала, может потому что Ярик водил ее в проверенные ранее им места. Ведь по его словам на Кубе он бывает раз в три месяца.

Улыбчивые, страстные кубинцы, всегда готовые прийти на выручку по любому поводу влюбили ее в себя с первых дней пребывания в стране. Но удивлялась не только она. Надо признать, что для тех с кем она сталкивалась, Юля тоже была диковиной. Женщины завидовали ее молочной коже, мужчины

восторгались ее стройным, но фигуристым телом и цветом волос. Ей одобрительно свистели вслед, выкрикивали из окон комплементы и даже присутствие Ярика местных жителей не смущало.

– De fuego divo⁶! – называл ее персонал в отеле.

Поначалу Ярик бесился, огрызался, сыпал ругательствами, но потом привык и всего лишь фыркал от недовольства.

Еще в самолете он овладел ее губами. Тело заполучил в первую же ночь в кубинском отеле. А сердце она вручила ему сама за два дня до отлета. Его кипучая энергия завораживала, дурманила и опьяняла. Он заполнял собою все пространство вокруг. Проникал в ее мысли и фантазии. С ним она чувствовала себя особенной и желанной. Казалось, что целый день ей в еду и напитки подмешивали сильнодействующий афродизиак, от которого она горела всем телом, а мозг раскрашивался непрерывным фейерверком.

На второй день после прилета Ярик потребовал от нее подробного рассказа обо всех ее любовных похождениях.

– Яся! Зачем тебе это? Не думаю, что ты у всех своих бывших женщин спрашивал о любовниках, – засмеялась Юля и натянула на голое тело простынь.

– Ты – не все! – он в который раз уже откинул простынь и прорычал: – Не смей от меня закрываться! Давай Юля-Тигруля, расскажи мне, сколько мужчин ты ублажала в постели?

Юля отнекивалась, но он закрыл ее в номере, а ключ спрятал и сказал, что не выпустит, пока она ему все не расскажет и строго предупредил, что фальшь почувствует за версту. Она сдалась после третьего часа заточения. Почему-то Юля конфузилась от того, что была малоопытной и познала до него всего двоих мужчин, но именно этот факт немного остудил Ярика и с этого момента он был к ней более внимателен и терпелив.

Секс с Яриком был похож на спонтанный неуправляемый подрыв. Прелюдия начиналась внезапно, его не останавливали даже общественные места. И когда Юля оказалась не наблюдателем, а участницей этого действия, то совсем уже не раздражалась, скорее наоборот. Уже в самолете он стащил с нее нижнее

---

⁶ De fuego divo (исп.) – Огненное диво.

белье и посоветовал забыть об этой части одежды раз и навсегда. После чего Юля долго привыкала к новым ощущениям, но чего греха таить, они ей нравились.

С Яриком она чувствовала себя в безопасности, даже когда они гуляли по криминальным районам Гаваны, ходили на подпольные боксерские бои, посещали бары с танцевальными площадками, где Ярик научил ее танцевать сальсу и где Юлю буквально пожирала глазами мужчины.

Дикий нрав Ярика проявлялся даже в мелочах, но среди темпераментных кубинцев Юля воспринимала его как должное. Ярик был жесток и ревнив, наказывал ее за любой восхищенный взгляд, неосторожно брошенный на какого-нибудь мужчину и не важно, сколько ему лет и каким родом деятельности он занимался. Юля смеялась и подначивала его:

– Ты ревнуешь меня даже к павлину, что расхаживает во внутреннем дворе нашего отеля.

– Потому что этот индюк каждый раз распускает перья, когда ты проходишь мимо, – возмущался с серьезным видом Ярик.

– Ну что сказать, – улыбалась Юля, – у птицы хороший вкус.

– Отлично, завтра же куплю этого индюка и сам оценю его на вкус. Посмотрим, кто из нас останется в выигрыше.

– Яся! Ты этого не сделаешь!

– Тогда смотри только на меня, особенно с таким восторгом.

Юля не могла понять шутит он или говорит серьезно. Лицо каменное, не выражающее никаких эмоций. Сам же Дорофеев не пренебрегал кубинскими красотками, а во время шоу «Тропикана», Юля не удостоилась ни одного его взгляда. Ярик не сводил глаз со сцены, и Юля могла поклясться, что он посещает это шоу в каждый свой приезд.

– Уже присматриваешь себе следующую пассию? – спросила Юля, глядя на дисплей мобильного телефона.

Дорофеев сделал вид, что не расслышал, но по тому, как заходили его желваки, Юля поняла, что, несмотря на громкую музыку, ее слова долетели до его ушей.

После каждой сцены ревности он тащил ее в постель или загонял арендованный «Buick Roadmaster Riviera» 1958 года в укромное место и сразу начинал с нее стаскивать одежду.

– Тигруля, ты принадлежишь только мне! Слышишь?!

Сначала Юля сопротивлялась, но потом поняла, что это только распаляет его желание и уступала с одной только целью поскорее убраться с городских улиц.

Именно на Кубе, в особой атмосфере свободы и страсти, Ярик раскрыл ее как женщину. В его умелых руках Юля стала раскованной и мягкой как пластилин. Теперь она не стеснялась своих желаний, смело пробовала новое, и каждое утро краснела при воспоминаниях о бурно проведенной ночи.

Как-то утром она не удержалась и спросила:

– Яся, что ты чувствуешь ко мне кроме страсти?

– Тигруля, никакой лабусни про романтику и любовь. Это не для меня.

Пораженная его грубостью, Юля попыталась выскользнуть из его объятий, но Ярик одним рывком кинул ее на кровать и накрыл собой ее тело. Его губы припали к ее уху, и уже через мгновение Юля выгнула спину от горячего потока слов:

– Стоит заглянуть в твои колдовские глаза, и я поплыл, – шептал он, наслаждаясь ее стонами. – Признайся, ты колдунья? Ворожишь, небось, на меня пока я сплю?

Ответить Юля уже ничего не могла, ее уносил водоворот прикосновений и жадных поцелуев.

Три недели пролетели незаметно, будто какая-то невидимая рука быстро пролистала календарь. Это были самые бурные и незабываемые дни в ее жизни. Ни разу за все время пребывания на Кубе Юля не вспомнила Романа и ту трагедию, что разлучила их на десять лет.

В последние дни перед возвращением на виллу Ярик начал заметно нервничать. Не выпускал ее из объятий. Все чаще заглядывал в глаза, стараясь что-то в них рассмотреть.

– Тигруля, скажи мне о своих фантазиях. Что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал?

Юле казалось, что в какой-то момент он ищет повод продлить их пребывание на Кубе, но настроение его быстро менялось, и уже через день он мог взорваться от какой-то мелочи и тут же порадоваться, что их эскапада подходит к концу. Настроение Ярика жило своей жизнью. Оно могло измениться даже после посещения ванной комнаты, где он закрывался и издавал странные звуки почти каждый день.

Иногда Юля просыпалась ночью от его возбужденного дыхания и, открыв глаза, обнаруживала Ярика над собой. Он смотрел на нее так, будто вот-вот слетит с катушек и разорвет ее на части или залюбит до смерти.

– Яся, ты чего? – испуганно спрашивала она и невольно тянулась к горлу.

Но Ярик предпочитал не объяснять свои действия. В тот момент Юля думала, что он хочет ей в чем-то признаться. Может, в своих чувствах? Таким страстным он выглядел в тот момент. И это никак не вязалось с тем, что он обрушил на нее уже в следующие дни.

Отрезвляющая реальность накрыла Юлю по возвращению на виллу. Как и сказал Рудик, Ингрид никуда не делась. Единственная разница была в том, что девушка почти не выходила из своей комнаты. То, что Ярик посещает ее регулярно, она поняла по громким стонам и выкрикам скандинавки. И не всегда по ночам. Сначала был шок и невыносимая боль. Юля спряталась в шкаф и несколько часов проплакала в темноте. А когда гнев, смущение и разочарование улеглись, она рассудила:

«Через неделю шеф отправит за мной самолет. Уж как-нибудь это время я продержусь».

После чего погрузилась в спасительную работу. Дверь своей спальни Юля заперла уже в первую ночь, когда поняла, что была всего лишь временным эпизодом. Странно, но после короткой вспышки ревности и обиды она больше не делала из этого проблему. Было что-то в Дорофееве младшем пугающее и отталкивающее. Приступы ярости и раздражения теперь уже не казались ей такими безобидными. И она призналась себе честно, что роман их подошел к

концу, а чувства что вспыхнули у нее так некстати, нужно отпустить на волю как дикого зверя.

Ярик постучал в ее спальню во вторую ночь, но она не открыла. Он не настаивал, но оставшуюся ночь из комнаты Ингрид доносились его бормотание и ее вскрики. Юля готова была поклясться, что он ее бил. Подтверждение она получила уже на следующий день, когда девушка заскочила на кухню быстро перекусить. На лице были ссадины. Шея замотана шарфом. На запястьях красные ровные следы. Юля ахнула от ужаса, попыталась с ней заговорить, но девушка на контакт не пошла и, похватав из холодильника странный набор продуктов, вылетела из кухни.

Рудик к тому времени уже улетел, они оба рассудили, что три недели ему на вилле делать будет нечего, и он укатил в Москву с Давидом уже через день после ее отлета. Сейчас, конечно, Юля об этом горько пожалела, впрочем, как и о том, что не послушала его советов, а ведь знала, что Рудик практически никогда не ошибается в людях.

На третий день Ярик не стал дожидаться ночи и прижался к Юле на кухне, когда та пришла за очередной порцией лимонада.

– Что означает запертая дверь, Тигруля?

– А нужно объяснять?

– Раз я спрашиваю – это очевидно, – процедил сквозь зубы Ярик.

– Странно, что мы вообще обсуждаем эту тему, – она оттолкнула его и открыла дверцу холодильника. Налила себе лимонад в хрустальный стакан и сделала пару глотков освежительной влаги. – Как я понимаю, я была девушкой на одну поездку. Миссия выполнена. Так чего ты заводишься?

– Потому что ты говоришь чушь! – лицо Ярика перекошилось от возмущения. – Если бы это было на одну поездку, я бы сразу сказал. Я всегда предельно честен в своих отношениях, Тигруля.

– И в чем проявляется эта честность? В том, что мы прилетаем на виллу, а твоя девушка все еще тут?

– А я обещал, что ее не будет? – нахмурился Ярик.

– Это было бы логичным, с учетом того что между нами произошло.

– Не для меня.

– Понятно, – сухо отозвалась Юля и обдала его презрительным взглядом.

Она хотела уйти, но Ярик развернул ее к себе, вырвал из рук стакан и разбил его об стену.

– Мы не договорили, и не смей уходить, когда я жду от тебя ответа!

Его негодование ее порядком достало. Юля взорвалась.

– Отвали от меня! – она вырвалась из его рук и зыркнула испепеляющим взглядом. – Я тебе не Ингрид, если надо так заеду, что зубов не сосчитаешь!

Ярика такой отпор только позабавил и распалил. Треск ткани. Ее вскрик. И через мгновение изорванная в клочья одежда лежала у его ног. Он скрутил ей руки за спиной и впился в губы. Властно, требовательно и страстно. Ярик оттянул лямки бюстгалтера и отпустил. Резинка больно хлестнула по нежной коже.

– И почему на тебе вот это?

– Псих! – она тарасилась на него изумленными глазами. – Там наверху тебя ждет безотказная глупая девица, рискующая своим здоровьем. Иди к ней и развлекайся, а меня забудь. Понял?

– Я предупреждал, что ты будешь моей. У тебя был шанс, но ты его не использовала. Так что не указывай теперь, с кем мне быть! Ты – моя! Я всегда беру что хочу! А сейчас я хочу тебя! И так будет!

Ярик не отпускал, его ласки становились все настойчивее и грубее. Юля нанесла удар ребром стопы по колену, она знала, что это его слабое место. Не ожидавший нападения Дорофеев рухнул как подкошенный. Юля поправила лямку бюстгалтера и пошла в свою комнату, не обращая внимания ни на перепуганную прислугу, ни на гневные окрики Ярика.

Когда в спальне она открыла дверца шкафа и начала перебирать вешалки с одеждой, хлопнула дверь, в замке послышались два поворота ключа. Юля замерла. По шагам и тяжелому дыханию она понимала, что он рядом и была готова в любой момент отразить атаку. Но Ярик медлил. Юля сдернула с вешалки майку и шорты и поспешно оделась.

– Скажи, что ты хочешь? – голос Ярика слышался со стороны кровати.

Юля повернулась и увидела, что он раздевается.

– В смысле?

– Что ты хочешь от меня?

– Теперь уже ничего, – с деланным безразличием отмахнулась Юля.

– Слушай, мы взрослые люди, давай напрямую. Ты хочешь быть единственной?

– Только такой вид отношений меня устраивает, – Юля нахмурилась и скрестила руки на груди.

– Ты ведь знала кто я. Рудик тебе сказал, что у меня особые пристрастия, но тебя это не отпугнуло. Ты ни разу не спросила в чем моя особенность, и я сделал вывод, что тебя устраивает Ингрид. Поэтому мы все еще здесь втроем.

– Я не спросила, потому что была уверена, что ее здесь не будет.

– Почему? Что за наивняк? По-твоему это так работает? Я встречаю девушку, которая мне нравится больше чем предыдущая и мои потребности рассеиваются без следа?

Юля понимала, как это глупо звучит, но именно так она и мыслила. Откуда у нее опыт в таких делах? Она не думала о его особых потребностях, он ведь о них за последние три недели и словом не обмолвился.

Ярик лег на кровать и похлопал рядом с собой.

– Идем Тигруля, я покажу тебе, что мне нужно. Если тебя это устроит, Ингрид свалит отсюда через пять минут. Только предупреждаю тебя сразу, чтобы потом ты не делала удивленное лицо, мне это нужно почти каждый день, так что работу придется бросить, – он прищурился и спросил: – Все еще хочешь быть единственной?

– Не понимаю, а как же дни что мы провели в Гаване?

– Я делал это сам, за закрытой дверью ванной, хотя это было на грани игры со смертью.

Ее поразила его откровенность и как спокойно он об этом говорит.

– Но этого мало, может помочь только на пару-тройку недель. А потом меня накрывает злоба. Раньше я с ней справлялся на ринге, а сейчас мне помогает Ингрид. За деньги, конечно.

Так вот что это было! Юля побледнела. Он не получал своих особых пристрастий на Кубе и от этого злился. Рудик и здесь оказался прав, Ингрид была не его девушкой, а купленной секс-игрушкой по контракту.

Перспектива испытать на себе его особые пристрастия ее не возбуждала и она спокойно произнесла:

– Показывать не надо, просто объясни на словах.

– Нет, – отрезал Ярик, сверля ее взглядом, – это нужно попробовать самой. Только так ты поймешь.

На минуту она застыла в раздумьях, а он терпеливо ждал, хотя восставшая плоть красноречиво указывала на то, с каким трудом ему дается это ожидание. Юля колебалась, а он даже не пытался ее уговаривать. Этот шаг она должна сделать сама. Только так он поймет, что она ему доверяет. А Юля ему не доверяла. Только не после того что произошло с Ингрид. Но, несмотря на это, она все-таки сделала рискованный шаг. Чем удивила себя больше чем его. Ей просто хотелось поставить в этом вопросе точку, так она себя убедила. Это была ее вторая ошибка.

Через десять минут занавес был сдернут. Тайна открыта. Юля узнала, от чего Дорофеев младший получал удовольствие – скарфинг – сексуальная механическая асфиксия.

– Во время удушения накапливается углекислый газ, – начал объяснять Ярик и притянул Юлю к себе. – Кровь приливает к голове и половым органам. Затем идет выброс нейромедиаторов, наступает эйфория и сильное возбуждение. Оргазм усиливается в разы.

– Боже мой, и ты это практикуешь? – Юля не могла в это поверить. – Это ведь опасно! Яся!

– Нет, если делать все правильно и страховаться, – Ярик начал снимать с нее одежду. – Давай, Тигруля, я покажу тебе, что это такое, но не буду доводить до потери сознания, просто немного придушу.

– Потери сознания? Нет! Не надо, Яся!

Но он ее не слушал. Она ведь до этого дала согласие. Конечно, она будет сомневаться, возможно, даже во время секса и потом, но теперь это уже не важно. По его телу прошла нервная дрожь. От одной мысли, что он сейчас сделает то, о чем мечтал с их первой встречи, его затрясло от возбуждения. Искрящиеся глаза прожигали ее насквозь. Пылающее жаром тело сулило неземное наслаждение, а горячий шепот окутывал и манил ее в бездну.

– Я доставлю тебе такое удовольствие, что ты потом сама будешь меня умолять сделать это еще и еще. Поверь мне. Это такой кайф, от которого потом отказаться не сможешь. Это сексуальный наркотик.

– Я не хочу наркотиков, – Юля попыталась вырваться, – даже сексуальных.

– Это полный отрыв, Тигруля. Доверься мне. Тебе понравится, я чувствую это, – тешил себя надеждами Ярик, глаза горели огнем. Он улыбался, как ребенок, которому посулили долгожданную игрушку. – Если так, то мы сможем быть вместе. Всегда. Понимаешь? Ты будешь только моей, а я только твой. Я заберу тебя у фазера.

От этих слов Ярик расплылся в широкой улыбке. Юля еще никогда не видела его таким возбужденным, готовым ради своих экспериментов на все. Ей даже показалось, откажи она ему сейчас и тут же познает тяжесть его знаменитого хука.

Ярик подробно ее проинструктировал и приступил к испытанию. Сначала он был необычайно нежен, растопил ее своим жаром словно масло, а когда она разгорячилась, его движения стали резкими и властными. Он повелевал ее телом, словно музыкант-виртуоз. А в тот момент, когда почувствовал, что она на грани оргазма, сомкнул свои мощные пальцы на хрупкой шее и начал душить.

Животный страх поборол все чувства и, позабыв все наставления, Юля начала брыкаться. Хватка усилилась. Голова закружилась. Перед глазами все поплыло. Сердце так часто забилося, что готово было выпрыгнуть из груди.

– Глаза! Не закрывай глаза! – кричал Ярик. – Я должен видеть, что ты еще в сознании.

Из последних сил Юля скинула его с себя, закашлялась и вскочила на ноги. Она попятилась к стене, хватая ртом воздух и инстинктивно массируя шею. Из глаз ручьем текли слезы. В зеркале она увидела свое отражение и ужаснулась. Лицо было пунцово красным на шее следы от его пальцев.

– Вернись, – спокойно приказал Ярик. – Я объясню еще раз.

– Нет, я все поняла и до этого. Я не хочу... Не хочу... Мне это не нужно...

Было еще несколько попыток вернуть Юлю в кровать. Ярик настаивал, уговаривал и даже молил, но все тщетно. Как только он понял, что она не передумает начал крушить мебель в спальне. Не тронул только шкаф, в который

она спряталась. Ярик попытался выволочь Юлю наружу силком, но она завизжала от панического ужаса и он ее тут же отпустил.

– Черт! Ляля! Что ты творишь?!

Юля забилась в угол шкафа, прикрыла дверца и заплакала. Он с силой ударил по двери и выматерился. Затем немного отдышался и выдохнул. Такой реакции от Юли он не ожидал. По его меркам он еще ничего не сделал. Это только начальный этап, на который положительно реагировали все его предыдущие пассии, и он был больше чем уверен, что доставит ей удовольствие. С Юлей он не собирался спешить, хотел все сделать постепенно. Приучить ее к легкому удушению, чтобы усилить ее оргазмы, а когда она сама захочет большего, посвятить во все способы, которыми они могут доставить друг другу удовольствие. Пиком его фантазий было удушение во время полового акта в воде. Но мало того, что она не приняла и этой малой толики его любви, так еще и закрылась в шкафу и вопит, как резанная, когда он хочет с ней просто поговорить.

– Малышка не плачь, тырываешь мне сердце, – стонал Ярик сидя перед шкафом. Он проживал такое разочарование не раз, после чего зарекся практиковать свои наклонности с непрофессионалками. – Поговори со мной, скажи, что ты чувствовала, почему не захотела продолжить?

– Уходи.

Это единственное слово, которое она смогла в этот момент вымолвить. Ярик был так зол, что сорвался на Ингрид. Было уже далеко за полночь, к тому моменту Юля успокоилась и собиралась покинуть свое убежище, как по дому разносился крики девушки, да такие истошные, что кровь в жилах стыла.

Ярик постучал в спальню Юли утром, но она не отозвалась.

– Тигруля, открой или я выбью дверь.

Он бы это сделал, она не сомневалась. Юля выбралась из кровати, еле передвигая ногами, подошла к двери и повернула замок. Он тут же влетел в комнату, подхватил ее на руки и понес в свою спальню. Бросил на кровать и лег рядом. Все тело Юли напряглось, она не сопротивлялась, но была наготове.

– Прости меня, малышка, – он осыпал ее лицо и шею поцелуями, – я не могу без тебя заснуть. Если ты меня не хочешь, просто полежи со мной рядом.

Постепенно Юля оттаяла, начала отвечать на его вопросы и Ярик узнал, что вызвал в ней обратную реакцию.

– Ты не представляешь, как мне жаль. А я дурак, размечтался и уже начал думать о нас как о паре. Мне столько всего хотелось тебе дать. Черт! Я хотел дать тебе всего себя, – руки Ярика нервно подрагивали. Юля увидела разбитые костяшки пальцев. – Теперь ты понимаешь, почему не можешь быть единственной?

Теперь Юля понимала...

В последующие дни Ярик был с Юлей по-особенному нежен и терпелив, он все еще надеялся, что она смирится с присутствием Ингрид. Они много говорили о его пристрастии. Юля интересовалась, с какого возраста он почувствовал в этом необходимость и Ярик рассказал, что был таким всегда, сколько себя помнит. В юности от удушения его не раз спасали врачи. Но он никогда не считал свое увлечение болезнью, наоборот, чем-то вроде дара. Он восхвалял свою способность достигать острого по ощущениям оргазма. Возводил в культ и даже обожествлял. Говорил, что этим способом можно достичь измененного состояния сознания и испытать самадхи⁷. А это уже путь к просветлению.

Юля слушала его как безумца, что не укрылось от наблюдательного и цепкого взгляда Ярика. Он понял, что эту тему лучше закрыть и больше не касаться. Он уже смирился. До отъезда Юли оставались считанные дни и искушать судьбу второй попыткой он не стал, хотя внутренние демоны кричали ему, что еще не все потерянно.

Перед самым отъездом Юля попросила его показать ей весь процесс в действии, но не с ней, а с Ингрид. Она не осуждала его, и все еще надеялась, как-то примириться с тем, что будет происходить за дверью той особенной комнаты, в которой живет молчаливая скандинавка.

---

⁷ Самадхи (санскр. समाधि, samādhi) – Состояние просветления, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами.

Ее желанию увидеть все своими глазами он не удивился. Оказалось, что Юля не единственная женщина кто высказала такую просьбу, и Ярик охотно устроил ей «просмотр». Он посадил ее в кресле на террасе перед спальней Ингрид, всунул в дрожащую руку бокал вина и нежно поцеловал в губы.

– Я все пойму, – Ярик смотрел в ее глаза обреченно, будто уже знал заранее ее реакцию. – Если уйдешь, если больше меня не захочешь, если сразу уедешь. Только не уезжай по-английски, вот этого я не выдержу.

Юля кивнула. На Ярика она уже не смотрела. Глаза пристально всматривались в приготовления, которые велись молчаливой тайкой. Она наполняла ванну, раскладывала широкие кожаные ремни на кровати. А потом началось то, к чему Юля никогда бы не была готова. От надвигающейся волны ревности, разочарования и ужаса глаза наполнились слезами. Она так сильно сжимала рот ладонью, не позволяя рвущимся наружу крикам отчаяния прервать процесс «показа», что еще несколько часов красные отпечатки от собственных пальцев красовались на ее бледном лице. Через полчаса ее мир перевернулся, и она бежала в свою спальню только с одной целью – закрыться в шкафу.

Сидя в темноте и нащупывая пальцами шрам на руке, что уже много лет был скрыт татуировкой дракона Хаку – хранителя реки из ее любимого мультфильма «Унесенные призраками», она думала о том, какой чистой и невероятно наполненной была их любовь с Рошей. Что не нужны им были усиления чувств в виде эйфории. Им нужны были только они. Солнце и Небо! Когда он был рядом, все ее тело плескалось от переполняющих чувств. Достаточно было одного его прикосновения, поцелуя или особенного взгляда и ее уносило в то самое измененное состояние сознания, где были только они вдвоем, только их любовь, только их единение. В эту последнюю ночь на доминиканской вилле Юля с теплотой вспоминала все годы, проведенные вместе с возлюбленным, а особенно те... два последних года в браке.

Ярик долго искал Юлю и наконец-то догадался заглянуть в шкаф. Он снова отнес ее в свою комнату и долго расспрашивал, почему она прячется в шкафу и о чем думает, когда сидит в темноте. Юля рассказала, о чем думала сегодня. В подробностях, не жалея ни времени, ни эмоций на объяснения. Ведь он не побоялся, открылся ей, почему бы и Юле не ответить взаимностью. Она утаила

лишь то, что Роша – это ее родной по отцу брат и что они были женаты. Эти детали ему не нужно знать. Это их семейная тайна и посторонним она без надобности.

– Все эти практики БДСМ возникают от того что люди занимаются сексом с кем попало и без любви. Для них это похоть, в которой душе нет места. Когда ты встречаешь свою любовь, то тебе не нужно вгонять себя в особое состояние эйфории. Ты в ней пребываешь естественным образом. Любовь и есть та химия, что меняет человека и заставляет парить от переизбытка чувств.

– Какие-то детские рассуждения. Ты наивнее, чем моя пятилетняя племянница. Лучше займись делом, – он показал ей на восставшую плоть.

– Видишь, Яся, – Юля показала на эрегированный член, – тебе не хватает Ингрид. Так что все эти удушения – полумера.

– Хватит трепаться. Пуская в дело свой сладкий ротик, – Ярик сжал ее плечи и потянул вниз, давая понять, что он от нее хочет.

Но она отстранилась, легка на спину и закинула руки за голову. Вид у нее был мечтательный, ей и дела не было до его нужд. Особенно после «показа». Ярик застонал и тоже перевернулся на спину.

– Мне что еще и за этим к Ингрид идти?

Юлю снова унесли воспоминания.

– Я помню, как мы с Рошей лежали в кровати и смотрели друг другу в глаза... часами... и молчали. Нам не было скучно, не было одиноко и нам не нужно было разнообразие.

– Гляделки – удел детей, – голос Ярика был раздраженным. – Я – взрослый мужик и игрушки у меня взрослые.

Юля повернулась и заглянула ему в глаза. Они словно два разных мира. Им кажется, что они бегут друг к другу, а на деле только отдаляются.

– Да, ты мужчина, Яся. Твой способ общения с женщиной – секс. И в этом ты, безусловно, преуспел. Ты можешь доставить удовольствие женщине сотней разных способов, но никогда не сделаешь ее счастливой.

Понимая, что секса не будет, Ярик отвернулся и уже мысленно заставлял себя заснуть, но ее слова взорвали его мозг и столкнули с реальностью, которая

накрыла как несущийся на него электровоз с целой вереницей грузовых вагонов. И эти вагоны были его болью.

– Тебе надо нанять Ишу.

Они смотрели с ним интервью, которое Ярик приправлял острыми критичными комментариями и высмеивал каждое слово «монаха».

– На кой черт мне Иша?! – взревел Ярик.

– Он работает с энергией, – попыталась объяснить Юля. – Он многим людям помог. И я уже знаю, какой совет он тебе даст.

– Какой? – Ярик вскочил с кровати. Уснуть ему уже сегодня явно не удастся, так чего пробовать. – Какой совет мне даст твой чеканутый celibачик?

– В твоей жизни слишком много секса. Тебе нужно воздержание.

– Чего? – спальню наполнил грохочущий как водопад хохот Ярика. – Воздержание?! Слишком много секса? Ой, уморила!

Он смеялся над ней, над ее словами, над ее назидательным тоном. Но где-то глубоко внутри ему было совсем не до смеха.

– Ты пресыщен, – все еще пыталась достучаться до него Юля. – Постоянно ищешь чего-то нового. И ты одержим этим процессом и частой сменой партнерш. Но так ты ничего не добьешься. Нужно остановиться и прекратить. Никакого секса! И дождаться той самой, от которой тебе просто крышу снесет. Понимаешь?

Все! Она его достала. Выслушивать эту чушь он не будет! Одним рывком он поставил ее на ноги и подтолкнул к двери.

– Топай к себе, Ляля! Не хочешь секса – иди вон!

Она не возражала, ей такая идея даже понравилась и это еще больше его разозлило. Пока она шла по коридору, он одевался и со злостью выкрикивал:

– Проваливай! Лети в свою Москву! К фазеру! Он будет так счастлив тебя видеть! Теперь я понимаю, почему вы спелись! Два сапога пара! Пресыщен, твою мать! Я тебе покажу, как я пресыщен!

И он показал. Прыгнул в «Ягуар» и уехал. А через полчаса привез каких-то двух мулаток и развлекался с ними до обеда. Пока Юля не вызвала такси, а водитель не погрузил ее сумки в багажник. Тогда он соизволил почтить ее своим видом. Вышел на балкон в распахнутом халате, который еле прикрывал его наготу и приподнял стакан с виски.

– Передавай фазеру привет! – крикнул он.

Юля склонилась в почтительном реверансе, помахала воображаемой шляпой и крикнула:

– Монсеньор! Спасибо за теплый прием! За прекрасную кухню! За горячий секс! Я никогда вас не забуду! Вы были ко мне так добры, что я решила отплатить вам тем же!

Почувяв неладное, Ярик нахмурился. От этой чертовки можно ожидать что угодно.

– Как только закончите свои потрапушки загляните в кабинет. На столе вас ждет подарок! – она отсалютовала ему: – Viva la Cuba! Теперь мой любимый коктейль – «Куба либре». Попивая его в Москве одинокими вечерами, я буду вспоминать вас монсеньер и то, что у вас ниже пояса.

Юля приподняла свою белую короткую юбку в складку и показала Ярику оголенную ягодицу.

– Ты подарила мне свои трусы, ведьма? – фыркнул Ярик. – Чем ты их обработала? Хочешь, чтобы я их понюхал и у меня уже никогда не встал?

В Ярика полетел воздушный поцелуй, а затем самая обворожительная улыбка, на которую Юля была способна. В следующий миг она подняла средний палец и изобразила, как со страстью его откусывает. Это было уже слишком. Ярик бросился вниз. Сейчас он проучит эту выскочку. Будет знать, как показывать ему неприличные жесты. Подарок она ему оставила!

Пробегая мимо двери кабинета, он притормозил. Надо захватить ее «подарочек», им и придушить эту сучку. Может хоть раз испытает настоящий оргазм! Но на столе никаких трусов он не нашел. Трусов вообще нигде не было. Его взгляд привлек маленький посторонний предмет – флешка. Что за черт! Ярик покрутил флешку и нахмурился. А вдруг там какой-нибудь смертоносный вирус, что убьет его компьютер, а заодно и всю систему безопасности? От этой дряни все что угодно можно ожидать. Ох, как чесались его руки! Выпорол бы с превеликим удовольствием!

Любопытство перевесило и, ругнувшись, он вставил флешку в компьютер. Что это? Какие-то документы. Рука Ярика потянулась к очечнику. Водрузив очки на переносицу, он изучил финансовые документы и не поверил собственным

глазам. Перед ним были доказательства его невиновности. Из-за того что он был в розыске уже два года он не мог свободно передвигаться по миру, и это было для него адом. Но откуда Юля вообще об этом узнала? Он ей ведь ничего не говорил. Наверное, Савва рассказал или отец. Черт! К горлу подступил комок, он тяжело сглотнул, отбросил очки в сторону и потер лицо руками. Судя по датам запросов и переписки, пока он с ней развлекался, она провела полномасштабное расследование. Сердце сжалось. Он тяжело задышал. Юлька!

В следующий миг он уже летел к «Ягуару». Ему нужны подробности. Документы документами, а как их представить в виде доказательств и кто это сделает? Ведь ни один аудитор не смог раскопать то, что отыскала Юля. А она хороша! Чертовски хороша! Вот ведьма! Всю душу ему вывернула наизнанку. Его ведьма, черт возьми! Рыжая бестия... она как никто будоражит ему кровь...

Глава третья «Против воли»

«...Любовь как падающая звезда. Умирая, она оставляет после себя черную пустоту. Вот как у меня сейчас в душе. Пустота. Еще вчера там жила любовь. Робкая, бескорыстная, полная надежд. А после столкновение с твоей все пожирающей ненавистью там теперь выжженная дыра. Любовь не приходит дважды. Она помнит, откуда ее прогнали...».

Наши дни

Юля была занята рабочими вопросами вплоть до позднего вечера, игнорируя попытки родителей прорваться к ней по телефону, а ближе к вечеру уже в самом банке. Дорофеевы буквально не покидали ее обновленного кабинета. Правда Ярик появился в банке только к часу дня, пообедал с семьей в ресторане, где они с Юлей не обменялись ни единым словом и под первым же предложением уехал.

Только что уставшая и обессиленная Юля вернулась с совещания, на котором были все главы отделов. Обсуждались накопившиеся вопросы и то, что их банк внезапно подвергся внеплановой проверке со стороны Центробанка. По своим каналам Юля узнала, что это в очередной раз «заказная» проверка.

Все в банке были предельно возбуждены присутствием старшего Дорофеева и внезапным исчезновением Жанны. Юля уже подбирала новую кандидатуру на пост главы отдела. Кто-то из кадровиков слил эту информацию заинтересованным сотрудникам, и к ней сразу потянулась вереница «особо нуждающихся» в этой должности менеджеров. Причем приходили по надуманным срочным предложениям, а разговор всегда заканчивался одним и тем же.

Юля выполнила просьбу босса и позвонила Марату Айратову. В коротком телефонном разговоре он дал понять, что в курсе ее ситуации и готов обсуждать вопрос о ее новой должности, но перезвонит, когда ситуация немного прояснится.

– По какой-то причине, Ляля, теперь ты им не нужна, – сделал вывод старший Дорофеев, потягивая коньяк, – а это значит, они пока не в курсе, что ты сняла землю с торгов, – босс перевел взгляд на своего старшего сына. – А мы точно ее сняли с торгов?

– Мы сняли, но сделали так, что из списка ее уберут только утром в день торгов, – Савва указал на Юлю, – Ляля на этом настояла.

– Молодец девочка, – кивнул старший Дорофеев.

Сжимая в руке хрустальный стакан с коньяком «Frapin Cuvee», он прошелся вдоль панорамных окон. Делая глоток, он закрывал глаза, наслаждался цветочным ароматом и медовыми нотками, затем еле заметно склонял голову набок. Юля понимала, что сегодня босс находится в особом расположении духа. Обычно в такие дни он был более разговорчивым и открытым, но с учетом всего происходящего за последние сутки эта открытость могла перерасти в конфликт с теми, кто ему противостоял и в первую очередь с Яриком.

– Лялечка, там твои родители дожидаются тебя уже не первый час и поэтому поводу у меня к тебе вопрос: почему ты вчера нам не сказала про семьдесят два часа?

Дорофеевы уставились на Юлю, судя по реакции Саввы, он уже знал, о чем идет речь. Юля в этот момент смотрела на экран, где отслеживала онлайн торги на фондовой бирже. Сняв очки, она потерла переносицу и спокойно ответила:

– Потому что собираюсь проигнорировать завещание брата.

– Насколько я понял, прогнозы неутешительные, – босс сделал еще глоток коньяка и потянулся к сигарной коробке.

– Дмитрий Юрьевич, если бы это был ваш сын, вы бы считались с прогнозами? – спросила Юля в лоб.

Ответ она уже знала, и босс это понял, потому снова уставился в окно на городскую панораму.

– Иосиф может помочь. Не хочу, чтобы тебя что-то отвлекло и расстраивало в ближайшие дни.

Идея была отличной, на помощь такого спеца как Иосиф Натанович, она даже в самых смелых мечтах не могла рассчитывать. Слишком дорого было его время.

– Буду очень признательна.

На самом деле старший Дорофеев желал быть в курсе всего происходящего по ту сторону его самой большой проблемы. Сорвавшаяся сделка с Айратовым и попытка покушения блекли по сравнению с тем, что он мог потерять свой Самородок, а он ее непременно потеряет, если братец очнется и снова заявит на нее свои права.

– Ты же понимаешь, мы бы сами сели с тобой за стол переговоров и поддержали морально, но в данной ситуации это неуместно. Все-таки со дня на день мой сын может стать убийцей, и еще неизвестно как нам все это аукнется, – старший Дорофеев рассуждал так, будто Юля должна быть на стороне Ярика.

– Пап, не налегай на коньяк, – подметил Савва и когда отец повернулся, легким кивком показал на Юлю, давая понять, что отец сделал неуместное замечание.

Но Дорофеева это завело еще больше.

– Ляля, а что будет, если он все-таки умрет? Ты уже об этом думала? – босс разжег кубинскую сигару и по кабинету петляющим ручейком пополз терпкий запах древесины, карамели и специй.

Юля напряглась, что-то в тоне босса ее насторожило. Это была даже не угроза, а констатация факта, будто вопрос о смерти ее брата решился самим Дорофеевым только что, как самый лучший исход из всей ситуации. Юля кинула на Савву предостерегающий взгляд и снова углубилась в торги.

– Почему я спрашиваю, его вдова ведь поднимет вопрос об ответственности. Я уже не говорю об отце. Вчера в глазах этого механика я

прочитал открытую угрозу, а мне бы не хотелось воевать еще и с ними. Хотя я бы сделал это с особым удовольствием.

Юля поняла, что игнорировать сегодня босса не самое лучшее решение и оторвалась от компьютера.

– Почему, Дмитрий Юрьевич?

– Потому что они с матерью поломали тебе жизнь, Лялечка, – босс сделал затяжку и выдохнул струю дыма. – Тебе и Роману. Вчера мне о нем докладывали, и я понял, что он отличный парень. Ведь мог бы быть тебе всю жизнь опорой и поддержкой. А ты осталась без родителей и без брата. С разбитым сердцем... – Дорофеев подошел к Юле и по-отечески поцеловал в макушку. – Как же я жалею, что ты не моя дочь, Лялечка. Как же я жалею...

Это была песня, которую босс заводил, когда был либо сильно пьян, либо на пороге очень важных событий. Юля и Савва переглянулись. Оба догадались, что это, скорее всего, вторая причина, чем первая.

– Пап, ты что-то сегодня разошелся. Выпивка, сигары, слезливые речи. Что ты от нас скрываешь?

Разговор был прерван звонком адвоката, Дорофеев выслушал его доклад, потом попросил заняться завещанием Романа и Иосиф Натанович пообещал зайти.

– Иди Ляля к ним, узнай, чего они хотят, и выпроводи их из банка. Пока они сидят через стенку, я чувствую себя отцом монстра.

Вот оно что! Чувство вины! Это что-то новенькое. Старший Дорофеев никогда ни о чем не сожалел. Ярика он мог назвать кем угодно, но Юля знала, младшего сына он любил до умопомрачения, хоть никогда в этом никому не признавался. В отличие от старшего сына, младшего он планировал, ждал и любил с первых минут жизни. Мать Ярика была намного младше Дмитрия Юрьевича. Она была очень многообещающей спортсменкой, но получила травму и навсегда распрощалась со спортом. Савве всю жизнь приходилось что-то доказывать отцу, Ярику не нужно было ничего доказывать. Его любили просто так, за то, что он есть, за то, что был частью любимой женщины.

Юля кивнула и, прихватив три своих телефона, направилась в комнату для переговоров. Ох, как же ей не хотелось видеть родителей! Сергея она не могла

видеть, потому как он внешностью и манерой речи напоминал Романа, а мать за то, что отняла любовь всей ее жизни. В этот момент она пожалела, что отослала Рудика в клинику и заставила следить за происходящим. Сейчас он нужен ей как никогда.

Сегодня на Юле был облегающий фигуру серый брючный костюм, зеленая блузка и горчичного цвета туфли-лодочки. Все это она бы сейчас скинула с невероятным удовольствием и нырнула в бассейн. Пусть вода заберет ее усталость, перенапряжение и сомнения. Не успела она зайти в комнату для переговоров, как за ней увязалась главный бухгалтер и нырнула следом под предлогом необходимости ее подписи.

Неприятным сюрпризом оказалось то, что в отсутствие Рудика никто не предупредил Юлю о составе семейной делегации. Вместе с родителями приехали ее младшие брат и сестра. К счастью младшие отпрыски не горели желанием с ней общаться и это понятно, из-за нее их любимый старший братец сейчас на волоске от смерти. А во главе стола, с грацией царицы Нефертити восседала красавица Снежана – жена Романа. Всем своим надменным видом она показывала, что намеренна высказать недовольство долгим ожиданием.

Юля оценивающе взглянула на родителей, их состояние только ухудшилось. Сергей видимо не спал все эти дни. Лицо осунулось, глаза потускнели, руки дрожали. Мать с заплаканными глазами пыталась сосредоточиться на каких-то документах, но как только вошла Юля она быстро убрала их в сумку.

– Юлия Викторовна, простите, что отвлекаю вас от встречи, – начала извиняться главный бухгалтер и, отодвинув вещи родителей, положила перед Юлей стопку документов на подпись, – но вы сегодня на разрыв и другой возможности похоже не будет.

Оставив без комментариев извинение сотрудницы, Юля надела очки, начала подписывать документы и задавать по ходу вопросы. Какие-то документы она отвергала, коротко объясняя причину отказа, какие-то подписывала без комментариев. Эта короткая передышка дала ей возможность морально

подготовиться к беседе с ненавистной ей Снежаной и прочувствовать ее настроение. Перед женой Романа лежала тонкая папка, которую она охраняла как зеницу ока. Ее наманикюренные пальцы нервно отбивали чечетку по пластиковому титульному листу. Юля предположила, что там пресловутое завещание, про которое говорила ее мать.

Когда главный бухгалтер выходила, в дверях с ней столкнулся Иосиф Натанович. Он молча прошмыгнул в комнату переговоров, скромно устроился в углу на офисном стуле, как какой-нибудь секретарь или ассистент и начал с кем-то обмениваться смс-сообщениями.

– Итак, – Юля подняла глаза и обвела родственников взглядом, – Чем сегодня обязана?

– Юльча! – с укоризной воскликнула Алла.

Сергей злобно зыркнул на жену и Алла тут же осеклась.

– Сегодня ночью истекают семьдесят два часа, – металлическим тоном подметила Снежана и швырнула папку Юле. – Мы должны выполнить волю Романа и отключить его от системы жизнеобеспечения.

Юля передала документы юристу и взглянула на Сергея.

– Ты тоже так считаешь?

– Он не раз говорил, что не хочет быть инвалидом, – с обреченным видом пожал плечами Сергей. – Врачи не дают гарантий, что он выйдет из комы. Он может пролежать в таком состоянии годы.

– А даже если и выйдет, будет всю жизнь парализован, – вставила жена Романа. – Для мужа такой исход был самым худшим из всех возможных. Нужно набраться смелости и сделать это.

– Никто никакой смелости набираться не будет, – категорично возразила Юля. – Разрешение на отключение я не дам. Наоборот, использую все возможности, чтобы вернуть его в сознание.

– Он не придет в сознание, – отрезала Снежана. Ее лицо покраснело от гнева. – После того что твой женишок с ним сделал, не придет! С этим грузом тебе придется жить всю оставшуюся жизнь. Прими это и отпусти его!

Юля передернула плечами. В самый черный день ее жизни Настя тоже просила ее отпустить Романа.

– Нет, – Юля перевела взгляд на Сергея и добавила: – И я удивляюсь, почему ты так на это реагируешь. Ты как отец должен использовать любую возможность. Падать духом еще рано.

Сергей с готовностью закивал и уронил голову на грудь. Наружу вырвался вздох облегчения. Казалось, он ждал хоть от кого-нибудь этих слов, чтобы окончательно занять нужную позицию. Сейчас у него был такой беспомощный вид, что Юле захотелось его обнять и приободрить, но она сдержалась. Странно было видеть, что мать не выказывает сочувствия мужу.

– Тебе, наверное, уже сказали? Я подала на тебя в суд, – с вызовом бросила Снежана. – Я твердо намеренна опротестовать медицинскую доверенность.

– Не быстро ли ты на себя траур вдовы примеряешь? – съехидничала Юля. – Как-то странно слышать такое от любящей жены.

– Любящей? – Снежана вскинула подбородок и поправила прическу. – Я многое ему прощала. Но то, что он мне сказал накануне... – она помотала головой и перевела взгляд на Сергея. – Мы говорили о рождении второго ребенка. Я предложила ему обвенчаться. Но он наотрез отказался. Сначала я подумала, что это плохое настроение, я не вовремя подошла. Такое и раньше бывало. Но он отказал и во второй раз, а на третий раз посадил меня и сказал такое, от чего у меня волосы дыбом встали. Оказывается, он уже венчан и что-то менять не собирается. Я сразу догадалась о ком он и сказала, что его развенчают без проблем, как только узнают, что он повенчан с сестрой. На что он сказал, что был вынужден вести гражданскую жизнь без нее, – Снежана ткнула пальцем в плечо Юли, – но душу свою он отдал ей раз и навсегда и никто этого не изменит. Перед богом она его жена, если они не могут быть вместе здесь, то там, – она глазами показала на потолок, – их никто не разлучит.

У Юли глаза наполнились слезами. Она совсем забыла, что они действительно обвенчались в том самом храме, что был виден из их окон.

– Честно говоря, я сама хотела найти Юлю и поговорить на эту тему. Но пришел Ярослав, и я решила, что это самый подходящий способ все наладить. Юля выходит замуж, у нас с Романом родится второй ребенок, и оба наконец-то успокоятся.

Иосиф Натанович предупредил, что сделает ксерокопию завещания и вышел из кабинета.

– Ситуация сложная, я понимаю, – Юля обращалась к Сергею. – С одной стороны это его желание, но с другой стороны, он ведь не просто так дал мне доверенность. Он дал мне право принять окончательное решение. Я его приму. И когда приму, оповещу всех, чтобы смогли с ним попрощаться.

– И сколько должно пройти времени, чтобы ты приняла такое решение? – ехидно осведомилась Снежана. – Сколько времени ты будешь играть в бога?

– А кто-то куда-то спешит? – развела руки Юля и показала на дверь. – Вперед, идите по своим делам. Живите своей жизнью. О Романах беспокоятся. Он ни в чем не будет нуждаться. Вам не надо думать о счетах и деньгах.

– Я не могу не думать о деньгах, – отчеканила Снежана. – Все деньги на счетах Романа и в бизнесе. Я мать и должна думать о благополучии своего ребенка.

– На счет денег не беспокойся, я буду...

– Нет! – выпалила Снежана. – Я не намерена околачиваться у твоего банка как попрошайка! Я отключу мужа от системы жизнеобеспечения, похороню и вступлю в законное наследство.

Слово «похороню» резануло всем уши. Юля аж вскрикнула и побледнела. Алла выпучила глаза на сноху. Сергей вскочил на ноги.

– Я на стороне Юли! – выпалил он. – Она права, нужно использовать все возможности. А на счет денег... у нас есть кое-какие сбережения и мы поможем.

– Да это копейки для нее! – взорвалась Алла и кинула презрительный взгляд на Снежану. – Ее сумка стоит как твоя полугодовая зарплата! Она привыкла жить на широкую ногу! Ни дня не работала. Сидит на всем готовом! Моя дочь впахивает и днем и ночью, света белого не видит, предлагает ей помощь, а она...

– Предлагает помощь?! – заорала Снежана как истеричка. – Ее Ярик убил моего мужа! Кстати! Почему он все еще на свободе?!

Начался крик и вопль. Снежана обвиняла, Алла парировала. Сергей пытался их обеих вразумить. В этот момент зашел Иосиф Натанович и жестом дал Юле понять, что ей лучше уйти. Дальнейшую часть разговора он брал на себя. С

минуту Юля колебалась, откуда ей знать, что он займет нужную ей позицию? Он будет думать в первую очередь о Дорофеевых, а не о ней. Но она ведь сама дала согласие на его участие в переговорах, так чего теперь робеть? В конце концов, если ей что-то не понравится, она всегда может сказать, что не согласна со своим адвокатом. Не попрощавшись, Юля выскочила из комнаты для переговоров и рванула в свой кабинет.

В кабинете она застала картину не лучше. Стоя посреди комнаты все трое Дорофеевы кричали друг на друга как кричат в яростной схватке футбольные фанаты.

– Возьми и сам на ней женись! – выпалил в лицо родоначальнику Ярик. Он переоделся, теперь на нем были джинсы и белая футболка с эмблемой его боксерского клуба. – Ты так ею восторгаешься! Зачем дело встало?! Вы будете отличной парочкой! Будете устраивать поединки у кого секретов больше! Не нужно напрягаться и делать ребенка! Иди на все готовенькое!

Старший Дорофеев врезал сыну в челюсть и охнул от боли. Побледнел и начал трясти рукой. Савва еле сдерживал пыл Ярика, тот пытался добраться до отца.

Увидев ошарашенную Юлю на пороге кабинета, Ярик закричал:

– О! Невестушка моя! Как дела, милая?

Юля повернулась к Савве.

– Чего это с ним? Плачет по размозженным на ринге мозгам?

– Что со мной?! – закричал Ярик. – Ты вчера спрятала от меня своего братца и еще спрашиваешь, что со мной? А про семьдесят два часа тоже не надо было говорить? Типа мне вообще знать ничего не надо, да? Я же пустое место! Никто! Потрахан и пшел вон! Ты говорить правду умеешь? Или вся твоя жизнь сплошное гребанное вранье!?

Брызги слюны попали Юле в глаза, и она отпрянула. Босс все еще тряс рукой и матерился.

– Пригрел скорпиона на груди! – кричал Дорофеев старший. – Я тебе покажу наследство! Ты у меня получишь его... как же... А как тебе такой вариант?

Отпишу пятьдесят процентов Ляле, и деньги получишь, только если женишься на ней. А?!

– Да подавись ты своими деньгами! – Ярик показал отцу неприличный жест рукой. – Подотри ими зад! Или в гроб положи, может на том свете тебе пригодятся, паромщику на переправе заплатить! Я женюсь тогда когда сам того захочу! И на той, что сам выберу, а не тебе назло!

В этот момент Юля шла к столу, но услышав эти слова, резко обернулась и в недоумении уставилась на младшего Дорофеева. Ее не раз предупреждали Рудик и Савва, что Ярик закрутил с ней роман, чтобы позлить отца и где-то в глубине души она принимала и понимала, что это правда. Но услышать это из его уст, да еще в таком пренебрежительном тоне Юле все равно было обидно.

– Что?! – усмехнулся Ярик, заметив ее реакцию. – Думаешь, ты такая распрекрасная, что мне башку снесло? Не хочу хвастать, Ляля, но у меня были женщины и получше тебя. Да, я специально замутил с тобой, чтобы отцу досадить! А потом ты сняла с меня обвинения, и я решил, что от меня не убудет, если поблагодарю тебя, трахнув еще разочек. Твой залет стал нежданчиком для нас обоих. Кто ж знал, что у тебя проблемы с предохранением!

Юля вздрогнула. Каждое его слово резало по сердцу острым ножом. Ярик был совершенно трезв и отдавал отчет собственным словам. Откуда такая ненависть? Да, она отказала ему в помолвке, но им же еще вместе воспитывать ребенка, зачем же жечь все на корню?

– Яся... – с укором прошептала Юля. – Как ты мог?

– Твою мать... – Савва отпустил брата и оттолкнул его от себя.

– Как я мог?! – Ярик захохотал в голос. – Ты такая умная в своих циферках и такая тупая в реальной жизни. И мужиков себе выбираешь таких ущербных, что без слез не взглянешь: то малолетнего хлюпика завывалу, то большеглазого плаксу с телом как линейка.

– Подонок! – завопил отец. – Мразь!

Ярик с довольным видом сложил руки на груди и наслаждался своим триумфом. Таким Юля его еще не видела. Казалось, он испытывал удовольствие от того что причиняет боль близким людям.

– А чего ты злишься? – махнул он в ее сторону. – Ты удачно залетела. Огробешь бабла, которого за всю жизнь не потратить. Потерпишь меня годик другой и разведешься. Если к тому времени твой коматозник оклемается флаг тебе в руки.

– Негодяй, – босс сел в ближайшее кресло и схватился за сердце. – Я породил монстра.

Телефоны разрывались, но никто на них не обращал внимания. Ярик все еще пытался «укусить» отца побольнее. Летели взаимные обвинения. Младший Дорофеев не стеснялся в выражениях. Он обвинил отца в том, что тот скрывает правду о смерти его матери и никакие оправдания не могли его убедить в обратном. Эту историю Юля узнала много лет назад, когда они с Саввой еще учились в институте. Мать Ярика умерла при странных обстоятельствах. Свидетелей ее смерти якобы не было. Ярик требовал объяснений, но отец всегда говорил, что это был несчастный случай и сыну нужно просто с этим смириться. Но Ярик был одержим идеей докопаться до истины и много лет расследовал своими силами эту историю.

Голова кружилась. Еле держась на ногах, Юля дошла до своего рабочего кресла и упала в него как подкошенная. Еще мгновение и она заплачет. Слезы уже душили ее изнутри. Взгляд блуждал по комнате в надежде зацепиться хоть за какой-то образ, что удержал бы ее сознание на плаву. Машинально она открыла верхний ящик и вынула из ежедневника две фотографии. В этот момент весь остальной мир перестал для нее существовать. Это были фотографии со свадебного путешествия. На первом снимке она в купальнике и широкополой шляпе бежала от мужа по белому песку. А на втором Роша. Она помнила, как сфотографировала его загорающим на соседнем шезлонге. В тот момент он был таким сексуальным и разомлевающим от солнечных лучей, что она еле удержалась, чтобы снова не потащить его в номер. Кривая ухмылочка, неестественно яркие голубые глаза на фоне загорелой кожи, трехдневная щетина, взлохмаченные волосы. Даже сейчас глядя на это фото, Юля испытала острое возбуждение. Господи, она бы все сейчас отдала лишь бы быть с ним рядом. Лишь бы еще раз почувствовать на себе его вожделенный взгляд и ласковые прикосновения. Эта

мысль придала ей силы. Расставила все по местам. Она вытерла накатившиеся слезы и начала собираться.

– Дмитрий Юрьевич, – Юля встала у стола. В руках сумка. Взгляд твердый с вызовом. Дорофеевы замолчали и посмотрели на Юлю. – Вы знаете, как я вас уважаю, – на лице босса отразилась горечь и боль. – Вы заменили мне отца. В трудные моменты всегда поддерживали, приободряли. Давали дельные советы. Я вам за это благодарна но... – Юля нервно сглотнула, – после того что я услышала... пожалуйста, никогда мне не говорите о браке с вашим сыном. Вообще больше не говорите со мной о браке. Ни вам, ни вашим сыновьям не за что меня прощать. Я не совершала ничего постыдного. По крайней мере, я этого не чувствую. – Юля пошла к двери. – Если вы не против, я зайду к вам в понедельник утром. Нужно обсудить мое дальнейшее пребывание в банке. Я решила больше времени проводить с братом и целесообразней организовать мне офис прямо в клинике. Какую-то часть работы я могу делать удаленно, но все же вам уже сейчас следует начать искать человека на место управляющего. После рождения ребенка я намерена посвятить себя семье.

Она открыла дверь и, встретившись взглядом со своим телохранителем, попросила подогнать машину. Вернулась в кабинет и оглядела все семейство. Савва стоял подбоченившись. Дорофеев старший смотрел на нее потухшим усталым взглядом. Он подумал, что это конец. Юля никогда не простит его сына.

– На счет денег не беспокойтесь. Они у меня есть. Куда бы вы меня там в завещании не вписали, я оставлю все деньги благотворительным фондам, так что не советую рисковать, – Юля вынула из очечника солнцезащитные очки Авиаторы и начала медленно протирать стекла. – Денег у меня достаточно. Хватит, как выразился ваш сын, до конца жизни. Да что там мне... всем детям, которых я рожу, – Юля нервно хохотнула. – Видимо их будет много, у меня ведь проблемы с предохранением.

Юля перевела взгляд на Ярика, глаза которого полыхали неукротимой яростью. Если сейчас она не поставит в их отношениях окончательную точку, он так и будет преследовать и выматывать ее. Но Юля не хотела больше ни с кем бороться. Она вспомнила слова Роши: «Миа, я не хочу, чтобы в тебе копилась

ненависть. Это убьет нашу любовь». Он говорил ей это в больничной палате, когда она порезала из-за него руку.

Сейчас ей хотелось очистить себя от грязи, ненависти и сжимающей душу боли. Немного помедлив, Юля положила сумку на стол, шагнула к Ярику и теплыми ладонями обхватила его лицо. Он дернулся, немного откинул назад голову, но отводить ее руки не стал.

– Яся, в тебе столько ненависти... мне кажется, ты уже сам не понимаешь, кого и за что ненавидишь. Любовь и ненависть – взаимоисключающие чувства, они не могут идти рука об руку. Любовь может оставить после себя боль утраты, горечь воспоминаний и тихую скорбь, – Юля провела пальцами по его щеке, покрытой шрамами, от чего Ярик на секунду закрыл глаза. – Любовь как падающая звезда. Умирая, она оставляет после себя черную пустоту. Вот как у меня сейчас в душе. Пустота. Еще вчера там жила любовь. Робкая, бескорыстная, – Юля, еле касаясь, провела пальцами по его губам, – полная надежд. А после столкновение с твоей все пожирающей ненавистью там теперь выжженная дыра. Любовь не приходит дважды, Яся. Она помнит, откуда ее прогнали, – руки поползли вниз и опустились ему на грудь. Юля прислонилась щекой к его щеке. – Ты подарил мне три недели счастья, по значимости они перевесили все события в моей жизни. И за них я тебе благодарна. Никогда не чувствовала себя такой наполненной и свободной. Ты открыл мне новый мир, – она взяла его руку, повернула ладонью вверх и поцеловала. – Спасибо тебе. Я отпускаю нашу любовь. Для нас обоих она теперь всего лишь воспоминание. Пусть растворится в космосе... Прощай...

С этими словами Юля вышла из кабинета и поспешила к лифту. Следом за ней, словно тень двинулся телохранитель. Комок подступил к горлу, слезы снова рвались наружу, но она приказала себе не раскисать и стойко держалась, пока с ней прощались попадающиеся ей на пути сотрудники банка. Наружу рвался крик отчаяния. Не только из-за Ярика, в принципе сегодня ничего нового о его чувствах она не узнала. К старым обидам и стрессам, с которыми ей так и не удалось справиться, сегодня навалились новые, и предел ее возможностей иссяк. Юля не помнила, как добралась до «Бентли». Только там она дала волю своим эмоциям. Прорвалась плотина слез. Она плакала так громко, что привлекала

любопытные взгляды пассажиров соседних машин в потоке плотного в этот час движения, но ее собственный вышколенный персонал даже глазом не повел.

Теплая летняя ночь окутала засыпающий город. Стоя на крыльце клиники, Аслан слушал громкое пение цикад. Было уже за полночь, когда он увидел подъезжающий к клинике «Бентли». Первым из машины вышел телохранитель Юли, осмотрелся и открыл перед ней дверь.

– Саламчик, – Аслан потушил сигарету.

Юля ответила на приветствие и прошла в клинику. Заехав ранее домой, она приняла душ и переделалась. Привела себя в порядок и поужинала. Сегодня она планировала провести ночь рядом с Рошей.

На протяжении всего дня Аслан и дежурный врач посылали ей сообщения, поэтому Юля была осведомлена о насыщенном дне Романа. Она зашла в просторную палату и поздоровалась с медперсоналом. Несколько минут ушли на беседу с дежурным врачом. После чего все разошлись по кабинетам, и в клинике воцарилась тишина.

– Рудик уехал домой. Сказал, вернется через пару часов, – доложил Аслан и кивнул в сторону двери. – Я немного покимарю на диване, люди на периметре, так что все под контролем. Если буду нужен, растолкай меня.

Только когда дверь за ним закрылась Юля подошла к койке и тщательно его осмотрела Романа. Его помыли, причесали, обработали раны. Она немного взлохматила ему волосы и придала им форму, похожую на укладку, что он делал к ее дню рождения.

– Привет Роша, – Юля осторожно поцеловала его в губы, будто могла причинить ему боль. – Денек у нас с тобой выдался не из легких.

Его руки были по-прежнему холодными, и она начала разогревать их своими ладонями и теплым дыханием. Юля рассказала брату о визите родителей и его жены. О том, как переживает за него отец. Пожурила за завещание и пресловутые семьдесят два часа. Возмутилась его выбором жены и спросила, за что он ее полюбил. Потом примостилась к нему бочком и закрыла глаза.

Несколько минут она напевала песню Мины, под которую они танцевали в ее гостиной.

Видимо она уснула, а услышав громкие голоса в коридоре, вскочила и огляделась. Дверь распахнулась, в палату вошел Рудик. Увидев ее испуганную, сонную и растерянную, он усмехнулся и сказал:

– Тебе будто пять лет, и твоя мать застала тебя за кражей конфет.

– Уф, – Юля потерла глаза, – сама не поняла, как вырубилась.

– Говорят, я пропустил сегодня апокалипсис, – усмехнулся Рудик, намекая на скандал в ее кабинете. – Ну почему все самое интересное происходит без меня?

– А я цирковое представление под названием «На кого ты нас покинул?».

Юля говорила об истерике Снежаны, которая была разыграна при сыне и всех медработниках.

– Хреновая Снежана, скажу я тебе, актриса, ее даже персонал раскусил, что касается меня, могу дать полный портрет Снежной Королевы.

– Да ну! – Юля усмехнулась. Ей стало интересно, что думает Рудик о жене Романа. – Что разглядели твои глаза-рентген?

Рудик сел в кресло и закинул ногу на ногу.

– Не столько глаза разглядели, сколько интуиция сработала. Я позвонил в парочку мест, потом съездил кое-куда и вуаля!

– Не томи, – буркнула Юля и снова начала отогревать руки брату.

– Сначала ты мне расскажешь, что тебя довело до истерики в машине.

Видимо кто-то из персонала доложил Рудику об инциденте. Это было его работой – поддерживать ее рабочий настрой и решать проблемы. Юля закрыла глаза и тяжело вздохнула.

– Давай, Юля-Тигруля. Объявляю время вечерней исповеди.

– Не называй меня так!

– Эй! Я не виноват, что боксер с атрофированными мозгами от скарфинга украл мое любимое прозвище! Так в чем причина слез?

– Ярик отказался от женитьбы, признался при всех, что закрутил со мной роман назло отцу. Предложил Дмитрию Юрьевичу самому на мне жениться.

Рудик бросил на нее короткий, но многозначительный взгляд.

– И что? Ты услышала то, что сама знала и начала реветь как медведица, потерявшая в тайге медвежонка? Не верю!

– Откуда мне было знать? – Юля покраснела. – Я бы не поехала с ним на Кубу, если бы знала, что это все назло отцу.

На самом деле Юле было стыдно признаться, что из упрямства и вспыхнувшей страсти она проигнорировала собственную интуицию, предостережения Рудика и умчалась на Кубу, будто это был ее последний шанс на счастье.

– Юлька! – вскипел Рудик и вскочил с кресла. – Только не говори, что ты этого не предполагала, тогда ты меня не просто уже пугаешь, а бесишь. Давай. Расскажи мне все. Мне нужны детали вашего сегодняшнего разговора.

Пока Рудик с важным видом расхаживал по палате Юля как можно подробнее изложила весь разговор с Дорощевыми, приправила рассказ своими домыслами и соображениями, а закончила тем, что поведала о своем прощальном монологе с Яриком. На что Рудик усмехнулся и философски изрек:

– Ваши отношения закончатся тогда, когда Ярик этого захочет, а не тогда, когда ты стоишь перед ним чуть не плача, гладишь его и говоришь о любви, которую нужно поблагодарить и отпустить. Что сработало с Джанлука, с Яриком не прокатит. Ярик прав: ты совершенно наивное существо и не знаешь реальной жизни. Но к счастью, именно это качество в тебе ему и нравится, хотя порядком выбешивает. Он хочет контролировать твою жизнь, жизнь своего будущего ребенка и будет предпринимать для этого все необходимое. Сейчас, например, ему надо знать, где ты и он узнает, даже не сомневайся.

Юля напряглась и еще крепче прижалась к Роману.

– И братца своего ты сама сейчас подставляешь. Если бы ты меня слушала, то ничего бы этого не было, но ты как специально накаляешь обстановку.

Поджав губы, Юля боролась с подступающими слезами. Подбородок затрясся и Рудик конечно это заметил. Он подошел к ней и погладил по голове.

– Юлька, я просто хочу, чтобы ты осознавала происходящее таким, какое оно есть, – продолжил давить на нее Рудик, но уже более теплым терпимым тоном. – Если Ярик что-то говорит при отце, дели это на два. Поняла?

Юля повернула голову и встретилась с ним взглядом.

– Он, конечно, замутил с тобой из-за отца, тут я согласен на все сто и говорил тебе об этом. Но... – Рудик поцеловал ее в лоб, – уехал он на Кубу с одними мыслями, а вернулся совершенно с другими.

– С какими? – спросила Юля и смахнула со щеки одинокую слезу.

– Он вляпался так же как и ты. Возможно, он никогда в этом не признается, особенно теперь, но чувства у него к тебе сильные.

– Ага... ненависти и презрения.

– Ненависть есть, – кивнул Рудик, – но не презрение.

Юля окончательно запуталась. На данный момент она уже не понимала, что ей делать. Ей хотелось в первую очередь обезопасить Романа и сохранить со старшим Дорофеевым рабочие отношения, но ситуация так накалилась, что дернись Юля хоть в какую-то сторону произойдет катастрофа.

– Что мне делать, Рудик?

– Хочешь моего совета? Я тебе его дам, но если начнешь импровизировать, не говори, что я плохой советчик.

Его тон был таким решительным и твердым, что Юля встала с койки и села в соседнее с Рудиком кресло. Она смахнула слезы и поправила растрепавшиеся волосы.

– Я слушаю.

– Прими Ярика в свою жизнь, – вздохнул с шумом Рудик и, видя реакцию Юли, предупреждающе выставил вперед руку, – Чем больше ты будешь сопротивляться, тем сильнее он будет давить и делать тебе больно. Будет бить по самым слабым местам. А сейчас это Роман. Ты хочешь, чтобы у Романа были проблемы?

– Нет, – покачала она головой.

– Тогда не дразни его. С ним нужно договариваться, советоваться, приводить все аргументы. Ты ведь к Савве приловчилась, – Юля кивнула. – Ярик такой же, только более вспыльчивый и упрямый. С ним нужно быть очень осторожной.

Рудик подался корпусом вперед и перешел на шепот, будто их кто-то мог подслушать:

– Юлька, на самом деле он устал от кочевой жизни, ему нужен дом, нужна семья и твой ребенок ему тоже нужен. Именно твой, – на лице Юли отразилось удивление и Рудик объяснил: – Для него ты подходящая партия, – он начал загибать пальцы, – не замешана в скандалах, о твоей личной жизни мало что известно, как и он, имеешь спортивные достижения в международных соревнованиях, ненавязчивая, привлекательная, образованная, финансово независимая. Ты почти член семьи. Тебя любит Савва, принимает его жена, ты крестная их дочери, а это для Ярика очень важно. Элита тебя давно приняла в свою стаю. Появись он с тобой как с парой, его рейтинг взлетит до небес.

Рудик похлопал ее по руке.

– Конечно, ты достойна лучшего, но он не самый худший вариант из-за его семьи. Если бы не беременность, я бы настаивал на варианте со Штатами, – он подмигнул и полушутливым тоном добавил: – Уж больно прельщает меня перспектива отъезда с тобой в Нью-Йорк. Но теперь говорить об этом поздно.

Юля закатила глаза, давая понять, что ей сейчас не до шуток.

– Веди себя с Яриком так, будто скучаешь и хочешь быть с ним, – тут же перешел он на серьезный тон. – Твой брат в коме, ты его навещаешь, но мой тебе совет: навещай с Яриком. По крайней мере, предложи, пусть он сам решает, заходить ему или нет. А он зайдет, даже не сомневайся и будет пялиться на тебя, наблюдать за мимикой. Своих чувств к Роману не скрывай, он все равно заметит, а ты хитрить не умеешь. Скажи, что борешься с собой и покажи ему результат. Твоя борьба даст ему толчок к собственным переменам. После чего он задумается над вашим будущим, но не раньше, – Рудик взял ее за руку и продолжил: – Но если Роман выйдет из комы, то ты не должна его навещать. Поняла?

– Как это? – Юля застыла, по телу пробежал холодок.

– Пока Ярик рядом – нет. И еще... Ты сама сказала, что лучший способ общения с Яриком – секс. Так общайся с ним, чтобы он понял и поверил тебе, – Юля одернула руку. – Без этого никак.

– Я не смогу, Рудик. Только не после всего этого... – Юля показала на Романа.

Рудик заглянул Юле в глаза.

– Скажи мне, если он очнется, – глазами он показал на Романа, – ты с ним останешься?

– Да. Если он захочет.

– Юля-Тигруля, какая же ты глупая, – Рудик тяжело вздохнул. – Допустим, у вас все будет оки-доки. Любовь, морковь и помидоры. А что потом?

– В каком смысле?

– Ярик и Снежана сделают все, чтобы вам досадить. Я не удивлюсь, если они на какой-то момент объединят свои усилия и ополчатся против вас. Не из желания вернуть, а из мести. Они вытянут из вас все до последнего цента и заставят жить в нищете.

– Пусть, – Юля надула губы. Выглядела она сейчас как упрямый подросток. – Я не боюсь их угроз.

– Ты не выдержишь, Юля. Ты переживаешь из-за косо брошенного на тебя взгляда. Что будет, когда тебя на всю страну назовут извращенкой?

Юля вскинула подбородок и сжала кулаки.

– В выражениях никто стесняться не будет. Любовь к родному брату в обществе не примут. От тебя все отвернуться, – пояснил Рудик. – Если я прав, Ярик и Снежана уже снюхались, а сегодня разыграли отличный синхронный спектакль.

Огорошенная таким предположением Юля уставилась на помощника и нервно сглотнула. Она понимала, почему Рудик сделал такой вывод. Снежана и Ярик уже знакомы, они перезванивались не один раз. Снежана знала о нападении младшего Дорофеева на ее мужа, но реальных действий в виде подачи заявления в полицию не предприняла, а вместо этого закатила истерику ей и родителям, да еще и иск подала на Юлю. Напрашивался только один вывод: она получила денежную компенсацию от Дорофеевых. А вот с Яриком все было сложнее. Вместо того чтобы наладить отношения с Юлей, он отказался от брака и высмеял ее и отца, чем добился исключения из завещания. Если Рудик прав, то конечная цель такого плана пока Юле была невидна.

Словно прочитав ее мысли, Рудик сказал:

– Ты думаешь о логике событий? Вот она: Ярик сделал так, что ты сама отказалась от наследства, которое тебе собирался оставить его отец. Чем меньше

у тебя денег, тем легче ему тебя контролировать, я уж не говорю, что несколько десятков лимонов евро останутся в их с братом копилке.

– Может ты и прав.

– Поведение Снежаны мои догадки подтверждают. Она хочет добраться до банковских счетов мужа, особенно оффшорных.

Но Юлю интересовал другой вопрос.

– То есть ты ни при каких обстоятельствах не видишь меня с Рошей?

– Нет, – категорично помотал головой Рудик.

– Почему? – Юля чуть не заплакала.

В ее вопросе было столько мольбы и отчаяния, что Рудик застонал и поднял на нее виноватый взгляд.

– Я его ненавижу, Юля. Он бросил тебя и ни разу до твоего появления в его доме не предпринял попытки с тобой встретиться и поговорить. Так не поступают любящие мужчины.

Юля попыталась оправдать действия Романа:

– Так поступают те, кто знает, что встреча принесет больше боли, чем разлука.

Рудик решительно замотал головой.

– Нет. Он слабак. Как бы ни было больно, он должен был объясниться со своей женщиной, тем более ты была его женой. Он должен был тебе помогать, обеспечивать, убедиться, что ты отошла от шока и встала на ноги. Но не бросать... так как сделал он, это подло. Извини, Юлька, я не на его стороне. Если выбирать между ними двоими, мне больше импонирует Ярик. Да, у него проблемы. Их надо решать и не один год на это уйдет. Но ты будешь Дорофеева... Юля. Дмитрий Юрьевич и Савва не дадут тебя в обиду, а уж об остальном я уже молчу. Карьера, твои доходы, положение в обществе – все пойдет в гору.

– Он не знает что такое верность, Рудик. Не знает что такое любовь. Я не представляю себя его женой, – Юля помотала головой, – просто не представляю. Наши отношения это какой-то водоворот из страстей, взаимных претензий и угроз.

– Потому что ты себя неправильно с ним ведешь. Вспомни, когда он нас привез на виллу из аэропорта. Как он вел себя с Ингрид. Он ведь тогда ей не

запрещал выходить из комнаты, она была частью его жизни... пока ты не появилась там... он был с ней ласков, нежен, заботился. Он умеет это делать, если захочет. Нет, Юля, я за Ярика обеими руками.

– Рудик, ты не понимаешь, я люблю Рошу. Я хочу быть с ним. Только с ним я счастлива.

– Ты беременна...

– Да, но это не значит, что я должна похоронить свое счастье.

– Сколько раз ты вспомнила Рошу на Кубе? – задал вопрос ей в лоб Рудик. Юля замешкалась, и он цокнул языком. – То-то же... Ты после Кубы стала совсем другой.

Юля понимала, о чем он говорит и закивала.

– Я знаю, и я ему благодарна, но то, что сейчас происходит, только все перечеркивает. Как подумаю, что наши ночи это был заранее спланированный хитроумный план мести отцу, так меня сразу тошнит. И потом... – Юля перевела взгляд на Романа, – я о Кубе позавчера тоже не вспомнила. Ни о Ярике, который бился в дверь и орал как бешенный. Ни о работе. Ни о жене и сыне Романа. Я не о ком кроме нас с Рошей не думала. Его прикосновения и поцелуи унесли меня в наше прошлое, где я была до одури счастлива. Ярик никогда не даст мне то, что может дать Роша.

Из глаз брызнули слезы. Юля промокнула щеки салфеткой и всхлипнула. Рудик пересел на пол, опустил голову ей на колени и обхватил за талию.

– Я очень хочу, чтобы ты была счастлива, поверь. Но мне кажется, что твой брат это всего лишь непрожитая любовь, невысказанные слова, вынужденно прерванный полет. Будущего у тебя с ним нет, и ты должна это понимать. Скоро ты будешь матерью, Юля, ты должна думать о ребенке. Это большая ответственность. Малыш может надеяться только на твою любовь и разумность. Больше у него нет защиты. Если ты будешь тратить силы на войну с Яриком и Снежаной можешь не доносить этого ребенка, и будешь винить себя за это всю оставшуюся жизнь.

Юле не хотелось говорить о ребенке. В ней столько было противоречивых чувств. Пока еще она не чувствовала себя ответственной за чью-то жизнь. Она и зарождающей жизни внутри себя еще не чувствовала. Просто какая-то черная

точка на ультразвуке. Эта точка поставила в тупик многие аспекты ее жизни. Если бы не беременность, она бы сейчас летела с боссом в Штаты. Роша был бы здоров, жил с семьей и был бы относительно счастлив. А Ярик после воссоединения с отцом и братом запустил бы те проекты, которые он вынуждено отложил из-за угрозы экстрадиции.

– Так что там с этой фифой – Снежной Королевой? – напомнила Юля о жене брата и взглянула на Романа. Она никак не могла понять, что привлекло Романа к этой женщине.

Рудик закинул ногу на ногу и заговорил манерно с оттенком насмешки.

– Снежок – так ее называет твой братец – стерва элитного разлива и вселенского масштаба. Папуля генерал армии в отставке. Маман работает в Останкино. Армия и СМИ – тот еще наборчик. Против них не попрешь. Так что пока она у нас в подругах, Роша и ты в безопасности. Все годы брака она делала вид, что счастлива и все у нее на высшем уровне.

– А это не так? – нахмурилась Юля.

– Неа, – Рудик цокнул и изобразил тошноту. – Далекое не так. До Романа она встречалась с Петром, его другом и партнером по бизнесу. Петро тот еще прохиндей, увязался за какой-то юбкой, та залетела. Ее папашка – вор в законе – дал ему понять, если Петро не хочет найти поутру собственные яйца на сковородке, быстренько женится на его доченьке.

Юля хохотнула, она помнила Петра, он учился в одной группе с Романом. Близкими друзьями они тогда не были, скорее приятелями.

– У Снежка были к нему реальные чувства. Она так обозлилась, что решила замутить с его другом, чтобы так сказать всю жизнь напоминать бывшему, что он потерял.

– Жестко, – подметила Юля, – в первую очередь к самой себе.

– Дальше – больше! Вора в законе хлопнули на сходке. Его доченька запила. Петро подал на развод и стал перебирать спутниц.

– Ой, – Юля подняла голову и взглянула на ассистента, – только не говори, что прежняя любовь вспыхнула с новой силой.

– Не вспыхнула, но секс у них был и не раз.

– Откуда такие сведения?

– От сестры Петра, она оказалась подругой моего друга.

Юля хихикнула.

– А есть хоть кто-то, кого ты не знаешь?

Рудик оставил ее шутку без комментария.

– Сейчас Петр частый гость в доме твоего братца. Все это происходит под соусом общей проблемы. Петр партнер Романа по бизнесу и пытается заграбастать его акции. Видимо, с этой целью и обхаживает Снежка.

У Юли зазвонил телефон. Она взглянула на определившийся номер.

– Иосиф Натанович, добрый вечер.

Адвокат семейства Дорофеевых доложил об итогах встречи с Юлиной родней. По его словам ему удалось втолковать жене Романа, что ее иск обернется только напрасной тратой времени и средств. Закон на стороне Юли, так как ее доверенность подписана за день до происшествия и имеет больший вес, а завещание Роман составил и заверил год назад.

– Как это? – встrepенулась Юля. – Мать говорила, что он заверил завещание у нотариуса накануне моего дня рождения.

– Нет, он заверил завещание год назад в этот же день. То есть накануне вашего дня рождения, но год назад, – повторил раздраженно адвокат. – А то завещание, в котором он дает указания о своей возможной недееспособности, осталось просто наброском к новому завещанию. По каким-то причинам Воронцов не дал ему ход, а вместо этого подписал медицинскую доверенность на ваше имя.

Адвокат извинился, что не позвонил сразу, объяснил, что было много дел, и он только сейчас освободился. Юля посмотрела на часы и тяжело вздохнула.

– Думала, что я трудоголик, – с горькой усмешкой заметила она, – но по сравнению с вами я просто трутень.

Рудик пододвинулся ближе и прислушался к разговору.

– Не скромничайте, Юлия Викторовна, – упрекнул ее Иосиф Натанович. – Я бы хотел привезти вам сейчас документы на подпись, а завтра утром их подать на рассмотрение адвокату противной стороны. Думаю, завтра же иск будет отозван. Можете со мной сейчас встретиться? Это удобно?

Юля бросила на Рудика вопросительный взгляд. Он закивал. Юля показала на Романа, но ассистент отмахнулся и состроил гримасу.

– Хорошо, я, правда, сейчас в клинике в Подмосковье.

– Ничего, мне полезно прокатиться и проветрить мозги.

– Ладно, вышлю вам сейчас адрес.

Закончив разговор, Юля повернулась к Рудику и воскликнула:

– Ты в своем уме?!

– Да они давно знают, куда ты перевезла брата. У Ярика на телефоне стоит прога, которая отслеживает местоположение по номеру телефона. Не дури больше, Юля. Это смешно...

Испуганный взгляд Юли остановился на Романе. Из-за страха за его жизнь она ничего не соображала. Оставалось только слушать советы Рудика и надеяться, что это поможет вырулить ситуацию.

– Сними охрану, – настаивал Рудик. – Оставь двоих челов, остальных отпусти. Кому-то все-таки нужно сдерживать пыл Снежаны. Впусти адвоката прямо сюда, пусть персонал тоже будет здесь. Никакой интимной обстановки и крокодиловых слез. Ты решаешь проблемы брата – все! Если он попросит оставить вас наедине, веди его в свою комнату. Там и подписывай все его бумажки.

Юля надула губы, как обиженный ребенок.

– Ты сейчас похожа на прыскающую чернилами каракатицу. Она пыжится изо всех сил, чтобы отогнать от себя межконтинентальный корабль под названием «Клан Дорофеевых и их друзья». Бесполезно, Юля, это все детский лепет. Не зли их. Сейчас ты вроде как оскорблена в лучших чувствах. Вот и пользуйся моментом и бери, что тебе дают. И прекрати кричать на каждом перекрестке, что не нуждаешься в деньгах. Смирись с положением вещей и живи дальше. По крайней мере, до рождения ребенка. Так ты спасешь жизнь Роману, не поставишь под угрозу беременность и сохранишь свое здоровье. Потом сядем и будем думать, что делать дальше... но не раньше...

Юля уже сама понимала, что развела деятельность понапрасну, и ей было стыдно. Кого она хочет обмануть? Если только саму себя, создав видимость

безопасности. От контроля Дорофеевых ей не уйти, слишком много поставлено на карту и босс это четко дал ей понять.

Шесть лет назад

Встреча с владельцем крупнейшего финансового холдинга была назначена на восемь часов вечера – необычное время для собеседования при приеме на работу. К собеседованию Юля готовилась с самого утра. Перемерила весь свой гардероб и остановилась на новом облегающем платье горчичного цвета и черных туфлях лодочках. Сидя в приемной, она тряслась от страха. Ей казалось, будто здесь и сейчас решается ее судьба. Пожалуй, подобный стресс она испытывала только во время болезненного развода. Скомканный носовой платок был практически мокрым, и Юля убрала его в сумку. Выключила мобильный телефон и постаралась внутренне собраться, ведь ей предстоит сейчас убедить отца Саввы в том, что она достойна доверия и соответствует той должности, которую ей прочат. А вот на какую именно должность рассматривают ее кандидатуру, она до сих пор не знала. Савва давал туманные объяснения, но сама Юля считала, что начнет свою работу в банке с самых низов. А как же иначе? Только так можно изучить всю структуру финансового учреждения.

С Саввой Юля дружила уже два года. Познакомились они в день зачисления, но сблизилась только на предпоследнем курсе. После развода Юля из принципа вернулась сначала в свою группу, сдав экстерном экзамены. К аудиту Юля охладела уже на третьем курсе после того как помогла некой оперативной группе как аудитор в проверке двух банков. Группе ее порекомендовал Лева. Не мешкая, Юля согласилась, проверка банков сулила новые возможности, а ей нужен был опыт. Брали ее как «рабочую лошадку» для сбора и аналитики основных финансовых показателей. Но вопреки ожиданию, Юля сразу «брала след» и указывала на нестыковку цифр, за которыми вскрывалась отмывка денег заоблачных размеров. Все заслуги приписал себе руководитель группы, за что получил перевод на более высокую должность. О Юле никто так и не вспомнил. Она пожаловалась Лева, но друг успокаивал ее тем, что она ведь шла на проверку

для оценки собственных возможностей, а не для славы. Юля обиделась на Леву, на руководителя группы, а заодно и на аудит.

Когда стало ясно, что аудитором она не будет, Юля нацелилась на банковский менеджмент и перевелась в группу Саввы. Он не раз ей жаловался, что не может слушать лекции – засыпает на пятой минуте монотонного бормотания. Юля однажды объяснила ему материал простым доступным языком и тут же получила предложение стать его репетитором. Раз в неделю она приезжала к нему в банк, где он уже работал не первый год и как начальник отдела имел отдельный кабинет. Рассказывала ему пройденный материал и тут же получала оплату, а в этом вопросе Савва был очень щедрым.

Тишину в приемной Дмитрия Юрьевича Дорофеева нарушало только тихое мурлыканье его секретаря – дамы лет пятидесяти. Юля вспомнила наставления Левы, закрыла глаза и начала аутотренинг. Прошло несколько минут ожидания. Наконец-то телефонный звонок оторвал секретаря от компьютера. Взяв трубку, она выслушала натянутый голос босса, ответила: «Хорошо» и сопроводила единственную в этот час посетительницу в кабинет.

На Юлю накатила волна спокойствия. Она была сосредоточена и уравновешенна. Ей нужно максимально собраться и вести себя естественно, только так она получит место в банке. Юля гордо вздернула подбородок, направилась навстречу старшему Дорофееву и была приятно удивлена. Дмитрий Юрьевич оказался высоким привлекательным седовласым мужчиной в серо-голубом под цвет глаз костюме-тройке и белоснежной рубашке с золотыми запонками со вставками из оникса. Лицо гладко выбрито. На нее смотрели большие, открытые глаза. Волнистые губы расплылись в улыбке. Юля подметила его ровный экваториальный загар. Несомненно, что в молодости женщины ему прохода не давали. Его старший сын видимо фигурой и лицом был похож на мать, потому как внешне в них не угадывалось никакого сходства.

– Вот это да! – воскликнул старший Дорофеев и обвел Юлю восторженным взглядом. – Теперь понятно, почему мой сын перевел учебу на уровень личного репетиторства.

Юля смутилась и потупила взгляд.

– Дмитрий Юрьевич, – представился Дорофеев и пожал ее влажную от волнения ладонь. Юлю обдало ароматом мужского дорогого парфюма. – Извините, что заставил вас ждать.

– До рекорда Фурсикова мне далеко, – шутливо отозвалась Юля.

Байку про рекордное ожидание в приемной бывшего начальника отдела ценных бумаг ей рассказал Савва. Это была забавная история, которая могла поднять настроение Дорофееву и Юля ею воспользовалась.

Дорофеев заливисто рассмеялся, показывая идеально ровные белые зубы, и пригласил ее к столу для переговоров. До этого момента все ее внимание было направлено на Дмитрия Юрьевича, и она только сейчас заметила, что в кабинете они не одни. За столом сидели трое сотрудников банка, как она позже поняла: начальник отдела кадров, начальник отдела ценных бумаг и заместитель управляющего банком. Савва тоже присутствовал на встрече, но сидел вполоборота в кресле у окна. Поприветствовав Юлю кивком, он отвернулся, давая понять, что собеседование будет проходить без его участия. Юля подметила, как заострились черты его лица, челюсть сжата. Савва нервничал и иногда метал в ее сторону недовольные взгляды. Чем она ему не угодила?

– Итак, приступим, – подытожил приветствие Дорофеев, настраивая всех на рабочий лад встречи. – Перед вами резюме соискателя Юлии Викторовны Дубровиной и сама она воплотила и крови. – Дорофеев обратился к Юле: – Отдаю вас на растерзание хищникам.

Глаза Юли вспыхнули, от него это не укрылось.

– Не бойтесь, я рядом, если что приду на помощь.

Собеседование было похоже на игру в пинг-понг. В Юлю летел мяч, а она должна была отбить подачу. Вопросы задавались разные, в основном на знание финансового менеджмента, но попадались на логику и даже на стрессоустойчивость. Все уловки кадровиков Юля прекрасно знала. К собеседованию ее готовила подруга, которая в то время работала в отделе кадров крупной компании. Поэтому Юля отвечала легко, без запинки, иногда даже шутила и улыбалась. Самыми неприятными вопросами были единственной женщины – заместителя управляющей банком Людмилы Владимировны. Она вгрызалась в Юлю с таким остервенением, что девушка уже подумала: «А не

ревность ли это?». Ее вопросы касались работы всех подразделений банка и конечно Юля «поплыла».

– Это не в ее компетенции, Люда, – тут же вступился за нее Дорофеев.

Людмила Владимировна еле заметно кивнула и немного ослабила хватку.

Дорофеев расхаживал по кабинету, отвечая на бесконечные звонки. Юля успела подметить, что тон разговора зависит от того чей номер определяется на дисплее его навороченного телефона. Оказывается, с ней он был очень мил и приветлив. Теперь Юля узнала, каким может быть старший Дорофеев, когда кто-то пытается с ним хитрить. В выражениях он не стеснялся, даже если собеседницей была дама. Мог наорать и выматерить, если его распоряжения не выполнялись в том виде, в каком были им задуманы. Но вот что было странным, в каком бы настроении он ни был, его харизма всегда одерживала верх. В споре он выигрывал, не предпринимая особых усилий, а телефонные разговоры заканчивались на позитивной ноте. Он всех очаровывал, даже будучи грубым, а уж когда улыбался, от него невозможно было оторвать глаз.

Встреча длилась два часа, но Юля ни на минуту не сбавляла обороты. Периодически она ловила на себе проницательные взгляды старшего Дорофеева и уже ни минуты не сомневалась, что понравилась ему не только как претендентка на должность, но и как женщина. Эта мысль повысила ее женскую самооценку, которая после развода была разбита вдребезги, но закручивать роман с отцом друга она не собиралась, и дело было не в разнице в возрасте и ни в том, что он, возможно, будет ее боссом, она все еще надеялась, что вернется ее Роша.

Начальник отдела кадров заверила ее, что завтра же ей позвонит. Твердость ее тона подсказывала Юле, что это не дежурная фраза. Юля сделала вывод, что собеседование закончилось, и поднялась с кресла. Дорофеев лично проводил ее до двери и, пожелав удачи, снова пожал руку. Лицо его было непроницаемо, но глаза буквально пожирала ее. Юля ответила сдержанной улыбкой и вежливо со всеми попрощалась.

После собеседования они с Саввой вышли из кабинета, и двинулись в сторону лифта. Юля была на таком эмоциональном подъеме, что лицо полыхало алым румянцем. Казалось одно неосторожное движение и ее разорвет от

переполюющих эмоций на части. Она ожидала от друга похвалы, но то, что он на нее обрушил, застало ее врасплох.

– О чем ты думала?! – заорал Савва, как только двери лифта закрылись.

Юлю окатило арктическим холодом. Она мгновенно остыла и вытаращилась на однокурсника ошарашенным взглядом.

– Нарядилась как на конкурс красоты! Накрасилась! Надела каблуки! Ты же на работу пришла устраиваться, а не в любовницы ему набиваться!

– Что? Савва, ты спятил? – одернула его Юля и тут же вскипела. – Что за чушь ты несешь!

– Чушь? Да он тебя глазами прям там чуть не раздел! – лицо Саввы покраснело от гнева. – Я удивился, что собеседование вообще началось. Видимо, он хотел потешить свое самолюбие! Ты хоть понимаешь, какую себе яму вырыла? И я ничем тебе не смогу помочь. Когда дело касается его члена, он заткнет даже меня.

Они вышли из лифта, Савва схватил ее под локоть и вывел на улицу.

– Не думал, что ты окажешься такой душой. Ты что не поняла, почему я до сих пор тебя ему не представил? Отец же ни одной юбки не пропускает, если она молода и красива, а на рыжеволосых он вообще помешан!

– Так мне что, по-твоему, надо было перекраситься? И с чего ты взял, что я брошусь в его объятия? Мне служебные романы ни к чему!

– Да кто тебя будет спрашивать?! Он просто затащит тебя в свой дом под благовидным предлогом и трахнет! – заорал он ей в лицо. – Если бы я не был женат, то сказал, что ты моя девушка. Господи! Зачем я вообще тебя послал на это дурацкое собеседование? – Савва схватился за голову. – Что теперь будет?

– Да с чего ты завелся?

После ее вопроса Савва окончательно потерял над собой контроль: кидался обидными обвинениями, хватал ее за платье, будто пытался сорвать его. Юля отпрянула и хотела уже влечь ему пощечину, так оскорбительны были его намеки, но из здания вышел старший Дорофеев в сопровождении охраны и, увидев кричащего сына, нахмурился.

– Ава! В чем дело?

– Не вмешивайся, папа, это между нами.

Но Дорофеев его не послушал. Пятью шагами он сократил расстояние между ними до метра и спросил у Юли.

– С вами все в порядке? Из кабинета вы выходили румяная, а сейчас бледная как полотно. Что происходит?

Юля бросила разгневанный взгляд на Савву и еле сдерживаясь, ответила:

– Вам лучше спросить у сына.

– Ава? – он снова повернулся к сыну и вопросительно поднял брови.

– Пап! Я же сказал, это между нами.

– Вот упрямец, ну пеняй на себя, – прошипел старший Дорофеев и, взяв Юлю под локоть, повел к машине. – Уже поздно, а вид у моего сына такой, что лучше я сам отвезу вас домой, назовите водителю адрес.

– Это лишнее, Дмитрий Юрьевич, я доеду на метро, – запротестовала Юля и ловко высвободилась из его хватки, чем удивила его не меньше, чем Савву.

– На метро?! – Дорофеев взглянул на запястье, где красовалась последняя модель «Rolex» и покачал головой. – В десять вечера в метро? Об этом и речи быть не может. С такой внешностью вы попусту не дойдете до дома! – он жестом показал на заднее сиденье и скомандовал: – В машину!

Юля сама не поняла, почему его послушалась. Было что-то в этом финансовом магнате надежное и притягательное. Уже тогда она почувствовала, что хочет на него работать и научиться управлять финансами и людьми так же как он. Что-то ей подсказывало, что он никогда не переступит черту служебных отношений и, осознав это, она удивилась вспышке Саввы еще больше. С первых минут она поняла, что он интересуется ее как наставник, но Дорофеев поначалу отведенную ему роль не разделял.

– Уж не приревновал ли он вас ко мне? – тут же вычислил старший Дорофеев, как только Юля назвала адрес своей квартиры водителю. – Возможно, я поглядывал на вас с интересом, а он заметил.

– Может быть, – осторожно отозвалась Юля.

– Господи! Какой идиот! Мой сын считает меня сексуально озабоченным? Нет, мне, конечно, это льстит, но уверяю вас, в свои годы я предпочитаю стабильные, надежные отношения со зрелой женщиной. Вас зрелой не назовешь.

– Вот как? – Юля вспыхнула.

Дорофеев улыбнулся своей белозубой улыбкой, чем смутил Юлю еще больше.

– Три моих лучших спеца не могли два часа выбить вас из колеи, а я сказал вам пару фраз и вы уже плыаете как Москва при наступлении Наполеона.

– Так вот в чем причина? Хотели посмотреть, как я буду краснеть?

– А то! И так будут поступать все, кто захочет получить преимущества в переговорах, так что вам придется научиться, правильно на это реагировать.

Разговор прервал телефонный звонок и Дорофеев погрузился в очередную финансовую проблему. Он еще говорил, когда служебный «Бентли» остановился перед домом Юли.

– Одну минуту, – сказал он звонившему, нажал на кнопку блокировки звука и повернулся к Юле. – Надеюсь, вы сможете выйти в понедельник на работу?

Юля замялась и он нахмурился.

– Савва сказал, что ответ мне дадут не раньше чем через месяц.

– Какие-то проблемы? У вас были планы?

– Послезавтра я вылетаю в Японию на соревнования.

– В вашей анкете ничего не сказано о спорте. Чем вы занимаетесь?

– Каратэ, – как можно мягче ответила Юля, но все мужчины все равно отреагировали бурно.

– Вы полны сюрпризов, – Дорофеев кинул на водителя и своего телохранителя предупреждающий взгляд, в машине тут же воцарилась тишина. – Когда вернетесь в Москву?

– Через две недели.

– Хорошо. Две недели ничего не решат, но с одним условием, я хочу посмотреть вас в деле. Когда ваша тренировка?

– Завтра, – удивилась Юля, – но она в шесть утра... так что...

– Назовите адрес водителю, я буду там, – Дорофеев жестом попрощался и продолжил телефонный разговор.

Телохранитель помог Юле выбраться из машины и проводил до квартиры. Пока они поднимались на лифте, он поглядывал на нее с таким интересом, что Юля не выдержала и спросила:

– Что?

– У кого вы тренируетесь?

Юля назвала фамилию тренера и увидела незамедлительную реакцию: с лица телохранителя слетела насмешливая улыбочка. Он прочистил горло, резко подобрался и расправил плечи.

Тренировка была в самом разгаре, когда в зал вошла целая процессия. Впереди шел Дорофеев старший и директор спортивного клуба, за ним двигалась целая армия телохранителей и худощавый юркий мужичок в очках и огромным носом. Позже Юля узнала, что в тот день Дмитрий Юрьевич купил клуб со всеми долгами, которые пришлось взыскивать с кредиторов уже ей самой. Он поручил ей этим заняться в первый же рабочий день и с этого момента ее отношения с руководителями клуба вышли на другой уровень.

Тренеры подошли к делегации и поздоровались. Юля ждала, что Дорофеев поздоровается и с ней, но он упорно делал вид, что не замечает ее. Даже в кимоно, ее трудно было не заметить, рыжая копна волос ярким пятном выделялась среди светлых голов. Всего на соревнования должны были поехать две девушки и восемь парней, поэтому вся группа была в полном составе и ожидала последних напутствий. Накануне Лева уже улетел в Японию и смотрел на тренировки тех клубов, что приехали из других стран. Тренер ежедневно получал его видеоотчеты.

Видимо Дорофеев попросил провести показательные бои, но тренеры выставляли кого угодно, но только не Юлю. Она-то понимала, что ее, таким образом, берегут, возлагая особые надежды на соревнованиях. Банкиру все-таки пришлось выделить ее из остальных участников, но тренер выставил против Юли более слабую соперницу и неудивительно, что Юля выиграла тренировочный бой с блеском.

Один из телохранителей Дорофеева снимал ее бой на видео. Тренер успокоил банкира тем, что соревнования будут транслироваться по телевидению, и он сможет увидеть выступления всей команды. Так ему дали понять, что пора

удалиться и дать возможность спортсменам закончить тренировку. Дорофеев явно не хотел уходить, но закусив губу, все же покинул зал, так и не заговорив с Юлей.

Из-за поломанной ноги на соревнованиях выйти на работу в оговоренный срок она не смогла, позвонила в банк и извинилась.

– Я понимаю, что на эту должность уже кого-то взяли, но все же решила позвонить и сказать спасибо.

– Согласно распоряжению Дмитрия Юрьевича специально для вас была создана новая должность. Выходите на работу когда полностью оправитесь.

Юля была так шокирована ответом начальника отдела кадров, что даже не спросила, а что это за должность.

На следующий день в ее дверь позвонили, и когда она доплелась до двери на костылях, увидела улыбающегося Савву с ключами от машины в руках.

– Это тебе! Подарок от папашки.

Юля уставилась на него в недоумении. Друг тут же вручил ей ключи и помог добраться до окна гостиной. Когда Юля взглянула на стоянку перед домом, из груди вырвался восторженный возглас. Перед подъездом стояла новенькая белая «БМВ», а рядом двое парней их секьюрити держали плакат с надписью «С победой!».

– Папашка создал новый «Отдел развития банка» и назначил меня начальником, а тебя заместителем. Если мы привлечем в ближайший год новых крупных клиентов, ты займешь мое место, а я место в правлении холдингом. Как тебе такой расклад?

Юля была в восторге, но после того как эмоции улеглись, она осторожно спросила:

– Ты больше на меня не злишься?

Савва покачал головой.

– Извини меня, Рыжик, сам не знаю, от чего меня так разнесло в тот день. Я так за тебя испугался. Уже клял себя за то, что решил показать отцу. Но он позвонил мне в тот же день и такую взбучку дал, что я понял, у него на тебя виды другого характера и разом успокоился.

– А чего ты испугался? – Юля усмехнулась. – Что я могу стать твоей мачехой?

Правды Савва ей так и не рассказал, ему не хотелось говорить о достигнутом с отцом компромиссе. Савва все же открылся отцу. Сказал, что испытывает к Юле глубокие чувства и жалел, что не встретил ее до женитьбы. Заверил, что никогда не признается Юле в своих чувствах, потому что такая женщина достойна самого лучшего, а не участи его любовницы. После часовой беседы по телефону отец и сын пришли к соглашению, что Юля ценный актив и ни тот ни другой к ней руки не потянут.

– Нет, он никогда не женится. Дал зарок после смерти второй жены, матери моего младшего брата. Боялся я, что он поматросит и бросит. А так он всегда и поступает. Те женщины, что ложатся с ним в постель карьеру в банке не сделают. Считай, как переспала, так твои дни сочтены. Схема увольнения одна: папашка уезжает в отпуск или в длительную командировку, а его пассию начинают гнобить и увольняют до того как он возвращается в Москву.

– Трусостью попахивает.

– Папашка не трус, он просто скандалов с бабами на дух не переносит. И сразу дам тебе на будущее советы. Никогда не рыдай при нем. Держись из последних сил, но не рыдай. После доклада о возникшей проблеме, сразу выдавай идеи как их исправить.

– А разве я буду с ним контактировать? Начальником отдела будешь же ты.

– О-о-о! Рыжик, даже не сомневайся! Теперь ты будешь частый гость в его кабинете. Привыкай!

Наши дни

Уже глубокой ночью Юля услышала, как в комнате заскрипели половицы и прислушалась. Она лежала на боку, лицом к стене в соседней от Романа палате. Кто-то сел на кровать и тяжело вздохнул. Рудик уехал перед приездом адвоката. Аслана она сама отпустила, а двое оставшихся охранников без стука бы в комнату не вошли. Юля резко повернулась и увидела в полутьме силуэт Ярика.

– Яся, это ты?

– Угу, – пробурчал он.

На Юлю пахнуло спиртным и женским парфюмом, которым был пропитан весь пиджак Ярика.

«Уже с кем-то повеселился!», – подумала Юля, судорожно вспоминая советы Рудика.

– Ассистенты сказали, что ты вернулся домой.

– Домой? А у меня есть дом? – съехидничал Ярик.

– Ты прожил на вилле два года.

– Ты знаешь из-за чего я там жил.

Юля не стала отвечать. Ее раздирало любопытство. Зачем приехал Ярик? Снова издеваться над ней?

– Почему ты здесь? – спросил Ярик после паузы.

Учитывая то, что он ей сегодня наговорил, Юле хотелось огрызнуться и послать его куда подальше. Но после разговора с Рудиком она пересмотрела свое поведение. Пора признать тот факт, что она скоро станет матерью. Пора задуматься о том, куда она приведет свое дитя. В войну или мир?

– В квартире одиноко, страшно и все напоминает о случившемся, – призналась Юля. – А здесь я нужна хотя бы ему.

– Он в коме. Ему сейчас никто не нужен, – пробурчал Ярик.

– Ладно, мне он нужен. Рядом с ним мне легче. Я грею ему руки, рассказываю новости, контролирую персонал. Так я чувствую себя хоть кому-то нужной.

– Понятно, – Ярик встал с кровати и хотел уйти, но остановился в дверях и еще раз глянул на Юлю. – Я не должен был говорить те слова при тебе. Они были предназначены только отцу. Просто ты снова меня разочаровала и я сорвался. Ава прав, вы втроем построили империю, а я вклинился как косолапый медведь и все разрушил. Между мной и отцом – война, а ты стала высотой, за которую мы оба деремся.

– Никакая я не высота, – с горечью отозвалась Юля, – твой отец найдет мне замену в течение двух недель. А ты уже отметил наше расставание в объятиях другой. Так что я нужна только Роше. Поэтому я здесь. – Юля повернулась к стене и укуталась в одеяло.

Ярик ухмыльнулся.

– С чего ты взяла, что я был с другой?

– От тебя несет женскими духами... – Юля сказала это как можно спокойнее, без ревностного окраса.

– Ах, вот оно что. Ну, тогда нужно уточнить, я был с тремя. Не сразу со всеми, по-очереди... И да, они меня обнимали. Некоторые очень даже страстно...

Ярик подошел к кровати и сдернул с Юли одеяло. Увидев ее обнаженной, он шумно втянул воздух в легкие и на выдохе чертыхнулся. Юля схватила одеяло и хотела прикрыться, но он не дал.

– Пока мы танцевали, они мне нашептывали всякие глупости, но я их не слушал. Я думал о тебе, и словах что ты сегодня сказала, – Ярик помог ей сесть и свесить ноги, оглянулся в поисках ее одежды и, схватив со стула джинсы и футболку, спросил: – Где твоё белье?

– Как? Ты не знаешь? – Ярик нахмурился, а Юля усмехнулась и пояснила: – На Кубе у меня был горячий любовник, он запретил мне носить белье, а я послушная девочка.

– Вздор! Ты самая непослушная девчонка на свете, – Ярик помог ей одеться и пригладил рукой распушившиеся волосы. – Пойдем.

– Куда?

– Домой.

– А у нас есть дом?

– Да. Сразу после ремонта я окропил его кровью соперника – старый воинский обычай.

– Может, надо было просто кошку пустить? Вроде тоже неплохой обычай... к тому же бескровный...

– Нет, – Ярик привлек ее к себе и обнял. – Без крови нельзя. Говорю же, это ритуал. Надеюсь, этот недотепа поймет, – Ярик кивком показал в сторону палаты Романа, – что брать чужое ему никто не позволит.

Юле хотелось закричать, что вообще-то это он вклинился, а Роман лишь хотел вернуть себе свое, но в голове навязчиво мелькали фразы из разговора с Рудиком и она из последних сил сдержалась.

Он вывел ее в коридор и охранник без вопросов открыл входную дверь. Когда они сели в служебный «Бентли» Ярик скинул пиджак, подтащил ее и

усадил к себе на колени. Развязал белую бабочку и стянул ее с шеи, расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Очень горячий?

– Что?

– Не что, а кто... тот любовник на Кубе...

Юля манерно закатила глаза и произнесла:

– О! Да!

– Ты скучаешь по нему? Хочешь снова на Кубу?

– Думаю, это невозможно.

– Почему?

– Он забыл меня, как только я уехала. Он очень увлекающаяся натура.

– Нет, детка. Он тебя не забыл. Он бы очень хотел и даже пытался, но боюсь, никогда не забудет.

В глазах Ярика отражался блеск уличных фонарей. Руки скользнули под футболку и осторожно сжали ее налившиеся из-за беременности груди. Юля застонала.

– Я знаю, когда ты забеременела, Тигруля.

Услышав прежнее прозвище, Юля немного оттаяла и расслабилась.

– Это было в ночь после посещения кладбища Колон. Помнишь, как мы гуляли между надгробий, и ты всматривалась в лица статуй ангелов? – Юля кивнула. – Там был захоронен тот шахматист, у которого была русская жена.

– Капабланка.

– Точно. Ты рассказывала мне про их любовь с этой...

– Ольгой.

– Да. А потом мы пошли к другому надгробью. Как звали того поэта, стихи которого ты мне читала?

– Хосе Лесама Лима, – напомнила Юля и процитировала:

Я все уменьшаюсь,

Я делаюсь точкой, что тает и воспаряет.

Невидимый. Я ушел в токоному

и с той стороны восстал во плоти.

– А потом ты повернулась ко всем этим ангелам и прокричала: «А жизнь все равно победит!».

Вспомнив самые яркие события из того путешествия, Юля прижалась к его груди. Рука Ярика переместилась вниз и начала расстегивать пуговицу на поясе ее джинсов. Затем он потянул бегунок молнии вниз и начал поглаживать плоский живот.

– Вот тогда ты и привлекла внимание всех бестелесных существ, что летали вокруг тех надгробий. И знаешь, что я подумал? – она отпрянула и заглянула ему в глаза. – Если будет дочь, почему бы нам не назвать ее Лима? Того же поэта звали Лесама Лима. Я хочу, чтобы у нас родилась дочь, Юлька. Лима прикольно было бы, да?

Он говорил это с таким воодушевлением и счастливой улыбкой, что у Юли защемило сердце. Может Рудик прав, и если она будет вести себя по-другому, все наладится?

– Лима... – эхом повторила она и улыбнулась, – мне нравится.

– На том и порешим, – отозвался Ярик и впился в ее губы, а когда оторвался, горячо зашептал: – Ты моя женщина, Тигруля. Ты подаришь мне Лиму. У нее будут такие же волосы как у тебя цвета паприки и зеленые глаза. Маленькая ведьмочка сведет своего папашку с ума, как только родится. Я уже люблю ее – нашу малышку, – он осыпал ее лицо поцелуями. – Я не отпускаю нашу любовь, Тигруля. Я не дам ей раствориться в космосе. Она нужна мне. Как воздух нужна. Надеюсь... и тебе.

Когда автомобиль подъехал к ее дому, Ярик вышел и помог выбраться Юле, затем подхватил ее за ягодицы, а она оплела ногами его бедра. В распахнутой белоснежной рубашке и брюках от смокинга Ярик нес Юлю от подземной стоянки к лифту. Ее голова покоилась на его плече, а руки обвивали его мощную шею. Войдя в лифт, он попросил нажать ее нужный этаж, и боковым зрением Юля увидела, как к ним бегут два парня с фотоаппаратами, объективы которых были больше чем их головы. Ярик инстинктивно загородил Юлю и тут же окрикнул запоздавшего телохранителя, что не спеша шел за ними и нес пиджак и сумку Ярика. Реакция парня была молниеносной. Он бросил вещи,

успел схватить журналистов, но один из них вырвался и помчался к лифту. Двери уже закрывались, когда он успел сделать несколько кадров и закричал:

– Ярослав Дмитриевич, как вы прокомментируете заявление Дакоты?

Ярик втащил испуганную Юлю в квартиру и сразу позвонил Савве. Пока он разъяренный, сыплющий ругательствами расхаживал по кухне, Юля шмыгнула в кабинет, включила ноутбук и просмотрела новости. Дакота обвиняла Ярика в том, что он подослал к ней головорезов, которые спустили ее с лестницы, в результате чего она потеряла ребенка и сломала руку. Юля как раз досматривала интервью с певицей, которое она давала на больничной койке одному из центральных каналов, когда Ярик закрыл крышку ноутбука и рявкнул:

– Не смей забивать свою голову чушь! Никого я к ней не подсылал. Небось, сама все подстроила, когда наши фотографии просочились в прессу.

– Как она могла это подстроить? Ни одна мать на такое не пойдет!

– Она наркоманка! Нюхала коку даже беременная! – заорал Ярик. – Скорее всего, была под кафом, свалилась с лестницы и по ходу решила с меня бабла срубить. Господи, Тигруля, не будь такой наивной!

Он схватил ее за руку и поволок в спальню.

– Какие еще наши фотографии? – вдруг вспомнила Юля его слова.

– Кто-то заснял нас на вилле в Доминикане. Судя по ракурсу, снимали из дома, когда мы с тобой были у бассейна.

– Мы хоть там одетые? – заволновалась Юля, вспоминая их ночные купания под луной.

– На фото – да.

– А где нет? – почуяла неладное Юля.

– На видео.

Ярик открыл дверь спальни и втащил ее в комнату. Не успела Юля спросить на каком видео, он сунул ей телефон и включил ролик, который сделал сам, используя записи с нескольких камер видеонаблюдения. Юле он тоже его присылал.

На записи был слышен истошный крик Ярика и Юля убавила громкость. Оба заулыбались. На видео он матерился как сапожник и бежал за ней по террасе второго этажа, куда выходили окна и балконные двери всех спален. Он был совершенно голым, а Юля замотана в полотенце. Волосы влажные после ванны, из которой она резко вынырнула, когда он решил разнообразить их сексуальную жизнь новым способом. Юле открывающаяся перспектива не понравилась о чем она ему заявила в категоричной форме и умчалась на террасу.

«Ведьма! Я догоню и накажу тебя! Вернись сейчас же в постель! Я еще с тобой не закончил! Ляля! Я не шучу! – несколько обманных маневров не принесли успеха, хохоча и дразня своего преследователя, Юля предугадывала каждый его выпад и снова уворачивалась. – Стой! Неужели ты думаешь, что убежишь от меня?».

Ярику удалось зацепить полотенце и уже через мгновение оно валялось на плиточном полу, а визжащая Юля заскочила в спальню, где была поймана и повалена на кровать.

– Так значит, вот на это уже смотрит вся страна? – выпалила Юля, до нее вдруг дошла причина, по которой Ярик забрал ее из клиники. – Поэтому ты решил бросить танцульки и приехать за мной?

Он схватился за голову и театрально потряс руками.

– Я так и знал, что ты это скажешь!

Ярик начал стягивать с себя одежду и раскидывать по комнате. Брюки повисли на люстре. На ковер высыпалось содержимое карманов. Рубашка полетела Юле в лицо, а носки он запулил на ее туалетный столик.

«Хорошо, что хоть носки не в лицо», – подумала Юля и отбросила рубашку на кушетку.

– А что мне еще прикажешь говорить?

– Прикажешь? Так вот в какую игру мы сегодня играем?

– Вечером ты посылаешь меня далеко и надолго, – продолжила Юля, не обращая внимания на его издевки, – а ночью приезжаешь и забираешь меня из клиники. А в промежутке между этими событиями в инет выходит ролик в стиле ню.

– Не хотел приказывать, но если ты просишь, то... – он вобрал воздух в легкие и прокричал: – Прекрати нести бредятину!

Юля вздрогнула и накрыла пылающее лицо ладонями. Она вдруг представила, что будет после того как этот ролик посмотрят служащие банка, ее родители, друзья. Это позор! Она ведь на видео хоть и несколько секунд, но совершенно голая.

– Тигруля, это видео я сам выложил в сеть, – признался Ярик и Юля опешила. – И сделал я это сразу после того как ты уехала из банка. Так что с танцулек я приехал за тобой по другой причине.

– Зачем ты выложил видео? – не успела Юля задать вопрос, как сама догадалась и тут же озвучила: – Таким способом ты поставил точку в вопросе о помолвке. Чтобы я уже не отвертелась. Управляющая банком сделает все, чтобы избежать скандала в прессе.

– Да, – он шагнул к ней и положил руки на ее хрупкие плечи. – Ненавидишь меня?

Она подняла на него глаза. Нет, она его не ненавидела. Юля покачала головой и выпалила:

– Злюсь!

– Знаю, Тигруля, я бываю невыносим. У меня есть пороки. Я не знаю, за что ты меня полюбила. Сегодня ты толкнула такую речь, что сомнений у меня уже не осталось. Жаль, что ты любишь меня не так сильно как *его*, но кажется, я нашел способ как с этим справиться.

– Какой способ? – насторожилась Юля.

– Все тебе скажи, – усмехнулся Ярик и потянул ее в кровать.

Секс был таким стремительным и неистовым, что Юле казалось еще мгновение и Ярик потеряет над собой контроль. Его руки то и дело тянулись к ее горлу, и она боялась, что Ярик предложит ей снова заняться скарфингом, ведь Ингрид по его же словам он уже несколько дней не посещал. Боялась, что он поднимет тему официальной помолвки, особенно тогда, когда он, вернувшись из ванны, надел ей на безымянный палец то самое кольцо со словами: «Тигруля, на твоем пальчике кое-чего не хватает». Внутри ее раздирали противоречия. Что ей

делать дальше? Долго ведь она не выдержит. Все эти жертвы ради ребенка были ей не по душе.

– А ты права, Тигруля.

Юля подняла на него сонные глаза.

– Воздержание обостряет чувства.

Про воздержание она могла толкнуть с трибуны целую речь, наполненную горькими примерами из собственной жизни. Но развивать эту тему она сейчас не хотела и сделала вид что заснула.

Ярик видел, как подрагивают под закрытыми веками ее глаза, как ходили ходуном скулы и понял, что Юля еще не в состоянии переварить сложный и насыщенный на события день. Но облегчить ей задачу он не мог. Завтрашний день будет не легче. Ей вообще сейчас будет некогда унывать, и впадать в депрессию от случившегося с братом. Уж он-то об этом позаботится.

На следующее утро телефоны Юли и Ярика разрывались от звонков. Реакция сослуживцев и друзей была разнообразной, как фигуры в калейдоскопе. Кто-то проявлял сочувствие, кто-то высказывался за ужесточение законов против нарушения прав частной жизни. Юля терпеливо слушала, выдавала стандартное: «Мне очень жаль, что вам пришлось это увидеть». Разговор заканчивался всегда одним и тем же, все хотели знать о серьезности намерений младшего Дорофеева, и Юля была «счастлива» сообщить, что они помолвлены. Выслушав второй такой телефонный разговор, довольный собой Ярик замурлыкал популярную мелодию, вынул из сумки спортивные штаны и футболку и направился на кухню готовить невесте завтрак.

Когда Юля после принятия душа вышла на лестницу, то увидела, что на первом этаже собралась целая команда. В гостиной Савва и глава безопасности банка обсуждали переезд Ярика в квартиру Юли. В связи с этим предполагались изменения в системе безопасности. Две девушки, как позже выяснилось дизайнеры, бесцеремонно вторглись в частную часть квартиры и начали что-то измерять. В столовой разместились Рудик и Миша – ассистент Ярика. Они отслеживали реакцию на видео, читали комментарии и некоторые особо

«удачные» на их взгляд озвучивали вслух. Оккупировавший кухню Ярик выдавал им варианты ответов и громогласно хохотал над собственными шутками.

Юля поцеловала своего подопечного в лоб и прошла на кухню. Рудик бросил взгляд на помолвочное кольцо и улыбнулся. Ему было приятно, что Юля послушала его советы. Видео и фото, расплзающиеся как вирус по интернету, доказывали, что Ярик приступил к реализации собственных планов и лучше ему на пути не становиться.

– Привет, Тигруля – Ярик притянул Юлю к себе и так страстно поцеловал, что у его ассистента челюсть отвисла.

– Чем нам грозит сегодняшний день? – спросила Юля, обращаясь ко всем.

Странно, но она вдруг подумала, что с Яриком ей теперь ничего не страшно. Вчерашний стыд за размещенное видео в интернете рассеялся без следа. Он стоит на ее кухне и готовит оладьи, как заправская домохозяйка. Глаза блестят, ему нравится его хулиганство и похож он сейчас на проказника-подростка. А на ее пальце снова заманчиво поблескивает кольцо, которое красноречивее слов говорит о том, что теперь они *вместе*.

– Сегодня выпустим официальный пресс-релиз о нашей помолвке и назначим дату свадьбы, – первым отозвался Ярик и повернулся к своему помощнику: – Миша, дай Юле ознакомиться с текстом.

Юля зыркнула на Рудика, давая понять, что не в восторге от назначения даты. Она еще с помолвкой не свыклась.

– Думаю, с датой вам шустрить не надо, – тут же пришел ей на выручку Рудик. – На фоне заявления Дакоты это будет выглядеть, как попытка прикрыть зад фиговым листиком.

Ярик выложил на тарелку очередную порцию оладий и всучил Юле. Она села рядом с ним за барную стойку и вопросительно на него взглянула.

– Плевать я хотел на Дакоту. Эта сучка не вклиниться в мои планы. Но согласен с тем, что дату мы афишировать сразу не будем. Надо выдавать информацию порциями. К тому же Юле нужно получить развод, – Ярик припал к шее Юли и, несмотря на ее протесты, поставил кровавый засос. – Кстати, когда приедет твой Иша? Ты ему уже звонила?

– Когда, Ярик? Еще вчера вечером я...

– Да-да-да, – речитативом выстрелил Ярик и отмахнулся, давая понять, что знает, на что она намекает. – Позвони сегодня.

– Хорошо, – Юля сжалась от мысли, что придется рассказать Леве не только весть о предстоящем замужестве, но и о коме Роши.

Ярик сразу заметил перемену в ее настроении и прищурился.

– Какие-то проблемы?

Юля прикрыла глаза и нервно сглотнула.

– Придется рассказать о Романе и о том, почему это произошло, – еле слышно ответила она.

– Дай мне его телефон, я сам с ним свяжусь.

Юлю накрыла паника.

– Ты думаешь это хорошая идея? – Юля тянула время, в надежде, что Рудик почувствует ее напряжение и придет на помощь, но тот никак не реагировал.

– Не переживай, Тигруля, я же понимаю, что на кону твой развод. Зачем мне рубить сук, на котором сижу? Мы поговорим как мужчина с женщиной.

Дрожащими руками Юля нашла в контактах номера Левы и придвинула свой телефон Ярику. Пока он сохранял номера, Рудик громко подытожил свои поиски самыми популярными комментариями в сети.

Позже, когда Ярик с Юлей вышли перед банком из «Бентли» вокруг толпились зеваки и журналисты. Службе охраны пришлось попотеть, чтобы оттеснить их от героев светской хроники. Через час в вестибюле первого этажа банка старший Дорофеев не без гордости сообщил всем собравшимся сотрудникам банка о помолвке и что в ближайшие дни будет объявлена дата свадьбы, а пока влюбленные подыскивают место для проведения церемонии.

Только после этих слов Юля поняла, что ждет ее впереди. Она тут же решила, что все свадебные хлопоты перепоручит помощникам и секретарям, а сама прибегнет к старому проверенному способу – уйдет в работу. Нарастали внутренняя паника и дискомфорт. Ей казалось, что она сходит с ума. Как она дала Рудиду уговорить себя? Помолвка – да, но свадьба? Она сейчас точно к такому не готова.

В клане Дорофеевых царило полное согласие и любовь, будто не было вчерашней ссоры и взаимных оскорблений. Чувствовалось, что между ними нет никакой недосказанности. Действуют слажено, командно. Ее наблюдения подтвердил Савва, когда они шли на совещание с главами отделов.

– Вчера был Армагеддон, – начал рассказывать Савва. – Папик устроил нам исповедь всей своей жизни. Ярик наконец-то узнал подробности смерти своей матери и успокоился. – Юля вопросительно взглянула на друга, но тот открыл перед ней дверь конференц-зала и успел сказать только две фразы: – После твоего ухода отец совсем расклеился. Ему даже врача вызывали, опять сердце прихватило.

В следующий момент на них обрушился шквал поздравлений, брызги шампанского, хлопки хлопушек с конфетти. Юля растерялась и после громогласных напутствий и пожеланий счастливой семейной жизни еще долго не могла начать совещание.

После совещания старший Дорофеев позвал сыновей и Юлю в свой кабинет и зачитал спорный пункт о наследстве. Он никак не мог поделить проценты между Юлей и Яриком и решил, что пусть все будет поровну. Все равно теперь это общий бюджет, которым будет управлять Юля. Ярику отец дал понять, что финансы не сильная его сторона. Тот не возражал и даже сделал комплемент способностям будущей жены.

Юля никак не могла отделаться от мысли, что сейчас вот-вот что-то произойдет и Ярик взорвется. Спадет маска спокойствия и оголит его сущность. Но этого не случилось, даже когда на то были все основания.

Вечером они всем семейством прибыли на юбилей правительственного чиновника. Это был первый выход в свет Ярика и Юли как пары. Все их поздравляли и желали долгой и счастливой жизни. Под конец торжественной части мероприятия лицо Юли уже не в состоянии было растягиваться в улыбке, и она взмолилась.

– Яся, не могу больше. Давай куда-нибудь слиняем.

– Мне нужно кое с кем поговорить, потом сразу уедем.

С этими словами Ярик встал из-за стола, поцеловал невесте руку и вышел из банкетного зала. Именно тогда Дмитрий Юрьевич отвел Юлю на террасу и поведал историю, которая долгие годы держалась в тайне.

– Ты теперь член семьи Ляля, – начал своей монолог босс. – Тем более что у Ярика есть проблемы, которые стоят между вами. Поэтому я тебе все это говорю.

Они отошли еще дальше от посторонних глаз, где музыка и крики разгоряченных гостей не заглушали их разговор. Юля видела через окно, как Ярик кокетничает с симпатичной пышногрудой блондинкой. Она льнула к нему без стеснения и как только зазвучала музыка, потащила его на танцпол.

– Его мать была асфинктоманкой.

Такое начало разговора заставило Юлю отвлечься от ревностных мыслей и повернуться к боссу.

– Я узнал это только после рождения сына. Пока она была беременна, каким-то чудом укрощала свои наклонности – был риск для ребенка. Но после рождения сына она открылась мне и втянула в свои игры, – старший Дорофеев раскурил сигару и только потом спросил: – Ты не против?

– Нет, все в порядке.

Затянувшись, босс продолжил:

– Допустить, что она будет заниматься этим с другим, я не мог и первое время потакал ее страсти. Но как-то по неосторожности, в этом деле ты всегда ходишь по грани, я переборщил, и у нее остановилось сердце. Сказать, что я испугался, это ничего не сказать. Я чуть в штаны не наделал. Откачав ее, я потребовал с этим делом завязать, иначе заберу ребенка и оставлю ее без средств к существованию. Я был совершенно уверен, что угрозы подействовали и, что она больше не практикует удушение. Как-то раз, она сказала, что идет к подруге с сыном на день рождения и возможно останется там с ночевкой. Я сам отвез ее, проверил. Все было так, как она говорила. Со спокойной душой я уехал на работу, а вернувшись вечером в пустой дом, ничего не заподозрил, так как ночевка была со мной согласована.

Дмитрий Юрьевич перевел взгляд на танцплощадку и стал всматриваться в лицо сына. Юля проследила за его взглядом и тоже уставилась на Ярика. Он уже

не танцевал, а говорил с каким-то мужчиной, и его лицо Юле было знакомо. Жестикуляция и манера держаться напоминали ей кого-то из детства. Ярик прижал мужчину к колонне и что-то втолковывал. Тот пытался прервать разговор, но Ярик был настойчив и вел себя очень агрессивно.

Босс набрал номер телефона старшего сына и попросил узнать, в чем дело. Пока братья разбирались, Дмитрий Юрьевич продолжил:

– А ночью раздается звонок домашнего телефона, и какой-то перепуганный мужчина просит меня приехать по незнакомому адресу. Я естественно начинаю задавать вопросы, но он только промямлил, что это из-за моей жены и повесил трубку. Я бегом туда, это оказалась съемная квартира и вижу такую картину: моя жена лежит на полу ванной комнаты... – даже сейчас старшему Дорофееву было трудно произносить это слово, – *мертвая*... а рядом с ней *наш сын*. Раскачивается и мычит как глухонемой, – Юля вздрогнула. – Оказалось, что для своих забав Элла наняла специального мужчину. Их игры вышли из-под контроля, и он ее не смог откачать. Вызывать «Скорую помощь» он побоялся, так как не хотел огласки. Я тоже ее не хотел и дело прикрыл.

– Разве такое передается по наследству? – Юля испугано схватила за живот.

– Нет, – покачал головой босс. – Ярик был свидетелем гибели матери. Он видел, как она задыхалась. Тот мужчина рассказал, что когда начал реанимацию, увидел мальчика у самого края ванны, а сколько он там простоял он не знал, так как все это время был к нему спиной. Я думаю, что Ярик видел забавы своей матери не раз. Ей нужны были поводы, чтобы выйти из дома, я ведь жестко ее контролировал. Вот она и придумывала всякие причины, прикрываясь ребенком. Это навело меня на мысль, что он был с ней, когда она развлекалась. Видел ее одержимость этим процессом. Ярик всегда был непоседой. Любопытным. Непослушным. Упрямым. Он бы не стал сидеть на месте и ждать когда его отведут домой. Он наверняка за ней следил. И конечно детский мозг был к такому не готов.

– Боже мой, – Юля снова перевела взгляд на Ярика.

Младший Дорощеев уже искал Юлю, а когда увидел, что она беседует с отцом, немного успокоился и улыбунулся. Ни Саввы, ни мужчины с которым он выяснил отношения, рядом с ним уже не было.

– Что с сыном что-то не так я понял, когда ему было десять лет. Он надел пакет на голову и замотал его скотчем. Еще немного и он бы задохнулся, но Савва нашел его и порвал пакет. Мальчишка клялся, что просто хотел словить кайф, что не хотел покончить жизнь самоубийством. Я отвел его к психотерапевту, но лечение не пошло ему на пользу. Он замкнулся, перестал об этом говорить, а когда ему исполнилось четырнадцать, сбежал из дома. Много лет я не мог достучаться до него. А вчера... я понял, что зря все это скрывал от него. Что из-за ненависти за то, что я якобы сделал, он может потерять тебя. Он ведь считал, что это я ее придушил. Вчера он признался, что помнил, как сидел перед мертвой матерью, а я что-то ему втолковывал.

– Так он считал вас убийцей? – почти шепотом спросила Юля и огляделась по сторонам. Ей не хотелось, чтобы хоть кто-то услышал ее вопрос.

Сколько лет Ярик жил с мыслью о месте отцу за смерть матери? Сколько лет считал себя, как он говорил «особенным»? Теперь, когда все выяснилось, Юле стало немного легче.

– Я закончил свои дела! – услышала Юля за спиной и обернулась, Ярик вышел на террасу. – Поехали отсюда, – он взял ее за руку и, увидев растерянное выражение на лице, спросил: – Все в порядке?

– Да. В полном, – неуверенно отозвалась Юля. Да, врать она не умела.

– Приезжайте ко мне завтра на ужин! – прокричал им вслед старший Дорощеев. – Будут только близкие друзья!

Уже в машине по дороге домой, Ярик спросил:

– Он тебе рассказал?

Юля не стала отрицать.

– Я решил, что обращусь за помощью, – выпалил Ярик стальным голосом.

– Правда? – Юля сам не понимала, что сейчас перевешивает: надежда, что между ними все наладится или страх, что после этого у нее не останется больше поводов отвергать его.

– Только не в России. На днях я улечу в Доминикану. Хочу, чтобы ты знала, – Юля повернулась и заглянула ему в глаза, – я делаю это не для себя или тебя. Я делаю это для Лимы. Не допущу, чтобы она узнала об этой части моей жизни.

Растрогавшись, Юля чуть не заплакала. Ей стало стыдно за свои чувства и сомнения. Она еще не ощущала себя будущей матерью, но беременность уже начала менять ее: Юля стала уязвимой, совершала спонтанные поступки и могла вспыхнуть от гнева по любому поводу.

– Как странно, – задумчиво произнесла она.

– Что? – он сжал ее руку.

– Ты ее уже ждешь. Уже что-то делаешь для нее. А я ношу ее в себе и ничего не чувствую. Вчера я думала о беременности страшные вещи.

– О чем ты думала? – тон Ярика потеплел, он прижал ее к себе и обнял за плечи. – Не бойся, говори... Я должен знать все твои страхи.

– Я думала, что если бы я не забеременела, то летела бы сейчас с боссом в Америку. Рома был бы здоров. А ты приступил бы к реализации новых проектов. Тебе не нужна была семья. Тебе нужна была свобода. Ты ведь так истосковался по путешествиям. А я все испортила, – Юля закрыла ладонями лицо и заплакала.

– Нет Тигруля, ничего ты не испортила и не тебе решать, кому и когда родиться на земле.

Позже, лежа в постели он спросил:

– А ты хочешь в Америку? Хочешь возглавить филиал?

– Сейчас я этого не хочу. Из-за Романа. Я хочу быть с ним рядом, пока не очнется. Новое назначение было бы самым лучшим решением, будь он не в коме. Мне уже невыносимо было думать, что он где-то рядом. Ходит, живет, общается с семьей. До встречи с тобой мое сердце рвалось от боли. И никто не мог меня вырвать из этого состояния. Работа помогала только днем. А ночью...

Он сжал ее в объятиях и поцеловал.

– А ночью я рыдала в подушку так громко, что Рудик не выдержал и сбежал от меня на съемную квартиру.

Ярик напрягся, и Юля поняла, что до сих пор не рассказала ему всю правду об отношениях с Рудиком. И пока он не распахнулся из-за ревности, вкратце

поведала ему о том, как встретила его в группе психологической помощи. Как они помогали друг другу выживать. Как стала опекуном до его совершеннолетия. И что это было возможно только после того как Лева попросил об одолжении стать его фиктивной женой и дал согласие на совместное опекунство. Подытожила Юля рассказ тем, что наконец-то поведала, в чем конкретно была проблема Рудика.

– Господи! – взревел Ярик. – И еще кто-то считает меня извращенцем! Да по сравнению с матерью Рудика я – Святой Иероним!

Восемнадцать лет назад

В комнате царил полумрак, но Юля еще не готова была вылезти из своего убежища. Из гостиной доносились бормотания родни. Бабушка и дядя Олег вступали с ее матерью в перепалку, но в каждой словесной схватке мать безоговорочно побеждала, находя весомые аргументы. Речь шла о ней – о Юле. Вернее о состоянии ее психического здоровья. Целыми днями она просиживала в шкафу. Еду ей ставили на письменный стол, но ела она только один раз и то ночью, когда в квартире воцарялась тишина. За девять дней Юля похудела, истощилась, под глазами залегли черные круги. Сил передвигаться у нее не было. Ни на какие уговоры покинуть свое укрытие, и тем более комнату, Юля не поддавалась. А как только родственники решали этот вопрос силком, как вчера сделал брат матери, Юля верещала от ужаса, будто ее вели на ритуальное заклятие. Родня настаивала на ее госпитализации в детское психиатрическое отделение, мотивируя это тем, что Юлю там будут кормить принудительно, но мать говорила свое твердое «нет» и переводила тему разговора.

Вчера было девять дней со смерти отца. Юля до сих пор не могла примириться с этой потерей. Ей то и дело слышался отцовский голос, казалось, вот сейчас он откроет дверь и спросит: «Юльча, ты не видела «Известия»? Опять кто-то забрал газету из туалета». Он любил засесть в туалете с газеткой и сигаретой в зубах. После чего из щели под дверью поднимался серо-голубой дымок и расплзался по всей квартире. Мать это терпеть не могла, и каждый раз с криком «Не сиди в туалете как на заседании!» прятала газету на книжных полках.

Отца Юля любила больше матери. Это знали все. Алла воспринимала этот факт очень болезненно, из-за чего в доме зачастую вспыхивали разногласия. Юля как хвостик следовала за отцом, куда бы он ни пошел. Она подавала инструменты, когда отец ремонтировал машину. Служила подмастерьем в бытовых работах. В школе не задерживалась, нужно было успеть отнести обед отцу на работу. Это было их ритуалом: пока отец ел, Юля рассказывала ему новости из своей подростковой жизни. Домой он возвращался затемно, когда Юля уже спала – отец работал на двух работах.

– Только туалет вас может разделить! – ехидничала Алла.

На что отец с дочерью только посмеивались.

Кто-то позвонил в квартиру. Юля замерла. Послышался голос матери. В разговоре Юля услышала свое имя. Наверное, кто-то пришел из ее друзей – мать отвечает слащаво, неестественно. Дверь ее комнаты открылась, и послышались шаги матери.

– Юльча, Артем пришел, – раздраженно прошипела мать. – Выползешь или сюда его позвать? Пусть расскажет всей школе, какая ты вольтанутая!

Юля по-черепашьи вжала голову в плечи и прижала колени к груди. Ответа не последовало, и Алла кивком пригласила Артема пройти в комнату.

– Рыжая Юла, привет, как ты? – по голосу одноклассника Юля поняла, что он волнуется не меньше ее. – Мне жаль твоего отца. Он был клёвым.

Юля не отвечала. Через чуть приоткрытую дверь шкафа было слышно, как Артем ходит по комнате.

– Я не знал, что ты увлекаешься астрономией.

Юля поняла, что он увидел плакат с названиями планет, который прикрывал дырку в стене. Когда отец слег, то уже не мог выполнять бытовую работу по дому, и Юля сама пыталась просверлить отверстие в стене для отцовского портрета. Неуклюжими стараниями она добилась одного – отвалился огромный кусок штукатурки, который смог прикрыть только плакат.

Скрип кровати и протяжный вздох.

– Тебе нужно поменять кровать. Она старая. И в комнате нужно сделать ремонт. Хочешь, я помогу?

– Не хочу... – безразлично отозвалась Юля.

– Я все равно помогу, – упрямо парировал Артем. – Тебе нужны перемены. Когда погибли мои родители, мы с теткой сделали в моей комнате ремонт, купили новую мебель, и мне стало немного легче. Конечно, это не вернет тебе отца и не уменьшит боль, но даст надежду. Скоро у тебя будет своя семья, своя жизнь, свои дети. Жизнь наладится.

– Мне двенадцать... Какие дети? – Юля закатила глаза. Артем как заведенный все время говорит о семье и детях.

В этот вечер он пробыл недолго и даже не подходил к шкафу, а на следующий день пришел с восьмью рулонами обоев и сказал Алле, что сам их поклеит.

– Будешь мне помогать или позвать кого-то из нашего класса? – спросил Артем, только что проснувшейся Юле.

Юля встала и уже хотела шмыгнуть в шкаф, как он преградил ей дорогу.

– Брось, Юла, давай поклеим обои и я уйду. Потом прячься, где хочешь, – нарочито равнодушным тоном сказал Артем и ушел в коридор за банкой клея.

Артема Юля знала с первого класса, он ни за что не отступит, а если она снова спрячется в шкаф, то может позвать какую-нибудь свою подружку и демонстративно игнорировать Юлю, он всегда так делал, когда она не горела желанием с ним общаться. А Юле не хотелось, чтобы кто-то из девчонок знал о ее убежище. Сам Артем ее секрет никому не выдаст, в этом она была уверена.

Пришлось Юле принять душ, переодеться и позавтракать. Только тогда он допустил ее к поклейке обоев. Но не все оказалось так просто. Вскрылась дыра в стене и потрескавшиеся откосы. К ремонту присоединилась Алла. На ближайшую неделю из комнаты вынесли всю мебель, а Юле пришлось ночевать в гостиной на диване. Дядя Олег отодрал старый линолеум. Соседка с мужем отштукатурили стены, а когда они высохли, снова появился Артем. Он помогал застелить новый линолеум, потом клеить обои, а Юле доверили покрасить окно. Совместная работа примирила Юлю с родственниками и сблизила одноклассников.

Юля ловила на себе красноречивые взгляды Артема и как-то раз набралась храбрости и спросила:

– Почему ты на меня так смотришь?

– Я скучаю, Юль. Ты не ходишь в школу, и первым от этого страдаю я.

– Страдаешь? – удивилась Юля.

– Только не делай вид, что не понимаешь, – недовольно пробурчал он, но глядя на ее недоумение, смягчился, тяжело вздохнул и признался: – Ты мне нравишься, и я хочу с тобой встречаться.

– Встречаться? По-настоящему? – от волнения Юля разругалась.

– Да, – кивнул он и подошел ближе.

Артем взял ее за руку и потянулся губами к ее щеке, но глаза Юли прищурились, в них читалось недоверие.

– Постой, – Юля отстранилась. – А разве ты не встречаешься с Ксюшей?

– Я встречался с ней только, чтобы ты меня заревновала.

– А с Олей... тоже чтобы ревновала?

Он поспешно закивал.

– Но если я не ревновала к Оле, зачем тогда ты встречался с Ксюшей? Ведь было уже понятно, что я тебя не ревную.

Такого подвоха Артем никак не ожидал, сконфузился и покраснел.

– Знаешь что Артем, мне кажется, что если я соглашусь, то наши отношения долго не продлятся.

– Ты самая красивая девочка в школе, с тобой все мальчишки хотят встречаться, и если ты будешь со мной, то мне уже никто не нужен.

Юля ему не поверила. Такие же слова он говорил ее подруге год назад, и она его тут же уколола.

– А Катя? Она что уже не самая красивая?

– Была... до пятого класса. А сейчас самая красивая – ты.

– А я до какого класса буду самой красивой? – усмехнулась Юля и сложила руки на груди. – До Нового Года? У тебя, что не четверть то новая девочка.

Ей вдруг стало так одиноко и неуютно, что хотелось где-нибудь спрятаться и обдумать все, что произошло за последние две недели. Как жаль, что ее шкаф вынесли в коридор и завалили вещами.

Артем со злостью отбросил тряпку, которой вытирал обои после поклейки и ни слова не говоря, покинул квартиру.

– Куда это он? – спросила Алла, заходя в комнату Юли.

– Он больше не придет.

– Почему? – Алла кинула недовольный взгляд на три отрезанные по высоте стены полосы обоев.

– Я отказалась с ним встречаться.

Алла хлопнула себя по бедрам.

– Ну и глупая же ты Юльча! Надо было дожидаться, когда он с обоями закончит, а уж потом отшивать парня! Посмотри, как у мальчишки хорошо получалось, – Алла указала на уже поклеенные обои. – Теперь придется Олегу звонить. В следующий раз будь умней.

Наши дни

То, что мужской разговор междулевой и Яриком все же состоялся, Юля поняла, когда через четыре недели получила курьерской доставкой подписанноелевой заявление на расторжение брака. Сам Лева на связь не вышел, и это насторожило Юлю. Весь день она набирала известные ей его номера телефонов, но в ответ металлический женский голос отвечал на английском языке, что абонент недоступен.

От одной мысли, что поводов для оттягивания свадьбы больше нет, Юля похолодела. В ней постоянно боролись две сущности. Одна со страстью кричала, что любит Рошу. Что, выйдя замуж за Ярика, Юля предаст любовь всей своей жизни и будет непременно несчастна. Оставшиеся годы она будет вспоминать свое Небо и мечтать о том, как они могли любить друг друга, если бы не испугались осуждения. Другая, более разумная и на редкость спокойная сущность, выдавала ей весомые аргументы в пользу брака с Яриком. Мол, ты попадешь в близкую тебе семью. Ты знаешь их семь лет. Знаешь все их тайны и слабости. Только Ярик смог вырвать тебя из тени Роши. Ярик пытается изменить жизнь к лучшему. Идет на многие жертвы ради еще не родившегося ребенка. Если Роша придет в сознание, он так и останется братом. Узнав о беременности, он впал в ярость. Он мотал головой пытаясь отрицать этот факт. А значит, не хотел воспитывать чужого ребенка.

Последние четыре недели Ярик был с ней. За этот период Юля только однажды смогла сбежать от него на прием к гинекологу. Ей очень хотелось узнать пол ребенка и подготовить Ярика, если это окажется мальчик. К счастью этого не потребовалось. Она вошла в апартаменты Саввы, где братья вели уединенный разговор, и с порога выложила новость. Ярик расплылся в сияющей улыбке и жестом подозвал ее к себе.

– Это самая лучшая новость за последние три года, – он встал на колени, задрал ей рубашку, оголяя живот, и нежно поцеловал.

Юля светилась от счастья.

Уже с первых дней ее квартира подверглась переделке: мужская гардеробная вместилась в комнату для йоги и медитации, которой после переезда Юля так ни разу и не воспользовалась; гостевая спальня на первом этаже трансформировалась в домашний кинотеатр. А та самая гостевая спальня, которую Ярик окропил кровью, была полностью вычищена и переделана в детскую в нежных сливочно-розовых тонах.

Расставались они только днем, когда ей приходилось уделять время рабочим вопросам. Светские мероприятия Юле и раньше приходилось посещать, но теперь приглашениями был завален весь стол, и она под чутким контролем Рудика больше их не игнорировала. Совместные с Яриком фото то и дело мелькали в прессе. Детали нарядов разбирались по брендам, комментировались настроение, чувства и поведение влюбленных. Рудик тщательно отслеживал весь опубликованный материал, делал обоим замечания и даже Ярик воспринимал его критику спокойно и взвешенно. Он понимал логику Рудика, чего он от него добивался и в рамках разумного позволял себя преобразовать.

Ярик познакомил Юлю с близкими друзьями и партнерами. Все были ею очарованы, хотя Юля подозревала, что женская половина высказывала свой восторг неискренне, где-то даже с завистью. Ярик имел брутальный необузданный нрав и некоторым женщинам это очень нравилось. Юле же оставалось только с этим мириться. Вызывать на ответную ревность она не смела, боялась повторения трагедии с Рошей.

В быту этот живчик был неприхотлив, Юля это подметила еще на вилле. Постоянно был в движении, чем-то занят. Она не припомнила ни одного дня, когда бы он празднично лежал на диване и смотрел телевизор.

В день получения документов от Левы Юля поняла, что решать она больше ничего не будет. Она будет плыть по течению. Пусть сама жизнь подскажет, что ей делать. Если брак с Яриком будет неминуем, она уступит и смирится. Но прежде чем пустить заявление Левы в юридическое производство, Юля решилась еще раз поговорить с Яриком об их браке.

Обедая с ним в ресторане рядом с банком, Юля поведала, что получила согласие Левы и может подать на развод. Ярик одарил ее испытывающим взглядом и спросил:

– Ты хочешь что-то спросить у меня, Тигруля?

Она кивнула.

– Я готова сделать следующий шаг, Яся. Но меня беспокоит твоя неверность. Вокруг тебя постоянно крутятся какие-то женщины. Они тебя целуют, обнимают, тащат куда-то. А ты особо не сопротивляешься. Я уже не говорю об Ингрид и ей подобных. Я не смогу, Яся. Я этого больше не вынесу.

– Если ты о тусовках, то это просто треп и флирт, без которого ни одно дело с бабой не обтяпать. Никаких других женщин с момента нашего отлета в Гавану у меня не было, – спокойно ответил Ярик и поспешно добавил: – Кроме Ингрид. Тут я признаюсь. Бываю у нее до сих пор, – Юля осела, плечи опустились, в глазах заплескалась обида и ревность. – Езжу к ней через день, пока ты занята в банке. Вечера и ночи все твои. Пока я не могу решить эту проблему. Но я постараюсь.

– Как?

– Скоро я уеду на виллу. Там со мной будет работать специалист. У него своя авторская методика, она срабатывает в семидесяти процентах случаях, а это отличный прогноз. Ингрид тоже нужна для лечения. Она уже дала свое согласие. Не за бесплатно конечно.

– Что это за методика?

– Это сеансы психотерапии с полным погружением в день смерти матери. Так как именно там кроется корень проблем.

– А зачем тебе нужна Ингрид?
– Она будет изображать мать.
– Ты что будешь ее душить, думая, что это твоя мать? Я не понимаю.
– Тигруля, давай не будем обсуждать эту тему, – категорично выдал Ярик.
– Я и так тебе многое сказал. Просто не хотел, чтобы ты думала, что я там снова буду с ней развлекаться. Это не так. Мне предстоит пройти через ад, это детские воспоминания, которые мучили меня в кошмарах много лет.

Их разговор прервал телефонный звонок. По тем ответам, что давал Ярик, Юля поняла, что звонил кто-то из охраны и докладывал об Ингрид. Он нахмурился, затем извинился перед Юлей и вышел из ресторана. Юля смотрела на него через окно и размышляла о своих чувствах. Она его безумно ревновала, чувствовала сильное влечение, но назвать это любовью все-таки не могла. Наверное, Юля никогда не сможет кого-то полюбить как Рошу. Это нужно было признать и жить дальше.

Ярик вернулся за столик и продолжил свой монолог, будто их и не прерывали:

– Раньше я считал свою мать жертвой, а выходит она таскала меня по любовникам, способным дать ей то, в чем отказывал из-за страха потерять ее отец. Теперь я его как никто другой понимаю. Тигруля, я не хочу относиться так к своей дочери. Я был в шоке, узнав, что она превыше всего ставила свое увлечение. Выходит, не так уж сильно она меня и любила.

Больше Юля не настаивала на подробностях. Ярик взрослый человек, сам разберется, какой специалист ему нужен. К тому же отец и брат наверняка в курсе, так зачем на этот счет переживать еще и ей.

За три дня до его отъезда Юля взяла отгулы, они решили, что не будут покидать спальню. Сначала Ярик был нежен, заботлив и предупредителен. К тому времени гормоны Юли уже выплясывали пасодобль. Она насытилась нежностью уже к концу первого дня и закатила скандал. Куда делась его страсть? Он что больше ее не хочет?

– Тигруля, ты странно реагируешь, – спокойно ответил Ярик. – Ты сама рассказывала о ваших с Рошей отношениях. Что он был нежен и все такое... А когда я пытаюсь дать тебе, то что...

– От тебя мне не нужна нежность, – выпалила Юля с горячностью и сама поразилась своим словам. – Я принимала ее от него, потому что любила, но как раз твоя страсть вывела меня из состояния сомнамбулы. Так что не нежничай со мной. Не хочу, чтобы ты был кем-то. Хочу, чтобы ты был самим собой.

И тут Ярик признался, что есть еще одна причина, по которой он с ней осторожничает: он боится причинить ребенку вред. Юля вспыхнула еще больше. Она показала ему снимок с УЗИ и сказала, что секс никак не повлияет на развитие дочери. Но вместо того, чтобы проникнуться реальностью, Ярик схватил снимок и носился с ним по комнате как умалишенный. Он сфотографировал его и тут же разместил в социальных сетях. Новость разлетелась еще быстрее, чем видео в стиле «Нью». Уже через час Юле по новому кругу обрывали телефоны, а она метала в Ярика гневные взгляды.

Свою вину он загладил уже к ночи. Устроив ей секс-марафон. Потом они до утра дурачились словно подростки. Носились по квартире, кидались подушками, обмазывали друг друга едой, при этом перепачкали всю кухню, столовую и лестницу. Затем полчаса отмокали в ванной при свечах, где Ярик поймал себя на мысли, что никогда не был так счастлив и романтичен, что происходящее для него более чем ежедневная нормальность. Он хотел такой жизни и понимал, ради чего намерен измениться.

Ярик отключил все телефоны, намереваясь выспаться до обеда. Поэтому когда Рудик в десять утра забарабанил в дверь их спальни, он метнул в дверь будильник и закричал:

– Убирайся! Иначе я за себя не отвечаю!

– Юля, у нас «911». Быстро тащи свой зад на кухню! – закричал Рудик.

Услышав условный позывной, который они использовали в экстренных случаях, Юля быстро вскочила и накинула на голое тело шелковый халат.

– Малышка, ложись. Ну его на хрен! – взревел Ярик. – Банк никуда не денется! Папашка разрулит все проблемы.

– Спи, я только узнаю, что стряслось и вернусь.

Когда Юля выпорхнула из спальни, Ярик зарычал, но все же встал и надел спортивные брюки.

– Что случилось? – спросила Юля у Рудика, спускаясь по лестнице.

Ее подопечный был бледен как мел. Пальцы рук нервно барабанили по лестничным перилам. Покрасневшие глаза говорили о бессонной ночи. Юля сразу поняла, что случилось что-то очень серьезное.

– Дмитрий Юрьевич? – со страхом спросила Юля и услышала за спиной шаги Ярика.

Рудик замотал головой.

– Что-то в банке?

И опять Юля не угадала.

– Да говори уже! – рявкнул младший Дорофеев.

– Роша... – только и сумел вымолвить Рудик.

Ноги подкосились, голова пошла кругом, к горлу подступила тошнота. Юля опустилась на лестничную ступеньку. Глаза тут же наполнились слезами. По щекам потекли слезы.

– Что Роша? Он умер?

От одной этой мысли сердце Юли ударилось о грудную клетку и чуть не взорвалось. Ярик сел рядом и обнял ее за плечи, во всем его теле чувствовалось напряжение.

– Он... очнулся...

Юля ахнула и схватилась за сердце. Она уже плакала во весь голос. Это были не слезы долгожданной радости и не слезы разочарования. Это был набат, который возвестил о том, что ее прежняя жизнь закончена. Теперь все будет по-другому. Она не знала, как именно, но то, что все изменится, знала наверняка.

На Ярика она уже никак не реагировала, и он прошел на кухню, сделал себе кофе и сел за барную стойку.

Юля вдруг подумала, случись это через день и он бы сейчас уже был на вилле и не узнал, что Роша пришел в себя. Но нет же, это случилось именно сегодня. Почему? Вселенная что-то хочет ей сказать?

– Когда он пришел в сознание? – тон Ярика не предвещал ничего хорошего.

– В четыре утра. Я был при этом.

– Мы в это время нежились в ванной... – зачем-то сказал Ярик.

На каждый шаг соперника у него была заготовлена, как он сам говорил «своя ответочка», но любое его действие заденет Юлю, а воевать с любимой женщиной ему не хотелось. Сейчас Юля не просто его девушка, с которой он развлекается. Она его невеста. Они живут вместе. Строят будущую жизнь. И Ярик уже бросился в терзания и сомнения, но слова Рудика вырвали его из этого потока и заставили вскочить с места.

– Не думайте сейчас о себе, – голос Рудика звучал как заупокойная служба.
– Забудьте про ревность и накопившиеся за годы обиды. Сейчас все это не важно. Сейчас вам важно знать, что Роман... – Рудик сглотнул и нервно откашлялся, будто подавился застрявшими в горле словами, – короче, скажу проще. Придя сюда в квартиру на день рождения Юли, он знал, что живым отсюда не выйдет.

– Что? – Юля ахнула и прикрыла рот рукой.

– Да, Юля. Таким образом, он хотел уйти из жизни.

– Так вот почему он себя так нагло вел, а в драке не сопротивлялся, – вслух стал рассуждать Ярик. – Вот почему оставил завещание. Теперь мне все понятно...

Глава четвертая «Фрустрация»

«Сердце Юли колотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди. Сейчас она увидит родные глаза цвета неба и ее охватит водоворот его притягательной энергии. Смелая, упрямая, поглощенная работой Юля перестанет существовать, а на смену ей придет Миа. Именно ей принадлежит их с Рошей всепоглощающая любовь, трепетная нежность и единение. Их души воссоединятся. После чего придет понимание будущего, и они уже точно будут знать, что им делать дальше».

Наше время

Юля устала в одну точку и пыталась осознать слова подопечного. Рудик только что сказал, что Роман хотел покончить с собой. Почему? И зачем тогда он признавался ей в любви? Звал с собой... Юлю обдало холодом. Куда с собой? Теперь те слова, что он нашептывал ей, когда они танцевали и позже в гостевой спальне, приняли совсем другой смысл.

«Пойдем со мной Миа. Туда, где Солнце будет всегда на Небе. Где будет ярко и светло от нашей любви. Это наша вечность. Наша вселенная. Там нас никто не разлучит. Никто над нами не посмеется. Тела переплетутся в объятиях. Наши губы сольются в поцелуе. Такими нас запомнят. Такими мы родимся вновь».

Он не уговаривал ее начать все сначала, он уговаривал ее умереть с ним, а когда узнал о беременности, понял, что не может взять ее с собой и пришел в ярость. Вот она, главная причина его срыва – ее беременность! Он хотел, чтобы они ушли вместе, сплетясь телами, сомкнув губы навечно, но зарождавшаяся в ней жизнь внесла в его продуманный план свои коррективы.

Перед глазами промелькнули картинки трагической ночи. Роша поцеловал ее страстно с прикусом до крови. Юля вскрикнула от боли, а он обмазал ее кровью свои губы. Дверь затрещала, и им обоим стало понятно, что Ярик вот-вот нарушит их единение. Он шептал ей слова любви и клял судьбу за то, что развела их. Говорил о том, что ненавидит эту жизнь и проживает каждый день безрадостно, по привычке, будто заведенный механизм. Он сжимал ее груди и постанывал. Ярик ворвался в спальню, отбросил его от невесты и ударил кулаком в лицо. Роман ударился об стену и тут же вскочил на ноги. Из носа хлынула кровь. Пока взбешенный Ярик смотрел на распластанную на кровати Юлю, Роман, морщась от боли, подошел к комоду, на котором стояла бутылка вина, и налил себе полный бокал. Он сказал: «Если нам суждено встретится в другой жизни, пусть мы будем соседями», улыбнулся и хотел выпить вино, но в этот момент Ярик окончательно потерял над собой контроль и обрушил на него всю свою силу. Роман не сопротивлялся, просто принимал удары со смирением, с готовностью, Юле показалось, что даже с облегчением. Будто он отчего-то освобождался. Теперь она понимала, что физическая боль вытесняла душевную. А та была гораздо мучительнее и выматывающей. Уж Юля это прекрасно знала.

– Как только он открыл глаза и понял, что находится в клинике, завопил во все горло, – голос Рудика вывел Юлю из воспоминаний. Рудик упал на стул и обхватил голову руками. – Я такого еще никогда не слышал. Столько отчаяния и боли. Он кричал, что больше не в силах жить. Что он все равно это сделает, чтобы мы ему не говорили.

– Яд... – Юля пыталась сказать про бутылку вина, что Роша принес с собой, но никак не могла успокоиться и начала задыхаться.

– Что? Ляля! Какой яд? – испугался Ярик, подскочил к ней и стал трясти ее за плечи.

– Ярослав Дмитриевич! С ней так нельзя! Так вы делаете только хуже! – крикнул Рудик и жестом попросил его отойти. Он сел рядом с Юлей и обнял ее. – Все хорошо. Я с тобой. Ты в безопасности. Тебе ничего не угрожает.

Через минуту Юля успокоилась и тихо произнесла:

– Я все думала, зачем он тянется к бутылке с вином, а теперь поняла, он хотел ее опрокинуть. Когда Ярик пнул комод, и она сама упала, Роман больше туда уже не смотрел, он смотрел только на меня... его губы шевелились... он прощался...

Юля рассказала о словах Романа, которые теперь имели совсем другой смысл. Ярик метался по кухне как зверь, загнанный в клетку. Он предусмотрел все, любой ход противника. Но как бороться с тем, кто не хочет жить? Как бороться с тем, кто, отталкивая жизнь, неминуемо привлечет Юлю к себе как магнит? Он будет опять рыдать. Она – его утешать, страдать, будет с ним днем и ночью рядом. И он ничего не сможет с этим сделать.

– У него паралич ног. Врачи дают неплохой прогноз. Лечебная физкультура, массаж, электростимуляция и он встанет на ноги. На это конечно уйдет не один месяц при условии, что у больного будет желание и положительный настрой. Но он уже вынес себе приговор, – поведал Рудик.

Хоть врачи и предупреждали Юлю о таком исходе, она все равно оказалась к нему не готова. Паралич!

– Руки пока слабые, держать предметы не может. И он себе не помогает. Утром не дал в себя впихнуть ни ложки съестного. Негативная реакция на любой намек на паралич. Буквально взрывается от ярости. У него сильные головные боли. Судороги...

– Хватит! Мы все поняли! Все хреново! – закричал Ярик.

Рудик показывая в сторону Ярика начал сигнализировать Юле об опасности, и она кивнула, давая понять, что помнит о его предостережениях.

Вытерев слезы, Юля поднялась и посмотрела на жениха.

– Яся, ты не против, если я поеду к нему в клинику? Если хочешь, поезжай со мной. Но я пойму, если ты откажешься.

– Я поеду, – сухо ответил Ярик и сжал кулаки.

– Спасибо, – тихо произнесла она, – я в душ.

Ярик смотрел, как его невеста поднимается по лестнице. Каждый ее шаг отдавался в его сердце болью, будто она уходила сейчас от него, а не в душ. Слова Юли давали ему слабую надежду, что она справится со своими чувствами, по крайней мере, она постарается. Он это видел в ее решительном облике, но на волю случая оставлять ситуацию не мог. У него был туз в рукаве, и он его сегодня разыграет. Теперь это его законная территория. Юля – его невеста. Вчера она подала документы на развод. А сегодня он заставит ее назначить дату свадьбы... а потом, если это будет необходимо, пустит в ход всю информацию, что сумели раскопать нанятые им детективы. Юля узнает обо всех женщинах ее брата и в первую очередь об одной... особенной, которой еще нет семнадцати.

Всю дорогу до клиники в машине стояла гробовая тишина. Ярик смотрел в одно окно, Юля в другое. Он ей не доверял, а она его боялась. Он продумывал дальнейшие действия. Она осознавала, что обречена. Как бы ни сложилась ее дальнейшая жизнь, она будет несчастна. Останься она с Яриком, будет тосковать по Роше. Если соединиться с любовью всей жизни, Ярик растопчет ее и испепелит в адском пламени. Возможно, даже заберет дочь.

Ярик первым вышел из машины и заправил рубашку за пояс джинсов. Спортивная выдержка всегда ему помогала, внешне он выглядел совершенно спокойным, но внутри него бушевал огонь. К старым претензиям к сопернику добавилась новая: за каким чертом этот хлюпик и слизняк выбрал его в качестве оружия собственной смерти?! Он чувствовал себя обманутым, его будто перехитрили в собственной игре.

Он помог Юле выйти из машины, обнял за плечи и повел к клинике. Перед крыльцом стояли несколько машин. Одна из них принадлежала ее родителям. Видимо персонал уже сообщил всем родственникам. В коридоре слышался детский смех. У Юли сжалось сердце – сын Романа тоже здесь. Ярик провел ее по

светлому коридору, который Юле сейчас показался бесконечно длинным и чрезмерно ярко освещенным. С нее не сводили взгляды медицинский персонал и охрана. Что-то в ее облике переменялось: исчезла уверенность в себе, гордая походка, твердый взгляд, и они это подмечали. Их догнал Рудик, сжал ее руку, давая понять что рядом. Юля кивнула... увы... ей сейчас никто не поможет. Сейчас все зависит от Роши.

Парочка вошла в палату, со всеми поздоровалась. Оба чувствовали себя неловко и скованно. Здесь были ее родители, младшие брат и сестра, Снежана с сыном и с какой-то похожей на нее пожилой женщиной, видимо матерью. Оказалось, что Ярик ее знал и даже перекинулся парой фраз. Тон был подчеркнуто вежливым, что говорило о его максимальном напряжении.

Сердце Юли колотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди. Сейчас она увидит родные глаза цвета неба и ее охватит водоворот его притягательной энергии. Смелая, упрямая, поглощенная работой Юля перестанет существовать, а на смену ей придет Миа. Именно ей принадлежит их с Рошей всепоглощающая любовь, трепетная нежность и единение. Их души воссоединятся. После чего придет понимание будущего, и они уже точно будут знать, что им делать дальше.

Роман лежал на спине. Руки вдоль тела. Стекланный безразличный взгляд устремлен в потолок. Он не реагировал на окрики сына, на болтовню жены и даже на полный боли взгляд отца. Юля подметила, что многие синяки уже исчезли, а самые глубокие порезы и ссадины затянулись. Лицо хоть не приобрело пока былой красоты, но и не было похоже на кусок мяса, что она гладила и целовала в первую неделю.

Не чувствуя ног, Юля подошла ближе. Роман все еще ни на что не реагировал и Юля робко произнесла:

– Роша...

Руки Романа резко дернулись, голова медленно повернулась, и их взгляды встретились. Ее взгляд полный надежд и необъятной радости и его... пустой, безжизненный, будто нет в нем больше души и тепла. Увы... их души не слились. Ее не захватил водоворот его энергии, наоборот обдал леденящий душу холод.

– Я считал тебя умной и догадливой, но видимо жестоко ошибся, – натужным голосом провещал Роман и снова впялил взгляд в потолок. – Ведь в

завещании черным по белому написано: «Семьдесят два часа». Что тут можно не понять?

В палате воцарилась тишина. Юля потеряла дар речи. Роман с ней так никогда не разговаривал. Даже тогда, когда Ярик привез ее к нему домой после десятилетней разлуки, он так не говорил. Был растерян, немного напуган, но смотрел на нее будто на божество. А сейчас во взгляде гнев и ненависть.

– Я думал, ты сложила дважды два и поняла, что это элементарное самоубийство. Ты была свидетелем всего: я вручил тебе документы, потом попросился, подставился под удары, – Роман метнул злобный взгляд на Ярика, – которые, кстати, могли быть у мирового чемпиона тяжеловеса сокрушительнее.

– Я подожду тебя в коридоре, – вполголоса произнес Ярик и вышел из палаты.

Все его страхи развеялись в одно мгновение. Роман не намерен возвращать свою первую любовь. Он намерен свести счеты с жизнью и Ярик ему в этом поможет. К его удивлению за ним в коридор потянулись все родственники. Дверь закрылась, это Рудик отрезал Романа и Юлю от внешнего мира.

Юля еще тешила себя надеждой, что Роша ведет себя так из-за Ярика. Боится ее скомпрометировать. Сейчас он улыбнется ей и поманит к себе рукой. Но... увы... даже когда они остались наедине, Роман был груб и раздражен.

– Ты подвела меня. Оставила в живых. Обрекла на мучения и страдания. Мало тебе было десяти лет...

Юля потянулась к нему, хотела сказать, что не один он страдал, но Роман так на нее зыркнул, что она отпрянула.

– Зачем ты здесь? – сухо спросил он. – Мы ведь уже попросились. Или ты еще раз хочешь услышать о моих страданиях? Не все поняла с первого раза?

– Роша...

– Роши больше нет, – отрезал Роман. – Он умер. Там в твоей квартире.

– Не говори так.

– Но это так! – закричал Роман. – Так! И Мию он забрал с собой. Ее тоже больше нет! Теперь ты Юля-Тигруля! Тьфу, какая мерзость! – в голосе чувствовались раздражение и презрение. – Такая же, как твоя татуировка. Синий дракон? Ты? Это смешно!

Юля зажмурилась. К горлу подступил комок. В сознании промелькнул день, когда она решилась сделать тату. Это было в Японии. После того самого перелома ноги. Роша в тот момент был в свадебном путешествии, а она была огромной черной дырой размером во вселенную. С ней был Лева. Только он знал истинный смысл татуировки. Он один ее поддерживал и помогал. По-своему, как умел: спокойным мудрым взглядом серых глаз, нужными словами, легким сжатием плеча, маленькими радостями, которые поднимали ей настроение.

Пальцы Юли заскользили по тельцу дракона прикрывающему шрам. Местами он сильно уплотнялся, местами был почти неощутим. Нет больше ее Роши. Нет того ради которого она порезала себе руку.

– Говоришь Роши больше нет?

– Нет!

Она молча двинулась к двери.

– Куда ты? – в его голосе зазвучало беспокойство.

– Зачем тебе общаться с мерзостью?

Ее пальцы легли на дверную ручку.

– Не передергивай! Я не сказал, что ты мерзость, я сказал что прозвище, которым он тебя называет мерзкое. И он сам мерзкий! Как ты могла с ним связаться? Он же извращенец! Как от такого рожать?

– У него есть проблемы. Есть. Ни я, ни он этого не скрываем. А беременность мы не планировали. Так получилось...

– Так получилось? – гневно выпалил Роман и застонал от боли. – Получилось... От тебя несет им за версту. Мне сказали, что он живет в твоей квартире. Он спит с тобой каждую ночь! Ты трахалась с ним пару часов назад? Я чувствую это! Уходи! Не могу тебя видеть! Это выше моих сил...

Юля выскочила из палаты и побежала по коридору.

– Юльча! – окликнула ее мать, но Юля не реагировала.

Выбежав на улицу, она помчалась по дорожке к маленькому скверу и упала на ближайшую скамейку. Вслед за ней с обреченным видом поплелся Рудик, но она жестом дала ему понять, что хочет побыть одна.

Вот все и решилось. Роша ее отверг. Он ненавидит ее и ее будущего ребенка, татуировку и решение оставить ему жизнь. Роша сам определил ее место

в жизни. В ближайшее время они назначат с Яриком дату свадьбы, и прошлое оставит ее окончательно.

От клиники одна за другой поспешно отъезжали машины. Все кто выходил из палаты либо плакали, либо кипели от злости. Позже Юля узнает, что после нее Роман устроил разнос всем родственникам. Досталось даже их младшим брату и сестре. Он рвал все связи, высказывал в лицо накопившиеся обиды, обвинял, а потом прогонял. Никто не смеет больше его беспокоить. Никому отныне не разрешено его посещать.

Ярик был на седьмом небе от счастья. Юля не предала его. Не бросилась в объятия обозлившегося на весь мир братца. Не стала его утешать и кормить с ложечки. Он тут же форсировал ее развод и уже на следующее утро, как только Юля открыла глаза, вручил ей свидетельство о расторжении брака.

– Теперь мы можем назначить дату свадьбы. Какой день тебе нравится? – спросил он и начал целовать ее шею и плечи.

– Решай сам, Яся. Мне все равно, – особой радости Юля не проявляла, но Ярик отнес это к ее нелюбви брачных церемоний. Юля говорила ему об этом на Кубе, когда они видели свадебный кортеж.

Прижавшись к ее спине, он не видел ее потухших глаз. Сама же Юля чувствовала, как сердце, словно тиски сжимает тоска.

– Можем прямо сейчас. Я ведь могу все устроить, – грозился Ярик.

– Запросто...

– Дерзкая девчонка Юля-Тигруля, – он повернул ее голову и нежно поцеловал в губы. – Как там наша малышка? – рука Ярика начала поглаживать ее живот, а потом заскользила вниз.

Юля застонала и поддалась ему навстречу всем телом.

– Господи! – воскликнул Ярик. – Да ты вся горишь, Тигруля! Хотел приготовить тебе завтрак, но придется уделить внимание моей девочке. Не могу же я тебя отпустить на работу в таком состоянии.

Позже за завтраком он шутил, рассказывал анекдоты, святился от счастья. Телефонные разговоры проходили в режиме громкой связи, и Юля уже не тратила

ни сил, ни энергии пытаюсь понять, кто звонит Ярику и зачем. Сегодня она узнала о его новых проектах. Кто набран в рабочие группы, и у кого какие обязанности. Перед выходом он придвинул ей папку и попросил оценить бизнес-планы.

В банке он вел себя так, будто сам там работает, больше не отмахивался от проблем, в которые его вовлекал Савва. Даже давал советы, не всегда удачные, но так уж Ярик видел банковский мир. Старший Дорофеев преобразился до неузнаваемости. Казалось, он воспрянул духом и готов к новым свершениям. То и дело он спрашивал Юлю: «Так Нью-Йорк или Счетная палата?».

Босс заикнулся на новом ветке ее карьеры. Он считал, что Юле пора идти на самый верх. Как-то на приеме у одного из его друзей к Юле проявил недюжинный интерес председатель Счетной Палаты. Дмитрий Юрьевич задумался и уже на следующий день составил примерный карьерный план.

– Лялечка, не спорь, тебе нужна как Счетная Палата, так и депутатский значок. Пора уже выбрать партию и идти во власть.

Юля отнекивалась, напоминала о беременности, но босс был непреклонен.

– Ты не из тех женщин, что будет сидеть дома и менять памперсы. Согласуем свободный график. Будешь заезжать домой так часто как захочешь. К тому же Ярик намерен принимать непосредственное участие в уходе и воспитании малышки, так что проблем не будет.

Последние слова он говорил с такой гордостью, что Юля не удержалась от улыбки. Босс тоже улыбнулся.

– Я так счастлив, Ляля! Ты вернула мне сына, и я тебе буду за это благодарен до конца жизни.

Первые признаки беспокойства в Юле появились, когда они с Яриком прощались. Сердце ее бухнуло, да так сильно, что она сморщилась и потеряла грудь. Что это с ней? В аэропорт она не поехала, знала, с кем там может встретиться. В последние недели на присутствие Ингрид в жизни Ярика, Юля реагировала особенно болезненно.

– Почему ты плачешь? – Ярик смахнул ее слезы с лица. – Я буду готовить виллу к церемонии. Дел по самое горло, – Ярик провел пальцем по горлу и шутливо оскалился. – Может, отпустишь Рудика со мной? Мне бы не помешала его помощь.

Идея была очень хорошей. Рудик был бы рад после дежурств в клинике немного развеяться и погреться на ласковом экваториальном солнце. К тому же он бы присмотрел за Яриком и его контрактной куклой. Юля тут же дала распоряжение, а когда обернулась, по выражению лица Ярика поняла, что он сделал это намеренно. Таким образом, он хотел показать ей, что ничего не скрывает и настроен довести свою терапию до логического конца.

Юля прижалась к нему и взмолилась:

– Пожалуйста, будь осторожен, – она положила его руку себе на живот. – Ты нужен *нам*.

После этих слов Ярик буквально затопил ее нежностью. Еще час они не могли расстаться, целовались и говорили о своем будущем.

– Мы объездим с малышкой весь мир, – шептал он ей на ухо и крепко прижимал к себе. – Я покажу своим девчонкам все места, где был, познакомлю с интересными людьми, с которыми свела меня судьба. Я так счастлив, Юлька. У нас будет Лима...

Сердце снова заныло, когда Ярик позвонил из самолета и Юля не выдержала.

– Яся, у меня плохое предчувствие...

– О чем ты? – встревожился Ярик.

– Не знаю, душа ноет, будто что-то должно произойти.

Ярик нахмурился. Беды он ждал только с двух сторон: беременность Юли и ее братец. Так как с братцем Юля не виделась, а ежечасные доклады охраны и врачей не вызывали никаких подозрений Ярик сконцентрировался на первом и засыпал невесту вопросами.

– Как ты себя чувствуешь? Живот не болит? Когда у тебя плановый прием? Нельзя ли перенести на завтра?

– Я не за себя, а за тебя тревожусь, – призналась Юля. – Яся, пообещай мне, что будешь очень осторожен.

Теперь он понял, о чем она толкует и постарался ее успокоить. Сказал, что будет двигаться маленькими шажками. Напомнил, что во время сеансов он будет с психотерапевтом и Пен-чан – девушкой-тайкой, но Юлю это не успокоило. Она уже была готова сказать ему, что пусть все пока остается как есть и не надо

ничего менять, но в последний момент сдержалась. Ее поведение было нелогичным и вызвало бы у Ярика приступ гнева. Ведь он ясно дал понять, что старается ради их малышки.

Ночью Юле приснился кошмар. Она вскочила на ноги и заплакала. Ей снился Ярик... он кричал в огне...

Спустившись в кабинет, она включила ноутбук, запустила Skype и нажала на видео-звонок. Ярик ответил практически сразу. Он лежал у бассейна, солнце уже опускалось за горизонт и лицо было окрашено красноватым оттенком. Юля вздрогнула, усмотрев в этом недоброе предзнаменование. Они говорили долго. Где-то на заднем фоне мелькал Рудик и прислуга. Юля видела, что Ярик один, вид у него блаженный, он всем доволен и счастлив.

– Тигруля, мне будет не хватать этой виллы. Ведь именно здесь все у нас началось. Может, пошлем всех подальше и переедем сюда на годик? Малышке здесь будет очень хорошо.

– Предложение заманчивое, я подумаю об этом. Честно говоря, весь этот марафон с политической карьерой мне не по душе.

– Так скажи фазеру об этом. Чего он так напрягся? Прет как на buffet! Приеду, навтыкаю ему.

– Дам ему пожить немного с этой мыслью, а потом скажу.

– Нет-нет, наоборот, не давай ему прикипеть, иначе обиды будет потом с три короба, поверь мне, Тигруля. Он уже наверняка делает звонки и пробивает почву. Не жди! Иди прямо утром к нему и скажи, чего на самом деле хочешь.

Юля рассказала, почему проснулась посреди ночи. Даже всплакнула. Сначала Ярик нахмурился и напрягся, но потом немного оттаял.

– Это все твои переживания из-за братца, беременности и всего что случилось за последнее время. Все будет хорошо, Тигруля. У нас все будет хорошо, вот увидишь, – а после паузы добавил: – Нет, мне определенно эта идея нравится все больше и больше. Я бы пожил здесь годик после рождения Лимы. Юлька? Давай? А?

Она уже улыбалась, ей нравилось, когда он называл еще не родившуюся малышку по имени.

– Мне тоже, – призналась она. – Завтра скажу отцу. Пожелай мне удачи.

– Она тебе не нужна, детка, ты и есть удача. Как я встретил тебя, мне пошел фарт во всех делах! – усмехнулся Ярик. – Со своей проблемой я тоже справлюсь, вот увидишь!

Лицо Ярика сияло как Сириус, бронзовый торс бугрился рельефными мышцами. Юля не удержалась и сохранила принтскрином его фото. Поцеловала пальцы и приложила их к экрану. Ярик застонал и соблазнительно улыбнулся.

– Юлька, – его голос опустился на октаву, – я еще никогда не был так счастлив и спокоен. Давно хотел тебе сказать, что ты для меня...

Кто-то из прислуги прервал его излияния, и Юля чуть не вскрикнула от разочарования. Он что-то хотел ей сказать... что-то важное. А ведь Ярик был так скуп на проявления чувств.

– Тигруля, мне нужно тут с одним делом разобраться, – нервно бросил Ярик и встал с шезлонга.

– Что случилось? – напряглась Юля. Сон все еще не выходил у нее из головы.

– Выключи паранойю и ложись спать. Я в порядке. Поговорим завтра.

Юля прервала соединение, опустила крышку ноутбука и поплелась к лестнице. Сердце все еще ныло и сжималось от предчувствия надвигающейся катастрофы.

Восемь лет назад

Юля так была поглощена своим рассказом, что никого не замечала вокруг. Только что события из прошлого ею были заново прожиты и выстраданы. Она не могла смотреть участникам группы в глаза. Не могла видеть их реакцию и слезы сочувствия. Ей не нужна ничья жалость. Ей нужен выход из ситуации. Ей нужен совет. Что ей делать? Как дальше жить? Ведь жизнь без Роши невозможна. Она задыхается без своего неба.

Прошло почти два года после развода. И в эти двадцать два месяца Юля пережила настоящий мучительный и опаляющий ад. Мало того что ее сердце рвалось на куски от потери любимого, к ее трагедии добавилась новая: стал преследовать сосед, здоровяк лет тридцати пяти с тюремными наколками.

Приставал на улице, в лифте, в подъезде. Когда напивался, звонил и тарабанил в ее дверь, выкрикивая угрозы. Соседи его боялись, ей советовали съехать, но Юля не могла. Ведь эта квартира – единственное, что осталось после ухода Роши. Здесь их алтарь любви, здесь все напоминало ей о пережитом.

Однажды, когда она уставшая и обессиленная возвращалась после тренировки, сосед поймал ее на лестнице и, зажав рот, потащил на крышу, туда, где Роша обустроил интимное местечко для загара. Юля отбивалась как тигрица, брыкалась, отпихивала его от себя, но силы были неравные. Он забавлялся ее сопротивлением, даже подначивал.

– Я знал, Рыжая, что ты горячая сучка!

Ее спасло то, что на крышу поднялись трое монтажников для установки каркаса рекламной конструкции и вмешались в происходящее. Заявление в милицию она подавать не стала, решила разобраться с насильником по-своему. Подкараулив поздно ночью, она напала на него на том самом месте, где и он на нее неделей ранее. Будто налетевший тайфун Юля обрушила на него всю свою ярость, обиду и ненависть. Лева многому ее научил и на такой случай тоже, жаль что в прошлый раз сработал эффект неожиданности и она была дезориентирована. Те несколько решающих секунд превратили ее в жертву, а жертвой Юля никогда не была, поэтому как могла, отыгралась на насильнике. Сосед съехал с квартиры следующей ночью и больше она никогда его не видела.

Сейчас, спустя полгода после тех событий, Юля походила на ходячего мертвеца: бледная, черные круги под глазами, взгляд безжизненный, стеклянный. От прежней беззаботности и безграничного счастья ни осталось и следа. Она исхудала, вернее, высохла от слез и невыносимых страданий. Был момент, когда она хотела все прекратить. Эта мысль давно крутилась у нее в мозгу, вызревала и травмировала сознание. А прорвалась наружу, когда она увидела в подъезде после переезда новых соседей забытую грузчиками веревку. В этот момент ее будто кто-то подтолкнул, и она потянулась дрожащей рукой к предмету, который может закончить ее страдания. Она даже написала Роше записку, полную обвинений и гневных выпадов. Ведь он предал ее, бросил, хотя говорил о безграничной любви, а раз нет в их любви границ, почему же родство все же стало преградой?

В тот день судьба снова вмешалась в ее жизнь. Когда она, накинув веревку на шею, уже хотела опрокинуть под собой табурет, в дверь позвонили. Это оказалась соседка с нижнего этажа. Она колотила в ее дверь и кричала что ей нужно что-то сердечное – у ее мужа приступ, вызвали «Скорую», но она запаздывала, и соседка слезно умоляла заглянуть в аптечку. Юля бросилась на кухню, а соседка без приглашения шагнула в коридор и увидела петлю и табурет. Юля вынесла корвалол и застыла на пороге, пылая от смущения и сожаления. Там внизу ее сосед борется за жизнь всеми силами, а она хотела со своей расстаться.

Ночь она провела у соседей. Муж соседки оклемался к полуночи и вправил Юле мозги длинной проповедью. Они зарядили ее позитивом, дали надежду на будущее, а когда провожали, соседка вручила ей телефон своей подруги-психолога, которая вела очень необычную группу. В нее попадали те, кто пострадал от запретной любви, кто не смог самостоятельно справиться и идти дальше.

Учеба, работа и эта группа – на данный момент якоря, удерживающие ее на плаву жизни. Группа, которая ждет, когда она закончит свой рассказ и поднимет на них свои мертвые глаза.

В памяти всплыла одна из летних ночей перед разлукой с Рошей, когда он должен был уехать на практику, а Юле предстояло провести целый месяц с родителями. В ту ночь он был по-особенному нежен и красноречив.

«Солнце мое, подари мне свой свет. Я никогда не утолю свой голод, любимая. Мне кажется, что с каждым днем я люблю тебя еще сильнее. Хочу слиться с тобой и не выходить из тебя. Проникнуть в каждую клеточку твоего тела, в твои мысли, в твои желания. Ты моя, Миа. Моя половинка. Моя любовь. Хочу только тебя!».

Последний заградительный барьер рухнул, и Юля расплакалась, да так сильно, что напугала всех присутствующих. Плач походил то на рев раненого зверя, то на вой потерявший целый выводок волчицы. Никто ее не одергивал, никто не успокаивал. Ей дали выплеснуть все эмоции без остатка, а вместе со слезами и криком отчаяния уходили накопленные обиды и ненависть.

После «боевого крещения», так называли исповедь в группе, Юля прошла с психологом в кабинет. Альбина грустно улыбалась и Юля поняла, что она довольна тем, что ее пациентка наконец-то открылась и рассказала свою историю.

– Всем участникам группы я говорю всегда одну и ту же фразу: «К победе нужно идти мелкими шажками». Знаю, – Альбина села за рабочий стол и тяжело вздохнула, – в учебе и работе ты привыкла ставить непомерно амбициозные цели и взбираться на самые высокие вершины, но душевную боль преодолевать нужно постепенно, ступеньку за ступенькой. Никаких резких рывков. Наберись терпения и привыкай к маленьким ежедневным победам. Поняла?

– Маленькие шажки, – повторила Юля и кивнула.

Сейчас она чувствовала такое облегчение, что душа будто отделилась и парила над телом.

Юля понимала, зачем Альбина привела ее в свой кабинет, а теперь возиться с карточками. Ее исповедь означала и то, что она готова теперь взять над кем-то шефство, как когда-то взяла ее под крыло Кристина.

– Хочу тебя предупредить, Юля, – психолог подняла на нее глаза, – если вытянешь имя и останешься недовольна выбором, поменять не сможешь. Таковы правила. Нам не должны нравиться наши подшефные. Просто будь рядом и делай то, что можешь. Ласковое слово и котенку приятно, – Альбина усмехнулась. – Можно сказать шефство – это судьба.

Альбина разложила перед Юлей несколько белых карточек и предложила вытянуть жребий. Юля подошла ближе к столу. Она и не ожидала насколько будет волнительным этот момент. Дрожащая рука зависла над белыми непроницаемыми прямоугольными листками, на обратной стороне которых были отпечатаны имена. За каждым именем скрыта чужая боль, трагедия, с которой одному не справиться. Подумать только, все эти люди нуждались сейчас в чьей-то помощи и опеке. С кем же столкнет ее судьба? Рука потянулась к крайней карточке, которая была от всех остальных немного в отдалении. Юля немного помедлила, но потом глубоко вздохнула и все же остановила на ней свой выбор. На белоснежной бумаге каллиграфическим почерком было выведено имя «Рудольф».

– Ох, дорогая. Не везет, так не везет, – призналась Альбина, прочитав имя.

– Кто такой Рудольф?

– Мы зовем его Рудик. Высокий брюнет. Волосы зачесаны назад. Всегда сидит между Леной-парикмахершей и Яной-продавщицей из обувного.

Юля сложила руки на груди и подумала:

«Это тот отвязный черноглазый красавчик с серьгами в ушах, что называет меня Юля-Тигруля».

– Вспомнила?

– О, да!

– Он ходит в группу уже год, но до сих пор не прошел «боевое крещение». Никто не знает подробностей его драмы. Тебе как его шефу могу сказать, что он здесь из-за матери.

– Как? И он тоже? – съехидничала Юля.

– Нет, Юля, – поправила ее Альбина и посмотрела на нее с укоризной. – Твоя мать не совершала над тобой противоправных действий, она всего лишь тебе не сказала правды.

– А что сделала с Рудиком его мать?

– Сожительствовала, почти два года – выдавила из себя Альбина и нервно начала перебирать бумаги.

От накатившей волны гнева Юля зажмурилась. Она не знала той женщины, не знала ее мотивов, но руки уже чесались отметелить так, чтобы на всю жизнь запомнила. Доверие ребенка матери безгранично. Оно приравнено к Абсолюту, так как любой ребенок считает, что его мать хочет для него самого лучшего. Если Рудика подвела мать, это значит, что он никому не доверяет. Никому не открывается. Никого не впускает в свое сердце. Родители – постоянная величина ребенка. Это фундамент его жизни и если этот фундамент рушиться, то трагедии не избежать.

– Подробности я тебе не могу сказать, скажу лишь то, что он сейчас в отчаянном положении: без жилья, без опеки, без денег, иногда без еды. Способ выживания он выбрал очень рискованный, можно сказать, Рудик ходит по лезвию ножа каждый день. Есть риск заражения СПИДом, есть риск быть избитым, есть риск наткнуться на извращенного клиента. Он постоянно в долгах, живет на

перекладных, то там, то тут. Как подшефный Рудик – сплошная катастрофа, но отказаться ты не можешь, таковы...

– ...правила, – с понурым видом закончила за нее фразу Юля.

Как подступиться к такому парню? Чем ему помочь? Она ведь из другого мира. Какой она может дать ему совет? Юля была мягко сказать в шоке.

– Ты сказала клиента? Чем он занимается?

Подбородок Альбины вздернулся вверх, взгляд кричал «Ну что тут непонятного?».

– О! – догадалась Юля и почувствовала, как холодеют руки.

Все еще сложнее, чем она думала.

– И когда мне начать? – Юля не скрывала своего замешательства.

– Прямо сейчас. Ведь непонятно есть у него сегодня крыша над головой или нет. Мы не просто группа, Юля, мы – братство. Держим связь в особо тяжелые дни. Бежим на выручку, если нужно чье-то присутствие рядом. Подставляем плечо, даже когда самим нужна поддержка. Тебе выпало его имя – дерзай!

Выйдя на шумную улицу, Юля двинулась к метро. Ее окутала летняя теплая ночь. Зачем она задумала «боевое крещение» в день своего рождения? Она ведь хотела провести вечер дома перед телевизором. А теперь придется возиться с этим парнем. Почему-то вспомнилось день рождения трехлетней давности, которое они справляли с Рошей, гуляя всю ночь по Москве.

В руках она сжимала мобильник, в который только что записала номер телефона Рудика. Часы на экране показывали десять часов вечера. Еще не поздно для звонка, хотя что-то ей подсказывало, что день Рудика только начинался. После недолгих раздумий, Юля свернула в переулок, где было немного потише и набрала его номер. После третьего гудка она услышала почти истеричный крик «Да!» и представилась:

– Рудик, это Юля...

– Какая еще Юля?! – раздраженно прокричал он.

Она явно позвонила не вовремя, возможно, нужно было извиниться и перезвонить завтра, но какая-то невидимая сила удерживала ее на линии. По фоновым звукам, Юля догадалась, что он тоже на улице.

– Юля-Тигруля, – напомнила она кличку, которую он ей дал на одной из встреч группы.

– Черт! Отвали! – в трубке послышалась какая-то возня. Затем отрывистые объяснения Рудика: – Это я хм... не тебе. Так что ты хотела?

– Я прошла «боевое крещение»... – начала объяснять Юля.

– Поздравляю! – искренне порадовался за нее Рудик, но уже в следующий момент опять с кем-то сцепился. – Козел! Я сказал «Нет»! Иди, поищи себе другой «банкомат»!

– Так вот... – не отставала Юля, – как понимаешь, мне сегодня дали подопечного...

– О-о! Ты крутила рулетку... Ну и как ощущения?

Рудик явно не понимал, куда она клонит, его отвлекал какой-то надоедливый мужчина. Судя по звукам, Рудик искал безопасное место для разговора, но мужчина продолжал его преследовать.

– Отвали, я сказал!

Послышался басистый голос:

– Эй, Алена Прекрасная! Куда направила свой антифейс?

– Рудик! Ты в порядке? Тебе помощь нужна?

– Крошка с этим я и сам справлюсь! Это – работа! – хохотнул Рудик с издевкой. Юля покраснела. – Так что ты хотела? А то у меня сейчас самая маза.

– Я все пытаюсь тебе сказать, но ты меня прерываешь... – укорила его Юля и тут же добавила: – Мне выпало твое имя...

Послышался топот, потом свист. Кто-то крикнул «Шухер! Менты». Рудик выматерился и побежал.

– Что? – спросил он на бегу. – Прости, не слышу...

– Я говорю, что сегодня я стала твоим шефом!

– О-о! Детка, я освобождаю тебя от этой нудятины! Нам обоим это ни к чему... так ведь?

Юля пожала плечами, будто он мог ее видеть. Дыхание Рудика сбилось, он все еще бежал. С ним кто-то бежал рядом, и они перекидывались отрывистыми жаргонными репликами, смысл которых Юля не понимала.

– Иди, займись, чем ты там обычно по вечерам занимаешься... посмотри бразильский сериал про любовь, почитай женский роман или сделай депиляцию.

– По вечерам я обычно либо плачу, либо слежу за бывшим мужем.

– Ёк-макарёк! Да ты крутая! – усмехнулся Рудик.

– Вообще-то у меня сегодня день рождения, не хочешь со мной оттянуться? Только ты и я.

– Ух ты! Днюха на двоих? – Рудик медлил. – Менты погнали нас с коронного места, так что баблосы мне уже сегодня не светят. Ладком, если оставишь у себя ночевать.

– Не вопрос, – тут же согласилась Юля.

Перспектива остаться одной на день рождения, как в прошлом году ее не радовала. У Юли тут же родился план, как они смогут провести эту ночь.

– Где ты сейчас?

Рудик назвал ближайшую станцию метро, до которой мог дойти пешком и предупредил, что у него нет с собой ни копейки, только жетон на одну поездку и если она хочет чтобы он с ней оттягивался, то придется самой за все платить.

– Пыф! Напугал, – проворчала Юля и сказала, что выезжает.

После разговора с Рудиком она сделала пару организационных предупредительных звонков друзьям и поспешила к метро.

Несмотря на поздний час в метро было многолюдно, субботняя летняя ночь заставила москвичей выползти из своих бетонных норок. Юля не сразу отыскала подшефного. Он примостился к одной из мраморных колонн и не поднимал глаз от телефона. Рудик обладал притягательной красотой, модно одевался и не мудрено, что проходящие мимо девчонки бросали на него вожделенные взгляды. Юля и сама бы им легко увлеклась, встретить где-нибудь на улице. Его внешность была очень обманчива. Выглядел он на пару лет моложе ее, но от Альбины Юля узнала, что у Рудика нет еще паспорта, а это означало, что парню нет еще шестнадцати.

– Привет, Юля-Тигруля! – он окинул ее изучающим взглядом. – Не знаю, куда ты меня поведешь, но предупреждаю сразу, не во все заведения меня пускают.

Верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты почти до солнечного сплетения и оголяли безволосую грудь.

– Не переживай, мы пойдем туда, где у тебя не спросят документы, – ответила с ухмылкой Юля и схватив его за руку потащила к вагону метро.

В вагоне он не сводил с нее черных как уголь глаз, будто пытался разгадать ее намерения. Он ничего не спрашивал, а она от волнения так сильно ослабла, что еле держалась на ногах. На одной из остановок вагон сильно качнуло, и Рудик буквально повалился на нее, а чтобы удержаться одной рукой схватился за поручень, другой рукой притянул ее к себе. Юлю обдало жаром, и она густо покраснела. Рудик усмехнулся, но продолжал хранить молчание.

Через полчаса они вышли из метро «Октябрьская» и направились в парк им. М.Горького.

– О-о! – Рудик показал на центральный вход в парк. – В прошлом году мне тут здорово намяли бока на день десантника.

Юля нервно сглотнула, не учитывая конфликт интересов, она вела его к тому, кто в прошлом был десантником. Из-за специфической внешности Рудика байку про брата Юля не могла рассказать, уж слишком они разные. Оставалось только сказать правду, но этим она вызовет еще больше вопросов.

На пристани их уже ждали – Макс, ее друг по спортклубу и его жена Светлана. Юля несколько месяцев бесплатно вела бухгалтерию их нового предприятия, а взамен имела право в любой момент покататься с друзьями на речном трамвайчике. После приветствия и поздравления с днем рождения Светлана вручила им корзину для пикника и пакет с напитками. Макс окинул Рудика подозрительным взглядом и, хотя от комментариев воздержался, в глазах читался вопрос: «Как ты оказалась рядом с таким парнем?».

– Поговорим в клубе, – вполголоса пообещала Юля, и друг кивком дал понять, что не намерен доставать ее сейчас вопросами.

Прогулка по Москве-реке длилась два часа. После сытного ужина и выпитого вина Юля опьянела, расслабилась и хохотала над каждой шуткой

Рудика. С первых минут общения между ними царили мир и согласие. Вместе им было хорошо, спокойно, надежно. Рудик даже под конец спутал правила игры и потянулся к ее губам. Юля отпрянула и уставилась на него пьяным взглядом:

– Рудик, ты чего?

– Ты сегодня именинница, тебя нужно целовать, – тут же налету выдумал он неуклюжее объяснение.

Впервые он неправильно истолковал знаки внимания и корил себя за поспешность. Он хотел ей понравиться, но не потому что она стала его шефом, а потому что его прельщала перспектива постоянно быть с ней рядом. Греться ее теплом и заботой, которая была у нее отточена до филигранности.

Рудик подлил ей еще вина, но Юля запротестовала:

– Мне больше не надо!

– Но поцеловать тебе меня придется, – Рудик кинул опасливый взгляд на Макса, – а то этот жлоб меня с катера не выпустит.

Юля проследила за его взглядом и усмехнулась.

– Подвинься ближе и обними меня за плечи.

– Я что, по-твоему, мальчик-пятилетка, чтобы обниматься, – фыркнул Рудик и отмахнулся. – Скажи, что тебе противно со мной целоваться. Небось, Альбинка уже наплела тебе про меня в три короба.

– Поверь, этого будет достаточно. Они меня ни разу с парнем не видели. Пусть хоть обнимашки переварят для начала.

– Ты прячешь от них своего мужика?

Юля понимала, почему Рудик сделал такой вывод. Их группа ведь специализировалась на запретной любви, а сегодняшнюю ее исповедь он не слышал.

– Нет у меня никакого мужика. Вернее, он есть, но вместе мы быть не можем. Я бы сейчас жизнь отдала, не задумываясь за то, чтобы он хоть минуточку посидел рядом.

На глаза Юли навернулись слезы. Интересно, Роша хоть вспомнил, что у нее сегодня день рождения. Окинув Юлю пронзительным взглядом, Рудик придвинулся ближе и обнял ее за плечи.

– Бывший муж? – Юля подняла на него глаза и Рудик пояснил: – Ты сказала, что подглядываешь за ним.

Она кивнула и прижалась к его благоухающей груди.

– От тебя вкусно пахнет, – призналась она и громко всхлипнула. – Кажется, я перебрала со спиртным.

– Не кажется, а точно перебрала. Первый раз вижу, чтобы девчонка распустила слюни после второго бокала вина. Ты совсем не тренируешься? Кто-то этим рано или поздно воспользуется.

– Уф! – тяжело вздохнула Юля. – Меня однажды чуть не изнасиловали. Правда я не была пьяной. Я была совершенно трезвой и шла с тренировки, – она подняла на него глаза. – Ты не поверишь, с тренировки по каратэ... – она икнула. – И каратэ не помогло...

Юля рассказала о соседе-насилънике. Без слез не обошлось, они полились сразу, как только она дошла до описания места действия на крыше, и какое оно имело для нее значение и что теперь оно осквернено. В этот момент Рудик почувствовал, что она уязвима похлеще его и обнял еще крепче. Она, как и он нуждалась в любви и заботе. Юля понравилась ему с первой встречи. Такая жесткая снаружи и такая мягкая внутри. Он сразу ощутил ее склонность к гиперопеке, будто в ней вырабатывался колоссальный объем любви и нежности, а поделиться было не с кем. Он давно отгородился от мира невидимым куполом, а сейчас в этом куполе обнаружилась брешь и Рудик сам, своими собственными руками втащил Юлю через эту брешь и снова ее заделал.

После прогулки на катере они, держась за руки, гуляли по набережной. Больше они старались на зыбкую почву страданий не вступать. Рудик снова шутил, подбадривал и подначивал ее. Юля немного развеялась и снова пришла в норму.

Когда уже часы показывали почти час ночи, Рудик устал от бесцельных шатаний и предложил уже где-то осесть.

– Мне нужно на него посмотреть, – сказала Юля и стыдливо отвела взгляд. – А потом сразу поедем ко мне. Ладно?

Рудик не спрашивал, кого она имеет в виду, и так было ясно. Он заметил, что когда она говорит о своем Роше, то преобразается до неузнаваемости. Что же там за Роша? Рудик уже и самому не терпелось на него взглянуть.

Такси подъехало к дому, где последние три месяца Роман снимал квартиру. Юля никогда бы никому не призналась, что наняла Аслана – брата своей подруги по группе, и тот добывал основные факты из жизни Роши.

Юля подняла глаза и посмотрела на третий этаж типовой двухподъездной девятиэтажки. В окне жилой комнаты горел свет.

– И сколько нам тут сидеть? – спросил Рудик.

– Посидим полчасика, если не появится – уедем.

– Ладком, – Рудик придвинулся к ней ближе и тоже уставился на окна.

Ничего не происходило. Рудик и Юля сидели на заднем сиденье такси, и каждый думал о своем. Он рассуждал о том, куда заведут его новые отношения. Кто придумал это дурацкое шефство? Хотя Юля ему нравилась, но чем она может ему помочь? Сегодня он переночует у нее, а что будет завтра? И не начнет ли проявлять к нему сексуальный интерес эта привлекательная рыжеволосая бестия? На все его провокации она не реагирует, но может, ждет ночи? Если так, то он попал. Либо ночевать на улице, либо делить постель с женщиной, а это для него было неприемлемо.

У Юли же сердце выскакивало из груди от одной мысли, что ее Роша там, на третьем этаже, а она не может даже сказать ему «Привет». Вернее может, но что хорошего из этого получится? Несколько сот раз Юля порывалась постучать в его дверь, но каждый раз останавливала себя тем, что вспоминала их последнюю встречу, его страх в глазах, его предательство. Он не хочет ее видеть, даже как сестру, иначе пришел бы к ним в квартиру, ведь она не съезжает только из-за него.

Перед подъездом остановилось такси, и из него вышла высокая фигуристая блондинка с нежным личиком. От накатившего неприятного предчувствия Юля напряглась всем телом. Рудик это почувствовал и обдал блондинку пронзительным взглядом.

– Что за фифа? Ты ее знаешь?

Юля не отвечала и Рудик снова перевел взгляд на незнакомку. Девушка расплатилась с водителем, взяла сдачу и встряхнула длинными прямыми волосами.

– Видит, что мы на нее смотрим, вот и красуется, – усмехнулся Рудик. – Показушница.

Вдруг дверь подъезда распахнулась и Юля ахнула. Из тускло освещенного подъезда на свет уличного фонаря вынырнул Роман.

– Это он? – Рудик был весь внимание.

– Да, – еле слышно прошептала Юля, она уже не чувствовала тела, ничего не соображала. Сердце отбивало стаккато.

– А он хорош... – промурлыкал Рудик, – чертовски хорош...

На Романе были джинсы и белая футболка. Он тоже похудел, выглядел истощенным. Роман улыбнулся девушке, но как-то вымучено, будто сдался после затяжной обороны. Юля впервые за два года их разлуки видела его так близко. Вот ее Небо, ее любовь, ее источник жизни. Если бы не блондинка, Юля непременно бы выскочила ему навстречу.

Девушка подошла к Роману, они крепко обнялись, будто влюбленные после ссоры. Несколько секунд что-то обсуждали, а потом он взял в ладони ее лицо и поцеловал в губы. Из груди Юли вырвался мучительный глухой стон. На глаза навернулись слезы, и она громко всхлипнула. Именно так он ее всегда целовал.

Роман пропустил девушку в подъезд и когда уже хотел закрыть дверь, его мимолетный взгляд скользнул по салону такси. Реакция была мгновенной. Он резко дернулся и прищурился.

– Миа? – его голос звучал неуверенно.

– Рудик! Сваливаем! Быстро! – дала команду Юля и скатилась на сиденье вниз, полностью скрываясь от глаз Романа.

– Миа! – Роман уже бежал к такси.

Рудик хотел возразить, сказать, что им нужно поговорить. Интерес Романа был очевиден. Так зачем сходить по нему с ума, но скрываться и делать вид, что он ее не интересуется?

– Господи! Он не должен меня видеть! Не должен!

Юля заскулила, да с такой безысходностью и ужасом в глазах, что водитель, не дождавшись реакции Рудика, который договаривался с таксистом о поездке, сам принял решение. Вырулил с обочины на проезжую дорогу и утопил педаль газа в пол. Послышался визг шин, Роман успел только стукнуть по багажнику и прокричал ее имя. Адреналин хлынул в кровь, Юлю всю затрясло. Зажмурив глаза, Юля зарыдала в полный голос. Еще чуть-чуть и Роман бы увидел ее, а так была вероятность, что он подумает что обознался.

Как только они отъехали на безопасное расстояние, Рудик обнял ее за плечи и начал успокаивать. Всю дорогу Юля тараторила как заведенная:

– Он же говорил, что хочет только меня. Хочет дурачиться... гоняться за мной, пока от усталости не свалиться с ног. Говорил, что хочет... предаваться мечтаньям... воплощать фантазии, вызывать... завистливые взгляды. Он все это мне говорил. Говорил что я его Миа. Что ему кроме меня никто не нужен.

Глаза Юли стали как у безумной, подбородок дрожал, голос срывался. От такого зрелища Рудик застонал и прижался к ее щеке.

– Тс-с-с-с, малышка, не плачь. Все уже в прошлом. Теперь он с другой...

– С другой... – с ужасом прошептала Юля и... отключилась.

Хорошо, что Юля назвала адрес дома до того как они поехали к ее бывшему муженьку. Сейчас бы Рудик точно не знал что делать. Такси подъехало к дому, водитель потребовал оплату. Юля уже пришла в сознание, но смотрела в одну точку и ни на что не реагировала. Рудик извинился за дерзость, полез в ее сумочку, нашел кошелек и расплатился с водителем. Затем выскочил из машины и помог Юле выбраться. Как только они приблизились к подъезду, со скамейки вскочил какой-то парень и бросился им навстречу. Рудик вспомнил о соседе-насильнике, загородил собой Юлю и злобно прокричал:

– Что надо?!

Но парень не обращал на него никакого внимания. Он обнял Юлю и запричитал:

– Юльча, где ты была? Я чуть с ума не сошел! Пришел тебя поздравить, а тебя дома нет. Я уже решил, что с тобой что-то случилось. Даже не знал, кому звонить.

Юля не реагировала, и парень повернулся к Рудику.

– Что ты с ней сделал?

– Я?! – заверещал Рудик. – Да она увидела своего бывшего, рыдала в машине, а потом резко отключилась. Когда пришла в себя впала в ступор. С ней часто такое?

– Романа? Она видела Романа?

– Да.

– Где?

– У его дома.

– Что? А что она там делала?

Рудик почувствовал неладное. Кто этот парень? Почему он устраивает ему допрос? А вдруг своими откровениями он сделает Юле только хуже.

– Эй! Придет в себя, сам и спросишь. Ты сам-то кто и зачем ее выслеживаешь?

– Я Лева, ее друг.

Рудик бросил озадаченный взгляд на скамейку, где лежали торт и бутылка шампанского. Ну, по крайней мере, парень знает, что у Юли сегодня днюха.

– Ладком, помоги мне ее завести домой.

Очнувшись, Юля огляделась по сторонам. Она в своей спальне. Лежит на кровати в одежде. Комнату освещает настольная лампа. Через открытое окно доносятся звуки редко проезжающих по шоссе машин. От выпитого алкоголя болит голова. Как она сюда попала? В памяти мгновенно всплыл образ Роши и той блондинки, что он целовал. Сердце сковало болью и она громко застонала. Аслан не раз показывал ей фотографии Роши с девушками, но воочию она увидела его с другой впервые. Прошло несколько минут, прежде чем Юля смогла осознать, что нужно принять душ и смочить пересохшее горло. Она хотела уже подняться, как услышала чей-то смех, а затем приглушенное бормотание и напряглась. Кто это? Рудик! Она же обещала Рудику ночлег. Как же он узнал, в какой она живет квартире? И кто это с ним там смеется? Он что привел к ней своих друзей?

Юля вышла из спальни и поплелась на кухню. Уже со спины она узнала в сидящем на табурете парне Леву и расплылась в улыбке.

– Лева, – проворковала она, когда он вскочил и обнял ее.

– Юльча, ты напугала меня сегодня до сердечного приступа, – пожурил он и взлохматил ее волосы. – Впервые я осознал, что не знаю ни одной твоей подруги. Кому звонить, если что?.. – она прижалась к нему еще сильнее и он тут же размяк. – С днем рождения, милая.

– Милая? – Юля подняла на него глаза. – Это что-то новенькое.

Рудик с интересом наблюдал за парочкой. Слевой они уже проговорили без малого час. Парень ему понравился. Собранный, серьезный, со своей, пусть и безбашенной философией.

– Почему ты не позвонил?

– Хотел сделать тебе сюрприз, а потом батарейки сели, берёг оставшуюся зарядку для экстренного вызова. А куда звонить сам не знал.

– Торт?! – Юля решила перевести тему разговора.

– Наполеон – твой любимый, мама испекла.

За ночным чаепитием поддерживался спокойный разговор, а когда чашка Юли опустела, Рудик начал демонстративно зевать. Юля сразу раскусила его план и послала ему красноречивый взгляд.

– Хотел остаться сегодня с ночевкой, поболтать с тобой, рассказать новости, но раз ты уже приютила Рудика, то приеду завтра. Ты не возражаешь?

– Нет, но Рудик теперь здесь будет жить, поэтому приезжать придется без ночевки.

Лева бросил изучающий взгляд на Рудика, будто только что его заметил.

– Юля, насколько я понял, вы впервые сегодня провели время. Ты не торопишься с его переездом?

Пока Юля прохаживалась с Рудиком по набережной, в голове у нее зрел план, а сейчас, когда Лева задал свой вопрос, вся схема ее шефства сложилась в единую систему.

– Лева, Рудик мне как брат и тебе сразу нужно это принять как парадигму.

– Во, загнула! – воскликнул Рудик.

– Ему нужно учиться. Ему нужна семья. Настоящая семья.

– О чем ты говоришь, Юльча? – Лева переводил взгляд с Юли на Рудика и по его реакции понимал, что они этот вопрос еще не обсуждали.

– О том, что я буду ходатайствовать об опекунстве.

– Что?! Притормози! – вскочил Рудик. – Я тебя об этом не просил!

– Еще попросишь...

– Черта-с два! – Рудик выскочил из кухни и бросился в коридор.

Через минуту с треском захлопнулась входная дверь.

– Нда... – выдавил из себя Лева и почесал затылок. – Похоже, я все-таки останусь с ночевкой.

– Он вернется, – заверила его Юля.

– Думаешь? Мне кажется, что теперь этот парень будет тебя стороной обходить за пятьдесят метров. Он что, гей?

– С этим я тоже намеренна покончить.

– Ох! Юля, мне кажется, ты слишком много на себя берешь. И что б ты знала, с этим покончить нельзя.

Лева не на шутку разнервничался, а такое бывало с ним очень редко. Причину Юля поймет гораздо позже, но именно в этот момент Лева задумал осуществить аферу всей своей жизни – жениться на Юле. Ей он представит все как сделку, которая им обоим необходима, но на самом деле, у него были далеко идущие планы.

«Step by step», – сказал он себе и расплылся в улыбке.

Еще ничего его так не радовало. Пусть только вернется этот парень... если вернется. Судя по его виду, слова Юли задели его за живое.

Юля помыла посуду, и они с Левой перебрались в гостиную. Она разложила и застелила диван, кто-то же точно будет на нем спать. Наполнила ванну и погрузилась в теплую воду. Было уже почти три часа ночи, когда в дверь позвонили. Юля в этот момент сушила волосы, и дверь пошел открывать Лева.

– Ты все еще здесь? – недовольно выпалил ему в лицо Рудик, бесцеремонно отпихнул его в сторону и влетел в квартиру.

– Вернулся... быстро же ты... я ставил на половину четвертого.

– Я без документов, а на улице полно патрулей.

– Патрулей, значит... ну-ну...

Юля выключила фен и вошла в гостиную, где ее гости кидали друг на друга враждебные взгляды, будто боролись за территорию.

– План такой: мы с Рудиком тусуемся в спальне. Лева ложиться на диван. Он встанет в шесть утра и уедет, – озвучила она обычный распорядок дня Левы.

– Я буду спать на полу в гостиной, – заупрямился Рудик. Весь скукожился, нахохлился и стал похож на подбитого воробья. – Кинь мне какое-нибудь одеяло и мне хватит.

– Спасть мы не будем, – пояснила Юля, – выпьем шампанского – чего добру пропадать – будем болтать. А когда Лева уедет, переберешься на диван. Как тебе такой план?

– Ладком, – бросил Рудик на ходу и нырнул в спальню.

Лева наблюдал за Юлей и не узнавал ее. Явные перемены в ее настроении и поведении произошли именно из-за этого парнишки. Поначалу Лева подумал, а не запала ли на него Юля, но когда она разъяснила положение вещей, то понял, что отношения между ними всегда будут дружескими.

– Давай, Юля-Тигруля, рассказывай свою историю, – Рудик открыл бутылку шампанского и разлил янтарную шипучку по бокалам. Ты сегодня такое брякнула, что теперь я хочу знать о тебе все.

– Обязательно расскажу, но сначала я тебе изложу свой план, а потом будем откровенничать.

– Валяй, – манерно отозвался Рудик, больше он не психовал.

Юля говорила, он, молча, слушал. Иногда на его лице отражались эмоции неприятия, но, в конце концов, под напором аргументов он принимал ее точку зрения, подтверждая еле заметным кивком. Пункт за пунктом Юля излагала свою задумку, которая была не просто масштабная, а грандиозная.

– Планы наполеоновские! – съязвил Рудик, залпом выпил шампанское и покрутил в руке хрустальный фужер. – Вот только они неосуществимы.

– Почему? – удивилась Юля.

– Ты просишь меня послать всех клиентов, но в этот бизнес так просто не попадают. Я плачу сутенеру, а мой уход ему не понравится. Мало того, многие мои клиенты высокопоставленные чиновники и отказы они воспринимают очень болезненно.

– Рудик будет так и никак иначе. Если останешься в том мире – погибнешь, и ты это знаешь. Тебе пятнадцать, ты должен сейчас сидеть за школьной партой с ровесниками.

– Они мне не интересны! Сборище чистоплюев!

– Значит, сдашь экзамены экстерном и получишь аттестат.

– Ты говоришь это так просто, будто от этого у меня в голове что-то прибавится! – взбесился Рудик. – Ты хоть знаешь, сколько лет я филонил? Мне нужно нагонять минимум два года. Уж последний год точно!

– Об этом не беспокойся, все уладим. Если не справлюсь я, найдем репетиторов.

– А деньги откуда? Ты студентка. Я школьник. Дальше что? Мужика у тебя нет. Если ты надеешься на него, – Рудик показал в сторону гостиной, где Лева только что с кряхтением устроился на диване. – То совершенно зря. Он тренер со смешной зарплатой, считай безработный. Кто нас будет кормить?

– Я, – спокойно ответила Юля. – Сейчас я веду бухгалтерию трех компаний, возьму еще парочку. Не волнуйся. Прорвемся.

– Бр-р-р... – Рудик потряс головой, будто смахивает с себя наваждение, – либо я чего-то не догоняю, либо ты прямо гений какой-то.

– Весь секрет в методике. Кстати, всему меня научил Лева, а я научу тебя.

– Ладно, с этим покончили. Поехали дальше. Ты хочешь стать опекуном, но тебе этого не позволят. Не в моем случае.

– Это почему еще?

– Ты не замужем и молодая. С учетом того что случилось у меня с матерью, а я думаю, что Альбина тебе вкратце обрисовала ситуацию, тебе дадут отказ. Уж больно похоже это на повторение, – Рудик показал на кровать с подсветкой, и Юля залилась краской.

Она даже не подумала, что намек на общую кровать может напомнить Рудику его прошлое.

– Давай решать проблемы по мере их поступления и делать то, что от нас зависит, а дальше как сложится, так сложится.

– У меня тоже есть условие, – выпалил Рудик.

Юля допила шампанское и взглянула ему в глаза.

– Если хочешь стать моим опекуном, покажи, что ты тоже двигаешься дальше, а то получается какое-то лицемерие!

– О чем ты?

– Об этом! – закричал Рудик, сорвал брачную фотографию со стены, затем начал скидывать с комода фотографии Романа на пол.

Юля вскрикнула от ужаса и тут же бросилась их подбирать.

– У вас там все в порядке? – спросил Лева и постучал в дверь.

– Все хорошо, – всхлипнула Юля. Алкоголь и выходка Рудика снова вызвали слезы.

– Никаких больше подглядываний за его жизнью! Поняла? – кричал на нее Рудик. – Хватит пилить свое сердце зазубренным ножом! Вместо того чтобы быть счастливой и дарить свою любовь тому, кто в ней нуждается, ты добровольно стала монашкой, а он, между прочим, зря времени не теряет. Ты сама делаешь себе больно.

Пятнадцатилетний парень был прав. Юля это прекрасно понимала, но как она будет жить без уже привычных ей маленьких слабостей? Роша не может быть с ней рядом, но она могла смотреть на него из окон такси. Хотя после того как Юля увидела его целующимся с другой девушкой, она не знала, что ей делать дальше. Ее слезка уже превратилась в манию. Рудик прав, нужно это прекратить и двигаться вперед.

– Хорошо, я принимаю твое условие, – решительно произнесла она и гордо вздернула подбородок.

Рудик подскочил к ней, вырвал фотографии из ее рук и отбросил в кресло. Обнял ее за плечи и выпалил с жаром:

– Юля-Тигруля, а что если ты передумаешь? Устанешь от меня, от моих капризов. Я а ведь очень капризный. Ты же даже меня не знаешь. Может я вор. Может, я заражен смертельной болезнью. Как ты можешь вот так с полпинка решать такие вопросы?

– Ты же видел, какая я была раньше, – Юля показала на брачную фотографию. – А теперь посмотри на меня Рудик, – прошептала она, старательно подавляя слезы. – Хорошенько посмотри. Разве это один и тот же человек?

Сегодня я впервые смеялась, мне было хорошо. По-человечески хорошо. Ты нужен мне, как и я тебе.

Собственные слова ее растрогали. Плотина все же прорвалась и Юля снова не удержалась от слез. Наверное, это самый слезливый ее день рождения за двадцать два года. Рудик прижал Юлю к себе и стал успокаивать. В голове вертелись тысячи мыслей. Все они только нагнетали страх и недоверие, но дрожащая в его руках девушка, которая сейчас больше походила на тень, вопреки всем сомнениям давала ему надежду на будущее, которого, по его мнению, он был недостоин.

С этого дня жизнь потекла совершенно по другому руслу. Давая согласие на план Юли, Рудик даже не мог себе представить, с каким противостоянием он столкнется. Казалось, против них сговорились все. То, что у него будут проблемы в гейской тусовке, он понимал и уже готовился их решать, а вот то, что от них отвернутся друзья, Рудик никак не ожидал. Даже в группе на них смотрели с опаской.

Минимум раз в месяц Рудика подлавливали в разных местах и жестоко избивали. Поводом для расправы всегда был отказ обслужить элитного клиента. Юля везла его в больницу, ждала конца процедур, а потом терпеливо выхаживала дома.

Когда они попали в больницу в первый раз, она заставила его сдать все возможные анализы. Тогда с него столько выкачали крови, что глядя на кучу заполненных пробирок Рудик упал в обморок прямо в процедурном кабинете.

Рудик ее не обманул, в быту он оказался очень капризным, то Юля не в ту кружку кофе налила, то слишком много масла или майонеза в салат добавила. Покупать без него вещи было самой большой ее ошибкой. У Рудика был безупречный вкус, и Юля попадала под шквал критических замечаний. Только через три месяца Юля приспособилась к его привычкам. В этом вопросе она решила проявить титаническое терпение и создать ему в доме уют и комфорт. Но между ними все равно часто возникали конфликты, главной причиной которых были ее прикосновения. Юля могла погладить его по спине или потереть волосы. В такие моменты Рудик напрягался, улыбка сползала с лица, уступая

место брезгливой гримасе. Позже Юля узнала, что то или иное действие у него ассоциируется с матерью и, конечно же, старалась контролировать свои порывы.

Основное время Рудик тратил на учебу. Каким-то чудом Юля раздобыла документы через знакомых – целую кучу справок и направлений – и устроила Рудика в престижную школу с языковым уклоном. По результатам тестирования, к которому они тоже с Юлей готовились вместе, его определили с детьми на два года младше, но и здесь Рудик проявил твердость и вытерпел все насмешки. А дома занимался с еще большим усердием, чтобы сдать все предметы экстерном.

Лева посещал их чуть ли не каждый день. Помогал по хозяйству, ездил на рынок и в магазины. Он добровольно возложил на себя обязанности по физической подготовке Рудика и стал обучать его каратэ. Сначала у Рудика ничего не получалось, он психовал, хлопал дверьми, сбегал из дома. Но благодаря опыту Левы в общении с трудными подростками, дело быстро наладилось. Уже через два месяца Лева отвел Рудика в спортивный клуб и записал в секцию, которой руководил один из его учеников.

Войдя через три месяца в кабинет психолога, Юля ожидала чего угодно, но только не отповедь с ультиматумом. Уже с порога она заметила, как раздражена Альбина и почуяла неладное. Что не так? Вроде Рудик всем доволен.

– Ты хоть понимаешь, как тонка для Рудика грань в отношениях с женщиной? – бушевала Альбина. – Его предал самый близкий ему человек. Каким-то чудом он впустил тебя в свою жизнь, а ты спишь с ним в одной постели! Ходишь по улице, держась с ним за ручку. Ты хоть понимаешь, что это прямой посыл к тем отношениям, от которых он сбежал. Уму непостижимо! Как ты могла, Юля? Не думала, что именно с тобой у меня возникнут такие проблемы.

– Все в порядке, Альбина. Все ошибки мы совершили в первый же день, а потом притерлись и заняли нужную нишу в жизни друг друга. Мы близки, но не так как ты подумала.

– Он перестал ходить ко мне на сеансы, а для него это был единственный шанс справиться с его проблемой.

– Ему некогда. Он вернулся в школу. Экстерном сдает экзамены, чтобы последние два года учиться со своими ровесниками. После школы у него тренировка. К тому же я таскаю его по врачам. У Рудика выявилось хроническое заболевание легких. Мне нужно привезти его к зиме в норму, иначе бронхит или воспаление легких ему гарантированы.

Альбина выпучила глаза и чуть не задохнулась от негодования.

– Мне кажется, что мои слова ты восприняла слишком буквально. Он твой подшефный, а не сын. Насколько я поняла, ты полностью его обеспечиваешь. Ты не должна решать за него проблемы, ты должна показать путь и помогать, наблюдая за тем, как он это делает сам.

– Он все делает сам, – пожала плечами Юля. – Я не хожу за него в школу, не сдаю за него экзамены. У него свои обязанности по дому. Но ему пятнадцать! Как, по-твоему, ему себя обеспечивать? Не понимаю, почему ты злишься?

– Очень плохо, что не понимаешь, Юля. Я ведь все тебе предельно ясно объяснила. Рудик сам выбрал самостоятельную жизнь. Он клялся мне, что только так он выживет. Я помогала ему найти легальную работу, но он выбрал путь ночной бабочки. Я дала ему шанс, но он меня подвел. Ты тоже меня подвела, – Альбина тяжело вздохнула и выдала свой приговор. – Мне придется снять тебя с шефства.

– Что? Ты не посмеешь! Я столько для него уже сделала!

Альбина помотала головой.

– Юля... мне больно это говорить, но ты не можешь с ним больше видеться, если ты слушаешься, я буду вынуждена подать жалобу, и Рудика снова заберет служба опеки.

Юле казалось, что у нее повторно выбили почву из-под ног. Сначала у нее забрали Рошу, теперь хотят отнять Рудика. Мало того что она не понимала истинных причин негодования Альбины, так и не могла допустить, что Рудик снова окажется на панели. Она дала ему обещание, что не бросит его, что не испугается трудностей. Так что же ей делать?

Приехав домой, Юля обнаружила на кухне Леву. Аромат мясного рагу дразнил уже в прихожей.

– А Рудик где? – спросила она разуваясь.

– Сказал, что будет через час.

Рудик принципиально не отчитывался куда идет, но снисходил до обозначения времени своего возвращения. Юля сняла плащ и прошла на кухню. По ее мрачному виду, Лева понял, что что-то случилось. Он сел на табурет напротив и спросил:

– В чем дело? На тебе лица нет.

Юля рассказала о разговоре с психологом. Изложила свои сомнения и опасения. Объяснила, что она настроена решительно идти до конца, и будет биться за Рудика до последней капли крови.

– Ни с кем биться не надо, – спокойно сказал Лева. – Позвони психологу и назначать встречу на завтра. Пойдем к ней втроем и объясним свои намерения.

Юля уставилась на друга непонимающим взглядом.

– Юльча, тебе нужно оформить опеку, а мне уже во второй раз зарубили визу. Трижды я возвращался с большой просрочкой и мне вчера напрямую сказали, что боятся, что я вообще больше не вернусь. И вот что я по этому поводу предлагаю: мы регистрируем брак. Подадим заявление на совместную опеку Рудика, а как только ситуация разрешится, я снова уеду в Китай. Как тебе такой план?

На кухне воцарилась тишина. Юля изучала непроницаемое лицо Левы, как музейный экспонат. Кажется, Роша заразил их своим авантюризмом, раз они уже не могут мыслить по-другому. С другой стороны, Юля и предположить не могла, что все может решиться так просто. Ведь Лeve она доверяла как самой себе.

– Одно но... Альбина сразу поймет, что это фиктивный брак. Она же и мой психолог.

– А мы не будем от нее это скрывать. Все предельно ясно. Но пусть она в нашем присутствии посмотрит Рудика в глаза и скажет, что такое предложение выхода из ситуации не вариант. Это не ты спасовала, это психолог вставляет вам палки в колеса.

– Рудик разорвет ее как Тузик грелку.

– Ну и пусть, – Лева пожал плечами и усмехнулся. – Не наша проблема.

Он выключил конфорку на плите, повернулся к Юле.

– Понятно, что психолога смущают ваши обнимашки и держания за ручку. Это довольно интимные жесты. Меня это тоже поначалу смущало, но потом я понял, что вам обоим нужно чувствовать присутствие друг друга. У вас забрали самое дорогое, и теперь вы боитесь потерять то, что есть. Но ты должна понимать и тех, кто на вас смотрит. Для них ты совратительница.

Юля вздрогнула и покраснела.

– Именно это скажут в твой адрес, если ты еще раз возьмешь его за руку.

– Значит, никого не волнует, что он занимается проституцией в самом центре Москвы, но если я возьму его за руку, я – растлительница?

– C'est La Vie⁸.

– Дрянная жизнь, – буркнула со злостью Юля и ушла в спальню переодеваться.

– Какая есть и другой не будет, – бросил ей вслед Лева.

Когда она переделалась и вышла в гостиную, Лева продолжил разговор:

– Юльча, и еще тебе нужно решить вопрос с его кроватью. Найти решение нужно до посещения психолога.

– Как? Он не может спать на диване, там неудобный матрас. На полу жестко и гуляет сквозняк, а у него слабые легкие.

– Поменяй квартиру, – предложил Лева. – У него должна быть своя комната и никакой больше ночлежки вдвоем. Я знаю, когда ты держишь его за руку, он быстро засыпает. Он сам мне это говорил. Но Юльча, психолог в этом вопросе совершенно права...

Ноги подкосились, Юля плюхнулась на диван и оглядела комнату. Неужели ей придется съехать? Но ведь квартира – единственное напоминание о жизни с Рошей. Она прошла через столько испытаний, но не сломалась, не съезжала.

Будто прочитав ее мысли, Лева сел рядом перед ней по-турецки и с нежностью в голосе сказал:

– Юльча, он не вернется. Ты напрасно тешишь себя надеждой.

Юля опустила голову и всхлипнула. Как же ей не хотелось уезжать!

---

⁸ C'est La Vie (фр.) – такова жизнь.

А потом Лева выдал такую новость, от которой у Юли волосы встали дыбом:

– Он много перебрал девчонок за то время пока вы не вместе и, похоже, определился, – Юля вздрогнула. Лева накрыл ее руку своей рукой и слегка сжал. – Ее зовут Снежана, они знакомы давно, встречаются уже больше года. На днях он сделает ей предложение.

«Так вот кто это была с Рошей! Блондинка по имени Снежана!», – подумала Юля.

Откуда такая информация Юля не стала спрашивать. Резкая боль сдавила грудь и несколько минут она толком не могла вздохнуть, а когда пришла в себя, подняла на Леву глаза и тихо произнесла:

– Я выйду за тебя, Лева и мы отвоюем Рудика. Ты pomoжешь нам перебраться на другую квартиру, а потом уедешь в Китай.

Лева кивнул, лицо его не выражало никаких эмоций, но в душе была такая радость, что впервые он чуть не сгреб ее в объятия и от переизбытка чувства не поцеловал по-настоящему.

Юля набрала номер телефона психолога и, услышав ее напряженный голос, спросила:

– Альбина, ты можешь принять нас завтра?

– Нас? – переспросила психолог.

– Меня, Рудика и еще кое-кого...

Наши дни

Утром Юлю разбудил телефонный звонок. Вынырнув из сна, она потерла глаза и громко застонала. Сегодня она планировала выспаться и поставила будильник на два часа позже обычного. Рука потянулась к прикроватной тумбочке. Взглянув на дисплей телефона, Юля нахмурилась – незнакомый городской номер. К таким номерам она относилась с большой опаской. Телефон не умолкал, и Юля все же нажала на кнопку «Принять».

– Алло, – прохрипела она сонным голосом.

– Можешь приехать? – не здороваясь, спросил до боли родной голос.

Юля резко вскочила с кровати и уставилась в собственное отражение в зеркале. Она мгновенно проснулась и запылала. Прошло две недели с момента их разговора в клинике.

– Зачем?

– Нужно поговорить, расставить все точки над «і».

– Ты уже расставил, сказав, что Роши больше нет.

– Есть нерешенные вопросы. Через сколько сможешь приехать? – казалось, он не слышал ее «нет».

Роману такое поведение было несвойственно, и Юля подумала, что возможно есть проблемы, связанные с клиникой или оплатой за лечение, которые он хочет с ней обсудить.

– Смогу быть через час, – она бросила быстрый взгляд на электронный будильник. – От меня до клиники не ближний свет.

– Я не в клинике. Я дома. Так ты приедешь?

Юля плюхнулась на кровать как подкошенная.

«Он вернулся к жене!», – пронеслось в ее голове.

Эта мысль настолько подкосила ее, что лишила дара речи. Она чувствовала, что он одумается и вернется к семье. То, что произошло у нее на дне рождения, было просто необдуманной безумной вспышкой. Криком души. Сейчас он снова для нее недосыгаем.

– Алло, Юля, ты здесь?

«Юля! Теперь я для него Юля!», – разозлилась она.

– Да, я слушаю, и нет... я не поеду к тебе домой...

– Ю...

Юля разъединила связь. С раздражением отбросила телефон и ушла в ванную. Ее всю трясло от злости. Она вдруг представила, как он занимается любовью с женой, и ее затопила ревность. Зачем он ее мучает? По его мрачному настырному тону, Юля поняла, приедь она к нему домой, ничего хорошего Роман бы ей не сказал.

Тело ее не слушалось, казалось, она не соизмеряла движения и габариты предметов: стукнулась локтем о стену, когда намыливала себя в душе и ногой о дверцу шкафа. Да так больно, что взвыла и несколько минут потирала

ушибленные места. Завтракала в спешке. Кровь все еще кипела в ее жилах. Румянец заливал щеки. Движения были отрывистые и нервные. Звонок Романа выбил ее из колеи. В памяти всплывали его страстный шепот и настойчивые ласки в ту роковую ночь. Открыв ноутбук, Юля нашла несколько сообщений от Ярика о дате свадьбы и подтвердила ближайшую. Все! Пора ставить большую жирную точку! Им не быть с Романом вместе. Никогда не сбудутся ее мечты и фантазии.

Когда она вернулась в спальню, увидела три пропущенных вызова с того же номера, сердце все еще билось в бешеном ритме, дыхание никак не восстанавливалось. Боже, как же это трудно! Юля с минуту смотрела на телефон, но поразмыслив, перезванивать Роману не стала.

Позже, сидя в служебном «Бентли», Юля сжимала мобильный телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. Ее одолели сомнения. Может, не нужно было быть такой категоричной? Ведь наверняка Роману сейчас приходится туго. Врачи докладывали ей о сильных болях, а от морфина и других подобных препаратов он сразу отказался. Дрожащей рукой она набрала его номер и застыла в ожидании. Ответа нет. После восьмого гудка она сделала вывод, что вмешалась сама судьба и подтолкнула ее к правильному выбору.

Теперь это точно конец их истории... их связи... их любви...

Вечером, вернувшись с работы, Юля приняла душ, облачилась в джинсы и футболку и спустилась на кухню. После легкого ужина, она планировала походить на беговой дорожке под любимые песни Мины, но в ее планы вторглась жена Романа. Позвонил консьерж и спросил, ждет ли Юля некую Снежану Воронцову. Юля закатила глаза к потолку и с неохотой дала разрешение пропустить незваную гостью. С ней вместе зашел охранник, но Юля знаком дала понять, что все в порядке.

Снежана запыхалась, выглядела возбужденной, будто бежала по лестнице.

– Где он? – без предисловий гостья начала проверять каждую комнату.

– Смотря кого ты ищешь. Если Ярика, то он в Доминикане. Если своего мужа то ошиблась адресом.

Юля поняла, что в семье Романа не все гладко, хмыкнула и вернулась на кухню. Проверив первый этаж, Снежана взлетела по лестнице в приватную часть квартиры и начала шнырять в спальнях и гардеробных. Юля прокричала ей:

– И как, по-твоему, он туда забрался?! На руках?! – она даже не пошевелилась, предоставляя обезумевшей сопернице полную свободу.

Через пять минут Снежана вернулась и с отрешенным видом плюхнулась на барный стул.

– Прости, Юля. Прочитав его записку, я просто обезумела, – тяжело вздохнула Снежана и всхлипнула. Вид у нее был измученный. Потом показала на лестницу и добавила: – Я рада, что у вас с Яриком все наладилось. Детская просто изумительная. Значит, девочка?

Юля кивнула.

– Это здорово, я тоже хотела дочку.

Юля понимала, что ворвавшись в спальню и мужскую гардеробную, Снежана мгновенно остыла. Ведь вещи Ярика были буквально везде. Казалось, нет угла, который бы он не пометил.

– Что случилось? – спросила Юля уже более дружелюбным тоном.

– Я вернулась домой с сыном от родителей. Ромы нет. На столе записка. В ней он извиняется, что был плохим мужем, что причинил мне много хлопот и боли. Но после комы он многое переосмыслил и теперь намерен жить, так как считает нужным. Он написал, что пока не готов никого любить и не хочет, чтобы мы его таким запомнили. Поэтому уходит.

– Не написал куда?

Снежана покачала головой.

– Как он мог уйти с параличом ног?

– Его забрала специальная медицинская служба. Соседи видели логотип. Я нашла водителя, который его забирал из дома. Он сказал, что довез Романа до аэропорта.

– Значит улетел...

Теперь Юля понимала, для чего он ее звал. Хотел сказать то же самое что и жене, мол, пока я никого любить не могу.

И тут Юля прозрела!

– Если ты знала, что он улетел, зачем сюда прискакала?

Снежана сощурилась и сжала губы.

– Вернувшись домой, я подумала, а вдруг вы разработали какой-то хитроумный план. Ведь вы не раз всех дурачили, – пронзительный взгляд Снежаны сверлил Юлю как буравчик. Вы виделись после того раза?

Юля помотала головой.

– Он дал мне понять, что Роши больше нет. А того кто вместо него, я не знаю. Какой смысл во встречах и разговорах?

– Ты говоришь правду, – констатировала Снежана и тяжело вздохнула.

Юля хохотнула и спросила:

– Не хочешь поработать у меня в банке детектором лжи?

Женщины засмеялись и напряжение сошло.

– А знаешь? – Снежана шутливо стукнула ее по руке. – Если бы у вас после развода сложились отношения как у брата и сестры, ты была бы моей лучшей подругой. Ты мне нравишься. Я даже сказала это Роману, когда вы ушли с Яриком в тот первый день.

«Если бы мы остались братом и сестрой, то в его жизни ты бы точно не появилась», – подумала Юля, а вслух сказала:

– Может быть...

Дальше завязался чисто женский разговор. Юля запекла в духовке мясо с овощами. Откупорила бутылку вина и налила Снежане полный бокал.

– Давай, Снежана, выпей и выдохни.

Пока они ели и вели непринужденную беседу, позвонил Ярик. Узнав, что она ужинает с женой брата, и по какому поводу, он с одной стороны был приятно удивлен, с другой – расстроен. Куда рванул этот слизняк? Что задумал? На душе стало тревожно. Нужно найти его, во что бы то ни стало. Ярик посочувствовал невесте, съязвил, что навряд ли со Снежаной вечер будет приятным, скорее она напьется и будет слезы лить и собственно был недалеко от правды.

– Откуда ты знаешь Ярика? – спросила Юля, когда попрощалась с женихом и вернулась на кухню. – Он и твою маму знает.

– Наши отцы учились вместе. В детстве у нас были дачи по соседству. Но дружила я не с Яриком, а с Саввой. Ярик сбежал из дома еще подростком. Он

чокнутый был с детства, – Снежана тут же осеклась и прикрыла рот рукой, – ой, прости, я что-то не то сказала.

«Так вот откуда Роша узнал про странности Ярика!» – подумала Юля.

Махнув рукой, она старалась выглядеть, как можно убедительнее.

– Да я все знаю о нем. Я же семь лет на их семью работаю.

В следующий час Юля узнала все о детстве Саввы и Ярика. Все их проделки и проказы, сплетни, какие ходили о Ярике, в связи с его пристрастием. Когда тема была исчерпана, а в бутылке почти уже ничего не осталось, Снежана перешла к своей семейной жизни и Юля тут уже напряглась. Это было как ударом под дых. Уж, не ради этого ли она приехала?

Снежана рассказала, что познакомилась с Романом сразу после их с Юлей развода. Когда Петр женился, а Снежана осталась с разбитым сердцем, к ней приехал Роман и предложил «встречаться». Он объяснил, что все вокруг с ума посходили, хотят его познакомить со своими дочерьми, сестрами и племянницами. Он уже устал отбиваться. А как только Снежана встретит кого-то, то они якобы расстанутся. В итоге она получает возможность видеть Петра, ведь компания у них общая, а Роман девушку, после чего от него все отстанут.

Как же это было похоже на Романа. Юля усмехнулась.

– В таком режиме мы продержались целый год. Он говорил, что не готов к отношениям. Ты ему мерещишься в каждой рыжеволосой девчонке. А так это и было, поверь, – Снежана поковыряла овощи вилкой. – Однажды он бросил меня на вечеринке только потому, что якобы увидел тебя и побежал за такси, не успел, потом помчался вдогонку на другом такси, но это оказалась не ты.

– К чему такие сложности? Он мог прийти в квартиру, в которой мы жили и поговорить.

– Он приходил, но соседка сказала, что ты съехала.

Юля обомлела. Если это та о ком она подумала, то завтра же ей позвонит и все выскажет. Только одна единственная женщина в их подъезде знала, что на самом деле произошло между братом и сестрой. Это она пришла в поиске лекарства и помешала ей совершить чудовищную ошибку. Видимо она и солгала Роману, чтобы перекрыть ему дорогу назад. Юля почувствовала, как холодеют руки. Она уже ненавидела всех, кто стоял на их с Романом пути. И, конечно же,

Снежану, что так беззаботно говорит о ее горе. Она даже близко не понимает, что им с Романом пришлось пережить.

– Родители твой адрес не давали, но тоже подтвердили, что с квартиры ты съехала. Сказали, что институт ты бросила и пошла работать. Никто из общих знакомых не знал где ты. А Лева как сквозь землю провалился.

«Лева снова уехал в Китай», – подумала Юля, но вслух озвучивать не стала.

– Он всегда был повернут на тебе, но после года стало еще хуже. Как-то раз он из машины увидел девушку похожую на тебя и каждый день в одно и то же время околачивался на той станции метро. Потом кто-то сказал, что ты учишься на одном курсе с чьей-то дочерью, и он ходил по институту и выискивал тебя. К концу второго года я поняла, что Петр не разведется. Хотя он мне обещал и тешил надеждой, – Снежана взглянула на Юлю опьяневшими глазами. – Вот тогда я и полезла туда, куда не надо. Мне хотелось, чтобы и меня тоже так любили. Дуре бы подумать, что такая любовь один раз и навсегда, так нет же, возомнила о себе черте что, и начала обрабатывать Романа. Издалека. Чтобы не спугнуть. К тому времени мы уже привыкли друг к другу. Перезванивались даже если никуда не шли вместе.

Юля заерзала. Ей неприятно было слышать, как Снежана пускала в ход свои чары.

– На обработку ушло еще полгода. К тому времени Роман уже открыл компанию с друзьями, начал хорошо зарабатывать и у него появились девушки. Не такие робкие, как я. Вот тогда-то мне мама мозги и вправила. Мол, ты за ним сопли подтирала почти два года, а какая-то вертихвостка сейчас придет на все готовенькое и заберет. И я пошла в атаку. Никогда так не старалась, даже с Петром, – Снежана хихикнула, а Юлю прожгло от ревности. – Если б я знала куда лезу, ни за что и никогда, – замотала головой Снежана. – Мы долго встречались уже по-настоящему. Потом он сделал предложение. Но со свадьбой Роман все время оттягивал, чего-то ждал, сомневался. Еще год жили без регистрации и только потом подали документы в ЗАГС. После свадьбы мы поехали на Канары.

Снежана назвала отель и начала беззаботно рассказывать о сервисе и пляже. А Юля ухватилась за кухонную столешницу, чтобы не упасть. Это был тот

самый отель, где они с Рошей провели свой медовый месяц. Челюсть сомкнулась, заскрежетали зубы. Зачем он ее туда повез?

– Настроение у него с каждым днем было все мрачнее. Началась бессонница. Потом ночные кошмары. Во сне он выкрикивал твое имя. Мне это осточертело и я начала скандалить. Он просил прощения, но все продолжалось снова. Он стал нервным, дерганным. Злился по любому поводу. Я его откровенно раздражала. И тогда мы поговорили. Он сказал, что чувствует себя предателем.

Слушать о страданиях Романа было совсем не просто. Видя ее реакцию, Снежана округлила глаза и спросила:

– Ты что ничего не знала?

– Нет, – честно призналась Юля. – От кого бы я это узнала. С родителями я не общалась. Из общих друзей только Лева, но из него же тисками слова не вытянуть.

– С Левой они разодрались.

– Как это? – удивилась Юля.

Вот это да! Лева ничего ей про драку не говорил.

– Из-за тебя, – пояснила Снежана. – Лева в разговоре проговорился, что видится с тобой. Роман ему запретил, но потребовал твой адрес и телефон. Лева отказался, толкнул речь, что вы разведены, что Роман больше на тебя не имеет никаких прав и что теперь для него дорога открыта.

Голова закружилась, Юля чуть не нагнулась со стула.

«Дорога открыта? Что еще за черт? Так Лева с самого начала все-таки рассчитывал на что-то большее!», – подумала Юля.

Ей-то казалось, что Лева только однажды поддался порыву, а выходит она ошибалась!

Снежана допила вино и потрясла над бокалом пустой бутылкой.

– Еще открыть?

– Нет, – гостья икнула, но потом тут же передумала, – а хотя, давай! Так вот... дело к тому времени дошло до развода. А потом я забеременела. После родов все как-то поутихло. Он видимо смирился. Нет, вру, – Снежана встрепенулась, вспомнив еще один эпизод. – Уже после рождения сына был тот клип, где ты снималась у какого-то испанца, – Юля кивнула и покраснела, ей и в

голову не могло прийти, что Роман мог увидеть этот клип. – Тогда он тоже с катушек слетел. Уехал якобы в Италию с партнерами на какую-то конференцию, а позже я узнала, что он был в Барселоне. Приехал злой как черт, так я догадалась, что он тебя не нашел.

Юля откупорила вторую бутылку вина и снова наполнила бокал Снежаны.

– Отцовских чувств хватило только на пару лет. А потом началось настоящее безумие.

Юля напряглась. Что еще за безумие?

– Женщины... много женщин. И не все из них приличные. Я бы даже сказала, что в основном неприличные. Мы скандалили. Он говорил, что только так может хоть ненадолго тебя забыть. Просил прощение. Я дура прощала. Не надо было. Но... чего уж там... – Снежана всхлипнула и вытерла накотившую слезу. – А однажды я увидела в ресторане мужа с какой-то малолеткой. Он сказал, что она из малоимущей семьи, что встретил ее в проекте, которым занимается его благотворительный фонд. Что он просто пытается ей помочь и дал работу. Я бы поверила, если бы не ее внешний вид. Волосы у нее были такого же цвета как у тебя. Личико миленькое, но на тебя не похожа. Так он вцепился в нее мертвой хваткой. Опекал. Оплачивал счета. Я ворчала, грозилась найти ее и всыпать, как следует, а потом нашла ее снимки у него в столе.

Юля вздрогнула и взглянула на Снежану. Лицо женщины перекопилось от боли. Юля даже побоялась спросить, что она там увидела и терпеливо ждала, пока Снежана настроится на продолжение истории.

– На всех снимках она обнаженная, – продолжила Снежана после паузы. Она сжала кулаки. Лицо исказилось в мучительной гримасе. – Тело совсем еще юное. Интимные места прикрыты ладонями. Взгляд стыдливый, но полный любопытства и нежности. А на одной из них я увидела его часы на тумбочке. Это он ее снимал. Этот гад ее трахал, а потом снимал.

– Господи! – Юля передернула плечами.

– Вот тогда я решила подать на развод. А на следующий день пришел Ярик. Я не поверила своим ушам и глазам. Передо мной будто стояло мое спасение. Он был так счастлив, что я не сомневалась, что он влюблен. Он сказал, что хочет сделать тебе сюрприз. Что готовится к свадьбе и его целью является

твое примирение с семьей. И я подумала, а чем черт не шутит! – Снежана хохотнула искаженным от вина голосом, а потом мрачно добавила: – Вот черт и пошутил...

Проводив гостью, Юля долго не могла заснуть. Каждое слово Снежаны отзывалось в сердце болью. Она представляла ту рыжеволосую девчонку-малолетку, ее снимки и как он их делал. Подмена любви, или как Юля называла свой собственный опыт «клонирование», еще никому не принес облегчения. Значит, Роман проходил через тот же ад, что и она. Теперь, сопоставляя рассказ Снежаны с ее собственными переживаниями, Юля чувствовала и его боль. Понимала ее природу. С Джанлука она продержалась два года только потому, что своей ранимостью и способностью оголять свои чувства он напоминал ей Рошу.

На следующий день после обеда Юлю вызвал босс. Обсуждение рабочих вопросов было как раз в разгаре, когда ему кто-то позвонил на личный мобильный телефон. С опаской, но все же босс ответил на звонок и Юля поняла, что он не знает звонившего.

– Какой доктор? – насторожился Дмитрий Юрьевич. – Так... да, я помню...

Вид у Дорофеева был испуганный, он бросил на Юлю короткий опасливый взгляд и продолжил разговор.

– Я не понимаю... чем я-то могу... что? – старший Дорофеев вскочил как ужаленный. – Что?!

В панике он выбежал из кабинета и прокричал секретарю, чтобы позвали Савву. Вернувшись в кабинет, босс нервно расхаживал вдоль окон и теребил волосы, которые теперь торчали у него во все стороны.

– Как же вы допустили такое?! – взревел Дорофеев.

Юля вскочила на ноги, что-то случилось с Яриком! Савву она встретила побледневшая и испуганная. На его немой вопрос пожала плечами и жестом показала, что сама ждет объяснений.

Закончив разговор, Дмитрий Юрьевич как подкошенный свалился в кресло и схватился за сердце.

– Пап! Что? – подскочил к отцу Савва.

– Ингрид мертва...

В следующие три часа Юля пережила апокалипсис. Все началось с известия о смерти Ингрид, а закончилось тем, что Юля не смогла бы себе представить даже в страшном сне.

По словам врача после пятого сеанса психотерапии, когда стало понятно, что Ярик уверенными шагами продвигается вперед, Ингрид стала вести себя неадекватно. Сначала капризничала по любому поводу, потом откладывала сеансы, затем сказала больно. Все понимали, что девушка не хочет заканчивать отношения со своим нанимателем и всячески препятствует процессу.

Ярик пошел к ней объясниться, но вдруг вызвал тайку, а это происходило только тогда, когда он занимался с Ингрид скарфингом. Психотерапевт тут же решил это предотвратить. Подошел к комнате Ингрид, постучал и прислушался. Никто ему не открыл. В комнате он услышал возню и громко прокричал, что прежние их отношения отбросят назад все старания и придется все начинать сначала. А через полчаса из комнаты выскочила Пен-чан и побежала собирать вещи.

Врач бросился за ней, а она посоветовала ему бежать, как и всем слугам. По ее отрывистым объяснениям он понял, что Ингрид уговорила Ярика на то, чем они обычно занимались, якобы в последний раз. У них была серия знаков-позывных, которыми они обменивались, пока были в сознании. Что-то вышло из-под контроля, и Ярик задушил девушку. Реанимация не помогла, хотя оба – Ярик и тайка – прошли специальную подготовку и были опытны в этом вопросе. Сердце девушки запустить так и не удалось.

Савва быстро собрал вещи, вызвал машину и приказал подготовить самолет, но в этот момент Ярик сам вышел на связь. Это был видео-звонок из его кабинета. Он был пьян, но все соображал. Руки тряслись. Лицо было красным. Когда он озвучил свое решение, кабинет босса взорвался истошными криками. Больше всех кричал отец. Старший Дорофеев давал сыну подробные инструкции, что нужно сделать дальше, но тот его не слушал.

– Прислугу я рассчитал и отпустил. Тело Ингрид отнес в гостевой домик. Напишу завещание и положу его в сейф, – Ярик продиктовал шифр от сейфа

брату и тот записал в телефон. – Оболью нас бензином и подожгу к чертовой матери.

К горлу подкатил комок. Юля ахнула, вспомнила свой сон и заплакала.

– Нет! Ярослав! – закричал отец. – Ты этого не сделаешь!

– Я не буду больше бегать! И не сяду в тюрьму! – орал Ярик как дикарь. – Это логический конец моей чертовой жизни! Я должен взять ответственность на себя! Это я ее задушил!

– Это не ответственность! Это самоубийство! Ты же презираешь таких людей! – парировал ему брат. – Яр! Ты сильный! Ты справишься. Яр! Не смей этого делать! Ты скоро станешь отцом! Ты ведь ждешь этого ребенка!

– И кем меня будет считать дочь? Убийцей? Душителем?

– Яся! – вклинилась в разговор Юля, и Ярик только сейчас заметил, что она в кабинете.

– Тигруля, – выдохнул он, – прости... тут такая маза... черт... вляпался по полной... Хотел как лучше... а сделал как всегда.

– Яся, – уже тверже повторила Юля, и он поднял на нее глаза, – Это несчастный случай. Да, ты несешь за него ответственность, и теперь у тебя будет еще один повод преодолеть свой порок. Ты сделаешь, как сказал отец. Укроешься в безопасном месте и дождешься нас с Саввой. Мы сделаем, как и планировали. Я буду с тобой. Какая разница, на какой вилле!

– Нет! Тебе нельзя сюда лететь! – закричал Ярик, но потом смягчился, погладил экран, глаза увлажнились. – Тигруля, ничего не помогло, понимаешь? Я принял такое решение, потому что ничего не помогло. Тебе сейчас ко мне подходить даже близко нельзя. Потому что Ингрид мертва, и я сделаю это с тобой! Если бы ты знала, сколько раз я чуть не сорвался, то не уснула бы ни на минуту рядом со мной. Каждый раз, когда мы были вместе, мои руки тянули к твоему горлу. Черт! Это было выше моих сил! Именно Ингрид давала мне возможность быть с тобой счастливым. А без нее ты думаешь, меня Лима остановит? Нет! Я больной сукин сын! Ничто мне не поможет. Да, я сказал этому психу, что типа мне лучше. Потому что он просто мозг мне вскрыл, – он замотал головой.

– Яся, пожалуйста, – лицо Юли было залито слезами, ее так сильно трясло, что зуб на зуб не попадал, – вернись домой. Вернись ко мне.

– Нет, Тигруля, если хочешь жить, не проси меня об этом. Мое желание быть с тобой... очень велико. Я сорвусь, доберусь до того о чем мечтал последние четыре месяца. Но если я хоть раз это сделаю, я убью собственного ребенка! Я все решил! Я должен уйти с Ингрид!

Юля выбежала из кабинета и побежала к себе. Она была намеренна вызвать полицию на виллу, пусть его арестуют, лишь бы ему помешали сделать то, что он задумал. Телефон Рудика не отвечал. Юля злилась. Почему когда он так нужен, его нет. Когда она дозвонилась до полиции, то узнала что тот самый психотерапевт уже сидит в участке и дает показания, а на виллу уже выехали представители всех служб.

Вернувшись в кабинет, Юля застала гробовую тишину. По лицам Дорофеевых она поняла, что убедить Ярика отступить им не удалось. Оставалась надежда, что его кто-то остановит. Юля пыталась связаться с Яриком, но Савва сказал, что он покинул виллу и пошел в гостевой домик. Савва в любом случае решил лететь, а Юле приказал присмотреть за отцом. Дмитрий Юрьевич плакал как ребенок, приговаривал: «Ярик... Ярик... Ярик» и постоянно потирал грудь в области сердца.

Трагическая новость о гибели брата застала Савву в воздухе. Ему позвонила жена. Дмитрия Юрьевича увезла из банка «Скорая помощь» – у него инфаркт. Юля поехала с ним в больницу. Отца вроде откачали, но прогноз неутешительный. Моральный дух его сломлен, он сник и ни на что не реагирует.

Савва пытался дозвониться до Юли, но не смог пробиться. Ему приходили от нее автоматические уведомления «Я сейчас занята, но как только освобожусь, перезвоню вам». Он смотрел в иллюминатор и, вспоминая последние слова брата, тихо плакал.

«С Юлей я будто увидел свое будущее. Это как заглянуть в параллельную вселенную и нажать на ускоренную перемотку. Жена, дочь – ее маленькая копия, наш дом. Я знаю, что любил бы делать, как отдыхать и с чего бы начинался мой день. Это единственное что я унесу с собой. Остальное все неважно. Мышиная возня».

Старшего Дорофеева определили в реанимацию. Юля ждала в комнате отдыха, куда к ней приходили врачи и родственники Дорофеевых, которые жужжали над ней как улей, пытаясь выведать хоть какие-то подробности. Она отвергала версию в самоубийство. Ярик точно убежал, скрылся, спасся. Он затаился где-то там и ждет прилета Саввы. Он ведь не из тех, кто уходит из жизни добровольно. Именно за это он критиковал Романа, говорил, что тот хлюпик, не может вынести стресс.

Через айпад Юля смотрела по центральному доминиканскому каналу новости, где показывали горящий гостевой домик на вилле Дорофеевых и во всех красках комментировали интервью психотерапевта, которое тот дал на серокаменных ступенях полицейского участка. Он не сказал о пристрастии младшего Дорофеева к удушению, но явно дал понять, что у него были проблемы, с которыми он намеревался разобраться до вступления в брак.

Пожарные машины с двух сторон заливали огонь пеной. Картинки менялись одна за другой. Вид с вертолета. Вид с подъездной дорожки, ведущей от шоссе к вилле. Юля вспомнила, что именно на том самом месте он помог ей выйти из «Ягуара» и с усмешкой представился: «Ярик – маньяк, дикарь и псих. А вы, я так понимаю, Ляля – предмет обожания моего отца, Титан Финансовой Мысли и Рыжик, что написала диплом моему тупому братцу?».

Ночь закончилась сильными болями внизу живота. Юля так вымоталась и обессилела, что напилась обезболивающих таблеток и уснула в смежной комнате на диване. Ей снился кошмар. Опять Ярик в огне.

Услышав ее крики, Юлю тут же разбудила медсестра. Дала ей воды и успокоительное. Юля плакала, пока ее снова не сморил сон. На этот раз она увидела огромную поляну усыпанную красными маками. Яркое сияние затапливало все вокруг. Оно не было похоже на солнечные лучи, а просто равномерный яркий свет, без тени и единого облачка на небе. Ярик смотрел на Юлю нежным взглядом, гладил по щеке и улыбался. Таким умиротворенным и счастливым она его никогда не видела. Рядом с ним бегала маленькая девчушка с волосами цвета ржавчины, срывала цветы и приносила ему словно отвоеванную добычу. Он играл с ней, шутил, она хохотала в ответ. В какой-то момент она подбежала к Юле и та восхитилась ее искрящимися зелеными глазами.

– А хочешь, я останусь с тобой? – спросила девочка.

Ярик кивнул и погладил ее по голове. Потом повернулся к Юле.

– Юля-Тигруля, прости меня, – Ярик виновато отвел взгляд и взял на руки девочку. – Но я заберу у тебя Лиму. Мне она нужнее.

– Не-е-ет! – Юля проснулась от собственного крика.

Оглядевшись по сторонам, она поняла, что находится в больнице и побежала искать дежурного врача. Ей необходимо убедиться, что с ребенком все в порядке. Слова из сна надвигались на нее как огромный каменный валун. Они переросли в звон в ушах. Внутри все плавилось, словно это она там горит вместе с Яриком в гостевом домике виллы. Голова закружилась, Юля еле держалась на ногах и чтобы не упасть оперлась рукой о стену. Ее остановила в коридоре медсестра и, показав на юбку, воскликнула:

– У вас кровь!

Юля опустила голову и увидела, как по ногам течет струйка крови. На юбке расплзлось багровое пятно. К этому моменту она уже ничего не чувствовала. Только слышала... монотонный звон в ушах и громко бухающие удары сердца о грудную клетку.

Часть третья

Я твоя вселенная

Глава первая «Не могу сказать «прощай»

«...наша любовь пленных не берет. Она жестока и всепоглощающа. Она требует максимальной отдачи. А за непослушание наказывает. Забирает то, без чего ты уже жить не можешь».

Наше время

Очередной приступ боли вырвал Романа из забытья. Голову сдавливало словно тисками. Тело застыло и походило на срубленное дерево. Ни рук, ни ног он не чувствовал. Приступы стали все чаще и все сильнее. Если в первые дни после выхода из комы они доставали его по ночам, то сейчас, спустя два месяца, настигали интервалами в полчаса. Сон в таком режиме просто невозможен. Поэтому его нервная система истощилась и походила на разорванный лоскут ткани. Роман уже дошел до такого состояния, когда научился предвидеть боль и за минуту до приступа просыпался.

Открыв глаза, он приподнялся и увидел себя лежащим на диване в гостиной. От первого же движения головой из носа хлынула кровь. Роман нащупал в кармане ватный тампон, разорвал пополам, свернул конусом и воткнул в каждую ноздрю.

На экране телевизора мелькали титры какого-то фильма. Громохание кухонной утвари напомнило ему о том, что в арендованном коттедже он не один. Две недели назад отец взял его под опеку, которая скорее напоминала слежку. Теперь его жизнь была похожа на отсидку в тюрьме. В любой момент отец, будто надсмотрщик, мог заглянуть в его спальню и убедиться, что заключенный еще жив. Даже вид спящего сына его не останавливал. Он подкрадывался и брал Романа за руку, отсчитывая пульс, что, конечно, дико бесило. Роман одергивал руку и матерился. Взвзвывая над ним власть боль превратила его в домашнего тирана.

В сложившейся ситуации Роман был виноват сам. Не надо было просить пополнить бар Филиппа. Друг как всегда потерял счет времени и приехал на сутки позже, когда Роман, уверенный в том, что никто в этот день его не побеспокоит, выпил точно рассчитанную дозу снотворного. Нет, он не слышал

как кричал его друг, не чувствовал пощечин на щеках, не мог ответить на оскорбления. Все это он узнает потом со слов Филиппа. Сам же он пребывал в тот момент в сладком забытьи. На пороге тьмы и света, он увидел свою возлюбленную и затащил ее в какую-то темную комнату. Он целовал и обнимал ее с такой же страстью, как и в прошлую их встречу. Говорил слова любви и звал с собой:

«Пойдем со мной Миа. Туда, где Солнце будет всегда на Небе. Где будет ярко и светло от нашей любви. Это наша вечность. Наша вселенная. Там нас никто не разлучит. Там нас никто не оскорбит, никто над нами не посмеется. Тела переплетутся в объятиях, а губы сольются в поцелуе».

Его зеленоглазая возлюбленная с волосами цвета ржавчины ему улыбалась, но почему-то прятала глаза, будто чего-то стыдилась или что-то пыталась от него утаить. Он брал ее за подбородок и поворачивал к себе, заглядывал в глаза. В них было столько любви и нежности, что он не чувствовал своего тела – парил над землей.

Серая бессмысленная реальность вырвала его из объятий любимой и снова втокнула в наполненную болью и мучкой жизнь. Будто кто-то там наверху посчитал, что Роман еще не выпил отведенную ему чашу страданий до дна и вернул на грешную землю.

Невыносимая боль пробила позвоночник и судорогой разлилась по телу. Выгибаясь, Роман взвыл и сжал челюсть. Его бросило в пот. Дыхание участилось. В голове застучало как по наковальне. Он начал растирать виски и затылок. Когда очередной приступ отпустил, он огляделся вокруг в поиске бутылки виски, а когда нашел, то от разочарования издал новый стон. Янтарная жидкость еле заполняла доньшко. Допив остатки спиртного, Роман подтащил к себе инвалидное кресло, привстал и пересел в ненавистное ему средство передвижения, один только вид которого убивал в нем всю внутреннюю силу, достоинство и желание жить.

На пороге гостиной появился отец. Одетый в куртку, джинсы и демисезонные ботинки он сжимал ключи от машины и пытливо вглядывался в лицо сына.

– Ты куда?

– Доеду до супермаркета за сигаретами. Может, хочешь чего-нибудь из съестного? – Сергей стал перечислять любимые лакомства сына.

– Нет, – отрезал Роман.

Говорить с отцом не хотелось, не то чтобы еще думать о еде и своих прихотях. В голове уже зрел план, от которого он испытал долгожданное облегчение. Может сегодня все пройдет как по маслу? Роман давно ждал, когда отец отлучится, чтобы предпринять на этот раз как он надеялся успешную попытку.

Как только дверь за отцом закрылась, Роман оттолкнулся от дивана, повернул кресло и поехал в коридор, отделявший гостиную от спален. В стеной нише был тайник, оставленный прежним хозяином дома – тоже инвалидом. Видимо ему, как и Роману, приходилось прятать там то, что не для посторонних глаз. Зажав в руках аптечный пузырек со снотворным, Роман поехал в свой специально оборудованный санузел. Запер дверь на замок и ни минуты не раздумывая, открутил пластиковую крышку, высыпал горсть таблеток в ладонь и закинул в рот. Запив таблетки стаканом воды, он спустился с кресла на пол и лег на спину.

Роман жалел только об одном: почему он не может затянуть петлю на своей шее. Давно бы освободился от этой никчемной жизни. Выбор смертельного оружия был неслучаен. Тринадцать лет назад он уже пытался покончить собой таким способом, но вмешалась его красавица Миа и будто переключила что-то в его сознании. Она бы и сейчас смогла это сделать только лишь одним своим присутствием в его жизни. Вот только это невозможно. Новость о том, что Миа его родная сестра по отцу обрушилась на них после двухлетнего брака и разлучила на десять лет. Именно поэтому он не мог ей позвонить, не мог с ней встретиться. Не мог обнять ее и слиться в огненном как она сама поцелуе. Каждый из них справлялся с болью разлуки по-своему, но все же не терял связь с реальностью, крепился и цеплялся за жизнь всеми силами. И все же... уже первая их встреча показала насколько был хрупок их мир и та иллюзия, в которой они пребывали многие годы. Они все еще любили друг друга и все еще страдали.

Его окутала энергия забвения. Тело он уже не чувствовал. Боль отступила. Навалился покой. Глаза Романа медленно закрылись, и он снова увидел впереди

манящий спасительный свет. Там больше не будет боли. Не будет терзаний и пожирающей его тоски. Он подождет ее там. Он не сомневался, что его Миа к нему обязательно вернется.

Замелькали картинки из прошлого. День, когда они познакомились. Юле было тринадцать, а ему пятнадцать.

– Ты похож на небо, – Юля взъерошила его жесткие белесые пряди, – это перьевые облака, а это... – она приложила пальцы к уголкам его сине-голубых глаз, – небо!

– А ты на солнце! Так что мы неотъемлемая часть друг друга. Солнце может жить только на небе.

Он слышал ее залиvistый смех. Еще совсем детский, как в тот день, когда впервые увидел ее в коридоре боровской квартиры.

– ...Amore mio. Ты моя. Миа. Так я буду тебя называть. Я всегда буду тебя любить и буду ждать. Приходи когда будешь готова, и я обрушу на тебя всю свою любовь. Моя Миа...

Перед ним проносились сцены из их жизни, где они хохотали как сумасшедшие, тряслись от страха как осиновые листья на ветру, ругались, высказывали друг другу взаимные претензии и, конечно же, любили... любили до потери сознания. Именно так он ощущал себя в их первую ночь. Казалось еще мгновение и его разорвет от переполняющих эмоций.

Сильная тоска сжала сердце, Сергей потер грудь и влился в поток машин. Что-то в облике сына не давало ему покоя. Они проговорили с ним всю прошлую ночь, и Роман поклялся, что не будет предпринимать больше попыток уйти из жизни. Но что если он просто усыпил бдительность отца? Что если снова смотрел ему в глаза и врал? Ведь так было всегда, когда дело касалось его и Юльчи. А жить он не хочет именно из-за нее. Вернее из-за ее отсутствия. Сейчас она сама была не в лучшей форме. Так же как и Роман закрылась от внешнего мира и не отвечала на звонки. Только ее личный помощник Рудик имел доступ в ее спальню, из которой Юля не выходила уже больше месяца. Сын так и не сказал, почему он называл ее Миа, хотя Сергей не раз об этом спрашивал.

Впереди пробка. Сергей крутанул руль и вывернул в крайний правый ряд. Ему не хотелось уезжать... почему-то не хотелось... Будто какая-то невидимая сила тянула его обратно в коттедж. Еще минуту он сопротивлялся своим ощущениям, но потом все же съехал на обочину и набрал номер мобильного телефона сына. Он спросит сейчас какую-нибудь ерунду, пусть Ромка разозлится, но так он хоть поймет, что с сыном все в порядке. Гудки шли... три... шесть... девять... и по мере отсчета паника нарастала. Через минуту он уже разворачивал свой старенький «Мерседес» и мчался обратно в коттедж.

Через месяц

Даже в обеденный час в кабинете Юли царил полумрак. С недавнего времени она не любила яркий свет. В новых темных очках, без которых она не выходила из дома Юля была похожа на незрячую. В офисе и в квартире на окнах появились занавески, поглощающие дневной свет. Только неделю назад Юля вышла на работу и сейчас разгребала завалы и чужие «косяки». Дверь ее кабинета практически не закрывалась. Пока она решала один вопрос, на очереди в приемной в ожидании уже скапливались другие сотрудники и клиенты.

Именно в такой ажиотаж попал Сергей. Дожидаясь аудиенции, он ненароком подслушал разговоры сотрудников и сделал вывод, что Юлю уважают, никто не жалуется на ее жесткость, наоборот, хвалят за прямоту и ясный взгляд на обстоятельства. Сергей вспомнил дефолт и тот день, когда они с Алкой летели домой, как угорелые в надежде спасти хоть часть денег. А приехав, узнали, что Юля давно уже обо всем позаботилась. Она не только спасла семью от разорения, но и преумножила капитал.

Дверь открылась и в приемную вышла Юля, она провожала пожилого мужчину, судя по разговору возмущенного клиента. Прикрыв глаза от яркого света, она поспешно произнесла:

– Ни о чем не беспокойтесь, Захар Петрович, я лично займусь этим вопросом и возьму на контроль. Ваша фабрика, одна из ключевых наших клиентов и свои промахи и недочеты мы исправим в кратчайшие сроки. А за

недопонимание прошу нас извинить. Мы придумаем, как загладить вину. Было бы с вашей стороны желание пойти на компромисс.

– Я передам ваши слова директору. Теперь, когда вы вышли на работу, мы уверены, что все наладится. От всего нашего коллектива примите искренние соболезнования.

– Спасибо, Захар Петрович.

Юля проводила клиента до двери. Как только клиент скрылся в коридоре, она оглядела приемную и наткнулась взглядом на Сергея. Тот сконфужено поздоровался и сказал, что им нужно поговорить. Сергей подметил ее бледность и дрожащие руки. Юля ничего не ответила, казалось, она что-то обдумывает. Потом повернулась к секретарю и стальным голосом выдала:

– Галина...

Секретарь выпрямилась как натянутая струна.

– ...через полчаса в мой кабинет начальника отдела кадров и операциониста, который обслуживает фабрику, – Юля показала на дверь, в которую только что вышел главный бухгалтер фабрики и секретарь кивнула. Оглядевшись еще раз, Юля спросила: – Где Рудик?

– Поехал за каким-то подарком для вас, – смущенно ответила Галина и отвела взгляд.

Юля хмыкнула. Какой еще подарок? Очередные туфли или сумка? С недавних пор Рудик с одержимостью безумца обновлял ее гардероб. Дав Сергею знак следовать за ней, Юля вошла в свой кабинет и плотно прикрыла дверь.

– Чем обязана? – задала она свой обычный для родни вопрос.

– Я ушел от твоей матери.

Такого поворота событий Юля не ожидала. Откинувшись на спинку кресла, она сложила руки на груди и впялила в Сергея изучающий взгляд. Зачем он здесь? Не уж-то хочет, чтобы она примерила его с матерью?

– С чего это?

– Из-за Романа. Живу сейчас с ним в съемном коттедже, – Юля округлила глаза и Сергей быстро пояснил: – Временно, конечно. У Романа был нелегкий период. Две попытки... – Сергей поперхнулся и откашлялся, но Юля и так поняла. – Я за ним сейчас приглядываю.

– За три месяца нет никакого улучшения?

– Физически есть, хоть приступы стали чаще, за последний месяц он ни разу не терял сознания. А вот психологически стало только хуже, – Сергей помотал головой, склонил голову и начал нервно тереть пуговицы на пиджаке.

– Понятно. А он в курсе, что ты сейчас у меня?

Сергей кивнул.

– Завтра у него день рождения...

Юля прекрасно это помнила.

– Мы хотим, чтобы ты приехала, – Сергей поднял на нее молящий взгляд и добавил: – Пожалуйста.

– А Роман что по этому поводу думает?

– Он отказался тебе звонить, сказал, что это бесполезно. Что ты не приедешь. Что он сам тебя прогнал.

– Так и есть, – нервно барабаня пальцами по столу, подтвердила Юля. – И он прав: я не приеду.

Юля заявила это твердо, без колебаний. После произошедшего с Яриком во всех бедах Юля винила Романа. Если бы он ее не прогнал, они были бы вместе. Она родила бы Лиму. Ярик не нанял бы горе-психиатра, а Ингрид бы не стала паниковать и не подставила бы Ярика. Фразой «Роши больше нет!» Роман запустил цепь трагических событий, о которых даже не догадывался.

Привыкший к ее коротким исчерпывающим ответам, Сергей поднялся и с обреченным видом поплелся к двери. Юля с сожалением подумала, что он за последние месяцы сильно сдал. Спина сгорбилась. От прежней красоты одно лишь воспоминание.

– Не получается у вас по-отдельности ничего... – сказал Сергей перед самой дверью и оглянулся на нее. – Может пора уже задуматься о том, что бежать вам друг от друга нельзя. Померитесь. Я понимаю в вас много боли и злости на нас с матерью, на ситуацию, на то, как вы оба себя повели при разводе. Но надо что-то делать. Нельзя так больше... Иначе следующая попытка может оказаться удачной. Скажу тебе, что и ему сказал: «Если любите – боритесь за свою любовь».

– Ты издеваешься? Или из ума выжил? – Юля вскочила на ноги и быстро преодолела расстояние между ними. – В его-то состоянии, ты ему такое говоришь? Мы брат и сестра. Что тут еще можно сказать?

– А если бы вы не были братом и сестрой, чтобы вы сейчас делали?

– Что?! – Юля чуть не задохнулась от злости. – Ты пьян?

Сергей пропустил ее шпильку мимо ушей и снова задал свой вопрос.

– Ты знаешь, чтобы мы сейчас делали! – закричала Юля. – Жили бы! И растили детей! Любили друг друга до одури! Но, к сожалению, не повезло с родителями.

– Тогда выход один: не обращайтесь внимания на родственные связи и живите, как хотели.

С этими словами Сергей покинул ее кабинет, а Юля встала перед дверью как вкопанная. Она хватала ртом воздух, но никак не могла вдохнуть полной грудью. Спазм сжал горло. В кабинет вошел новый начальник отдела ценных бумаг, и Юле ничего не оставалось, как снова нырнуть в спасительную работу.

Весь оставшийся день она думала над словами Сергея. Впервые кто-то, тем более их с Романом общий отец, заговорил о воссоединении. Никто никогда, даже близкие друзья не высказывали такой мысли. А как же Юле хотелось ее услышать. Ей хотелось знать, что она не одинока в своем безумии. Ведь она всегда была уверена, что им не надо было расставаться.

Приехав домой, Юля долго бесцельно бродила по квартире. В две комнаты на втором этаже она панически боялась заглянуть. Рудик просил ее разрешения на демонтаж детской и гардеробной Ярика, но пока она не готова была его дать. Она спала в футболке Ярика, брызгала на подушку его туалетную воду, раскуривала его любимые сигары. Так она создавала иллюзию, что он где-то рядом.

Сама не заметив как, Юля оказалась в своей гардеробной примеряющей новое платье, что на днях купил ей Рудик. Он каждый день дарил ей подарки, пытаясь хоть как-то поднять настроение.

– Я знал, что ты пойдешь...

Резко обернувшись, Юля увидела своего подопечного.

– Уф, Рудик, ты меня напугал.

В руках Рудика она заметила маленькую коробочку.

– Я купил для него подарок и взял на себя смелость сделать гравировку.

Юля вопросительно подняла брови. Вместо ответа, Рудик аккуратно снял подарочную упаковку и открыл футляр, в котором лежал мужской медальон, стилизованный под армейский из полированной нержавеющей стали. На одной почти зеркальной стороне были выведены первая группа крови и положительный резус фактор. На другой, более шероховатой, крупными буквами надпись «Grazie amore mio».

Пока Юля боролась с подступающими слезами, Рудик упаковал медальон и вручил ей его так, будто это была святыня. Юля заплакала и бросилась в его объятия.

– Спасибо, Рудик.

Он расплылся в улыбке.

– Значит, это «да»? Ты пойдешь?

Она закивала головой, и он вздохнул с облегчением.

– Вам нужно поговорить, – он убрал с ее лица волосы. – Юля, я знаю, это трудно. Это боль всей твоей жизни. Но вам нужно помириться, отпустить обиды и выстроить отношения по типу брат-сестра. Пустите друг друга в свои жизни насколько сможете. Не жди чуда-воссоединения, да оно и невозможно. Пусть для начала это будет «Привет-как дела-пока». А потом, со временем, вы выстроите что-то новое, что поймут твое окружение и родители. Но ты должна принять то, что вы никогда уже не будете вместе как раньше.

Юля закивала.

– Ты прав. Надо что-то менять. Нельзя бегать от проблемы. Да и не в моем это стиле.

– Это точно! – тут же уколол он ее: – Это в стиле твоего Роши...

Водитель остановил «Бентли» перед одноэтажным коттеджем в стиле лофт. Со стороны подъездной асфальтированной дороги хорошо просматривалась гостиная, и Юля прильнула к стеклу. Она думала, что ее ожидает тихая семейная вечеринка, но в гостиной было полно народа. От нервного перенапряжения Юля задрожала, ладони мгновенно взмокли. После гибели Ярика и выкидыша она ни

разу не выходила в свет, хотя ее настойчиво приглашали. Сейчас она чувствовала неловкость и уже пожалела что приехала.

Телохранитель открыл перед ней дверь, подал руку, помог выбраться из автомобиля и сопроводил до коттеджа. Она уже хотела нажать на звонок, как дверь распахнулась и перед ней предстал Роман. В голубой рубашке, синем пуловере и такого же цвета брюках. Он сидел в инвалидном кресле и не сводил с нее восторженных небесно-голубых глаз. Юля подметила бледное обескровленное лицо, впалые щеки, бесцветные губы. На лбу вздулись вены, а это означало, что он сильно нервничал.

Сердце Юли бухнуло. Она не чувствовала ног. Казалось еще мгновение, и она рухнет перед ним на колени как подкошенная. Она тяжело задышала. Легкое пальто из кашемира было распахнуто, вздымающаяся грудь в сильно декольтированном платье сразу привлекла его внимание. Он читал все ее знаки тела, понимал, какое оказывает на нее воздействие и был сильно удивлен ее реакцией. Юле так и хотелось ему крикнуть: «А ты думал, что мой пыл остудит инвалидное кресло?».

– Отпусти машину, – приказным тоном выпалил Роман и перевел взгляд на телохранителя. – Она останется здесь с ночевкой.

От того что он не поздоровался, да еще обратился к ее секьюриту напрямую, Юля разозлилась и выпалила:

– Не указывай мне что делать!

– В доме полно гостевых спален, – тем же тоном продолжал Роман. – Я намерен тебя сегодня напоить и уморить рассказами о моей скучной жизни. Боюсь это закончиться под утро, так что отпусти машину.

Он откатился назад, жестом дал понять, чтобы она вошла в дом. Юля злилась на него, но все же сделала, как он просил. Когда она вошла, он показывал на коляску и сухим тоном произнес:

– Дорогая, я не смогу тебе помочь, придется самой снять пальто.

В сознании промелькнула фантазия, как бы он сейчас это сделал, не будь в инвалидном кресле. Он подошел бы к ней сзади... близко... слишком близко, и вдохнул аромат ее волос. Положил руки на плечи и немного бы их сжал, давая понять, что, несмотря на свой мрачный вид, безумно рад ее приезду. Прежде чем

снять с нее пальто, он как бы случайно коснулся ее груди. Боже, какая у нее аппетитная грудь! Он еле сдержался, чтобы не потянуть ее на себя.

– Я поухаживаю за дамой! – послышался запыхавшийся мужской голос.

Оба повернулись и Роман застонал. К Юле подскочил симпатичный брюнет лет тридцати пяти.

– Ну как же без тебя, Фил, дамский ты угодник.

– О! Богиня! – воскликнул брюнет, не стесняясь, разглядывая Юлю, особенно ее декольте. – Вы словно сошедшая с полотна Сандро Боттичелли «Рождение Венеры». Позвольте?

Он помог ей снять пальто, и не успела Юля поправить прическу перед зеркалом, как Филипп схватил ее за локоть и повел в гостиную.

– Вина? Но я не удивлюсь, что вы предпочитаете более крепкие напитки.

– Она пьет «Куба либре» с двойной порцией рома.

Юля вспомнила, как Ярик на первой встрече рассказывал Роману и его жене про их с Юлей отдых на Кубе. Ей казалось, что Роман не слушает, но видимо все-таки слушал, раз запомнил название ее любимого коктейля.

– Я так и знал, что вы любительница покрепче и погорячее, – Филипп дотронулся до ее оголенного плеча, ахнул и притворно подул на палец, изображая, что обжегся.

Юля все еще пребывала в эйфории от встречи с Любовью Всей Ее Жизни, глаза были немного затуманены, будто она уже выпила и от этого выглядела еще соблазнительнее. Настойчивый поклонник преградил ей дорогу и уставился на ее губы.

– Ваши пухлые губки блестят как сочный виноград. Если вы мне немедленно не подарите один поцелуй, мое сердце перестанет биться.

– Фил! Остынь! Это Миа... то есть Юля, моя сестра, – Роман перевел взгляд на Юлю. – Это Филипп – мой друг и партнер.

Видимо Филипп был заочно в курсе, какие отношения у него были с сестрой, потому как, услышав слова друга, он отпрянул и уставился на Юлю таким ошеломленным взглядом, что она невольно вздрогнула и с опаской посмотрела на Романа.

– Все в порядке, – успокоил он ее. – Мои близкие друзья знают о нас.

– Я бы предпочла провести вечер с незнающими, – холодно произнесла Юля и, увидев Сергея, пошла поздороваться.

– Ромыч, – похлопал друга по плечу Филипп, провожая Юлю жадным взглядом, – теперь я тебя понимаю. По такой реально можно сойти с ума. И что ты намерен теперь делать?

– Если б я знал, – буркнул Роман и поехал вслед за Юлей.

Юля подметила отсутствие в доме перепадов уровня пола. Видимо это было сделано специально для удобства передвижения в инвалидном кресле. Коттедж оказался компактным, но довольно уютным. Юля и сама не отказалась бы от такого жилья. С недавних пор ее квартира казалась ей мемориалом, напоминанием того, чего никогда в ее жизни не случиться. Юля твердо решила, что после Ярика новых попыток завести семью она делать не будет. Жестокий урок заучен и повторений она не переживет.

Пока Роман возился на кухне со льдом и отмерял порции рома, Юля наблюдала за его дрожащими руками и покрасневшимся лицом. Похоже, что внешнее спокойствие ему давалось так же тяжело, как и ей. Роман протянул ей коктейль и предложил показать весь дом. По мере их передвижений, гости, стоявшие группками, расступались и не сводили пытливого взгляда с Юли. Видимо молва уже донесла до всех присутствующих, что за шикарная дама в ярко-фиолетовом платье пожаловала на дружескую вечеринку. Вопреки стереотипной реакции, сегодня ее такое повышенное внимание не смущало, наоборот льстило. Юлю разглядывали как диковину. На лицах читалось: «Ах, вот она какая!».

К этому вечеру она готовилась с самого утра. Все как он любит: платье с открытыми плечами насыщенного цвета плотно облегает ее фигуру, убранные в высокую прическу волосы, оголяют плавный изгиб шеи и плеча. Именно с этих мест Роман всегда начинал их любовную прелюдию. Блики серег-подвесок с бриллиантами цвета сочной травы вторят зелени ее искрящихся глаз. Длина платья позволяет насладиться красотой ее стройных длинных ног, а высокий каблук бежевых туфель еще больше вытягивает весь силуэт. Но чем дольше Юля находилась рядом с Романом, тем сильнее чувствовала неуместность такого наряда. Дизайнерское платье резко контрастирует с простотой его одежды.

Серьги, которые по стоимости превышают этот дом и припаркованные на подъездной дорожке автомобили, по-снобски кричат о принадлежности Юли к другому обществу. Высокий каблук туфель не вяжется с инвалидной коляской, будто Юля намеренно хочет подчеркнуть его ущербность.

Пока они обходили его скромные по сравнению с ее квартирой владения, между ними шел оживленный разговор. Темы выбирались нейтральные: младшие брат и сестра, финансовый рынок, погода и благотворительный фонд, в котором оказывается, они оба принимали активное участие. Роман шутил, она ему вторила. Улыбки были натянутые. Оба вели себя неестественно. Слишком тяжела и крепка броня, что они воздвигли. Но без брони никак, это единственный работающий способ, что не дает сойти с ума и удерживает сознание на плаву.

Конечно, это заметил отец. Увидев их на кухне, он нахмурился и тяжело вздохнул.

– Прекращайте это фарисейство, – буркнул Сергей и, прихватив очередную порцию канапе, коими быстро и проворно наполняли подносы две девушки в униформе популярного ресторана, вышел в гостиную.

Юля и Роман переглянулись. Лица застыли, словно превратились в камень. Их объяла неловкость. Первым отреагировал Роман. Шумно выдохнув, он закрыл лицо руками и застонал. Чтобы не накалять атмосферу, Юля сама сделала себе коктейль, плеснув рома больше нормы даже для двойной порции, и вышла вслед за Сергеем.

– Прекрати на нас давить, – прошипела Юля отцу и наградила его испепеляющим взглядом. – Чего ты этим добиваешься?

– Я хочу, чтобы вы были самими собой, – спокойно ответил Сергей.

– Откуда тебе знать какие мы? Ты даже в детстве нас не знал, – ужалила его тут же Юля.

– Вы были счастливы и этого достаточно.

Он прервал их разговор, окликнув какого-то парня. Это была уловка, Юля сразу это поняла. Сегодня Сергей был необычайно взволнован, будто готовился к чему-то очень важному и событийному.

Из гостиной Юля видела, как на кухне две девушки окружили Романа и что-то ему наперебой рассказывали. Он вежливо кивал, но по его виду Юля

поняла, что он еле сдерживает свое раздражение. Его отсутствие изменило ее настроение. Юле вдруг стало неуютно и одиноко. Все эти люди ей не друзья, никого она не знает. Их въедливые и завистливые взгляды стали вдруг жалить ей кожу. Накинув пальто на плечи, Юля вышла на открытую просторную террасу и вдохнула свежий воздух. Она не простояла и минуты, как дверь откатилась и к ней присоединилась худощавая невысокая брюнетка лет двадцати пяти. Она была похожа на киноактрису двадцатых годов прошлого столетия. Тонкие губы и рисованные ниточкой брови. Полный драматизма взгляд.

– Ух, чувствуется, зима подступает, – натянуто улыбнулась молодая женщина и поежилась от пронизывающей сырости.

– Переходите сразу к делу, – стальным голосом окатила ее Юля.

– Что простите? – в деланном изумлении уставилась на нее незнакомка.

– Весь вечер вы смотрите на меня так будто я колдунья Юбаба. Наложила заклятье на вашего суженого...

– Директора, – поправила ее женщина.

Юля ухмыльнулась и подумала, как жаль, что она не взяла с собой Рудика. Вот бы он сейчас позабавился. Это его любимый типаж.

– ...а ночью вырежу ему заточенной ложкой сердце, чтобы сварить свое самое быстродействующее зелье.

– Вы и так забрали у него сердце!

– Вы удивитесь, но он мое тоже, – вторила ей Юля и отвернулась. – Так зачем вы здесь? Говорите, что хотели и избавьте меня от своего общества.

Маска любезности мгновенно слетела. Незнакомка с шумом вобрала в легкие воздух и выпалила на одном дыхании:

– Вы самая бессердечная, жестокая и злопамятная сука! Он был таким чутким добрейшей души человеком. Сделал столько хороших дел. А вы чуть не лишили его жизни! Кома его изменила и в этом виноваты вы! Только вы!

– Тушэ! Все?

Юля была похожа на морской штиль: спокойна, бесстрастна и безмятежна.

– Он вас ненавидит так сильно, что даже не называет по имени. Он говорит *она*, и все знают о ком идет речь.

Женщина буквально выплевывала каждую фразу. Брызги слюны долетали до лица Юли и она отступила на шаг.

– Вы недостойны его любви. Недостойны даже его мизинца. Все вас ненавидят. Ваша мать узнает новости о вашей жизни из раздела «Светская хроника». Отец вас так и не признал своей дочерью. Вы ничтожная, гадкая. Вы...

Юля выплеснула сотрудице Романа коктейль в лицо и, проходя мимо ошалевшей женщины, ледяным тоном произнесла:

– Остыньте! А то распалились в экстазе и даже не поинтересовались в моем ли вы вкусе.

Перед ней с проворностью иллюзиониста возник Филипп. Услышав ее последнюю фразу, он с диким блеском в глазах спросил:

– Не хотите потанцевать?

– Нет, но вот девушка – хочет.

Филипп увидел мокрое лицо и платье сослуживицы и воскликнул:

– Батюшки! Да у нас тут война невест! Диана ты тоже в игре? Кто бы мог подумать? Хотя чего я удивляюсь?

Юля уже входила в дом, когда ей навстречу выехал Роман.

– Что тут происходит?

– Понятия не имею, но девушка точно знает, – во второй раз перевела стрелки Юля и поспешно зашагала на кухню за новой порцией коктейля.

В ней что-то сломалось, поникло и оборвалось. Уверенность помахала ей ручкой, а на смену пришла паника. Идея остаться у Романа с ночевкой теперь показалась неуместной, опасной и даже неприличной. О чем она думала? Зачем послушала отца? Ведь он во всех ситуациях думал в первую очередь об интересах старшего сына. Сына, ради которого колесил по стране не один год в поисках лучшей для него семьи. Сына, которого бросила мать. Сына, у которого он отнял любовь всей его жизни.

Оставшийся вечер Юля провела сидя в углу гостиной, пролистывая фотоальбом «Лучшие фотографии мира». Некоторые фотографии ей так понравились, что она захотела их повесить в холле и на кухне своей квартиры.

Она сфотографировала название альбома, сами фотографии и отправила Рудик вместе с сообщением:

Найди их в хорошем разрешении и сделай мне постеры.

Тут же пришел ответ:

Ты очумела? Зачем ты отпустила машину? Зачем осталась там с ночевкой? Мы же говорили про «привет-пока»! И на кой хрен тебе эти постеры, прости господи?!!!!! Какая безвкусица! Ты пробыла там всего два часа, а уже деградируешь! Кидай адрес я сам за тобой приеду!

Юля улыбнулась. Как же ей сейчас его не хватало. После гибели Ярика он чувствовал себя виноватым. Вместо того чтобы присматривать за женихом Юли, он закрутил роман с барменом и завис на три дня в пляжном бунгало. Только новости по местному каналу о горящей вилле заставили его выскочить из постели и прибежать на пепелище.

Уже через пять минут Рудик обрывал ее телефон. Она сбрасывала звонки, он посылал грозные сообщения. Победило ее упрямство и любопытство. Ведь Роман сказал, что эту ночь они проведут за разговорами. Завтра суббота и она может себе позволить бессонную ночь.

– Вот ты где, – Роман подкатил к ней вплотную и уперся колесом ей в туфли, оставляя на светлой коже черный след от шин. – Я уж подумал, что ты как всегда сочканула от меня.

Ей хотелось спросить, когда это она от него убегала, но в этот момент кто-то из друзей стал произносить тост и отвлек Романа на несколько минут. Тост затянулся. Началось соревнование воспоминаний на тему «А помнишь?». Идея Юле была понятна, друзья старались внушить ему, что помимо его личной трагедии у него в жизни было много приятных мгновений, которые можно вспомнить и заново пережить.

Юля воспользовалась моментом и пристально изучила возлюбленного. Цвет лица нездоровый. Исхудал. Вокруг глаз появились морщинки, будто он много лет щурился от палящего солнца. Несколько тонких шрамов на щеке и подбородке – видимое напоминание о роковой ночи. Губы растянуты в улыбке, но Юля чувствует его напряжение. Это из-за нее? Зачем ему терпеть такой вольтаж? Ведь она могла вручить ему подарок, побыть полчаса и уехать. Так лучше было

бы для них обоих. Что он задумал? Зачем ей его откровения? Что они между ними изменят? Ее ждет очередная ночь грязных признаний?

Он резко обернулся и застал ее за разглядыванием. Юля не стала отводить глаза, наоборот, пристальным манящим взглядом дала понять, что думает о его губах.

– Ты должна знать, что еще сегодня утром я выглядел иначе, – заговорил он серьезным тоном. Деланная улыбка медленно сползла с лица. – Волосы сальные, обросшие, щетина, грязная одежда. Я не мылся две недели, и от меня разило как от помойки.

Юля вздрогнула, но не отрывала от него взгляда.

– Больше не хочешь меня поцеловать? – Юля не ответила, а он продолжил свои откровения: – Этот дом тоже еще утром был другим. Грязь, спертый воздух... и много-много пустых бутылок... да-да, я пил как заправский забулдыга. С запоями. С опохмелом. До сих пор руки дрожат, – он вытянул руки вперед, и Юля получила подтверждение его слов. – Я стал алкоголиком. Я кубарем качусь вниз, на самое дно.

Он что-то хотел добавить, но очередной тост заставил его отвлечься от Юли и помахать окликнувшей его женщине. Тостующая говорила, при каких обстоятельствах она познакомилась с Романом. Пела ему дифирамбы, от которых его буквально трясло. Он злился, а окружающие этого не хотели замечать. Они улыбались, поддакивали той, что говорила тост, и хором, будто репетировали целый вечер, подтверждали каждое ее слово. Напряжение нарастало, Юля взяла Романа за руку. Это было их первое прикосновение с момента, как он пришел в сознание после комы. Она переплела их пальцы, давая понять, что все видит и просит его успокоиться. Глядя ей в глаза, Роман нервно сглотнул. Юля наблюдала, как дернулись уголки губ, как пришел в движение кадык. Ей хотелось запечатлеть как можно больше деталей, чтобы потом долгими одинокими ночами их вспоминать.

– Как думаешь, – он наклонил к ней голову и прошептал на ухо: – мы бы все еще были вместе, если не та убийственная новость?

– Конечно, – не задумываясь, ответила Юля.

– Ты сказала отцу: «Любили друг друга до одури». Ты меня именно так любила? До одури?

– Ты ведь знаешь, зачем спрашиваешь? – упрекнула его Юля, глаза увлажнились, она из последних сил старалась не поддаваться плескавшимся как раскаленная лава внутри эмоциям.

– Хочу услышать от тебя подтверждение.

Его слова придали ей смелости. Недавнее чувство потери и их родственная связь – все отошло на задний план. Именно здесь и сейчас Юля решила отпустить все свои обиды, внять совету отца и побороться за свою запретную любовь. Он хочет услышать о том, как сильно она его любила? Да, пожалуйста! Вместо ответа Юля вышла в центр гостиной, где провозглашали свои помпезные тосты предыдущие ораторы.

Роман заерзал, пальцы сцепились в замок. Вглядываясь в ее лицо, он пытался понять, что она задумала.

– О! Богиня! Ты тоже будешь произносить тост? – Филипп смотрел на нее с нескрываемым вождением.

Юля кивнула, собралась духом и начала свой монолог:

– Тот, кто задумал сделать татуировку, предстает перед выбором изображения, которое подчеркнет его индивидуальность. Это не просто рисунок, а сакральный смысл, постичь который может не каждый.

– Хочешь, чтобы я сделал тату картины Боттичелли? – ухмыльнулся Филипп. – Так бы и сказала, а то игнорируешь мои послы весь вечер. А я, между прочим, влюбился!

– Фил! – угрожающе прорычал Роман.

Юля развернула руку так, чтобы всем был виден на предплечье голубой дракон.

– Я не люблю татуировки и никогда бы ее не сделала, если бы мне не пришлось прикрыть физическое увечье. Кое-какое событие из детства оставило шрам не только в душе, но и на теле. Тот, кто видит на моей руке голубого дракона, принимает меня за воинственную девицу, пытающуюся что-то доказать...

– А это не так? – снова вклинился Филипп.

Юля проигнорировала его реплику. Филипп – слишком навязчив и это стало ее раздражать. Нужно его остудить, а не вступать в полемику.

– На Востоке дракон олицетворяет мудрость, божественную силу, доброту и благородство. Но все эти аспекты меня ни капельки не трогали. Дракона я выбрала совсем по другим причинам. Истинный смысл моей татуировки знают только избранные, и здесь их, к сожалению, нет.

– Просвети, моя богиня, – Филипп закинул руки за голову и вытянул ноги.
– Я хочу быть тобою избранным...

Роман кинул злобный взгляд на друга и уже хотел что-то сказать, но Юля поспешила продолжить:

– Свою татуировку я сделала в Японии. Мастер спросил меня: «Что ты хочешь от своей тату? Какой она должна нести для тебя смысл?». В тот день мне было особенно больно, я получила от самого близкого мне человека удар в спину. Я ответила, что хочу покоя... особенно в тот день мне хотелось покоя, – Юля назвала дату и Роман дернулся. Это был день его бракосочетания со Снежаной. – Он сказал, что я должна выбрать то изображение, которое приведет меня в равновесие. Придаст мне силы и направит на добрые свершения. «Что ты делаешь, когда хочешь успокоиться?» спросил меня тату-мастер. – Юле не хотелось говорить о своей фобии перед всеми друзьями Романа и она сказала: – Я ответила ему, что есть только один способ: посмотреть любимый мультфильм «Унесенные призраками».

– Господи! Это же Хаку! – воскликнул Филипп и подскочил к Юле.

Он нарочито долго рассматривал ее татуировку. Начал гладить выпуклость шрама. Роман напрягся. Он не знал, кто такой Хаку и ему было неприятно, что его друг проявляет такой повышенный интерес к его возлюбленной. Юля терпела недолго, а потом так сильно сдавила запястье настойчивого поклонника, что он побелел от боли.

– Что-то я не припомню, что давала вам право на ощупывание себя, – процедила она сквозь зубы.

Потрясенный ее хваткой Филипп одернул руку и начал потирать запястье.

– Ничего себе дракон!

Роман улыбнулся. Он и забыл, что Юля сама могла за себя постоять.

– Осторожно, Фил, она может сделать из тебя инвалида, – усмехнулся он и даже не подумал, насколько двусмысленным окажется его предостережение.

Его друг тут же на это отреагировал:

– По тебе видно Ромыч, – Филипп вернулся на диван и снова развалился в небрежной позе, демонстрируя окружающим, что его нисколько не тронул отпор дамы в фиолетовом платье.

– Продолжай, Юля, – попросил Роман, вкладывая в свои слова столько нежности, что она в одно мгновение забыла про выходку его друга.

– После того как я потеряла любовь всей своей жизни этот мультфильм стал моей путеводной звездой. По сюжету два главных персонажа влюбляются и преодолевают тяжелые испытания. Я смотрела на героев и завидовала их храбрости, ведь мы с моим любимым не преодолели даже одного.

Юля метнула на Романа осуждающий взгляд. В груди кольнуло, Роман покраснел и тяжело задышал.

– Хаку – дракон, хранитель реки в человеческом облики, – Юля снова развернула руку и показала дракона, – влюбляется в Тихиро, девушку, которая хочет спасти своих заколдованных родителей. Поэтому я долго не выбирала, сказала тату-мастеру, что хочу татуировку мультяшного голубого дракона. Показала на телефоне его подходящее для шрама изображение и сказала, что каждый раз, когда я буду смотреть на нее, я буду представлять, что мой любимый преодолел очередное испытание и спешит ко мне. Что осталось подождать еще совсем чуть-чуть, и он обязательно вернется. Это придавало мне силы, вселяло веру и помогало справляться с моими собственными испытаниями, – Юля перевела взгляд на Романа. – Он голубого цвета не только потому, что он хранитель реки. Он ведь еще летал по небу. А у моего Неба голубые глаза.

Брат с сестрой скрестились взглядами. Наступила тишина. Юля замерла, внутри полыхал огонь. Пока она рассказывала о том дне и выборе татуировки, плененная любовь снова вырвалась на свободу и заликовала.

Роман смотрел на нее пристально, будто чувствовал, что с ней происходит и замер. Он чего-то ждал. Его продолжительный взгляд подтолкнул ее к действиям. Ей вспомнился их тайный язык жестов, и она начала медленно выводить руками закодированные сообщения. Потерла грудь в области сердца и

слегка стукнула кулаком. Потом пальцем провела по нижней губе и дотронулась до кончиков глаз.

Я люблю тебя! Скучаю! Хочу тебя поцеловать! Ты мое Небо...

Если бы он закатил к потолку глаза, то это означало бы, что она его солнце. Юля замерла в ожидании, которое показалось ей вечностью. Но Роман этого не сделал. Он отвернулся. Из груди Юли вырвался мучительный стон. На глаза навернулись слезы. Она уже хотела выскочить из этого дома и больше никогда сюда не возвращаться. Но в тот момент, когда она уже была готова сорваться с места, Роман сказал:

– Какое сегодня яркое и красивое солнце!

Юля оцепенела. Это он про нее или ей показалось?

Все невольно взглянули на окна. На лицах отразилось недоумение. На город давно опустилась ночь. Кто-то из друзей начал подшучивать над Романом, кто-то смотрел на него с жалостью, мол, после комы лопочет, не зная о чем.

Сам Роман никого уже вокруг не замечал, смотрел на Юлю, и у нее уже не осталось сомнений, что говорил он о ней. Ею овладел покой. Значит еще не все потеряно? Может, он все еще ее любит?

Роман подкатил к ней и кивком показал на коридор, ведущий в гостевые спальни.

– Пойдем Тихиро, я покажу тебе твою комнату.

Им вслед зашептали, большинство присутствующих так и не поняли, почему Юля рассказала о татуировке, и награждали ее нелестными эпитетами. Сдерживаясь из последних сил, Роман сжал челюсть.

«Пора заканчивать этот цирк», – подумал он и показал рукой на вторую дверь.

– Это твоя комната, – он указал на первую, – а это моя.

– Ты меня прогоняешь? – усмехнулась Юля, ведь кроме нее все гости были еще в гостиной.

– Тетеха, – он с укоризной взглянул на нее, – хочу, чтобы ты переделась в то, что найдешь в шкафу, а я пока попрощаюсь с гостями.

Гостевая спальня с белыми стенами и минимальным набором мебели выглядела аскетично. Есть все необходимое: кровать, тумбочка, шкаф. На полу перед кроватью постелен небольшой овальный ковер. На тумбочке ночник и будильник. Юля открыла дверца шкафа и обмерла. Это была одежда, которую она носила в последние месяцы перед разводом. Видимо Роман, забирая свои вещи, прихватил их с собой. Она примерила джинсы классического покроя, футболку с эмблемой олимпиады в Солт-Лейк-Сити и была неприятно удивлена. Сейчас она худее, чем десять лет назад. Вещи буквально висели на ней как на вешалке. Вот это да! Значит, когда они жили с Романом она была так сказать «в телесах».

Юля решила почистить зубы и умыться. Стоя перед зеркалом в ванной, оборудованной для человека с ограниченными возможностями, она думала о том, что разговор с Романом не может надолго затянуться. О чем им говорить? О новых отношениях? Может Роман преподнесет ей очередную авантюру?

Возвращаясь из ванны, она услышала в коридоре спор и резко затормозила. Спорили Роман и Филипп. С первых слов стало понятно, что Юля является виновницей их разногласий.

– Ты ее брат, как был, так и будешь. Не втягивай ее в кровосмешение, – настаивал Филипп. – Она достойна лучшей партии.

– Тебя что ли? – огрызнулся Роман. – Только через мой труп...

– Я просто дам ей свой телефон. Если сочтет нужным, позвонит.

– Я сам ей его дам. У меня есть твой номер.

– Не дури, старина. Я же не болван, понимаю, что она не женщина на одну ночь. Наседать не собираюсь. Будет только то, что она сама захочет.

– Отвали, Фил! – угрожающе прорычал Роман.

По резкому тону, Юля поняла, что Роман не грани и в любую минуту может накинуться на друга, но как это будет выглядеть в подобной ситуации, когда один на ногах, а второй в инвалидном кресле, не понятно. Юля уже хотела вынырнуть из темноты и вклиниться в разговор, когда в коридоре появился Сергей.

– Фил, тебе пора, – он жестом показал на выход.

– Спасибо папа! Один бы я никак не справился! Я же калека! Инвалид! Не смогу постоять ни за себя, ни за любимую женщину, – с обидой выпалил Роман и скрылся на кухне.

– Твоя женщина сынок сама за себя постоит, – бросил сыну вслед Сергей и проводил неугомонного гостя до входной двери.

«Твоя женщина», – эхом отдалось у Юли в сознании.

Они говорили о ней так просто, будто Юля с Романом никогда не расставались. Юля сжала кулаки и тяжело задышала.

Филипп потянулся к черному пальто. Он намеренно одевался медленно. Долго поправлял шарф и прихорашивался перед зеркалом. Нервно поглядывая в коридор, он ожидал появления Юли, а когда понял, что она не выйдет, опустил в карман ее пальто свою визитку.

Послышался стук входной двери. Нужно было выходить из своего укрытия. Чтобы успокоиться Юля сделала несколько вдохов и выдохов. Подтягивая спадающие с бедер джинсы, она вошла в гостиную и огляделась. Никого. Как быстро разошлись все гости. Кругом беспорядок. В пепельнице еще дымиться чья-то сигарета. Такое ощущение, что все внезапно встали и ушли.

– Есть хочешь?

Юля повернулась и увидела, что Роман наблюдает за ней из кухни.

– Нет.

– А я поем. Что-то меня пробрало. Твои слова, наверное, подействовали, – после нескольких жадных глотков виски прямо из бутылки, Роман с облегчением вздохнул, облизал губы и уставился на Юлю. – Значит, Хаку – это я.

– Да, – растеряно отозвалась Юля, ей так непривычно было смотреть на то, с какой жадностью он поглощает спиртное.

– Что же ты мне раньше этого не сказала?

– Ты не спрашивал.

Роман что-то неразборчиво буркнул и принялся за еду, проглатывая пищу с такой же жадностью, что и виски. Юля не удержалась и спросила:

– Когда ты ел в последний раз?

– Хороший вопрос. Обычно я только пью, – он прожевал кусок мясного рулета и добавил: – К тебе рвался Фил. Хотел пригласить на свидание. Ты бы пошла?

– Я слышала ваш разговор, – призналась Юля, – не весь конечно...

– О... а почему не удостоила его прощанием? Он ведь симпатичный...

– Пока мое сердце занято, – отрезала Юля. – Если что-то изменится я непременно дам ему знать.

Роман истолковал ее ответ по-своему.

– Все еще скорбишь по Ярику?

– При чем тут Ярик? – искреннее удивилась Юля, но потом осеклась. – Да, скорблю... но я говорила не о нем...

Юля легла на диван и закинула ноги на спинку. Это простое действие вызвало в Романа шквал воспоминаний, и сердце заколотилось как бешенное. Еле справившись со своими эмоциями, он доел все, что было на тарелке, и выехал в гостиную.

– Что дальше?

– А дальше позовем папочку, – с издевкой произнес Роман.

Юля непонимающе уставилась на брата. Так они будут до утра болтать втроем? Неплохая идея. Так безопаснее.

– Не смотри на меня, я ничего не знаю. Он сказал, что хочет подарить мне подарок, но сделать это должен только в твоём присутствии.

– Так вот почему ты терпишь мое присутствие! – догадалась Юля. – Ладно, зови.

«Все становится интереснее и интереснее», – подумала Юля.

Роман окрикнул отца. Через минуту Сергей вышел из самой дальней комнаты. В одной руке он нес сумку, в другой держал конверт. Шел он степенно, но во всем его облике чувствовались нервозность и неуверенность.

– Только не говори, что ты нам с Юлей купил путевку в Турцию, – съехидничал Роман. – На большее твоей зарплаты не хватит.

– Нет, – помотал головой отец. – Путевки купите сами. Я дам лишь повод. И это не потому что у тебя сегодня день рождения.

Юля и Роман переглянулись. Сергей встал у входа в гостиную, немного дальше, чем этого требовала обстановка. Его взволнованный вид и эта осторожность заставили Юлю подумать о самом плохом и вскочить с дивана.

– Ты что болен? Там завещание? Ты поэтому ушел от матери?

Сергей выставил вперед руку, давая ей знак замолчать.

– Придержи коней, Юльча. Ничего такого. Со мной все в порядке. Мало того, вручив сыну подарок, я поеду домой, – он показал на сумку. – Моя миссия будет выполнена. Что делать дальше разберетесь сами.

– Что-то мне уже не нравится такой расклад, – пробурчал Роман.

За последний месяц он привык к присутствию отца в коттедже. Хоть он и ворчал из-за того что Роман пьет, но живая душа в доме разбивала иллюзию одиночества к которому он с одной стороны стремился, с другой от него же и страдал.

– Понравится, – уверенно отозвался Сергей, вскрыл конверт и вынул какие-то бланки. – То, что сделала Алка, а я ей, как дурак, потворствовал не просто кощунство, а преступление против самой жизни. Знаю, что извинения запоздалые, но все же я прошу прощения.

У Юли подкосились ноги, она плюхнулась на диван и схватилась за горло.

– Она задуррила мне голову сказочкой про то, как ты сынок бессовестно эксплуатировал чувства ее дочери. Что обманом проник в ее сердце и опутал как спрут. Что она света белого из-за тебя не видела. А твое поведение, – он перевел взгляд на Юлю, – только подтверждало такой расклад. Ты бросила учебу. Пошла на курсы. Хотела работать дома, чтобы содержать мужа-студента.

– Пап! Не тяни резину. К чему это все? – Роман вцепился в подлокотники инвалидного кресла.

– Ромка, это... – Сергей протянул сыну два бланка с сине-красными маркерами, – ...реальные результаты теста, который вам делали десять лет назад.

Дрожащей рукой Роман взял документ и уставился на выведенную фразу красным цветом «Родство практически исключено». Не успел он дочитать судьбоносную фразу, как Юля вскочила на ноги и закричала во все горло:

– Мы не брат и сестра?! Так?! – Сергей кивнул. Юля схватилась за голову и завопила: – Я так и знала! Черт! Так и знала! Все было липой от начала до конца! Эта сказочка про...

– Нет, Юльча. Ты вполне *могла быть* моей дочерью. Мы действительно попали в аварию и жили с твоей матерью в одном номере две недели.

Юля уже его не слушала. Она раскачивалась на диване и завывала как волчица на луну. Перед глазами промелькнули все негативные события из ее жизни за последние десять лет. Вот она лежит неподвижно в кровати, орошая подушку слезами. Ходит по квартире как тень в загробном мире. Терпит выходки соседа-насильника. Находит в подъезде веревку, на которой решает повеситься. Ночами напролет подглядывает за окнами квартиры Роши. Все это время они могли быть вместе!

– Как ты мог так со мной поступить? – прошипел со злостью Роман, отшвырнул конверт с тестом на журнальный столик и снова схватился за подлокотники кресла. Руки побелели от напряжения. Он перешел на крик: – Мало ли что эта истеричка вбила себе в голову! Ты должен был со мной поговорить! Я тебе доверял!

Его крик вывел Юлю из забытья. Она вскочила на ноги и повторяя как заведенная: «Как же это жестоко! Как жестоко!», наворачивала круги по гостиной.

– Доверял? – Сергей тоже рассвирепел. – Что-то я не помню твоего доверия, сынок. Ты два года скрывал от отца, что женился на сводной сестре! Два года морочил мне голову какой-то девушкой по имени Миа. А это оказалась Юльча!

– Вы видели, как мы страдали! Не один год... и просто смотрели... Да кто вы после этого? Ироды!

Глаза Юли наполнялись слезами как чаша фонтана, но окрик Романа укротил ее истерику.

– Не мельтеши! – заорал он на нее так грубо, будто это она виновата в действиях родителей. Юля вздрогнула и замерла. Роман смягчил тон и показал на диван. – Сядь... прошу тебя...

– Мы не ироды, мы родители, которые хотели своим детям счастья.

– Счастья? – Роман злобно хохотнул и показал на инвалидное кресло. – О! Я очень счастлив! Просто захлебываюсь счастьем, поэтому... – он отмахнулся и развернул коляску так, чтобы не было видно его глаз.

Юля все еще не могла поверить в то, что услышала. Вцепившись в диванную подушку, она изо всех сил заставляла себя успокоиться. Роман сверлил испепеляющим взглядом отражение отца в окне и мысленно представлял, как его руки смыкаются на горле матери Юли. Как она могла так поступить? Как она ходит до сих пор по земле? Комната так наэлектризовалась ненавистью и злобой, что одна искра – неосторожное слово или взгляд – и Сергей бы пожалел, что отдал результат теста лично в руки.

– В какой-то момент я сдался, признаюсь. Хотел прийти к тебе и все рассказать. Но у вас вдруг все наладилось. Ты сказал, что сделал предложение Снежане. Потом женился. В те дни Юля выиграла соревнования в Японии. Да как выиграла? Блестяще. С поломанной ногой.

– Что? – Роман развернул кресло лицом к Юле и сморщился от боли, он впервые об этом слышал.

– А потом она возглавила банк. В ее-то возрасте! И все вокруг говорили, что она финансовый гений. И я понял, что мы все сделали правильно. Посмотри на меня, сынок и ответь честно. Смогла бы Юля достигнуть тех высот, будучи твоей женой? Какие у тебя были планы на ее счет? Заделать ей кучу ребятишек?

– Это не твое дело! – закричал Роман, вены на лбу вздулись, лицо покраснело. – Это было наше с ней дело! Если у нее были такие способности, они бы все равно рано или поздно проявились!

– С двумя или тремя детьми? Да ты не знаешь что это такое сынок! У тебя один сын, и ты его видишь только по выходным! А я вырастил с Алкой двоих и скажу тебе честно, нас с ней это подкосило до костей. Все эти хлопоты отбили соображалку вконец. Ты думаешь, почему я продал бизнес и занялся простой работой? Мы его больше не тянули! Заботы о детях съедали все!

– Десять лет! – схватилась за голову Юля и громко застонала. – Десять долгих чертовых лет!

Юля зарычала, как раненый зверь. Перед глазами промелькнул день их расставания. Попытки с кем-то познакомиться и разочарование в бесполезной затее с первых же секунд общения.

– Почему сейчас? – спросил Роман и пальцем указал на заключение лаборатории. – Из-за моих попыток оставить этот бранный мир?

– Конечно! Ты это делаешь из-за нее, – Сергей кивнул в сторону Юли. – Ты ее любишь и до сих пор с ума сходишь от тоски. Юля давала тебе то, что ты не смог найти в других женщинах.

– Убирайтесь! – Юля с презрением показала Сергею на дверь. – Вон! Пока я вам глаза не выцарапала!

Дважды повторять не пришлось. Сергей рванул к выходу и покинул дом. До Романа с Юлей донеслось жужжание мотора заведенной машины. Шок еще не прошел. Никто из них не шевелился.

В гостиной воцарилась тишина. Роман и Юля были прибиты новостью как огромной бетонной плитой. Все это было похоже на зловещий розыгрыш, будто родители возненавидели их с самого рождения и только и ждали подходящего момента, чтобы отыгратья.

Влюбленным было еще хуже, чем в первый раз. Тогда они были молоды, полны наивных надежд на будущее. Теперь же жизнь их потрепала, преподавала уроки и научила уму разуму. Хоть они и сходили друг по другу с ума, в итоге бросили якорь совершенно в разных мирах. Юля купалась в роскоши, ни в чем себе не отказывала. Посещала вечеринки, где развлекалась элита и знаменитости. Роман же все что зарабатывал либо вкладывал снова в бизнес, либо отдавал на благотворительность. Не просто выделял деньги, а сопровождал проекты до конца. Никогда не шиковал. На дорогие курорты не ездил. До комы он вел активный образ жизни. Увлекался экстремальными видами спорта. Частенько ходил в турпоходы с друзьями и семьей. А после комы другая крайность: инвалидность, алкоголизм и затворничество.

Сейчас они были настолько далеки друг от друга, что даже представить себе невозможно. На словах все выглядело просто, но в реальности их воссоединение было из области фантастики и оба это понимали.

– А вдруг это опять уловка? – спросил Роман.

– Он же не дурак! От такого родства дети больные рождаются, – парировала Юля, но честно себе призналась, что тоже об этом подумала.

– Мне кажется, вот сейчас он точно о детях не думает, – Роман показал на дверь, в которую только что вышел Сергей. – Мало того, целую речь толкнул, что отец из меня так себе... Он ведь что угодно сделает, лишь бы меня отвлечь от суицидальных мыслей!

Роман все сыпал новыми аргументами, а Юля смотрела на него и ужасалась. Мысли о суициде, особенно после смерти Ярика, вгоняли ее в такую тоску, что напрочь перекрывали все остальные проблемы.

– Почему ты это делаешь?

– Что? – Роман еще не переключился с темы генетического анализа.

– Уход из жизни...

– А-а-а! Это... – он потер ладонями лицо и убрал волосы со лба. – Я совершенно не вижу себя в будущем. Не вижу себя отцом, мужем или другом. Сегодняшний вечер полностью заслуга отца и моих подопечных по фонду. Мне неудобно было отказать больным детям. Ты приехала на взрослую вечеринку, а была еще детская – днем.

– Вот как, – протянула Юля и тяжело вздохнула.

«Сплошная галиматья», – подумала она.

Всем своим видом она дала понять, что не верит ни единому его слову. Как он мог забыть, что она читала его с такой же легкостью, как и он ее? Вот почему между ними все было просто и без окраса лжи и недоказанности.

– Ты права, это бред сивой кобылы. Главная причина – боли и судороги. Это меня достало.

– Что болит?

– Все! Голова! Ноги! Позвоночник! Поясница... – Роман рубанул рукой воздух. – Спасу нет. Ни таблетки, ни алкоголь не помогают. Я сейчас с тобой говорю, а у самого ноги в пламени. Боль адская. Устал я... все раздражает...

– Может тебе лечь? – предложила Юля и поднялась с дивана. – У меня ничего не болит, но от усталости я валяюсь с ног.

Тяжело вздохнув, Роман кивнул, крутанул по колесам и покатился в сторону спален.

Юля впервые увидела, как он пересаживается на кровать. Оказывается, он мог сам встать и даже сделать пару шагов. Но потом, резко потеряв равновесие, падал плашмя и стонал от боли. Юля не стала ему предлагать помощь. Что-то ей подсказало, что от этого процесса нужно держаться подальше. Но когда Роман стал раздеваться, она все же не устояла, подошла и помогла ему стянуть брюки. Вид его почти обнаженного тела заставил ее сердце биться как после многочасовой пробежки. Руки тянулись к его груди, и она непременно бы до него дотронулась, но Роман быстро забрался под одеяло и начал растирать ноги.

– Ложись со мной, – устало и, постанывая от боли, произнес он, – так мне будет легче. К тому же нам есть о чем поговорить. Разговоры хоть немного отвлекут.

Юля кивнула и хотела забраться на кровать, но он зацокал языком и показал на ее одежду.

– Нет, Миа, раздевайся. Я десять лет не видел тебя обнаженной.

Услышав имя, которым он в последний раз называл ее в ту самую роковую ночь, Юля чуть не прослезилась, но быстро взяла себя в руки и собрала волю в кулак. Ей нельзя расслабляться.

Мысли о тестах не давали покоя и раздеваясь, она сказала:

– Завтра первым делом позвоним в генетическую лабораторию и попросим прислать лаборантов на дом.

– Нет, – отрезал Роман, и Юля взглянула на него с непониманием. – Ради такого я выберусь из дома. Сами поедem в лабораторию. Чтобы уже никакой ошибки не было.

– А пока не надо никому говорить...

– Согласен, пока не будет подтверждения – никакой движухи.

Избавившись от одежды, Юля легла рядом с любимым. От ощущения ее горячего тела Роман охнул и притянул Юлю к себе так сильно, что она чуть не задохнулась.

– Отец прав. Я это делаю из-за тебя, – его голос дрогнул, и Юля вся сжалась. – После комы с головой и так плохо... а осознание того что я держал тебя в объятиях, целовал... ты была так близко и я тебя упустил... это выше меня...

– Это уже третья версия, – улыбнулась Юля, – не могу понять какая же из них реальная.

– Ты знаешь какая, – он зарылся лицом в ее волосы и вдохнул аромат. – У тебя новые духи... мне нравится запах.

Какое-то время они лежали молча. Обоих захлестнули воспоминания. Юля поцеловала его в грудь, и он застонал. Он принял ее жадный взгляд за поиск медальона и с горечью признался:

– Я потерял его.

– Кого? – не поняла Юля.

– Твой медальон. На Ямайке. Подрался в баре с каким-то янки и потерял. Потом три дня искал, но так и не нашел... прости...

Юля вспомнила о своем подарке и вскочила с кровати. Роман сразу встревожился.

– Ты куда?

Юля выскочила из комнаты. Испугавшись, что она может уйти он привстал и закричал ей вслед.

– Миа! Прощу тебя, прости!

Через минуту она вернулась, Роман с облегчением выдохнул и упал на спину. В руке она держала маленькую подарочную коробочку для ювелирных изделий.

– Я забыла о подарке. Кажется сейчас самое время...

С этими словами она вынула кулон. У Романа губы сложились в идеальную «о», руки потянулись к кулону. Он прочитал надпись и с нежностью взглянул на Юлю. Глаза увлажнились.

– Надень сама...

Жетон коснулся груди приятной прохладой. Роман прижал его рукой.

– Спасибо! Этот точно не потеряю... но тот мне был по-особенному дорог...

На лице отразилась такая боль, что смотреть на это у Юли не было сил. Она прижалась к нему и начала осыпать его лицо поцелуями.

– Роша... dolce mio... вернись ко мне, – Юля заплакала. – Пожалуйста. Не важно, какие будут результаты теста. Вернись.

– Тс-с-с-с, не плач моя красавица. Не был бы я инвалидом... а так...

– Заткнись!

– Я серьезно, Юля, посмотри на себя. Фил прав, ты словно богиня. Для меня так точно.

– Может внешне, – неохотно согласилась Юля, – а внутри пустота. Выжженная степь. Один сухой ковыль. Моя жизнь здесь, – Юля показала на его грудь в область сердца и поцеловала, – и здесь, – тронула губы и снова поцеловала.

На третий орган она показывать не стала, хотя глаза предательски туда взглянули и он тут же с довольной ухмылкой отреагировал:

– Да ладно, не робей уж... договаривай, – Роман щелкнул ее по носу и Юля сквозь слезы хохотнула.

Она все еще не решалась и он, взяв ее руку, положил на восставшую плоть.

– Роша... – прошептала она и округлила глаза от удивления. – Я думала... у тебя... проблемы после комы...

– Нет, с этим у меня все в порядке. Но он меня уже измучил. Иногда не знаешь от чего на стенку лезть... от боли или от того что он встает колом и мучает меня днями и ночами.

– Больше он тебя мучить не будет, – томно произнесла Юля. Ее рука скользнула за резинку боксеров.

– Миа! – Роман вцепился в ее руку. – Надо подождать...

– Нет, – решительно заявила Юля, отвела его руку и усилила ласки. – Мы не будем ждать. На самом деле результаты нам не важны. Больше я тебя не отпущу. Не позволю тебе уйти. Роша... ты мое Небо... моя судьба... моя единственная любовь... Кроме тебя мне никто не нужен...

– Отец прав. Мы снова начнем отдаляться от мира, – предпринял еще одну попытку возразить Роман.

– Какое-то время так и будет. Ведь нам нужно наверстать упущенное... десять лет Роша... мы упустили десять лет...

– Мы никогда не сможем наверстать упущенное, – с горечью отозвался он.
– Нам бы не упустить настоящее...

Она целовала его неистово, заново исследуя каждый сантиметр тела. Добралась до живота и Роман мгновенно вспыхнул. Лицо залил пунцовый румянец. Память настойчиво рисовала картинки из прошлого. Он знал, что его сейчас ждет. Приподняв голову, он следил за каждым ее движением. Хватал ртом воздух, казалось, еще мгновение и он задохнется.

– Миа, нам нельзя этого делать... – застонал он, но в голосе уже был страх быть услышанным.

– Мы будем это делать, – шептала она, освобождаясь от нижнего белья.

Он сжал ее груди и застонал от удовольствия.

– Они стали еще больше!

– Тебе кажется...

– Нет, не кажется. Я помню тебя всю... они больше... не спорь...

– Ты так же говорил в нашу первую ночь в той съемной квартире, – улыбнулась Юля.

– Ты помнишь?

– Я помню все!

– Скоро мы это проверим... – загадочно прошептал он и погладил ее плечи.

Комната наполнилась их томными стонами. Юля выгнула спину, когда губы Романа поочередно припали к ее соскам.

– Я люблю тебя Роша... люблю...

Романа пронзила острая боль в позвоночнике, он упал на подушку и застонал. Энергия страсти и вожделения, окутывающая секунду назад, мгновенно схлынула. Он накрыл глаза рукой, пытаясь прийти в себя. Юля все понимала, но остановись она сейчас, сердце взорвется в груди, а тело до утра будет пылать словно в огне.

– Нам нельзя этого делать, Миа. Нельзя...

С каждым ее поцелуем его голос звучал уже не так уверенно.

– Мне на все наплевать. Я хочу тебя, Роша.

Она блеснула лукавым взглядом и двинулась от пупка вниз. Не то от боли, не то от наслаждения Роман выгнул спину и застонал. Ее губы добрались до его восставшей плоти.

– Говори со мной. Тебе больно?

– Да... но ты не останавливайся, Миа, прошу тебя.

– Теперь уже точно не остановлюсь...

– Миа... А-а-х... Миа... Да!

Дважды приступы боли и судорог срывали их кульминацию. Роман стискивал зубы и лбом утыкался Юле в плечо. Несколько секунд он стонал, громко и прерывисто дышал, пытаясь удержать рвущийся наружу крик. Он уже хотел извиниться и сказать, что пока не в состоянии выдержать даже одного акта любви, но она зажала ему рот рукой и затопила накопившейся за годы разлуки нежностью.

– Скажи где больно, – спрашивала она и как только получала ответ, растирала проблемный участок горячими ладонями.

Когда отпустил второй приступ, Юля заставила его лечь на спину. После чего оседлала, и уже через минуту их снова унес водоворот страсти.

– Не могу в это поверить. Это ты... ты... моя Миа... – шептал он и закатывал глаза, будто сейчас потеряет сознание.

Юля задвигалась быстро, от чего оба наконец-то получили долгожданную разрядку. Роман сразу провалился в дрему, а Юля еще долго его гладила и нашептывала слова любви.

Комната наполнилась утренним заревом. Первые солнечные лучи щекотали и согревали лицо. Роман открыл глаза и увидел, что Юля смотрит на него. Ее взгляд был ласковым, блаженным и озорным. Он улыбнулся, вспоминая прошедшую ночь.

– Это ты так по мне соскучилась или за десять лет разлуки стала такой горячей? – он чувственно и страстно поцеловал ее в губы.

От мысли, что Роман пока не знает, насколько она стала горячей, Юля загадочно улыбнулась. Его пальцы нежно гладили ее фарфоровую кожу лица и шеи.

– Ты единственная женщина, которой не идет загар. Чем белее твоя кожа, тем зеленее глаза и тем ярче волосы.

– А тебе не идет щетина и тем более борода, – шутливо уколола его Юля. – Ты становишься похож на бомжа.

Оба улыбнулись. Он погладил ее волосы и спросил:

– Юлька, ты хоть понимаешь что сделала? – она подняла на него глаза. – Я ведь тебя теперь не отпущу, даже если молить будешь.

– Не отпускай... только с тобой я буду счастлива...

Он снова скривился от боли и перекатился на спину. Юля замерла. Она никак не могла понять, что с ним происходит. Все лицо мокрое от пота. Губы белые, тело холодное. Осаждают боли. Неужели врачи не могут скорректировать правильно препараты, чтобы он так не страдал?

– Счастлива? Со мной? В это трудно поверить... – он посмотрел на нее и с горечью усмехнулся. – Секс был очень далек от того что у нас было раньше.

– Все наладится, – Юля чмокнула его, вскочила с кровати, – вот увидишь. Я ожидала меньшего, но была приятно удивлена. – Она прильнула к его груди и начала посасывать кожу. Оторвавшись, посмотрела на плод своего труда – красное пятно в форме ее губ – и с довольным видом резюмировала: – Это маленькое спасибо за ночь. А теперь марш в ванную, а потом на кухню завтракать.

Роман смотрел на ее бодрый вид, похоже, она довольна, хотя он думал, что утром его предадут позору. Наблюдая, как она одевается, он попросил:

– А можно помедленнее? – Роман изобразил фотоаппарат и щелкнул языком. – Я тебя сфотографировал.

– Ты с ума сошел? В этом старье? – Юля показала на джинсы и футболку. – Сотри из памяти! И не вздумай мухлевать! Ночью я заберусь в твою голову и проверю!

Ему так не хватало их шуточек, дразнилок и дурачеств, что услышав ее слова он чуть не заплакал. Похоже, что его чувства снова возвращались, просыпались от многолетней спячки и обострялись при каждом ее действии.

– Боже, ты стала еще красивее, еще сексуальнее, еще притягательнее.

Она уже хотела выйти, но обернулась и спросила:

– Ты же скажешь мне, если тебе что-то будет нужно?

– Что? Секс? – заулыбался он, хотя прекрасно понимал, о чем она.

– Нет, Рошка-Тетёшка. Я про твои ноги и боли.

Она выпорхнула из спальни и, напевая, пошла в ванную комнату. Юля буквально парила над землей. Роман прав, ночной секс был далек от идеала, можно сказать удивительно, что он вообще состоялся, но у нее было такое ощущение, что она испытала неземное удовольствие и теперь даже побаивалась, что это может быть разовой акцией. А что если Роша опять начнет нести ахинею про то, что нужно подождать или про то, что он инвалид? Юля точно этого не выдержит.

Когда Роман въехал на кухню, Юля как бабочка порхала вокруг плиты, которая была вмонтирована в кухонный остров. Она напевала, крутила в такт музыке бедрами и отслеживала поступающие сообщения на ее мобильный телефон. Похоже, что и в субботу Юле не давали отдохнуть и дергали по рабочим вопросам. Роману это не понравилось. Она вообще когда-нибудь отдыхает?

– Неужели я сейчас попробую мои любимые блинчики, – облизнулся он и потер ладони. – Юлька, я так соскучился по твоей стряпне.

– Боюсь тебя разочаровывать, но я совершенно разучилась готовить, – констатировала Юля. – В планах зреет идея пойти на кулинарные курсы.

– Не нужны тебе никакие курсы, – отмахнулся Роман. – Это как езда на велосипеде. Если научился ездить, то уже на всю жизнь. Дай пару штук на пробу, – Роман кивком показал на золотистые блины в тарелке, смазанные сливочным маслом.

Конечно же, Юля скромничала, в их семейной жизни она посвящала дому всю себя. Оттачивала кулинарное мастерство, шила, вязала, вышивала... да господи, не было того что она не умела как хозяйка. Ей было восемнадцать, когда они поженились, и за два года брака она освоила множество навыков. И все лишь

бы угодить Роше. Сейчас, например, в памяти всплыла монограмма, которую она разработала для мужа и вышивала на всех манжетах его рубашек, а его друзья спрашивали, в каком магазине он покупает такие оригинальные рубашки.

Роман же в этот момент вспоминал, как на тесной кухне съемной квартиры он садился рядом с женой, стоящей у плиты, гладил ее аппетитную попку и попрошайничал каждый блин, что только слетал со сковородки. Ему нравилось есть их горячими, что б аж обжигало нёбо.

– М-м-м, – закатил глаза к потолку Роман и облизал пальцы. – Не наговаривай на себя, Миа. Блины великолепны.

Юля заискрилась и зажглась как свет от тысячи свечей.

– Надо вызвать такси...

– Нас отвезут в клинику, не переживай. Пока ты мылся, я все уже организовала.

С лица Романа сползла улыбка.

– Зачем? – он нервно тряхнул головой. – Считаешь, я так беспомощен?

– Нет, – оторопела Юля. – Ты чего так болезненно реагируешь?

– А как я должен реагировать? Ты не доверяешь мне даже вызвать такси!

– Это не так, – блин пригорел и Юля чертыхнулась. Она выбросила его в мусорное ведро и приоткрыла окно. – Я хочу быть тебе нужной. Полезной. У меня такое ощущение, что ты меня постоянно отталкиваешь.

– Что за чушь! – возмутился Роман. – Ты же заешь, мне нужна только ты.

На тарелке появились еще два блина, и Роман уставился на них как ребенок на желанную игрушку.

– Идем, – игриво произнесла Юля и повиляла попкой, – занимай свое законное место.

Роман выгреб из холодильника сметану, варенье и подкатил ближе к возлюбленной. Как же ему этого не хватало! Похоже, что Юле тоже.

За два проведенных вместе дня они поругались бесчисленное количество раз. Трения возникали по любому поводу. То Юля загородила ему проезд. То отпихнула куда-то тапочки. Роман цеплялся по мелочам, а из-за реального повода

мог устроить грандиозный скандал. При этом он то и дело посматривал на высокий комод, и Юля проверила его содержимое при первой же возможности. Это был бар, наполненный крепкими спиртными напитками. Роману хотелось выпить, видимо это вызывало неуправляемые вспышки гнева.

Они сдали кровь на повторную генетическую экспертизу. Посетили несколько врачей. Юля настаивала на корректировке приема лекарств, но на приеме выяснилось, что Роман вообще их не принимает. Они не сочетаются с алкоголем, и он исключил таблетки.

– Ты с ума сошел?! – гневно кричала на него Юля в кабинете врача.

– Алкоголь избавляет не только от боли, но и дает забыться, – отмахивался Роман. – А мне многое нужно было забыть.

– Помогло?

– Не очень.

– А сейчас? Ты все еще хочешь все забыть? – съехидничала она и скрестила руки на груди.

– Сейчас все изменилось, – нехотя согласился он.

Обедали и ужинали в коттедже. Роман просил приготовить свои любимые блюда. Суббота закончилась раним отходом в спальню. Обоим хотелось единения и прикосновений обнаженных тел. На этот раз все было не так нервозно. Боли никуда не делись, но Роман чувствовал себя уверенней, замирал ненадолго, сжимал челюсть и как только приступ отпускал, продолжал свои ласки и откровения.

Они рассказывали друг другу все без всяких стеснений и ужимок. Возмущения и упреков было все меньше, а с уст слетали взаимные извинения.

– Прости меня, мое солнце...

– И ты меня прости...

Засыпали ненадолго, а проснувшись, возобновляли ласки. В перерывах дурачились и шутили.

Утро воскресенья выдалось бурным. Роман упросил Юлю приготовить блины и снова пристроился на законном месте. Юля поняла, что ему важна не еда, а сам процесс. После завтрака ему захотелось ее отблагодарить, и он показал ей на кухонный остров.

– Запрыгивай, Миа, – он начал стягивать с нее джинсы, – хочу изучить каждый миллиметр при дневном свете. – Под джинсами не оказалось трусиков, и Роман выдал свою коронную идеальную «о». – Хулиганка! Ты намеренно меня дразнишь?

Юля захихикала и, отодвинув в сторону кухонную утварь, легла на спину.

– Боже, женщина, что ты со мной делаешь?

– Люблю тебя... – застонала она.

Ласки были в самом разгаре, а ее стоны наполняли кухню, когда оба услышали звон разбитого стекла и чей-то вскрик. Юля открыла глаза и приподняла голову. На пороге кухни стояла рыжеволосая девушка лет семнадцати. Юля сразу поняла кто она. Это ее снимки Снежана нашла в кабинете. Роман чертыхнулся. С пылающим лицом незваная гостья бросилась к выходу. Хлопнула дверь. Ни слова не говоря, Роман крутанул колеса и поехал за ней.

Раскрасневшаяся от возбуждения и ревности Юля надела джинсы и подошла к окну. Картину, которую она застала, ей не понравилась и Юля сжала кулаки. Теперь она понимала Снежану. Комплекцией и цветом волос девушка была очень похожа на Юлю-школьницу.

Они скандалили! Она кричала и трясла руками перед его лицом, готовая ударить или накинуться на него. Он, то виновато опускал голову, то вскидывал и что-то рьяно объяснял. По реакции девушки Юля поняла, что она любит Романа. Он же был с ней всего лишь терпелив и вежлив. Девушка взяла руку Романа и приложила к своей груди.

Волна ревности подняла панику. Юлю забил озноб. Потом провал...

Очнулась она в шкафу среди своей старой одежды, а это означало, что она в той самой комнате с белыми стенами. Через секунду Юля осознала, почему очнулась – услышала скрип инвалидного кресла.

– Миа!

Юля молчала.

– Тетёха, вылезай. Хочу тебя кое с кем познакомиться.

Она насторожилась. Он что приволок рыжеволосую в дом?

– А я не хочу, – выпалила Юля со злостью.

– Это не вежливо, – упрекнул ее Роман.

– А мне плевать, – огрызнулась она. – Я не выйду.

– Вот Алиса что бывает, когда девочка вовремя не обращается за помощью к психологу, – сказал кому-то Роман, и Юля догадалась что девчонка стоит прямо здесь. – Она превращается в женщину и продолжает прятаться в шкафу.

Послышалось девичье хихиканье. Юля покраснела, ее захлестнула волна ревности и злости. Эта мерзавка еще над ней смеется! Вошла без предупреждения, устроила на улице скандал...

Ее мысли прервал стук в дверцу шкафа.

– Ты сюда сиганула, в чем была или оделась? Я открываю дверь.

Снова хихиканье. Дверца шкафа скрипнула и Юля сощурилась. Несколько секунд глаза привыкали к яркому свету.

– Вот Алиса, познакомься. Это моя Миа. Миа, это Алиса.

– Я знаю, кто она, – резко выпалила Юля и вылезла из шкафа. – Из-за этой девчонки Снежана хотела подать на развод.

Роман округлил глаза. Алиса ахнула и попятилась к выходу.

– Она нашла ее фотографии в твоём рабочем столе.

– Ты держал мои фотографии у себя дома? – девушка прикрыла рот рукой.

– Девочка, – обратилась к ней Юля ядовитым тоном, – не поздновато ли ты бледнеешь? Судя по тому, что было на фото, ты любительница позировать нагишом.

– Когда ты говорила со Снежком? – Роман тоже выглядел растерянным.

– Она прибежала тебя искать в день, когда ты упорхнул в голубом вертолете, – Юля показала в сторону девчонки и с издевкой спросила: – Ты трахал ее до того как снимал или после?

– Что?! – Роман заерзал и покраснел. – Так тебе сказала Снежана?

– Ей восемнадцать есть? Сколько длится ваш роман?

– Юля! Прекрати!

– Ой, не изображай из себя паиньку, – лицо Юли перекошилось в гневе. – Одного взгляда достаточно чтобы понять, почему ты ее выбрал! Вот только не понятно, откуда у нее ключи и почему она заходит в коттедж без стука?

– Потому что я ей разрешил, – Роман кипел от злости.

Юля бегала по комнате и хватала свои вещи.

– Вот как?! Не думала, что ты сменишь партнершу прямо на моих глазах. Даже Ярик согласовывал такие вопросы. Не переживай, просить меня не надо, все понимаю сама. Оставляю вас наедине. Вызову машину и уеду. – Повернувшись к нему, она разъяснила: – Я бы прямо сейчас уехала, но на мне позавчера были серьги стоимостью почти полмиллиона долларов. Как понимаешь, с такими украшениями в такси не ездят!

«Господи! Зачем я говорю о деньгах? Какая нелепость!», – подумала она.

Юля выбежала из комнаты, оставляя ошарашенную ее монологом парочку выяснять отношения. Была мысль переодеться и дожидаться водителя на улице, но машина могла задержаться в пути из-за пробок, а температура воздуха опустилась сегодня до плюс пяти градусов. Она уже переделась и отправила водителю сообщение, чтобы немедленно забрал ее, когда Роман проводил девушку до двери и попрощался. Юля все еще горела от злости и ревности. Расхаживая перед окнами кухни, она отлеживала проезжавшие мимо коттеджа машины. Время тянулось бесконечно долго.

– Что ты тут устроила?! – закричал Роман, въезжая на кухню. – Напугала Алису до полусмерти!

– Не сахарная, не растает, – буркнула Юля со злостью.

– Зачем ты переделась? Я не отпущу тебя! Юля! – Роман был в панике. Он попытался ее схватить и привлечь к себе, но Юля вывернулась и одернула руку. После чего в его голосе уже послышались истеричные нотки: – Юля я не шутил, я не отпущу тебя. Теперь мы вместе.

– Что? – Юля отошла от него на безопасное расстояние. – За кого ты меня принимаешь? Я не Снежана и с твоими изменами мириться не буду! А после опыта с Яриком тем более.

– Какими изменами? Юля! Она моя подопечная. Я помогал ей решать возникшие проблемы.

– Это как? – хохотнула Юля. – Снимая ее голой?

– Нет, я выкупил эти фотографии у шантажиста. Они лежали не в столе, а в сейфе... вместе с флешкой, – Юля метнула на него короткий взгляд и тут же отвернулась. – Просто выслушай меня. Пожалуйста.

Роман показал ей на диван в гостиной. Юля нехотя оторвалась от окна и выполнила его просьбу. Он подъехал вплотную, тем самым забаррикадировав ей отход.

– Заметил я Алису в онкологическом центре. Ты права, она привлекла мое внимание цветом волос. Она сидела в больничной кафешке, что-то читала и плакала. Я подошел, представился, сказал, что помогаю фонду и спросил, почему она здесь и почему плачет. Сначала она не шла на контакт, а потом все-таки рассказала, что ее мать больна раком. Что нужна операция. А денег в семье нет.

Юля была так зла, что не смотрела на возлюбленного. Тогда Роман нежно погладил ее по щеке, взял за подбородок и повернул к себе. Прочистив горло, он продолжил.

– Я позвонил в фонд и спросил про эту женщину. Почему мы ей не помогли. Выяснилось, что ее не отобрали из-за риска. Фонд выбирает тех пациентов, у которых прогноз был более позитивным. Тогда я сам оплатил операцию. Так мы и познакомились. Я приходил навещать ее мать, и мы частенько сталкивались в палате или в коридоре. А потом я увидел ее на стоянке. Какой-то парень пытался ее запихнуть в машину, она сопротивлялась. Я вмешался. Мне сразу начали угрожать, и тогда я подключил службу безопасности своей компании. Выяснилось, что ей посулили большие деньги взамен на фотографии в обнаженном виде. Положение у нее было катастрофическое – отец пил, они с сестренкой недоедали, долги росли в геометрической прогрессии, поэтому она согласилась. А потом ловушка захлопнулась. Денег платили все меньше и шантажом требовали новых фотосессий.

Юля заерзала. Неужели он не говорил это Снежане? Или она специально ей преподнесла другую версию, чтобы отвести от мужа?

– Я выкупил у них исходники. Держал в сейфе те снимки, которые передали в обмен на баксы. Даже не знаю, зачем они были нужны, может они хотели, чтобы мой человек, что передавал деньги, понимал, что на флешке. Потом я хотел отдать ей флешку и уничтожить фотографии. Но мы никак не могли пересечься, то у нее с учебой нелады, то у меня были горячие дни на работе.

– Тогда откуда на фотографиях твои часы?

– Часы? – Роман уставился на нее в недоумении. – Я не знаю...

– Понятно, – Юля склонила голову на бок, давая понять, что такой ответ ее не устраивает.

– Слушай, я действительно не понимаю, – Роман говорил искренним тоном. – Часы я не ношу уже много лет, они ведь есть в телефоне. Зачем этот бесполезный аксессуар? Да, у меня много часов, мне дарили их друзья и жена, но я их не ношу, они лежат в моей гардеробной.

– Допустим, это правда. Почему у нее ключ от твоего коттеджа?

– Алиса привозила мне выпивку. Пополняла бар. Все отказались мне помочь, даже отец, и я попросил ее. Она тоже за меня переживает. Пытается меня образумить.

– Как? Спаивая тебя? – Юля показала на комод, где хранилось спиртное. – Бар полный! Не знаю, какими дозами ты пил, но что-то мне подсказывает, что приезжала она не ради этого. Не делай из меня идиотку, Роша! Она тебя любит, это видно невооруженным глазом.

– Да! – выпалил Роман. – Я знаю. У нас был разговор на эту тему. Я ей сказал, что помимо жены у меня есть женщина, которую я люблю, и буду любить ее всегда. Прочитал ей лекцию про то, что она вскоре встретит свою судьбу. Она все поняла. Тему замаяли.

– Ага! Поэтому она сегодня схватила твою руку и приложила к своей сиське! – гневно бросила ему в лицо Юля.

Роман взвыл и посмотрел на нее с укором.

– Миа, для меня она просто девочка, которая напоминала тебя. Я ей помог. Она мне тоже. Все!

– Тогда почему Снежана хотела подать на развод? – не успокаивалась Юля.

– Снежок вешает на человека ярлык в течение десяти секунд. К твоему сведению, я – развратник и изменщик. Но почему-то до сих пор ее муж, – Роман заглянул Юле в глаза. – Неужели ты думаешь, что она осталась бы со мной будь у нее реальные доказательства моей измены? Я давно ее обременяю. Еще до появления Ярика. Она бы рада урвать кусок пожирнее и свалить. Да все не получается. То компания под угрозой банкротства, теперь мой паралич.

– Ты с ней не собираешься разводиться? – Юля закусила губу.

– Конечно, собираюсь. Но пока мы это не обсуждали.

– Понятно, – Юля по горло была сыта всеми этими разговорами, взглянула на часы и сказала: – За мной скоро приедет машина. В любом случае мне нужно домой. Завтра рабочий день.

– Ты мне не веришь? Думаешь, что я балабол, который будет кормить тебя обещаниями о мифическом разводе? Нет, Юлька. Этого не будет. Только не у нас.

Краем глаза Юля заметила подъехавший «Бентли» и спешащего к двери телохранителя.

– Все. Мне пора, – Юля встала и поправила платье.

Роман не собирался ее выпускать. Он поднял на нее голубые бездонные глаза и с надрывом спросил:

– Ты бросаешь меня?

Поступило сообщение от секьюрити:

«Мы у входа».

Она тут же ответила:

«Выйду через пять минут».

– Что значит бросаешь? Мне нужно ехать домой.

– Мы теперь вместе. Если тебе нужно домой, значит, я поеду с тобой.

Хлопая ресницами, Юля снова опустилась на диван.

– Роша, что с тобой?

– Когда ты планировала снова со мной увидеться? – задал он ей встречный вопрос.

– На выходных... – пожала плечами Юля.

– Вот как? Меня нельзя оставлять одного. Отец уехал. Что будем делать?

Юля поежилась. По телу пробежал мороз. Кажется, она недооценила его психологическое состояние.

– Что ты предлагаешь?

– Если мы вместе, то я еду с тобой. Если нет, то езжай, но больше мы не увидимся.

– Почему? – Юля испугалась. На что он намекает?

– По многим причинам. Одна из них, я снова буду пить. Таким ты меня точно не захочешь видеть.

В комнате воцарилась тишина. Юля пристально вглядывалась в его лицо. Роман не шутил. Интуиция ей подсказывала, что дело не в выпивке. Он приравняет ее уход к их расставанию и предпримет очередную попытку самоубийства.

– Я предлагаю провести эксперимент, – выдал Роман и сложил руки домиком. Губы коснулись кончиков пальцев. – Результаты анализов мы получим через две недели. Всю следующую неделю я буду с тобой. На работе. Дома. Куда бы ты ни пошла. Наблюдаю. Оцениваю. Вникаю в образ жизни. На второй неделе меняемся местами. Ты со мной, куда бы я ни поехал.

«Я так и знала! Очередная авантюра!», – подумала Юля.

– Что будет, когда анализ будет готов?

– Мы сядем и поговорим. Примем общее решение. Никто никуда не будет убегать. При этом мы будем знать кем мы стали, чего достигли и какое у нас окружение. Мы будем открытыми книгами.

Юля задумалась. Идея неплохая.

– И как я буду представлять тебя своим сотрудникам?

– Как будет требовать обстановка. Никаких обид. Если ты или я не захотим афишировать нашими отношениями, то так и будет, но только эти две недели.

– А если у меня возникнет экстренный случай?

– Ты сможешь меня покинуть, только если я разрешу. Тоже самое будет и со мной.

Юля пыталась найти в этом вопросе подвох.

– Для чего тебе это нужно? – она недоверчиво изучала его лицо.

– Ты сказала: «Роша, вернись ко мне». Я должен знать, что ты понимаешь, о чем просишь. Мое сердце не игрушка, тем более, сейчас. Я должен знать, что инвалидность, перепады настроения и приступы не станут потом для тебя помехой. Я могу потерять сознание, такое было не раз. Так же врачи не исключают новую кому.

Он смотрел на нее с вызовом, будто говорил: «Посмотрим, как ты с этим справишься!». И она приняла вызов.

– Ладно, по рукам!

– Я еду с тобой, – напомнил он.

– Только ты должен понимать, что моя квартира не рассчитана на инвалидное кресло и у меня нет такого туалета как у тебя.

– Я помню, я же был там, – Роман направил кресло в спальню.

– Ты куда?

– Соберу вещи.

Юля помотала головой. Последние два дня она помогала ему одеваться и видела его гардероб.

– Ты будешь на моей территории, поэтому ничего из того что висит в шкафу тебе не понадобится.

Роман уставился на нее обиженным взглядом, но все же взял себя в руки и поехал за ней следом к «Бентли».

Юле пришлось пересмотреть свой график на ближайшую неделю. Брать с собой Романа на все встречи она не могла – вымотались бы оба. Она долго думала, как объяснить Савве присутствие Романа не только в ее жизни, но и на работе, а всех деталей договоренностей ей пока раскрывать не хотелось. Поэтому Савве она сказала, что после очередной попытки свести с жизнью счеты, семья взяла над Романом шефство и ближайшие две недели ее очередь. Она объяснила, что на этой неделе она занимается своими делами, а на следующей – его. Потом войдет в прежний график и все будет как раньше.

Савва долго изучающе на нее смотрел, потом все-таки кивнул. Но после того как охрана доложила, что Роман живет у нее и спят они в одной комнате Савва разнервничался и частенько влетал в ее кабинет без предупреждения. Ему хотелось застать голубков на рабочем месте за чем-то неприличном и высказать Юле все что накопилось, но брат и сестра занимались делами и находились в разных частях комнаты.

Первые три дня были самыми тяжелыми. Юля впервые узнала, что не все даже современные офисные здания оснащены удобными пандусами, а если они и имелись, то могла быть скользкая плитка или крутой уклон, что разогнавшись в кресле можно выехать на проезжую часть или сбить пешехода. Однажды так и произошло. Засмотревшись на Юлю, Роман не рассчитал со спуском и только

вовремя отреагировавший телохранитель смог воспрепятствовать его съезду на оживленное шоссе.

За приемом лекарств и ежедневной физической нагрузкой Романа Юля следила как орлица. Возила его на физиотерапию и в тренажерный зал, где специалисты разработали индивидуальный комплекс упражнений. В первые дни Роман был слаб и обозлен. Грубил персоналу и тренеру. Говорил, что это самое бесполезное занятие и потеря времени. После даже укороченного рабочего дня сил у него ни на что не хватало. Тогда Юля переодевалась и начинала заниматься вместе с ним. Она понимала, что помимо его проблем со здоровьем, на его психику и тело до сих пор оказывал влияние алкоголь. Пришлось вспомнить методы воздействия ее собственного тренера по каратэ. Она дразнила его хлюпиком, рассказывала, как о нем отзывался Ярик. Это было жестоко, но как ни странно подействовало. На четвертый день Роман вошел в режим тренировок и уже не жаловался на усталость.

Юля настояла на новом гардеробе, поэтому в начале недели пришлось выделять этому нервному и трудоемкому процессу по несколько часов в день. Рудик сразу «умыл руки» и в резкой форме дал ей отпор. Он был готов помочь в чем угодно, только не в преображении Романа, а его присутствие в банке и на встречах считал полным идиотизмом. Дважды он порывался записать Юлю на прием к психотерапевту. Юля узнавала об этом, когда Галина заходила согласовать с ней расписание. Приходилось объяснять испуганной ассистентке, что это не у Юли, а у Рудика с головой полное «ку-ку».

Все покупки Роман оплачивал сам, но каждый раз взглянув на ценники, закатывал демонстративно глаза и возмущался:

– Господи! Да это же стоимость перевязочного материала для детского отделения на целый месяц. К чему такие траты? Я что в своем синем пуловере недостаточно для тебя хорош?

Возмущения не утихали даже в «Бентли». Из-за бесчисленных примерок он быстро выдыхался и в салоне мог ехать только лежа. Роман укладывал голову ей на колени, и как только боль немного отпускала, продолжал распекать ее за излишнюю расточительность. Юля даже не пыталась вступить с ним в полемику, просто поглаживала его по лицу и теребила волосы. Но, несмотря на

недовольство, последующие две недели он надевал только ту одежду, что они выбрали вместе.

Ночевали в гостевой спальне на первом этаже, в которой раньше жил Рудик. С каждой проведенной вместе ночью, Роман спал все крепче, не так часто вздрагивал от резких приступов боли и не просыпался от кошмаров. Проснувшись в пятницу, он заметил, что хоть и весь мокрый, но спал всю ночь как убитый. К концу недели Юля подметила, что руки у Романа потеплели, перестали трястись, а это говорило о нормализации кровообращения и прекращения интоксикации. И хоть до идеала было далеко, Юля воспрянула духом.

Пока Юля была на совещаниях, на которых он не мог присутствовать, Роман просмотрел все ее любимые фильмы, а мультфильм «Унесенный призраками» даже трижды. Он все пытался понять, что конкретно она чувствовала после каждого действия героев, и пытал ее вопросами.

В субботу Савва пригласил ее на ужин домой, и Юля сказала Роману, что он поехать с ней не может. На этот раз Роман не упрямылся, не изводил ее как всю неделю отказами, а просто кивнул и обнял. Одного его оставить дома она не могла и упросила Рудика за ним присмотреть, а когда вернулась, Роман уже спал, ну или делал вид, что спит.

Во время ужина Савва допытывался от Юли подробностей отношений с братом. Юля отмалчивалась, переводила разговор на другую тему, от чего Савва еще больше насторожился и впал в уныние. Ему и так приходилось несладко. Отец практически отошел от дел. Даже слушать ничего не хотел о банке. Он горевал о потере любимого сына. Доля наследства Ярика перешла благотворительному фонду до вступления завещания в силу, и все его намеченные проекты теперь воплощали нанятые Яриком специалисты.

Всю неделю Юля получала угрожающие сообщения на мобильный телефон.

«Скоро ты умрешь сука!».

На следующий день еще одно:

«Готовься к смерти тварь!».

Номер, на который приходили сообщения, принадлежал банку. Знал его узкий круг сотрудников и партнеров. Сначала они с Саввой подумали, что это

как-то связано со сделкой с землей, которую они притормозили. Но сын Айратова слился окончательно, давая Юле понять, что он больше не при делах.

В конце недели Юля получила еще одно сообщение:

«Рыжая Юля довертелась и сдохла!».

Это сообщение красноречиво говорило о личной вендетте, и Юля уже не стала дергать Савву по этому вопросу. Рыжей Юлой ее называли только в Боровской школе. А значит, тот, кто забрасывал ее этими дурацкими сообщениями, знал ее с детства или знал Рошу, который мог сказать о ее школьном прозвище.

В субботу, когда Юля была на ужине у Саввы, ей прислали на телефон тот самый ролик, где она бегала от Ярика, но с пошлыми рисованными добавлениями в области гениталий. Юля так изменилась в лице, что Савва сам выхватил у нее телефон и просмотрел ролик.

– Что за черт! Кто это на тебя так ополчился? Да еще тогда когда твой братец появился в банке!

От такой инсинуации Юля вздрогнула и уставилась на Савву самым недружелюбным взглядом.

– Ты меня сейчас проглотишь как самка богомола! – возмутился Савва. – Но согласись, что это совпадение как-то странно выглядит. Он появляется в твоей жизни, и ты тут же начинаешь получать сообщения с угрозами, а теперь еще это видео.

Все это походило на ребячество, чьи-то каверзы, напоминавшие месть незрелой личности. Юля в первую очередь заподозрила Диану, девушку которую облила на вечеринке, и Алису, свою рыжеволосую копию школьного разлива. А еще немного подумав, включила в список Снежану. Ведь она наверняка уже узнала, что Роман живет у сестры.

Воскресным утром Роман выглядел подавленным и раздраженным. Юля сидела рядом с Рудиком за барной стойкой, пила кофе и просматривала в айпэде биржевые новости. Роман вызвался приготовить завтрак и колдовал над омлетом

с грибами и сыром. Мужчины избегали общения, и Юля заподозрила неладное. Она осведомилась у Романа, как прошел его вечер, и он разразился речью:

– А знаешь, я не скучал! Приехал *твой мужчина*, и веселил меня до полуночи разговорами о сексе. Представляешь? У минета двенадцать основных техник. Двенадцать! Ты все их знаешь? – глаза его горели гневом и ревностью. – Все на нем испробовала?

– Мой мужчина? – Юля перевела гневный взгляд на Рудика.

– Ты сама говорила, что я главный мужчина твоей жизни, – как ни в чем не бывало отозвался Рудик.

– Я говорила это совершенно в другом контексте, – упрекнула его Юля.

– Он сам виноват. Нет, чтобы спросить напрямую, кто я тебе и почему тут шаستاю, как в собственном доме, вообразил своим скудным умишком черте что, и начал задавать провокационные вопросы. Вот я и поведал ему детали своего последнего секса.

– Рудик, – Юля кинула на него осуждающий взгляд. – Нельзя так!

– Скудным умишком, – эхом отозвался Роман. Он стукнул сковородой по плите. Лицо перекошилось от злости.

– Да, ладно, Юля! Если бы он любил и доверял, не задавал бы дурацких вопросов.

– Доверял?! – заорал Роман и одним махом смахнул посуду со стола.

Юля и Рудик вздрогнули от внезапной вспышки гнева.

– Убирать будешь ты, – Юля показала пальцем на Рудика, а потом на разбитую посуду.

– Я?! Я-то тут при чем? Он разбросал – пусть сам и убирает.

Кипя от ярости, Роман отставил сковороду с плиты и откатился к окну. Ему никак не удавалось взять себя в руки. Какие отношения у Юли с этим парнем? Почему он имеет на нее такое влияние? Ведет он себя очень агрессивно и по-хамски, а она все терпит.

– Не дразни его. Нам обоим досталось.

– Тогда почему он обвиняет во всем тебя? Все не так, все не эдак! Знаешь в чем его проблема? – Рудик кивнул в сторону Романа. – Он живет в своем придуманном мирке. Там только вы вдвоем, там он развешивает картинки на

стенах. Покупает фильмы для совместного просмотра, чтобы вам по вечерам не было скучно. Готовит ужины. Все для тебя. И все как бы прекрасно, вот только тебя он не знает. Он тебя придумал.

– Не говори глупости, – спокойно возразила Юля. – Роман единственный кто меня знает по-настоящему.

– Ха! Как бы ни так! Это я тебя знаю настоящую! Я знаю, что грибы ты терпеть не можешь, – Рудик ткнул пальцем в сторону сковороды и Роман кинул на Юлю вопросительный взгляд. – Я знаю, что у тебя аллергия на гребешки, которыми он пытался тебе накормить со своей тарелки позавчера в ресторане. Я знаю, что после переутомления тебе нужна ванна с настоем трав, куда входят девять компонентов и массаж ног с горячим миндальным маслом. Я знаю, какой цвет в одежде поднимет тебе настроение. Какая самая любимая песня на данный момент твоей жизни. А он тебя выдумал! Представь, какой бы ты была, если бы вы не расстались из-за твоей чокнутой мамы. Думаешь ты бы достигла того что ты сейчас имеешь? Нет! Я прямо вижу эту толстушку с тремя детьми, которая стоит в очереди за колбасой и торгуется за каждый рубль, не потому что у нее нет денег, а потому что скучно!

Роман пристально смотрел на Юлю. Ему хотелось впитать каждую ее эмоцию. Вопрос Рудика ему не понравился, но он был своевременным и актуальным. Отец уже поднимал эту тему, но тогда он был так зол, что не утруждал себя подобными мыслями. А как реально бы они жили? Ведь он действительно даже не задумывался о карьере любимой. Ему она виделась женою, матерью и хранительницей очага. Управляющая банком? Да еще в тридцать лет. Вздор! Он бы никогда в это не поверил.

– Он тебя подавлял. А как личность тебя выковал Иша. Он сделал тебя сильной, пробивной, выносливой. Научил побеждать и видеть то, что другие не видят. Кому бы я спел оду благодарности, так только Ише. А Ярик тебя раскрыл как женщину. Ты стала такой зажигалкой, горела в его руках как пламя. Сейчас ты на пике своего личностного и физического совершенства и достаешься... – Рудик показал пальцем на Романа. – Ему! А что он сделал для тебя? Что? Ничего!

Юля уже хотела сказать, что видит в их встрече через десять лет сакральный смысл, но ее прервал Роман.

– Иша? – он развернул инвалидное кресло и воззрился на Юлю. – Кто такой Иша?

Юля смутилась, покраснела. Сейчас ей точно не хотелось обсуждать эту тему, еще и при Рудике.

– Рудик заткнись и проваливай.

– Я еще не поел.

– Дома поешь! – закричала Юля, давая понять, что он накалил атмосферу до предела.

– Кто такой Иша? – повторил свой вопрос Роман уже более настойчиво.

– Ее муж! Болван! – процедил сквозь зубы Рудик, проходя мимо Романа. – Ты хоть знаешь, что после тебя она еще раз выходила замуж? А мне она как мать! Она три года была моим опекуном. И я очень бы хотел, чтобы она была моей родной матерью! Потому что когда разыгрывали в лотерею матерей, я явно вытащил не свой номер! Но вот такого отца как ты, я бы точно не хотел!

Рудик направился к лестнице, но далеко отходить не стал. Он еще не все высказал этому надменному лицемеру.

– Ты замужем?

– Была. Фиктивно. Сейчас уже разведена... – оправдалась Юля.

– Кто этот Иша, черт возьми? Почему ты о нем ни разу не упомянула?

Отмалчиваться было бесполезно. Набери это имя в поисковике и наткнешься на фото Левы. Странно, что Роман не знал духовный псевдоним друга, возможно из-за того что они много лет не общались. Юля понимала, что ее сейчас ждет и зажмурилась.

– Это Лева...

– Что? – Роман побелел. – Вы были женаты? Я так и знал! Так и знал! – заскрипели колеса инвалидного кресла, Роман выезжал из кухни. – Я это понял, когда он слил нашу дружбу. Он выбрал тебя, но мне гад ничего не сказал. Зачем? Зачем я вас познакомил?

– Ха! Так это он вас познакомил?

Юля обернулась, Рудик стоял в дверном проеме, сложа руки на груди.

– Сгинь, – Юля швырнула в него кухонное полотенце.

– И не подумаю, – огрызнулся Рудик и откинул полотенце в сторону.

Всю неделю Юля избегала таких моментов, потому что знала, что в их с Рошей отношениях ссоры не давали им воссоединиться окончательно. А им так хотелось почувствовать то, что было раньше: единение, абсолютное счастье, всепоглощающую любовь! Казалось, это вот-вот произойдет, так близко они подбирались к этому состоянию. Но нет... случалась размолвка и все срывалось. Это выматывало обоих. Потому-то Юля так обиделась на Рудика. Она могла ему простить что угодно, но только не нападки на Рошу. Рудику еще это предстоит разъяснить, а пока ей нужно погасить конфликт и развести противоборствующие стороны по углам.

Когда Роман въехал в гостевую спальню и захлопнул дверь, Юля спросила подопечного уже другим тоном:

– Почему ты так с ним жесток?

– Потому что он не воспринимает тебя как цельную личность. Потому что принижает твои возможности.

– Для этого мы и придумали эти две недели. Мы хотим узнать друг друга. Ведь прошло десять лет, и мы изменились. А ты вместо того чтобы помочь мне накаляешь и без того булькающую от кипения температуру.

– Ты не будешь с ним счастлива, Юля. Он мягкий диктатор и манипулятор. Он подминает тебя под себя с полпинка. Он только глянет на тебя, и ты уже встаешь перед ним на лапки, готовая ради него бежать на край света, – Голос Рудика разносился эхом по квартире так громко, что Юля не сомневалась, что Роман слышит каждое его слово. – Сейчас, глядя на твою недельную трансформацию, я не удивлен, что твоя мать так с вами поступила. Если она за всем этим наблюдала долгие годы, то вынуждена была пойти на крайние меры. Зато она тебя встряхнула и дала толчок к собственной жизни. С ним, – Рудик показал в сторону двери гостевой спальни, – своей жизни у тебя не будет. Ты бросишь банк... бросишь группу... бросишь друзей. И сделаешь это сама. Он даже тебя просить не будет. Просто создаст условия, при которых ты будешь счастлива только с ним, в его маленьком мирке.

Юля плюхнулась на стул и уставилась в пол.

– С одной стороны мне тебе возразить нечем, – ответила она после паузы. – Именно так и выглядит наша любовь для непосвященных. Ты мне очень близкий

человек, Рудик, поэтому я хочу, чтобы ты понял, это не Роша манипулятор и диктатор, это наша любовь такая. Она пленных не берет. Она жестока и всепоглощающая. Она требует максимальной отдачи. А за непослушание наказывает. Забирает то, без чего ты уже жить не можешь. Но она не только отнимает, но и дает. Наша любовь похожа на богиню Афину. Она не только изобрела войны, но учредила законы, научила ткачеству и кулинарии. Роше ведь тоже приходилось многое претерпеть. И даже изменив мне однажды, когда мы еще не занимались сексом, а так тискали друг друга, она довела его до попытки самоубийства. И сейчас мучает. Потому что она хочет, чтобы мы были вместе.

– Вот после такого, я точно запишу тебя к психиатру! – заорал Рудик. – Ты себя слышишь? Какая-то мифическая Афина вдруг стала командовать двумя взрослыми людьми, а сами они ни сном, ни духом. Это типа как? Вы стали оба одержимы? Если ты про это, то я с тобой полностью согласен. Вы ведете себя ненормально! Вы растворяетесь друг в друге!

– А что в этом плохого? – раздался возмущенный голос.

Юля повернулась и увидела Романа. Он переоделся, на коленях сумка.

– Она исчезает, растворяется и мне от этого страшно!

– Рудик... – попыталась снова объяснить Юля, но Роман ее прервал.

– Так и поступают влюбленные, они растворяются друг в друге.

– Да! – прокричал Рудик. – Но они не теряют себя! Они остаются двумя самостоятельными личностями.

– Вот тут ты махнул, приятель. За всю свою жизнь, я встретил только одного такого человека – Леву. И остался он таким только потому, что ни с кем и никогда не встречался, – Роман обратился к Юле, – ты со мной согласна? Ты встречала на своем пути самостоятельного человека?

Юле хотелось поскорее закончить этот разговор, на перемене в настроении Романа она не стала заикливаться вниманием, просто помотала головой и сказала:

– Только Леву. Вот кто действительно ни в ком не нуждается.

– Твой страх я понимаю, Рудик, – Роман приложил руку к груди, – ты боишься потерять Юлю. Боишься, что рухнет то, что вы построили. Так и будет. Как только она выйдет за меня замуж, ты ее потеряешь.

Юля с удивлением взглянула на Романа. Он говорил это так, будто вопрос их брака уже решенный и обсуждению не подлежит. И это было удивительно, ведь Роман больше чем она ждал результатов теста.

– Прежних отношений у вас уже не будет. Так происходит с любым человеком начинающим свою собственную жизнь в созданной им новой семье. Когда ты женишься, то поймешь...

Рудик расхохотался гомерическим хохотом.

– Юля-Тигруля! Избавь меня от него или я начну сейчас ему высказывать все, что я думаю о своей женитьбе!

– Так вот, когда ты женишься, – продолжил Роман, не обращая внимания на выпады Рудика, – а это обязательно когда-нибудь произойдет, то Юля тоже будет испытывать некую ревность и страх. Потому что кто-то заберет тебя у нее. Это нормально. Я понимаю, почему поступила так с нами мать Юли, хотя не одобряю ее решение. Я разорвал между ними связь. Разрываю сейчас и вашу. А Юля по отношению ко мне такого никогда не делала, по одной простой причине: я никогда не был ни к кому привязан, кроме нее. Она моя ахиллесова пята. Моя энергация. Мой незаросший родничок.

Разговор прервал сам Рудик. Схватив куртку с кресла, он рванул в холл. Юля даже не пыталась его остановить. Это было бесполезно. Когда он так злился лучше дать ему время остыть.

Как только дверь захлопнулась, Роман взглянул на Юлю и напряженным тоном потребовал:

– Я хочу знать, что у тебя было слевой.

Юля тяжело вздохнула, но решила, что правда об отношениях слевой разрядит напряженную атмосферу. К тому же на коленях Романа покоилась сумка, и Юле она не давала покоя. Куда он собрался? На тренировку? Или так разозлился, что решил уйти?

– Поначалу это была сделка: ему не давали выехать за границу, а мне нужно было оформить опеку.

– Поначалу? То есть было и продолжение? – Роман застонал и вцепился в подлокотники кресла. – Ох! Миа! Ты разбиваешь мне сердце!

Юля понимала, что правда может ранить, но все же нужно набраться храбрости и все рассказать.

– После того как мы оформили опеку...

– Нет-нет-нет! – взревел Роман. – Я хочу знать все! Слышишь?! Не увиливай! Свадьба! Медовый месяц! Секс! Говори!

Лицо Романа приняло томатный оттенок. Вены на лбу вздулись и Юля испугалась не только за его душевное, но и физическое состояние. Поэтому упала перед ним на колени, обхватила его ноги и затараторила быстро, пока он не успел надумать себе черте чего и увидеть это в красках в своем воспаленном от ревности мозгу.

– Это был фиктивный брак, Роша. Никакой свадьбы. Никакого медового месяца. Никакого секса, – Роман с облегчением выдохнул, а Юля быстро продолжила: – Все наши знакомые это знали. Как только опеку было оформлено, Лева подал документы на визу и уехал в Китай.

Всматриваясь в лицо любимой, Роман пытался понять, что не так. Ее рассказ выглядел правдиво, но что-то промелькнувшее в ее лице... что-то еле заметное не давало ему покоя.

– Миа, но что-то все-таки было... – он сжал челюсть так сильно, что заскрежетали зубы.

– Уф, – Юля выдохнула и опустила глаза, – кое-что было...

Роман сжал кулаки. Юля скинула сумку на пол и положила голову ему на колени. Каким-то чудом он удержал себя, чтобы не отстраниться. Сейчас она скажет то, что он ей не сможет простить. Нет! Только не с Левоу! Если так, то все его планы летят в тартарары.

– Как-то раз, после его очередной поездки, он позвонил с аэропорта и сказал, что хочет заехать и узнать как у нас дела. Голос его был таким взволнованным, что я подумала, он хочет поделиться какими-то хорошими новостями. К тому времени я уже работала в банке, и мы с Рудиком жили в служебной трехкомнатной квартире. Я дала ему адрес, и он приехал. Рудик был на дне рождения друга и я была в квартире одна. Когда я открыла дверь, Лева буквально сбил меня с ног. Начал целовать, приговаривать, что соскучился, – Юля почувствовала, как напрягся Роман. – Я оттолкнула его, в глазах стоял такой

ужас, что объяснять мою реакцию было лишним. Лева прошел на кухню и попросил сделать ему кофе. А потом стал просить дать ему шанс. Сказал, что думал об этом с того дня как сделал мне предложение...

– Черта с два! – воскликнул Роман. – Он думал об этом еще в школе!

– Я помню, ты говорил мне это, но тогда я не придавала твоим словам значения, – мягко отозвалась она. – Лева в тот день я сказала, что он как был для меня лучшим другом и наставником, так и останется. Я как можно доходчивее ему объяснила, что он мне не нравится.

– Что ты ему сказала?! Я хочу знать все в подробностях! – закричал Роман.

– Я сказала, что мне не нравится запах его тела, что он не вызывает во мне влечения. Его прикосновения мне неприятны и так было всегда, даже в тот раз, когда мы танцевали на вашем выпускном балу. Я ему напомнила тот день, и он понял. Я сказала, что испытываю к нему невероятную привязанность. Что тоже скучаю, но не как по мужчине, а как по очень важному человеку в моей жизни.

– И это все? – тон Романа немного смягчился.

– Все, – Юля взяла руки Романа и приложила к своему лицу. – *Dolce mio*, не сердись, у нас ничего не было. Была одна его попытка... но я ее сразу пресекла и на этом все...

Роман долго сверлил ее пристальным взглядом. Не пытается ли она смягчить свой рассказ? Подсластить, так сказать, пиллюлю. Но не найдя в ее облике подтверждения своих сомнений кивнул и тихо сказал:

– Собирайся, Миа.

– Куда?

– Я забираю тебя на неделю в свой мир.

– Куда мы сейчас поедем? Я должна знать, что брать с собой.

– Из вещей ничего брать не надо. Я уже все подготовил. У меня ведь было время, – Роман усмехнулся. – Если хочешь, возьми с собой тот травяной настой из девяти компонентов, который так нахваливал этот сорванец. А едем мы ко мне домой.

– Куда?! – Юля отпрянула. – Ты хочешь, чтобы я жила в одном доме со Снежаной и твоим сыном?

– Нет, – засмеялся Роман. – Со Снежкой и сыном я жил только по выходным. Пять дней в неделю я ночевал в городской квартире. Именно по этой причине отец прочитал мне лекцию про детей. Он считает, что живя такой жизнью, я не воспитываю сына, а играю в семью. Она как бы у меня есть, но ее как бы нет. Что в принципе меня полностью устраивало...

Юля села на заднее сиденье такси и когда водитель загрузил инвалидное кресло в багажник, взяла Романа за руку.

– Сто лет не ездила на такси. Последний раз это было в две тысячи восьмом. Да и то только потому, что служебная машина попала в жуткую пробку, а я опаздывала на рейс в Барселону.

Она сказала это беззаботно, не думая о последствиях или о том, что может ранить Романа. Только через минут пять, заметив его напряжение, спросила:

– В чем дело?

И услышала встречный вопрос:

– В Барселону ты летела к тому певцу?

Роман знал, как звали ее любовника, но намеренно не произносил его имя. Он даже покупал его диски, пока не узнал об их связи. Только тогда он догадался, что те несколько песен, что нашли отклик в его душе и напомнили о любимой, действительно написаны о ней. Нет, он их потом не слушал. В первый день он подрался на улице с какими-то отморозками. Во второй – напился. А на третий купил билет на самолет и полетел искать Юлю в Барселону, чтобы вырвать из лап соперника. Почему-то он думал, что она живет с Джанлука, ведь когда Юля любила, отдавала всю себя без остатка. Интересно чтобы он делал, встретиться они там? Упал бы на колени и молил ее вернуться? Избил бы до полусмерти ее любовника? Ведь он был тогда в таком состоянии, что мог запросто убить. К тому моменту отчаяние, безнадега и дикая тоска съедали его уже не один год.

Юля закусила губу. Вот дуреха! Ну почему она не может держать язык за зубами? Всю неделю она была возбуждена и болтала как заведенная. Даже в банке заметили, что она сильно изменилась. Стала больше улыбаться, чего не

было со времени ее назначения на должность управляющей и чаще «зависать в невесомости», так выразился один из начальников отделов.

– Ты его любила?

Юля взглянула на Романа и подметила, как уже не в первый раз за день на лбу вздулись вены. Что же сегодня за день такой?! Сплошные разборки!

– Он напоминал мне о тебе... – призналась она.

Роман не смог скрыть удивления.

– Чем это? Между нами нет внешнего сходства.

– Мы встретились в караоке-баре. Он распевался перед выступлением. Напевал нашу песню. Потом оказалось, что он такой же, как ты ранимый и так же оголяет свои чувства. Хотя его стеснение немного притормозило мою пылкость, – Юля хихикнула и шепотом добавила: – Он был младше меня и неопытным в любовных делах: подумал, что он у меня первый. Пришлось разочаровать парня.

Юля прильнула к окну и разглядывала мелькающие дома в центре Москвы. Через затемненные стекла ее служебного «Бентли» даже в хорошую погоду она редко могла насладиться игрой солнечных лучей и городским видом. Осенняя столица ее радовала. Она останавливала взгляд на гуляющих семейных парах с детьми, и с восторгом их разглядывала.

– Почему он так подумал? – тон Романа немного смягчился, но все еще был требовательным и напряженным.

Юля смутилась, ей не хотелось развивать эту тему.

– После тебя у меня был большой перерыв, – Юля посмотрела на небо и спросила: – Как думаешь, сегодня будет дождь?

Роман не поддался на ее уловку.

– Насколько большой? – он прожег ее пытливым взглядом. Внутри все всколыхнулось.

Все эти годы он гадал, через какой промежуток времени Юля смогла впустить в себя новую любовь. Он знал, что она не будет просто с кем-то заниматься сексом. Ей нужны были чувства, сильные чувства и в первую очередь ее собственные.

– Почти шесть лет. Мы познакомились с Джанлука накануне рождения твоего сына. Когда Снежана забеременела, я поняла что это все... ждать бесполезно... до этого я еще надеялась...

Из ее слов он понял, что она отслеживала его жизнь, но побоялся спросить с какого момента. Ему было бы невыносимо узнать, что с самого начала. В отличии от него она знала, как его найти, знала его друзей и круг знакомых. Но никогда не передавала приветов, номера телефона или адреса, по которому жила. Теперь-то он понимал, что первые годы она не съезжала с квартиры в надежде, что он вернется, но тогда-то он этого не знал и много лет копил в душе обиду.

Чтобы он не увидел ее подступающие слезы и дрожащий подбородок, Юля отвернулась и закрыла глаза. Роман был настолько поражен ее словами и реакцией, в которой отразилась накопленная боль, что несколько минут не мог произнести ни слова. Вся заготовленная речь о проведенной с ней неделе растворилась как туманная дымка над утренней землей.

Шесть лет! Она ждала его шесть лет! Время, о котором она говорила, он прекрасно помнил. Тогда он как никогда хотел к ней вернуться, поэтому увидел ее в клипе, просто обезумел. Хотел наплевать на все запреты. Увести ее подальше от Москвы. Начать все сначала. Уже тогда он понимал, что никакой другой женщины у него не будет. Никто не сделает его счастливым. Нет женщины, что сможет перекрыть тягу к Юле. Именно тогда когда он уже почти решился попросить у жены развод, Снежана сказала о своей беременности, и Роман в очередной раз сдался превратностям судьбы. Именно тогда он купил квартиру, в которую сейчас вез Юлю. Интересно как она на нее отреагирует?

Квартира Романа оказалась на Садовом кольце. По его словам от квартиры до своего офиса раньше он пешком доходил за семь минут. Они поднялись на лифте на пятый этаж и оказались... в скромной однокомнатной холостяцкой квартирке. Юля была в недоумении. Малогабаритность квартиры и скандинавский стиль интерьера совсем не отражали его стиля жизни. Даже в съемном коттедже, Роман смотрелся более уместно, чем в квартире, в которой по его словам он проводил уже несколько лет пять дней в неделю.

– Проходи, располагайся, – он слегка подтолкнул застывшую на пороге Юлю. – Здесь мы проведем ближайшую неделю.

Роман выглядел загадочным и не мог сдержать улыбки. Бросая на него украдкой взгляды, Юля подумала:

«А почему бы и нет, черт возьми. С ним я буду счастлива и в картонной коробке. Наверняка диван раскладывается».

Она подошла к тупиковой стене коридора, на которой висела огромная до пола картина и потрогала окрашенные в серо-голубой цвет стены, будто именно с этого места намеревалась вступить с квартирой в тактильный контакт.

Роман застыл в изумлении и спросил:

– Почему ты подошла именно туда?

– В каком смысле? – удивилась Юля и продолжила рассказывать по квартире.

– Ты могла начать осмотр с кухни, с гостиной, но припала к глухой стене в коридоре и начала ее гладить.

– Не знаю... потянуло... – Юля пожала плечами, не понимая суть вопроса.

В квартире недавно кто-то навел порядок и проветрил комнаты. Юля втянула носом незнакомый запах. Видимо из-за того, что Роман здесь долго не появлялся, квартира будто «одичала». Здесь ничего не говорило о его присутствии. Никаких личных вещей. Будто это бутафория. Обманка. Поведение Романа тоже добавляло этой мысли уверенности. Он просто с задумчивым видом сидел в инвалидном кресле посреди комнаты и наблюдал за ее передвижениями. Руки были сложены домиком, губы то и дело дотрагивались до кончиков пальцев.

– Что думаешь о квартире?

– То, что ты тут не живешь, – тихо отозвалась Юля и кинула на Романа осторожный взгляд. – Даже в съемном коттедже больше твоих вещей, чем здесь.

– Ты совершенно права, – улыбнулся он. – Вернись к той стене, которую гладила.

Юля вышла в коридор.

– Сними со стены картину, – она медлила и он подбодрил: – Давай, смелей.

Приподняв картину, Юля сразу поняла, в чем дело. За ней виднелась скрытая дверь, выкрашенная в цвет стен. Она убрала картину в сторону и открыла дверь. То, что перед ней предстало, вызвало шок, недоумение и слезы. Она обернулась и взглянула на Романа.

– Не могу поверить...

Юля попала в апартаменты, состоящие из огромной студии, которая совмещала гостиную, кухонную и столовую зоны. За двумя другими дверями скрывались просторная ванная комната и спальня. Здесь явно поработал дизайнер. Во всем чувствовалась рука профессионала. Интерьер скорее подошел бы ей, чем Роману. Дорогие отделочные материалы: оникс, почти черное экзотическое дерево, перламутр и нежнейшая кожа. Детали интерьера она разглядела только к концу третьего дня, а в первые минуты пребывания в открывшемся ей пространстве она подмечала только поражающие ее сознание весточки из их совместного прошлого. Иными словами, Юля стояла на пороге музея их любви!

– Я купил эту квартиру сразу после того как узнал что стану отцом. Планировка подсказала мне хитрый ход, который впоследствии не раз спасал меня от необходимости объяснений.

Сразу с порога Юля увидела свой портрет. Это была фотография с юбилея одного из ее друзей. Юля, немного уставшая, с потухшими глазами, с телефоном в руке. С горечью она заметила, что для нее это уже не средство связи, интернет и доступ к торгам, это способ убежать от реального мира. Потому как, поднимая каждый раз глаза от дисплея, Юля находила мир скучным, недружелюбным и монохромным.

Другой портрет – полная противоположность предыдущего – на нем Юле девятнадцать. Она хохочет сидя на кровати. Ноги сложены по-турецки. На ней белая рубашка Романа, в руках кружка с кофе. Юля помнила, что это было ранее утро, и за полчаса до этого они занимались любовью.

«Какая же я здесь счастливая!», – подметила она.

У нее тоже была эта фотография, но она очень редко заглядывала в альбом, из-за того, что после просмотра несколько дней пребывала в депрессии.

Кругом были его и ее вещи! Будто они живут здесь вдвоем. Заходя в эту квартиру легко себе представить, что Юля на работе или в командировке и вот-вот вернется. Кровь хлынула к лицу. Руки задрожали. Пропажу некоторой одежды она даже не заметила. Но когда исчез ее любимый плед, привезенный из

Барселоны, она устроила Рудику головомайку, и тот уволил весь состав прислуги что работал в то время в ее съемном загородном доме. Сейчас, оглядывая апартаменты, Юля ужаснулась от количества «позаимствованных» у нее вещей.

– Как ты это добыл? – Юля показала на плед и ее свитер крупной вязки, который согревал ее зимними одинокими вечерами.

– Ох, не спрашивай... с огромным риском... – Роман усмехнулся, – твой персонал смотрел на меня как на фетишиста и извращенца. – Он бросил оценивающий взгляд на свой «склеп», как он сам частенько называл квартиру. – Знаю, это иллюзия... но благодаря ей я выжил, иначе давно бы сошел с ума.

– Здесь были женщины?

– Нет, – покачал головой Роман. – Здесь же ты и я. Как я мог?

На кухонной стене висела огромная черно-белая фотография той самой коробки конфет, на которой была надпись «выходи за меня!». Роман сделал это фото уже после того как они открыли шампанское и закусили этими конфетами. Они перетасовали оставшиеся буквы, и в результате на фото красовалось уже другая надпись «ходи в меня». Никто кроме них, конечно, не понял бы смысла этого снимка и от этой мысли Юля улыбнулась. Это их секрет. Это их история.

Спальня вызвала самые сильные эмоции. Увидев кровать, Юля чуть не прослезилась. По дизайну она была совершенно другая, но так же «парила» над темным деревянным полом как в той их съемной квартире. Юля непроизвольно потянулась к простыне и вдохнула запах. В нос ударил аромат розовой воды.

– Ты все помнишь, – сделал он вывод и прожег ее страстным взглядом.

– Конечно, как такое забудешь...

Уже на выходе Юля заметила еще одно фото напротив кровати и ахнула. Крупным планом верхняя часть ее лица и его рука. Одной рукой он держал фотоаппарат, другая зависла над ее лбом в готовности провести дорожку от линии волос к носу, это был их условный знак. После этого жеста в их постели разговоры были под запретом.

– Вообще-то ты не так сказал, – подметила Юля, показывая на надпись под фото «Ни слова – только любовь», сделанную его собственной рукой. Юля сразу узнала его почерк.

– Правда? А как? – усмехнулся Роман.

– Больше ни слова, Миа, теперь только любовь.

– Ты помнишь... – простонал Роман.

– Перестань это повторять как заведенный, Роша. Я помню все.

Позже лежа в ванной на груди Романа, Юля не сводила взгляда с большого мозаичного панно из бело-золотистых цветов и рассуждала об их разлуке. Как они выжили? Как смогли так долго продержаться без поцелуев и ласк, без прикосновений, без их особенных взглядов. Вот что было чудом!

– У меня для тебя две хорошие новости, – Роман поцеловал ее в лоб. – Технически твоя неделя еще не закончена, и ты можешь выбрать, как нам провести вечер.

– Хочу приклеиться к тебе и не отлипнуть до утра. Вот мое единственное сейчас желание.

– А в туалет отпустишь? – Роман засмеялся.

Юля сморщила нос и ответила:

– С большой неохотой. А второе?

– А второе... – усмехнулся Роман и поцеловал ее в шею, – в этой ванне ты можешь кричать.

Юля погрузилась и Роман это сразу заметил.

– В чем дело, Миа?

– Я кричу, когда абсолютно счастлива. Это было только там в нашей съемной квартире.

– Что сейчас тебе не хватает для счастья? – он начал нежно поглаживать ее руки.

– Твоего здоровья. У меня сердце замирает от твоих приступов боли, от вида инвалидного кресла, от шрамов на лице. Это я виновата и меня это съедает. Я это с тобой сделала...

– Нет, Миа. Я так обезумел от нашей встречи, что сам принял это решение. Мало того намеревался забрать тебя с собой, – Юля попыталась возразить, но Роман прикрыл ей рот рукой. – И я бы сделал это, даже не спорь. Я бы тебя уговорил. Подобрал слова. Я все продумал до мелочей. Мы бы не скандалили. Все было бы тихо и не вызвало бы такого интереса среди гостей. Я хотел в последний раз войти в тебя и почувствовать наше слияние. После этого мы бы уже не

сомневались. Я знаю, ты тоже страдала. Я видел твое лицо... как ты смотрела на своего жениха. Испуг, сомнения, страх... но только не любовь. Я это заметил уже в первую встречу и все понял. Мы не жили, а влачили жалкое существование. Никто из нас не будет счастлив. Хотя надо отдать нам должное, мы старались, очень старались.

– Роша, – Юля приподняла голову и заглянула ему в глаза. – Ты дал мне уверенность, а значит, ты не планировал склонять меня к самоубийству.

– В тот момент – да, но позже... когда собирался к тебе... – Роман взял ее руку, распрямил ладонь и начал поглаживать подушечки пальцев. – Я стоял в гардеробной и смотрел в свое отражение в зеркале. Вдруг я понял, что не смогу больше вернуться в тот дом, к Снежку. Все стало бессмысленным, чужим. План родился за считанные секунды, я не делал над собой никаких усилий. Вот тогда-то я и решил, что заберу тебя с собой.

На минуту в ванной комнате воцарилась тишина. Юле больше не хотелось говорить о той роковой ночи.

– Почему ты ко мне не вернулся раньше? – упрекнула его Юля.

Она знала, что он ответит. Знала... не дословно, только суть, но все же не удержалась и задала терзающий ее вопрос.

– Несмотря на свой воинственный вид, наша любовь была хрупка и не выдержала бы поруганий. Не представляю, чтобы я делал и чувствовал, скажи мне кто-то гадость о тебе в лицо.

Юля это понимала. Как-то раз, в Боровске, выйдя из продуктового магазина, они сели на скамейку и поцеловались. Какая-то женщина, узнав в них брата и сестру, пристыдила Романа, и тот покраснел до кончиков ногтей. Юля тогда огрызнулась и послала эту женщину подальше, но Роман не мог прийти в себя еще несколько дней. Он ходил по своей комнате и причитал «За свою любовь мы будем гореть в аду».

Но Юля почувствовала, что было что-то еще, что мешало ему сделать первый шаг. Почему он отмалчивается? Боится сделать ей больно? Или считает, что озвученная причина вобьет между ними клин?

– А сейчас? Что будет, если анализ подтвердит родство?

– После комы мне уже все равно, – признался Роман. – Хочу одного: чтобы ты была счастлива.

Юля испугалась.

– А ты? Ты будешь со мной счастлив?

Он сжал ее в объятиях.

– Я терзаюсь от чувства вины. От того что чуть не натворил. От болей. От мысли, что я калека. Конечно, я счастлив, что ты рядом. Счастлив, когда вижу улыбку на твоём лице, твой любящий взгляд. Но как подумаю, что мог дать и какие крохи даю... это ведь даже не жалкое подобие... это какое-то издевательство над тобой...

После принятия ванны Роман так ослаб, что долго не мог перевесить ноги через бортик, оттолкнуться и сесть в инвалидное кресло. Поэтому оказавшись в постели, Юля решила не дразнить любимого своими настойчивыми ласками и дать ему сегодня отдых.

Все дни, проведенные после воссоединения вместе, она ощущала животный страх. Вдруг она закроет глаза, а когда откроет, его рядом не будет? Может, ей все это снится? Сейчас она проснется и окажется в своей квартире, где накануне их встречи рыдала в подушку от невыносимого одиночества, от опустошения и потерь. Вдруг она его больше не увидит? Не сможет вдохнуть аромат его кожи, не сможет прикоснуться и попробовать на вкус его губы.

Они лежали на кровати, лицами друг к другу. Роман тяжело дышал, периодически его тело сильно напрягалось, и Юля поняла, что боли вернулись. Как он и говорил, таблетки не помогали, а ведь она с аптекарской точностью следила за их приемом. Тогда она решила отвлечь его разговорами.

– Как тебе эта неделя?

Задавая вопрос, Юля никак не ожидала тяжелого вздоха и мучительной гримасы на его лице. Сначала она подумала, что это из-за приступа, и он просто не смог скрыть свою реакцию, но его слова резанули по сердцу как острый нож.

– Ужасно. Все как я и думал: деньги, деньги, все ради денег. Не зря говорят «Деньги – помет дьявола».

– В смысле? – от удивления ее брови взметнулись вверх.

– Ты произвела подмену жизни на процесс добычи денег. Ты не живешь, а находишься в плену Золотого Руна. Это очевидно, как только попадаешь в твой кабинет. Все налажено так, чтобы ты не покинула банк до позднего вечера. Ты редко выходишь на обед даже в ближайший ресторан. Ешь за рабочим столом, в крайнем случае, в комнате отдыха. Там же ты можешь прилечь и вытянуть ноги, но, опять-таки не расставаясь с телефоном и попутно решая вопросы с ассистентами. Ты практически не бываешь одна. Находишься под постоянным прессингом сотрудников и боссов. А о трате денег я уже не говорю.

– А что не так с моими деньгами? Их слишком много для твоего восприятия? – Юлю достала мужская зависть, от Романа она этого точно не ожидала.

Она уже надула от обиды губы, когда услышала самый нелепый вопрос от мужчины, с которым делила постель.

– Юлька, сколько у тебя пар туфель?

– Не знаю, – пожала она плечами в недоумении, – я люблю туфли.

– Сто пятьдесят пар! Юля! Некоторые ты не успеваешь даже надеть по одному разу, как они выходят из моды, и ты пополняешь коллекцию новыми моделями. Рудик привозит по три-четыре коробки в неделю. А сумки?

Юля зарычала.

– Сумки я тоже люблю!

– Я могу принять еще как-то десять, ну ладно пятнадцать. Черт с ним! Но у тебя их шестьдесят три!

– Ты что считал мои сумки?

– Нет, до такого я не докатился, но попросил твою Катю, девочку которую ты наняла только для обслуживания гардероба. Это ж надо! Отдельный человек, который следит за твоими тряпками! Я спросил, в чем состоит ее работа и не поверил своим ушам. У тебя, оказывается, есть электронный каталог шмотья! Каждая вещь имеет свой код? И вы согласовываете по кодам, что тебе куда надеть? Серьезно? Мне кажется уже пора открывать магазин однажды надетых тобою вещей.

– И что? Да! Я богата! У меня большой гардероб! Я не могу появиться в одном и том же дважды! В таком обществе я живу. Я его не придумывала, просто подстраиваюсь. Положение обязывает, знаешь ли...

Юля разнервничалась, вскочила с кровати и начала расхаживать по комнате.

– Ты не Тихиро, Юля! – не сбавлял обороты Роман. – Ты бог-бродяга Безликий. Который принимает облик своего окружения.

– Да! Многих меняет окружение, меня изменило твое отсутствие. Что дальше? Хочешь, чтобы я все бросила? Ушла с должности, распродала гардероб, продала квартиру, которую я делала почти два года и поселилась с тобой здесь? Скажи! Чего ты хочешь?

– Нет, здесь мы точно жить не будем.

Его ответ дал ей надежду на то что, несмотря на результат анализа, они будут вместе и это немного ее охладило. Она тяжело вздохнула и вернулась в кровать. Глядя на потолок, она с минуту нервно покусывала губы, а потом сказала:

– Да, я трудоголик. Я много работаю. Только так я выжила без тебя. Теперь я хочу знать какие у тебя мысли по поводу нашего будущего. Чтобы понимать, как жить дальше.

– Никаких, – честно признался Роман, – пока я думаю о том, что когда ты на работе, мне к тебе не пробиться. На этой неделе у меня иногда получалось, но это только потому, что я был рядом. А что будет, когда я буду просто звонить тебе на мобильный или на рабочий телефон? Ты со мной поговоришь или я услышу стандартную фразу твоей секретарши: «Юлия Викторовна сейчас занята, но я передам, что вы звонили»? Ты ведь на бесконечных совещаниях, разборках с персоналом, переговорами с партнерами. Для меня места нет.

– Обещаю, что буду выходить из банка ровно в семь и сразу домой.

– Дело не в этом, – возразил ей Роман.

Юля повернула голову. В полутьме его глаза казались темно-синими.

– Ты для меня недоступна. Ты говорила, что похожа на выжженную пустыню – так и есть, и от этого мне больно. Это я виноват. Только я. Рудик прав.

Не важно, как поступила с нами твоя мать. Важно как после всего этого поступил с тобой я...

Что-то в его облике подсказало, что Роман снова скрывает истинные причины. Ей показалось, что он называет первое, что приходит в голову, а потом изучает ее реакцию. Звучит все вроде бы логично, но его взгляд кричит об обратном.

– ...и я хочу исправить свои ошибки, пока не поздно, – он взял ее руку и стал перебирать хрупкие пальчики. – Знаешь, я понял, нас неспроста разлучили на эти годы. Наша любовь была слишком рафинирована, приторна и сладка. В ней не было страха потери, боли утраты, не было полноты чувств. А сейчас все это будет, Миа. И ты поможешь мне в этом.

Она заворожено следила за ним. За наклоном головы, за шевелением губ, за бьющейся жилкой на шее. Как резко прочерчиваются морщинки, когда он хмурится и как светлеют глаза, когда он останавливает на ней взгляд. Боже, как же она его любит. После всего, что они пережили, она не выдержит его отсутствия даже полдня.

Проснулась Юля среди ночи от требовательных ласк Романа. Жар его возбужденного дыхания опалял ее шею. Спальню освещали две свечи. Их нервное колыхание от потоков воздуха то и дело погружало комнату во мрак, но потом будто восстав из пепла, огонь вспыхивал снова и озарял мягким светом два обнаженных тела. На этот раз Роман не был нежным и внимательным, его движения были повелительными. Без продолжительных так приятных им обоим любовных ласк, он развернул ее по-хозяйски в удобную для него позу и раздвинул ей ноги. Вошел резко, от чего она вскрикнула и попыталась вырваться, но откуда-то взявшиеся в нем силы удержали ее. Он вдавил ее плечи в матрас и зашептал со страстью:

– Хочу обращаться с тобой как с падшей женщиной, чтобы на утро только от одного воспоминания о нашей ночи ты сгорала от стыда. Хочу быть таким настойчивым и нетерпеливым, чтобы ты мне никогда не смогла отказать и любое мое желание выполняла как плененная рабыня.

Очередной приступ боли резко сменил настроение. Восстановив дыхание, Роман прижал ее бедра к своим еще сильнее и ритмично задвигался. В глазах заплескался гнев, будто к нему только что пришла долгожданная энергия, чтобы высказать то, что до сих пор не решался.

– Ты преступница Миа, преступница!

Юля вздрогнула и поймала на себе его измученный и затуманенный от боли взгляд. Возбуждение было таким сильным, что она не сразу смогла сосредоточиться на его словах. Одной рукой он оперся на локоть, другой грубо схватил ее за подбородок и сильно сжал. Обвинения вылетали как пули из пистолета и разили наповал. Голос срывался, дрожал. Всеми силами Роман подавлял слезы, но они вырвались наружу, как прорванная плотина.

– Ты – моя жена! – кричал он. – Ты знала, где я, но предпочла наказать за мою слабость, за мое помешательство. Не пыталась вразумить, вернуть меня домой, разжечь во мне пламя страсти. Ты ведь знала, что одного твоего взгляда было бы достаточно. Ты не боролась за меня, а бросила как подзаборного пса. Если бы ты действительно хотела чтобы мы были снова вместе, ты бы меня вернула! А-а-а! – Роман взвыл от боли стрельнувшей в позвоночник, в глазах застыла мука. – Ты клялась мне в верности, обещала мне все свои поцелуи, а сама щедро раздавала их своим любовникам!

Это было не в духе Романа и Юля воскликнула:

– Роша, что ты такое говоришь?!

– Молчи! Я зол на тебя! Зол! – он накрыл ее рот ладонью, давая понять, что это время для его обвинений, а не для ее оправданий. – Ты не просто ушла из моей жизни, ты забрала все хорошее, что было во мне. Я стал пустым, никчемным. Мне пришлось носить маску добродетели, чтобы никто не увидел мое настоящее лицо. А оно страшное, злобное, обиженное на весь мир. Думаешь, я начал пить после комы? Нет, я начал здесь, по бокалу в день. Потом покупал бутылку каждый вечер, а после две.

Его толчки стали глубже и резче, он делал ей уже больно. Из груди Юли вырвался протестующий стон. Она вцепилась в его спину и процарапала дорожку от лопаток до поясницы. Роман взвыл, перехватил ее руки и задвигался еще быстрее.

– На этот раз не будет ночи грязных признаний. Не хочу слышать, как они тебя любили! Как ты предавалась с ними греху! Не смей говорить мне о своих сексуальных утехах! Ты моя жена. Мы венчаны! Я накажу тебя за все твои измены!

Сначала его речь ее возбудила, потом встревожила, а теперь испугала. Кусочки мозаики стали складываться воедино и Юля поняла, что Рудик был прав. Роман винил ее в их расставании. Ей напрямую не говорил, но видимо, это как-то проскользнуло в их с Рудиком разговоре. А сейчас он сам признал, что хотел, чтобы она нашла его и вернула домой. Он не хотел сам принимать решение, а хотел, чтобы она, не предоставив ему выбора, вернула его домой. Юля вспомнила, какие он давал советы ее матери о том, как избавиться от измен Сергея и нашла много общих знаменателей. Даже будучи подростком, Роман считал, что любовь – война, и женщина должна бороться за своего мужчину, как за военный трофей.

В памяти всплыл тот день, когда Роман забрал свои вещи из их квартиры. Она вышла из кафе и шла мимо машины. Он сидел на переднем пассажирском сиденье и смотрел на нее испуганным, а потом полным отчаяния взглядом. Так вот чего он ждал тогда от нее! Он ждал, что она заявит на него свои права, заставит отнести вещи назад в квартиру и объявит, что они не расстанутся никогда. Перед глазами промелькнул тот момент, когда Юля уже проходила мимо машины, и он понял, что она к нему не подойдет. Сколько было боли в его глазах! Она считала, что своим тайным отъездом он ударил ее ножом в спину, а он истолковал ее реакцию как предательство! Вот природа его гнева и обиды!

– Хочешь, чтобы я вернулся, Миа? Все еще хочешь? – продолжал свои нападки Роман, тон немного смягчился, движения были уже не такими яростными. – Тогда докажи что я тебе нужен. Докажи! Дай мне почувствовать, как сильно я тебе необходим. Что я центр твоей Вселенной! Ты должна думать обо мне каждую секунду! Нуждаться во мне, своем Небе, чтобы дышать, а дышать, чтобы жить. Я твой воздух, Миа! Без меня тебе не выжить. Люби меня крепко. Сжимай в своих объятиях. Завяжи наши души в единый тугой узел и пусть он никогда... никогда больше не развяжется!

Он почувствовал, как ее тело напряглось от надвигающегося оргазма, усилил ритм, и они закричали в унисон. После чего он целовал ее неистово,

словно только что обрел после долгой разлуки. Будто не было всей этой недели, а встретились они только что.

Отдышавшись, он перекатился на спину и выпалил:

– Ты все это должна чувствовать, потому что я это чувствую к тебе. Ты для меня все: моя вселенная, моя единственная женщина, моя любовь, моя душа, мое Солнце. Никому не позволено произносить твое имя. Только мне. Поэтому я при друзьях говорю «она». И становлюсь бешеным, если хоть кто-то оскверняет своими устами эти три святыя для меня буквы – Миа. Это я тебя люблю до одури. Ради тебя я готов лишиться себя жизни. Без тебя я ведь не живу вовсе, – он повернулся и положил руку на ее грудь в область сердца. Почувствовал биение, и поднял на нее глаза. – Ты все еще закрыта от меня. Впусти меня в сердце, Миа. Распахни мне свою душу.

Юля заплакала от переполняющих ее чувств и в первую очередь от обиды.

– Ты всегда в моем сердце, Роша. Мне жаль, что ты этого не чувствуешь.

На минуту комнату объяла тишина, нарушаемая только треском свечей и ее всхлипами.

– Каждый год двадцать четвертого июня я читал ту самую записку, что написал тебе в гостинице «Космос». Это было моим наказанием.

От волнения в голосе послышалась хрипотца, он прочистил горло и процитировал первый абзац своей записки:

«Миа! Прости, что разочаровал тебя. Прости за трусость. Прости, что не оправдал надежды, что на поверку оказался слабаком и не выдержал первых испытаний».

– Я выполнил твое наказание. Теперь ты исполнишь мое.

Она повернулась к нему и дрожащим голосом спросила:

– И в чем же будет мое наказание?

– Независимо от результатов анализов ты отпустишь меня на год в Китай.

Юля аж подпрыгнула.

– Нет! Нет, Роша не проси! Я не смогу!

– Мне это нужно, amore mio, – и тут же уточнил, – нам это нужно.

– Что ты там будешь делать?

– Я списался слевой. Рассказал о травме и о нас. Рассказал, что хотел сделать и почему не сделал. Все рассказал. Вот поэтому я сегодня тебе устроил допрос. Если бы между вами что-то было, а он скрыл...

– И что он ответил?

Пряча глаза, Роман начал нервно перебирать ее волнистые пряди волос.

– Сначала начал умничать, мол, всегда знал, что у меня шизофрения в последней стадии.

Юля хихикнула. Он глянул на нее с обидой, и она тут же смолкла.

– Потом написал что очень рад, что у меня ничего не получилось. Попросил передать тебе соболезнования на счет ребенка. А на следующий день написал огромное письмо о том, как к его мастеру приезжал из Штатов бывший военный, ветеран иракской войны. После травмы он в инвалидке с такими же проблемами, как у меня. Мастер разработал для него методику и через три месяца парнишка укатил домой. А на днях они получили от него фотографию. Он встал на ноги после длительных усиленных тренировок. Лева предлагает мне приехать и использовать этот шанс. Его мастер стар, если я затяну, то могу не успеть. Методика для каждого своя, индивидуальная, из расчета характера и силы воли. Понимаешь?

Юля закрыла глаза и застонала. Так вот что в ней бродило... страх... интуитивно она чувствовала, что их воссоединение ненадолго и от этой мысли готова была лезть на стенку.

– Я могу поехать с тобой? – робко спросила она, но взглянув в его глаза, уже получила ответ.

– Ты не будешь скучать, любовь моя. Я нагружу тебя заботами и хлопотами. Каждый из нас будет занят делом, – ее подбородок затрясся, глаза быстро наполнились слезами и Роман пояснил свое решение: – *Amore mio...* если ты поедешь со мной, результата не будет. Лева четко дал понять, что методы мастера жесткие. Иногда унижительные. Он может заставить бросить коляску и ползти за ним в гору. Может заставить, преодолевая боль бить по ногам палкой. Руки и ноги опухнут и будут как у слона. Лева мне такого порассказал. Он хотел, чтобы я имел точное представление, что еду не прохлаждаться. Мастер конкретно

мозг взрывает. С тобой рядом я этого не выдержу. Начну скулить и просить увезти меня обратно.

С минуту Юля изучала его лицо, а потом выдала:

– Ты что-то недоговариваешь, Роша.

Роман начал поглаживать ее плечи и руки, будто заранее хотел успокоить.

Глаза были полны печали.

– У монастыря жесткие правила: никакой связи с внешним миром.

Тренировки, медитация, трудовое послушание.

– Мы даже не сможем говорить?

Роман покачал головой.

– Какой ужас! – воскликнула Юля.

Их спор длился целый час. Юля наступала, возмущалась и зывала к его разуму. Она даже была готова все бросить и поехать с ним в любую европейскую клинику. Быть рядом столько сколько потребуется. Роман же признался, что с первых дней как вышел из больницы разослал результаты обследований в самые престижные клиники и получил от них заключение и прогнозы на лечение. Они оказались весьма туманными, никто не давал ему гарантии на полное восстановление, а сроки реабилитации даже не брались прогнозировать.

В конце концов, Юля сдалась и все же дала согласие. А после ревела как белуга, прижавшись к его груди.

– Роша, ну почему нас все время что-то разлучает? Я этого не выдержу...

– Выдержишь, Миа. Ты сильная, – успокаивал он, прижавшись щекой к ее лбу и поглаживая по бедру. – Ради нас ты все выдержишь. Теперь мы вместе. У каждого из нас будет свое испытание длиною в год. Мы преодолели разлуку в десять лет, что нам год?

Следующая неделя была богата на события. Утром они направлялись к Роману в офис. С первых минут пребывания в его компании Юля сразу прониклась демократичной обстановкой. Кабинеты были только у начальников отделов и руководителей, остальные работали в общем пространстве и в

креативной атмосфере. Половину офиса занимал тот самый благотворительный фонд и несколько сотрудников ее сразу узнали.

Как только она появилась в офисе, Филипп продолжил свои напористые ухаживания, но Роман сказал про «подарок» отца, тем самым нарушив их с Юлей договоренность не разглашать новость до получения подтверждения. Ему настолько было тяжело наблюдать за настойчивыми попытками приударить за его возлюбленной, что он пошел на крайности. Юля посмотрела на него с укором, но ничего не сказала.

Пока Роман погружался в рабочие вопросы, она была на связи с банком или следовала за Романом как хвостик. Ему это нравилось, он даже начал подключать ее к переговорам, вкратце излагая суть. Поначалу она вела себя тихо, как мышка, старалась ни во что не вмешиваться. Тогда Роман затащил ее в свой кабинет и закричал:

– Кто ты мне?!

Юля непонимающе на него уставилась.

– Кем ты себя считаешь?!

Что-то Юле подсказало, что нужно ответить «женой» и Роман тут же резюмировал:

– Тогда веди себя соответствующе. Если тебе не нравится, как один из моих партнеров управляет бизнесом, так и скажи.

– А если я тебе скажу, что кто-то открыл краник и сливает деньги в оффшор?

Долго Роман не думал.

– Тогда я дам доверенность на ведение дел на твое имя. Давай, Миа! Возьми метлу и наведи порядок после моего отъезда. Пусть знают, что с тобой шутки плохи.

Юля не узнавала Романа. Он мыслил и вел себя иначе. Даже сотрудники заметили в нем перемену: больше он не проявлял прежнего рвения к работе, не выслушивал жалобы служащих, которые за годы работы на компанию привыкли получать от него психологическую поддержку.

В офисе Роман представил Юлю как жену, чем вызвал шквал недоумения. Кто-то, по мнению Романа это был Петр, позвонил Снежане, и она примчалась в

офис на всех парах. Увидев их вдвоем, Снежана налетела на Юлю с кулаками, но тут же получила отпор и рухнула в кресло. Она еще поливала их грязью, изрыгала проклятья и грозилась стереть обоих в порошок, когда Роман разложил перед женой фотографии, и она застыла как вкопанная. Краем глаза Юля взглянула на парочку снимков и поняла, что это доказательства измен Снежаны. Рядом с ней был не Петр, как ожидалось ею после доклада Рудика, а какой-то седовласый мужчина лет пятидесяти. Позже она узнала, что это бывший помощник отца Снежаны, а ныне министерский чиновник.

Роман рассказал жене о тесте на родство, не их с Юлей сомнения, а слова, что сказал отец. Снежана выпучила глаза и нервно сглотнула.

– Ты знаешь, что я любил только Юлю. Ты знаешь, почему мы поженились. Знаешь, из-за какой фразы.

Далее Роман изложил жене свое видение ситуации, а Снежана лишь кивала, давая согласие на все, что он предлагал. Роман требовал тихого и быстрого развода. Сулил ей приличные отступные и полное содержание ребенка. К огромному удивлению Юли на этом все закончилось. Такое ощущение, что придя к согласию, супруги испытали громадное облегчение и уже без злобы обсуждали накопившиеся семейные вопросы.

– Ты следил за женой? – спросила Юля, когда Снежана покинула офис.

Роман кивнул, сгреб фотографии в кучу и зашвырнул в выдвижной ящик стола.

– Я думал это Петр, по офису ходили слухи. Хотел разобраться с ним по-мужски. Мы же друзья. А наткнулся на того, кого никак с женой не ожидал увидеть.

– Ты его знаешь?

Роман кивнул.

– Его жену и детей. Они часто гостили на даче у тестя.

Был большой соблазн сказать, что удалось узнать Рудика про Петра и Снежану, но после недолгого размышления Юля решила промолчать. Роман и так разводится, зачем ему еще трения с партнером?

– А что за фраза? – он повернулся, поднял брови и Юля пояснила: – Ты сказал, что она знает, из-за какой фразы вы поженились.

Роман тяжело вздохнул.

– Снежок сказала мне: «Только я смогу мириться с твоей любовью к сестре, я уже все про вас знаю, мне не нужно ничего объяснять и я принимаю тебя таким, какой ты есть». Тогда я подумал, что не смогу пройти через это еще раз. Не смогу рассказать какой-то другой женщине, с которой когда-то захочу связать свое будущее, о нашей с тобой любви.

Юля мысленно отдала должное находчивости Снежаны. Судя по всему, жену Романа как поводыр вела рука матери. Чувствовалась за всеми этими поступками и словами возрастная мудрость и выдержка.

Секретаря у Романа теперь не было, звонки он принимал сам. Диана была уволена в тот самый вечер, когда позволила себе приблизиться к Юле. Роман такого никому бы не простил. Юля его богиня, никто не смел с ней так говорить, да еще прикрываясь благими намерениями.

Обедали они всегда в ресторанах. Место Роман выбирал спонтанно, из-за этого возникали проблемы. Всю прошлую неделю Юля, прежде чем поехать с ним на обед требовала от ассистентов убедиться, сможет ли Роман чувствовать себя в ресторане комфортно. Их всегда ждали и неловких ситуаций не возникало. На этой неделе каждый поход в ресторан был словно вызов обществу, что крепко стояло на двух ногах. И, похоже, Роман только был рад, когда проход оказывался слишком узким для проезда инвалидного кресла, когда вход не был оборудован пандусом или когда во всем зале оказывались свободные места только на диванах, и невозможно было подкатиться в кресле к столику. Роман демонстративно закатывал глаза, а потом распекал персонал так, будто он из общества по защите прав инвалидов и даже Юля не могла его успокоить. Потом он мог повернуться к ней, и как ни в чем не бывало продолжить прерванную в офисе беседу или начать беззаботно болтать об их будущем. Юля поражалась его мгновенной переменой, и тому, с какой стойкостью он выдерживал любопытные, а иногда и бесцеремонные взгляды посетителей ресторана.

После обеда они шли в ближайший парк и гуляли по усыпанным багряной листвой дорожкам. Ветер трепал ее длинные волосы, и чем беспорядочнее была ее прическа, тем восторженнее был его взгляд, и тем сильнее Роман сжимал ее руку. В его ярко-голубых томных глазах читалось страстное желание. Рука

ныряла под пальто и скользила по ее ноге вверх. От чего Юля тут же заливалась краской и смущенно отстранялась.

– Роша! Кругом же люди!

– Ты же знаешь, Миа, мне плевать, – с вызовом бросал он и сжимал ее ногу еще сильнее.

Когда Роман уставал, то усаживал ее на скамейку, и читал ей с экрана смартфона стихи. Каждый раз со смыслом, словно давая пищу для размышлений. Его голос завораживал, пленял и насыщал. В глазах святилась надежда.

Уже на третий день романтических излияний Юля почувствовала, как возведенная много лет назад броня рухнула и ее затопили чувства. Это был поток нежности, ликования, безграничного восторга и блаженства. Любовь вновь открыла все свои грани и наполнила Юлю до краев. Иногда ей казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди и помчится вскачь. Она снова льнула и ластилась к Роману, как десять лет назад. Признавалась в любви, а если он шуточно отмахивался, кричала о своих чувствах на весь парк, пугая прохожих. Они дурачились, хохотали как дети. Закидывали друг друга опавшими листьями. Он без конца ее фотографировал или снимал видео, особенно в минуты ее нежных излияний. А вернувшись в офис, они посвящали остаток дня его незаконченным делам и неспешно возвращались домой.

Роман сворачивал все проекты, что были на стадии разработки. Те, что уже были запущены, перепоручались партнерам или сотрудникам. Все понимали, что Роман хочет отойти от дел, но считали, что это вина Юли. Что между ними какая-то договоренность и Роману самому не понятно, чем он будет заниматься дальше.

В первые дни между влюбленными еще пытались вклиниваться «доброжелатели», особенно Филипп, но получив жесточайший отпор, дали по тормозам и просто наблюдали со стороны за происходящим. Поэтому когда в пятницу Роман собрал всех в конференц-зале и объявил об отъезде в Китай, все замерли в недоумении, а он вкратце объяснил причину отъезда. Теперь на Юлю уже смотрели не так враждебно. Все понимали, что это решение Романа и она от него тоже не в восторге.

Всю неделю Юля была свидетельницей спонтанных видео-звонков по «Skype» маленьких подопечных Романа. В этот момент он мог бросить буквально

все: совещание, важный телефонный разговор и уделить внимание лишенному волос грустному мальчугану или девчужке. Сама Юля отворачивалась или спешила уйти, от такого зрелища у нее рвалось сердце на куски. После этих разговоров она еще долго не могла восстановить душевное равновесие.

Как-то она его спросила: «Почему именно эти дети?». И он ответил, что у них нет практически шансов на выживание, и они об этом знают, хотя до последнего надеются на чудо. Его фонд просто облегчает им последние недели жизни. Медики борются за тех, у кого есть еще шанс, а таким как они выносят приговор и отправляют домой или в хосписы умирать – такова реальность. Роман поведал ей, что глядя в глаза этим маленьким героям, он чувствовал собственную душевную боль ничтожной и мелкой. Так он заставлял себя двигаться вперед. Ради них он вставал, ради них зарабатывал, ради них вдохновлял волонтеров. Но когда увидел Юлю в его доме с женихом, а позже решился уйти из жизни, его не спасли даже подопечные дети.

В одну из ночей Роман высказал опасение:

– Миа, я – ужасный отец. Если у нас будут дети, – он бросил на нее осторожный взгляд, – тебе придется давать им любовь за нас двоих.

Юля улыбнулась и погладила его по щеке.

– Ты будешь прекрасным отцом, Роша. Я даже буду злиться на тебя, из-за того что ты будешь слишком баловать детей.

– Не говори глупости. Ты же видела, как я отношусь к сыну. Это ужасно. Мне стыдно, но я больше чувствую отцовскую любовь к умирающим детям, чем к собственному ребенку.

– Это из-за жертвы, которую ты принес. Ты же сам мне сказал, если бы Снежана не забеременела, ты бы попросил развод. Сейчас твой сынишка еще маленький, сильно привязан к матери, он чувствует твою отчужденность и боится с тобой оставаться наедине, но скоро все изменится. Он подрастет, пойдет в школу. Вот тогда он будет нуждаться в тебе, в твоих советах, в твоём присутствии. Будет выискивать тебя в зрительном зале на школьном спектакле, на спортивных трибунах. Между вами со временем вырастут крепкая дружба, доверие и любовь.

– Если бы так... – с сомнением в голосе произнес Роман.

– Так и будет Роша, не сомневайся в себе.

– Ты всегда верила в меня. Раньше меня это окрыляло, а сейчас дико раздражает. Я не такой как ты думаешь, – она резко подняла голову и увидела, что Роман, сжав кулаки, борется с очередным приступом.

Телефон Юли все чаще оказывался в сумке, а к концу недели уже был переведен в бесшумный режим. Доклады Рудика были краткими, сугубо профессиональными и Юля поддержала такой язык общения. После отъезда Роши они обязательно поговорят, но сейчас лучше оставить все как есть. Савва вышел на связь только один раз, уточнил, вернется ли Юля в банк в понедельник. Юля подтвердила и спросила как у него дела, но Савва не ответил, сослался на занятость и повесил трубку. Все были на нее в обиде, а она была непомерно счастлива.

В пятницу ванная комната подверглась первому испытанию, поглощая децибелы женского истошного крика и восторженного визга. Роман зажмурил глаза и заткнул уши, при этом улыбался как ребенок. Теперь незачем спрашивать, счастлива ли Юля, теперь он это знал наверняка. Она распахнула свое сердце и вернула ему его душу.

Ночью, проезжая в спальню мимо дивана, он обнаружил блокнот, в котором она делала пометки всю неделю и не смог устоять от соблазна – заглянул. В блокноте был коротенький план дальнейших действий в его компании. Несколько карикатур на сотрудников. Роман усмехнулся, удивляясь, как точно Юля подметила в них самые главные пороки. А потом он наткнулся на текст, который заставил его сначала нахмуриться, потом улыбнуться, а прочитав последнюю фразу, он уже не сомневался, в том, что Юля будет его ждать.

«Сегодня я расстаюсь с мужчинами из моего прошлого...

Мы пережили незабываемые моменты. Были обиды и недопонимание. Мы спорили, требовали доказательств любви. Тосковали. Трепетно ждали следующей встречи. Отдавались страсти. Любили неистово. Ошибались. Прощали и сами вымаливали прощение.

Я вас отпускаю... окончательно... до забытья.

С этого момента моя память не будет обременена воспоминаниями. Мое тело забудет вас, а душа разорвет все связывающие нас нити. Вы больше не

приснитесь мне, не почудитесь в случайном прохожем. И когда зазвучит та самая музыка, что соединяла наши тела в танце, в моей памяти ничего не шевельнется. Мое сердце не дрогнет, даже если вы возьмете меня за руку и томно взглянете в глаза. От признания в любви голова не закружится, а от жарких прикосновений не пойдут мурашки.

Сегодня я вас отпускаю. Вы уйдете в забвение. А ОН останется со мной НАВСЕГДА».

Глава вторая «Катарсис»

«...Когда тебя нет рядом, я ощущаю подлинное одиночество: жуткое, безысходное, опустошающее – хоть криком кричи. Боль в сердце такая сильная, что бежишь к кардиологу и проверяешь все ли с тобой в порядке. Думал, ну не может ноющая душа давать такой физический всплеск. А оказывается – может. Оказывается можно умереть от тоски. Всепоглощающей, неуголимой и испепеляющей всю душу тоски».

Наши дни

В воскресенье утром Юлю разбудил звонок мобильного. Роман раздраженно застонал и первым дотянулся до ее телефона. На экране высветилось фото Саввы. Роман издал недовольный стон, на лице отразилась гамма негативных эмоций и чтобы не накалять с утра атмосферу, Юля перевела разговор в режим громкой связи.

– Рыжик, где ты сейчас? – без предисловий спросил Савва.

Услышав его взволнованный голос, Юля насторожилась.

– На Садовом кольце, – пространно ответила она.

– Ты без охраны?

– Да.

– Одна?

– Нет. С Романом.

Юля ожидала, что Савва выскажет сейчас свое недовольство и уже внутренне подготовилась к отпору, но в ответ услышала облегченный выдох.

– Вышли адрес, я приеду. Нужно поговорить.

Юля подняла глаза на Романа, безмолвно спрашивая его согласие. Это ведь его неделя и он устанавливает правила. Тот кивнул, хотя всем видом дал понять, что ему не по нраву вторжение извне и начал одеваться.

– Высылаю, – тут же отозвалась она и отправила адрес.

С третьей попытки Роман попал ногой в штанину слаксов и сорвал с напольной вешалки рубашку. Резкие движения говорили о крайней степени раздражения.

– Я приготовлю завтрак, – Юля зевнула, потянулась, взглянула на часы. – О боже, еще нет восьми часов!

Пересаживаясь с кровати в инвалидное кресло, Роман сморщился от боли, затем повернулся к ней и спросил:

– Савелий всегда так бесцеремонно врывается в твое личное пространство? Сегодня ведь выходной.

Быстро облачившись в джинсы и футболку, Юля собрала волосы в хвост и поспешила в ванную комнату.

– Судя по голосу, что-то случилось. Но если ты хочешь знать, как часто меня отрывают по выходным, то я скажу, у меня не было выходных... и я сама так решила...

Савва приехал через полчаса. Роман разрешил впустить его в апартаменты. Заходя в квартиру, Дорофеев не скрывал своего удивления. Резкая смена интерьера на рубеже однокомнатной квартиры и апартаментов, а так же особая ностальгическая атмосфера студии, вызвали у него неподдельное любопытство и недоумение. Он взглянул на Юлю, в глазах читался немой вопрос.

– Даже не спрашивай, – бросила она на ходу и показала ему на диван. – Ты завтракал?

Юля вынула из морозилки слоеное тесто и включила духовку.

– Да, ты же меня знаешь, я из дома не ногой, пока не утрумбую желудок, – ответил Савва и расположился на барном стуле, чтобы видеть перед собой собеседницу.

Подъехал Роман, и они пожали друг другу руки. Юля подметила, как Савва сконфузился от вида инвалидного кресла.

– Я с шести часов на ногах.

Его реплика оторвала Юлю от приготовления начинки для рулета.

– Что случилось?

– Мы пробили номер, с которого тебе приходили сообщения с угрозой.

Юля кинула предупреждающий взгляд на Савву, но было поздно, Роман услышал его слова и развернул кресло.

– Что? Тебе кто-то угрожает?

Юля отмахнулась и придала себе беззаботный вид.

– Кто-то кто знает мое детское прозвище Рыжая Юла.

– Почему ты мне ничего не сказала? – возмутился Роман.

– Потому что это ерунда, детский сад. Я постоянно получаю угрозы, это не твоя забота, Роша. Служба безопасности с этим разберется.

– Как это не моя забота? – Роман чуть не задохнулся от возмущения, и Юля закусил губу. Ну, вот опять она ляпнула не подумав. – Все что касается тебя, касается и меня. Тем более если речь идет о твоей безопасности. Видимо не все так просто, как ты говоришь, – Роман показал на Савву, – раз тебя подняли в выходной в восемь утра. Все! Я отменяю поездку, – Роман поехал в спальню за своим айпадом.

Юля бросилась его догонять.

– Роша! Не надо ничего отменять. Чем быстрее ты уедешь, тем быстрее вернешься, – она обогнала его, села перед ним на колени и взглянула на него с мольбой, – прошу тебя, не злись.

– Ты оставила гостя одного, это не вежливо, – процедил он сквозь зубы, резко выдохнул и погладил ее по щеке. – Ты шантажистка, знаешь ведь, что этим взглядом можешь добиться от меня чего угодно...

Юля улыбнулась, поцеловала его в губы и вернулась на кухню.

Воспользовавшись заминкой, Савва с интересом рассматривал портреты Юли, особенно черно-белый, на котором ей не больше двадцати лет. Такой беззаботной и счастливой он ее никогда не видел.

Роман подъехал к кухонному острову и вопросительно уставился на Савву.

– Что там за новости? – он не скрывал своего раздражения.

– Номер принадлежит липовой компании, – Савва не горел желанием общаться с Романом и смотрел только на Юлю. – Но вот что странно, он всплыл во входящих звонках Ингрид.

– Что? – Юля в этот момент нарезала греческую брынзу, полосонула ножом по пальцу и взвыла.

– Миа! – Роман подъехал к ней и осмотрел рану. – Промой под водой и обработай антисептиком.

– Все в порядке, – застонала Юля и обмотала окровавленный палец кухонным полотенцем.

– Кто такая Ингрид?

Тщательно подбирая слова, Юля объяснила постоянное присутствие в жизни Ярика погибшей девушки. Потом промыла рану. Порез оказался глубоким, на пол закапала кровь.

– Марш из кухни! – повелительно произнес Роман и показал ей в сторону дивана. – Ты хотела сделать греческий пирог?

– Юля кивнула.

– Я сам сделаю, – Роман нырнул в холодильник и начал поиск нужных ингредиентов.

– А ты помнишь, что нужно для рулета? – с недоверием спросила Юля.

Роман перечислил название продуктов.

– Еще базилик и мускатный орех. Они в выдвижном ящике, где соль, – добавила Юля, принесла аптечку и плюхнулась на диван.

Савва сел рядом, помог ей обработать рану и закрепить лейкопластырь. Сейчас, смотря на Юлю, он сделал вывод, что ей нравятся мужчины, которые доминировали над ней в отношениях. После такого открытия он удивился, как она два года продержалась с тем романтичным и нежным испанцем.

– Кто тебя называл Рыжей Юлой?

– Полшколы, – отозвалась Юля и отмахнулась, давая понять, что это бесполезная трата времени.

– В первую очередь я бы проверил Артема Власова, – вмешался в разговор Роман.

Юля фыркнула, мол, нашел преступника, делать ему нечего.

– Кто это? – Савва набил сообщение и тут же отослал службе безопасности и в технический отдел.

– Банный лист, – резко выпалил Роман. – Они с Юлей сидели за одной партой все десять лет. Когда мы переехали из Боровска в Обнинск, Юля перевелась в новую школу. Так Власов последовал за ней. Добился, чтобы его зачислили в ее класс и снова сел с ней за одну парту. На выпускном вечере у них был инцидент. Юля врезала ему ниже пояса при всем честном народе. Он был очень зол, и еще долго распускал о ней всякие грязные слухи. Нам слевой пришлось преподавать ему урок.

Юля выпучила глаза.

– Вы его избили?

– Говорю же, пришлось, – Роман пожал плечами, – иначе бы слухи дошли до твоей матери, а нам и так тогда проблем хватало.

– О господи, – Юля накрыла ладонью горло.

Когда Роман рассказал последовательность действий, ей уже и самой показался странным этот Артем. Почему она никогда не думала о нем в таком ключе? Наверное, потому что он всегда был сдержан на проявления своих эмоций. Юля тут же мысленно добавила:

«Со мной... но не с другими. Он был сдержан только со мной».

– Он к тебе проявлял интерес? – спросил Савва.

– Постоянно, – ответил за нее Роман.

Юля подтвердила кивком. И тут ее как молнией ударило! Она вспомнила тот день, когда старший Дорофеев рассказал ей о матери Ярика. В момент разговора она видела, как Ярик с кем-то спорил, и тогда еще подумала, что лицо у мужчины очень знакомое, только вот она никак не могла вспомнить кто он.

– Господи, я только сейчас поняла, кто это был. Ты его видел, Савва, – вспыхнула Юля и начала объяснять, где и при каких обстоятельствах могла произойти их встреча.

Савва кивнул, подтверждая ее догадку.

Ну почему она так беспечно отнеслась в тот день к появлению знакомого лица? Почему не подошла и не поздоровалась? Ведь Ярик явно что-то от него требовал, причем очень настойчиво.

«Да потому что босс вывалил на меня историю смерти матери Ярика, и я была шокирована», – ответила она сама себе.

– Ладно, с него и начнем. – Савва взял Юлю за руку. – Сама понимаешь, теперь смерть Ярика выглядит уже совсем в другом свете. Выходит, кто-то намеренно расставил ловушку, а он в нее попался, – в голосе Саввы зазвучал металл. – Я переговорил с людьми, что следили за передвижениями Ингрид. Ярик ее жестко контролировал. Она ни разу не вышла из квартиры, но оформляла много доставок. Сейчас мои люди шерстят каждый ее заказ. Она могла с кем-то переписываться. Телефон-то ее никто не проверял.

– Подключи Рудика, – посоветовала Юля. – Он с ней много общался на вилле. И тогда когда мы познакомились и позже, когда он с Яриком готовил виллу к свадьбе.

Послышался глухой стук, Юля подняла голову и увидела округлившиеся от удивления глаза Романа. Она ведь ничего ему не рассказывала о том, что собиралась выйти замуж. Роман демонстративно бросил нож в раковину и направил инвалидное кресло в спальню. Тяжело вздохнув, Юля виновато смотрела ему вслед.

– Он не знал? – догадался Савва.

Юля помотала головой.

– Поверь, и без этого проблем выше крыши.

– Ладно, не буду засиживаться. Приехал тебе сказать, что беру тебя под охрану, чтобы ни ты, ни он не взбрыкнули. – Савва показал в сторону спальни и спросил: – Куда он собрался?

– В Китай, к Леве. На год, – от этой мысли на глаза снова навернулись слезы и Юля шмыгнула.

– Зачем?

Она выдала версию, которую ей озвучил Роман, и когда говорила, уже сама не верила в положительный исход этой затеи. Она доверяла официальной медицине. Что там за чудо-мастер, что сам уже еле ходит и как он может помочь Роману?

– Не пойму что между вами? – Савву эта поездка тоже смутила. – Если была такая любовь, – он показал на ее портрет, – и сейчас все наладилось, зачем уезжать? Да еще на такой срок!

– Лева задурил ему голову, рассказал какую-то историю про то, как один бывший вояка-американец встал на ноги. Вот Роман и завелся. Почему год, даже не спросила, меня эта новость вышибла из колеи.

Из спальни слышалась рок-музыка. Звук нарастал. Юля сразу сникла, так Роман показывал свое недовольство. Похоже, что и сегодня им скандала не миновать.

– Ты в понедельник точно выйдешь на работу? – Савва повысил голос, чтобы пробиться к Юле через ударные группы «Utiah Неер».

– Конечно, – кивнула Юля и пошла за кухонный остров. Надела хирургические перчатки, чтобы не запачкать кровью продукты и продолжила приготовление завтрака.

– Мне пришлось рассказать папашке новости. Сама понимаешь, дело ведь касается Ярика. Отец тоже будет в понедельник в банке. Так что готовься.

Савва намекал на то, что босс разведет активную деятельность, лишь бы отбелить имя сына от клейма самоубийцы. До этого момента он был зациклен на идеи поиска Ярослава. Даже повторный результат экспертизы, доказывающий, что найденные останки в гостевом домике принадлежат Ингрид и Ярику его не убедили. Дорофеев старший верил в чудо – его сын обязательно объявится.

Проводив Савву, Юля поставила рулеты в духовку и сняла перчатки. Чтобы не раздражать Романа, она оставила двоих телохранителей в однокомнатной квартире, но прежде они осмотрели все комнаты в апартаментах и когда заглядывали в спальню, Юля увидела, что Роман лежит на кровати, завернувшись в одеяло. Это означало, что ее ждет неприятный разговор, а возможно очередная истерика с упреками. Юля укорила себя за то, что не сказала про свадьбу в первую же ночь. Ведь про их отношения с Яриком она рассказывала после первого секса, и тогда он все воспринимал по-другому: смотрел на нее как на небожителя, не верил глазам своим, что она рядом в его объятиях. Сейчас же он посчитает, что она намеренно скрыла несостоявшееся торжество.

Сработал таймер в духовке, Юля вынула румяные рулеты и сняла рукавицы-прихватки. Разложила нарезанные куски рулета по тарелкам и отправилась в спальню. Она знала, что если просто позовет Романа позавтракать, он откажется, и будет дуться до обеда, пока чувство голода не заставит его выползти из кровати. Но и тогда он будет ее игнорировать, демонстративно хлопать дверьми, пока она не взмолилась, а он не снизойдет до разговора. Примирительный секс сгладит все острые углы и на утро все забудется. Так было десять лет назад, когда Юля была молода и неопытна, таким же образом Роман себя вел и после их воссоединения. Но больше Юля этого не потерпит.

Пока она шла в спальню в памяти всплыли обвинения, которые он кидал ей во время секса в начале недели. Тогда Юля промолчала, слишком много было эмоций, обид и недопонимания. Но сейчас Юля решила продемонстрировать ему его же гипотезу в действии, вернее она намерена разбить ее в пух и прах. Роман считает, что она могла вернуть его домой. Ха! Как же! Сейчас она ему это наглядно продемонстрирует.

Юля выключила музыку и спокойным тоном произнесла:

– Идем позавтракать.

Роман не ответил, лишь метнул в нее злобный взгляд и тут же отвернулся.

– Роша вставай, завтрак остывает.

– Ешь сама, – выпалил он со злостью и накрылся одеялом с головой.

Юля сдернула одеяло, и с вызовом выпалила:

– Если не встанешь, я принесу твою порцию и засуну тебе в трусы!

– Уйди! Не могу тебя видеть! – закричал он в бешенстве. – Уйди от меня лгунья! Ты собиралась за этого извращенца выйти замуж? Почитай дело о «Витебском душителе», он тоже душил женщин во время оргазма! Ничего тебе это не напоминает?

– Вставай! – закричала Юля, она знала, что своей настойчивостью, доведет его до бешенства, обычно она себя так никогда не вела. – Иди позавтракать!

– Отстань от меня! – выпалил он ей в лицо. – Убирайся! Не слышишь меня? Оглохла? Чертова лгунья! Что было бы с тобой, если бы не его самоубийство?

– Я была беременна! Это был *его* ребенок!

– И что? Это дает ему право забрать у тебя жизнь? Вместо этой дурочки Ингрид могла быть ты! Или ты сейчас намекаешь, что я такой хреновый отец, что не смог бы дать твоему ребенку то, что дал бы он? – глаза Романа горели огнем. Лицо перекошилось от ненависти.

Юля схватила его за плечи и подтолкнула к изножью кровати.

– Не трогай меня! – в запале злости он отпихнул ее, и Юля чуть не слетела на пол.

Если бы не ее затея, она бы прямо сейчас оделась и ушла... навсегда бы ушла. Пусть бы бушевал в своей ярости хоть всю оставшуюся жизнь. Юля вспомнила тот самый день, когда он обманным путем выманил ее из квартиры и забрал вещи. Злость и обида всколыхнулись в ней с новой силой и затмили сознание. Сейчас она была готова разорвать их отношения раз и навсегда. Ведь она клялась себе, что не даст ему третьего шанса и все же сама вошла в его жизнь.

Юля пошла в атаку. Вцепившись в него мертвой хваткой, она подтащила его к краю кровати, откуда он мог видеть свое отражение в зеркале.

– Посмотри на себя! Брошенный пес? Ты? – закричала она, удерживая его голову, и указала на отражение. – Вот что бы я увидела, когда пришла тебя молить вернуться ко мне! Вот такие бы ты кричал мне слова: убирайся, пошла вон. Как думаешь, стерпела бы я такое к себе отношение? – Роман смотрел на нее выпученными от удивления глазами. – Никогда, Роша! Никогда я не могла повлиять на твои решения! Ты делал то, что считал нужным. Ты категоричным тоном отвечал мне десятки раз в ту первую неделю, что если окажется, что я твоя сестра, то ты подашь на развод. Ты не спрашивал! Не советовался! Ты поставил меня перед фактом! В ту самую чертову неделю, когда ждал моих месячных!

Роман дернулся и отвел виноватый взгляд.

– Да, я догадалась, почему ты бедняга так страдал рядом со мной всю неделю, терпел мои слезы, истерики, доводы и уговоры, а потом вдруг без объяснений исчез! Ты убедился, что я не забеременела! Твои действия отличались поразительной хладнокровностью и осмысленностью. Ты сидел на диване и звонил по объявлениям, цинично обсуждая детали планировки и оплаты аренды своей новой квартиры, пока я собирала себя по кусочкам. И заметь, ты мне в этом никак не помог! Ни разу не приободрил, ни разу слова доброго не сказал. Не дал

совет как мне дальше жить. Я страдала, так же как и ты! А может в десятки раз сильнее!

Она оттолкнула его от себя и отползла на другую сторону кровати.

– Это не я, а ты женился! И потащил свою новоиспеченную жену в тот отель, где мы провели медовый месяц! Это был *наш* отель! Это не я, а ты имел любовниц, предавался греху и не надо прикрываться тем, что таким образом ты пытался меня забыть. Ты знал, что не забудешь! Знал! Ты мог вернуться в любой момент и точно знал, что я тебя приму. Но вернуть *тебя* у меня не было ни единого шанса. Не смей меня упрекать в том, в чем я не виновата!

Осмыслив сказанные в запале слова, Юля поняла, что находиться с Романом в одной квартире больше не может. Ее достали их размолвки, его обвинения и придирки.

– А знаешь? Иди к черту! Меня все это уже достало! Дать нашей любви еще шанс было дурацкой идеей! – голос Юли сорвался, она вскочила с кровати и выбежала из спальни.

Ей хотелось пройтись по улице, продышаться и изгнать из себя накопившиеся обиды. Она понимала, как будет глупо выглядеть: бегущая по тротуару заплаканная женщина, а от нее не отстают два телохранителя. Но оставаться в этой квартире уже не было сил. Плевать, как она будет выглядеть! Ей нужно успокоиться, пока она ему не наговорила такого, о чем потом пожалеет. Юля решила, что остаток дня проведет в банке. Работа – ее спасение. А дальше будет видно.

Роман истолковал ее порыв по-своему, он понял, что жутко перегнул со своими обидами, да еще в тот момент, когда Юле кто-то угрожает. Вместо того чтобы поддержать любимую женщину, помочь ей и подставить свое плечо, он надулся как ребенок, хотя в глубине души понимал, что Юля зависима от семейства Дорофеевых, ведь она это не раз дала ему понять в первую неделю после примирения. Чертов эгоист!

Обезумев от страха, что может ее потерять, Роман вскочил на ноги, умудрился сделать три шага, затем упал как подкошенный. Вытянулся плашмя и от бессилия, что не может ее догнать, закричал как сумасшедший:

– Миа! Не уходи! Пожалуйста! Миа! Прости меня! Я люблю тебя! Миа! Не бросай меня! Без тебя мне не выжить! Миа!

Юля обулась и стояла в дверях. Услышав их скандал, секьюрити маячили в коридоре. Она бы точно ушла, но Роман выполз в коридор и продолжал ее звать и просить прощения. Глаза его застилала слезы. Он был в панике. От этого зрелища сердце ее бухнуло, обида мгновенно схлынула, как открытый шлюз. Но сразу ей уступать не хотелось. Бросься она к нему сейчас и все будет по-прежнему.

В памяти всплыли ее собственные слова:

«А есть хоть что-то, что сможет встать между нами?».

– Что? Что ты хочешь от меня? Роша? – она все еще плакала.

– Прости меня, – выпалил он. – Не уходи! Я не вынесу этого!

Роман боялся пошевелиться, боялся прервать их зрительный контакт, ему казалось, уползи он за инвалидным креслом, Юля уйдет и кто знает, вернется ли? Вид у нее злобный и обиженный, пожалуй, он ее видел такой только однажды, когда признался ей в измене в той самой гостинице «Космос».

– Ты теперь этим будешь меня шантажировать? Будешь издеваться, говорить всякие гадости, а потом просить, чтобы я осталась, потому что ты можешь свести с жизнью счеты? А что меня ждет, если я останусь? А? Роша? Твои обиды? Твои упреки? Что я что-то не сделала? Что ты поступил неправильно? Если ты не отпустишь наше прошлое, ничего впереди не будет. Нет у нас будущего! Только взаимные претензии...

– Прошу тебя. Не уходи, – взмолился Роман. – Миа, пожалуйста. Прости!

– Хочешь все исправить? – она уперла руки в бока.

– Да, – кивнул Роман.

Она не знала, как все исправить и лягнула первое, что пришло в голову.

– Тогда тащи свою задницу на кухню! Рулет остывает! – Юля откинула куртку на диван и разулась. Прошла на кухню и села на барный стул.

Два коридора сразу опустели. Из ее груди вырвался тяжелый вздох. Если Романа раздражала его ущербность, то ее потеря драгоценного времени. Они могли после вкусного завтрака предаваться любви, принять вместе ванну или просто прогуляться по парку, но вместо этого кричат, скандалят, кидаются обвинениями.

Через минуту она услышала скрип колес инвалидного кресла. Роман подкатил к кухонному острову и Юля молча придвинула ему тарелку.

– Отель выбирал не я, – попытался оправдаться Роман. – А организаторы свадьбы. Для меня это было шоком. Я будто получил удар в солнечное сплетение. Тогда-то я и понял, что совершил огромную ошибку. Дал Снежку себя уговорить. Встал не на тот путь.

Юля еле справлялась со своими эмоциями, ей хотелось сейчас побыть одной, осмыслить все происходящее, но так как Роман не дал ей такой возможности, на нее нахлынула волна раздражения.

– Я искал квартиру не для себя, – признался Роман, закинул в рот добрую порцию рулета и быстро прожевал. – Лева попросил. Сказал, что у меня уже есть опыт и все такое. А мне хотелось отвлечься. Ты постоянно плакала, а это разрывало мне сердце.

Сейчас Роман был похож на себя двадцатилетнего: взлохмаченные волосы, возбужденный, с горящим взглядом. Юля не отвечала, скребла вилкой по тарелке и вспоминала последние дни их брака.

– У Левы возникли проблемы с родаками, – продолжил Роман. – Твоя мать рассказала его матери по телефону о том, как мы встречались всей компашкой на хате у Кирилла. Наплела черте чего. Я приехал помочь, хоть как-то все объяснить его родакам. Когда разговор закончился, было уже поздно, и они оставили меня ночевать. А на утро мне было так плохо, что я без помощи Левы не мог встать на ноги и дойти до туалета.

Юля застыла. Никто ей не сказал, что было в те дни, хотя она не раз спрашивала у Левы и у его мамы.

– Навалилась дикая слабость, я не мог пошевелиться. Они вызвали «Скорую». Врачи сказали, что это психическая реакция на стресс и недосыпание. Накачали меня снотворным и велели отоспаться. Я провалялся у них больше суток.

Юля вспомнила, что Роман к моменту исчезновения толком не спал уже много дней.

– Помню, проснулся среди ночи и представил, как открывается дверь, в комнату влетаешь ты. Кричишь на меня, что ты волновалась, что обзвонила все

больницы и чудом нашла меня здесь. Что нас ждет такси, и ты забираешь меня домой. Я ждал... ждал... до утра.

Сжав кулаки, Юля зажмурилась. Она ведь действительно звонила, куда только могла и Леве, кстати, тоже. Ну, сколько можно ее мучить?

– Сама понимаешь, что я себе надумал, когда так и не дождался.

Юля понимала: что он брошенный пес, что он ей не нужен, что она вычеркнула его из жизни, даже не дождавшись результата теста.

– Хватит, Роша! Хватит!

– Я просто пытаюсь тебе объяснить...

Она не дала ему договорить.

– А я оставалась в той ненавистной мне квартире еще три года! У меня были нервные срывы, я потеряла работу, чуть не вылетела с института, была попытка самоубийства, меня чуть не изнасиловал сосед, но я все равно жила там, в надежде, что ты вернешься, потому, как эта квартира была единственной ниточкой, что связывала нас.

– Что?! Самоубийства? – Роман округлил глаза от ужаса. – Чуть не изнасиловали? Какой еще сосед?

Юля отмахнулась, давая понять, что не намеренна сейчас развивать эту тему.

– Согласие на брак с Яриком я дала, чтобы спасти тебе жизнь! Если бы я осталась у твоей койки еще хоть на день, между нами с Яриком началась бы настоящая война. И первой жертвой пал бы ты. Он мне это четко дал понять. Черт! Да не было никакого согласия! – Юля снова заплакала. – Ярик просто слил видео в интернет, после которого я уже не могла отвертеться.

– Какое еще видео? – Роман выронил из рук вилку.

Юля снова отмахнулась.

– Хватит, Роша. Ты скоро уедешь, и я не хочу больше тратить ни минуты, – она закрыла его рот ладонью и, понизив голос, добавила: – Больше ни слова, теперь только любовь.

Она провела указательным пальцем по его лбу к носу и вернулась к линии волос. Роман тяжело вздохнул. Казалось, он еще о чем-то думал, в чем-то сомневался, но потом его глаза потеплели, увлажнились. Он кивнул, и она убрала

руку. Потянула его к дивану и помогла выбраться из инвалидного кресла. После скандала Роман так ослаб, что не мог даже пошевелиться. Его руки дрожали. Юля поняла, что он сильно перенервничал и теперь в крови гуляет адреналин. Они лежали в объятиях друг друга. Ее щека была прижата к его груди, она слышала глухой стук его сердца и думала о его скором отъезде. Теперь она уже не сомневалась что эта хорошая идея. Им нужно привыкнуть к мысли, что они будут теперь вместе. Пожить без той брони, которую они носили долгие десять лет. Соскучиться. Истомиться. Бредить от тоски долгими ночами. За это время они отпустят все свои накопленные обиды и освободят для их всепоглощающей любви сознание и душу.

Очнулась Юля от того что Роман перекатился на спину и начал потирать затекшую руку. Подняла голову и посмотрела на потемневшее от свинцовых туч небо за окном.

– Мы что, уснули?

– Похоже на то... – Роман корчился от боли, и Юля немного отодвинулась, давая ему больше места для маневра.

Он тут же начал массировать и разминать ноги. Юля взглянула на часы и вскочила на ноги. Вот это да! Они проспали больше семи часов!

– Черт, как же меня достали эти боли! – процедил сквозь зубы Роман и взвыл, словно раненный солдат на поле боя.

– Роша нужно сменить врача, а может даже слетать в Германию. Рудик по моей просьбе нашел клинику. Мне не нравится то, что с тобой происходит.

– На этот раз я решил довериться Леве. Не хочу пичкать себя химией, она даст временный эффект, но не решит проблему на корню.

– Нужно попробовать, а если лечение не поможет... – Юля кинула на него обреченный взгляд, – тогда и поедешь...

– Я специально сделал перерыв в тренировках на этой неделе. Хотел посмотреть, как это повлияет на мое состояние.

– И? – Юля замерла в ожидании.

– Приступы и бессонница вернулись... с новой силой... так что упражнения – ключ к выздоровлению. Вот почему я решил поехать. Ты думаешь, мне легко тебя оставить после всего, что между нами произошло?

– Именно так все и выглядит... – обижено произнесла Юля и поднялась с дивана. От одной мысли, что они завтра расстанутся, душу выворачивало наизнанку.

– Брось... родная... ты же знаешь, как ты нужна мне.

– Нет, Роша. Не знаю... Каждый раз, когда ты кричишь на меня, в памяти всплывают лица женщин, с которыми ты мне изменял.

– Мы расстались...

– Тогда не говори, что мы венчаны и что я заслуживаю наказания.

– У мужчин другие потребности.

– Мне не тринадцать! – закричала на него Юля. – Теперь я не куплюсь на эту бредовщину!

– Но это так! – вторил ей Роман. – У тебя встает по утрам, так что ты ходить не можешь?

Она подбоченилась и посмотрела на него с вызовом.

– Ты хоть кому-нибудь был верен?

– Да!

– Кому?

– Тебе!

Юля фыркнула.

– После первой нашей ночи у меня никого не было... и ты это знаешь, черт возьми! Миа!

– Хватит! Мы опять сейчас поругаемся.

Голос Юли слышался из кухни, и Роман поднял голову. Заметив ее у холодильника, он понял, Юля размышляет над тем, что приготовить им на обед и предупредил.

– Миа, обедать и ужинать мы будем не дома.

– Что ты задумал? – Юля взяла из корзинки для фруктов яблоко и смачно откусила сочную плоть.

– Восстановить справедливость, – буркнул Роман и пересел в кресло.

Юля заметила, что он раздумянулся, воспрял духом и после сна выглядит вполне бодрым. Она двинулась за ним в спальню.

– Не поняла.

Роман раскрыл дверца шкафа и поманил ее к себе.

– Я не хочу в шкаф. Или ты вывалишь на меня сейчас такой ушат стресса, что заранее определил место для убежища? – съехидничала она и продолжила с жадностью поедать яблоко.

– В убежище сиганешь завтра, а сейчас выбери платье, но не длинное... Мы едем в особенное место.

Юля поняла, что приближающийся понедельник выводит Романа из равновесия. Как же важно для него знать, что они не родственники!

– Все будет хорошо, Роша. Тест докажет что *твой* отец прав.

– Не надо Миа, не успокаивай меня – Роман отвел взгляд. – Ты права, у нас мало времени, не будем тратить его на конфликты.

Обедали в уютном семейном ресторанчике, где Романа знал весь обслуживающий персонал. По довольному виду возлюбленного, Юля поняла, что он здесь желанный гость и чувствует себя вполне комфортно. Беседа за столом лилась как ручеек, без единого напряженного момента. Оба осознавали: завтра им придется расстаться, жались друг к другу, пытались насытиться единением перед разлукой.

За все время пребывания в ресторане, они не разрывали физического контакта. Их ноги были переплетены, и Юля чувствовала непроизвольные подрагивания его мышц. Сегодня к старым проблемам добавилась новая: Роман пожаловался на дергающий тройничный лицевой нерв. Его рука постоянно тянулась к области между правым ухом и виском, пальцы судорожно растирали болезненную точку. Но видимо это не помогало. От изматывающей боли он то и дело сжимал челюсть и закрывал глаза. Юля замолкала и тянулась к его руке. Она переворачивала ее ладонью вверх и целовала каждый бугорок, как делал он, когда хотел ее успокоить. В один из таких моментов кто-то из посетителей узнал ее и

сфотографировал на мобильный телефон и хоть секьюрити отреагировали быстро, снимок все же просочился в социальные сети.

Всю прошедшую рабочую неделю Роман наблюдал за Юлей и понял, что ее решительный настрой на их совместное будущее не сломить никакими трудностями. Она все пройдет, все преодолеет. Глупо было сомневаться в этом. От этой мысли ему стало не по себе. Ведь он никогда не отличался такой смелостью как Юля. Для него результаты теста имели колоссальное значение. Вот поэтому он задумал сегодня нечто грандиозное. Роман решил бросить вызов судьбе, их ситуации и в первую очередь самому себе. Это будет его маленький подвиг, преодоление собственных страхов. Уехать он должен услышав ее «Да», хотя не сомневался в нем ни минуты. Если бы не был женат, то женился бы на Юле прямо сегодня, но, увы, даже при согласии двух сторон развод займет не один месяц – совместная недвижимостъ и общий ребенок неминуемо затянут процесс.

Через час служебный «Бентли» остановился перед крупным торгово-развлекательным центром. Телохранитель помог Роману выбраться из машины. Юля оставалась в салоне, пока перед ней не распахнул дверь сам Роман. Это было их новым правилом. Она не должна была видеть, как он пересаживается в инвалидное кресло. Роман говорил, что хочет сохранить хоть каплю мужского достоинства, и она ему в этом не смела перечить. Юля подала ему руку, вышла из машины и нахмурилась. Зачем она наряжалась как на церемонию вручения «Оскара», когда обед проходил в тихом скромном ресторане, а потом ее привезли в кинотеатр?

Заметив недоумение на ее лице, Роман улыбнулся и сказал:

– Да, мы будем смотреть кино, но сеанс будет необычным.

– Может нужно было надеть что-то подемократичнее? – Юля показала на высокие каблуки и короткое платье с цветочным принтом от «Valentino».

Вместо разъяснений Роман сделал очередной комплемент ее красоте и, сжав руку возлюбленной, увлек за собой в просторный вестибюль, где их встретила служащая центра, поприветствовала и проводила до служебного лифта. Секьюрити как тени следовали за ними следом, вызывая у Романа очередной

приступ раздражения. Далее их путь лежал в приватную зону, где расположился небольшой VIP-кинозал.

– Это «зал для своих», – пояснил Роман, подталкивая ее в сторону распахнутых дверей, – этим центром владеет мой друг.

Юлю так и подмывало спросить, кого он сюда водил, но она из последних сил сдержалась.

– Ты задолжала мне одно свидание.

– Только одно?

Путаные намеки не помогали. Пока они шли к заветной двери, Юля, что только не передумала, и похоже Романа это только забавляло: морщинки веером легли у края глаз, губы расплылись в улыбке. Что он задумал?

Их проводили в небольшой зал и со словами: «Располагайтесь, выбирайте фильм и не забудьте про бар» сотрудница центра вручила им планшет. Роман задвинул дверную щеколду в виде кинжала с резной рукояткой, отрезая себя и свою возлюбленную от окружающих.

Такого кинозала Юля никогда не видела, но после расставания с Рошей она не любила ходить в кино, поэтому не была в этом вопросе докой. Вместо привычных узких кресел с подлокотниками Юля увидела огромный полигон из мягких пуфов разных форм, дивана с низкой спинкой и даже кровать. Сначала она подумала, что Роман пригласил для примирения всю их семью, но увидев в серебряном ведерке запотевшую от льда бутылку шампанского, перекинулась на другие варианты.

– Помнишь наше первое парное свидание с Настей и Кириллом?

Юля аж подпрыгнула.

– Роша, только не говори что ты...

– Нет-нет, – поспешил он ее успокоить. – Нам сейчас посторонние ни к чему. Но если помнишь, ты тогда сорвала наше свидание и своей неуместной ревностью вынудила меня уйти. Так что Миа, ты задолжала мне свидание... – он развел руки в стороны, – в кино...

Она рассмеялась.

– Ты сумасшедший! Зачем я так вырядилась? Здесь уместнее были бы джинсы и джемпер.

– Amore mio, ты как всегда нетерпелива, – укорил он ее, – но туфли можешь пока снять.

– Сюда никто не придет? – хитро сощурилась Юля. – Я могу совсем раздеться.

– Ох! Миа! – Роман застонал и улыбнулся. – Я не против, но предупреждаю, что здесь могут быть камеры, да и про кинооператора забывать нельзя.

Оба задрали головы и посмотрели на окошко операторской, в которой горел свет.

– Ладно, так уж и быть, платье останется на мне, – с игривым одолжением отозвалась Юля. – Какой фильм будем смотреть?

– В тот раз мы смотрели «Титаник», но я снова сбегу, если ты будешь на нем настаивать, – усмехнулся Роман.

– Все мои любимые фильмы ты уже посмотрел, так что... – Юля скинула туфли и запрыгнула на кровать. Собрала подушки у изголовья кровати и с восторгом плюхнулась в мягкую объемную гору. – Выбирай фильм сам. Ты же что-то задумал, поэтому подбери подходящий сюжет.

– Ладно, – Роман взял планшет со стола и углубился в список предложенных кинотеатром фильмов.

Пока он делал выбор, Юля не сводила с него восторженных глаз. Внутри нее плескалось так много чувств, что осознать все, что она сейчас переживала, было просто невозможно. Наверное, пройдет не один месяц, когда Юля сможет дать оценку происходящему за последние две недели, а пока чувства опережали ее сознание. Все происходило как во сне. Вроде она двигается, говорит, участвует в разговоре, но как это у нее получается она и сама не понимает.

Роман, нажав на планшете на пару клавиш, подкатил кресло к кровати и лег рядом с возлюбленной.

– «Троя», «Храброе сердце» и «Гладиатор»? – прочитала Юля выбранные на планшете фильмы.

– Есть возражения? – Роман притянул ее к себе и обнял за плечи.

– Никаких.

Выбор фильмов с воинственной и героической тематикой говорил о том, что Роман сегодня решительно настроен. Видимо морально готовится, что-то ей сказать. От неприятного предчувствия Юля сжалась, и это не ускользнуло от его проникновенных глаз.

– Все хорошо, Миа, расслабься. Стрессы будут в понедельник.

«Гладиатора» они посмотрели от начала до конца. Роман то и дело постанывал и сжимал ее руки. На лбу выступил пот. Юля понимала, что боли усилились и не дают ему покоя.

– Dolce mia, если так плохо, поехали домой.

Ответом было упрямое «нет». Роман выпил еще две таблетки обезболивающего и вернулся в кровать. Развернул Юлю к себе и сжал в объятиях. Как только боль отступила, он заговорил с такой страстью, что Юля забыла, как дышать.

– Поразительно, что увидев тебя впервые, я сразу понял, что ты та самая. Сейчас это в голове не укладывается, а тогда меня будто прожгло огнем твоих волос, и я ощутил, что именно с этого момента моя жизнь круто изменится. Я знал, что ради тебя буду просыпаться, ради тебя совершенствоваться, ради тебя преодолевать трудности. Иногда я смотрел в зеркало и со страхом спрашивал себя: «Что она во мне нашла? Я обычный парень, каких много».

От удивления у Юли брови взметнулись вверх. Обычным Романа никак не назовешь. Неужели он не видит, *как* смотрят на него женщины. Она постоянно ловила восторженные и кокетливые взгляды соперниц, их даже инвалидное кресло не смущало.

– Ты – мое солнце! Ты всегда освещала мне путь, – Роман поцеловал ее в губы. – Если ты рядом – все предельно просто. Я всегда видел конечную цель и, чувствуя твою поддержку, смело шел к ней. Ты сделала меня мужчиной. С тобой я был счастлив, обласкан, любим. Ты окружала меня заботой, иногда она была удушающей, но мне это нравилось. Нравилось смотреть на тебя и видеть в твоих глазах обожание. Понимать, что ты так же сходишь по мне с ума, как и я по тебе. Круче этого ничего быть не может, и я хочу все это вернуть, – он застонал и

уткнулся ей в шею. – Но пока меня мучают эти проклятые боли, этого не будет. Я как оголенный провод всегда наэлектризован. Один удар тока и я прихожу в ярость.

Последние слова Юля не слышала, она вспомнила прощание с Яриком, тот тоже перед отъездом на виллу был погружен в надежды и мечты. Тоже говорил о том, каким видит их будущее... а их настигла суровая, жестокая и беспощадная реальность. Не получится ли тоже самое с Романом? А что если он не сможет сделать то, что задумал, впадет в отчаяние и совершит еще одну попытку уйти из жизни? Или организм не выдержит нагрузки и он снова впадет в кому?

– Когда тебя нет рядом, я ощущаю подлинное одиночество: жуткое, безысходное, опустошающее – хоть криком кричи. Боль в сердце такая сильная, что бежишь к кардиологу и проверяешь все ли с тобой в порядке. Думал, ну не может душевная боль давать такой физический всплеск. А оказывается – может. Оказывается можно умереть от тоски. Всепоглощающей, неуголимой и испепеляющей всю душу тоски.

– Роша, ты хочешь, чтобы у меня сейчас сердце разорвалось на части? – Юля обхватила ладонями его лицо. – Я знаю, о чем ты говоришь. Знаю эту тоску и это одиночество. Я все это пережила. Выстрадала каждой клеточкой своего тела. А на тему «Душевная боль» я могу защитить докторскую диссертацию. С тобой я узнала, что такое сердечная агония, невыносимая мучка разлуки и абсолютная безоговорочная любовь.

– Я подвожу тебя к тому, что сейчас...

Но Юля не дала ему договорить:

– Я все знаю, Роша. Ничего говорить не нужно. Просто целуй меня, ласкай и обнимай. Совсем скоро ты уедешь, и я не смогу вкусить твои губы, не смогу вдохнуть аромат твоего тела и почувствовать тебя внутри.

Юля потянулась к его губам, и они слились в поцелуе. Оба задышали так страстно, что Роман был вынужден отложить намеченное. Ему казалось, что с каждым днем после их долгожданного воссоединения в них происходила невидимая глазу трансформация, как настройка кремальеры, состоящей из ведущей шестеренки и зубчатой рейки. Где зубчатой рейкой был он сам, а шестеренка – Юля – вращалась вокруг его линейного мира. Они как два разных

механизма подлаживались и сонастраивались, чтобы впредь выполнять одну лишь функцию – любить. Но сейчас его глаза не горели тем огнем, что в годы их семейной жизни. Романа больше не одолевали фантазии. Когда ты борешься с болью, остальные чувства, даже страсть и вожделение отступают на задний план. Боль убивает в тебе человечность, делает из тебя агрессора и тирана. Она жестока не только с теми, кто ее испытает, но и с его окружением.

– Dolce mia, я хочу тебя!

Роман непроизвольно дернулся, для запланированного мероприятия сегодня оказался не лучший день. От резкого движения позвоночник пронзил боль. Ноги, словно пылали в огне. На минуту он прикрыл глаза, пытаясь справиться с накатившим приступом. Разве этого он хочет для своей любимой? Разве с ним она будет счастлива? Что он делает? Зачем держит ее в своих объятиях и дает ей надежду на их совместное будущее? Что он даст ей в этом призрачном будущем? Скандалы и страх за его состояние здоровья? Ведь она может быть счастлива с другим... здоровым сильным мужчиной, который сможет дать ей все, чего она заслуживает. Она уже столько выстрадала по его вине...

– Миа, зачем я тебе нужен? – застонал Роман и стиснул зубы. Прогнув спину, он запрокинул голову и на несколько секунд замер. А когда приступ отпустил, заглянул ей в глаза и зашептал: – Посмотри на меня... я не могу дать тебе то, что ты хочешь. Ты сейчас пылаешь от страсти, а я борюсь с адской болью... и так будет всегда.

– Т-с-с-с... Роша... молчи...

Она заставила перевернуться его на спину. Рука скользнула к его ремню.

– Что ты делаешь? Нас могут увидеть...

– Пусть смотрят, мне все равно. Не захотел остаться дома? Теперь терпи.

– Я просидел в четырех стенах два месяца. Больше не могу. Тем более с тобой. Мне хочется крикнуть всему миру, что ты моя.

– Только что тебе этого не хотелось, – упрекнула его Юля. Голос ее дрогнул и Роман понял, что она борется с подступающими слезами. – Только что ты снова хотел сказать мне «прощай». В который раз за эту неделю? А? Роша?

Роман прикрыл глаза. Когда же он привыкнет к тому, что она «читает» его мысли? Уже через мгновение она стащила с него брюки и трусы. Он молча

наблюдал за ее действиями. Юля устроилась между его ног и он вспыхнул от накатившей возбуждающей волны. Пока на экране разыгрывались батальные сцены из фильма «Троя», боль и страсть перемешались и вели в нем битву.

– Не двигайся, Роша, пожалуйста – в ее голосе звучала мольба. – Я хочу, чтобы ты испытал наслаждение, а не очередной приступ.

То ли таблетки к этому моменту наконец-то подействовали, то ли ее горячие губы, но боль проиграла сражение, и Роман постепенно расслабился. Из всех сил он старался не шевелиться. Но как только Юля вобрала в себя его плоть и медленно задвигалась, он так громко застонал, что она отпрянула и застыла.

– Все в порядке, amore mio, – он сжал ее бедра, подталкивая к действиям. – Я стону не от боли.

Она наклонилась к его лицу и впилась в губы. Поцелуй был страстным и опьяняющим. Ее волнистые локоны укрыли его лицо и обволокли своим ароматом.

– Роша, если ты еще раз подумаешь о том, что тебе нужно отпустить меня я заберу свое согласие на твой отъезд, запру тебя в своей квартире и приставлю трех охранников, которые днем и ночью будут следить за тобой как неустанные сфинксы. А когда я буду приходить с работы, то буду ходить по квартире совершенно голая, но даже на дух к себе не подпущу. И ты взвоешь... очень скоро взвоешь, но на мою милость даже не надейся.

– Какое страшное садистское наказание, – усмехнулся Роман и прищурился. Что-то в выражении ее лица ему подсказывало, что она так и сделает. От этой мысли по лицу расплзлась широкая улыбка. – Я уже вижу, как ты кокетливо виляешь попкой, подманивая меня к себе, а потом отталкиваешь, но в глазах горит такой огонь, что ты уже и сама не рада, что наказала меня.

Фантазии вторглись в его отравленное болью сознание бурным потоком. Это было похоже на прорвавшуюся плотину, которая разом затопила высушенные поля. Если раньше кульминации он ждал со страхом – а вдруг боль снова вторгнется в их соитие и отбросит их вождеделение на исходную точку – то сейчас он хотел растянуть процесс. Роман тут же схватился за изголовье кровати, подтянулся на руках и заставил Юлю повернуться к нему спиной.

– Миа, наклонись немного вперед... Да! Так!

Он с силой сжимал ее бедра, зная, что оставит следы на ее фарфоровой коже. Их громкие стоны были уже слышны в коридоре, но ни ее, ни его это не смущало. К финишу они пришли почти вместе. Вырвавшийся из ее груди крик подтолкнул Романа к оргазму и уже через несколько секунд их голоса слились в унисон. Юля повалилась на бок, он прижался к ее спине. Оба еще долго не могли отдышаться.

– Видишь, Роша, с каждым разом все налаживается.

Отвечать Роман не стал. Да, иногда боли отступали, но непременно возвращались и всегда с новой силой. За каждый акт единения с любимой его жестоко карали, но это того стоило.

В ее голове настойчиво зудело напоминание: завтра им предстоит узнать результаты теста, а потом он уедет в аэропорт и они не увидятся пока Роман не справится со своей болезнью. Юля предполагала, что обозначенный им год был условным сроком, он мог отсутствовать и больше и меньше. Умом она понимала, что поездка в Китай будет успешной в любом случае, даже если Роман не поднимется на ноги, общение с другом принесет ему душевное равновесие. Но сердце Юли от предстоящей разлуки разрывалось на миллионы частиц.

Юля и Роман, обнявшись, сидели на диване. Она накручивала прядь своих волос на палец, и он понял, что ее голову будоражат недобрые мысли. Нового приступа Роман не дождался. Боль, будто вошла в его положение и отступила на несколько часов. Посмотрев на экран, где мелькала сцена первой любовной ночи главных героев фильма «Храброе сердце», Роман понял, что лучшего момента уже сегодня не будет.

– Миа, надень туфли, – он приободряюще похлопал ее по спине.

Роман потянулся к бутылке шампанского и разлил шипящий напиток по бокалам. Когда он подтянул к себе пиджак и вынул из кармана красную бархатную коробочку, Юля уже стояла перед ним обутая и загадочно улыбалась. Он хлопнул себя по коленям, застонал и усмехнулся.

– И как ты поняла, что я собираюсь сделать?

– Выбор фильмов, – начала загибать пальцы Юля, – ты вернулся в квартиру уже после того как мы хотели выйти. Я услышала металлический лязг и поняла, что ты что-то достаешь из сейфа. Кольцо ты, скорее всего, купил в четверг, это был единственный раз, когда ты «обедал с друзьями» без меня. Бутылка шампанского – она тут явно лишняя. Ты сказал: «Расслабься Миа, стрессы будут в понедельник». Ну и, конечно же, мой наряд.

Роман покачал головой, расплылся в улыбке и открыл ювелирный футляр. Юля увидела кольцо с огромным зеленым бриллиантом, которое очень подходило к ее серьгам, что она надевала на его день рождения. Кольцо стоило целое состояние, и Юля удивилась, что обычно ворчащий по поводу неразумных трат, он потратил такую сумму на ювелирное украшение.

Роман поднял на нее влажные искрящиеся глаза и с сожалением сказал:

– Представь, что я встал на колени, – он взял Юлю за руку. – Миа, пылких речей на этот раз тоже не будет. В прошлый раз я дико нервничал, думал, что от волнения и переизбытка эмоций сердце выскочит из груди. А сейчас я живу в ожидании очередного приступа и от этого все мое красноречие улетучилось. Но говорить, как я к тебе отношусь и что чувствую не нужно, ты ведь это и сама знаешь, тем более что сегодня меня уже пробивало на откровения.

– Роша, ты как всегда торопишься, – пожурела Юля и пригладила его взлохмаченные волосы. – Ты ведь еще даже не получил развод.

– Знаю. Мы с тобой в этом вопросе всегда занимали противоположную позицию, но в этом весь я. Что тут поделаешь?.. – Роман тяжело вздохнул и поднял на нее глаза. – Миа, не знаю, почему ты все еще со мной, почему не убежала и не послала меня подальше после двух недель ада. Но уезжать в Китай в неведении кто я для тебя, не хочу. Мне нужно иметь четкую цель и идти к ней. Ты мой ориентир в темноте, мой свет. Хочу, чтобы это кольцо поблескивало на твоём пальце, когда мы войдем в Генетический центр. Честно говоря, ты для меня до сих пор жена, моя вторая половина. Другой твоей роли я никогда не принимал, поэтому и сделал так поспешно предложение в первый раз. Развод я всеми фибрами души отвергал, а когда через пять лет женился, то чувствовал себя двоеженцем.

Руки от волнения дрожали, Роман осторожно вынул кольцо из коробочки и поднес к безымянному пальцу ее правой руки.

– Без тебя мне не жить. В буквальном смысле. Даже если я удержусь от искушения добровольно прекратить свои страдания, то скачусь до уровня пропойцы. Ты делаешь меня лучше. Когда ты рядом я сильный, мне есть ради кого просыпаться и биться за наше совместное будущее. Прошу тебя, будь со мной. Пусть Солнце снова взойдет на свое Небо.

Он ждал ответа, но Юля медлила. Ее мягкий изучающий взгляд скользил по истерзанному болью лицу, затем проник в его небесно-голубые глаза.

– Миа... – поторопил он ее в страхе.

– Роша, я хочу этого больше жизни, – призналась она, – но у меня есть условия. Если ты их примешь – я дам согласие.

От удивления Роман немного откатился назад и уставился на нее ошеломленным взглядом. Условия? Она серьезно? Жестом он дал ей понять, чтобы продолжила свою мысль и весь напрягся.

– Во-первых, чтобы там не показал тест мы теперь вместе. Ты должен дать обещание, что никогда меня не бросишь. Не предашь как тогда, когда мы узнали о родстве в первый раз. В сущности в понедельник решиться только один вопрос: будут ли у нас совместные дети или нет. Я хочу, чтобы ты перестал стыдиться нашей любви. То, что мы чувствуем друг к другу – прекрасно! За это нужно бороться, а не сторониться как чумы.

Лицо Романа помрачнело, он вспомнил день, о котором говорила Юля. У влюбленных было разное мнение на счет произошедшего в тот день, но все же Роман кивнул, давая понять, что принимает ее условие.

– Во-вторых, я хочу, чтобы мы решали финансовые вопросы вместе.

– Так и будет, – поспешно согласился Роман.

– Роша, я говорю про все финансы, включая и те, что находятся у нас на оффшорных счетах.

Не зная Юлю можно было бы предположить, что она меркантильна, но Роман понимал истинную природу ее условия, она собирается управлять семейным капиталом и хочет, чтобы заработанные кровью и потом деньги не сгорели в руках его нерадивых партнеров или в сомнительных сделках.

– Я же сказал, это не проблема, – с раздражением отозвался он.

– Хорошо. В-третьих, я буду заниматься карьерой. Пока я работаю на клан Дорофеевых и не вижу способа уйти. Возможно позже, но точно не сейчас. Но даже если я от них уйду, то открою собственную компанию. Ты это должен принять.

– Это я тоже понимаю, – прохрипел Роман и прочистил горло.

Эта часть разговора была ему особо неприятна. В клане Дорофеевых Роман ощущал не только угрозу для их счастья, но и нависший призрак Ярика. Они постоянно ей о нем напоминали, и Роман видел, как Юля при этом сжимается.

– И последнее... ты будешь со мной во всем советоваться. Я не хочу, чтобы ты как раньше ставил меня перед фактом. Раз мы вместе, значит, и решения будем принимать вместе.

Роман чуть не взорвался, но блеск бриллианта заставил его остыть. Ему хотелось спросить, когда это он принимал за обоих решения. Наоборот, были моменты в их семейной жизни, когда это делала сама Юля. Например, ее академический отпуск, за который ему впоследствии не раз досталось. Это решение она приняла сама, он просто с ним согласился, потому, что хотел быть с любимой женой как можно чаще.

– Это означает, что и ты не будешь принимать без меня решений? – уточнил он, надеясь, что этим вопросом дал ей понять свою точку зрения.

– Конечно.

– Лично меня все устраивает. Если это все, могу я надеть кольцо?

Юля кивнула, на лице заискрилась улыбка, и в следующий миг кольцо уже поблескивало на ее безымянном пальце.

Влюбленные пребывали в торжественно-приподнятом настроении. Их объятия не размыкались. Они бросали друг на друга затяжные восторженные взгляды, и каждый вкладывал в них собственные чувства: Роман обдумывал ее условия, которые стали для него полной неожиданностью, а Юля строила планы на тот период, пока Роман будет бороться за свое здоровье. И хотя для каждого

второе предложение руки и сердца было, скорее формальностью, внутри оба ликовали и после двух недель притирок чувствовали зримое облегчение.

Ночь решили провести в квартире Юли, от которой было ближе добираться до Генетического центра. По дороге домой, Юля вспомнила, что пока они были в кинотеатре, слышались сигналы поступивших сообщений, но ей не хотелось прерывать их с Рошей единение, и она не стала их читать. Она извлекла из сумки три телефона и начала просматривать входящие смс.

Роман вздрогнул, когда Юля издала рвущий душу стон и повернулся.

– Что там?

– Опять эти глупые угрозы.

Вырвав телефон из рук возлюбленной, Роман прочитал сообщение:

«Не могу поверить! Рыжая Юля снова трахается с братцем! Три «ха-ха». В цирк ходить не надо!».

– Это точно Власов. Его манера, – буркнул Роман.

– Да, это он, сомнений нет, – еле слышно подтвердила Юля и погрузилась в свои воспоминания.

Следующие смс были в том же духе.

«Теперь месть будет еще слаще».

«О-го! Да мне делать ничего не пришлось! Просто буду сидеть и смотреть как тебя разделяют под орех!».

– О чем это он? – Роман показал Юле последнее сообщение.

– Может, что-то просочилось в прессу? Уже ищу, – Юля просматривала публикации по запросу их имен, но пока ничего не находила.

Зато ей попала на глаза аналитическая статья о теневом банковском бизнесе, который, по мнению автора, достиг нового максимума благодаря деятельности трех банков. Акцент был сделан на ее банке, от чего Юля заскрежетала зубами. Статья явно была заказная, и так как в тройке не был назван главный конкурент, Юля пришла к выводу, что это дело рук Айратова.

– Не понимаю, за что он мстит? – недоумевал Роман. – Мне все это не нравится, Миа. Мне нужно отложить поездку и разобраться с этим олухом.

Юля хотела сказать, что сейчас он даже себе не в состоянии помочь, а за ней целая армия телохранителей, но глядя на воинственный вид Романа, сдержалась.

– Если бы ты знал, с какими делами я справлялась, ты бы сейчас не нервничал, – предприняла попытку успокоить его Юля. – Корпоративный шпионаж, мошенничество, наезды преступных группировок, которым нужно было отмывать свои грязные деньжата. На меня трижды покушались...

– Что?! – Роман уставился на нее как на сумасшедшую. – И ты после всего этого хочешь делать карьеру в банковской сфере? Миа! Я не узнаю тебя. Раньше я объяснял твой интерес тем, что ты, таким образом, заглушала в себе тоску, а что сейчас? Зачем так рисковать? А если завтра ты забеременеешь?

– Тогда и поговорим... – пространно ответила Юля, ей хотелось до его отъезда избежать спорных тем.

Роман замотал головой.

– Я не буду сидеть, сложа руки, пока тебе кто-то угрожает. И о твоей карьере, – он погрозил ей пальцем, – мы еще поговорим. Речь не идет о должности управляющей, тут я ничего не имею против. Но такое ощущение, что ты влезла на поле чужих интересов и кому-то сильно придавила хвост.

Юля сделала вид, что не слышит его, а ищет информацию о них в сети, но в голове уже мелькали детали сделки с землей и звонка Айратова младшего.

– Пойми, чтобы десять лет таить обиду, нужно не просто по яйцам на выпускном получить.

– Может, он стал импотентом? – на полном серьезе спросила Юля и тут же содрогнулась от такого предположения.

– Нет, – усмехнулся Роман. Его позабавила такая перспектива. – Он женат и у него трое детей.

– Ты навел о нем справки?

– Позвонил бывшим одноклассникам. Власов живет в Москве. У него с партнерами сеть пиццерий «Вито Андолини».

Юля бросила на Романа пылкий взгляд. Романтизм сменился рабочим настроением. Мозг заработал на пределе возможностей, от чего информация в голове

складывалась в единую стройную систему. Она набрала номер телефона Саввы и, услышав его хрипкое «Привет», спросила:

– Ингрид заказывала пиццу «Вито Андолини»?

– Уточню. Перезвоню.

Савва сбросил соединение. По его отрывистым ответам она поняла, что он в кругу семьи. Его золотым правилом было оберегать жену от лишних переживаний. Жена Саввы была особа болезненная, нервная, восприимчивая к сплетням. После последнего скандала с малолетней любовницей, между супругами были натянутые отношения.

Через минуту на телефон пришел его ответ:

«Да! Три доставки».

Юля поняла, что Савва еще не занимался сбором информации по Власову, либо был занят другими вопросами, либо решил провести день с семьей и написала то что ей удалось узнать от Романа:

«Артем Власов совладелец этой сети».

Савва перезвонил в момент, когда «Бентли» припарковался на подземной стоянке и Роман пересаживался в инвалидное кресло.

– Рыжик, ты где? – его шаги по гравию и фоновой шум говорили о том, что он вышел из дома и идет к подъездной дорожке своего особняка.

– На подземной стоянке. Приехала в свою квартиру. Со мной Роман и машина сопровождения.

– Хорошо, пока не поговорим, носа из квартиры не высовывай.

– Так и планировала сделать. В понедельник с утра мы едем в медицинский центр, а оттуда я сразу в банк.

– Лады, охрану удвою, так что не брыкайся, – быстро и взволнованно заговорил Савва. – Теперь внутри квартиры будут двое.

– Что происходит Савва? Чего я не знаю? – встревожилась Юля.

– Помнишь стрельбу в покерной игре?

– Да.

– Стрелок работает на синдикат, который крышует эту сеть пиццерий. Нам их не одолеть, даже пытаться не стоит. Нужно узнать какое отношение имеет твой

одноклассник к этой братве, а потом уже создавать движуху. Если Власов виноват в смерти Ярика, то мне придется перетереть с его крышей, а это полный отстой.

Разомлевший после очередного акта любви, Роман прижался губами к животу любимой и вдыхал аромат ее кожи.

– Ты пахнешь нашей любовью...

Комнату наполнял голос итальянской певицы Мины. Ей в такт отплясывало пламя напольных свечей, напоминая страстное танго двух непримиримых партнеров. Нежно перебирая густые пряди его белесых волос, Юля тихо подпевала своей любимой певице и еле сдерживалась, чтобы не погрузиться в реку слез.

– О чем эта песня? – спросил Роман и начал нежно покусывать ее бедро.

Юля ахнула и изогнулась. Волна желания в очередной раз прокатилась по всему телу и разлилась внизу живота. Губы Романа медленно подбирались к заветному местечку.

– О том, что к женщине вернулся ее бывший любовник и снова пытается завлечь ее в свои сети. Но у нее уже другой. Она говорит, что сожалеет, что не дождалась, но он так часто оставлял ее одну, что она уже начала сомневаться в его любви.

Роман замер и медленно поднял голову. Их взгляды встретились.

– Он просит заняться ее любовью, – продолжала Юля, не обращая внимания на его реакцию, – а она спрашивает его: «А дальше что?». Так песня и называется.

– И мы под нее танцевали в твой день рождения?

Юля кивнула.

– С ума сойти, – Роман со стоном перекатился на спину.

От разочарования Юля закусила губу. Следы прерванных поцелуев все еще пылали на коже.

– Все как у нас. Ты специально ее поставила?

– Конечно, нет, играл сборник, – обиделась Юля. – Ты подошел внезапно. Ничего я не подгадывала.

– А ты?

– Что, я? – не поняла его Юля.

– Ты будешь мне верна?

Стиснув зубы, она метнула в него гневный взгляд.

– Ты специально меня злишь?

Роман прищурился и неотрывно наблюдал за любимой.

– Это не ответ, – буркнул он.

– Роша! Если ты мне не доверяешь, зачем сделал предложение?

– Я уже сказал... мне невыносима мысль, что улечу в Китай, будучи твоим братом... пусть даже сводным.

Юля негодовала. Как у него язык поворачивается о таком спрашивать?

– Еще раз спросишь эту чушь, и последнюю ночь будешь спать один! – выпалила Юля ему в лицо и хотела вскочить с кровати, но Роман ее удержал.

Вцепившись в нее мертвой хваткой, он подмял Юлю под себя и накрыл своим телом. Осыпая ее лицо поцелуями, он зашептал:

– Скажи, что любишь меня! Скажи, что жить не сможешь без меня! Скажи, что я твое Небо! – его голос прожигал ее своим жаром. – Почему ты мне ничего не говоришь? Ты больше меня не любишь? Миа! После возвращения из кинотеатра, ты холодна ко мне как лед. Что происходит?

Роман перекатился на спину и подтянул ее на себя.

– Я люблю тебя Роша, но ты завтра уезжаешь, и мне это разрывает сердце, – Юля заскулила и уткнулась ему в грудь. – Не уезжай, пожалуйста...

– Ш-ш-ш-ш... не надо об этом думать... может, меня еще не оставят в монастыре. Завернут назад, как только увидят. Скажут, что за безвольный кретин к нам пожаловал, – он убрал волосы с ее лица и поцеловал в покрасневший от слез кончик носа. – Сейчас я здесь... с тобой. Живи этим моментом. Мы не знаем, сколько нам отведено. Мы можем только мечтать и наедятся. Давай, Миа, подари мне эту ночь. Пока нет болей... пока я от ревности снова не наговорил тебе гадостей. Будь со мной, amore mio.

– Я с тобой! С тобой, Роша!

– Хочу, чтобы ты ласкала меня до утра. Чтобы твои стоны слышали все соседи. Хочу, чтобы говорила о своей любви и как ты будешь в отсутствии меня с

ума сходить. Хочу, чтобы ты сегодня кричала в ванной. Я все это хочу, Миа! Люби меня... пожалуйста, люби...

Их губы встретились в жарком поцелуе. Все тело Романа полыхало, словно в огне. Его слова заставили ее отвлечься от мрачных мыслей и отдаться на растерзания их любви и страсти. Глаза жадно исследовали каждую часть его тела. По телу пробегала дрожь... волна за волной. Юля словно обезумела, она царапала ему кожу, покусывала и хрипло стонала от любого его прикосновения.

Спальня была единственным местом, где они понимали друг друга с полуслова. Юля закусил губу и подумала:

«Как жаль, что в остальном нет того единения, что было раньше».

Теперь между ними не чувствовалось той легкости и тотального доверия. Между ними стояли их любовники и любовницы. Он ревновал ее, а она его и этому не было ни конца, ни просвета. Но секс – ключ, которым они открывали все двери и с помощью него впускали друг друга в самые потаенные уголки души.

Из-за ограниченных возможностей, Роман не мог взять ее так, как хотел и это его дико раздражало. Когда же они сольются по-настоящему, без оглядки на боль? Он жестом попросил Юлю лечь на бок и прижался к ее спине. Сжал восставшую плоть и вошел в нее одним толчком.

– Сегодня не до нежностей, любимая, – извинился он и больно укусил ее за плечо.

Одной рукой он схватил ее за шею, другой обвил бедро и притянул к себе. Задвигался быстро и жестко.

– Хочу тобой насытиться, но это невозможно и когда говорю, понимаю, как это глупо звучит.

Вцепившись в край матраса, Юля поддалась ему навстречу, он проник еще глубже и застонал. Его пальцы легли на клитор и нашли самую чувствительную точку. Толчки становились все резче и резче, а пальцы нежно и настойчиво исследовали ее бутон. Эта полярность вызвала в ней всплеск давно забытых ощущений. В позвоночник будто впились миллионы иголок, заставляющие каждое его проникновение чувствовать в разы интенсивнее.

– Я люблю тебя, Роша! – прокричала она и напряглась всем телом.

Роман понял, что она вот-вот кончит и взмолился:

– Скажи это еще! Еще!

Со стоном Юля выгнула спину, широко раскрыла рот и замерла в немом крике. Память унесла Романа в их прошлое и перед глазами замелькали картинки самых интимных моментов. Именно эти моменты подтолкнули его к вершине удовольствия. Юля продолжала дрожать, даже когда оргазм схлынул, а это говорило о том, что они медленно, но верно идут в направлении того, что было между ними до разлуки.

Открыв наконец-то глаза, Юля повернулась, взглянула на возлюбленного и томно улыбнулась. Но уже в следующий миг в ужасе воскликнула:

– Роша! Кровь!

Крупные капли крови срывались с его кончика носа и падали на простынь.

Кровотечение не останавливалось и Юля, несмотря на протесты Романа, вызвала «Скорую помощь». Позже она поняла, что это была паника, но тогда ей казалось, что она вот-вот потеряет его навсегда. Страх сковал все тело и не давал адекватно мыслить. Все на что она была способна, так это натянуть на него боксеры и одеться самой.

Она предупредила секьюрити и те специально держали лифт на первом этаже для бригады врачей. «Скорая» приехала быстро и какого же было удивление Юли, когда она увидела в холле своей квартиры все того же врача. Выглядел он иначе: недельная щетина, измученное лицо, когда-то пухлые губы, сейчас плотно сжаты в сплошную линию. Ей показалось, что при виде ее, потухшие глаза на мгновение вспыхнули, но заметив, что Юля находится на грани истерики, снова потускнели и стали почти стеклянными.

– Моя смена уже закончилась, но я услышал от диспетчера адрес и решил приехать.

– Я рада, – уголки ее губ дрогнули.

Мирон вынырнул из мрачного состояния и окинул ее изучающе-восторженным взглядом. Как ни старался он скрыть своих чувств, было видно, что для него это не просто обычный вызов. Вокруг маячили ее телохранители,

пытаясь заглянуть в спальню, и узнать что случилось. Поэтому от пылкого приветствия врач удержался.

Зайдя в спальню, Мирон ожидал что угодно, но только не то, что увидел. Не нужно быть детективом, чтобы понять, чем здесь только что занимались. Вся комната пропахла сексом. Несколько подушек валялись на полу. Простыни скомканы. Пламя свечей все еще плясало в потоках воздуха. Глядя на своего бывшего пациента, Мирон замер у изножья кровати и несколько секунд осознавал то, что увидел.

«У нее что, роман с братом?» – Мирон встряхнул головой и перевел взгляд на Юлю.

Хозяйка квартиры не обращала ни на кого внимания, даже пациент уловил его недоумение, но Юле было совершенно на все наплевать. Ее не смущали ни присутствие телохранителей, ни бригада врачей. Во всей вселенной для нее существовал только тот, кто лежал на кровати, зажав полотенцем окровавленный нос, и растеряно поглядывал по сторонам.

Как хорошо, что Мирон ей не позвонил, хотя несколько раз порывался это сделать. Но каждый раз трагические обстоятельства не давали ему дождаться ее ответа. То его отвлекал новый вызов, то драма с младшим Дорофеевым. А в последний раз и вовсе новость о гибели отца. Он еще не оправился после похорон и сейчас туго соображал, но то, *как* эти двое смотрели друг на друга не оставляло сомнений в их совсем неродственной связи.

Роман был бледен и испуган, никак за свое здоровье – к носовым кровотечениям он уже привык – как за состояние Юли. Он всматривался в нее пытливым взглядом и пытался понять, насколько она близка к ступору. Схватив ее за запястье, он привлек возлюбленную к себе и приобнял.

– Все будет хорошо, amore mio. Со мной такое частенько случается. Странно, что за последние две недели этого ни разу не произошло.

Слова пациента вывели Мирона из раздумий, он откашлялся, привлекая к себе внимание, и когда встретился взглядом с Воронцовым, представился и сказал, что именно он увозил его из этой квартиры в ту роковую ночь.

– О! – Роман кинул на Юлю настороженный взгляд. – Ну, раз я жив, значит, вы блестяще справились со своей работой.

Роман поблагодарил врача за спасение, но как-то сконфужено и Мирон решил заняться тем, зачем его собственно и вызвали. Во время осмотра Юля сидела на полу и держала любимого за руку. Она, то уплывала в свои воспоминания, то боролась со страхами. Вернуться к реальности ее заставил настойчивый окрик Романа:

– Миа! Ты накрутила сама себя. Все хорошо, – он натянуто улыбнулся. – Пойди, сделай мне кофе.

– Никакого кофе, – отрезал Мирон, снимая с руки пациента манжету тонометра. – У вас повышенное артериальное давление, – Мирон обратился к Юле: – Лучше принесите нам лёд.

Мирон сделал несколько распоряжений своему ассистенту, и вокруг Романа началась суета. Юля явно мешалась. Она будто не слышала никого вокруг и Мирон, тронув ее за плечо, сказал:

– А вот я точно от кофе не откажусь. И лёд... я просил лёд...

Юля кивнула, поцеловала Романа в губы и двинулась на кухню. Она рада была хоть чем-то себя занять.

Беседа врача и пациента продлилась без малого полчаса. Мирон пытливо вникал в состояние здоровья Воронцова, а в конце выдал список рекомендаций, но вручил его не Роману, а Юле. От пациента врач узнал, что лечиться он не намерен, а завтра в любом состоянии сядет в самолет и улетит в Китай.

– Вы должны воспрепятствовать его отъезду, – решительным тоном высказал свое мнение Мирон. – В его состоянии длительный перелет крайне нежелателен.

– Это невозможно, – отмахнулась Юля. – Я уже испробовала все что могла, если он это вбил себе в голову, переубеждать бесполезно. Потом... он все же чувствует свое тело и понимает, на какой риск идет. Он не хочет жить, так как живет сейчас. Когда он вышел из комы, то буквально рвал и метал, набросился на меня с упреками.

Мирон нахмурился, и Юля поняла, что проговорила. Закусив губу, она отвела взгляд.

– Понимаю... видимо вы не все можете мне рассказать...

– Миа! – послышался окрик Романа, и Юля бросилась к нему.

Заскочив в гостевую спальню, она увидела, как Роман уже одетый пересаживается в кресло.

– Роша? Зачем ты встал?

Ни слова не говоря, он выехал из спальни в коридор и сухим тоном сказал:

– Спасибо вам за помощь, доктор, ваши рекомендации мы с *невестой* обязательно учтем. Не будем задерживать. Наверное, вас ждут другие пациенты.

Скользнув взглядом по правой руке Юли, Мирон заметил кольцо. Внутри все похолодело. Мысль о том, что Юля скоро выйдет замуж окончательно испортила настроение. Он передал ей свои рекомендации. Она пробежалась по списку и подняла на него глаза.

– Как я уже сказал, лететь ему в таком состоянии нежелательно. Нужно сделать КТ головного мозга и серию процедур, что я...

– Всего хорошего, доктор, – прервал его Роман и протянул руку для прощального рукопожатия, давая понять, что в его услугах больше не нуждаются.

Мирон пожал пациенту руку и по ответному нажиму понял, что тот крайне раздражен. Неужели он что-то заметил в его взгляде и тем самым метит территорию? Так вот почему он сделал акцент на слове «невеста». Искушать судьбу Мирон не стал, попрощался с все еще растерянной Юлей и направился к двери.

– Что у тебя было с этим Мироном? – выпалил Роман, как только они с Юлей остались в квартире одни.

– Опять двадцать пять, – взвыла Юля и сложила руки на груди. – Похоже, ты хочешь провести остаток ночи в одиночестве?

– Не делай из меня идиота! – закричал Роман и гневно сверкнул глазами. Юля отпрянула, и он немного смягчился. – Я видел, как вы смотрели друг на друга. «Я услышал адрес по рации», – Роман изобразил манеру речи Мирона, а затем ее: – «Ах! Я так рада!». Не могла дождаться, когда я уеду? Какой же удачный подвернулся повод, из носика кровь закапала и ты вызвала «Скорую»! Долго же ты ждала!

– Ты себя слышишь?

Это было невыносимо. Юля поняла, что тирада еще долго не закончится, слишком быстрый и стремительный взят старт. Выхода у нее нет, нужно уйти и дать ему остыть. Она зажала уши и побежала к лестнице.

– Отлично! Веди себя как несмышленная девчонка! Тебе наплевать, что я оставшиеся часы до отъезда буду изнывать от ревности. Еще говоришь, что я тебя специально довожу! А ты? Что делаешь ты?! Миа! Вернись, когда я с тобой говорю! Не смей убежать!

Юля захлопнула дверь своей спальни и упала на кровать. Ее душил подступающий комок горечи. Она прекрасно понимала природу их общего раздражения – уже через несколько часов они узнают результаты теста, а это как предстать перед судом присяжных, где двенадцать незнакомых людей решают твою судьбу. Это обоих подтачивало. Хоть Юля и говорила Роману, что ей все равно, что, по сути, завтра решиться только один вопрос, будут ли у них дети, но в глубине души ей очень хотелось знать, что они не родные по отцу брат и сестра. Ведь это означало бы, что им придется бороться за свою любовь всю оставшуюся жизнь. Эта мысль была ей не страшна до встречи с Рудиком, но на примере их отношений Юля понимала, как тяжело ежедневно кому-то что-то доказывать. Рано или поздно ты устаешь и на какой-то момент опускаешь руки и просто говоришь: «Да пропади оно все пропадом!». Если в отношениях с подопечным у нее поначалу был буфер – Лева, человек, который помог им с Рудиком выстроить правильные отношения, то с Романом у них такого буфера нет. Сергея они сейчас оба ненавидели. О матери и вспоминать не хотелось. Младшие брат и сестра еще не в состоянии были дать совет в таком сложном деле. А друзья, все как один считали, что они не должны быть вместе. Все как один твердили, что их отношения принесут им только боль и страдания, что разбитую чашку им не склеить.

Уже светало, когда дверь спальни распахнулась, и в комнату вполз Роман. Юля крепко заснула и не слышала, как он карабкался вверх по лестнице. Она подняла голову и взглянула на измученное лицо возлюбленного. Волосы

включены, глаза красные, припухлые. Она поняла, что Роман плакал, а это означало, что он на грани срыва.

Роман вскарабкался на кровать, прижался к ее спине и стиснул в объятиях. Немного отдышавшись от физической нагрузки, он припал к ее уху и зашептал:

– Ты спрашивала меня, почему мне так важно знать, что мы не родственники... – начал он и подождал, когда она к нему повернется. – Семь лет я жил с ощущением, что я – избранный. Что в моей жизни произошло то, чего не случается со многими другими. Я встретил свою половинку еще подростком, отдался нашей любви и был безумно счастлив. Я думал: то, что мы испытывали друг к другу лежит за пределами понимания и сознания обычного человека. Это как быть сверхчеловеком, как приблизиться к божественному. Мне казалось, что наша любовь не имела себе равных. А потом мне сказали, что ты моя сестра... оказалось, то, что я принимал за божественное, было кровосмешением. Не было ничего особенного в том, что мы встретились и полюбили друг друга. Мы просто почувствовали нашу родственную связь и сблизились с первого дня. Если через пять часов мне подтвердят, что мы все-таки брат и сестра... значит... я не смогу тебе дать то, что давал раньше.

Внимательно слушая Романа, Юля начинала понимать природу его страхов. Так вот какие мысли бродили в его голове в тот день, когда они впервые сдавали кровь на тест! Но почему он это говорит ей сейчас? С какой целью? Юля напряглась.

– То есть ты подводишь меня к тому, что мы все-таки не будем вместе, если родство подтвердится?

– Будем... – Роман поцеловал ее в лоб и показал ей на кольцо, – Успокойся, родная. Я ведь уже сказал о своих намерениях. Мы уже точно знаем, что нам не жить друг без друга. Я просто хочу сказать, что мне важно знать, что то, что я к тебе чувствовал, было чем-то особенным, мистическим и запредельным... вот что я хочу сказать... Я хочу скинуть этот груз, что нес десять лет на своих плечах. Хочу знать, что ты моя предначертанная любовь, а не родственница с наполовину схожей ДНК.

Они крепко прижались друг к другу и тяжело вздохнули. Несколько минут в комнате стояла тишина, а потом Роман снова заговорил:

– Если тест подтвердит что мы брат и сестра, то мы уедем, Миа. Пока я буду в Китае, готовься к нашему отъезду. Главное реши вопрос с Дорофеевыми. Нужно чтобы они нам дали свободу. Не хочу жить с оглядкой, что они пустили по нашим следам своих цепных псов. И будь очень осторожна, Миа. На их лицах маски доброжелательности, но душа у них черная. Действуй продуманно, никаких резких движений. Обещай мне!

Юля кивнула. Впервые непоколебимость в вопросе родства ее покинула, и она уже не была так уверена как накануне. Ведь ее мать так ни разу и не дала о себе знать, ни звонка, ни сообщения, будто она и не в курсе того что сказал им Сергей.

– Ну а если все окажется как ты и сказала, то дожись меня. Решения о дальнейшей жизни будем принимать исходя из того, что выйдет из самой моей большой авантюры – довериться Леве в вопросе своего здоровья.

На языке вертелись аргументы не в пользу такого выбора, но Юле больше не хотелось спорить. Оставшиеся пять часов до судьбоносного вердикта ей хотелось провести в гармонии и согласии с любимым.

– Ладно.

– И самое главное, Миа, – в его голосе послышалось волнение и Юля подняла на него глаза. – Если со мной что-то случится...

– Роша!

– Ш-ш-ш-ш, не прерывай меня и так тяжело, – глаза увлажнились, Роман нервно сглотнул. – Тело кремируй. Частичку меня носи в кулоне до конца своих дней. Хочу быть рядом с твоим сердцем. А в завещании напиши, чтобы наш прах смешали и развеяли в Боровске над Протвой на нашем месте. Пусть где все начиналось, там все и закончиться.

Юля вся сжалась. Сердце застыло, словно глыба льда. Как выдержать такие напутствия? Как не сорваться на крик?

«Господи! Сколько времени он все это обдумывал?», – промелькнуло у нее в голове.

– Помни, Миа, я люблю тебя больше жизни и буду выкладываться на двести процентов. Я знаю, что ты меня дождешься, и знаю, как сложно тебе это

будет сделать. Для тебя жизнь в неведении и в постоянном страхе за мою жизнь хуже ада.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

Он пригладил ее волосы и вдохнул их аромат.

– А теперь давай поспим...

Юля прижалась к нему всем телом и мирно засопела. Через несколько минут она снова услышала его шепот:

– Так что все-таки у тебя было с этим Мироном?

Открыв глаза, Юля поняла, что оплошала, не настояв на «ночи грязных признаний». Надо было пройти через хирургическую процедуру и, покаившись друг перед другом, отрезать прошлое от настоящего. Она облизала пересохшие губы и спокойно поведала:

– Dolce mio, после тебя у меня было двое мужчин: Джанлука и Ярик. Были еще свидания и поцелуйчики, но секс был только с двумя, – Роман отпрянул и Юля поспешила добавить: – Ты можешь мне не верить, это твое право. Но это так. А Мирон... – Юля тяжело вздохнула, – он пытался меня оттащить от тебя в «Скорой»...

– Постой... ты что... села в «Скорую»? Со мной?

– А тебе что отец не сказал? – удивилась Юля.

– Я всем запретил говорить со мной о той ночи.

От удивления у Юли брови поползли вверх.

– Роша... я сидела с тобой рядом и держала твою щиколотку. Врачи в дороге проводили реанимацию. В квартире им это сделать не удалось, так как Ярик как безумный кидался к тебе, и Мирону даже пришлось его хорошенько встряхнуть. Он не бил его, но пригрозил это сделать, если понадобится тебя защитить.

Роман выпучил глаза. Юля закивала, как бы подтверждая собственные слова.

– Уже на подъезде к больнице у тебя была остановка сердца. Мирон попросил меня убрать от тебя руки, чтобы применить дефибриллятор. Но я была в ступоре. Я держалась за тебя как за якорь. Мне казалось, что только так я спасу нас обоих. Он пытался меня от тебя оттянуть. Успокаивал меня. Потом в

больнице, когда тебя повезли в реанимацию, я упала в обморок, а когда пришла в себя, то увидела его. Вцепилась в его руку и спросила как ты. Он сказал, что сердце твое запустили. Это было таким облегчением. Ночь я провела в этой же больнице, только в другом отделении.

– О, боже! – взвыл Роман и закрыл лицо руками. – Как же мне стыдно.

– Во второй раз мы встретились, когда я тебя перевозила в частную клинику. Тогда мы с Мироном обменялись телефонами, и он сказал, что если возникнут какие-то проблемы, чтобы я сразу звонила. После этого мы не говорили и не виделись.

– Миа, прости меня. Я болван, – взмолился Роман. – Завтра же извинюсь перед ним.

– Неплохо было бы...

Роман снова прижал ее к себе.

– Двое мужчин... не могу поверить... как... как такое может быть?

– Честно говоря, я сейчас очень удивлена, что они у меня вообще были. Особенно Ярик. Вот уж кто был совершенно далек от представления моего мужчины и мужа.

– На фоне тебя я выгляжу ловеласом и сердцеедом.

– Да, Роша. После развода ты недолго хранил мне верность, и это было четровски больно.

Уже не первый раз Юля проявляла поразительную осведомленность о его личной жизни, и Роман решился наконец-то спросить:

– Ты следила за мной?

Она кивнула и закусила губу. Роман не мог в это поверить.

– Когда мне было совсем невмоготу, – заговорила она после паузы, – я брала такси и ехала к тебе. Я дала себе зарок, если ты продержишься без меня больше трех месяцев в одиночестве, то я позвоню в твою дверь. Но, увы... самый длительный перерыв был два месяца и двенадцать дней.

Губы Романа сделали идеальную «о». Юля поняла, что шокировала его своим признанием.

– Более всего было в мои дни рождения и в годовщины нашей свадьбы.

В памяти всплыла ночь, когда Роману померещилось, что девушка в такси была Юлей, и он решился спросить:

– Значит... тогда в такси у моего подъезда была ты?

– Я... и Рудик. Это был день моего рождения, и я никогда не забуду, как ты целовал Снежану.

– Так вот почему он меня так ненавидит!

– О, поверь мне, ему есть, за что тебя ненавидеть. Это он меня вытаскивал из шкафа, утирал мои слезы, успокаивал и давал надежду на будущее.

– Миа, не со всеми теми девушками у меня был секс. Некоторые просто оставались с ночевкой. Да, они пытались меня соблазнить, для этого придумывали поводы, чтобы остаться.

– Я знаю... – Юля подняла на него глаза. – Я говорю только о тех, с кем ты действительно занимался сексом.

Роман ужаснулся. Он и подумать не мог, что любовниц было так много. И в сравнении с жизнью Юлей он вновь почувствовал себя ущемленным. Ему вспомнилась гостиница «Космос» и его признание. Сердце заняло.

– Миа... прости... я так виноват перед тобой.

– Мы были в разводе, и мы были все еще братом и сестрой.

– Это меня не оправдывает... Ты ведь хранила мне верность шесть лет!

Она закрыла ему рот ладонью.

– Молчи, Роша. Давай поспим...

Глава третья «Оверштаг»

«...Когда тебе будет совсем невмоготу. Закрой глаза и представляй нашу встречу в аэропорту. Ты выходишь из таможенной зоны и ищешь меня глазами, а когда находишь, то кидаешься ко мне, берешь на руки и кружишь. Мы хохочем. Мы счастливы. Все плохое позади. Ты оставишь на моем лбу наш знак и скажешь: «Теперь только любовь»».

Наши дни

Утро понедельника выдалось пасмурным. Выглянув в окно, Юля подумала: «Сегодня Небо покинет свое Солнце». От мысли, что она снова окажется одна в своей огромной квартире, похожей на выходящий из гавани корабль под названием «Одиночество», по позвоночнику пробежал холодок. Парадокс жизни: она богата, красива, молода, образована и последние десять лет практически одна.

Перед тем как покинуть квартиру, Роман и Юля замерли в холле и не сводили друг с друга глаз. Юля была в коричневом облегающем фигуру юбочном костюме и желтой шелковой блузке. Ее длинные волосы цвета ржавчины были аккуратно уложены волнистыми локонами. Роман же был в синем костюме-тройке и ярко-голубой под цвет глаз рубашке. Благоухающий и гладко выбрит.

Если бы не большая черная кожаная дорожная сумка, можно было подумать, что они идут на работу, а вечером снова встретятся. Роман навел на нее камеру мобильного телефона и сделал пару снимков. На них Юля получилась немного испуганной и растерянной.

– Пошли, перед смертью не надышишься, – проворчал он и первым поехал к двери.

Юля шла за ним с обреченным видом, плотно стиснув челюсть. В машине они не проронили ни слова, лишь переплели пальцы, да так сильно, что руки у обоих побелели. Ее телефон разрывался от сообщений, но она ответила только Рудику, объяснив причину опоздания и перенос нескольких встреч. После чего Рудик потребовал адрес клиники, но Юля попросила его дождаться ее в банке и пока никому ничего не говорить.

Войдя в медицинский центр, Роман и Юля подошли к стойке медрегистратора, назвали фамилии и попросили результат теста генетической экспертизы. У Романа проверили паспорт и вручили запечатанный конверт. На них с любопытством поглядывал медперсонал и редкие посетители. Юля еле держалась на ногах. У нее шумело в ушах. Сердце отбивало чечетку. Роман трясущимися руками начал вскрывать конверт. Напряжение достигло критической отметки.

Наконец-то он развернул медицинский бланк и углубился в текст.

– Ну что там? Роша! – Юля изнывала от нетерпения.

Он поднял на нее глаза. Ничего кроме отчаяния и растерянности в них так и не промелькнуло. Казалось, что он не мог поверить в прочитанное. Юля вырвала листок из его рук и прочитала текст, выделенный жирным крупным шрифтом.

«Родство практически исключено».

Юля покачнулась, но вовремя ухватила за его плечо и плюхнулась в ближайшее кресло. Несколько минут они сидели молча, пытаясь осознать окончательную точку в вопросе их родства. Да, они все еще оставались сводными братом и сестрой, но кровной связи между ними *не было!* А это означало, что они могут иметь детей.

Первым пришел в себя Роман. Он закрыл лицо руками и начал хохотать. Это был смех сквозь слезы. Из его уст периодически выскальзывало острое нецензурное словцо, а когда смех прошел, Роман начал задыхаться и хватать ртом воздух. Юля ослабила ему галстук и расстегнула верхнюю пуговицу на рубашке. Затем выкатила инвалидное кресло на улицу, а подскочивший к ним телохранитель раскрыл над ними огромный черный зонт. Здесь на тротуаре Роман немного успокоился.

Взглянув на возлюбленного, Юля спросила:

– Когда тебе надо быть в аэропорту?

– В восемь вечера.

Юля сжала его руку. На нее навалилась такая тоска, что хотелось кричать и выть волком. Какой бы ни была радость от результата теста, поездку Романа никто не отменял.

– Хочу перед отъездом повидаться с сыном и отцом. А еще заехать к адвокату и если успею, заскочу в офис.

Это означало, что расстаться они должны здесь и сейчас. Юля вздрогнула, глаза наполнились слезами. Кулаки сжались. Ею овладела такая злость и неприятие его отъезда, что она не смогла сдержать горечи.

– Если ты уедешь, у меня за год будет столько мужчин, сколько у тебя было женщин за эти десять лет, – с обидой выпалила Юля и надула губы, словно пятилетняя девчонка у которой отобрали куклу в песочнице. – Сравняем счет, Казанова!

Роман поднял на нее влажные глаза и с укоризной сказал:

– Миа... не разбивай мне сердце...

– Я клянусь, что сделаю это, – она отвела взгляд, нервно покусывая губы.

Ее нес бурный поток эмоций, в котором главенствовала паника. Как она будет жить весь этот год? Как она будет дышать без него? Просыпаться без него...

– Ты хочешь, чтобы я и дальше страдал от болей?

Она замотала головой.

– Ты хочешь, чтобы я комплексовал из-за своей неспособности удовлетворить свою любимую женщину, так как она этого заслуживает?

– Если ты едешь ради этого, то меня все устраивает!

– А меня – нет! Amore mio, посмотри на меня, – Юля повернула голову, и они скрестились взглядами. – Нам нужно это по многим причинам и ты это знаешь. Мы все подробно обсудили. Разлука нам обоим пойдет только на пользу. Когда я вернусь, не будет никакой ревности, никаких претензий, никаких приступов.

– Как ты можешь это знать наверняка?! – снова закипела от паники Юля. – Ты можешь там умереть от непомерных физических нагрузок.

– Этого не будет, – тут же отозвался Роман, но под ее гневным взглядом обмяк, – а если такое случится, ты знаешь что делать, – он положил руку себе на грудь в область сердца. – Будешь носить меня здесь.

Юля охнула и заплакала, но Роман притянул ее к себе и зашептал:

– Подари мне последний поцелуй.

– Не говори последний!..

– Хорошо-хорошо, – поднял он руки и улыбнулся так, что у Юли подогнулись колени, – просто подари мне поцелуй.

Юля присела на корточки сбоку кресла и потянулась к его губам. Поцелуй получился таким чувственным, что по ее телу пробежала волна желания. Она застонала и сжала его руку.

К клинике подъехало такси. На мобильный телефон Романа пришло оповещение, и Юля поняла, что это за ним. Он попросил водителя «Бентли» закинуть его сумку в багажник такси и кинул на любимую прощальный взгляд.

– Ты сегодня необычайно красива, – он навел на нее камеру и снова сделал несколько снимков. – Иди, – он подтолкнул ее к машине, – пока я не разрыдался у всех на глазах. Позвони мне, будем говорить, пока ты не подъедешь к банку.

Юля поцеловала его еще раз и не оглядываясь, рванула к служебной машине. Он сам позвонил ей, как устроился на заднем сиденье такси. По издаваемым звукам, она поняла, что Роман лег на спину, а значит, его опять мучили боли, но при ней он сдерживался. Разговор шел в основном о том, что Юля должна помириться с матерью. Он хотел, чтобы они открыли новую главу в их жизни обновленными, без накопленных обид и ненависти. Она слушала и не возражала.

– Как только вернусь, усердно примемся клепать детей.

Юля хохотнула и вытерла слезы.

– Кто у нас там первый на очереди? Девочка?

– Да, – подтвердила Юля и заулыбалась.

– Вот и отлично. Будет все, как ты сказала отцу. Будем любить друг друга до одури, и растить детей.

Они ненадолго замолчали, переводя дух после перенесенного потрясения. Юля уже почти подъехала к банку и заговорила со страстью:

– Роша! Когда тебе будет совсем невмоготу. Закрой глаза и представляй нашу встречу в аэропорту. Ты выходишь из таможенной зоны и ищешь меня глазами, а когда находишь, то кидаешься ко мне, берешь на руки и кружишь. Мы хохочем. Мы счастливы. Все плохое позади. Ты оставишь на моем лбу наш знак и скажешь: «Теперь только любовь».

– Не сомневайся, любимая, так и будет.

– Ты мое Небо!

– Ты мое Солнце!

У входа в банк с растерянным видом взад-вперед расхаживал Рудик. В сопровождении телохранителя Юля вышла из машины. По выражению ее лица он понял, какой именно они с Рошей получили результат, и с радостным видом кинулся в ее объятия. Почувствовав его поддержку, Юля зарыдала в голос. Рудик

забрал из рук телохранителя зонт и укрыл Юлю и себя от проливного дождя. Несколько сотрудников уставились на них через панорамные окна банка и с любопытством разглядывали.

– А я никак не мог понять, что с тобой происходит, – с горячностью заговорил Рудик. – Чувствовал, что ты что-то скрываешь, и мне было не по себе. Секреты от меня? Юлька? Ты серьезно?

– Мы не хотели никого обнадеживать, достаточно того, что мы сами пребывали две недели в аду.

– Но теперь все закончилось, – успокаивал ее Рудик.

– Десять лет, Рудик. Моя мать отняла у меня десять лет.

– Это отстой, Юля, но теперь вы с Рошей будете вместе.

– А что если с ним что-то случиться?

– А что если случиться что-то с тобой? – тут же парировал Рудик. – Юля, мы не знаем, где нас настигнет беда или смерть. Мы можем просто жить, хотя и в этом тоже мало смысла.

Он вынул из кармана чистый платок и аккуратно вытер на ее щеках подтеки от туши. Юля тяжело вздохнула и огляделась по сторонам. Только сейчас она почувствовала, что ее ноги мокры от усилившегося за последний час дождя.

– Знаешь, что мы сейчас сделаем? – спросил Рудик.

Юля заглянула в его глаза.

– Мы сейчас пойдем в кабинет и заварим твой любимый чай. На столе тебя ждут «Каноло Сичилиано». Будем заедать стресс, и строить планы на будущее. А чтобы ты не расплзлась шире паровоза, уже вечером я поставлю тебя на беговую дорожку, и ты будешь бегать так долго, пока не вытрясешь из своей прекрасной головушки все страхи и сомнения. Все у вас с Рошей будет хорошо.

– Ты самый лучший ассистент в мире. Ты это знаешь?

– Значит, я могу попросить о надбавке к зарплате? – с лукавой усмешкой спросил Рудик и потащил ее к входу. – Теперь она мне очень пригодиться?

Юля обдала его изучающим взглядом. Рудик никогда не жаловался на зарплату. Тем более помимо солидного вознаграждения в конверте Юля оплачивала все его расходы на пополнение гардероба, мотивируя это тем, что его внешний вид это часть рабочей этики и никакой зарплаты не хватит, чтобы

достойно выглядеть, сопровождая ее на деловых переговорах и на светских раутах.

Они пересекли просторный холл с мраморными колоннами и вошли в лифт.

– Мне нужен твой совет, – сказал Рудик, когда двери лифта закрылись, – но разговор долгий, так что поговорим вечером, когда приемная опустеет.

Еще неделю назад, когда он накинулся на Романа, Юля почувствовала, что с Рудиком происходит что-то неладное. Тогда она приняла это за ревность, собственно как и Роман, но сейчас она поняла, что это связано с его личной жизнью и спросила:

– Ты кого-то встретил?

– Типа того, – двери распахнулись и оба вышли в коридор.

«Он влюбился и это его до чертиков пугает!», – подумала Юля, а вслух спросила:

– Я его знаю?

– Нет, – ответил Рудик, открывая дверь приемной и пропуская ее вперед, – и это не он, а она...

Если бы не клиенты банка, Юля отреагировала на такую новость так бурно, что слышал бы весь этаж. Все сидящие в приемной повернули головы и поздоровались. Галина, ее секретарь уже бежала ей навстречу. Юля ответила на приветствие, жестом показала секретарю зайти в кабинет и тут же повернулась к Рудику.

– Насколько все серьезно? – спросила она и тут же укорила себя за банальность. Конечно же, все серьезно, раз он говорит ей об этом и тем более просит совета.

– Ситуация очень сложная, – он взглянул ей в глаза и весомо добавил: – Очень-очень сложная.

– Поняла, – отозвалась Юля и шагнула в свой кабинет.

На рабочем столе она увидела огромный букет цветов и повернулась к Рудику, но он пожал плечами и пояснил:

– Роша...

В цветах красовалась карточка с надписью «Я тоже познал сердечную агонию, невыносимую му́ку разлуки и абсолютную безоговорочную любовь». Судя по тексту, заказ на доставку цветов он оформлял еще до получения результатов теста.

Ее приемная опустела только спустя шесть часов. Какой бы вопрос сегодня Юля не решала, ее мысли то и дело возвращались к отъезду Романа и предстоящему разговору с Рудиком. Сердце ныло, ей хотелось нарушить свое обещание и поехать в аэропорт. Увидеть еще раз своего любимого и вкусить его мягкие губы, но ее сдерживал предстоящий разговор с Рудиком. К тому же не все рабочие вопросы были на сегодня решены.

Юля нажала на клавишу вызова интеркома и осведомилась у Галины о Савве. Та сказала, что его сегодня в банке не будет, но он просил ей передать, что заедет вечером домой.

– И еще... – резюмировала свой доклад секретарь, – Дмитрий Юрьевич просил вас зайти к нему, как только вы освободитесь. Сказал, что разговор будет долгим и чтобы вы захватили с собой его коньяк, – Галина хихикнула. – Он знает, что вы держите в записке пару бутылок.

– Хорошо, – усмехнулась Юля и отключила интерком.

Хотя она и устала, решая рабочие вопросы, настроение из-за результатов теста было приподнятым. В очередной раз Юля нырнула в телефон и увидела несколько сообщений от Романа.

«Миа! Не могу прийти в себя. Все время перечитываю результаты теста и думаю о нас. Хочется кричать твоими словами: «Мы потеряли десять чертовых лет!».

Юле тоже хотелось кричать.

«Звонил Миرونу. Извинился. Кажется, я его разбудил, он был очень зол».

Юля прыснула от смеха.

«Был у родителей. Твоя мать плохо выглядит. Она точно больна. Хотел ей все высказать, но, похоже, она сама себя уже наказывает».

У Юли сжалось сердце. Улыбка сползла с лица. Как бы она ни была зла на мать, но ее ужасала мысль о том, что она может ее потерять.

«Повидал сына. После всего, что ты сказала, решил, что пора браться за ум и быть хоть и не идеальным, но нормальным отцом. Целый час пялился на его каракули, в сердце так ничего и не екнуло. Будто сижу с чужим ребенком. Я – урод! Мне вообще нельзя иметь детей».

Недолго думая Юля написала ему ответ:

«Хватит себя изводить! Все наладиться. Мать навещу в ближайшие дни. И я все еще не хочу, чтобы ты уезжал!!!!».

Не прошло и минуты, как она получила ответ:

«Солнце уже на Небе, а значит, ничего плохого не случится ☺. Люблю тебя и уже безумно скучаю. Время до вылета еще есть, но я не приеду. А то точно не сдержусь, залью слезами весь твой кабинет, а потом буду смотреть в твои изумрудные глаза как брошенный щенок».

Глаза Юли увлажнились. Роман прав. Она тоже не выдержит повторного прощания.

«Если ты приедешь, то я тебя уже не отпущу. Исполню свою угрозу. Запру своего принца в высоком замке и приставлю свирепых драконов. Но на счет секса я передумала. Ты прав, так я сама себя накажу. Так что буду тебя привязывать к кровати и мучить днями и ночами напролет».

«Какая ты жестокая! ☺ Но мысль быть привязанным будет меня посещать не одну ночь. Ты уверена, что не хочешь САМА быть привязанной? Мне кажется, что тебе эта роль больше по нутру».

«Уверенна! И поверь, я буду беспощадной! Припомню тебе все измены!».

Ответа не последовало, и Юля закусила губу. Роман не оценил ее шутку и не мудрено, она ведь дурацкая! Ну вот, опять она ляпнула не то, что нужно.

Юля уже взяла бутылку любимого коньяка босса и хотела выйти из кабинета, как получила от возлюбленного очередное сообщение.

«Прости меня, Миа! Я не заслуживаю тебя!».

Еле справившись с эмоциями, Юля шумно задышала и подавила подступающие слезы.

«И все-таки ты – избранный, а наша любовь – особенная!».

«Ты всегда умела подыскать нужные слова. Миа, я люблю тебя! ☺».

«Убегаю к боссу, похоже, надолго. Извини, если не отвечу. Удачного тебе полета. Люблю. Жду. Навечно твоя...».

Ответом было его фото. Лицо крупным планом. Он улыбался и смотрел с экрана с такой нежностью, что сердце Юли сделало кульбит.

«P.S. Я могу приехать в твою квартиру?».

«Прости, я дал сегодня распоряжение о продаже. Твои вещи и то, что я хотел сохранить для нашего дома, тебе привезут завтра. Поверь, этот склеп нам больше не нужен. Я позаботился о том, чтобы ты не скучала. Пора строить будущее».

«О чем он позаботился? Что он конкретно имел в виду?», – Юля нахмурилась и вышла из кабинета.

Три года назад

В шкафу было душно и темно. Первый шок после совещания прошел, и Юля немного приоткрыла дверь, чтобы глотнуть свежего воздуха. Час назад заместитель управляющая банком Людмила Владимировна набросилась на Юлю с жесткой критикой, и как не пытался ее образумить босс, зампреда несло, словно разогнавшуюся на спуске телегу и в выражениях она не стеснялась.

Ничего против Людмилы Владимировны Юля не имела, она была профессионалом в банковской сфере, а к молодым сотрудникам относилась с завидным терпением и даже наставничеством. Но недавно Дмитрий Юрьевич на заседании правления недвусмысленно дал понять, что прочит Юлю на должность управляющей и зампреда словно подменили. Сразу после заседания любезность Людмилы Владимировны испарилась как по волшебству. Целыми днями она собирала на Юлю компромат и для этого задействовала всех своих протеже. Одно дело, когда тебе ставят в упрек какой-то один эпизод, и совсем другое, когда вываливают целый ушат грязи, который неминуемо подрывает веру в себя и авторитет среди коллег.

Дверь кабинета открылась и Юля напряглась. Кто это? Галина получила четкие инструкции никого в кабинет не пускать и рисковала увольнением, если ослушается ее указания.

– Дмитрий Юрьевич, она просила ее не беспокоить, – взмолилась секретарь.

Но Дорофеев ее не слушал, он обошел кабинет начальника Отдела развития и даже заглянул в мини-кухню, отделенную от кабинета ширмой.

– Ее здесь нет, а вы сказали, что она в кабинете, – раздраженно бросил босс.

– Странно, – пожала плечами Галина, – она была здесь.

– Купите себе очки, в конце концов, – с каждой секундой босс раздражался еще сильнее. – Я подожду ее здесь, и попросите, чтобы *мой* секретарь сделал кофе, она знает, какой я пью.

Дело табак! Юля сжалась от страха и втянула голову в шею как черепаха. Что будет, когда босс узнает, что она сидит в шкафу? Ей конец! После такого он точно не будет ее продвигать по служебной лестнице, а ей это нужно, ведь работа для Юли единственное спасение от душевной боли. Да, она увлечена Джанлука, но с недавних пор он стал популярным, они виделись все реже и реже, и в Юле снова проснулась прежняя душевная боль. С рождением сына у Романа дела пошли в гору, и Юля не хотела от него отставать. Ей нужно было доказать всем, а ему в первую очередь, что ее не сломило, то что он вычеркнул ее из жизни. Она такая же сильная и делает успехи в карьере.

Через приоткрытую щель дверцы шкафа Юля наблюдала за Дорофеевым. Он сел в ее рабочее кресло и стал перебирать бумаги на столе. Юля вспомнила, что рядом с клавиатурой оставила перевод письма от Джанлука и чуть не выпрыгнула из шкафа. Именно это письмо и привлекло внимание Дорофеева. Надев очки, он внимательно его читал, а Юлю от неприятия этой ситуации забил озноб. Это ведь личная переписка, как он может?! А потом к ознобу прибавился страх, босс поймет, что она читала письмо от любовника в рабочее время и это после того как Юлю распекли на совещании.

Открылась дверь кабинета. Принесли кофе. Как только секретарь вышла, Юля услышала голос Людмилы Владимировны и распахнула от страха глаза. Пришла мырма! Теперь ей точно не сносить головы. Если Юля выйдет из шкафа в ее присутствии, то уже через пять минут об этом будет знать весь банк.

– Закрой дверь! – рявкнул на зампреда босс. Послышался щелчок. – Что на тебя нашло? Какого хрена ты устроила охоту на ведьм.

Людмила Владимировна разразилась напряженным смехом.

– Какое яркое сравнение! А главное в точку! Когда у твоей любовницы горят глаза от жажды наживы, она точно похожа на ведьму.

– Что ты несешь, Колодка Тормозная?! – босс развалился в кресле, его тон был надменным и насмешливым. Так он с Юлей никогда не разговаривал. – Все меришь людей по себе. Это ты добралась до должности таким способом, а Ляля делает себе карьеру исключительно мозгами, поэтому ты и бесишься.

Юля раскрыла рот от удивления. Людмила Владимировна – любовница босса? Судя по его тону, бывшая.

– Не поэтому! – парировала зампред. – А потому, что не хочу смотреть, как твой бизнес пойдет ко дну из-за одного неправильного решения.

Дорофеев хмыкнул и забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Людмила Владимировна подбоченилась и продолжила:

– Ты собираешься обвязать банк красной ленточкой и вручить как подарок Дубровиной. Если хочешь ее отблагодарить за потрясный секс, купи кольцо с рубином, ты же всем любовницам его даришь. И не говори, что ты ее не хочешь, я вижу, как ты на нее смотришь. Весь банк видит.

– Если не видит, то ты уж точно об этом позаботишься, – съехидничал босс и сложил руки на груди. – Недаром же тебя прозвали «Королевой общественного мнения». Да, и к твоему сведению мой взгляд означает не плотское желание, а восторг, удовлетворение и чувство гордости за ученицу.

– Ты обещал эту должность *мне!* – закричала Людмила Владимировна. – Или твое слово ничего не стоит?!

– Обещал...

Босс нервно вздернул руку, часы соскользнули на запястье и он взглянул на циферблат. Юля была готова поклясться, что он сейчас подумал: «Где шляется Ляля?!».

– Но это было еще до того как ты стала показывать «свои успехи».

– Что это значит? – грозно спросила зампред.

– На тебе было открытие филиала в Питере, и мы видим, чем все это закончилось: куплено здание, оборудование на десятки миллионов, набран персонал и что в итоге? Зеро! Предприятие убыточно и даже через год после открытия не покрывает свои затраты.

Далее последовал длинный перечень недостатков работы зампреда. Дорофеев не скупился на едкие комментарии. Юле не была видна реакция Людмилы Владимировны, но по издаваемым звукам, она поняла, что зампред в шоке и еле сдерживает слезы.

– Я уже не говорю о твоём племяннике...

– А племянник-то тебе чем не угодил?!

– Эта законченная мразь заявился ко мне в кабинет и начал обвинять меня в том, что я, видите ли, понижаю твои достоинства. Он чуть не перешел в рукопашную, пришлось поставить сосунка на место и рассказать, *как* ты получила должность бессменного заместителя.

Людмила Владимировна ахнула.

– Ты не посмел!

– Еще как посмел! Он начал мне угрожать и нести какую-то околесицу про возмездие, которое меня вот-вот настигнет. Что за психа ты воспитала? Он сказал правду? Это ты его воспитала?

– Не знала, что ты можешь так низко пасть.

– А шантажировать меня это не низко?! – босс вскочил на ноги. Голос сорвался на крик. – Я все думал, как тебя наказать за сегодняшнюю выходку и только что придумал! Либо возглавишь Питерский филиал, либо убирайся к чертовой матери!

– Дима!

– Не «димкой» мне! Отныне я для тебя Дмитрий Юрьевич и прежде чем вламываться ко мне в кабинет, как ты привыкла делать, убедись, что я хочу тебя видеть. Иначе прилюдно выкину как шавку!

– Ах ты мерзавец!

Послышался звук пощечины, после чего босс вскипел как вулкан и начал обзывать своего зама такими ругательствами, которых Юля раньше даже не слышала. Через минуту Людмила Владимировна уже плакала навзрыд.

– Ты зачем сюда заявила? Сказать Ляле как попугай свою заученную фразу «Ничего личного!»? Но в том, что ты сделала все личное! Все! Ты мне противна! Смотреть на тебя не могу...

С этими словами Дорофеев выскочил из кабинета. Его поспешные шаги эхом раздавались в коридоре. Людмила Владимировна изо всех сил пыталась успокоиться. К удачи Юли ей позвонили на мобильный телефон и попросили пройти в свой кабинет, и она вынуждена была уйти.

Как только дверь с треском закрылась, разгоряченная из-за скандала и духоты Юля буквально вывалилась из шкафа, вскочила на ноги и начала поправлять складки платья. В кабинет тут же проскользнула Галина и застала ее врасплох. Дверца шкафа были открыты. Наверняка она слышала разговор боссов от начала до конца. Юля лихорадочно пыталась придумать, как объяснить ситуацию, но вруша было из нее никудышная.

– Я... у меня... упала ручка, я потянулась за ней... а тут они... и вылезать было уже как-то неудобно...

– Не беспокойтесь, – махнула на нее Галина, – я знаю, когда у вас стресс вы прячетесь в шкафу. И это... – секретарь показала на дверь, в которую только что вышли их боссы, – мы бы не услышали, если бы вы не спрятались.

Разница в возрасте между молодыми женщинами была небольшая, но Галина всегда держала субординацию и отчаянно защищала свою начальницу от нападок сослуживцев.

– Как думаете, что она выберет?

– Кто? – Юля все еще была погружена в свои мысли.

– Питер или уволится?

Юля пожала плечами и призналась:

– Я ее совсем не знаю.

– А я думаю что-нибудь третье. Она ни за что не уволится и в Питер не поедет.

Случилось, так как и предрекла Галина. Людмила Владимировна не писала заявления об увольнении и не поехала в Питер. Через три дня она погибла в автомобильной катастрофе, а Дорофеев старший впервые заговорил об открытии иностранного филиала и уехал на три недели в Штаты.

Наши дни

После длительной беседы со старшим Дорофеевым и рюмки коньяка Юля чувствовала себя возбужденной и немного раздраженной. Причина, по которой ее вызвал босс, оказалась не новой. Как только Дмитрий Юрьевич переварил ошеломляющую новость о генетическом анализе, которую с порога на него вывалила Юля, снова завел старую песню о карьере вне банка. Юля вняла совету Романа и не стала сразу отнекиваться, ей нужно было понять, какими истинными мотивами руководствуется ее босс. Но то, что он ей поведал в откровенном разговоре, сразило наповал. Она не была к такому готова.

– У меня сложилось такое впечатление, что вы от меня хотите избавиться, – пошутила Юля в процессе обсуждения вариантов ее карьеры.

– Мы Саввой приняли решение, Ляля...

Юля подняла голову. Ее насторожил тон босса.

– После смерти Ярика нам будто подрезали крылья. Я не говорю о переоценке ценностей, хотя это тоже имеет место быть. У Саввы никудышные отношения с женой, это влияет на атмосферу в доме. У детей начались проблемы в школе. Я решил бороться за то, что останется после меня – за внуков.

Юля уже не завидовала этим внукам. Если Дмитрий Юрьевич за что-то брался, то делал это со вселенской масштабностью, вкладывая всю свою кипучую энергию.

– Мы купили на Барбадосе виллу на берегу Карибского моря и плантацию со старинным поместьем. Там очень красиво. С одной стороны пастбища, с другой поля сахарного тростника. Как только разберемся с бизнесом сразу уедем. На вилле будет жить семья Саввы. А я обустроюсь в поместье. Организую там офис.

– А что будет с банком?

– Он станет частью международной финансовой компании.

Вздвогнув, Юля уставилась на босса так, будто на ее глазах он весь покрылся шерстью. Что за компания? Слияние? Он покупает или его покупают? Ее не обидело то, что теперь все решалось за закрытыми дверями, после смерти

Ярика и ее трехмесячной изоляции это было уже нормой. Так же Юлю не удивил выбор места нового проживания. Барбадос – оффшорная зона и в столичном банке хранился основной капитал клана Дорофеевых, как собственно и Юли. Рядом Доминикана, Куба, чуть выше Штаты – основные сферы интересов старшего Дорофеева.

Босс заметил ее растерянность и пояснил:

– Я продаю весь российский бизнес иностранной компании. Завтра они присылают оценщика и к концу месяца сделают свое предложение.

Дмитрий Юрьевич подлил себе коньяка из бутылки «Frapin Cuvee» и философски заметил:

– Как только мы уедем из Москвы, ты останешься одна, без поддержки. Сама понимаешь, что после этого начнется. На тебя обрушится вся эта гвардия моих недоброжелателей. Всем захочется поквитаться. Поэтому мне нужно до отъезда тебя пристроить. Уйти на новую работу ты должна еще до официального объявления о смене владельца.

– Что значит пристроить? – напряглась Юля.

«Он, что опять про брак? И это после того как я сказала ему про Рошу?», – пронеслась в голове мысль как ураган.

– Найти тебе еще более влиятельного работодателя.

Юля не могла в это поверить. То есть даже когда он уедет, она не может самостоятельно выбрать компанию, в которой будет работать? Мало того, что он обрушил на нее новость о продаже дела всей его жизни, так еще собрался искать ей работу. Сегодня он явно преуспел в игре под названием «Удиви меня».

– Через неделю будет юбилей бизнес-клуба. На приеме будет вся бизнес элита. Предлагаю тебе составить мне компанию. Я познакомлю тебя с основными игроками. Дам рекомендации. Они посмотрят на тебя. Ты к ним приглядишься. Потом поговорим.

О ком он говорит? Она практически всех знает, если не лично, то заочно. Под его настойчивым взглядом Юля согласилась пойти, но с одним условием, она возьмет с собой Рудика. Ей не хотелось посвящать босса в нюансы работы и навыки ее ассистента, но Рудик был живым детектором лжи и о бизнес элите знал

все. Буквально все! Даже то, что творилось за дверьми их спален. Так что это было его поле игры. Как ей принимать без него решения?

С большой неохотой, но Дорофеев все же согласился.

Когда Юля уже выходила из кабинета, он спросил:

– А чтобы ты сделала, узнай, что беременна от Ярика и что не сестра Романа в один день? Кого бы ты в итоге выбрала?

Юля точно знала кого, но как такое сказать убитому горем отцу?

– Не знаю, – отозвалась Юля нарочито вымученным голосом. – Наверное, это было бы самым тяжелым решением в моей жизни.

– И все же?

– Когда мне сказали, что Роман вышел из комы, и мы поехали с Яриком к нему в клинику, я думала об этом.

– Вот как? – босс нахмурился, ему неприятно было услышать, что Юля сомневалась даже после официального объявления о помолвке.

– Да. И тогда я осознала, что это мой цугцванг⁹. Какой бы выбор я не сделала, он безотлагательно вел меня к ухудшению ситуации.

– Насколько я помню, ты осталась с Яриком.

– К счастью мне не пришлось делать выбор. Его сделали за меня.

– Как это? – Дмитрий Юрьевич изогнул бровь.

– Роман сказал, что он уже не тот, кем был, а Ярик слил видео в интернет.

Дорофеев не стал говорить, что идея слить видео принадлежала ему, вернее его адвокату, он лишь ее одобрил. Он знал Юлю как свои пять пальцев и уверил сына, что после такого она точно не отвернется. Как же он был сейчас удивлен, что сын оказался прав. Исходившая опасность от Воронцова была гораздо сильнее. Юля могла прожить с Яриком хоть всю оставшуюся жизнь, но продолжала бы любить своего братца. Эта мысль прочно засела в его голове и даже когда Юля покинула кабинет, он все еще муссировал эту тему, но не из личного любопытства. Новость, которую только что обрушила на него его протеже, разразилась как гром среди ясного неба. Запретная любовь между

---

⁹ Цугцванг (нем.) – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

братом и сестрой вновь встала препятствием между конечной целью Дорофеева и новыми заокеанскими партнерами.

В дверях своего кабинета Юля столкнулась с Рудиком и тут же вывалила на него новость.

– Босс хочет найти мне новую работу.

Рудик посмотрел на нее как на сумасбродку, пока она не рассказала новости о продаже бизнеса и переселении всего семейства Дорофеевых как она выразилась «в сахарный рай».

– А тебя они с собой не зовут? – удивился Рудик. – Ведь у тебя тоже есть гражданство Барбадоса.

– Видимо в их планы я не вписываюсь, – отмахнулась Юля. – Мы идем на юбилей какого-то бизнес-клуба. Узнай все подробности у ассистента босса.

Рудик тут же воодушевился, но вспомнив о намеченном разговоре, снова поник. Заметив его реакцию, Юля подошла к бару и смешала себе «Куба либре». Затем кивком позвала его в комнату отдыха, скинула туфли и разместилась полулежа на кушетке.

– Рассказывай, Рудик... – Юля сделала большой глоток коктейля и посмотрела на часы.

Самолет Романа уже час был в воздухе. Наверняка он оставил ей сообщение. Телефон жег ей руку, но она сделала над собой усилие и отложила его в сторону.

– Хорошо, что ты лежишь, – усмехнулся Рудик. – Иначе бы фигакнулась!

Минуту он собирался с духом, потом тяжело вздохнул и сказал, что ему тоже нужно выпить и рванул к бару. Юля пристально смотрела ему в спину. Если ему понадобится выпить, чтобы сказать новость, то дело-дрянь. Когда Рудик вернулся с полным стаканом виски, Юля нервно сглотнула. Уж не болен ли он? Сговорились что ли они все, черт возьми! Сначала босс, затем происшествие с Романом, потом ее мать, хотя это еще неточно, теперь Рудик...

– Два месяца назад, когда ты еще нос не казала из своей спальни, я пошел на очередное слезоизлияние в группе и наткнулся на новенькую девчонку из Уфы

по имени Самира. Ей только что исполнилось восемнадцать, и она сбежала из дома. Кто-то из знакомых дал ей телефон Альбины, и как только она приехала в Москву, сразу пришла к ней. Ты же знаешь, я так и не взял ни над кем шефство, поэтому Альбина позвала меня в кабинет и спросила напрямую, могу ли я взять в подопечные Самире. Она объяснила это тем, что девчонка откроется скорее мне, с кем у нее небольшая разница в возрасте, чем взрослому человеку. К тому же мой отец мусульманин и мне хоть и отдаленно, но понятен ее менталитет.

– Значит Самира – мусульманка? – уточнила Юля, предчувствуя корень проблем.

– Да, – кивнул Рудик. – В группу она пришла как жертва детского насилия, и я естественно предполагал, что она имела негативный сексуальный опыт. Поэтому о сексе мы не говорили. Она не знает о моей ориентации, не знает, сколько у меня было партнеров, и чем я раньше зарабатывал на жизнь.

Рудик убрал упавшие на лоб черные как воронье крыло волнистые пряди волос и тяжело задышал.

– В первые же выходные мы вместе пошли в кино на какой-то дурацкий ужастик. Там была сцена преследования героини и Самира так испугалась, что вцепилась в мою руку. Ей было реально страшно, и я понял, что сцена погони напомнила ей свой собственный опыт. Я сжал ее руку и застыл. Меня испугала не только ее реакция, но и моя...

Юля изогнула бровь.

– От ее прикосновения по телу разлилось тепло, будто она мне самый родной человек на земле. Мне было так хорошо с ней, прости, но даже с тобой я не чувствовал такого... это было совсем другое... что-то личное, интимное.

После его слов Юля почувствовала, как и по ее телу разлилось что-то сладкое как тягучий мед. Ее охватила тихая радость за своего подопечного. Неужели он влюбляется? Да еще и в девочку? Юля была на седьмом небе от счастья, но никак не могла понять как такое возможно...

– Когда фильм закончился, я готов был взвыть от злости, так хотелось мне сидеть с ней там... в темноте... и сжимать ее руку. Я пригласил ее домой на чай и клянусь, что только чай и входил в мои намерения. Я думал, что домашняя обстановка помогла бы ей раскрыться, рассказать что-то о себе и я хоть какое-то

имел бы преставление о ее травме. И вот сидим мы в гостиной перед телевизором, идет какая-то романтическая чушь, я даже на экран не смотрю, то и дело кидаю на нее взгляды. Мне непонятно что со мной происходит, от этого мне страшно. Черт! Да у меня была паника. Она положила руку на мое трясущееся колено, а я и сам не заметил, что весь трясусь. Видимо она подумала, что я сильно возбужден и начала меня целовать и гладить. А мне приятно и я не собираюсь даже уклоняться. Дальше—больше...

Юля замерла и смотрела на Рудика выпученными от удивления глазами.

— Она снимает с меня рубашку... потом расстегивает джинсы... а я словно оцепенел... не могу пошевелиться... Это я-то! Юля!

Рудик вскочил на ноги и от накаленных нервов начал расхаживать по комнате взад-вперед.

— Честно говоря, я думал, что у меня не встанет, и она после нескольких попыток отстанет от меня. Такое ведь было с другими уже не раз. Но тело, будто только и ждало ее рук... и губ... я поплыл... никогда такого не чувствовал.

Юля мало знала о сексуальной жизни Рудика, эта тема была у них под запретом, но из обрывков брошенных случайных фраз она давно сложила в голове мозаику. Под давлением психолога, которая была уверена в его гетеросексуальной ориентации, у Рудика были попытки завести отношения с девушками, но все они заканчивались провалом. До секса так ни разу и не дошло. Поэтому она понимала его смущение и шок.

— Ты же знаешь, что Альбина всегда говорила, что моя ориентация это последствия травмы, что на самом деле я гетеросексуал, но вид женского тела мне напоминает о матери и это единственная причина, почему я сплю с мужчинами...

— А ты так не считаешь?

— Если бы ты спросила меня месяц назад, то я бы рассмеялся тебе в лицо и сказал, что это чушь собачья. Мне ли не знать кто я. Но сейчас... — Рудик почесал затылок и тяжело вздохнул, — я уже ни в чем не уверен...

— И что было потом? — напомнила ему Юля о Самире.

— Она укладывает меня на спину и ведет себя очень уверенно, у меня и в мыслях не возникло, что это у нее первый раз!

– Что? – Юля отставила стакан с коктейлем на журнальный столик и опустила ноги на пол.

– Я понял, что что-то не так, когда вошел в нее, она вскрикнула и вцепилась в мои плечи. А потом кровь... и я одурел... я чуть там кони не двинул...

– О, господи, – Юля надела туфли и вскочила с кушетки.

Ей уже было не до его откровений. Тревога накатило волной. Теперь она понимала природу его беспокойства. Выходит он воспользовался наивностью неопытной девушки и занялся с ней сексом, ничего не сказав ей о себе и своем прошлом.

– Вышел из ванны, думал, сейчас поговорю с ней, а потом отвезу ее домой... Какой там. Смотрю на нее, а она такая счастливая, что аж сердце заныло. Короче... она осталась с ночевкой...

– Но потом ты ей сказал?

Рудик отвел глаза в сторону и Юля ахнула.

– Домой я отвез ее только в понедельник утром. До этого момента мы не могли отлепиться друг от друга.

Юля набрала в легкие воздух и собиралась задать логичный вопрос, но Рудик жестом дал понять, что это еще не все новости.

– Потом мы не виделись неделю. За эту неделю я встретился с Максом, с которым занимался сексом месяц назад. Потом встретился с Яной, соседкой, что запала на меня и не давала мне прохода. Ни в том, ни в другом случае доводить до секса не стал, но по реакции понял, что все как прежде, ничего не изменилось. Других женщин я не хочу.

Исповедь Рудика озадачила Юлю, но она постаралась не заикливаться на его предпочтениях, нужно было понять, что делать ему дальше с Самирой.

– И что потом? Ты видел еще Самиру?

Он кивнул.

– Пришел к ней в следующую пятницу и увел к себе домой. Все повторилось. А вчера она позвонила и сказала что у нее задержка.

– Что? Рудик! Ты что не предохранялся?

– В первый раз нет... Я совершенно ничего не соображал. Потом она вроде начала принимать таблетки, но позже призналась, что купила их сама в аптеке без сдачи анализов.

– Может у нее произошел просто гормональный сбой и все еще наладиться.

– Нет, – покачал головой Рудик. – Тест на беременность показал положительный результат. Черт! Да я даже не сомневаюсь, что она беременна.

Телефон продолжал жечь руку, да и разговор мог затянуться на несколько часов и Юля предложила Рудиду переночевать у нее. К тому же она ждала в гости Савву. При первой же возможности она проверила телефон и нашла послание от Романа.

«Amore mio, сажусь в самолет! Уже пожалел, что не приехал в банк. Смотрю на твои снимки и не могу поверить, что мы снова вместе. По-настоящему вместе. Моя богиня! Моя Миа! Моя любовь!».

Цокая каблуками по мраморному полу банковского холла, Юля схватилась за ноющее сердце и вспомнила слова Романа: «Боль в сердце такая сильная, что бежишь к кардиологу и проверяешь все ли с тобой в порядке. Думал, ну не может ноющая душа давать такой физический всплеск. А оказывается – может».

Теперь она понимала истинное значение его слов.

Пока они ехали в машине на телефон Рудика то и дело приходили сообщения и Юля не выдержала:

– Кто тебя так бомбардирует?

– Мирка, – с теплотой в голосе отозвался Рудик, – воробушек паникует.

– Пригласи ее ко мне. Пусть тоже переночует. Савва уедет, и я уйду в свою спальню. Квартира в вашем распоряжении.

– Ты это серьезно?

– Конечно, – Юля повернулась к нему и одарила самой искренней улыбкой. – Хочу на нее посмотреть. И она должна меня увидеть. Иначе будет ревновать, наши с тобой отношения не каждый переварит.

Рудик кивнул, набрал текст сообщения и тут же получил ответ.

– Она приедет.

– Она живет на квартире?

– Да, с подругой.

«Бентли» еще не успел припарковаться у дома Юли, как из-за угла дома вынырнула хрупкая худощавая фигурка.

– Она здесь, – прошептал Рудик и кивком показал на нервно переминающуюся с ноги на ногу девчушку.

– Боже, она еще совсем ребенок, – застонала Юля.

– Юля, – Рудик ухватил ее за руку, не давая выйти из машины, – я тебе еще не все рассказал. Есть проблемы с ее прошлым и с ее семьей.

– Дай мне уладить все с Саввой, потом мы договорим. Если он уедет поздно, а ты к тому времени заснешь, то разбуди меня утром на часик пораньше. Хорошо?

Знакомство с пассией Рудика состоялось в просторном вестибюле парадного подъезда. Юля подметила в девушке такие же черные волосы и глаза как у Рудика, впалые скулы, пухлые губы и усмехнулась, если бы она увидела их на улице, то сказала бы что они близкие родственники. Самира была на голову ниже Рудика. С практически плоской грудью и тремя точками-родинками над верхней губой. Девушка была такой бледной и напуганной, что Юля не стала затягивать знакомство, поздоровалась и нажала на кнопку вызова лифта.

– Рудик много рассказывал о вас, – робко прозвучал вибрирующий от волнения хрипловатый голос.

В лифте она ощутила исходящий от девушки запах шампуня или геля для душа. Она словно только что распустившийся цветок была пропитана нежностью и неопытностью. Юля смотрела в зеркало на ее отражение и думала, что она очень подходит Рудику. Было видно, что она полная его противоположность: стеснительная, воспитанная, умеет держать свои чувства под контролем. Еще не открылись двери лифта, а она уже почувствовала, насколько была сильная ее влюбленность в Рудика.

Савва приехал ближе к десяти вечера и попросил с порога налить ему скотч. От него исходил слабый перегар. Его одежда пропахла табаком. Узнав, что в квартире она не одна, говорить он пожелал в кабинете и, вручая ему стакан на

треть наполненный медового цвета жидкостью, Юля плотно прикрыла за собой дверь. Кожаный диван заскрипел под тяжестью его тела. Вид у Саввы был вымотанный, голос охрипший, словно он весь день на кого-то кричал.

– Устал. Весь день рысачил по городу... – Савва сделал большой глоток скотча и сморщился так, будто его беспокоил больной зуб. – Черт! Рыжик! Мне приходится с тобой фильтровать речь и меня это напрягает. Папашка помешался на безопасности и запретил слив инфы, даже тебе. Я скучаю по старым временам. Почему все изменилось?

– Это из-за смерти Ярика? – осторожно осведомилась Юля.

– Э-э-э... нет... Ярик тут ни при чем.

Юля уже ничего не понимала, хуже всего было то, что Дмитрий Юрьевич ей перестал доверять, и она никак не могла сообразить, в чем причина такой перемены. Неужели это из-за ее отношений с Романом?

– А-а, к черту все! – Савва рубанул рукой воздух. – Скажу все, а папашке совру, что ты меня прижала вопросами, и мне пришлось все выложить как на духу.

Юля чуть не сказала, что он ее пугает, но вовремя остановилась, вдруг Савва после этого решит оставить ее за информационным бортом.

– Короче, все началось три года назад. Мы тогда не связывали некоторые события вместе, только теперь все выяснилось и, кстати, благодаря твоей информации о сети пиццерий...

– Эту инфу дал Роман, – поправила друга Юля, – и на счет Артема тоже он настаивал, я бы никогда не назвала имя своего одноклассника, – Юля пожала плечами. – Просто в голову бы не пришло.

– Да... так вот... помнишь Людмилу Владимировну?

– Как же не помнить...

– Она родная тетка твоего одноклассника.

– Что?! – в памяти замелькали отдельные части разговоров с Власовым. Его тетку действительно звали Люда, но Юля даже не подумала бы соединить эти два факта, мало ли Люд в Москве и области.

Юля плюхнулась в кресло напротив дивана и уставилась на Савву.

– Еще до гибели тетки Артем заявился к папашке и начал воду мутить. Типа он ее недооценивает, так далее и тому подобное...

Юля вспомнила подслушанный три года назад разговор в шкафу и покраснела.

– Его родители погибли в аварии и она его воспитывала, – вставила она, нервно разминая пальцы.

– ...папашка остудил его пыл, пояснив, что тетка свою должность получила не благодаря своим профессиональным качествам. Тот, мягко говоря, припух. Племянничек закатил тетке скандал. Людка позвонила папашке и начала его шантажировать по новой...

– По новой? Чем она его шантажировала?

– Она любила всякие каверзы, собирала сплетни как бомжатница бутылки. А ты же знаешь, что бывает с теми, кто шантажирует папашку...

Юля фыркнула.

– ...так вот... после этого мой предок разозлился и выслал ей и ее племяннику видео с камеры видеонаблюдения в его кабинете, где она заползает к нему под стол и расстегивает ему ремень... – Савва тяжело вздохнул, – сама понимаешь, что было дальше.

Представив эту живописную картину, Юля передернула плечами.

– Да, я тоже так сделал, когда услышал это от своего прародителя. Потом он позвонил и сказал ей, чтобы она тащила свой зад в Питер или он сольет это видео в сеть, а на нем ее лицо крупным планом.

– Не кисло, – буркнула Юля и скривила гримасу.

– Людка накачалась водки, села за руль и набрав скорость долбанулась в стену.

– Что? – у Юли брови поползли вверх. – Так она это сама сделала?

Савва кивнул.

– Должность ей уже точно не светила, – Савва начал загибать пальцы. – Мало того, ей предстояло работать под твоим началом. А тебя она ненавидела хуже горькой редьки. Папашка ясно дал ей понять, что после того как она объявила на тебя травлю он лишает ее опеки и хоть они были давно уже не вместе, финансово он все равно ей помогал, а в банке она творила что хотела.

– Да уж, – выпалила Юля вспоминая сколько сотрудниц рыдало в комнате отдыха после того как их распекала Королева Общественного Мнения.

– Она звонила папашке перед тем как это сделать. Высказала ему все что накопилось. Тот на каждый ее аргумент гнул свою правду. Разговор, по словам предка, был на повышенных тонах. Он же не знал, что она собиралась сделать. Ну, а когда узнал, то сама понимаешь... поздно уже было в жилетку рыдать. Он признает, что был с ней суров, но и она была не невинной овечкой. Так что они друг друга стоили.

Савва отпил скотч и покрутил стакан.

– Все началось, когда он вернулся из Штатов, – продолжил Савва после паузы. – Письма с угрозами. Звонки с женскими рыданиями. Но ты же знаешь папашку, он уже привык к этому дерьму, и никогда не зацикливался. Потом месть была уже более продуманной и болезненной.

– Так ты думаешь, что все те неприятности... за ними стоит Артем?

– Не все! – отмахнулся Савва. – Не забывай Айратова и ему подобных. Но Власов тоже нам сильно кровь попортил.

– Что собираешься предпринять?

– Вот тут-то и проблема. Власов исчез примерно четыре месяца назад.

– Как это?

– Та ночь, когда он схлестнулся с Яром, была последней. Никто его после юбилея не видел. Официально он в розыске, но его жена уж больно себя спокойно ведет. В полиции она ни разу не была. Его друзьям не звонит.

– Ты думаешь, она знает, где он?

– Уверен, что знает. Кстати, его партнеры дали нам зеленый свет, непросто так конечно. За услугу. Но папашка принял все условия. По ходу Власов причастен к гибели Ярика, и разобраться с ним – дело чести.

– Доказательства? – Юля нервно сглотнула.

– Он обхаживал Ингрид с первых дней, как Ярик вернулся в Москву. Не сам, язык у него не так подвешен. Нанял профи. Тот так задурил девке голову, что она перед отлетом в Доминикану была уверена, что безумно любит Ярика, а он любит ее. И что те недели, которые они проведут на вилле во время лечебных сеансов единственный шанс на их совместное будущее, а если он не согласится,

то она может сделать так, чтобы они всегда были вместе, ведь жизнью на земле все не заканчивается.

– О, боже! – застонала Юля.

В памяти всплыл день, когда Юля впервые увидела кровавые отметины на теле Ингрид, и сердце сжалось в груди. А потом Юля вспомнила «демонстрацию» и ею тут же овладела злость.

– Я же говорю, ей промыли мозги мастерски.

Вспомнив о брате, Савва сомкнул челюсть. В кабинете воцарилась тишина.

– Мы с папашкой уверенны, что ты, Рыжик, следующая. Теперь он за тебя взялся. Ты его беспокоила еще со школы, а потом перебежала дорогу его тетке. Так что тебя он тоже винит.

Юля потянулась за служебным телефоном и, найдя последние сообщения, повернула дисплей к Савве. Прочитав сообщения от Власова, Савва спросил:

– Ты понимаешь, о чем он пишет? Кто тебя разделает под орех?

– Не знаю, Савва.

– Никаких резких движений не делай. Маршрут: банк-квартира. Любой подозрительный факт, сразу звони, – Савва поднялся и, показав на дверь, с ухмылкой спросил: – Рудик и девушка?

Юля на него шикнула и сквозь рвущуюся наружу улыбку сказала:

– Я сама в шоке. До сих пор не могу поверить, но, похоже, там все серьезно, к тому же есть вероятность, что она беременна.

Они стояли друг к другу близко, приправленное скотчем дыхание Саввы согревало ей лицо.

– Беременна? Теперь ты хлопот не оберешься.

Юля хихикнула. Она оценила то, что Савва сразу понял на чьи плечи ляжет новая проблема из жизни Рудика.

– У нас сейчас типа знакомства с мамой жениха.

После серьезного разговора Юля рада была отвлечься и светилась от накатившей радости. Савва заморожено разглядывал ее лицо, затем положил руки ей на плечи и тихо заговорил:

– Рыжик, ты уже знаешь, что мы отчаливаем всем семейством?

Юля кивнула.

- Без тебя я буду скучать. Обещай, что будешь звонить.
- Обещаю...
- Как у тебя все с братцем?
- Дмитрий Юрьевич тебе сказал про тест?
- А то... сразу как ты вышла. Значит, ты будешь его ждать?
- Конечно.

На лице Саввы промелькнула мучительная гримаса.

- В чем дело?
- Хочу, чтобы ты была счастлива.
- Я уже счастлива.

Савва помотал головой.

- Мне докладывали о ваших скандалах.

– А у кого их не бывает? Мы десять лет копили свои обиды. Ревность. Упреки. Его боли. Но мы выстояли. Не переживай, все будет хорошо.

Савва хотел что-то сказать, Юля заметила это по выражению его лица, но передумал. Открыл дверь кабинета и двинулся в холл. Обувшись, он повернулся к ней и прежде чем выйти дал совет:

– В бизнес-клуб с папашкой не ходи. Не нужно тебе залезать в новую кабалу. Откажись. Скажи, что после всей кутерьмы с братом решила взять годик-другой перерыв в карьере. Скажи, что хочешь уехать за границу и родить ребенка. После выкидыша, он поверит. Сейчас самое время спрыгнуть с крючка. Я бы сам рад, но... – Савва развел руками, – семья... И еще... завтра приезжает оценщик из Штатов, тот еще крендель. Держись от него подальше. Не нравится мне его напор. Еще не сели за стол переговоров, а он всю структуру банка изучил и службу безопасности в первую очередь. Так что не святись особо...

- Хорошо, но почему? – Юля нахмурилась.

Савва не ответил, лишь кинул на нее многозначительный взгляд. Распахнул входную дверь и, выходя из квартиры, бросил на ходу:

- Прости Рыжик, я и так тебе много сказал...

Разомлевшая и разгоряченная после ванны Юля сидела за туалетным столиком в своей спальне и втирала крем в кожу рук. В голове мелькали отрывки разговора с Саввой. Что там еще за оценщик и почему она должна держаться от него подальше? Она поймала себя на мысли, что с отъездом Роши ей вдруг стало все неинтересно. Проблемы банка и новые контракты уже не разнообразили жизнь как раньше, скорее раздражали. Рабочая текучка теперь казалась скучной и даже бесцельной. Куда двигаться дальше? Впервые она не видела конечной цели.

В дверь постучали.

– Это ты, Рудик?

– Да, – отозвался ее ассистент и вошел в комнату. – Мирка уснула на диване, не хочу ее будить.

Вспоминая, как весь вечер ее подопечный ухаживал за своей девушкой, Юля улыбнулась. Таким заботливым она его еще не видела. В нем было столько нежности, будто дотрагивается он не до человека, а до хрупкой статуэтки.

– Когда ты планируешь с ней поговорить?

– Когда наберусь храбрости, но видимо это будет не скоро...

В голосе Рудика сквозила раздрация, и Юля поспешила его успокоить.

– Она поймет... ей ли не понять... ты же сам сказал, что она жертва насилия.

– У нас разные ситуации. Мой случай нельзя назвать насилием, вообще-то я не хилый кайф получал... – Юля прищурилась и Рудик осекся. – Сейчас речь не обо мне, а о ней.

Он лег на кровать и положил руки под голову. Юля наблюдала за выражением его лица в зеркальном отражении.

– Когда Воробушку было шестнадцать лет, они с подругой возвращались со школьной дискотеки. Подруга приревновала своего парня, и они разругались... так девчонки оказались на шоссе без провожатого. Они ловили попутку и ругались, доказывая кто прав, а кто виноват. Рядом с ними затормозило частное такси и девчонки, не раздумывая, забрались на заднее сиденье. Подруга стонала, что хочет пить и водитель с радостью предложил им минеральную воду. А там снотворное...

Юля резко повернулась к Рудику и нахмурилась.

– Проснулись девчонки как раз тогда, когда похититель привез их куда-то в глушь и пошел открывать подвал. Мирка прошептала подруге, что им нужно бежать сейчас, другого такого шанса у них не будет... но бежать в разные стороны, пока он погонится за одной, вторая сможет добраться до ближайшего населенного пункта и привести помощь. Подруга согласилась. Девчонки бросились врассыпную. Бежать быстро они не могли, еще не отошли от снотворного. Мирке повезло... маньяк выбрал ее подругу...

– Господи... – прошептала Юля и прикрыла шею рукой. – Какой ужас...

– Она добежала до дороги, но сбегаая со склона, не смогла затормозить и по инерции выскочила прямо перед машиной... водитель джипа не успел затормозить и сбил ее.

Юля ахнула и округлила глаза.

– Очнулась она только через три дня в реанимации после двух полосных операций. У нее было внутреннее кровотечение, сотрясение мозга, поломана нога и рука. Короче ей досталось. Конечно, она сразу вызвала полицейских и все объяснила, но было уже поздно... Подругу нашли в подвале того самого дома... задушенную... похитителя так и не поймали. Из-за этого Мирка долго страдала навязчивыми идеями, что за ней следит тот самый маньяк. Ей казалось, что он снова ее похитит, так как не довел дело до конца. Чувство вины тоже съедало ее изнутри, она ведь подвела подругу.

– Бедняжка... – прошептала Юля.

– А проблема в том, что родители воспитывали ее в строгости. Они мусульмане, но дело не в этом, по ходу там авторитарный отец. Пойти наперекор ему, то же самое что послать семью подальше. На ту вечеринку Самира пошла без спроса и как только оклемалась, родители пришли в больницу и сказали, что домой к ним она не вернется, мол, какой пример для младших сестер и братьев. Они не отказались от нее, а поселили у бабушки и усилили контроль. Полгода назад она приехала в Москву поступать в институт и нашла группу Альбины. Сама понимаешь, она не совсем по нашему профилю, но Самира так просила, что Альбина ей не смогла отказать.

– Тебя тревожат ее родители?

– Еще как! – воскликнул Рудик и вскочил с кровати. – Она и так для них как прокаженная, а тут я еще ее фактически обесчестил.

– Что ты намерен делать?

– Не знаю! – выпалил с горячностью Рудик и заметался по комнате.

– Успокойся. В таком состоянии принимать решение нельзя. Давай я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай только на те, на которые точно знаешь ответ.

Рудик стрельнул в нее недовольным взглядом, но потом все же кивнул.

– Хорошо, – Юля поднялась с пуфа и начала степенно расхаживать, придумывая на ходу вопросы. – Ты готов признать этого ребенка своим?

– Да! – не задумываясь, выпалил Рудик. – Глупый вопрос!

– Идем дальше. Ты хочешь жить в одном доме с ребенком? Или для тебя лучше его навещать и выделять деньги на его содержание?

– Уф! – Рудик отвернулся, несколько секунд размышлял и уверенным тоном ответил: – Я хочу всегда быть с ним. Днем и ночью. Хочу укладывать его спать, кормить, гулять в парке, водить на детскую площадку. Черт! Я хочу быть настоящим отцом, а не воскресным папашкой.

– Отлично, – Юля щелкнула пальцами, – двигаемся дальше. Что ты чувствуешь к Самире?

– Не знаю. В этом и проблема. Все произошло очень быстро.

– Хорошо, давай зайдем с другой стороны. Она тебе нравится, тебе приятно с ней проводить время?

– Я же тебе сказал, да, нравится и да, приятно... у нас бы не дошло до секса, если бы мне было неприятно.

– Если у тебя будет выбор: Самира или Макс, с кем ты проведешь время?

Впервые Рудик задумался. Сначала он жестикулировал, будто вот-вот ответит, но сомнения перевешивали его решение, то в одну сторону, то в другую.

– Я беспокоюсь за Мирку и ребенка, поэтому выберу ее, мне нужно знать, все ли с ней в порядке.

– Так... а если представить, что она не беременна...

– Как я могу такое представить? Юля! Она беременна!

– Попробуй. Раскинь мозгами. У вас же было время, когда ты не знал о беременности. Ты даже встречался с Максом, но до секса у вас не дошло. Вот я и хочу знать... почему?

– Черт... ты права... – Рудик опустил на край кровати и схватился за голову.

– Что? В чем я права? – встрепелась Юля.

– В том, что я даже не представляю, что могу изменить ей... даже не представляю... Я не могу и не хочу.

– Значит, твой ответ будет...

– Я выберу Воробушка, – озвучил вслух свои мысли Рудик и сам удивился такому выводу.

– Отлично, – с довольным видом Юля похлопала его по плечу. – Пошли дальше. Ты бы мог прожить с Самирой всю жизнь? Не спеши. Подумай. Это очень важно. Заниматься сексом только с одним партнером всю оставшуюся жизнь. Видеть каждый день. Будут и хорошие и плохие дни. Могут случиться конфликты, болезни, травмы, да что угодно... и только она будет рядом. Ты ей доверишь свою жизнь? Доверишь принимать важные решения? Она выдержит все испытания, которые вам преподнесет судьба?

Рудик с шумом втянул воздух в легкие и ушел вглубь комнаты. Встал около окна и сложил руки на груди. Молчание затянулось на несколько минут, но Юля его не торопила. Когда он повернулся, по выражению его лица Юля поняла, что он так и не смог ответить на ее вопрос.

– Ты же знаешь, что брак меня пугает. Дело не в Самире, а в чертовых обязательствах. Как только мне говорят: «Ты должен!» я посылаю всех к чертям собачьим.

– Никуда ты никого не посылаешь. Мы жили вместе много лет, я знаю тебя как облупленного. Ты самый надежный человек из всего моего окружения, и пустыми обещаниями никогда не бросаешься. Ты никому сейчас ничего не должен. Вопрос в том, чего ты хочешь сам? Готов ли ты заботиться о Самире и вашем ребенке? Готов ли быть с ними и в горе и в радости? Никто не совершенен. Миллионы людей по всему миру ежегодно дают брачные клятвы, а потом разводятся. Думаешь, они это заранее планировали? Нет. Все надеются на то, что

проживут долгую счастливую жизнь, но не все хотят работать над этим. Брак – это работа. Если не работать, в первую очередь над собой, то ты не двигаешься вперед. Ты застаиваешься. Любовь прокисает. Потому как ей нужен воздух, движение и инициатива. Не нужно ждать, когда тебе кто-то принесет счастье на блюдечке. Неси и дари его сам: заботой, нежностью, подходящими для момента словами, поцелуем, сюрпризом, подарками и тут важна не ценность, а внимание. Тогда все получится.

Рудик кивнул и с задумчивым видом вышел из спальни. Юля развела руки в стороны.

– Хоть бы спокойной ночи сказал... я уж не говорю про спасибо...

Глава четвертая «Новый игрок»

«...сейчас, когда мы вместе, я счастлива! Я воскресая! Оттаиваю после многолетней заморозки! Это как замедленная макросъемка утреннего сада. Бутон цветка медленно, незаметно человеческому глазу распускается и начинает источать свой неповторимый аромат».

Наши дни

Еще не было десяти часов, когда дверь распахнулась и Юля увидела на пороге своего кабинета босса в сопровождении высокого симпатичного брюнета. Сегодня ждали оценщика из американской финансовой корпорации, и Юля сразу поняла, что это именно он. Босс представил гостя:

– Колин Кэмпбелл, финансовый эксперт. Он прекрасно говорит по-русски, так что переводчик тебе не нужен.

Юля деловито пожала эксперту руку.

– Приятно познакомиться, – бархатным баритоном отозвался Колин с сильным акцентом. Он протянул ей визитку. – Наслышан о вас.

– Жаль, что не могу ответить тем же.

Эксперт изогнул левую бровь, он явно не знал, как реагировать на такое приветствие, но так как Юля вела себя не агрессивно, натянуто улыбнулся.

На визитке она прочитала название компании. Это был довольно крупный игрок на международном финансовом рынке, один из тридцати компаний в составе индекса Доу Джонса, которая была создана путем слияния конкурирующих фирм еще в восемнадцатом веке. Непонятно как Дорофеев вообще смог заинтересовать такого покупателя. В Россию они инвестировали с большой осторожностью.

Юля намеренно не стала задерживать на эксперте взгляд, дабы не показаться слишком заинтересованной, но короткого общения хватило, чтобы отметить спортивную фигуру, идеально сидящий темно-серый костюм-тройку, кипенно-белоснежную рубашку и улыбку, которой позавидуют даже голливудские актеры. Движения отточенные, выверенные, он знал, как произвести впечатление.

– Юлия Викторовна покажет вам свои владения. Расскажет о структуре банка и ознакомит с ключевыми клиентами, – безапелляционно констатировал старший Дорофеев.

У Юли было плотное расписание, а так как никто ее не предупредил о предстоящей экскурсии, то она хотела возразить, но предугадывая ее реакцию, босс так на нее зыркнул, что она тут же ретировалась. Юля озадачено взглянула на своих помощников, застывших в дверях. Рудик тут же дал ей знак, что обо всем позаботится, и она еле заметно кивнула.

С первых минут общения с мистером Кэмпбеллом у Юли возникло острое ощущение опасности. Она не понимала природу своих эмоций, но складывалось впечатление, что она впустила в свои владения шпиона-диверсанта и последствия этого будут катастрофическими. Эксперт держался отстраненно, не выказывал излишней вежливости, скорее наблюдал, оценивал и в первую очередь ее саму. Они будто два соперника, которым предстоит на днях провести решающий бой, влияющий на карьеру обеих сторон.

Экскурсия длилась без малого три часа. За это время она изучила эксперта так пристально, что могла бы по памяти до малейшей детали восстановить его внешность. Холодный напряженный взгляд медово-карих глаз. Плотные сжатые губы. Прямой, немного заостренный книзу нос. Волосы волнистые, но уложены

волосок к волоску. От него исходила энергия перфекционизма, власти и безграничных денег.

По реакции на активы банка Юля поняла, что обычно он имел дело с более крупными компаниями и это ее еще больше насторожило. Что подтолкнуло финансового монстра к новому приобретению? Попросту говоря, Юле стало интересно, кто инициировал сделку.

От шквала вопросов, которыми засыпал ее американец, у Юли шла кругом голова. Время, проведенное наедине с Колином, дало ей полную картину происходящего: после поглощения финансовому холдингу предстояла реструктуризация и ребрендинг. Инициатором сделки был сам Дорофеев, еще пять лет назад. Все это время он неуклонно выполнял требования будущего покупателя, и теперь Юле стали понятны некоторые решения босса. Они попусту были не его.

– Надеюсь, вам понравится работать в нашей компании, – изрек Колин, когда они вышли из банка и направились в ресторан на обед, где их уже ждал старший Дорофеев.

– Мне жаль вас разочаровывать...

Колин открыл дверь, пропустил ее вперед и Юля вошла в просторный зал ресторана.

– ...но скорее всего я буду уволена еще до объявления о продаже банка.

Это тема опять была поднята за обедом. От чего Дорофеев сконфузился и нервно заерзал на стуле. Юля поняла, что в этом вопросе Дорофеев нарушил какие-то ранние договоренности и напряглась. Что, черт возьми, здесь происходит? Еще Савва вчера предупредил, чтобы она держалась от эксперта подальше, так может Юля сболтнула то, что нельзя было афишировать?

– Чтобы понять мое решение, нужно хорошо разбираться в российском бизнесе, – осторожно начал объяснять Дорофеев, – и его теневой составляющей. Я не могу оставить свою ученицу без опеки. Поэтому намерен передать ее, так сказать, из рук в руки.

– О! Если дело только в этом, то позвольте вас заверить, что вашей протеже ничего не грозит, – тон Колина был по-деловому холодным и лишен

эмоциональной окраски. – Ни сокращение, ни нападки СМИ, ни ваши конкуренты. Мы о ней позаботимся. Разве вы это не обсуждали с моим боссом?

– Помимо всего того что вы перечислили есть еще одна сторона – недремлющее око из трех букв, которые обычно не произносят в общественных местах. Как говорят у нас в России: «Против лома нет приема».

Юля думала, что Колин не поймет намека, но нет, американец не только знал русский язык, но и отлично разобрался в иносказаниях и поговорах.

– Об этих трех буквах тоже не беспокойтесь. Да и чего вам так нервничать, вы же покидаете Россию.

– Но она-то нет, – Дорофеев кивнул в сторону Юли.

– На такой случай у нас есть отработанная схема, – начал быстро излагать Колин. – Ключевые специалисты выезжают в головной офис на пару лет. Проходят обучение, повышают свой профессионализм, работая в разных точках мира по краткосрочным контрактам, изучают корпоративную структуру и возвращаются к моменту окончания реструктуризации с новым планом развития. Именно такой путь ждет мисс Дубровину, если она останется на своей должности.

Вспомнив о вчерашнем совете Саввы сослаться на будущую семейную жизнь, Юля решила высказаться и тем самым прекратить прения по этому вопросу.

– Неплохо было бы для разнообразия спросить у самой мисс Дубровиной, чего же она сама хочет? М-м?

Эксперт откинулся на спинку кресла и поочередно изучал своих собеседников. Дорофеев прожег ее предостерегающим взглядом, но Юля продолжила:

– А самой мисс Дубровиной больше по душе сделать перерыв в карьере. Потому что как только вернется в Москву ее жених, она выйдет замуж и в ближайшие пять лет будет занята рождением парочки сорванцов.

– Вы собираетесь замуж? – голос эксперта дрогнул, губы сложились в одну сплошную линию. Он метнул холодный взгляд на Дорофеева. Как только он не пытался завуалировать свою реакцию, Юля поняла, что шокировала его.

Сомнений не осталось, на счет нее у босса были какие-то договоренности, и своим заявлением Юля вставила этим планам палки в колеса.

После обеда заняться своими непосредственными обязанностями опять не удалось – Колин устроил в кабинете Дорофеева совещание, куда пригласил все руководство и главы отделов.

Еще две недели назад Юля бы радовалась открывшейся возможности поработать в международной компании такого уровня, но сейчас, глядя на происходящее, Юля чувствовала бессмысленность своего занятия. От чего испытала невероятную тоску. Какую пользу она приносит себе и людям? Как ее работа влияет на общество? Просто с помощью ее навыков богатые люди становятся еще богаче.

Юля вспомнила слова Романа: «Ты произвела подмену жизни на процесс добычи денег. Ты не живешь, а находишься в плену Золотого Руна».

Сейчас она уже не представляла, как продержится в таком режиме еще год. Ей хотелось заниматься чем-то, что поможет им в будущем: подыскивать и обустраивать для них дом, планировать свадьбу. На этот раз ей хотелось пышного торжества в кругу друзей и родственников на берегу моря или океана. Теперь им с Рошей не нужно прятаться и скрывать свои чувства. Они могут заявить о своей любви всему миру. Именно этого сейчас и хотелось Юле – кричать о своей любви. Она больше не одинока. У нее есть мужчина и он Любовь Всей Ее Жизни.

Отстраненный вид Юли был подмечен не только боссом, который все совещание с нее глаз не сводил, но и Рудиком.

– В чем дело? Ты так расстроена моими новостями? – с озабоченным видом спросил помощник, как только Юля вошла в свой кабинет.

– Нет, меня выбивает из колеи этот эксперт. Весь день пошел кувырком. У меня же есть и свои обязанности, почему я должна ходить за ним как собачка на привязи. Эта ледяная глыба Кэмпбелл пугает меня до жути.

– Ты так и не поняла кто это? – Рудик схватил ее за локоть и поволок в комнату отдыха. Закрыл дверь и быстро заговорил: – Помнишь, босс говорил об открытии филиала в Нью-Йорке?

Юля кивнула и нахмурилась.

– И упоминал некоего американца русского происхождения, который должен был курировать этот проект.

Догадка промелькнула раньше, чем Рудик озвучил то, что хотел сказать и Юля отпрянула.

– Это тот за кого он хотел тебя выдать. Ярик погиб, босс вернулся к первоначальному варианту, – Рудик понизил голос на октаву. – Босс тебя не отпускает Юля. Босс делает на тебя ставку.

По телу пробежала морозная дрожь. Это самая плохая новость с момента гибели Ярика.

– Как ты понял, что это тот самый американец? – Юля все еще пыталась найти в этой теории слабые места.

– Прошерстил социальные сети. Нашел его на отдыхе. На груди православный крестик. Его мать – Ольга, потомок первой волны эмиграции. Она называет сына Николай. Отец коренной американец из очень влиятельной семьи, интересы которой крутятся вокруг финансовых услуг. Дед владел банком. Так что Дорофеев складывает деньги к деньгам.

– С ума сойти, – только и смогла произнести Юля.

– Он будет тебя обхаживать, а когда не получится охмурить самому, подключит Дорофеева.

Юля фыркнула. В голове промелькнула фраза босса, которую он неустанно повторял, стоило ему выпить или испытать стресс: «Лялечка, как же жаль, что ты не моя дочь!». Так вот в чем причина этого стенания. Была бы она его дочь, и он уже давно бы породнился с Кэмпбеллами.

– Их ждет большо-о-о-е разочарование, – протянула Юля и сжала кулаки. – Я им устрою фейерверк.

– Ничего ты им не устроишь, – грозно предостерег Рудик и погрозил пальцем.

– Хватит, Рудик, – Юля оттолкнула помощника и прошла вглубь комнаты. – Больше я не буду играть по их правилам. Надоело...

Рудик не дал ей договорить.

– И что? Снова каракатица будет стрелять своим скудным запасом чернила против межконтинентального корабля? Это смешно, Юля.

– А что ты предлагаешь? – возмутилась она и уперла руки в бока. – Всю оставшуюся жизнь послушно выполнять все, что босс прикажет?

– Я предлагаю доиграть спектакль до той сцены, где тебе изложат все правила игры. И не сомневайся, что будут угрозы и твой любимый пункт «А то что...».

Юля вздрогнула. Как же хорошо ее знал Рудик, иногда даже ужасало от мысли насколько она для него открытая книга. Она плюхнулась на кушетку и тяжело выдохнула. После отъезда Романа она ожидала чего угодно, но не войну с собственным боссом, в которой она заранее проигрывала.

– Любовь к Роману не должна тебе застилать глаза пеленой. Ты еще не вышла замуж и не родила детей. Пока ты еще в гуще событий одного из крупнейшего российского финансового холдинга. Ты винтик в огромном механизме. От тебя многое зависит и в том числе безопасность клана Дорофеевых. Соберись! Идет серьезная игра! – Рудик подошел к ней и облокотился на спинку кушетки. – Ты задавалась вопросом, почему они с тобой больше не шушукаются? Вот тебе и ответ. Ты – цель. Они на тебя теперь охотятся. Больше нет места, где ты будешь в безопасности. Все будет прослушиваться: квартира, офис, средства связи.

Услышав эти слова, Юля побледнела и бросила опасливый взгляд на камеры видеонаблюдения. Сейчас она чувствовала себя лисицей убегающей от стаи волков.

– Вот что имел в виду Артем, – резюмировал Рудик. – Он узнал о планах Дорофеевых и написал, что тебя и без него разделают под орех.

Рудик прав. Теперь все сходилось. Юля уже в этом не сомневалась.

– Что конкретно ты предлагаешь?

– Оцени Колина как игрока. В чем его интерес? Чего он добивается? Если тебя, то почему? Чем ты ему приглянулась? Пусть сделает тебе предложение. Нарисует идеальную картинку. Вот по ней и будем бить. И не забывай о боссе. Побрыкайся для приличия, а то не поверит в твою искренность, а потом веди свою игру. Я не предлагаю тебе ложиться с Колином в койку, боже упаси. Я предлагаю разработать план, исходя из достоверной информации. А сейчас все карты у них, мы вообще вне игры. Нам даже не раздавали.

Разговор прервал телефонный звонок. Юля посмотрела на дисплей и сказала:

– Колин.

Ответив на звонок, она услышала вкрадчивый голос эксперта:

– От вашего секретаря я узнал, что вечером вы свободны, не хотите поужинать?

Юля сжала челюсть и метнула взгляд на Рудика. Тот стоял перед ней, широко расставив ноги и сложив руки на груди.

– Мой секретарь отвечает только за рабочий день. Поужинать с вами не могу, у меня неотложное семейное дело.

Рудик одобрительно кивнул.

– Как жаль, – в голосе эксперта слышалось искреннее разочарование, – тогда завтра?

– А вы настойчивы. Хотите что-то обсудить? Почему не в рабочее время?

– Есть вопросы, которые лучше решать за бокалом вина.

– Что ж... на счет завтра я скажу вам позже, когда разберусь с семейными проблемами.

– Буду ждать вашего звонка, – тут же отозвался Колин и разъединил связь.

Юля посмотрела на телефон и задумчиво произнесла:

– Вот как-то так...

До компьютера Юля добралась только ближе к восьми часам вечера и сразу же проверила почту. Обнаружила письмо от Романа и чуть не взвизгнула от восторга. Пробегаясь глазами по строчкам послания, она чувствовала, как по всему телу разлилась горячая волна вождления. Господи, прошли всего лишь сутки, а она уже по нему безумно скучала!

От кого: Воронцов Роман Сергеевич

Кому: Дубровина Юлия Викторовна

Тема: Пекин

Миа! Наконец-то добрался до Пекина. Думал, с ума сойду. Кресла в самолете жесткие, расстояние между креслами как для детей, ноги чуть окончательно не отнялись. Еда после твоей стряпни пресная и безвкусная.

Вспомнил твои блины и чуть слюной не подавился. В аэропорту еще как-то ориентировался, встречались вывески на английском, а как только выехал за пределы – очумел. От китайского языка мне башку сносит. Пытаюсь представить, о чем они говорят и ничего приличного в голову не лезет, одни ругательства.

Лева передает тебе привет. Мучается, хочет мне «что-то» сказать. Я делаю вид, что ничего не знаю про его попытку перевезти ваш фиктивный брак в реальный. Пусть помучается! Не все мне одному страдать. Он еще тот шифровальщик. Повез меня не в отель, где я забронировал номер, а туда, где у него была назначена встреча. Спрашиваю, почему не сказал заранее, теперь сгорит бронь. Лева лишь дергает бровями вверх-вниз, ну ты помнишь, как он это делает.

Чувствую себя не очень. Решили, перед тем как двигаться дальше, обратиться в местную клинику, оказалось, что у меня опять высокое давление. Лева говорит, что мое лицо как у вареного рака.

Завтра стартуем в монастырь. Мне немного боязно. Сам не знаю, почему. Пока был в Москве, казалось, что это единственно правильное решение, а теперь накатил страх. А вдруг мне и так осталось недолго жить, а я отнимаю у нас с тобой последнее? Как думаешь, я – трус? Никто не знает меня как ты. Скажи как есть, я не обижусь.

Amore mio, пока летел в самолете прочитал статью в которой была такая фраза: «Отношения влюбленной пары что хоть однажды рассталась обречены на провал» и я задумался. А что если и нас ждет трагический конец? И что с нами будет после этого? Я ведь тогда точно богу душу отдам. Это же, как короткая ремиссия перед повторной волной рецидива.

Почему, как только я от тебя уехал, стал всего бояться?

От кого: Дубровина Юлия Викторовна

Кому: Воронцов Роман Сергеевич

Тема: Re: Пекин

Получив от тебя письмо, я подумала, это что-то новое, таких отношений между нами еще не было. Наверняка они внесут разнообразие и откроют новую грань в любви. Я уже с нетерпением и томлением жду твое следующее письмо.

Сказать, что мне тебя не хватает, это ничего не сказать. Ты мой воздух и без тебя я задыхаюсь. Тешу себя надеждой, что это временно, что скоро ты вернешься, и мы снова будем вместе. А пока тебя нет, я погружаюсь в работу. Да и Рудик доставляет мне немало хлопот. У него огромные перемены в жизни, но он запретил мне о них говорить даже тебе.

По поводу той статьи, мы – не расставались! Расстанутся тогда, когда отношения заходят в тупик. Когда все перепробовал, а реанимировать любовь не получается. Нас разлучили насильно. Хирургически разделили на две части. Мы были двумя инвалидами, несущими в душе горечь и гнев. За десять лет разлуки никто из нас никого не сделал счастливым. А сейчас, когда мы вместе, я счастлива! Я воскресаю! Оттаиваю после многолетней заморозки! Это как замедленная макросъемка утреннего розария. Бутон цветка медленно, незаметно человеческому глазу распускается и начинает источать свой неповторимый аромат.

Ты не трус. Не выдумывай. Ты авантюрный. Это не отнять. И всех вокруг заражаешь своим авантюризмом.

Люблю тебя и очень скучаю...

Ты мое НЕБО!!!

Служебный «Бентли» въехал в Обнинск, и от воспоминаний у Юли защемило сердце. Она не была в этих местах десять лет. Проезжая мимо центра города, Юля вспоминала, как они гуляли здесь с Романом. Вот парк, куда он побежал, когда Юля приревновала его к Насте. А вот тот самый кинотеатр, где прошло их первое совместное с Настей и Кириллом свидание. Кафешки где они любили попивать коктейли, смотреть на прохожих и придумывать сценарий их жизни.

Когда машина припарковалась у дома родителей, и телохранитель открыл перед ней дверь, Юлю сковала нерешительность. Что она скажет матери? Я тебя простила, будет все, как было? Как ей себя вести? Нет, наверное, приехать сюда было не самое лучшее решение. Юля уже хотела сказать водителю, что

передумала, как дверь в воротах распахнулась и на улицу выскочила ее мать. Она не видела, кто скрывается в полутьме салона и натужным голосом спросила:

– Рудик? Это ты? Что-то случилось с Юлей?

– Это я... мама... – Юля подала руку телохранителю и вышла из машины.

– Юльча?! – Алла была поражена. – Господи! Неужели это ты?

Юле не хотелось, чтобы секьюрити были в курсе их семейных проблем, и жестом указала матери на дом. Алла поняла намек и скрылась за воротами.

– Оставайтесь здесь, – кинула на ходу Юля людям из сопровождения.

– Не могу, Юлия Викторовна, – отчеканил телохранитель и прочистил горло. Юля метнула в него гневный взгляд, и он тут же пояснил: – Приказ начальства, Обнинск – повышенная зона опасности.

Юля вспомнила об Артеме и скривилась в недовольной гримасе. От кого ее охраняли? От Артема? Да Артем по сравнению с ее боссом был плюшевым мишкой.

– Я буду тих и нем. Вы меня даже не заметите.

Алексей, был ее личным телохранителем последний год. На его глазах развивались отношения с Яриком. Это он вел дозор под ее дверью, когда она после смерти младшего Дорофеева закрылась на три месяца от всего мира. Только его она позволяла впустить в квартиру, если того требовали усиленные меры безопасности. Он помогал Роману справиться с инвалидным креслом в дороге. Он был настоящий профессионал. Чтобы не происходило, он объективно оценивал риски. И именно поэтому Юля промолчала. Другому бы она такую дерзость не простила.

Тяжело вздохнув, Юля направилась к дому. Безмолвные отголоски прошлого не оставляли ее равнодушной. В памяти всплыли моменты, связаны с этим местом. Вон в то окно на втором этаже, где раньше была ее спальня, они с Рошей поглядывали, чтобы увидеть, не пришли ли их родители с прогулки, а когда убеждались что «все чисто» снова целовались как сумасшедшие. Террасу они вместе красили пропиткой по дереву. Ох, и как же выросла туя, которую они посадили перед выпускным вечером Роши. Стук каблучков по тротуарной плитке отдавался в ушах. Волнение нахлынуло с такой силой, что сердце колыхалось как парус на ветру.

В холодной прихожей Юля хотела разуться, но мать запротестовала.

– Просто вытри сапоги о тряпку. В доме холодно. Пальто тоже не снимай. У нас вышел из строя отопительный котел. Сергей спустился в подвал. Надеется починить сам.

Алла тараторила без остановки, рассказывая о домашних проблемах, Юля поняла, что мать нервничает. Еще бы, наверняка Роман уже сказал, что они не поверили Сергею и сделали свой тест на родство. Этим и объяснялось их двухнедельное затишье. Мать, наверное, думает, что Юля сейчас накинется на нее с порога и будет скандалить.

На лестнице появились одетые в куртки-дутьши ее младшие брат и сестра, сухо поздоровались и снова нырнули в свои комнаты. С первого взгляда было понятно, что они в соре.

«Опять что-то не поделили!», – подумала Юля.

– Времени у меня мало, – Юля прошла на кухню и села за стол.

Алла разместилась напротив и вопросительно посмотрела на дочь.

– Чем ты больна? – спросила она мать в лоб.

Услышав вопрос, Алла вздрогнула и выпучила глаза от удивления. В них читался немой вопрос: «Как ты узнала?». Юля не стала отвечать, скажи она, что это предположение Романа, мать из принципа могла отмахнуться и сказать что все в порядке.

– Так чем?

Алла сцепила пальцы в замок и закусила губу.

– Мама? – поторопила ее Юля.

– Ты меня так не называла с того самого дня, – с обидой бросила Алла.

– Пока мы эту тему трогать не будем, – угрожающе произнесла Юля, и Алла закивала, ей самой не хотелось сейчас начинать болезненный для всех разговор. – Поговорим о тебе и твоём диагнозе.

Выяснилось, что у Аллы при осмотре маммолог обнаружила опухоль в груди и пункция показала, что она злокачественная. На мать Юля смотреть не могла – к обиде размером во вселенную добавилось беспокойство за ее здоровье. Поэтому пока Алла рассказывала о диагнозе и рекомендованном лечении Юля осматривала дом. Ремонт не делался больше десяти лет. Обои в гостиной еще они

с Романом клеили. В полах щели. Краска везде облупилась. Роман был прав. У родителей проблемы с деньгами.

Юля отправила Рудикю сообщение, написала диагноз матери и попросила, чтобы он нашел лучшую клинику и уточнил набор документов и анализов, с которыми нужно приехать на первый осмотр.

В дом вошел Сергей. На нем был рабочий комбинезон. Руки и лицо перепачканы. Под тяжестью проблем, что на него навалились за последнее время, он ссутулился и посидел. Мать все еще щебетала, а в голове Юли за считанные секунды сложился план действий. Она уже «набивала» подопечному следующее сообщение.

Забронируй номер в отеле недалеко от моей квартиры на семью из четырех человек. Сними в аренду микроавтобус. Пусть подъедет в течении часа.

Рудик тут же ответил:

Все сделаю. Не паникуй. Мы ее вылечим.

– Котел нужно менять, – резюмировал Сергей.

Алла побледнела, видимо им это было не по силам.

– Так! Ладно! Зовите детей, – Юля встала и поправила пальто.

– Зачем? – встрепенулась Алла.

По решительному виду Юли Сергей понял, что она что-то задумала и молча пошел к лестнице.

– Юльча? Ты что решила устроить мне всенародную порку?

Сначала Юля не поняла, на что намекала мать, а когда до нее наконец-то дошло брат и сестра уже входили в кухню.

– Они знают о диагнозе? – вполголоса спросила Юля у матери, показывая на детей.

Алла кивнула.

– Конечно, со мной была истерика, такое не скроешь.

– Слушайте меня внимательно, – начала Юля безапелляционным тоном, которым научилась у босса и заскользила взглядом по членам семьи. – Сейчас вы соберете все необходимое для жизни на неделю и поедите в отель.

Домочадцы переглянулись. Алла облегченно выдохнула, она-то думала, что дочь устроит разборки прямо при детях.

– Завтра утром уволишься с работы, – обратилась Юля к Сергею. – Скажи, по семейным обстоятельствам. Наймешь строительную бригаду и займешься капитальным ремонтом дома. Сам чтобы к молотку не притрагивался. Я тебя знаю, начнешь всех поучать, показывать, а в итоге всех погонишь прочь. Приехал, проконтролировал, решил финансовые вопросы и снова к семье в гостиницу.

Юля снова повернулась к матери.

– Мама... в России лечиться ты не будешь. Поедешь в ту клинику, которую я для тебя выберу. Срочно свяжись с Рудиком и передай ему документы, которые он попросит. У тебя загранпаспорт не просрочен?

– Нет, – еле слышно отозвалась Алла. Слезы накатились на глаза, и она уже еле сдерживалась, чтобы не зарыдать во весь голос.

Дети прильнули к матери, и она обняла их как орлица своих птенцов.

– На данный момент приоритетом является твое здоровье, поэтому я пока беру младших под опеку. Скажи им, чтобы не мотали мне нервы и без их капризов мне сейчас тошно.

– За неделю невозможно сделать капитальный ремонт, – подал голос Сергей. – Тут работы непочатый край.

– Я знаю, – кивнула Юля и немного смягчилась. – Ремонт будет идти своим чередом. Как только закончишь с ремонтом, выставишь дом на продажу. За неделю Рудик подыщет вам приличное жилье. Детали обговорим за ужином. Собирайтесь. Микроавтобус придет через час. Я буду ждать вас в отеле.

Зал ресторана почти опустел, когда все семейство приступило к позднему ужину. Родители до сих пор выглядели ошарашенными и не знали, как относиться к внезапному появлению дочери. После того как она узнала правду о поступке матери, Юля могла устроить всем судный день, но вместо этого решает ворох накопившихся проблем. Финансовое положение семьи было катастрофическим. Десять лет назад Юля не просто ушла из семьи, она забрала с собой благополучие. Как ни старался Сергей поправить семейный бюджет, фортуна отвернулась.

Младшие брат с сестрой опасливо озирались по сторонам, оценивая дорогой интерьер отеля. Отовсюду слышалась иностранная речь. Окружающие их богатые люди в дорогих костюмах вызвали настороженность и откровенно пугали. Сестра их тоже пугала. Об истинных отношениях старших сестры и брата они узнали только после комы Романа. Мать посадила их в гостиной и рассказала всю историю, начиная со дня приезда Романа в Боровск и заканчивая последним днем рождения Юли. После этого Яна и Илья стали избегать общества друг друга еще больше. Теперь им стало понятно, почему мать так была зациклена на их отношениях и зорко следила за тем, чтобы брат и сестра не оставались наедине.

Пока Яна и Илья озирались по сторонам, Юля придирчиво осмотрела их одежду и обувь. Рудик проследил за ее взглядом и написал ей сообщение:

Не волнуйся, завтра отведу их по бутикам. К вечеру будут как новенькие.

Юля улыбнулась и отложила телефон в сумку.

– Роман выходил на связь? – спросил ее Сергей.

– Да. В Пекине его встретил Лева. Перед отъездом он пройдет медицинское обследование. Опять шалит давление. Говорит лицо как у вареного рака.

– У него иногда поднимается до двухсот.

Юля ахнула.

– Так и инсульт можно заработать.

– Поэтому я был против этой поездки.

К столику подошел официант с очередным подносом блюд. Дети быстро разобрались, кто что заказывал и все приступили к еде.

– Я не знала, что ты тоже был против.

– И ты тоже? – Сергей от удивления приподнял брови. – Я спросил, что ты думаешь о его поездке, и он сказал, что между вами мир и согласие.

Юля закатила глаза, а потом рассказала, какой результат дала недельная тренировка по разработанной специально для Романа методике. Что накануне его отъезда вызывали «Скорую» и приезжал тот же врач, что увозил Романа в ту трагическую ночь. На что Сергей поведал, что ему он запрещал вызывать врачей, даже просто звонить для консультации.

– Не надо было его слушать.

– А как не слушать, если он сразу в драку лез, – выпалил с обидой Сергей.

– Как это? – Юля опешила. – Лез в драку? С тобой?

– Пару раз так зафенделил, что думал на ногах не устою. Это он с тобой такой выдержанный, а с другими мог и матом послать, особенно когда одолевала боль. Снежана боялась ему даже звонить.

Алла в разговоре не принимала участие, но по ее виду Юля поняла, что хоть мать и сидит с напускным видом безразличия, но улавливает своим сверхчувствительным радаром каждое слово.

– Так вы с Романом не расставались две недели? – спросила ее сестренка. Юля подтвердила и Яна засыпала ее вопросами: – А что будет, когда он вернется? Он разведется со Снежаной? Вы поженитесь? Ты будешь его ждать?

– Буду ждать. На развод он уже подал. И да... как только он вернется, мы поженимся, – Юля показала кольцо на безымянном пальце и добавила: – Перед отъездом он мне сделал предложение.

Алла побледнела и схватила бокал с водой.

– Круто! Где вы будете жить? – спросила Яна.

Видимо Яна задавала те вопросы, которые интересовала вся семья, так как ответы слушали все очень внимательно.

– Купим дом. Может я сейчас сразу куплю два дома рядом. Для вас и нас с Романом.

– Ты купишь нам новый дом? – оторвался от своего телефона Илья.

– Она же сказала, что купит, – огрызнулась Яна на брата. – Ты глухой?

Брат и сестра зыркнули друг на друга испепеляющими взглядами и снова углубились в телефоны.

– Так... быстро убрали свои мобильники, – рявкнул на них Сергей, дети скуксились, но все же попрятали телефоны.

Юля подметила, что Сергея они слушались беспрекословно, а к матери липли только за поддержкой и с капризами.

– А что будет с твоей квартирой? – не давала Юле покоя сестренка.

– Ешь, Яна, – одернул ее Сергей. – Еда уже остыла, пока ты тут старшей сестре допрос устраиваешь.

– В квартире будет жить Рудик с семьей, – тут же ответила Юля.

Рудик и Самира переглянулись. Юля встревожилась.

– Что?

– Я не делал предложения, – сухо пояснил Рудик.

– А то я не поняла, иначе бы кольцо со мной уже обсудил. Но рано или поздно все проблемы мы уладим. В любом случае Самира в таком положении не должна жить на квартире без постоянного присмотра и полноценного рациона питания.

Юля вспомнила, что у Самиры был назначен на сегодня ультразвук и спросила:

– С ребенком все в порядке?

Родители чуть не поперхнулись. Они знали об ориентации подопечного дочери и до этого момента думали, что Самира просто его подруга. Вопрос Юли произвел на них такой же эффект, как если бы Юля сказала, что к Земле приближается астероид.

Все подняли головы, ожидая ответа. От всеобщего внимания Самира покраснела и попыталась объяснить, тщательно подбирая слова, но начала заикаться, а потом и вовсе замолчала. Рудик тут же пришел ей на помощь.

– Срок семь недель. Врач сказала, что все в порядке.

– Отлично, – с облегчением выпалила Юля. – Только это и важно. А остальное приложится.

– Ты что действительно отдашь мне свою квартиру? – Рудик до сих пор не мог поверить и вглядывался в лицо Юли, пытаясь понять, это она так неудачно пошутила или говорила серьезно.

Юля кивнула, улыбнулась и чмокнула Рудика в щеку. Затем начала вытирать след от помады и размазала еще больше. Рудик закатил глаза и попросил вытереть Самиру.

– Ты эту квартиру выстрадал наравне со мной. Помнишь, как мы собирали идеи из разных журналов и вскрывали дизайнеру мозг, – оба захихикали. – Тебе она очень подойдет по стилю.

– Квартира классная, спасибо. Ты меня сегодня просто убила. Что на тебя нашло? В твоём воображаемом календаре сегодня всемирный день покупки

недвижимости? – Рудик указал в сторону телохранителя. – А Алексею ты ничего не купила? А то его жена на девятом месяце беременности, а квартиры нет.

Юля уставилась на Алексея и закусила губу. Она и не знала, что у него скоро родится ребенок.

– Господи! Юля! Я сам лично отведу тебя к психиатру, а то такими темпами ты все свое имущество раздашь! – вскипел Рудик.

После второй бутылки вина атмосфера за столом немного разрядилась. Семейство оживленно обсуждало покупку дома, когда кто-то окликнул Юлю по имени. Она обернулась и стукнула под столом по ноге Рудика. Он проследил за ее взглядом и прошипел ругательство. Со стороны лестницы к их столику широким шагом решительно маршировал Колин. За его спиной Юля разглядела блондинку модельной внешности. Видимо он сказал, что только поздоровается, так как она осталась его ждать в вестибюле.

– Вот уж не думал вас здесь встретить, – улыбнулся эксперт и одарил ее своей идеальной белозубой улыбкой.

Юля хотела ограничиться деловым рукопожатием, но Колин поднес ее руку к губам и поцеловал. Ее обдал аромат терпкого алкоголя и мужского парфюма.

– Думал, вы меня отшили, а оказывается у вас действительно семейное дело, – он осмотрел всех присутствующих, заметил Рудика – единственное знакомое лицо и снова повернулся к Юле. – Вы меня не представите.

Поглощенная в недобрые размышления, Юля отреагировала не сразу.

– Да... конечно... – Юля поочередно представила всех членов семьи, а затем иностранного коллегу: – А это мистер Колин Кэмпбелл, финансовый эксперт, проводит оценку активов нашего холдинга.

– Очень приятно, – елейным голоском отозвалась Алла, всем своим видом показывая, как она рада знакомству. – Вы превосходно говорите по-русски.

В отличие от Юли Колин успел переодеться: темно коричневый бархатный пиджак и пуловер из кашемира плотно облегли его широкие плечи, а зауженные книзу брюки подчеркивали его стройные ноги. В одной руке он теребил кожаные перчатки, в другой держал мобильный телефон.

– Так вы здесь ужинали? – Юля никак не могла отойти от «случайной» встречи, а то, что он следил за ней, у нее уже не было сомнений.

– Нет, встречался с другом.

Кивком Юля показала на ожидающую его девушку.

– Не будем вас задерживать, вы куда-то спешили.

– Как кухня? – перевел он на другую тему.

– Замечательная, – тут же отозвалась Алла.

– Тогда и мне стоит здесь поужинать, – улыбнулся Колин и жестом пригласил блондинку в ресторан.

Пока девушка «плыла» в их сторону, плавно покачивая бедрами, Колин попрощался:

– Всем приятного вечера, – и повернувшись к Юле, добавил: – Увидимся завтра в банке.

Как только Колин разместился в углу дальней части зала, Рудик сказал, что ему нужно сделать пару звонков и вышел в вестибюль отеля.

– Какой импозантный мужчина! – воскликнула Алла и одарила дочь многозначительным взглядом.

Юля знала, что позиция матери с годами не изменилась, она была согласна на какого угодно зятя, лишь бы это был не Роман.

– Может, возьмем еще бутылочку вина и отправим детей спать? – предложила Юля, глядя на Сергея.

– Еще детское время! – возмутился Илья.

– Дурень, им нужно поговорить, – буркнула Яна и, схватив брата за руку, потащила к лифту.

– И вам спокойной ночи, – недовольно проворчал Сергей и, повернувшись к Юле, добавил: – Подростки.

Рудик вернулся к столу и полусшепотом доложил Юле.

– Я переговорил с его сопровождением. У него действительно была здесь встреча, но назначил он ее сам уже после того как ты выехала из Обнинска. Блонди подцепил здесь.

– Вот как? – Юля кинула гневный взгляд на Колина.

– Юлька, хорош чернилами стрелять, – уже громче возмутился Рудик, – у тебя на лице написано: «Я знаю, что ты задумал!», – он похлопал ее по плечу.

– Что происходит? – нахмурился Сергей.

– Ничего с чем бы мы ни справились, – Юля взяла сумку, встала и пошла в сторону туалета.

– Вам сегодня обязательно нужно поговорить, – назидательно произнес Рудик, когда Юля скрылась из вида. – Роман в Китае и вы единственные кто может оказать ей моральную поддержку, а она сейчас точно в ней нуждается. Так что встрясите с нее все и не отпускайте, пока не изольет всю душу.

– Как мы пойдем, что это все? Лучше сам расскажи, Рудик, – взмолилась Алла и перевела взгляд на мужа, ища поддержки.

– Нет-нет-нет, дальше вы сами. Ей было тяжело, но она сделала первый шаг, теперь дело за вами, – Рудик повернулся к Самире. – Воробушек, я выпью с ними еще бокальчик и поедем *домой*, – Рудик выделил последнее слово, чтобы Самира поняла, что теперь это и ее дом. Улыбка сошла с лица. Он сжал ее коленку и серьезным тоном добавил: – Нам нужно поговорить.

Самира пылливо изучала лицо возлюбленного, пытаясь понять предстоящую тему разговора, затем тяжело вздохнула и нежно переплела их пальцы. В этот момент она думала, чтобы ни сказал Рудик, это не повлияет на их будущее. Девушка чувствовала, что он уже вручил ей свое сердце, возможно, это просто страхи. Он чего-то боится, но ведь это нормально.

Юля вымыла руки и, прислонившись к столешнице из мрамора, посмотрела на свое отражение в зеркале. Глаза горят от гнева. Вся эта ситуация с появлением эксперта и оценкой банка выбила ее из колеи. Она чувствовала, что подходит к финишу в рабочих отношениях с кланом Дорофеевых. Ворвавшийся в ее жизнь кипучий темперамент Ярика встряхнул Юлю от многолетнего сна. Она будто вновь обрела свободу, расправила крылья и вспорхнула с насиженного места. Пора двигаться дальше. Вот только куда? До возвращения Романа в лучшем случае год и как ей этот год прожить? А если просто уволиться, то умрет от скуки уже через неделю!

Как всегда Рудик оказался прав: Колин затеял свою игру и следит за ее передвижениями. И делает он это явно не с помощью банковской службы безопасности. Каков бы ни был интерес босса, он ни за что бы не допустил за ней слежку. Знал, что после такого Юля расвирепееет и тут же уйдет из банка. Юля скривилась в ухмылке и тут же написала сообщение Алексею.

«Мне нужна запись с камеры наблюдения в баре отеля. Узнай, с кем встречался американский эксперт».

Тут же пришел ответ:

«Принято!».

Закусив губу, Юля немного подумала и набрала новое сообщение:

«Сейчас он с блондинкой в ресторане. Пообщайтесь с ней позже о привычках американца. Мне нужно о нем знать все!».

«Принято!».

Глубокий вдох и выдох. Юля оценила свой внешний вид: уставшая, белки глаз покраснели от перенапряжения, щеки прорезали глубокие складки. На красотку она сегодня явно не тянула.

Ну что ж... пора включаться в игру. Рудик прав, она часть большого механизма и ей необходимо заняться тем, что входит в ее непосредственные обязанности – удерживать босса от опрометчивых решений и сомнительных сделок.

С решительным видом Юля выпорхнула в коридор и тут же налетела на эксперта, который поджидал ее у двери уже несколько минут.

– Ах! – вскрикнула Юля от неожиданности. – Так и зайкой можно остаться!

«Как хорошо, что я не позвонила Алексею, а написала сообщение. Разговор он бы точно услышал», – подумала она с облегчением.

Эксперт сразу пустил в ход очаровательную улыбку. Алкоголь и неформальная встреча вне банка придали ему более расслабленный вид. Мистер Ледышка ненадолго принял человеческий облик.

– Простите, не хотел вас напугать, – Колин внимательно разглядывал ее лицо. – Сейчас ваши глаза горят так же как бриллианты на вашем пальце.

Он нащупал кольцо. Немного покрутил его и явно намеревался снять, поэтому Юля одернула руку. Что за хамство?!

– Кольцо, несомненно, подходит к вашим глазам, но не отражает вашего темперамента.

– Вот как? – Юля дерзко вздернула подбородок. – И какой же у меня темперамент?

– Вы страстная, огненно-обжигающая, чувственная, азартная, местами безудержная и жутко ревнивая. Не зря вас называют Тигрицей.

– Охо, да у вас не глаза, а рентген!

– В моей работе проницательность необходимый навык. По лицам можно прочесть больше, чем в личном деле, – с довольным видом произнес Колин и снова улыбнулся. – Не нужно меня бояться, Юлия. Я предложил вам всего лишь дружеский ужин, как видите, любовницу на время пребывания в Москве я уже себе выбрал.

– Я за вас рада.

Коридор был узким, Юля шагнула в сторону, чтобы его обойти, но Колин прислонился к другой стене, тем самым снова преграждая ей путь. Юля метнула в него негодующий взгляд и предупредила:

– Осторожно, у меня черный пояс по каратэ.

– Точнее каратэ киокушинкай, и в отличие от Ярослава, который берег ваши чувства, я смогу отразить любое нападение.

Юля прищурилась. Несмотря на внушительную фигуру Колин двигался быстро, обладал отличной реакцией и легкой поступью. Она вспомнила совет Левы: «Всеми способами избегай драки, но если решилась, всегда наноси удар первой, не давая противнику опомниться». Сейчас ситуация была совершенно иная.

– И почему мы должны это выяснять прямо сейчас? – полупшепотом спросила она и заглянула ему в глаза. К ее удивлению карие глаза с зелеными вкраплениями излучали страсть и вызов.

Колин обхватил ее согнутые локти, прижал к себе, и Юлия почувствовала исходящий от него жар.

– Предлагаю помериться силами в честном бою и обещаю, что ноги ломать вам не буду, – в его тоне слышалась насмешка и Юля разозлилась.

Неизвестно чем бы все это закончилось, но в коридор заглянул Рудик и спросил:

– Юля, ты идешь? Родители заждались.

В зеркальном отражении Колин увидел, как за спиной ассистента замаячил телохранитель. Юля на подопечного не смотрела, она не сводила сверлящего взгляда с американского коллеги.

Появление Рудика и телохранителя заставило Колина отступить, чем Юля тут же воспользовалась. Осторожно обойдя эксперта, она поспешила к столику. Сердце колотилось так быстро, что казалось еще мгновение, и оно выскочит из груди. Кэмпбелл дразнил ее, раскрыл свою осведомленность о ее жизни и особо не камуфлировал свою слежку. Ответить тем же Юля не могла, и это ее бесило. Юля чувствовала себя, словно в информационной блокаде и это нужно было срочно исправить. В слежке за американцем Юля намеренно решила воспользоваться банковскими ресурсами, чтобы завтра вывести босса на откровенный разговор. Она встряхнет, как следует эту шайку-лейку и будет наблюдать, что из этого получится.

Разговор с родителями затянулся и, когда официант уведомил, что ресторан закрывается, они взяли еще бутылку красного вина и перебрались в лобби отеля на этаж с их номерами. Еще никогда родители не проявляли такой настойчивости и задавали вопросы о работе, о клане Дорофеевых и о личной жизни до примирения с Романом. Они потеряли дар речи, узнав, что Юля ждала Романа шесть лет и следила по вечерам за его окнами.

Когда Юля рассказала о Колине, Сергей предупредил:

– Будь с ним осторожна.

– Он ее не тронет, – вмешалась Алла. – У него к ней личный интерес.

Юля метнула в мать предупреждающий взгляд и Алла тут же осеклась. Впервые за последние десять лет дочь разоткровенничалась, и Алле не хотелось портить вечер.

Сергей сдался первым. Сославшись на жуткую усталость, он ушел спать, оставив мать и дочь наконец-то выяснить отношения. Но дальнейший разговор сразу не задался. Какой бы темы они не коснулись нарывались на подводный камень, который всячески хотели избежать – Романа. Алла пыхла, краснела от подавляемых эмоций, но надолго ее бушующего темперамента не хватило:

– Юльча, я знаю, ты меня ненавидишь за то, что я солгала и прошу за это прощения. Я и понятия не имела о том, как вы любили друг друга. Мне всегда казалось это похотью, в первую очередь с его стороны... И уж конечно я не ожидала того что ты будешь так долго страдать. Но ты должна знать, почему я его ненавижу...

Юля сжала кулаки и нахмурилась.

– Он слабак. В нем нет стержня. Только внешняя красота. Когда он был с тобой, то твоей силы духа хватало на двоих. Но после развода он стал тем, кем и был на самом деле. Ты ведь многого не знаешь. С тобой мы не общались, но с ним Сергей поддерживал связь. Когда Роман встал на ноги, Сергей заболел, а я брала дополнительные смены, чтобы хоть как-то прокормить семью. А он... приезжал к нам и хвастался новыми машинами, квартирами, часами. Наши дети недоедали, а он покупал своим подружкам бриллианты.

Юля знала, что первые большие деньги всегда кружат голову и ввергают человека в поток искушений. Она сама через это прошла, но из-за одиночества, которое предпочитала всем вечеринкам и выходам в свет направила свою энергию на создание идеальной внешности и пополнение гардероба.

– Мама, это его деньги и вам он ничем не был обязан.

– Как это не был? Юльча! Я растила его, так же как и тебя. Сидела ночами у его постели, когда он болел. Готовила еду, стирала его белье. Отказывала себе, но покупала ему одежду и обувь. Пока мы не уличили вас во лжи, я изо всех сил старалась быть ему хорошей матерью. И чем он отплатил? Враньем, обманом, подлостью. Доча! – Алла взяла руку Юли и прижала к груди. – Знаю, я тебе до сих пор ненавистна, но мое материнское сердце разрывается на части от мысли, что ты снова будешь с ним.

Юля одернула руку и вылила из бутылки в свой бокал остатки вина.

– Я десять лет пыталась жить без него. Нравится он тебе или нет, он моя вторая половинка. Мы не можем друг без друга.

– Хуже нет состояния, когда смотришь, как твой ребенок катится в пропасть, а ты не можешь до него достучаться, чтобы донести правду. Вот когда ты сама станешь матерью, поймешь меня.

– Возможно, мам, – Юля допила вино и отодвинула от себя пустой бокал. – Но это моя жизнь и мне решать с кем быть и когда. Я понимаю все твои страхи, и даже ненависть к Роману. Я все понимаю, но я люблю его и предназначенную чашу горечи выпью до дна. А что касается денег и то, что он вам не помогал, скорее всего, это был его способ мести. Так он реагировал на то, что вы забрали у него меня.

– Юльча, он хотел тебя отравить, – Алла заплакала, – я ненавижу его! Он что господь бог, решать, когда тебе умереть? Никогда я не смогу его принять как зятя, каждый раз, когда я его вижу, перед глазами встает вереница мрачных картин: как ты закрывалась в шкафу и не ела, отказывалась общаться и твой вой, когда я пыталась тебя вытащить из комнаты. Твой шрам. Твоя худоба, как у заключенного из Бухенвальда. Все это делал с тобой он.

– Нет мам, не он... – тон Юли смягчился. – Это делала со мной любовь.

На минуту они замолчали, Алла пыталась успокоиться и глубоко задышала. Юля боялась, что в состоянии матери может наступить ухудшение из-за стресса и решила хоть как-то смягчить ситуацию.

– Мама, с ним я так счастлива, что даже словами не смогу описать. Это как... – Юля посмотрела вверх и с мечтательной ноткой в голосе добавила: – Парить в небе... пребывать в Абсолюте... это безграничное счастье. Когда он рядом у меня будто вырастают крылья. Мне кажется, что нет ничего, с чем бы я не смогла справиться. Сама по себе я слабая, мама, это моя любовь делает меня сильной.

– Да, – согласилась Алла, но тут же парировала: – А что с тобой бывает, когда он делает тебе больно? Разве с этим состоянием ты можешь справиться?

– Мам, мне уже не пятнадцать лет. Я не наивный подросток, который страдает от запретной любви. Сейчас все по-другому.

– Нет в нем стержня... – продолжала гнуть свою линию Алла.

– Есть. Его стержень – я!

– Юльча, это тупик, – признала Алла. – Мы можем говорить хоть до утра, ты меня не переубедишь и сердце матери не обманешь. Я чувствую от него огромную опасность. Даже после того как ты мне рассказала о Ярике, я не могу себе представить ситуацию, в которой он делает тебе больно, но вот Романа я охотно могу представить в качестве душителя. Он вполне может тебя приревновать и покуситься на твою жизнь.

Признав правоту матери, что это действительно был тупик, Юля попрощалась и в сопровождении охраны покинула отель. Она сидела на заднем сиденье служебного «Бентли» и перечитывала письмо Романа, когда Алексей доложил:

– Кэмпбелл встречался с торговым атташе американского посольства.

– Зачем? – нахмурилась Юля и отложила ноутбук в сторону.

– Просил посодействовать в переговорах о покупке акций какой-то фармацевтической компании, принадлежащей кому-то из российских олигархов.

– Фамилию не удалось узнать?

– Нет. Его интересует не сам олигарх, а только эти акции. Девушка, что его сопровождала, сказала, что он сильно нервничал, когда вел переговоры и постоянно смотрел на часы.

– Удалось узнать какие у него слабости или особые предпочтения?

– Все в рамках. Ничего необычного. Она сказала, что он очень скован и не дает себе расслабиться даже в постели. Кэмпбелл отправил девушку домой сразу после того как наигрался, а сам ушел в кабинет и засел за работу. Ее провожала охрана, он так и не вышел с ней попрощаться.

– Трудоголик, – задумчиво резюмировала Юля и скривилась в гримасе.

Алексей заметил ее недовольство.

– Что, Юлия Викторовна?

– Он ведь ее нам сам преподнес, оставалось только бантиком обвязать. Знал, что мы будем рыскать и допрашивать. Так что...

– Думаете, он ее науськал? Ребята сказали, что она перепугалась не на шутку. На вопросы отвечала без задержки.

– Установите за ним слежку. Мне нужна его переписка, телефонные разговоры, короче мне нужно знать о нем все.

– Мы можем прослушивать его апартаменты, машину и кабинет. Шеф потребует отчета, на каком основании началась вся движуха.

Алексей говорил о главе службы безопасности, друге Саввы, а это означало, что Дорофеевы сразу узнают о том, что Юля вышла на тропу войны.

– Делайте официальный запрос на слежку.

Юля как раз выходила из машины, когда увидела быстро идущую к метро Самиру. Она плакала навзрыд и прикрывала рот рукой. Только что поваливший первый снег крупными хлопьями налипал на ее растрепанные волосы. Юля окрикнула ее, но Самира только ускорила.

– Догнать ее? – уточнил Алексей.

По реакции девушки Юля поняла, что Рудик все же набрался храбрости и рассказал о своем прошлом.

– Нет-нет... пусть бежит. Ей нужно побыть одной, – но вступив на первую ступеньку повернулась и посмотрела девушке вслед. – Пошли за ней кого-нибудь присмотреть, доведите до дома, но держитесь на расстоянии.

Алексей кивнул и открыл перед Юлей дверь.

Рудик встретил ее в гостиной. Вид у него был такой подавленный, что Юля не удержалась от тяжелого вздоха.

– Я видела Воробушка, – Рудик поднял на нее покрасневшие от слез глаза. – Бежала к метро. Зачем ты ее отпустил? Уже ведь за полночь.

– Это катастрофа, Юля. Не надо было мне ничего говорить. Пока я говорил, она не выдала из себя ни единого слова, только побелела. А когда уже засобиралась, сказала, что ей нужно все осмыслить и что пока мне лучше держаться от нее на расстоянии.

Отбросив сумку на журнальный столик, Юля села на диван рядом с Рудиком и осторожно притянула его к себе. Он положил голову ей на колени и сдавленно заплакал. За семь лет, что они общались, это было впервые. Даже когда его жестоко избивали, он не обронил ни единой слезинки. Поначалу Юля немного

растерялась, но потом взяла себя в руки. От его душевной боли щемило сердце. Юля гладила его по волосам и сквозь слезы приговаривала:

– Все наладится, вот увидишь. Мы команда. Мы сильные. Мы справимся. Никто и ничто нас не сломает. Я с тобой. А ты со мной.

Рудик обхватил ее колени и прижался еще сильнее. С каждой минутой его рыдания становились все тише... пока, наконец, не сошли на нет.

– Я рассказал ей все, – прошептал он, всхлипывая, – даже то, что тебе не рассказывал, – он поднял голову и заглянул ей в глаза. – Ты злишься?

– Нет, это же глупо. Самира тебе ближе, чем я.

– Про это и говорил твой Роша, – вспомнил Рудик и нервно усмехнулся. – А я все равно его к тебе ревную. Мне легче от того что он свалил, а я остался.

Юля поняла, что Рудик говорит это со зла из-за стресса. Он столкнулся с тем, что пережить в одиночку ему не под силу. Когда ты открываешься кому-то, то подспудно надеешься на понимание и поддержку, но бывают такие тайны, с которыми твоему окружению справиться невозможно. Поэтому зачастую они так и остаются нераскрытыми.

– Дай ей время, Рудик. Она только с виду такая хрупкая. Внутри она сильная и ради своего счастья сможет многое преодолеть.

– Она мне напоминает тебя. Хрупкая снаружи, стальная внутри.

– Самира любит тебя.

– Больше нет... ты бы видела ее взгляд... полный ненависти и брезгливости, будто она переспала с больным лепрой. В один миг я потерял девушку и ребенка.

– Ничего ты не потерял. Она сама позвонит. Ей нужно все это переварить.

– Я люблю ее, Юль...

– Боже мой! – Юля улыбнулась и погладила его жесткие пряди волос. – Ты уверен?

– Абсолютно.

– Ты не представляешь, как я рада это слышать!

Рудик сжал ее руку.

– Юлька, ты самый близкий мне человек. Ты – моя семья.

Несколько минут они сидели в тишине. В гостиной приглушенно играла музыка. Юля уже хотела уйти в ванную комнату и встать под спасительный душ, когда Рудик снова заговорил:

– У моей матери была младшая сестра, Роза. По рассказам родственников моя мать сильно уступала ей в красоте, – Рудик повернулся и взглянул Юле в глаза, – а моя мать очень красивая, поверь мне.

Видимо Рудик наконец-то решил рассказать ей то, что уже знала Самира. Поэтому Юля одобрительно похлопала подопечного по плечу и, приготовившись к длинному рассказу, вытянула ноги на пуф.

– Мать вышла замуж, когда ей было шестнадцать. В тех краях, где она выросла это норма. Отец был из богатой семьи. Симпатичным его даже с натяжкой не назовешь, но мать утверждала, что он был очень харизматичным и быстро завоевывал внимание женщин. Когда я появился на свет, родственники прислали для помощи Розу. Мать уставала, не спала ночами, я был еще тем подарочком, орал днем и ночью. У меня что-то было с желудком, все что я съедал, тут же выблевывал. Понятное дело ей было не до мужа и тем более не до сестры. Что происходило в доме, пока она была занята мной, выяснилось только после того как Роза сбросилась с крыши нашего девятиэтажного дома. Оказывается, мой папаша ее обрюхатил и запрещал кому-либо говорить. Настаивал на аборте, но Роза выбрала другой путь...

Юля тяжело вздохнула, воображение уже домысливало, что после такого происшествия чувствовала мать Рудика к своему мужу.

– Приехали родители матери, получили на руки результаты вскрытия и сложили дважды два. Но папаша упрямо шел в отказ. Не трогал, мол, девчонку, знать ничего не знаю. Только после похорон моя мать начала разбирать вещи сестры и нашла ее дневник. Там Роза все подробно описала, как он ее соблазнял, что говорил и что с ней потом вытворял. Отец только получил назначение в министерство и никому скандал был не выгоден. Как я понял, всех заткнули деньгами и все рассосалось, будто ничего и не было. Мои родители разошлись. Мы с матерью остались в той трехкомнатной квартире, а отец уехал в Москву. Он часто приезжал, чтобы увидеться со мной, выделял не хилые деньжата на наше содержание. Много лет в матери зрела потребность отмщения. Уж не знаю, как и

когда она задумала то, что потом со мной сделала, но так она расквиталась с отцом за свою сестру.

– Боже мой, – Юля не могла подобрать нужных слов, чтобы утешить Рудика. Да и что тут скажешь, остается только молиться, чтобы не попасть в подобную ситуацию.

– Я тебе никогда не говорил, но я навещал ее однажды в тюрьме, когда ты оформляла надо мной опеку. Помнишь, я сказал, что иду на день рождения к однокласснику с ночевкой?

Юля пожала плечами, он часто уходил к друзьям с ночевками.

– Я хотел задать ей только один вопрос, почему она выбрала в качестве отмщения собственного сына.

– И что она ответила?

– Сказала, что мой отец любил только меня, а ей хотелось ударить его побольнее. А потом добавила, что после разрыва их отношений у нее никого не было, это было условием их договоренностей. Если моя мать вышла бы замуж или начала с кем-то встречаться, то он бы прекратил выделять деньги на ее содержание. Это тоже ее злило.

– Ужас... – Юля помассировала лоб, после насыщенного дня и рассказанной Рудиком истории у нее разболелась голова. – Все равно это ее не оправдывает.

– Я знаю...

Рудик поднял голову с ее колен, выпрямился и тяжело вздохнул.

– Мать родила меня, когда ей еще не было семнадцати. Выглядела она очень молодо, больше походила на мою старшую сестру. Помню, что на собраниях в школе ей вечно говорили: «А когда придут родители, почему все время ходит сестра?». А я наоборот, был не по годам рослый. Когда я стал подростком мать начала меняться, – Юля вопросительно взглянула на Рудика и тот пояснил: – Начала одеваться как девчонка. Постоянно беззаботно шутила и смеялась. В ней было столько задора и непосредственности, что казалось мы ровесники. Потом она попросила меня называть ее по имени. Ей было безумно интересно слушать о моих школьных похождениях, о друзьях и девчонках.

– Ты все это говорил Альбине?

Рудик покачал головой и Юля зацокала языком. Как он справиться с этим, если не говорит о деталях своего прошлого даже специалисту?

– Однажды она меня застала за мастурбацией в ванне, мне тогда едва стукнуло двенадцать. Я сконфузился, покраснел. Было так стыдно, что я готов был провалиться сквозь землю. Но она отреагировала так, будто ничего не произошло. А на следующий день начала вести со мной странные разговоры. Мол, это нормально, не надо стесняться. Об этом не говорят, но все это делают, я спросил и ты тоже, она кивнула. Наши разговоры с каждым днем углублялись в эту тему, я ведь был подростком и мне было любопытно, а она охотно все разъясняла. Потом я рассказал, что ко мне клеятся девчонки, а я до сих пор не умею целоваться и мать сказала: «Не переживай. Я тебя научу». И даже тогда я ничего не заподозрил. Она все время говорила, что наши отношения будут отличаться от других семей из-за маленькой разницы в возрасте.

Волнение Рудика зашкаливало, он вскочил и стал нервно расхаживать по комнате. Юля сидела тихо как мышка, ей не хотелось слушать подробности его растления, но Рудик заговорил об этом после стольких лет молчания и она боялась сбить его с мысли, что бы не вызвать в нем негативную реакцию.

– После первого поцелуя с одноклассницей я понял, что целоваться с Лейлой, так звали мою мать, намного приятнее. Я стал заглядываться на нее, а она только поощряла это. Кокетничала, одевалась так, что я не мог пройти мимо нее без взрыва эмоций. Говорила, что это тоже нормально и даже зачитывала выдержки из книг, где было сказано, что каждый пацан проецирует свою сексуальность на мать. Что она его первый объект поклонения. Сейчас меня всего лихорадит от воспоминаний, но тогда... ты не представляешь, как я бежал к ней домой со школы...

Рудик закрыл лицо руками и стал громко всхлипывать. Юля окаменела. Что ей делать? Броситься к нему и успокоить? Или дальше молча слушать? После недолгих размышлений, она выбрала второе и терпеливо ждала, когда Рудик сам успокоится.

– Я обожал ее, Юля... – сквозь слезы выпалил Рудик, – даже боготворил. За ее нежность, веселость, находчивость и всепоглощающую любовь. На все у нее был готов ответ, она никогда не осуждала, не ругала меня, только незаметно

направляла. Она потрясающе готовила, если честно, то до сих пор я не встречал кого-то, кто бы так вкусно готовил. Она была для меня тогда совершенством.

Юля чувствовала, что должна что-то сказать, но нужные слова так и не пришли ей в голову. Сказывалась усталость и день полный стрессов.

– Она просила меня иногда помассировать ей шею или ноги, и я охотно выполнял ее просьбы. Мне приятно было до нее дотрагиваться. Мы говорили с ней всегда откровенно. Когда мне исполнилось тринадцать, я признался, что мой друг уже переспал с девчонкой старше его на пять лет. Вот тогда у нас все и началось. Она сказала, что ее кровать сломалась и несколько ночей нам придется спать вместе, пока ее не починят. Я согласился. В первую ночь она пришла в мою комнату, выключила свет и начала раздеваться. Занавески были не задернуты, а ночь такая лунная... я даже не скрывал, что смотрю на нее, а она взяла ночнушку, покрутила ее в руках, а потом отбросила в сторону...

Юля застонала и заерзала, продолжения она точно не выдержит. Рудик почувствовал это и скомкал свой рассказ до общих фраз.

– Короче с этого момента секс был почти каждый день...

– Господи... – прошептала Юля и замотала головой, еще раз сигнализируя подопечному, чтобы остановился. Это уже слишком. Зачем он вообще начал этот разговор? Теперь она точно не уснет. Юля решила округлить эту тему. – Как же все вскрылось?

– Мне было четырнадцать, когда в меня втюрилась девчонка из класса. Стала приходить ко мне домой. Я стал отвечать ей взаимностью, наивно полагая, что на наши с Лейлой отношения это не повлияет, ведь она не раз говорила, что я не должен отталкивать от себя девчонок. Однажды мы с одноклассницей зашли ко мне ненадолго после школы, я сказал, что приму душ, переоденусь и мы пойдем вместе к друзьям. Карина, так звали девушку, сидела у меня в комнате. Пришла мать. Мою подругу она не заметила, а услышав шум воды в душе, скинула одежду и зашла ко мне. Я даже не успел среагировать... Каринка вышла как раз из комнаты, чтобы поздороваться с ней и увидела, как мать вошла в ванную... голая... Она даже что-то успела мне сказать... типа, что в душе мы этого еще не пробовали...

Юля попыталась представить эту ситуацию и передернула плечами.

– Каринка убежала, рассказала своим родителям, те пошли в школу и все закрутилось...

– Какой ужас... представляю, что потом на тебя навалилось.

– Не представляешь, Юля. Никакого сочувствия или понимания я не увидел. На меня смотрели как на прокаженного... – резко выпалил Рудик и налил себе бокал вина. – Мне кажется, я никогда от этого не отмоюсь. Но знаешь, что я чувствовал первые месяцы?

Юля подняла на него глаза.

– Злость на Каринку. Я ее ненавидел за то, что разлучила меня с Лейлой. Я не мог спать, не мог учиться, не мог ни с кем общаться. Я тосковал до сумасшествия. Она мне снилась во сне. Меня к ней не пускали, я практически был под домашним арестом. За мной приглядывали родственники отца. Я умолял его не давать делу ход, но он меня даже слушать не хотел. Я отошел только тогда, когда отец сказал, что это была месть с ее стороны.

– Не думаю, что дело было только в мести, – сделала вывод из рассказа Юля. – Видимо у твоей матери было психическое расстройство.

– Альбина тоже так сказала, но эксперты что ее освидетельствовали, так не считали.

– Это мог сделать твой отец, чтобы выставить ее монстром в твоих глазах.

– Может и так... – сказал Рудик и скрылся за дверью своей спальни.

Как Юля и предполагала в эту ночь уснуть ей так и не удалось. Она вертелась и стонала. Перед глазами навязчиво всплывали сцены из рассказа Рудика. Теперь она еще больше переживала за его будущее, за их отношения с Самирой. Как вообще Рудик со всем этим справился? По мнению Юли это было чудом...

После утреннего заседания Юля словно попала в легендарный фильм «Семнадцать мгновений весны». Собрав папки со стола с аналитическими данными, она уже собиралась покинуть кабинет босса, как услышала знаменитую фразу: «А вас я попрошу остаться!». Если в фильме Мюллер Штирлица назвал по фамилии – хоть какая-то видимость уважения, – то в реальности старший

Дорофеев не удосужился даже уточнить, кого конкретно он просит остаться. Не удивительно, что повернулись сразу трое сотрудников, включая и Юлю. И только по холодному пристальному взгляду, который пробрал ее до костей, Юля поняла, что речь идет о ней. Причину такого арктического холода она знала – слезка за Кэмпбеллом.

– Что ты творишь?! – прокричал босс, сотрясая воздух руками, как они с Юлей остались наедине. – Хочешь сорвать мне сделку?!

Лицо Дорофеева покраснелось, вены на шее натянулись, как тросы при буксировке судна. Обычно Юля сразу начинала оправдываться, но сейчас ситуация была необычной и нужно было взвешивать каждое слово. Она прошла к бару и налила себе и боссу его любимый коньяк. Еще не было и двенадцати, такое поведение управляющей вызвало не просто удивление, но и замешательство. Протянутый стакан Дорофеев проигнорировал, но кричать перестал, понял, что у Юли есть весомое объяснение, иначе она бы вела себя по-другому.

– Плевать мне на вашу сделку, – таким же холодом обдала его Юля и залпом выпила коньяк. Терпкая жидкость тут же обожгла горло и приятно разогрела желудок. – На кону стоит ваш бизнес, ваш авторитет и ваши деньги. Хотите от всего избавиться и зарыться в сахарный тростник? Валяйте! Вы не мальчик, сами знаете что делаете... – Юля заглянула боссу в глаза, – Но мной манипулировать я вам не позволю. До вчерашнего дня я вас считала другом, нет... скорее отцом. Поэтому и вела себя соответствующе. Отцам, знаете ли, доверяют тотально. Но теперь каждый сам по себе.

– Что за бред ты несешь! – заорал Дорофеев.

– За каким чертом за мной следит ваш дружок американец?

– Кэмпбелл? – босс отпрянул. – Да ты ему не нужна и за миллион, особенно после того что я рассказал ему о Ярике и Романе.

– Он следит за моими передвижениями.

– Не выдумывай! Господи! Ляля! Ты что, помешалась?

Юля подробно рассказала о событиях произошедших накануне вечером. О разговоре с Кэмпбеллом в коридоре ресторана. О его недвусмысленных угрозах. О том, что удалось узнать от девушки, которая была с американцем. В

заклучении она поведала боссу о том, что ей самой удалось раскопать на просторах интернета и связать некоторые ниточки воедино.

– В прошлом году американская фармацевтическая компания «Astra Sciences» выпустила на мировой рынок опиоид блокирующий наркотики. За какие-то три месяца он стал популярным из-за потребности в болеутоляющих средствах и героиновой эпидемии. Рейтинг компании взлетел до небес. Акционеры получили громадные прибыли. Сейчас они заявили, что готовы представить свой новый продукт – лекарство от шизофрении. Эксперты дают позитивный отзыв и акции компании снова поднимутся на несколько пунктов...

– Как эти чертовы лекарства связаны со слезкой?! – взревел Дорофеев.

В кабинет заглянула его ассистентка, но он грубо ее прогнал.

– Колин охотится на акции этой компании.

– И?! – босс терял терпение.

– Мы с вами обладатели семи процентов этих акций!

Дорофеев тут же подсчитал и, уперев руки в бока, спросил:

– То есть ты хочешь сказать, что ты обладательница пяти процентов?

– Да, – Юля сложила руки на груди. – Вы просили купить для себя два процента. Я говорила, что можно брать больше, но вы побоялись. Я – нет.

– Так... Лялечка... – Дорофеев сел в рабочее кресло и потянулся за стаканом с коньяком.

Гнев сменился настороженностью, он судорожно что-то прокручивал в голове, и Юля поняла, что он знает то, чего не знает она.

– Ты хочешь сказать, что он вчера вел переговоры о покупке этих акций?

– Я хочу сказать, что в Москве четыре акционера с разными долями. Одного Колин окрутил еще будучи в Нью-Йорке. На второго выйдет через торгового атташе. Меня взял в обработку, считая, что сможет запугать или надавить. Не знаю, о чем думает его воспаленный мозг, но не на ту нарвался. А вас оставил на десерт.

Босс покачал головой.

– Считай что мои акции уже у него в кармане.

– Вы продали ему акции? – удивилась Юля. – Когда?

– Еще не продал... – Дорофеев допил коньяк и покрутил в руках стакан. – Но пообещал, если он даст положительную оценку для головного офиса.

– Тогда десерт – я!

Юля плюхнулась в кресло и уставилась на босса.

– Почему вы мне не сказали, что это тот самый американец, за которого вы хотели выдать меня замуж?

– А смысл? Что это изменило бы?

Юля глянула на него с укоризной и босс пояснил:

– Я собирался, но потом ты сказала про тест на родство, я понял, что твоя судьба уже решена, ты ведь с ума сходишь по брату. Да и не хотелось создавать между вами лишнее напряжение. Ведь он пробудет в банке еще две недели.

Дмитрий Юрьевич вскочил с кресла и подошел к окну. Несколько минут о чем-то думал, потом повернулся и с чувством выпалил:

– Не мог отвезти вчера от вас глаз. Какой же вы были бы красивой парой! Сначала Ярик, упокой господь его душу, все попортил, теперь твой братец.

Впервые Дорофеев вслух признал гибель сына, это был прогресс.

– Не начинайте, Дмитрий Юрьевич, – грубо одернула его Юля.

Босс вернулся в рабочее кресло, вытянул перед собой руки и сплел пальцы в замок.

– Я не знаю, почему Колин помешался на этих акциях! У меня он их покупает по рыночной стоимости. И я не знаю, за каким чертом он за тобой следит, но предпринимать ответные действия и тем более задействуя банковские ресурсы я тебе запрещаю. Не хватало, чтобы он подумал, что я ему не доверяю.

– За последние полгода я получала девять предложений о продаже этих акций и каждый раз отказывала. Я прикинула, что акции нужно продавать только после выхода лекарства от шизофрении. Оно уже заявлено как инновационное и дешевле аналога, которое дает кучу побочных действий.

– Ты думаешь, что это Колин делал тебе эти предложения?

– Возможно, – босс смягчился и Юля выдохнула. – Я просто хочу знать, что он задумал и почему ведет себя так агрессивно.

– Я поговорю с ним...

– И что вы ему скажете? Не приглашайте моего управляющего на ужин? Как это будет выглядеть? Он ведь будет отрицать про акции.

– Зачем ему это делать? Если он скупает акции, то зацепится за эту возможность. Ляля, он профессионал, дорожит своей репутацией, из приличной семьи. Кэмпбеллы завоевывали авторитет почти век назад, он не будет делать ничего такого, что разочарует его отца. Прежде чем его для тебя выбрать я следил за ним не один год. Уж у него-то точно нет никаких особых предпочтений. Вы как две идеальные половинки: оба амбициозные, трудоголики, богаты, умны, я бы даже сказал, неординарны, с конвергентным мышлением. Профессии выбрали в области финансовых услуг. Оба любите теннис и единоборства.

– А он знал, что вы хотите нас свести?

– Конечно, – босс размял затекшие пальцы и скривился, будто борется с суставными болями. – Я не хотел, чтобы это выглядело как сделка. Надеялся, что совместная работа вас сблизит. Мы обсуждали открытие филиала, согласовывали график. Он готовился к поездке в Москву полгода.

На мобильный телефон Юли пришло сообщение от Рудика:

«*Sos! 911*».

– Мне нужно идти.

Когда Юля уже подходила к двери Дорофеев стальным голосом напомнил:

– Не забывай, Ляля, о наших договоренностях, – Юля остановилась и обернулась. – Если ты выйдешь за него, твоя доля наследства сохраняется. А это в десятки раз больше тех акций, за которыми охотится Колин. Продай ему эти акции!

Юля скривилась в недовольной гримасе.

– Я не шучу! Ляля! Иди с ним на ужин и выложи все что узнала! А потом продай! Ту разницу, на которую ты рассчитывала я компенсирую из собственных средств. Слышишь?

Нехотя, но все же Юля кивнула.

– И еще... – Дорофеев встал и снова расположился у своего излюбленного места у окна, откуда он любил созерцать на столицу. – Я затеял многоуровневую игру и не хочу, чтобы ты мельтешила под ногами. Лес рубят – щепки летят. А у меня не просто вырубка леса, у меня сейчас лесопилка.

Рудик подждал Юлю в приемной Дорофеева. Не успела она выйти из кабинета, как он сунул ей свой телефон и еле слышно буркнул: «Читай». Юля вышла в коридор и прислонилась плечом к стене. Пробежавшись глазами по первым строчкам, она в недоумении подняла глаза. Такого напора она не ожидала. Автор статьи по полочкам разобрал и разнес в пух и прах ее деятельность. Факты были притянуты за уши, иногда даже намеренно искажены, но нужно было признать, результат был впечатляющим. Это были не сплетни и тихие перешептывания, коими она всегда была окружена. На этот раз по ее карьере нанесли весомый удар. Сомневаться уже не приходилось после этой статьи ее не только никто не возьмет на работу, но и предъявят обвинение правоохранительные органы. У Юли по коже пробежал мороз. Все чем она до этого была так увлечена – Колин, слежка, продажа банка, экспертная оценка и акции фармацевтической компании – отошло на второй план.

– Босс знает?

– Ему докладывают как раз в этот момент.

Теперь Юля поняла, почему заходила в кабинет ассистентка, хотя ее встреча с боссом после совещания еще не закончилась.

– Юля, – зашептал Рудик и, взяв ее под локоть, отвел подальше от приемной Дорофеева. – От службы безопасности я узнал, что сегодня утром несколько сотрудников в разных местах были атакованы журналистами из разных изданий. Кто-то мутит воду в стакане.

– Что их интересует?

– Не что, а кто, – многозначительно пояснил Рудик и сжал ее руку еще сильнее. – Все вопросы крутились вокруг тебя.

Юля выпучила глаза. Кто мог объявить на нее охоту? Или это как-то связано с пресловутой лесорубкой босса?

– Кому есть до меня дело? Все знают, что я ничего не решаю. Я просто нанятый управленец.

– Тут одно из двух: либо копают под тебя, и тогда это твой дружок Артем, либо через тебя хотят добраться до Дорофеева, и тут уж греха не оберешься. Его враги с твоими не сравнятся.

– Это не Артем, не его уровень, а кто-то посильнее. Тем более Артем сам мне намекнул, что вскоре меня разделяют под орех, а он будет наблюдать со стороны и злорадствовать.

В последующие две недели Юля отбивалась от журналистов и различных комиссий, которые проверяли подлинность тех или иных упомянутых прессой фактов. Публикации набирали обороты, будто тот, кто их инициировал только входил во вкус и не собирался останавливаться на достигнутом. В последние дни она уже не отвечала сама на звонки мобильных телефонов и не выходила из банка даже чтобы переночевать в квартире. Спала в апартаментах Саввы, куда каждое утро Рудик привозил ей тщательно подобранный гардероб.

Колин не отходил от Юли ни на шаг. Мало того что он завладел ее рабочими часами, так теперь они вместе завтракали, обедали и ужинали. Каждый раз Колин ловко находил предлог совместить рабочий разговор с употреблением пищи. Когда еще публикации в прессе не набрали обороты, он пару раз напросился к ней в гости. Даже поехал в дом, который присмотрела Юля для родителей, и ходил следом за ней по комнатам с такой гримасой на лице, будто сам его покупает.

Из-за того что они редко расставались в банке их прозвали «Твикс» или «Сладкой парочкой». Кто-то слил эту информацию прессе и к концу недели их уже буквально попятам преследовали журналисты. Заметив «засаду», Колин всегда сжимал ее руку или закрывал собой, стараясь скрыть ее лицо от настойчивых вспышек фотоаппаратов. Но журналисты как кислота просачивались во все двери и даже умудрялись подбежать к их столику во время обсуждения какого-то спорного вопроса и сделать несколько снимков, пока разозленный Колин не вызывал охрану или менеджера ресторана. Никто не давал журналистам информации об истинных отношениях коллег и правду домысливали сами издания.

– Мистер Кэмпбелл спрашивает, может ли он к вам зайти, – послышался в интеркоме голос Галины.

«Когда это ему нужно было мое разрешение?», – Юля еле сдержала раздражение.

– Пусть войдет.

Юля только что закончила просмотр утренней прессы и нашла две новые публикации. По версии одного издания вчера влюбленные голубки спорили за завтраком после жаркой ночи. Другое издание оповещало своих читателей о предстоящем отпуске «Сладкой парочки». Юля поняла, что от зорких глаз репортера не укрылась брошюра об отдыхе на греческих островах, где она планировала провести их с Рошей свадьбу.

Самым странным во всей этой ситуации было молчание Колина, а когда его подлавливали журналисты с очередным вопросом об отношениях с Юлей, он лишь загадочно улыбался и говорил: «Без комментариев». Так улыбается мужчина, когда не хочет афишировать своими только что начавшимися отношениями, но не может скрыть переполняющих его чувств.

Дверь открылась и в кабинет вошел Колин. Застав ее за изучением прессы, он скривился в довольной улыбке и спросил:

– Ты идешь сегодня с боссом на юбилей бизнес-клуба?

– Не знаю, от всей этой шумихи и проверок он в полном раздрайве и, скорее всего, не пойдет.

– Может, тогда поужинаем у меня? – Колин навис над ней и сверлил пристальным взглядом. На этот раз в его глазах не было ни теплоты, ни интереса. Он будто всем своим видом подчеркивал, что они друзья, коллеги и ничего более.

– Тебе незачем меня обхаживать, – Юля показала на экран, где была выведена очередная статья об их якобы стремительно развивающихся отношениях. – В прессе и так уже девятый вал. Если ты боишься, что я передумаю на счет акций, то зря. Я же дала обещание, а от своих слов я никогда не отказываюсь.

– Так ты думаешь, что я кручусь вокруг тебя из-за акций? – Колин был искренне удивлен. – Ты ошибаешься. Помимо бизнеса мне приятно с тобой проводить время. Прости, если показался тебе слишком навязчивым, – он приложил руку к груди в области сердца. – Завтра я улечу, и твоя жизнь снова войдет в привычные рамки.

От этой мысли на сердце Юли пролился бальзам.

«Скорее бы наступило это завтра!».

Ей еще предстояло объяснить все эти публикации Роше, который отреагировал на «ее новый роман» слишком болезненно. Вопрос о его пребывании в монастыре еще решался, а пока он проживал там как гость и имел доступ ко всем средствам связи и интернету. Юля отправила ему длинное письмо с подробными объяснениями, но именно эти старания и взбесили Романа.

«...слишком много слов, моя дорогая! Ты будто изо всех сил пытаешься убедить в этой правоте не только меня, но и себя...» – написал в ответ Роман.

Письмо получилось сухим и отстраненным. Юля чувствовала его раздражение. Когда-то он сказал, что единственное, что может встать между ними, это ее измена и Юля очень беспокоилась за их отношения. Был бы он рядом, этого недоразумения можно было бы избежать, но огромное расстояние между ними, ее постоянная занятость и недоступность по телефонам подталкивали Романа домысливать ситуацию по собственному сценарию.

Колин взял со стола фотографию Романа.

– Понимаю, почему ты его полюбила. Он красивый, особенно глаза, – подметил Колин и небрежно забросил фоторамку в верхний ящик стола. Юля попыталась вернуть рамку на место, но он сел на стол и загородил ногой ящик. – Когда я с тобой, ему здесь делать нечего.

Юля фыркнула.

– Колин, не наглей, – буркнула она и отпихнула его от стола. Открыла ящик и поставила фотографию на прежнее место.

Это было удивительно, но Колин ни разу не спросил, где ее жених и Юля пришла к выводу, что босс рассказал ему всю историю в подробностях.

– Так что на счет прощального ужина? Обсудим твои перспективы в компании. Дам тебе парочку советов и поделюсь Гарвардским методом ведения переговоров.

– Стратегия win-win¹⁰? Я и без тебя ее знаю, – Юля закатила глаза. Да за кого он ее принимает?

---

¹⁰ Стратегия Win-win или Гарвардский метод заключается в том, что побеждая, человек не оставляет других партнеров проигравшими, а все соперничающие стороны выходят из ситуации победителями.

– А я докажу что не знаешь, – Колин поцеловал ее руку и направился к двери. – В десять? Не слишком поздно? Надеть то белое платье, что тебе вчера купил Рудик.

– Откуда ты знаешь о платье?

– Don't be late¹¹! – промурлыкал на ходу Колин и покинул ее кабинет.

Юля бросила на свое отражение в зеркале последний оценивающий взгляд и вышла из гардеробной. На телефон поступило сообщение от Колина.

«Ужин готов. Десерт в духовке. Скажи, что ты уже выезжаешь, иначе я захлебнусь слюной».

Юля усмехнулась. Он сам готовил ужин? С ума сойти!

«Буду в десять».

Поддерживая длинный шлейф белого облегающего фигуру платья, Юля спустилась по лестнице на первый этаж и столкнулась в холле с Рудиком. Лицо его было белым как полотно, и Юля не на шутку перепугалась.

– Что-то с Самирой?

– Нет, слава богу. Мне только что внизу передали для тебя посылку, – Рудик протянул ей плоский сверток, который вскрыла охрана. – У меня плохое предчувствие.

Это оказался CD-диск. Юля покрутила его со всех сторон. Подписи нет.

– Когда это пришло?

– Никто не знает, обнаружили на столе консержка с пометкой «Для Юлии Дубровиной» и все. Не нравится мне это.

Взглянув на часы, Юля закусил губу, ей уже нужно было выезжать, Колин не любил когда она опаздывала. Но диск не давал ей покоя. После минутного размышления Юля прошла в кабинет. Рудик скинул куртку и последовал за ней.

Когда ноутбук был загружен, она вставила диск. На нем оказался единственный видео-файл. Нажав на воспроизведение, Юля села в кресло. От волнения вспотели ладони, и она потянулась за салфеткой. На экране появилось изображение, Юлю окатило холодным потом. Артем Власов. На нем была

---

¹¹ Don't be late (англ.) – Не опаздывай.

клетчатая фланелевая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Бледный, осунувшийся и злой. Он сидел в кресле, на фоне стены с полосатыми обоями.

– Привет, Рыжая Юла. Видел тебя как-то на юбилее у родственника, хотел поприветствовать, – Артем потер подбородок, – но твой бывший женишок вмешался. Полез в драку и не дал мне к тебе подойти.

Рудик сжал Юле руку.

На записи Власов поддался вперед и сложил руки в замок. Юля видела, как он нервничает.

– Времени у меня мало, так что сразу к делу. Полгода назад на меня вышел один чел. Расчетливый, умный, осторожный. Я ему сразу кликуху Мориарти дал. Три ха-ха! Черт его знает, как у него мозги работают, но браво, – Артем манерно похлопал, – снимаю, так сказать, перед ним шляпу. Подманил меня ловко и наобещал всего, что я хотел. Этот злобный гений был зациклен на тебе. Тогда он мне всех своих планов естественно не раскрыл, иначе я бы отказался. Он сказал, что хочет отомстить тебе, типа ты его кинула, и тут я с ним был солидарен...

– О ком это он? – Рудик сел на диван.

– Понятия не имею, – пожала плечами Юля и жестом дала понять, чтобы Рудик ее не отвлекал.

– ...Его интересовало о тебе все... буквально все. Начиная с самого детства. Я все ему выложил, как на тарелочке. Взамен он был щедрым, я даже поправил свои дела. Мы тебя обложили со всех сторон. Вели слежку в доме, в офисе, в машине. Даже перекупили пару твоих телохов. Потом случилось то, что этот гений никак не ожидал. Ты снюхалась с младшим Дорофеевым, да еще и залетела.

Юля передернула плечами, слышать это от Власова было неприятно. Будто он марает память ее народившегося ребенка.

– Этот крендель сразу взял тебя в оборот, сменил охрану и наши люди вылетели как пробка из-под шампанского. Что-что, а нюх на изменку у него работал как надо. А потом вы все там с катушек слетели, – Артем скривился в ухмылке, – прямо подарок с небес и братца твоего не надо было убирать, он сам с дороги убрался.

Юля и Рудик переглянулись.

– Оставался Ярик. Мориарти его сам трогать не хотел. Типа чистенький. Я ему и стрелка нашел и фраера, что брался за «несчастный случай», но наш гений простых путей не искал и разработал умопомрачительный план. Подобрались мы к нему через его телку, что он за собой таскал, – Артем с издевкой усмехнулся. – Как ты с ним связалась? Он же больной был на всю голову, – Власов шмыгнул и утер нос рукавом рубашки. – И тут твой Ярик сваливает. Я на дыбы, а Гений говорит: «Это супер! Пусть». Типа нам еще лучше. Батяни и братца рядом не будет. Так и произошло. Не знаю как уж он там на рычаги нажимал, но девка сработала как по нотам. А женишок твой, – Артем хмыкнул и брезгливо сморщился, – в последний момент заартачился. Дом с телкой поджег, а сам с криком «А жизнь все равно победит!» в горячей одежде выскочил и сиганул в бассейн...

Юля вскрикнула и закрыла рот рукой. Это были ее слова, так она сказала, когда они гуляли по кладбищу в Гаване. Рудик ругнулся, вскочил и сжал ее плечи.

На телефон поступило еще одно сообщение от Колина и Рудик нажал запись на паузу.

«Где ты? Охрана сказала, что ты еще в квартире! Опаздываешь! Все остывает!».

– Колин, – вздохнула Юля. – Вот неймется ему... зачем я согласилась на этот чертов ужин?

Юля нервно напечатала ответ, мол, задержусь на полчаса, неотложное семейное дело. Рудик оставил ее слова без комментариев, тяжело вздохнул и включил запись.

– ...Но и тут наш Гений подстраховался и за пару дней до пожара воткнул в службу своего человечка. Вот он дело и закончил, а после назад к подружке подкинул. Три ха-ха! Ох! Поржал я тогда...

– Сука, – застонал Рудик. – Я знаю, про кого он говорит. Лысый мулат с татуировкой кинжала на запястье, он как раз появился на вилле накануне пожара.

– ... к концу моей записи я приложу фрагмент видео, на котором твой бывший женишок бросается в горячей одежде в бассейн. Я мог бы выслать эту запись твоему боссу, но ты уже, наверное, в курсе, что этот гундос сделал с моей теткой...

Юля даже пошевелиться не могла, перед глазами стояла описанная Власовым картина. Бассейн... тот самый, рядом с которым Ярик лежал в лучах заходящего солнца в их последний разговор.

– Следующей стадией был твой братец. Но он падла куда-то чухнул и мы долго не могли найти его следов, а когда он снова появился, то был уже не опасен и Гений отступил. Правда, потом пожалел, что дело до конца не довел. Живучий же этот гад Воронцов. Гундос-виртуоз!

– Надо связаться с Рошей, – Юля вся дрожала.

Рудик набрал с ее телефона номер Романа. Шли гудки, но трубку никто не брал. Пальцы Рудика быстро набирали сообщение.

– Как только твой братец уехал, Мориарти перешел к реализации собственного плана и вот тут-то наши дорожки разошлись, – Артем щелкнул пальцами, – я стал лишним. Много знаю. И он решил меня убрать, – он расстегнул рубашку, Юля увидела на животе окровавленный пластырь. – Да не вышло. Он же не знал, что я в броннике хожу. Осечка. Надо было в голову, а этот пентюх шархнул в живот. Лошара! Я тебе это показываю не чтобы сочувствие вызвать. Мне твое сочувствие до лампочки, стерва! Хочу, чтобы ты знала, что он делает с теми, кого считает отработанным материалом.

Рудик нажал на паузу.

– Юля, что ты ему сделала, что он тебя так ненавидит?

– Знать бы! – гневно выпалила Юля и кивком показала, чтобы Рудик снова включил запись. – Может, скажет... окажет милость...

Пальцы Рудика стукнули по клавиатуре и видеозапись «оживила».

– Я быстро смекнул, что надо сваливать, – продолжил вещать с экрана Власов. – Переправил семью в безопасное место и сам затаился. Но без баблосов я долго не продержусь. Так что слушай меня внимательно, Юла! Переведешь на мой счет лимон евро и поучишь все доказательства причастности Мориарти к смерти Дорофеева, – Власов потер шею, – и не только... будет там тебе полный набор. Все его делишки. Есть запись разговоров с его папочкой. Из них все мотивы вытекают. Сразу понятно, что да как... Я долго не мог въехать, чего он на тебе зациклен, ведь у него полно баб, а ты даже не в его вкусе. Оказалось, что твой босс по тупости раскрыл ему свой план развития и захвата финансового

рынка в России и двух островных государств. Ему тебя пообещали преподнести на блюдечке с голубой каемочкой, как часть сделки. Самый Дорогой Актив – так тебя назвал твой босс. Вот Гений и побежал к своему папочке хвастаться. Не удержался! Три ха-ха! А папочка по жизни сынка не кнокал и тот всегда искал его одобрения, даже по телефону можно было различить, когда он с ним говорит...

Юля напряглась всем телом. Колин! Его разговоры с отцом всегда отличались излишней любезностью и взволнованностью. Он потел, бледнел и почти не дышал. После разговора Колин долго не мог прийти в себя. Часто уходил в другую комнату или убежал в туалет.

По выражению лица Рудик понял, что Юля уже знает о ком идет речь.

– Не томи! О ком, черт возьми, он говорит?

– О Колине... – еле слышно отозвалась Юля.

– Что? – Рудик застонал и обхватил голову руками. – Черт! А он так мне нравился! Я прямо фанател от него!

Успокоившись, он включил запись и взглянул на Юлю. По ее щекам ручьем текли слезы.

– ...Открывшиеся перспективы папочке понравились, он возбудился как никогда. Семейка даже составила план и сынуля воодушевился. Впервые папочке угодил. Умора, циркачи еще те! – Власов хохотнул. – И как же объяснить потом папаше, что весь грандиозный план полетел в тартарары из-за того что ничего не подозревающий Самый Дорогой Актив связалась с бывшим боксером и залетела. Поэтому он и перешел к расчистке территории. Ты уже и сама догадалась о ком я толкую. Всегда умной была... сука... Если бы меня нужда не заставила... ох как бы я на тебе оторвался. Я годами вынашивал план мести. Но... видишь, как все обернулось.

Рудик набрал номер телефона Левы, но трубку опять никто не взял. Тогда он выслал ему такое же сообщение, как и Роману.

– А теперь я сижу и молюсь, – продолжил на записи свой монолог Власов, – чтобы ты, сука, этот диск получила до того, как он свой план до конца довел. Три ха-ха! Если я опоздал, то ты уже начиненная химией летишь в Штаты. В банке он, конечно, скажет, что ты уехала на стажировку. Но на деле он приготовил уже тебе хрустальный домик с каретой и охраной. Так что будешь

жить как королева, вот только одно плохо: не будет у тебя больше свободы выбора. Он будет твой бог и царь. Но, а если ты еще не успела на ваш последний ужин, то дам тебе совет: ничего не ешь, ничего не пей. Компания, за акциями которой он носится, разработала один очень интересный препарат подавляющий волю. Он продемонстрировал мне его в действии. Мечта насильника. Жуть...

Артем прочистил горло и скривился от боли. Посмотрел куда-то поверх камеры и заговорил уже другим более деловым тоном.

– Так-так-так... больше времени нет, – он размял шею. – Переводи баблосы. Какая гарантия, спросишь ты? Хочу видеть эту гниду в российской тюрьме! Там я до него и доберусь. Нет... ты не думай, я его не завалю, но петушком он у меня запоет! А не захочешь с евриками расставаться... дело твое... я найду, как деньги получить, а ты так и не узнаешь, каким образом он твоего братца решил завалить. Ему надоело, что он вечно маячит перед глазами. Если он уедет, со Штатов ты его не вытянешь. Бери его сейчас! Даю тебе время до утра. Потом сам с ним расправлюсь. Я буду отслеживать пополнения счета и никакой торговли. Поэтому никакой связи, только счет.

Власов прочитал по бумажке номер счета и запись закончилась. Затем щелчок и на экране показалась та самая запись, на которой Ярик в полыхающей одежде выбегает из объятых пламенем гостевого домика и с криком бежит к бассейну. Снимали из дома и тот, кто снимал, быстрыми шагами приближался к двери на патио. Ярик выплыл на поверхность, встряхнул головой, выплюнул воду и поплыл к бортику. Убийца осторожно открыл дверь. В кадр попала рука с татуировкой кинжала на запястье. Затем экран погас.

Несколько секунд Юля сидела, задержав дыхание. Потом вскочила и побежала в холл, набирая на ходу телефон босса.

– Рудик! Вышли мне на почту это видео!

Пока Юля и Рудик бежали через вестибюль, секьюрити доложили, что Дорофеевы все-таки поехали на юбилей бизнес-клуба. Сейчас идет торжественная часть и по протоколу мероприятия никого из охраны внутрь здания не пускают.

Глава службы безопасности пытается прорваться через кордон и оповестить босса, но на это уйдет время.

– Ты понимаешь, что едешь в логово зверя без поддержки? – истерично заверещал Рудик, садясь в машину рядом с Юлей.

Служебный «Бентли» отъехал от подъезда и вклинился в поток машин.

– У нас нет другого выбора. Дорофеевы недоступны. Время на исходе. Я сама могу заплатить Власову.

– Ты с ума сошла? Что ты будешь делать с этими доказательствами, если они вообще есть на белом свете. А что если миллион евро и есть цель? Ты об этом подумала?

Юля закусила губу, да, ей такая мысль тоже приходила в голову.

– Я рискну. На кону жизнь Роши, – безапелляционно выдала Юля, напряженно всматриваясь в образовавшуюся впереди пробку.

– Может Колин вообще ни при чем! Власов мог сам технично перевести стрелки на американца, чтобы отвезти от себя удар. Ты сейчас дашь ему деньги и поминай, как знали. Этой суммы ему до конца жизни хватит. Будет попивать текилу на пляже и потешаться над тобой.

– Рудик, другого выхода нет. За деньги не переживай. Мы отследим платеж, найдем Власова и вернем деньги. Он еще в России. Раз он дал нам время до утра, значит, его люди будут наблюдать за Колином. Он где-то поблизости, я уверена.

– Мне бы твою уверенность! – проворчал Рудик и потянулся к зазвонившему телефону.

Юля слушала разговор вполуха. Рудик переключился на звонок приятеля, мать которого работала несколько лет назад в Русском посольстве в Китае. Юля понимала, что Рудик старается задействовать как можно больше контактов, чтобы найти Романа. Липкое неприятное предчувствие сдавило грудь. Ей казалось, что смерть в очередной раз уже протянула к ней свою костлявую руку и вот-вот схватит за горло. Знать бы заранее за кем она пришла на этот раз, за Рошей или за ней самой.

Как только машина добралась до дома Колина, Юля, не дожидаясь телохранителя, сама открыла дверь и выпорхнула наружу. По договоренности

Рудик остался в машине и продолжил бомбардировку телефонов босса и Саввы. Он выслал им видео и ждал реакции. Юля взяла с собой только Алексея и по пути к апартаментам подробно его проинструктировала. В глубине души она была уверена, что ей самой ничего не грозит. Для чего-то она нужна Колину. Но противник он был опасный, его нельзя было недооценивать.

– Воткните это в ухо, – Алексей протянул ей беспроводной мини-наушник.

Пока лифт поднимал ее на двенадцатый этаж, Юля активировала телефон по отпечатку пальца, вошла в программу банк-клиент, набрала номер счета Власова и подтвердила оплату. Да, она сильно рисковала, платеж мог зависнуть, Власов мог ее обмануть и доказательства могли быть не пригодны для возбуждения уголовного дела. Либо пан, либо пропал. Юля сделала ставку. Теперь она в игре.

Двери лифта распахнулись. Юля и Алексей вышли в коридор. Дрожащими руками она набрала номер телефона Рудика и, услышав его голос, сказала:

– Я вхожу. Телефон не отключаю. Если будет сбой, перезвонить не смогу, поэтому просто отслеживай геолокацию, – Юля повернулась к телохранителю. – Если я спрошу Колина, нет ли у него таблеток от головной боли, значит, я в опасности. Вытаскивай меня.

Не успела Юля дотянуться до звонка как дверь распахнулась и Колин обрушил на нее свое недовольство.

– Все остыло! А я, между прочим, простоял у плиты целый час! Ты хоть знаешь, как трудно было достать все ингредиенты в вашей чертовой России! Пришлось подключать друзей из посольства!

На нем были черные узкие брюки и бардовая рубашка с закатанными рукавами. Волосы тщательно уложены.

Юля подняла на него растерянный взгляд и выдала заготовленный ответ:

– Прости, мне жаль. Но сегодня мой жених не вышел на связь в назначенное время, и я весь вечер пыталась до него дозвониться...

– Жених? – Колин поперхнулся, откашлялся, жестом дал ей знак войти и помог снять пальто.

Но когда Алексей хотел последовать за ней, он запротестовал.

– Нет! Секьюрити на нашем последнем ужине точно не будет! – он нахмурился и повернулся к Юле. – Прикажи ему остаться в коридоре.

– Но... – попыталась возразить Юля.

– Никаких «но»! Борис! Тебя тоже это касается.

В холл из гостиной вышел широкоплечий брюнет, Юля узнала в нем служащего банка. Видимо Дорофеев прикрепил его к Колину на время его пребывания в Москве.

– Все вон! – повторил Колин с нетерпением.

Интуиция подсказывала Юле, что ей нельзя оставаться без охраны, но ситуация складывалась так, что если она начнет настаивать, то Колин что-то заподозрит и может исчезнуть.

Когда они с Юлей остались наедине, Колин прошел на кухню и начал греметь кастрюлями.

– Вообще-то я не голодна, – сказала она, встав на пороге кухни.

– Отлично! Значит, все это было зря!

Он отшвырнул посуду, послышался металлический звон. Юля вздрогнула. Часть еды оказалась на полу. Колин повернулся к ней с горящими от гнева глазами и закричал:

– Почему ты опоздала?!

Юля нахмурилась. Обычно Колин сдержан, а в критических ситуациях всегда мобилизуется и действует четко и слажено.

– Я же сказала, Колин. Почему ты на меня кричишь? – Юля прикладывала титанические усилия, чтобы не взорваться от негодования и не вцепиться ему в горло. – Мне вообще не нужно было соглашаться на этот ужин.

Она сделала вид что обиделась и надула губы. Колин мгновенно остыл и схватился за голову.

– Прости... я перенервничал. Думал, ты уже не приедешь...

Юля пожала плечами.

– И что? Всякое могло случиться... поговорили бы по телефону или через видео-звонок по Skype.

– Всякое? – он усмехнулся. – Только не сегодня...

Его лицо окаменело. Глаза снова стали холодными, будто Юля сказала что-то такое, что заставило его взять себя в руки и стать прежним Колином, которого она видела предыдущие две недели. Минуту они оценивающе смотрели друг на друга как соперники на ринге. Затем Колин засыпал кофейные зерна в кофемолку и кухню наполнил громкий вибрирующий звук.

Юля услышала звук откатившейся двери платяного шкафа, но не успела обернуться, как кто-то схватил ее сзади мертвой хваткой и зажал рот. Она мельком успела разглядеть смуглую руку и часть татуировки – рукоятка кинжала. Она почувствовала укол в шею и тут же обмякла, все слышала и видела, но тело ее не слушалось. У нее вырвали из рук телефон и бросили в вазу с цветами. Послышался булькающий звук. Ее тщательно обыскали. Из уха вытащили мини-наушник. Затем протащили ее через всю гостиную и занесли в спальню. Там перед ней предстала женщина в точно таком же платье как у нее. Сидя перед трюмо, женщина надевала рыжий парик. Колин снял с Юли туфли и вручил их незнакомке. Она быстро надела и встала наизготове.

– Начинаем, – скомандовал Колин и вышел в холл.

Женщина надела черные очки и вышла за ним следом. Послышалась перебранка. Это была часть их спора в кабинете босса, которая возникла пару дней назад на совещании. Видимо Колин записал их разговор на телефон. Затем хлопнула дверь и голоса стихли. Через пару минут все тот же незнакомец взял Юлю на руки и понес к двери. Ее вынесли из апартаментов и занесли в соседнюю квартиру. Краем глаза Юля заметила схожую обстановку. Послышались голоса... женский и мужской. Говорили на английском языке. Ее положили на диван, чьи-то холодные как лед пальцы нащупали пульс на шее. Глаза Юли были направлены в потолок. Она пыталась перевести взгляд на окружавших ее людей, но все тщетно. Слюна попала в горло, и она почувствовала сильный спазм. Мелькнуло мужское лицо. Мулат. Лысый. Она вспомнила Ярика, горящий гостевой домик, бассейн. На глаза хлынули слезы. Женщина попросила повернуть Юле голову на бок и приоткрыть рот, чтобы стекала слюна.

Как же Юля просчиталась! Недоценила масштаб действий Колина. Когда ее вынесли из квартиры, Алексея в коридоре не было, видимо он пошел за той женщиной, думая, что это она. Теперь одна надежда на Рудика. Он-то уж должен

догадаться, что Колин совершил подмену. Но что он сделает? Вызовет полицию? Даже если они приедут, в квартире Колина ее уже нет.

Юля вспомнила слова одноклассника: «Если я опоздал, то ты уже начиненная химией летишь в Штаты». Значит, вот какой следующий шаг Колина. Она больше никогда не увидит Рошу! Неужели тот поцелуй, который Роша назвал последним и был таковым?

Без Неба ей не жить... Это конец!

Сквозь звуковой заслон пробивался какой-то шум. Кто-то скандалил. Мужские голоса. Говорят на английском языке. Один из мужчин Колин. Юля прислушалась. Он говорит с отцом по громкой связи. Просит вытащить его из передраги, но отец отказывает. Судя по разговору, сына он недолюбливает.

Юля почувствовала боль в груди, будто на ней всю ночь отплясывала дюжина танцоров. Она открыла глаза и осмотрела комнату. Голова все еще была неподвижна, но вот глаза, похоже, пришли в норму. А еще она теперь могла глотать.

Видимо ее переносили. Это спальня, а отключилась она в гостиной. Комната небольшая, кровать, тумбочка, комод. Все новое, дорогое и модное. Кто-то сидит в кресле, но лица не видно. Фигура хрупкая. Женщина?

Снова крик. Колин о чем-то просит и снова отказ. Колин чертыхается, что-то швыряет об стену. Металлический звон. Затем заглядывает в комнату.

– Она очнулась?

Юля тут же закрыла глаза.

– Нет, – послышался женский голос. – Но скоро очнется. Так что будь рядом. Если расчеты правильные, то меньше чем через час наступит ослабление действия препарата, она уже сможет двигаться и говорить.

– Вколи еще.

– Нельзя, у нее может остановиться сердце. Я и так уже дважды ее откачивала.

Юлю осенило. Так вот почему у нее болит грудь, ей делали искусственное дыхание! Кто это женщина? По-русски она говорит почти без акцента.

– Мне нужно время!

– У тебя были две недели! – взорвалась женщина и вскочила на ноги. – Я просила тебя помочь с акциями, ты согласился! Остальное меня не волнует! Под это я не подписывалась!

– Я все улажу!

– Нет, Коля! Хватит! Остановись! Это уже на грани мании. Оставь ее в покое и живи дальше.

– Нет, я не могу, – голос Колина дрогнул. – Не могу уехать без нее. Я так близко, остался последний шаг и я у цели.

– Ты сам сказал, что с ее счета ушел миллион на выкуп информации о тебе, а раз так, то доказательства уже в руках полиции. За тобой будут охотиться.

– У меня еще есть шанс уехать. Есть. С минуты на минуту я жду звонка.

– Да пойми ты, она любит своего брата. Отступи, насильно мил не будешь.

Колин сел на кровать и нежно провел по щеке Юли. Она поблагодарила бога за то, что тело сейчас ее не слушалось, иначе бы двинула ему так, что с кровати слетел... и не узнала бы, что ему от нее нужно. А так хоть есть шанс.

– Оставь нас.

Женщина вылетела из комнаты и захлопнула дверь.

Колин лег рядом с Юлей и сплел их пальцы. Повернул к себе ее голову и поцеловал в губы. Юлю обдало холодом. Что он задумал?

– Я знаю, ты меня слышишь, твои веки дрожат. Открой глаза, Тигрица.

Говорил он тихо, без раздражения и Юля решила ему подыграть. Она распахнула глаза и увидела его измученное лицо. Между бровями залегла глубокая складка. Подбородок дрожал. Это был совсем другой Колин. Таким она его еще никогда не видела. Он тяжело вздохнул и провел пальцем по ее губам.

– Возможно, у нас не будет больше шанса поговорить. Так что слушай меня внимательно. Здесь моя сестра. Она следит за твоим состоянием, но она, так же как и ты – пленница. Так что когда оклемаешься, не бросайся на нее с кулаками. Хорошо? Моргни, если поняла.

Юля моргнула.

– Умница, – он снова ее поцеловал. Рука нежно погладила ее бедро. – Как бы я хотел, чтобы ты ответила на поцелуй. Но, видимо, этому никогда не бывать, – добавил он с горечью.

Он взял ее руку, положил себе на грудь и начал поглаживать.

– Тебе, наверное, уже сказали, что Дмитрий Юрьевич пообещал мне тебя? – Юля моргнула и Колин усмехнулся. – Грубо звучит, даже как-то по-варварски. Но ты действительно была частью сделки. Если не будет тебя, не будет и сделки. Без тебя холдинг – пустышка. Мой отец четко дал Дорофееву это понять.

Зазвонил телефон, Колин тут же ответил. Юля слышала бормотание мужского баритона. Мужчина говорил на английском языке. Он извинялся, что не может ничем помочь, что Колина объявили официально в розыск и вся его затея уже гроша ломанного не стоит. Колин попрощался и закрыл глаза. С минуту он боролся с накатившим приступом гнева, потом сделал глубокий вдох и снова заговорил:

– Моя сестра – гений. Ее IQ сто девяносто. Тяжело расти в тени гения, чтобы ты не сделал, все будет не так круто, как у нее. Это она разработала те препараты, которые «Astra Sciences» выпустила под своим брендом. Ее формулы были выкуплены подставной компанией, взамен на акции, которые и гроша ломанного не стоили. Компания продала формулы другой подставной компании и тут же закрылась. Через год родилась на свет «Astra Sciences» уже с законным контрактом, я проверял, комар нос не подточит. Конечно, это подкосило мою сестру. Вместо денег и признания в научном сообществе, дырка от бублика.

Тело Юли непроизвольно дернулось и Колин застыл.

– Препарат слабеет, а значит, у меня мало времени, Колин дотянулся до комода, вынул из верхнего ящика пистолет. Заметив ее напряженный взгляд, он заверил: – Ты не волнуйся, я ничего с тобой не сделаю. Это для самозащиты. Мало ли кто захочет нанести нам визит. Я намерен отбиваться, пока жив.

В коридоре послышался шум, кто-то стучал и звонил в апартаменты Колина. Он снял с предохранителя пистолет и прислушался. Через минуту дверь выбили, громкие выкрики, затем все стихло.

– Так вот, акции я выкупил для сестры. Не хочу видеть ее несчастной. Сейчас она владелица сорока процентов, а по уставу это дает ей право вести

внутренние расследования в компании. Так что она официально добьется причитающихся ей выплат.

Юля почувствовала тепло в ногах, она даже смогла пошевелить пальцами.

– Пора мне все тебе рассказать.

Колин положил пистолет ей на живот, и Юля не могла отвести от него глаз. Ее сковал страх.

– Мой отец познакомился с Дорофеевым шесть лет назад в гольф-клубе на Барбадосе. Это на нашей вилле у побережья будет жить Савва с семьей. Я любил этот дом. Из окна моей комнаты открывался прекрасный вид на бухту. Мне нравилось наблюдать за проплывающими рыбацкими суденышками, яхтами и кораблями. Я любил их рисовать. Я рисовал везде, как одержимый. Мне нравилось создавать свой собственный иллюзорный мир. Я сказал матери, что хочу уехать в Италию, изучать архитектуру и брать уроки живописи. Но отец сказал, что все мужчины из рода Кэмпбеллов зачисляли Гарвард и делали карьеру в банковской сфере, – Колин резко выдохнул. – Как-то раз Дорофеев перебрал коньяка и выложил отцу план развития своего холдинга. В разговоре он так увлекся, что поведал о своем тайном финансовом оружии – тебе. Отец попросил собрать меня информацию и когда я начал за тобой следить, понял, что влюбляюсь. Такое со мной было впервые. Да, у меня было много женщин, но это был просто секс, приятное времяпровождение, совместные отпуска. Скажу честно, то, что я почувствовал к тебе, меня испугало. Будто ты забрала у меня свободу. Чем больше я наблюдал за тобой, тем сильнее понимал, как ты одинока и несчастна. Кроме работы тебя ничего не волновало, ты, будто закрылась от всего мира.

Юля прокрутила его слова в голове и поняла, что слежку за ней начали еще до встречи с Джанлука. Шесть лет назад у нее были редкие свидания, которые обычно заканчивались ужином и проходами ее до служебной машины.

– Я любил в тебе все! – с жаром выпалил Колин. – Я изучил твою мимику, жесты и безошибочно мог определить, что тебе нравится, а от чего ты воротись нос. Мое самое лучшее времяпровождение – слушать твой голос. Я мог часами наблюдать за твоими переговорами с партнерами и совещаниями. Ты изучаешь и слушаешь внимательно, никогда не прерываешь собеседника, а потом, не

повышая тона, вдребезги разбиваешь каждый его аргумент. Видит бог, я получал от этого огромное удовольствие. Любимые блюда, фрукты, мороженное – я знал о тебе все. Люди тебя раздражают своей меркантильностью и мелочностью. Ты любишь во всем масштаб и грандиозность. Поэтому ты так боготворишь Дорофеева. Поэтому и я не шел ему наперекор. Но мне так этого хотелось... хотелось приблизиться к тебе и хотя бы тебя понюхать. Однажды я так и сделал. Я летел с тобой в самолете из Москвы в Цюрих, где ты открывала личный счет. Шел за тобой по трапу, сидел сзади тебя. Это единственное что я смог себе позволить, не нарушая инструкций отца.

Слушая Колина, Юля поймала себя на мысли, если бы свою осведомленность он применил до ее встречи с Джанлука, то непременно бы добился ее руки и сердца.

– Дорофеев предложил моему отцу партнерство, тот согласился. Но твоему боссу этого было мало. Он хотел скрепить партнерский союз семейными узами и предложил познакомить меня с тобой. Это был самый счастливый день в моей жизни. Я летал в облаках. Мысленно я уже вел тебя к алтарю и наслаждался нашей первой брачной ночью.

Колин закрыл глаза и расплылся в улыбке, Юля поняла, что он окунулся в свои фантазии. Затем он резко распахнул глаза и выдал:

– Но моя радость была недолгой. В тот момент, когда все детали были оговорены, я узнал, что ты влюбилась в испанского певца. Было такое ощущение, что я забрался на Эйфелеву башню, спрыгнул и вдребезги разбился. Вот так мне было больно! Конечно, я понимал, что о моих чувствах ты ничего не знала и тебя нельзя обвинять в измене, но ситуация от этого не менялась. Мне было больно!

Колин схватил Юлю за подбородок и сильно сжал. Если до этого момента она уже думала, что произошло какое-то страшное недоразумение, Колин ни в чем не виноват, он просто защищал свои и семейные интересы, то сейчас на нее смотрели глаза убийцы: холодные, расчетливые, проникающие в самые потаенные глубины ее души.

– Как ты посмела?!

Он наотмашь отвесил ей пощечину. Голова Юли дернулась, в горле запершило, она не могла откашляться и начала задыхаться. Лицо побагровело.

– Клариса! – закричал Колин.

Юля задергалась в конвульсиях. Губы посинели. В комнату заскочила сестра Колина и закричала:

– Что ты с ней сделал?

– Заткнись! Лучше помоги!

– Коля, дай мне вызвать «Скорую», ей нужно в больницу.

– Нет! Откачивай!

Когда Юля открыла глаза в следующий раз, Колин сидел на полу перед кроватью. В руке он все еще сжимал пистолет. Голова гудела как локомотив. Во рту пересохло. Виски сковало невыносимой болью. Руки и ноги непроизвольно подергивались. Юля застонала.

– Пить... – прошептала она и поморщилась от боли.

Колин отложил пистолет на комод, поднес к ее губам стакан воды и поддержал голову, пока она делала несколько жадных глотков.

– Прости, Тигрица, все вышло из-под контроля.

Юля нахмурилась и Колин пояснил.

– Полиция окружила дом. Прочесывают этаж за этажом.

– На что ты рассчитывал? – прошептала она и поднесла к горлу дрожащую руку. – Что я тебя люблю?

– Ты бы полюбила. Где-то в глубине души ты это знаешь. Я тебе нравлюсь. Мы две недели почти не расставались. Тебе было хорошо со мной, я видел это в твоих глазах.

– Колин...

– Я знаю, что я видел, и ты меня не переубедишь! – закричал Колин, но тут же остыл. Застонал и сел в прежнюю позу. – У меня почти получилось. Я вывел нанятую девицу из здания. Твой телох даже ухом не повел. Мы разыграли сценку ссоры, она выхватила у меня ключи, вскочила в тачку, я за ней, еле успел запрыгнуть, она дала по газам и мы уехали. Ожидалось, что твоя охрана двинется за нами, мне нужно было увезти их от дома, чтобы мой помощник смог перевезти тебя в аэропорт, но вышла осечка. Никто и с места не сдвинулся. Они просто

стояли и растеряно смотрели нам вслед. Мне пришлось возвращаться в квартиру сестры по пожарной лестнице.

Юля подумала, что глупее плана он не мог придумать. И он даже не догадывается, что на самом деле его выдало. Все ее знакомые знали, что у Юли боязнь вождения. Она с роду не сидела за рулем! Как об этом не узнал Колин? Просто фантастика!

– Только что звонила мать, сказала, что Дорофеев и отец нашли другой способ породниться. У Дорофеева есть племянник, а у меня двоюродная сестра. Как только все закончится, – Колин обвел рукой комнату, – они их познакомят. Так что мы в пролете. На нас ставку больше никто не делает. Мы за бортом! Ты вернешься к своему брату, а у меня есть два варианта: либо на кладбище, либо в тюрьму.

– И что ты выберешь?

– Могла бы и не спрашивать. Просто посмотри на меня, – Колин развел руки в сторону. – It's a one way ticket¹².

Послышался нетерпеливый дверной звонок. Потом настойчивый стук и окрик: «Полиция! Откройте!». Колин вскочил на ноги, схватил пистолет и прильнул к двери.

– Это правда?

– Что? – уставился он на Юлю.

– Что ты убил Ярика?

До этого вечера Юля никогда бы не поверила, что Колин на такое способен. Если бы ее спросили, то пальму первенства она бы смело отдала Власову. Он всегда был странным, а после просмотра его видео у Юли уже сомнений не было, у него руки по локоть в крови.

– Да, – резко выпалил Колин и Юля шумно вобрала воздух в легкие.

Как же ей больно было это слышать!

– Ты убил не только Ярика, но и мою дочь... – с глаз Юли потекли слезы. Она громко всхлипнула.

Колин сполз по стене на пол.

– Знаю, – еле слышно ответил он.

---

¹² It's a one way ticket (англ.) – Это билет в один конец.

– Как ты до такого дошел?

Юля уже не могла остановиться, ее сердце рвалось на части. События последнего дня заставили ее снова пережить ее потери: Ярик, а потом Лима. Она рыдала так громко, что ее плач был слышен тем, кто пытался выломать дверь. А потом рассказала о сне, который ей приснился накануне выкидыша, и в деталях поведала, как выглядела ее малышка.

Колин слушал ее молча, на шее вздулись вены. Лицо покраснело. А когда Юля замолчала, он подошел к кровати, наклонился и закричал ей в лицо:

– Это должен был быть мой ребенок! Мой! – он выглядел как безумец. – Лучше не поднимай эту тему! Иначе я тебе мозги вышибу! Ты мне всю душу отравила! Мразь! Потаскуха! Я ждал тебя, надеялся, а ты моталась то с одним, то с другим! Еще этот твой братец! Он-то тебе зачем?! Что в нем есть кроме внешности? Внутри он гниль! Ненавижу его! Одно утешает, надеюсь, он сейчас бьется в смертной агонии.

– Что ты сделал? Кого ты послал его убить?

– Все того же!

Юля вздохнула с облегчением, если он говорит о мулате, то он еще час назад был в этой квартире, а значит, Роша пока в безопасности!

Снова забарабанили в дверь. Басистый голос потребовал немедленно открыть.

– Коля! – послышался из коридора испуганный голос сестры.

– Залезь в ванную Клариса! Если они пустят газ, намочи полотенце и закрой лицо!

Юлю затрясло от страха, только газа им сейчас не хватало. Она уже могла пошевелить руками и ногами, но идти навряд ли сможет, тем более защищаться. Во всем теле чувствовалась слабость, теперь ее донимала суставная боль.

– Тебе страшно? – спросила она и Колин обдал ее изучающим взглядом.

– Да, я такой же как все, Тигрица, мне тоже бывает страшно.

Это были последние слова, что услышала от него Юля. Уже в следующий момент в окно влетел сначала один, а вслед и второй спецназовец. Они на лету отстегивали страховочные тросы. Колин успел среагировать, открыл дверь, выпрыгнул из комнаты и начал отстреливаться. Послышалась автоматная

очередь. Юля замерла от ужаса и молилась только об одном, хоть бы не попасть под перекрестный огонь.

Глава пятая «Эндшпиль»

«...Ты мое восхищение, моя надежда. Моя возлюбленная. Моя драгоценность. Моя иллюзия. Мое сновидение. Позади безрадостные дни и бессонные ночи. Теперь у меня есть снадобье, которое меня излечит от хандры. Достаточно одного твоего взгляда и я снова парю на крыльях любви. Ты говоришь: «Dolce mio», а меня уже уносит водоворот страсти. О, боже, как же манят меня твои медовые губы! Мне снятся твои изумрудные глаза. И глядя на снежную белизну твоих хрупких плеч, я схожу с ума».

Наши дни

Не успела Юля выйти из железнодорожного вагона, как на нее обрушился шквал разноголосых выкриков зазывал на всех известных языках. Кто-то приглашал посетить гроты Лунмэнь, а у кого-то были таблички в руках с названием самого известного буддийского монастыря. Юля чувствовала необычайное волнение. Лева неоднократно приглашал ее приехать в Шаолинь и обещал лично провести экскурсию, но для Юли очутиться в легендарном монастыре, пусть хотя бы в туристической его части, было равноценно тому, как попасть на другую планету.

Можно было сразу взять такси и поехать в монастырь, но она решила сначала забросить багаж в гостиницу, принять душ и только потом ехать на экзекуцию. Юля не сомневалась, Роман устроит ей трепку за истерию, которую она организовала вокруг его персоны.

– Ищи мужчину в гостиничной униформе с табличкой на русском языке с моей фамилией, – сказала она Алексею в надежде, что его исполинский рост даст ему преимущество над окружающей толпой.

– На десять часов. Двести метров, – тут же отозвался телохранитель и указал в сторону здания вокзала.

Все три предыдущих дня Юля думала только об одном: хоть бы Роман или Лева прочитали ее подробное письмо с инструкциями. Какое же она испытала сегодня облегчение, когда Лева откликнулся на ее письмо. Он ругал ее за то, что подняла половину Китая в поисках своего суженного. Заверил, что с ее соплежужем-нытиком ничего не случилось и для него слишком много чести принимать за последние два дня стольких гостей. Приезжали из Российского посольства, из полиции и даже из «Русского центра единоборств», что обосновался неподалеку от монастыря – Дорофеевы и Юля задействовали все связи. Теперь вопрос безопасности Романа был взят на особый контроль и к нему, как к важной персоне приставили отдельного монаха-телохранителя. Лева сетовал на то, что все это никак не помогает в духовном развитии и смирении друга.

Последние три дня Юля спала не больше двух-трех часов в сутки и уже теряла связь между забытьем и реальностью. Только после тотальной проверки всех активов и системы безопасности банка Дмитрий Юрьевич отпустил ее в недельный отпуск, но с двумя оговорками: Юля поедет в сопровождении трех телохранителей и будет каждый день выходить на связь. После жарких споров ей удалось сократить список сопровождающих лиц до одной фамилии, а ежедневную телефонную связь заменить докладами ее телохранителя об их передвижениях. Она все еще была в обиде на босса, и даже поимка нанятого Колином убийцы не растопила ее сердце. Дорофеев не уставал извиняться перед Юлей. По его словам он каждый раз приходил в ужас от того какой подверг ее опасности.

Когда Юля садилась в самолет, Рудик сообщил, что Колина перевели из тюремной больницы в СИЗО и, несмотря на беспрецедентное давление из американского посольства, оставили под стражей до суда и об этом уже трубят по всем центральным каналам.

Трехдневное расследование показало насколько глубоко Колин запустил свои щупальца в жизнь Юли. При обыске его апартаментов эксперты обнаружили обширную видеотеку записей с камер наблюдения офиса, ее квартиры и даже съемного особняка. Пока Юля не хотела осознавать этот факт. Подумай она об этом хоть минуту и ее захлестнула бы волна паники, горечи и стыда. Ведь непонятно кто эти записи уже смотрел, и будет смотреть в интересах следствия.

По сравнению с Москвой, где завывала метель, погода в Лояне стояла теплая, температура плюс десять градусов. Высоко в горах, куда уходила однополосная асфальтированная автомобильная дорога, нависал рыхлый туман. Юля прильнула к окну такси и сквозь дымку пыталась разглядеть ландшафт.

Когда такси припарковалось на стоянке у монастыря, Юля обратила внимание на скопление машин. Среди них были потрепанные жизнью туристические автобусы, дорогие иномарки и машины с правительственными номерами. Все стремились попасть в колыбель Кунг-фу.

Юля набрала смс Леве и вышла из такси. Оглядевшись по сторонам, она двинулась в сопровождении телохранителя к центральным воротам монастыря.

– Что дальше? – спросил Алексей. – Просто постучим?

– А дальше ждем, – Юля села на каменные ступени, уткнулась в телефон и начала проверять почту и поступившие на разные мессенжеры сообщения.

Через полчаса массивные деревянные двери, выкрашенные в темно-красный цвет, приоткрылись, на пороге показался Лева. На нем была красно-бурая манья¹³ и войлочные тапочки. Юля вскочила и бросилась к нему.

– Иша! Привет! Не злись на меня, – взмолилась она, виновато улыбаясь.

Всю дорогу Юля гадала, как отреагирует на нее Лева, не осталась ли у него обида, но опасения были напрасными. Увидев Юлю, Лева расплылся в улыбке и сгреб ее в объятия. Она впервые видела его в таком одеянии и рассматривала с живым интересом, даже пощупала хлопковую ткань тоги.

– Юльча, ты как всегда в своем репертуаре, – Лева кинул изучающий взгляд на Алексея. – Удивлен, что ты до сих пор не подняла на ноги ракетные войска!

– Тебе смешно, а я чуть инфаркт не получила от вашего молчания. Что только не передумала!

– Ты сумасшедшая! – Лева разомкнул объятия и, скорчив шутливую гримасу, потрепал ее по щеке. – Тебе придется немного подождать, пока привезут твоего нытика.

– Роша не в монастыре?

---

¹³ Манья (кит.) – Монашеская тога с широкими рукавами.

– Нет. У него сейчас процедуры в больнице.

– Он знает, что я приехала?

Лева покачал головой.

– Честно говоря, у него был нервный срыв. Из-за тех статей он буквально помешался. Отслеживал новые публикации с маниакальной страстью. Хотел уже нанимать детектива, чтобы следил за тобой.

– Что? – Юля отпрянула. – Он что, с ума сошел?

– Вы оба хороши, – буркнул Лева. – Пришлось забрать у него все средства связи. Я ему не сказал, что ты приезжаешь сегодня, он бы не спал всю ночь, а ему сейчас нужен полноценный сон. Но ситуацию с Власовым я ему описал предельно ясно. Кажется вместо того чтобы испугаться, он испытал облегчение.

Юля усмехнулась, понятное дело, Роман сложил дважды два и уяснил, что Колин никакой ей не любовник, а наоборот преследователь. И все его сцены ревности были беспочвенны. От этой мысли и пришло его облегчение. Юля тоже его испытала, может, Роша не будет на нее сильно злиться.

– Я сейчас не смогу тебе уделить время – тренировка. Но ты погуляй по окрестностям пару часов, – Лева показал, в какую сторону нужно идти и рассказал о ближайших достопримечательностях. – Юльча, привыкай сразу к другому течению времени. Это Восток. Здесь все делают без спешки. Если я говорю пару часов, то не нужно отсчитывать сто двадцать минут, а потом снова забрасывать меня сообщениями.

– Спасибо, что предупредил, именно так я бы и сделала, – Юля улыбнулась. – Иша, отдай ему телефон. Как приедет, пусть напишет мне смс.

– Ладно, – Лева почесал затылок, раздумывая высказывать ли свои опасения. – Юль, и еще... он сейчас слаб, так что... сбавь обороты.

Юля поняла, что Лева говорит о сексе, и покраснела. Кивнула и побежала вниз по лестнице. Изложив ситуацию Алексею, она потянула его к «Лесу пагод» – мемориальному кладбищу, где захоронены настоятели монастыря и самые почетные монахи.

Лева не обманул, ожидание затянулось. Время здесь действительно ощущалось совершенно по-другому. Как только они с Алексеем пошли по тропинке, их взору открылась живописная картина: разноцветные облака, густые кипарисовые и сосновые леса и причудливых форм горы. Окружающая красота завораживала. Юля и сама не заметила, как смахнула с себя столичную суету и бешеный ритм жизни.

Роман приехал из больницы, когда Юля уже углубилась в горы. Видимо Лева внял ее просьбе и вернул ему все гаджеты, к обеду на ее мобильный телефон пришло сообщение.

«С ума сойти! У меня сейчас сердце взорвется! Ты здесь?!».

Она тут же ответила:

«Гуляю в горах ☺».

«Одна?!!!!!».

«Нет, с телохранителем».

«Шутишь или так и есть?».

«Я с Алексеем».

«Хорошо. Подходи к воротам минут через сорок. Успеешь?».

«Буду бежать!».

Юля так и сделала. Она бежала, да так быстро, что от беспорядочного дыхания у нее пылали легкие. Пока бежала, вспоминала, как они с Романом в подростковом возрасте мечтали попасть в Альма-матер кунг-фу – Шаолинь. Выдвигали разные версии того как бы они тренировались и с какими бы проблемами столкнулись.

– Мое кунг-фу лучше, чем твое! – победоносно кричала Юля и нападала на Романа. Тот отбивал удар в полсилы, чтобы не причинить девушке боль и улыбался.

Роман дразнил ее тем, что она вечно бы опаздывала на тренировки и в итоге после нескольких предупреждений была бы с позором выгнана. А после ее отъезда в монастыре ввели бы новый запрет: не носить с собой зеркал и не смотреть в свое отражение. Юля же предрекала, что он уснет и захрапит во время утренней медитации, так как любил поспать по утрам и ничего не смыслил в том,

как нужно погрузиться в себя. На что он отмахивался и говорил, что монахи гудят свои молитвы, и никто не услышит его храпа.

Добежав до площади перед входом в монастырь, Юля огляделась по сторонам, но Романа нигде не было. От такого резкого рывка у Алексея тоже сбилось дыхание. Он согнулся пополам и пытался отдышаться.

– Не знал, что вы умеете так быстро бегать, Юлия Викторовна, – подметил он между свистящими вдохами.

Снова из ворот вышел Лева и снова без Романа.

– Где он? – сгорая от нетерпения, Юля подошла к первой ступени.

– Беседует с наставником, – Лева спустился по лестнице. – Ему же не положено отлучаться из монастыря. Через пару дней врачи дадут заключение, и решиться вопрос с тренировками. Я хочу, чтобы они начались как можно быстрее, но твой приезд может на неделю выбить его из колеи.

Юля виновато закусила губу. Об этом она как-то не подумала. Ее приезд точно взволнует Романа.

– Это тот наставник, что будет его тренировать?

– Нет. Тот мастер, о котором я говорил, живет в горах. Сюда он приходит по праздникам. Я поговорю с ним, как только Ромыч будет готов. Но пока... – Лева скривился, – все выглядит так будто это больше нужно мне, а не ему. Если бы Ромыч хотя бы духом настроился, то было бы проще. А он как рохля: стонет и постоянно твердит, какую сделал ошибку.

– Постараюсь его настроить, – пообещала Юля.

– Не знаю, будет ли у нас время поговорить, думаю, что нет. Он сейчас вцепиться в тебя и не отпустит, пока ты не взвоешь, что опаздываешь на поезд.

Юля усмехнулась и подумала:

«Неплохая перспектива».

– Но пока он тебя не экспроприировал, хочу сказать тебе «спасибо».

– За что? – удивилась Юля, поглядывая на ворота.

– За то, что сказала мне тогда «нет». Если бы ты этого не сделала, то все ради чего я жил, рухнуло. Я сделал бы нас несчастными, и мне стыдно было бы в этом признаться. Так что я перед тобой в долгу. Хочу, чтобы ты знала, именно из-за тебя я все это затеял, – Лева показал на монастырь. – Ты мне самый близкий

человек после родителей и мое отношение к тебе не изменилось. Я хочу, чтобы ты была счастлива и все сделаю для этого... – он обхватил ладонями ее лицо и повернул к себе. – Юльча, ты меня слышишь?

Она кивнула и в недоумении уставилась на друга.

– Я поставлю его на ноги, ради тебя.

Лева любил ее своей странной платонической любовью. Юля всегда чувствовала его преданность и готовность прийти на помощь в любой момент.

– Спасибо, Лева. Ты – настоящий друг.

Ворота распахнулись, Лева сразу побежал на помощь. В проеме она увидела, как двое монахов вели кого-то под руки, а третий катил инвалидное кресло. Когда вся процессия вышла на свет, Юля поняла, что этот кто-то и был Роман. Увидев возлюбленного, она закрыла рот рукой и чуть не заплакала. Он был совершенно лысым! На нем была серо-голубая монашеская одежда. Роман выглядел измученным и исхудалым. Лицо покрывал густой румянец и Юля никак не могла понять, то ли он взволнован ее приездом, то ли у него повысилось давление, а может и то и другое.

– Миа! – крикнул Роман, пожирая ее взглядом.

Юля еле сдержалась, чтобы не бросится к нему.

– Роша, – отозвалась она и начала нервно переминаться с ноги на ногу.

Его пронесли по лестнице вниз и помогли усесться в кресло. Роман действительно выглядел очень ослабленным, и Юля задумалась над тем, что могло так повлиять на его состояние. Жестом он дал понять, что при монахах целовать его не нужно, и Юля пошла рядом, пока он катил к ближайшей скамье. Алексей намеренно отстал и осматривал территорию. К нему подошел Лева, и они о чем-то с интересом заговорили. По доносившимся до нее случайным фразам, Юля поняла, что они нашли общих знакомых.

Как только монахи скрылись за воротами, Юля села на скамью, а Роман подкатил к ней вплотную и сжал ее ноги своими ногами. Юля подметила, что, несмотря на общую слабость в ногах силы ощутимо прибавилось. Роман притянул ее к себе, и они поцеловались.

– Господи, – прошептал он, отрываясь от ее губ, – я чуть не умер, когда мне сказали, что ты здесь.

Между ними завязался оживленный разговор. Роман настойчиво требовал объяснений, и Юля как можно подробнее рассказала о произошедших событиях после его отъезда.

– Хоть бы Дорофеевы нашли Власова.

– Найдут. Они уже отслеживают движение его счета.

– Если мне уже ничего не угрожает, зачем ты приехала?

– Роша! Ты не рад меня видеть?

– Не говори глупости, – отмахнулся он. – Просто удивлен, что тебя отпустили с работы, да еще и в разгар следственных мероприятий.

– Об аресте киллера информация подтвердилась, когда я уже летела в самолете, а до этого момента я была уверена, что тебе грозит опасность.

Когда в голове Романа сложилась общая картина, он тяжело вздохнул и выдал:

– Какой же я дурак и эгоист. Думал только о себе. Нужно было остаться, пока не решился бы вопрос с Власовым.

– Все могло затянуться, – напомнила ему Юля. – Откуда мы знали, что у него был сообщник и что он был пешкой в чужой игре.

– Я места себе не находил!

Юля рассказала о родителях и том, что купила им на днях новых дом. В ответ Роман расплылся в улыбке.

– Я мог и сам, но хотел, чтобы это сделала ты.

– Мать еще три недели будет в Германии, потом Рудик перевезет ее в Швейцарию. А мне по возвращению придется присматривать за младшими.

– Отец сам за ними присмотрит.

Юля погладила его по голове и с сожалением произнесла:

– Твои волосы... они забрали мои облака...

– Ничего, вырастут твои облака, – Роман снова притянул ее к себе. – Для буддистов волосы – энергетические проводники. Сбрить их это символ отречения от всего мирского, – он щелкнул ее по носу. – В волосах, что я сбрил, был самый сильный сгусток негативной энергии: твой день рождения, кома, ссора с тобой в клинике, алкоголь, попытки самоубийства. Все это мне хотелось оставить позади и никогда к этому не возвращаться.

Мимо скамейки прошли группы туристов из разных стран. Со всех сторон влюбленных окружали щелчки фотоаппаратов и восторженные отклики. Юля даже умудрилась вычленив из всеобщего гомона испанскую речь. Роман же никого вокруг не замечал и смотрел только на предмет своих страданий и любви.

– Роша, рассказывай... как ты здесь?

– Как-как! Хреново! Монастырь не предназначен для инвалидов. Здесь везде перепады уровня земли и пола, порожки, лестницы, выступы. Это перед тобой меня вынесли как императора. А там, – Роман махнул в сторону ворот, – мне приходилось все делать самому. Слезаясь перед ступенями, складываешь кресло, грузишь на спину, а потом ползешь.

– Какой ужас! – воскликнула Юля.

– Наставник говорит, что это даже хорошо, мол, я возненавижу свою инвалидность, а то типа я ее лелею. Бред какой-то!

Юля не стала комментировать слова наставника. Ей казалось, что мудрое зерно в них все же есть.

– Все делается по гонгу. Спрашиваю: «Почему нельзя сделать что-то раньше на пять минут?». Они отвечают: «Дисциплина!». Подъем в четыре утра. Сразу после этого молитва и медитация. Я так и не разобрался когда происходит смена действия. Завтрак: гречневый суп, каша из травы, тофу и грибов. Я ничего не говорю, питание идеально сбалансировано. Дает силу и не оставляет тяжести. Миа, но ты же меня знаешь, я – мясоед! А тут мяса нет априори! Я не наедаюсь. Не знаю, как на счет ходить, но вот левитировать я тут точно научусь! Мне постоянно кажется, что меня ветер уносит. Буквально!

– Это из-за гор и от переизбытка кислорода. У меня сейчас тоже голова немного кружится.

Юля лукавила, она знала, почему у нее кружится голова. Рядом с ней ее Небо! Ее любовь! На душе была такая легкость, что Юля готова была прямо здесь закружиться. Но Роман был настроен на разговор, а Юля не хотела сбивать его с мысли.

– Постоянно получаю от наставника по рукам, – продолжил он жаловаться.
– То чашку не так держу, то руки не так для молитвы сложу. До тренировок, по понятным причинам, меня не допускают, сначала хотят убедиться, что они мне не

навредят, а для этого заставили пройти обследование в местной клинике. Она недалеко от монастыря. Как понимаешь, это не из дешевых услуг. Везде своя мафия, но я не жалуясь. У врачей здесь совершенно другой подход к лечению человеческого тела. Полдня провожу в клинике, полдня и ночь в монастыре. Привыкаю к трудовой повинности. Мою и нарезаю овощи на кухне. Подметаю территорию. Нельзя, конечно, сравнивать русского городского жителя-инвалида и выносливых китайских пареньков из деревень. Они как заведенные машины, что ни делают, ни хрена не устают. Даже после многочасовой тренировки выходят бодрые и улыбаются. Жесть!

Юля погладила его по напряженным плечам и прильнула губами к виску, он все еще пылал от жара.

– Когда я только приехал, со мной долго говорил наставник и один из вопросов, которые он мне задал, был: «Что получается у тебя лучше всего?». Я завис. А Лева, сволочь, глядя на меня, покатывался со смеху. Что лучше всего у меня получается? Миа! Вот ты меня полжизни знаешь! Что?

Юля, как и Лева, прыснула от смеха, но когда волна задиристости прошла, задумалась. В чем силен Роша? А что лучше всего получается у нее? Руководить? Добывать деньги? Да, ее бы точно пустили с сумой по миру-свету добывать деньги на святое дело. Но вот Роша...

– Ты силен в наставничестве! – нашлась Юля.

– Что? Юлька! В каком еще наставничестве? – оторопел Роман.

– Я серьезно. Ты очень коммуникабельный. Можешь поддержать человека в трудную минуту, дать ему совет. Одним своим присутствием ты можешь успокоить и дать надежду на будущее.

Видя его пессимизм, Юля начала приводить примеры из их молодости, а закончила тем, что напомнила про маленьких подопечных из хосписов.

– Никогда не думал о себе в таком ключе, – Роман выглядел озадаченным.

После паузы он продолжил свой рассказ:

– Как ты всегда мне говорила, медитация – главная проблема. Я не могу остановить мысли. Не знаю, как другие новички, может, прикидываются, но у меня ничего не получается! Как только все начинают медитировать я, будто по команде начинаю чесаться. Все тело стонет от неудобной позы и как бы я ни сел,

мне все равно будет неудобно. Мне говорят: «Не думай! Останови мысли!», а в меня будто нарочно врывается поток всяких раздражителей и сомнений. Что я тут делаю? Я что псих? Приехал черте куда и занимаюсь черте чем!

Юля заразительно хохотнула и Роман впервые с момента ее приезда улыбнулся. Поощряя ее игривое настроение, он развил тему своего навязчивого мышления.

– Наставник мне говорит: «Представь огонек свечи и концентрируйся на этом образе». Ага! Как же! Сама знаешь, какие мысли меня будут обуревать, если я подумаю о свечах. Конечно о сексе! Наша спальня. Ты обнаженная. У меня сразу встал. Прямо там, на утренней медитации, когда все молитвы монахов обращены к богу! Моя молитва не отличалась ни скромностью, ни смирением.

Юлю накрыл приступ смеха. Представив описанную им реакцию, она повалилась на скамью и начала хохотать так звонко, что Лева и Алексей прервали свою беседу и долго наблюдали за ее странным поведением. Да, смех был немного нервным. Это был смех-освободитель. Разрядка после долгого напряжения. Юля чувствовала себя так, будто еще немного и она выплеснет из себя все накопленные страхи за их будущее, а в душе воцарится покой и уверенность в том, что никто и никогда больше не отнимет ее счастья.

Когда приступ смеха прошел, она снова села и вытерла платком потекшую тушь.

– Ох! Давно я так не смеялась. Не переживай, Роша. Зато ты первым сдашь экзамен в горах и высушишь мокрую тряпку, – парировала Юля. Роман нахмурился и она пояснила: – Я слышала, что в самый сильный холод монахов оставляют в горах. На них нет одежды, только пропитанная водой тряпка. За ночь монах должен высушить ее теплом своего тела. А ты настолько горячий, что тебе хватит и получаса.

– Миа... – зашептал он, – мне сказали, что я могу уйти с тобой... но только до утра.

– И ты молчал?! Так чего мы тут сидим? – вскочила Юля.

– Я хотел, чтобы ты посмотрела как тут красиво.

– Ты издеваешься? Я посмотрю на эту красоту, когда ты вернешься в монастырь!

– Еще я хотел... убедиться что ты... – Роман замялся и отвел взгляд.

– Все еще с тобой? – догадалась Юля.

– Но ты так улыбалась на тех фотографиях... с Колином. Будто счастлива... без меня!

– Почему я не могу улыбаться? Почему я не могу радоваться жизни? Теперь у меня есть ты! И для того чтобы чувствовать тебя, мне не нужно быть рядом. Ты в моем сердце! – Юля встала на скамью и закричала: – Я счастлива!

– Мы уже поняли! – отозвался Лева с улыбкой.

Юля показала пальцем на Леву и посмотрела на возлюбленного.

– Все уже поняли, кроме тебя. Я люблю тебя, Роша! Ты вернулся ко мне, а все остальное не важно, – она жестом показала в сторону стоянки перед монастырем. – Поехали!

После непродолжительных споров Юля и Роман решили, что сначала заедут в гостиницу, а потом где-нибудь пообедают. Лева уговорил Алексея поехать с ним в «Русский центр», где сейчас тренировались его друзья из разных уголков России. Он звал и Юлю, но та закатила глаза, как бы говоря: «О чем ты толкуешь? Не видишь что ли что у меня на уме?». На что друг только посмеялся и похлопал ее по плечу.

– Убери руки от моей невесты, – пробурчал Роман и зыркнул на Леву испепеляющим взглядом.

– Началось! – отозвался Лева, шутливо прорычал и подмигнул Юле. – Интересно, чтобы он сказал, если бы увидел, как я тебя обнимаю?

– Иша, – с укором произнесла Юля, но в глазах уже плясали игривые искорки.

Пока Юля катила инвалидное кресло к такси, Роман рассказывал ей о местной кухне, перечислял блюда, которые его особо впечатлили. Мысленно он уже предвкушал предстоящее пиршество, а его желудок громко поддакивал, что выбранное направление абсолютно верно.

Как только Алексей закрыл багажник такси, куда еле-еле уместилось инвалидное кресло, а сам Роман разместился на заднем сиденье, Юля прильнула к возлюбленному и взглянула на него затуманенным от желания взглядом. Роман

запылал всем телом. Чем быстрее за спиной растворялось в тумане очертание монастыря, тем смелее становились его ласки.

– Моя Миа! – шептал он ей, покрывая поцелуями лицо и шею возлюбленной. – Я все еще не могу поверить, что ты приехала. Мне кажется это сон, сейчас проснусь, а тебя нет, а я лежу на той жутко неудобной кровати в монастыре.

– Dolce mio, – прошептала Юля и с опаской покосилась на водителя, который то и дело бросал на них удивленные взгляды и что-то бурчал себе под нос.

– Ты мое восхищение, моя надежда. Моя возлюбленная. Моя драгоценность. Мое сновидение, – он прижал Юлю еще крепче, погрузил пальцы в волосы цвета ржавчины и зашептал ей в губы: – Позади безрадостные дни и бессонные ночи. Теперь у меня есть снадобье, которое меня исцелит от хандры. Достаточно одного твоего взгляда и я снова парю на крыльях любви. Ты говоришь: «Dolce mio», а меня уже уносит водоворот страсти. О, боже, как же манят меня твои медовые губы! Мне снятся твои изумрудные глаза. И глядя сейчас на снежную белизну твоих хрупких плеч, я схожу с ума.

С каждым его словом по телу Юли разливалось тепло, а сердечко так трепыхалось, что казалось еще чуть-чуть и оно выпрыгнет из груди. Такой восторг она испытывала всего несколько раз в жизни. И каждый раз с ней рядом был Роша. Ее Небо!

– Никто и ничто нас больше не разлучит! – отозвалась Юля и погладила его впалые скулы. – Сегодня уйдут все страхи, тревоги и сомнения. Сегодня мы по-настоящему будем вместе! Ты и я!

Позже, когда они разгоряченные после соития лежали в гостиничном номере, Юля заглянула в глаза любимому и сказала:

– Пообещай мне, что когда я приеду к тебе в следующий раз, то буду гордиться тобой. Ты больше не будешь жаловаться, что принял неудачное решение. Хочу, чтобы ты удивил всех этих монахов и сделал то, что от тебя никто не ждет.

Роман ничего не ответил, только тяжело вздохнул и с силой сжал челюсть. Торопить его с ответом она не стала, и так было понятно, что он обдумывает ее слова.

– Обещаю, но только с одним условием... – сказал он после затянувшейся паузы и шумно сглотнул.

Юля вопросительно вздернула брови.

– Миа – ты моя опора, моя правая рука. В трудную минуту я всегда могу на тебя положиться. Но мне нужна и левая рука – наши дети.

Юля отпрянула, чтобы лучше видеть его лицо.

– Подари мне наше первое облачко, Миа, – Роман погладил ее по животу.

– А ты не хочешь пожить хотя бы годик без детей?

– Нет. Здесь я много думал, анализировал нашу жизнь и пришел к выводу, что ты была права, если бы мы сразу решились на первенца, не побоялись денежных проблем и отсутствия своего жилья, ничего бы не случилось. Ребенок бы усмирил даже Аллу, и не было бы этой раскромсавшей наши души в клочья разлуки. У тебя потрясающая интуиция. Как же ты меня уговаривала, а я олух испугался и постоянно находил причины для отказа.

Роман уткнулся ей в шею и обнял за плечи. Ее руки обвили его спину и в такт словам нежно поглаживали.

– Как же хорошо, что я уехал! Вырвался из городской трясины и суеты. Здесь мне многое открылось по-новому. Все мои слабости и недостатки в этом месте кажутся смешными, нелепыми. Я ведь знаю, что для счастья мне нужна в первую очередь ты, а уж потом ноги. Останься со мной, прошу тебя, Миа. С тобой у меня все получится, я даже в этом не сомневаюсь. Но без тебя все безнадежно затянется. Одиночество съест меня изнутри. Я не готов тебя отпустить, не готов к новой разлуке. Миа, пожалуйста, останься.

– Но ты говорил, что как раз мое присутствие тебе будет мешать, – напомнила ему с обидой Юля. – Что при мне ты не сможешь перенести все тяготы тренировок.

– О! Как же я переоценил свои силы, – с горечью признался он и вцепился в нее мертвой хваткой. – Именно ты мне даешь заряд бодрости. Посмотри на

меня. Вот так я ослаб вдали от тебя. А что будет потом? Нет, Миа, без тебя мне не справиться!

В памяти всплыли слова, которые она сказала матери: «Я – его стержень!». Сжав Романа в объятиях, Юля думала о том, что ее ждет в Москве. Дорофеевы справятся и без нее. Тем более что американский офис прислал нового эксперта и пошел на все уступки по контракту. Весь финансовый холдинг вскоре будет продан, а руководящий состав обновлен.

Рудик? У Рудика скоро будет своя семья. Он получил от Юли квартиру, она уже оформила дарственную. Перед отъездом она открыла ему доступ к одному из своих счетов, так что пока не найдет работу ему будет на что безбедно жить. Самира еще не примирилась с его прошлым, но уже отвечает на звонки. Юля общалась с ней перед вылетом и та заверила, что у них с Рудиком все наладится, просто ей нужно время. По просьбе Юли в дело вмешалась Альбина, и теперь сомневаться не приходилось, психолог добьется примирения влюбленных.

Мать? Но Юля так и не нашла с ней общий язык. Как и говорила Алла, уйдут годы, пока их отношения наладятся. Рудик клятвенно заверял Юлю, что займется лечением Аллы сам и будет с ней во время всех болезненных процедур. Похоже, что такое положение дел Аллу полностью устраивало, тем более что Юля взяла на себя полное обеспечение всего семейства.

Как она сейчас уедет? Будет заниматься карьерой в тот момент, когда Роман страдает здесь от одиночества и ревностных мыслей? Нет. Ее место здесь, рядом с ним, куда бы их ни забросила судьба.

– Хорошо, Роша. Я останусь. Снимем квартиру здесь в Лояне или в Дэнфэне. Возьмем машину в аренду. Буду сама тебя возить в больницу. А потом начнем тренировки. Я тоже буду с тобой тренироваться.

– Правда? – Роман расплылся в улыбке и потянул любимую к себе. На глаза навернулись слезы. – Ты не шутишь? Ты реально останешься? Миа!

– Да, только никаких больше слез! Договорились? Я не хочу, чтобы наш ребенок называл тебя плаксой.

Роман закивал, но от переизбытка чувств никак не мог взять себя в руки.

– Миа! Любимая! – продолжал он причитать и целовать ее лицо. – Господи! Как же мне тебя не хватало! Невозможно описать словами, что я чувствую.

– Так что насчет слез? – Юля не дала ему перевести тему разговора.

– Думаю, что к рождению ребенка мы этот вопрос решим, а пока я еще немного поплачу, – усмехнулся он, вытирая заостренные скулы.

Его желудок громко возвестил о том, что не намерен больше терпеть воздержания. Роман хлопнул ее по попе и воскликнул:

– Если мы обо всем договорились, поднимайся, Миа! Не то я от голода точно сейчас начну левитировать!

г.Москва

Ноябрь 2016г.